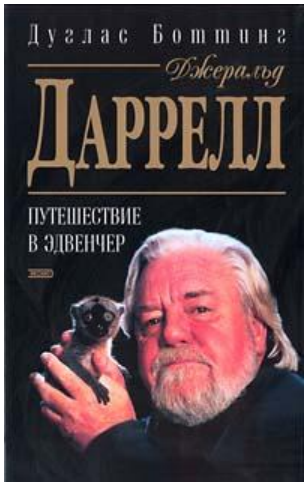

Далеко-далеко, — в самом сердце африканских джунглей жил маленький белый человек. Самым удивительным в нем было то, что он дружил со всеми зверями в округе.

«Друг зверей», книга, написанная Джеральдом Дарреллом в возрасте 10 лет.

Тот, кто спасает жизнь, спасает мир.

Талмуд

Когда вы подойдете к райским вратам, святой Петр спросит у вас: «Что же вы совершили за свою жизнь?» И если вы ответите: «Я спас один вид животных от исчезновения», — уверен, он вас впустит.

Джон Клиз

Содержание

Предисловие
Пролог

Часть первая. «ПАРЕНЬ СУМАСШЕДШИЙ... ТАСКАЕТ В КАРМАНАХ УЛИТОК!»

ГЛАВА ПЕРВАЯ.
Детство в Джамшедпуре: Индия 1925—1928
ГЛАВА ВТОРАЯ.
«Самый невежественный ребенок во всей школе»:
Англия 1928—1935
ГЛАВА ТРЕТЬЯ.
Райские врата: Корфу 1935—1936
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.
Сад богов: Корфу 1937—1939
ГЛАВА ПЯТАЯ.
Джеральд в годы войны: Англия 1939—1945
ГЛАВА ШЕСТАЯ.
Мальчик на позверюшках: Уипснейд 1945—1946
ГЛАВА СЕДЬМАЯ.
Планы приключений: 1946—1947

Часть вторая. ИСПОЛНЕНИЕ ОБЕЩАНИЙ

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.
На краю света: первая экспедиция в Камерун 1947—1948
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.
В стране Фона: Вторая экспедиция в Камерун 1948—1949
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.
Завоевание нового мира: любовь и брак 1949—1951
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.
Писатель: 1951—1953
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.
О зверях и книгах: 1953—1955
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.
Идиллия: 1955
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.
Человек и природа: 1955—1956

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.
«Отличное место для зоопарка»: 1957—1959

Часть третья. ЦЕНА СТАРАНИЙ

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.
Зоопарк родился: 1959—1960
ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.
«Нас всех сожрут»: тревоги и экскурсии 1960—1962 ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.
Ковчег Даррелла: 1962—1965
ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.
Вулканические кролики и король Корфу: 1965—1968 ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.
Срыв: 1968—1970
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.
Преодоление: 1970—1971
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.
Дворцовый переворот: 1971—1973
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.
Джеральд в Америке: 1973—1974
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.
«Два очень одиноких человека»: 1975—1976
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.
История любви: прелюдия 1977—1978
Любовная история: финал 1978—1979

Часть четвертая. СНОВА В ПУТИ

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.
Развитие зоопарка: 1979—1980
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.
Ковчег в пути. С острова Додо на землю лемуров: 1980—1982 .
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.
Натуралист-любитель: 1982—1984
ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ.
В Россию с Ли: 1984—1985
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ.
Великий старик: 1985—1991

Часть пятая. ДОЛГОЕ ПРОЩАНИЕ

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ.
«Проявления моей ипохондрии»: 1992—1994
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.
«Новое приключение»: 1994—1995

Послесловие

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я лишь однажды встречался с Джеральдом Даррелом. Это произошло вначале лето 1989 года в лондонском Доме бабочек, что расположен в Сионском парке. Джеральд вместе со своей женой Ли проводили мероприятие в рамках «Программы для Белиза», направленной на спасение тропических лесов, расположенных на северо-западе этой страны. Чета Даррелов должна была выпустить в Дом бабочек несколько бабочек из Белиза. Даррелл прошел к входу через толпу восторженных поклонников. Он был очень сдержан, вежлив и сосредоточен. В тот момент ни он, ни я не могли представить, что мне придется писать о нем книгу. Знай мы об этом, нам было бы о чем поговорить. А если бы нам повезло, то мы могли бы общаться и по сей день.

Я почти забыл об этой встрече. Но вот в сентябре 1994 года мы с моей старшей дочерью Кейт сидели на террасе белоснежно-белого дома в Катами, на северо-западе Корфу, где перед войной жил Лоуренс Даррелл. Перед нами по пляжу бродили чайки, выпрашивая лакомство у туристов. Над водой разносились оживленные голоса греческих экскурсоводов. «Сейчас мы с вами приближаемся к прекрасному пляжу Калами, — выкрикивали они. — Слева вы видите знаменитый белоснежно-белый дом, где жил Джеральд Даррелл и где он написал свою замечательную книгу «Моя семья и Другие звери»...»

Джеральд Даррелл, конечно, ничего подобного не делал. Я повернулся к Кейт. «Они ошибаются, — сказал я. — Кто-то должен их поправить. Похоже, настало время написать подлинную биографию Джеральда Даррелла».

Кейт, которая всегда очень любила Даррелла, заметила: «А почему бы тебе самому не сделать этого?»

Эта идея не показалась мне безумной. Я уже написал две книги о натуралистах-путешественниках. Недавно опубликованная биография Гэвина Максвелла имела такой успех, что я стал подумывать о том, чтобы написать нечто в этом роде. Я читал почти все книги Джеральда Даррелла, даже писал рецензии на две из них. Мне казалось, я понимаю внутренний мир этого человека. Черт побери, да я ведь даже встречался с ним в Доме бабочек! Вернувшись в Англию, я позвонил помощнику Джеральда Даррелла по Джерсийскому зоопарку. По его совету я обратился к литературному агенту Даррелла, приложив к письму экземпляры моих книг, и предложил свои услуги в качестве биографа его клиента.

Через несколько часов мои книги попали в руки самому Джеральду Дарреллу, который лежал в лондонской клинике после тяжелой операции. Разумеется, он знал Гэвина Максвелла и даже писал статью о его книге «Круг чистой воды» для «Нью-Йорк таймс». Джеральд открыл книгу и прочел первые строчки предисловия: «Сегодня вечером море в маленьком заливе очень спокойно, полная луна проложила прямую дорожку, уходящую от берега в бесконечность. На пляже потрескивает небольшой костерок. Через открытое окно я слышу все звуки и вижу все призраки этой ночи — вот цапля схватила рыбешку у самого берега, вот тюлень заводит свою заунывную песню в заливе и его почти детский голосок взмывает и опадает в: ночи, как колыбельная...» И вот среди больничной суеты, в мире шприцов, катетеров, капельниц и каталок, в мире боли, страданий и отчаяния, этот седовласый человек снова заглянул в свою жизнь и свои мечты. Он перевернул страницу. «Настоящий гуру для целого поколения. Гэвин Максвелл, подобно Джону Верроузу, В. Г. Хадсону и Джеральду Дарреллу, является одним из лучших писателей, писавших о живой природе в последние сто лет...»

Даррелл сел в постели. Порой он сам собирал воедино отдельные фрагменты своей биографии. Но в бесконечной череде лихорадок и кризисов, рецидивов и ремиссий он не находил в себе сил взяться за перо. Время от времени он получал предложения написать его биографию. К нему обращались и известные, и еще только начинающие писатели. Многие из них не заслуживали внимания, но один-два были вполне достойными кандидатами. Но пока Джеральд был полон сил и энергии, история его жизни принадлежала только ему, ему одному. Сейчас же ситуация изменилась. Он попросил свою жену Ли прочесть ему мою книгу вслух. И пока она читала, Джеральд Даррелл понял, что нашел своего биографа. Его биография была описана реалистично, в ней просматривалась цель, к которой стоило стремиться. В том тяжком положении, в котором он сейчас оказался, создание биографии могло стать последним делом его жизни.

Джеральд захотел встретиться со мной, чтобы поговорить о нашем проекте лично и принять окончательное решение. Но каждый раз, когда Ли звонила мне и назначала время, когда я мог бы прийти в больницу, она была вынуждена перезванивать и отменять встречу, потому что Джеральд оказывался в интенсивной терапии. Нашей встрече не суждено было состояться. Вскоре после его смерти в январе 1995 года Ли позволила мне самому написать полную и честную историю жизни и работы этого выдающегося человека.

В течение последующих двух лет я узнал о Джеральде Даррелле больше, чем знаю о себе самом. Как мне кажется, я постиг этого человека. Однажды мне попали в руки его совершенно удивительные любовные письма. Это был человек, который знал страсть, радость, страх, любовь возвышенную и земную, который с благодарностью и любовью относился к самой жизни и к миру. Читая эти письма, я пел, и смеялся, и декламировал вместе с ним. А потом я дошел до письма, написанного 31 июля 1978 года, и погрузился в молчание.

«Я видел тысячи закатов: осенние, похожие на золотые монеты, зимние — белоснежные, как ледяные иголки... Я видел молодые луны, напоминавшие перья птенцов лебедя... Я чувствовал

теплые и нежные, как дыхание возлюбленной, дуновения ветра. Этот ветер прилета прямо с Южного полюса. Он стонал и жаловался, как потерявшийся ребенок... Я знал тишину: непередаваемую, каменную тишину глубокой пещеры, тишину, которая наступает после звучания великой музыки... Я слышал пение лягушек, такое же стройное и сложное, как звучание баховского органа. Я видел лес, освещенный миллионами изумрудных светлячков. Я слышал, как летучие мыши рвут паутину, как волки воют на зимнюю луну... Я видел, как мерцающие, подобно опалам, колибри окружают ярко-красные цветы. Я видел китов, черных, как деготь, резвящихся среди васильково-синего моря. Я лежал в воде, теплой, как молоко, нежной, как шелк, и вокруг меня резвились стаи дельфинов... И все это я сделал без тебя. Вот единственное, о чем я сожалею...»

Читая это письмо, я начал понимать, сначала не веря себе, а потом, испытывая некоторое стеснение, что голос, звучащий в моем мозгу, принадлежит не мне. Я так часто слушал изысканную, спокойную английскую речь Джеральда Даррелла на кассетах, по радио и телевидению, что мог с уверенностью сказать — я слышал именно его. Сомнений не оставалось. Голос, читавший это страстное любовное послание, принадлежал самому Дарреллу. Не только я постиг Джеральда Даррелла. Джеральд Даррелл постиг меня. Я вспомнил слова сэра Дэвида Эттенборо, которые он произнес на погребальной службе: «Джеральд Даррелл был волшебником».

И теперь вы держите в руках биографию Джеральда Даррелла — натуралиста, путешественника, рассказчика, юмориста, провидца, журналиста, прекрасного писателя, одного из лучших писателей XX века, пишущих о природе, замечательного собеседника, лидера современного мира, чемпиона животного царства, основателя и почетного директора Джерсийского зоопарка и Фонда охраны дикой природы, спасителя исчезающих видов, защитника скромных, беззащитных и обреченных на смерть.

Не думаю, что будет преувеличением сказать, что Джеральд Даррелл был святым человеком — хотя и не лишенным определенных недостатков Он вел святую жизнь, исполняя священную миссию — он спасал исчезающие виды животных, гибнущие по вине человека. Он был современным святым Франциском, но ему приходилось бороться со злом, которое святому Франциску не могло привидеться в самом страшном сне. И эта борьба убивала его. Мы можем сказать, что Джеральд Даррелл отдал свою жизнь ради спасения животного мира и мира живой природы, который он так страстно любил.

С самого начала моей работы мне оказывала поддержку и помощь в создании полного и неприкрашенного портрета этого замечательного человека, в честном рассказе о его жизни и о его работе Ли Даррелл, жена Джеральда. Я получил полную свободу действий. Портрет Джеральда Даррелла и рассказ о его жизни принадлежит мне, и только мне, — хотя создать его без помощи многих и многих людей я бы никогда не смог.

Мне было позволено ознакомиться с личным и профессиональным архивами Джеральда Даррелла, с документами организованного им Фонда охраны дикой природы, который теперь носит его имя. Я встречался со многими людьми, о которых Джеральд Даррелл писал в своих книгах.

Я хочу особенно поблагодарить доктора Ли Даррелл (почетного директора Фонда охраны дикой природы имени Даррелла), Джекки Даррелл, Маргарет Дункан (урожденную Даррелл), Джереми Маллинсона (директора Фонда охраны дикой природы имени Даррелла), Джона Хартли (директора Фонда охраны дикой природы имени Даррелла по международным связям), Саймона Хикса (директора Фонда охраны дикой природы имени Даррелла по развитию) и Тони Олчерча (главного администратора Джерсийского зоопарка). Я также признателен Питеру Харрисону, который в перерывах между чтением лекций в Польше, России и в странах Персидского залива неустанно рассказывал мне о молодых годах Джеральда Даррелла, о Корфу и о людях, его населявших. Питер Харрисон оказал мне неоценимую помощь в работе над первым, черновым вариантом этой книги. Я благодарен также Джону и Вивьен Бартон за ценные замечания и советы, Энтони Смит за замечания относительно зоологии, сэру Дэвиду Эттенборо за полезную критику. Я бесконечно благодарен моему издателю Ричарду Джонсону и редактору Роберту Лэйси из издательства «Харпер Коллинз» за заботу и поддержку моего проекта. Спасибо моему агенту, Эндрю Хьюсону из агентства «Джон Джонсон», и агенту Джеральда Даррелла, Антее Мортон-Санер, из агентства «Кертис Браун».

Я благодарен агентству «Кертис Браун», представляющему интересы миссис Ли Даррелл, за разрешение привести в своей книге фрагменты из опубликованных и неопубликованных работ Джеральда Даррелла.

Выдержки из книги Джекки Даррелл «Звери в моей постели» приводятся с любезного разрешения автора. Цитаты из книги Джона Хьюза «Он и другие звери: Портрет Джеральда

Даррелла» приводятся с разрешения автора и издателей.

Дуглас Боттинг 14 декабря 1998 года

ПРОЛОГ

Голубое королевство моря — это настоящая сокровищница, полная странных существ, которых так интересно собирать и за которыми так занимательно наблюдать маленькому мальчику. Сначала это занятие кажется мальчику не слишком увлекательным, потому что он может всего лишь бродить вдоль берега, как раненая морская птица, вынужденная удовольствоваться прибрежными мальками, а иной раз чем-то более аппетитными таинственным, что выбросило море. Но как только у мальчика появилась лодка, он открыл для себя новый мир, в котором возвышаются золотисто-красные каменные замки, где существуют глубокие бассейны и подводные пещеры, где, подобно сугробам, поднимаются дюны из белоснежного песка.

Отправляясь в длительные путешествия на своей лодке, мальчик всегда берет с собой пищу и воду, на случай кораблекрушения. Если он берет ее с собой всю команду, которая состоит из трех собак, совы и голубя, и до отказа нагружает лодку двумя дюжинами контейнеров с морской водой для собранных образцов, грести становится нелегко.

Однажды мальчик решил навестить небольшой заливчик, где обитали очень занятные создания. Как-то давно он поймал там морского конька, странную рыбу, напоминающую угря с выпуклыми глазами и толстыми губами, почти как у гиппопотама. Мальчику хотелось поймать еще несколько таких замечательных рыбок. Наступал период размножения, и он надеялся поселить их в своем аквариуме, чтобы наблюдать за захватывающим процессом ухаживания и спаривания.

После получаса ходьбы он подошел к заливу, окруженному серебристыми оливковыми деревьями и ракитовыми кустами. Над спокойной водой разносился тяжелый мускусный аромат. Мальчик бросил якорь возле рифа, вооружился сачком и банкой с широким горлом и вошел в прозрачную воду, теплую, как в ванне.

Повсюду кипела жизнь — улитки, морские уточки, морские ежи крабы буквально кишели в воде. Мальчику нужно было сосредоточиться и не отвлекаться от своей задачи. Сначала он поймал замечательного самца, невероятно яркого, почти сверкающего в брачном наряде. К обеду мальчик уже добыл две зеленых морских звезды, каких он раньше никогда не видел.

Солнце пригревало все сильнее, жизнь обитателей моря замерла. Все попрятались под скалами, чтобы укрыться от полдневного жара. Мальчик выбрался из воды, уселся под оливами и с аппетитом принялся за бутерброды. Воздух был наполнен ароматом ракитника. Повсюду раздавалось пение цикад. Покончив с бутербродами, мальчик загрузил лодку, свистнул собаке и принялся грести по направлению к дому, чтобы поскорее выпустить свою добычу в аквариум.

На следующее утро он обнаружил, что рыбки совершили свой брачный обряд на рассвете. На дне в специально положенном туда обломке глиняного горшка виднелись отложенные яйца. Какая из самок отложила яйца, мальчик не знал, но из самца вышел очень заботливый и отважный отец. Он яростно набрасывался на палец мальчика, когда тот пытался вытащить черепок, чтобы рассмотреть яйца получше.

Мальчику очень хотелось вывести маленьких морских коньков, но, по-видимому, аэрация воды в аквариуме оказалась недостаточной, и вывелось только два крохотных конька. Одного, к ужасу мальчика, тут же сожрала бесчувственная мамаша. Не желая быть свидетелем второго детоубийства, мальчик отсадил второго конька в банку и выпустил в заливчик, где были пойманы его родители. Мальчик надеялся, что маленький конек даст жизнь еще не одному десятку таких же очаровательных, ярких созданий.

Разведение морских коньков в неволе не увенчалось безусловным успехом. Но это был лишь первый шаг. В конце концов, ведь морским конькам не угрожает исчезновение. Море вокруг Корфу кишит ими. А у мальчика впереди еще много времени. Джеральду всего двенадцать лет. Перед ним еще вся жизнь, в которой будет много животных. Перед ним вечность.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«ПАРЕНЬ СУМАСШЕДШИЙ... ТАСКАЕТ В КАРМАНАХ УЛИТОК!»

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ДЕТСТВО В ДЖАМШЕДПУРЕ: ИНДИЯ 1925-1928

Джеральд Малкольм Даррелл родился в Джамшедпуре, в индийской провинции Бихар, 7 января 1925 года. Он был четвертым ребенком в семье Луизы Флоренс Даррелл (урожденной Дикси), тридцати восьми лет, и гражданского инженера Лоуренса Сэмюэля Даррелла, сорока лет.

Когда Джеральд стал старше, мать рассказала ему об обстоятельствах его появления на свет. На последних месяцах беременности Луиза Даррелл так увеличилась в размерах, что стыдилась выйти из дома. Если учесть ее крохотный рост, то новые объемы были просто чудовищными. Поведение жены встревожило мужа. Лоуренс Даррелл сказал однажды, что жена должна пересилить себя и пойти с ним в клуб, где собирались все представители местного английского общества. «Я не могу показаться в клубе в таком виде, — в отчаянии возражала Луиза. — Я похожа на слона!» Тогда муж предложил ей соорудить паланкин, в котором она могла добраться до клуба незамеченной. Это так обидело Луизу, что она два дня не разговаривала с мужем.

«Других женщин во время беременности тянуло на кокосы или другие необычные продукты, — писал Джеральд в своих неопубликованных мемуарах о детстве, проведенном в Индии. — Мою же мать страстно тянуло к шампанскому, которое она употребляла в огромных количествах вплоть до самого моего рождения. Именно этому факту я обязан тем, что могу выпить сколько угодно. А уж о шампанском и говорить не приходится».

Джеральд был самым крупным из детей. Вот почему его мать так «разрослась» во время беременности. Когда он вырос, то оказался выше не только матери, но и обоих своих братьев и сестры. Но роды прошли на удивление легко. «Я выскочил из нее, как выдра ныряет в воду», — писал Джеральд, вспоминая то, что рассказывала ему мать. Вся прислуга, а также те, кто работал с Лоуренсом, пришли поздравить сахиба и мэм-сахиб с прибавлением семейства. «Все индусы признавали, что я — необыкновенный ребенок. Я родился с серебряной ложкой во рту, и все в моей жизни должно было идти по моему желанию. Оглядываясь назад, я должен признать, что они были абсолютно правы».

Родители Джеральда, а также его дед с материнской стороны были англо-индийцами в старинном смысле этого слова (не евроазиатами, а британцами, родившимися в Индии). Они родились и выросли в этой стране. Отец Джеральда родился в Бенгалии 23 сентября 1884 года, а его мать — в Рурки 16 января 1886 года. Ее отец тоже родился в Рурки. Ему было шесть лет, когда в 1857 году разгорелся индийский мятеж.

Семья Джеральда мало знала о Британии, далекой, но священной родине. Глубина их связи с Индией, которую они всегда считали своим настоящим домом и родной землей, была настолько сильна, что когда, много лет спустя, мать Джеральда обратилась за получением британского паспорта, она заявила: «Я гражданка Индии». Хотя Джеральд прожил в Индии недолго, влияние этой страны на его личность оказалось весьма ощутимым. Он никогда не считал себя англичанином в отношении национальности, культуры и поведения. У его старших братьев и сестры это ощущение было еще более сильным. Лоуренсу Джорджу Даррелу в момент рождения Джеральда было тринадцать лет. Он учился в Англии. Лесли Стюарту было семь лет, и он тоже оказался в Англии. И только пятилетняя Маргарет Изабель Мабель присутствовала при рождении своего младшего братишки.

Мать Джеральда происходила из ирландской протестантской семьи. Семейство Дикси вышло из города Корк, теперь расположенного в Ирландии. Наверное, именно благодаря ирландской крови два сына Луизы, Джеральд и Лоуренс, обладали хорошо подвешенным языком. Отец Луизы, Джордж Дикси, который умер еще до ее свадьбы, работал клерком и бухгалтером на строительстве канала в Рурки. Именно там Луиза Дикси познакомилась с Лоуренсом Сэмюэлем Даррелом. Даррелу было двадцать пять. Он был студентом. В ноябре 1910 года Луиза и Лоуренс поженились. Старший брат Джеральда, Лоуренс, так описывает индийские корни своей семьи: «Богобоязненное, бодрое, набожное наследие Мятежа... Моя бабушка сидела на веранде дома, держа на коленях заряженное ружье, в ожидании мятежников. Но стоило им завидеть ее, как они сворачивали в сторону. Таков об-

лик моей семьи... Я — один из людей, лишенных родины».

Луиза Даррелл была очаровательной женщиной, застенчивой, скромной, обладающей замечательным чувством юмора. Она полностью посвятила себя детям. Луиза была так поглощена своими детьми, что всегда стремилась пораньше уйти с любых вечеринок и приемов, чтобы убедиться, что они в безопасности и здоровы. Ее тревоги были небезосновательны. Вторая ее дочь Марджери Рут умерла от дифтерии в раннем детстве, а Лоуренс и Лесли постоянно чем-то болели. Муж обожал ее, но запрещал жене заниматься домашними делами, обычными для жены и матери. Она не должна была заниматься домом и семьей, для этого были индийские слуги. Луиза должна была вести себя так, как пристало мэм-сахиб.

Но, несмотря на то, что Луиза полностью подчинялась своему энергичному, патриархальному и соблюдающему все условности мужу и стремилась исполнить все его желания, она оставалась уникальной женщиной, независимой и сильной. Она во всем стремилась идти своим путем и отвергала многие ограничения, налагаемые на нее ее полом, что было естественно для того времени. Она выросла в Индии, поэтому обращала меньше внимания на свое положение, чем обычная мэм-сахиб, считающая время, проведенное в Индии, настоящей ссылкой. Будучи молодой женщиной, она пренебрегала условностями и была настоящей няней для своих детей и даже мыла полы в своем доме, что для белой женщины в Индии было просто неслыханно! Если ее муж по служебным делам отправлялся в поездку по стране, его молодая жена вместе со всеми детьми сопровождала его без малейшего слова жалобы. Когда же они возвращались в город или размещались на новой стройплощадке, она проводила долгие часы в жару и чаду кухни, постигая секреты приготовления карри. Из нее вышла отличная кулинарка. Любила она приложиться к бутылочке джина, хотя Лоуренс Сэмюэль строго следил, чтобы она не увлекалась. Именно от матери унаследовал Джеральд (и оба его брата) свой юмор и пристрастие к алкоголю. Отец же наградил сыновей яркими голубыми глазами и светлыми волосами, прямыми и спадающими на глаза. От него же Джеральд унаследовал и тучность, удивительную в довольно мелком семействе.

Миниатюрная, непрактичная, любопытная и порой странная Луиза выглядела настоящей жительницей Востока. Она и мыслила так же. Ее старший сын, Лоуренс, описывал мать как прирожденную буддистку. «Моя мать была невротичкой, — однажды заметил он. — Именно ей мы обязаны своей ирландской истеричностью и чувствительностью, с ней связанной. Ей нужно было бы упрекать себя за нас — я считаю, что ей следовало убежать от нас давным-давно». У Луизы был удивительный интерес ко всему сверхъестественному. Возможно, сказывались ее ирландские корни, возможно, это было влияние Индии, но она постоянно думала о привидениях и совершенно их не боялась. Однажды их дом располагался так, что буквально упирался в девственный лес. Индийская прислуга тряслась от страха. Индусы жаловались Луизе, что по ночам они слышат стоны и причитания одинокого духа. Тогда Луиза взяла фонарь и отправилась в лес ночью, совершенно одна. Слуги пытались ее остановить, но она была непреклонна. «Приди ко мне, приди ко мне», — взывала она в глубине индийских джунглей, желая встретиться с одиноким, отчаявшимся духом.

Мать всегда оказывала сильнейшее влияние на жизнь своих детей. «Я был счастливой поганкой, которой досталось все ее внимание, — вспоминал впоследствии Джеральд. — Она абсолютно отказалась от себя, полностью отдав свою жизнь детям». Но хотя Джеральд и был к матери ближе всех, ее любимчиком всегда оставался Лесли, возможно, потому, что он сильнее всех нуждался в ней. Луизу любили все — все, кроме ее старшего сына, Лоуренса. Лоуренс так и не простил матери того, что его отправили в Англию заканчивать образование, бросили его среди «дикарей».

Отец Джеральда, Лоуренс Сэмюэль Даррелл, строго говоря, Дарреллом и не был. Его происхождение тонет в глубинах викторианской эпохи. Первый муж бабушки Лоуренса Сэмюэля Махалы Тай, Вильям Даррелл, покончил жизнь самоубийством. Махала родила незаконного ребенка, чьим биологическим отцом был суффолкский фермер, Сэмюэль Стирн. Вскоре после рождения ребенка Махала вышла замуж за рабочего Генри Пейджа, который стал мальчику отчимом. От Пейджа Махала родила еще пятерых детей. Позже жизнь забросила незаконного ребенка — будущего деда Джеральда Даррелла — в Индию. В 1883 году он женился во второй раз, теперь на Доре Джонсон, дочери сержанта-майора бригады королевской кавалерии. Невесте был двадцать один год. В семье Дарреллов родилось восемь детей. Дед Даррелл служил в Китае во время подавления боксерского восстания, дослужился до чина майора и умер в Портсмуте в 1914 году. Однако он еще успел побывать добровольцем на Первой мировой войне. Ему было шестьдесят три года. Первым его ребенком от второй жены стал отец Джеральда Даррелла, Лоуренс Сэмюэль. С самого рождения ему приходилось преодолевать наследие незаконного происхождения своего отца, карабкавшегося по

социальной лестнице от деревенщины в класс офицеров.

Лоуренс Сэмюэль Даррелл, по воспоминаниям, был порядочным, но довольно отстраненным человеком. По роду своей работы он не мог принимать активного участия в воспитании детей. Ему приходилось колесить по всей британской Индии от Пенджаба и Гималаев до Бенгалии и джунглей Бирмы. Старший сын Лоуренса Сэмюэля вспоминает, что отец был серьезным, искренним человеком, абсолютно убежденным в том, что наука способна разрешить любые проблемы. Он не обладал богатым воображением, не имел хорошего образования. Он служил империи, но все же не мог полностью соблюдать все условности общества — он жил не как англичанин, а как англо-индиец. Лоуренс Сэмюэль вышел из своего клуба, когда члены клуба забаллотировали рекомендованного им доктора-индийца, закончившего Оксфорд. Этот врач спас жизнь его старшему сыну. Луиза полностью разделяла взгляды своего мужа на расовые проблемы.

Отец Джеральда отличался замечательными способностями. Он четко сознавал свои цели и очень скоро стал прекрасным инженером, строителем железных дорог, гражданским инженером из тех, кого воспевал Редьярд Киплинг. Это был строитель империи в лучшем смысле этого слова. Он посвятил себя созданию инфраструктуры современной, индустриальной Индии. Он строил шоссе, железные дороги, каналы и мосты, больницы, фабрики и школы. Лоуренс Сэмюэль колесил по пустыням, джунглям и горам, а семья следовала за ним, как цыганский табор. Инженер Даррелл всегда получал самые лучшие рекомендации от своего руководства. «Великолепный специалист, — гласил один из отзывов. — Очень энергичный и внимательный к мельчайшим деталям человек. Мистер Даррелл прекрасно руководит своими подчиненными, поскольку обладает тактом и даром убеждения».

К 1918 году Лоуренс Сэмюэль Даррелл уже был главным инженером строительства железной дороги от Дарджилинга к Гималаям, проходившей вдоль границы Индии и Тибета. Через два года он основал собственную компанию в молодом индустриальном городе Джамшедпуре. Этот город должен был стать городом-садом, но в те дни это был всего лишь пыльный, мелкий городишко. За четыре года, предшествующие рождению Джеральда, Лоуренс Сэмюэль сумел стать настоящим «жирным котом» Британской Индии. Он добился успеха и богатства, но работал он очень много.
Большинство построек, осуществленных компанией Лоуренса Сэмюэля Даррелла в Джамшедпуре, стоят и по сей день. Это заводы и больницы, школы и фабрики. До сих пор стоит и Бельди, усадьба, где Джеральд Даррелл появился на свет и провел первые годы своей жизни. Бельди — это типичная усадьба, соответствовавшая статусу главного инженера Лоуренса Даррелла. По своему положению он считался ниже офицеров и выше торговцев. Дом не слишком большой, но комфортабельный. В больших комнатах довольно прохладно, бамбуковые занавесы защищают широкую веранду от палящих лучей солнца. Перед домом раскинулся большой сад с прекрасным газоном, по которому маленький Джерри сделал свои первые шаги.

Джеральд мало общался со своими братьями и сестрой в Индии. Его старший брат Лоуренс уже был отправлен в Англию, а Лесли, который вернулся в Индию, и Маргарет не особенно стремились играть с младенцем и развлекать его. Еще реже Джеральд общался с другими представителями семейства Даррелов — с многочисленными тетушками и с громоздкой бабушкой Дорой, получившей прозвище Большой Бабушки за свои огромные размеры и решительный характер, способный подавить кого угодно. Большую часть времени Джеральд проводил в обществе своей индийской няни, айи. «В те дни дети видели своих родителей только тогда, когда те приходили на традиционный пятичасовой чай, — вспоминает Маргарет. — Наша жизнь определялась индийскими айями и католическими гувернантками. Джерри был ближе к своей няне, чем мы, старшие дети. Поэтому в нем сильнее чувствуется влияние Индии, чем Европы».

Впоследствии Джеральд утверждал, что помнит многое из происходившего в Джамшедпуре. Самым ярким воспоминанием стал для него первый поход в зоопарк. Впечатления ребенка были настолько сильны, что можно сказать, это событие и заложило основу страсти Джеральда Даррелла к животным и зоопаркам. Однако в детстве Даррелла в Джамшедпуре не было зоопарка. Он открылся только в наши дни. Но даже если бы там и был зоопарк, вряд ли Джеральд мог запомнить это — ведь ему было всего четырнадцать месяцев, когда вся семья, включая мать, отца, бабушку Дору и сестру Маргарет, покинула Джамшедпур и никогда больше туда не возвращалась. 11 марта 1926 года семейство Даррелов отплыло из Бомбея в Англию. В апреле семья обосновалась в Лондоне.

В те времена было нормальным, что британцы, находящиеся на службе у раджи, каждые два года отправлялись в отпуск в Англию, но Даррелы ехали на Альбион с определенной целью. Лоуренс Сэмюэль собирался купить в Лондоне дом либо с целью вложения денег, либо в качестве резиденции. Удачливый инженер, он сумел сколотить небольшое состояние. Лоуренс вложил часть

средств во фруктовое хозяйство в Тасмании, которое приобрел заочно. Ему было сорок два года, но его работа стала настоящим проклятием. Много лет спустя его будущая невестка Нэнси, жена его старшего сына Лоуренса, вспоминала: «Отец решил закончить работу, переехать в Англию и вести совсем иной образ жизни. Теперь он мечтал выйти на сцену и аккомпанировать Эвелин Лэй». Было ли это правдой (что кажется совершенно невероятным) или это было одной из шуток Лоуренса (что кажется вполне возможным), тем не менее отец решил на время бросить якорь и покинуть Индию, где усиливались тенденции к самоопределению, грозившие перерасти в настоящую войну. Так или иначе, Лоуренс Сэмюэль Даррелл приобрел большой дом по Аллейн Парк в Далвиче, неподалеку от школы, где учились Лоуренс и Лесли.

12 ноября 1926 года Большая Бабушка Дора отправилась в Бомбей на корабле «Равалпинди» после шести месяцев, проведенных в Англии. Спустя какое-то время за ней последовали Луиза, Лесли, Маргарет и Джеральд. На этот раз они поселились не в Джамшедпуре, а в Лахоре, где Лоуренс Сэмюэль заключил новый контракт на работу. Семья поселилась в новом доме на Дэвис-стрит. Именно с Лахором связаны все воспоминания Джеральда об индийском детстве. Однако воспоминания эти фрагментарны и обрывочны. Несомненно, они сформировались под влиянием рассказов матери и братьев.

С самого раннего детства Джеральд, как и его брат Лоуренс, обладал уникальной, почти фотографической памятью. В своих неопубликованных мемуарах он писал:
«Мои воспоминания того периода напоминают изящные виньетки, яркие, цветные картинки, наполненные звуками, вкусом и ароматами. Я помню ослепительные закаты, пронзительные крики павлинов, аромат кориандра и бананов, вкус риса различных сортов. Особенно запомнился мне вкус моего любимого завтрака, когда рис варили в буйволином молоке с сахаром. Я помню, что носил очаровательные костюмчики из туссора. Помню его восхитительный цвет — бледно-бледно-коричневый. Помню приятное ощущение шелковистости и шуршащий звук, который раздавался, когда моя индийская айя одевала меня по утрам. Помню, что айя отказывалась будить меня иначе, чем под звуки песен Гарри Лаудера с граммофонной пластинки. Если я не слышал этой музыки, то весь день был мрачным и недовольным, как бы няня меня ни развлекала. Граммофон был старым. Он хрипел так, словно в нем поселилась целая мышиная семья. Но тем не менее он был для меня настоящим чудом. Заслышав звуки музыки, я просыпался с улыбкой на лице, а моя айя вздыхала с облегчением».

Именно в Индии проявилось удивительное ощущение цвета, присущее Джеральду. Именно здесь мальчик столкнулся с иными формами жизни, которые оказали на него глубочайшее влияние. Это столкновение было мгновенным и случайным, но Джеральд запомнил его на всю жизнь. Он шел со своей айей по краю дорога, вдоль которого тянулась неглубокая канава.

«В канаве я увидел двух огромных улиток. Я был ребенком, поэтому они показались мне огромными, хотя, скорее всего, они были не больше трех-четырех дюймов. Улитки были бледно-кофейного цвета с темными шоколадными полосками. Они медленно наползали друг на друга, словно в загадочном танце. Слизь, оставляемая ими, блестела, словно они только что выползли из воды. Улитки были прекрасны. Я подумал, что никогда в жизни не видел столь замечательных созданий. Заметив, что я поглощен улитками, айя потащила меня вперед и сказала, что я не должен трогать этих чудовищ, что они грязные и ужасные. Даже в таком нежном возрасте я не мог понять, как она может считать этих прекрасных созданий грязными. В своей жизни мне не раз доводилось общаться с людьми, которые считали животных грязными, отвратительными или опасными, хотя на самом деле это были совершенно замечательные создания природы».

Вскоре маленький Джеральд впервые посетил зоопарк, и жизнь его изменилась навсегда. Зоопарк располагался в Лахоре, а не в Джамшедпуре, как утверждал Даррелл в своих воспоминаниях. Впечатления от этого посещения у мальчика были громадными. Вот что вспоминает Джеральд о первом зоопарке в своей жизни:

«От клеток с тиграми и леопардами исходил густой аммиачный запах, со стороны обезьянника раздавались громкие крики и визг, мелкие птички мелодично щебетали повсюду. Все это покорило меня с первой же минуты. Помню очаровательные черные пятнышки на шкуре леопарда. Помню роскошного тигра, который напомнил мне волнующееся золотое море. Зоопарк был очень маленьким, количество клеток с животными сведено к минимуму. Похоже, их никогда не чистили. Если бы я увидел такой зоопарк сегодня, то немедленно потребовал бы его закрытия. Но для ребенка он стал магическим местом. Стоило мне побывать там всего один раз, как меня уже невозможно было оттуда утащить».

Мама вспоминает, что одним из первых слов, произнесенных маленьким Джеральдом, было

слово «зоопарк». Когда его спрашивали, куда он хочет пойти, он тут же отвечал: «В зоопарк!» Ответ ребенка был четким и недвусмысленным. Если же в зоопарк его не вели, мальчик начинал вопить так, что «его было слышно от вершины Эвереста до Бенгальского залива». Однажды Джеральд заболел и не мог отправиться в зоопарк. Тогда он решил устроить какое-то подобие заветного места дома. Вместе с камердинером Джоменом он смастерил из красной глины фигурки различных зверей — носорогов, львов, тигров и антилоп — и расставил их в своей комнате. Возможно, именно эта коллекция глиняных фигурок подтолкнула Джеральда к идее когда-нибудь устроить собственный настоящий зоопарк. Эта мысль не покидала его с того момента, как ему исполнилось шесть лет.

Любовь Джеральда к животным не ограничивалась только посещениями зоопарка.

«Как-то раз дядя Джон, любимый мамин брат, великий *шикар* (охотник), живший в Ранчи и зарабатывавший на жизнь охотой на тигров-людоедов и бешеных слонов, в приступе помрачения рассудка прислал нам двух упитанных медвежат гималайского медведя. Их только что отняли от матери, но никто не пытался их приручить. У медвежат были длинные острые когти и очень острые белые зубы. Они постоянно ворчали от голода и раздражения. На время медвежат поселили в большой корзине на заднем дворе нашего дома. Одному из слуг поручили присматривать за животными. Разумеется, мне ужасно нравилось иметь собственных медведей, хотя пахли они весьма специфически. К сожалению, в тот момент Маргарет достигла возраста, в котором дети горазды на разные шалости. Когда медвежий смотритель отлучился от клетки, отправившись за едой, она опрокинула корзину и бросилась в дом, крича: «Медведи убежали! Медведи убежали!» После двух дней пребывания медвежат в нашем доме нервы у мамы были на пределе. Она постоянно боялась, что медведи вырвутся из клетки и сожрут меня, когда я буду безмятежно играть на газоне. Поэтому медвежат загнали в клетку и отправили в местный зоопарк».

Золотые деньки детства Джеральда, проведенные в окружении многочисленных слуг, закончились трагедией, которая оказала влияние на жизнь всей семьи Даррелов.

В начале 1928 года отец Джеральда серьезно заболел. Хотя точный диагноз так и не был поставлен, симптомы указывали на наличие опухоли мозга. Маргарет вспоминала, что отца постоянно мучили жестокие головные боли, он говорил с трудом, а его поведение пугало детей. Однажды она увидела, как отец пьет чернила из настольной чернильницы, словно это виски или чай. Друзья и родственники подумали, что больному пойдет на пользу прохлада холмистой местности. Семья покинула жаркий и пыльный Лахор и отправилась в Дэлхауси. Это местечко располагалось на высоте восьми тысяч футов на границе снежного покрова Гималаев. В Дэлхауси разместился небольшой английский госпиталь. Воздух Гималаев был свежим, порой даже морозным.

Лоуренса Сэмюэля разместили с максимальным комфортом, но его состояние продолжало ухудшаться. Луиза подолгу оставалась рядом с ним, а младшие дети находились под присмотром гувернантки-ирландки. Порой вся семья отправлялась на прогулку по ближним холмам, покрытым сосновыми лесами. Под ногами шуршала рыжая хвоя, повсюду кричали птицы, слышалось журчание лесных ручейков. Джеральд получил новые впечатления от мира живой природы. Ему даже позволили покататься на отцовском гнедом жеребце. Конечно, мальчика окружала целая толпа слуг на случай, если он упадет. И даже смерть жеребца (он упал в пропасть) не остудила страсти Джеральда к животным.

16 апреля 1928 года, когда Джеральду было три года и три месяца, его отец скончался от кровоизлияния в мозг. Он был похоронен на английском кладбище в Дэлхауси. Ни Джеральд, ни Маргарет на похоронах не присутствовали. Луиза была полностью разбита.

Семья ощущала, что преждевременная смерть Лоуренса Сэмюэля в возрасте сорока трех лет принесет всем массу проблем и тревог. Лоуренс добился успеха, строя железные дороги, но порой он решался на весьма рискованные предприятия. Однажды он подрядился строить дорогу за фиксированную сумму, а прибыв на место, обнаружил, что почва, по которой предстояло проложить дорогу, представляет собой сплошной камень. Элси, сестра Лоуренса, считала, что он сам довел себя до смерти своей работой. Она рассказывала, что Лоуренс заболел от того, что «провел целый день на палящем солнце, наблюдая за ответственным моментом в строительстве моста». Нэнси Даррелл, жена старшего сына Даррелов, Лоуренса, говорила, что муж рассказывал ей о том, как ссорился его отец с индийскими партнерами по бизнесу. «Это были очень неприятные моменты, связанные с юридическими тонкостями. Отец все делал сам, у него не было адвокатов. Но это его очень тревожило. Не знаю, что точно там произошло, но отец буквально вышел из себя, с ним случился припадок. Очень скоро он умер».

В июле 1928 года было оглашено завещание Лоуренса Сэмюеля. Луиза, его жена, получила 246 217 рупий, что равнозначно 18 500 фунтам стерлингов по обменному курсу того времени. Если

перевести эти деньги по современному курсу, то состояние Луизы оценивалось бы в полмиллиона фунтов. В финансовом плане ей было не о чем беспокоиться, но она очень страдала из-за утраты любимого мужа и опоры семьи. Луиза чувствовала себя одинокой и беспомощной. Ее отчаяние было так велико, что она даже подумывала о самоубийстве, в чем призналась детям много лет спустя. И только мысль о маленьком Джерри, который целиком и полностью зависел от ее любви и заботы, остановила ее. Между матерью и сыном возникла удивительная близость, основанная на долге и любви. Это был настоящий подарок жизни.

«Когда умер мой отец, — вспоминал Джеральд, — мама была так же подготовлена к реальной жизни, как только что вылупившийся птенец. Папа был настоящим эдвардианским мужем и отцом. Он решал все деловые вопросы и полностью контролировал финансовую сторону нашей жизни. Моей матери не приходилось беспокоиться, где взять деньги. Она привыкла относиться к ним так, словно они растут на деревьях».

Самого Джеральда семейная трагедия почти не затронула.

«Я должен сознаться, что смерть отца почти не оказала воздействия на меня, так как он всегда был очень далек и отстранен. Я видел его пару раз в день не больше чем на полчаса. Он рассказывал мне сказку про трех медведей. Я знал, что он мой папочка, но мама и айя были мне гораздо ближе. Когда он умер, моя айя забрала меня с собой к своим друзьям. Маме предстояло начать новую жизнь. Сначала она хотела остаться в Индии, но затем прислушалась к советам членов английской колонии. У нее на руках осталось четверо несовершеннолетних детей, которым нужно было дать хорошее образование. Сделать это в Индии было невозможно. За образованием английские дети ехали «домой», в Англию. Мама продала дом вместе со всей обстановкой, мы сели на корабль и отправились «домой».

Мама с Маргарет и Джеральдом на поезде проехали пол-Индии и остановились у родственников в Бомбее, ожидая пассажирского лайнера, который должен был доставить их в Лондон. Джеральд покинул страну своего детства. Вернуться сюда ему удалось лишь спустя полвека седовласым и седобородым джентльменом. Как и большинство детей на пароходе, он отлично переносил качку, чего нельзя было сказать о взрослых. «Через два дня пути, — писал он в своих неопубликованных мемуарах, — разразился ужасный шторм. Огромные серо-зеленые волны обрушивались на корабль, все вокруг скрипело и дрожало. У женщин немедленно случился приступ морской болезни, причем поразила она и белых женщин, и индийских нянь. Очаровательные индуски из смуглых красавиц превратились в зеленых страдалиц. Судя по доносившимся отовсюду звукам, на корабле поселилось целое стадо лягушек, которые непрерывно квакали. В воздухе сильно пахло рвотой».

Экипажу пришлось взять на себя присмотр за дюжиной или более того детей, находившихся в том же возрасте, что и Джеральд. Дважды в день детей связывали длинной веревкой в цепочку, чтобы никто из них не упал за борт, и выводили на палубу подышать свежим воздухом, а потом снова отправляли вниз, играть в жмурки и салочки в душной столовой. У кого-то из членов экипажа был с собой кинопроектор и несколько мультфильмов про кота Феликса. Их бесконечно крутили, чтобы дети скоротали долгий путь до Адена и Суэца.

«Я был поражен, — вспоминал Джеральд. — Я знал про картинки, но представления не имел, что они могут двигаться. Конечно, Феликс был очень стилизованным, примитивным зверем, но его проделки приводили нас всех в восторг. Нам давали бумагу и карандаши, чтобы мы могли писать. Пока остальные учились писать, я пытался нарисовать Феликса. Этот кот стал моим героем. Я приходил в ярость оттого, что не могу его правильно нарисовать, хотя рисунок был очень простым. Когда же мне это наконец удалось, я пришел в еще большую ярость, потому что он не мог двигаться».

С чем бы ни сталкивался мальчик — с живой зверушкой, с нарисованным зверьком или персонажем из мультфильма, — его страсть и нежность к животным была настолько сильной, что, казалось, он впитал ее вместе с генами. И последующие годы не смогли остудить этой привязанности.

Долгое путешествие подошло к концу. Джеральд приехал в новый дом, в новую страну. Ему предстояло начать новую жизнь — без отца. Утрата главы семьи оказала глубокое воздействие на детей Даррелов. Лишенные строгой отцовской руки, они выросли слишком своевольными, привыкшими все делать по-своему.

ГЛАВА ВТОРАЯ

«САМЫЙ НЕВЕЖЕСТВЕННЫЙ РЕБЕНОК ВО ВСЕЙ ШКОЛЕ»: АНГЛИЯ 1928-1935

Отныне домом семьи Даррелов стал особняк по Аллейн-стрит в процветающем, зеленом пригороде Лондона Далвич. Это был довольно основательный дом, достойный семьи строителя империи. На трех этажах особняка располагались просторные комнаты. Дом окружал большой сад. Вместе с Луизой поселилась тетя Джеральда Пруденс. В доме постоянно жил камердинер, а для охраны от грабителей был заведен огромный мастиф. Чтобы маленький Джеральд не скучал, ему завели пару маленьких собачек. Но новый дом оказался большим, дорогим и страшным. Как-то вечером мама увидела призрак умершего мужа. Лоуренс сидел в кресле и курил сигарету — по крайней мере, так утверждал Джеральд.

В начале 1930 года, когда Джеральду было пять лет, семья перебралась в большую квартиру в доме 10 по Квинз-Корт в пригороде Лондона Норвуд. Это была пристройка к громадному, неуклюжему отелю «Квинз», построенная в викторианском стиле. Здесь жила кузина мамы, Фэн, а также множество бывших служащих индийской армейской и гражданской службы. Мама почувствовала себя здесь как дома. Семья Даррелов расположилась в большой квартире странной конфигурации. Входить в нее следовало через отель, но имелась и боковая дверь, через которую можно было попасть в большой сад с газонами, огромными деревьями и прудом. «Квартира наша состояла из просторной столовой, которая служила нам гостиной, — вспоминал Джеральд. — В комнате напротив поселился Ларри. Рядом с его комнатой была маленькая комнатка, где я хранил свои игрушки. Следом шли миниатюрная ванная и кухня, а затем мамина спальня. Если лечь на постель в ее спальне, можно было увидеть всю квартиру вплоть до входной двери».

Мамина склонность к сверхъестественному не проходила даже в трезвой Англии. Теперь ее посещали сразу три привидения, причем одно она видела, а два других слышала. Первое привидение было женщиной. Она появилась у маминой постели, когда та очнулась от послеобеденного сна. Женщина улыбнулась маме, а затем медленно растаяла в воздухе. Через несколько недель она снова явилась. На этот раз ее увидели кузины Джеральда, Молли и Филлис. Девочки вбежали в кухню с криками: «Тетя, тетя, в твоей комнате какая-то странная леди!»

Второе привидение убеждало маму засунуть голову в газовую печь, а третье материализовалось в комнате Ларри, когда тот развлекался, играя в джазовой группе где-то в городе. Это привидение сумело сдвинуть огромный стол, спроектированный еще отцом Ларри. Шум от этого, по воспоминаниям Джеральда, был невероятный. Той ночью мама лежала в постели и курила, дожидаясь возвращения старшего сына. Она услышала шум передвигаемого стола. «Мама крепко взяла меня за руку, — вспоминал Джеральд, — и мы пошли по нашей длинной квартире, прислушиваясь к шуму, который то становился сильнее, то утихал. Но когда мы открыли дверь в комнату Ларри, там никого не было».

В саду отеля «Квинз» Джеральд впервые попытался ловить птичек, посыпая им хвосты солью. Именно здесь мальчик столкнулся с более чувственной стороной жизни. Он познакомился с прелестной молодой женщиной, которую звали Табита. «У нее были огромные, соблазнительные карие глаза, — вспоминал Джеральд, — темно-коричневые, как созревшие каштаны, широкая улыбка, каштановые вьющиеся волосы и прелестная челка». Табита часто присматривала за маленьким Джеральдом, забирая его в свою маленькую квартирку, когда маме нужно было отлучиться по делам. У Табиты был кот по имени Катберт и две золотые рыбки, которых звали мистер Джеикинс и Клара Батт, а также множество друзей-джентльменов. Джентльмены приходили и уходили, проводя некоторое время в спальне Табиты. Они вели деловые переговоры, как объясняла Табита своему маленькому дружку.

«Мне нравилось проводить время с Табитой, — писал Джеральд Дар-релл в своих неопубликованных мемуарах. — Я очень любил эту женщину. Она была очень нежной и веселой. Ее улыбка просто лучилась любовью. А как восхитительно она пахла! Это было для меня очень важно, потому что от мамы тоже всегда замечательно пахло. Табита была не только очень веселой и доброй, но и невероятно смешной. У нее был хрипящий граммофон и несколько пластинок Гарри Лаудера и Джека Бьюкенена. Мы сдвигали мебель, и Табита учила меня танцевать чарльстон и вальс. Порой мы кружились так неистово, что в конце концов, обессиленные, падали на диван. Табита хохотала, а я хихикал. Табита научила меня нескольким песенкам. Но потом кто-то рассказал маме об истинных занятиях моей подружки, и наши встречи прекратились. Прелестные карие глаза и восхитительный аромат Табиты исчезли из моей жизни. Мне было очень грустно оттого, что я не могу больше танцевать вальсы и чарльстоны, не могу распевать глупые песенки с этой замечательной девушкой».

Оглядываясь назад, Джеральд удивлялся, как его мать могла быть такой чопорной. «В конце

концов, — признавал он, — у нее на руках остались дети, рано развившиеся в сексуальном отношении и продвигавшие в жизнь собственные интересы с энергией динамомашины. Такие скороспелые птенцы должны были лишить маму ее викторианских предрассудков и привить ей более современный взгляд на жизнь. Когда мне был двадцать один год, я приехал домой на уик-энд с подружкой. На столе я нашел мамину записку, которая гласила: «Милый, я приготовила для вас две отдельные постели и одну двуспальную, так как ты не сообщил мне, спите ли вы вместе или порознь. Простыни свежие, а в столовой ты найдешь джин».

Именно в отеле «Квинз» мама познакомилась с семьей Браун — типично английским провинциальным семейством, недавно вернувшимся из Соединенных Штатов. Семья состояла из бабушки Ричардсон, ее дочери миссис Браун и ее младшей внучки, Дороти. Брауны занимали почти такую же квартиру, как и Дарреллы. Матери быстро подружились. Особенно их сблизило то. что обе вернулись из-за границы на чужую для них родину. Дороти Браун было одиннадцать лет, когда она впервые увидела пятилетнего Джеральда. «Он был настоящим непоседой, — вспоминала Дороти. — Уже тогда он с ума сходил от животных. Когда наша кошка приносила котят, он всегда торчал под нашей дверью, умоляя разрешить ему посмотреть. Он всегда был маменькиным сынком. Джеральд безумно любил свою мать. Он был абсолютно убежден, что мама не может ни в чем ошибаться».

Как и Луиза Даррелл, Брауны подыскивали себе дом. В конце концов они нашли себе подходящее жилище в Борнмуте, небольшом курортном городке на южном побережье Англии, где коротали дни бывшие офицеры и благовоспитанные леди, проживавшие свои скромные пенсии. В Борнмуте было теплее и менее дождливо, чем в других городах Англии, а красота окружающих пейзажей просто завораживала. Мама решила последовать примеру друзей и тоже перебраться в Борнмут. В начале 1931 года Даррел-лы стали гордыми обладателями виллы Берридж-Хаус на Спер-Хилл. Мама наняла камердинера, экономку и двух слуг. С этого дня началась тесная связь Даррелов с Борнмутом, которая длится и по сей день.

Берридж-Хаус был огромной викторианской усадьбой, раскинувшейся на четырех акрах земли. Дом окружали рощи и сады. На просторном газоне могли играть в теннис сразу две пары, а цветочный бордюр, по воспоминаниям Джеральда, был «шире, чем Нил». «Мама посадила практически все существующие в мире растения, — пишет он в своих неопубликованных мемуарах, — за исключением разве что мандрагоры». Когда маму спрашивали, не великоват ли дом для вдовствующей леди с шестилетним мальчиком (Маргарет училась в Малверне, Лесли — в Далвиче, а Ларри — у репетитора), она всегда отвечала, что ей нужны комнаты для друзей ее детей. Маленькому Джеральду этот дом напоминал гигантский кукольный домик, с огромным количеством спален, ванных комнат и мансард. В доме была огромная гостиная, столовая и кухня, а также грандиозный бальный зал с паркетным полом. В дождливые дни Джеральд играл в этом бальном зале. Здесь он мог шуметь и кричать сколько угодно, не боясь потревожить никого из взрослых.

В честь переезда мама купила Джеральду кокер-спаниеля. Это была его первая собственная собака. Ее доставили домой в специальной коробке. Когда Джеральд открыл коробку, оттуда выскочило восхитительное существо — «собака, мягкая и пушистая, с шерстью цвета спелой кукурузы, с большими карими глазами и уморительной мордочкой». Джеральд назвал Щенка Саймоном. С первого момента их знакомства собака стала самым близким другом маленького Джеральда.

Однако у мамы такого друга не было. Одиночество стало тяготить ее. «Жизнь в огромном, гулком, пустом доме с маленьким мальчиком стала тягостно действовать на мамину нервную систему», — писал Джеральд в своих мемуарах. Днем она постоянно что-то готовила, учила Джерри готовить, ухаживала за садом, но потом наступал вечер, и вместе с ним приходило одиночество. «Она была одинока, — писал Джеральд, — и она пыталась заглушить боль, причиненную ей смертью моего отца, при помощи горячительных напитков. Мама прикладывалась к бутылке все чаще и чаще».

Маме становилось легче, когда Джеральд спал рядом с ней. «По вечерам я принимал ванну, а потом прямо в пижаме забирался в мамину постель и тщательно сдувал с простыни все пылинки, чтобы нам было приятно спать. Затем появлялась мама, я прижимался к ее теплому телу, вдыхал ее аромат и засыпал, чтобы проснуться с ощущением полного счастья». Мать и сын были так близки друг другу, как только могут быть близки живые существа.

В конце концов ситуация стала критической. «С мамой произошло то, — вспоминал Джеральд, — что в те дни называлось «нервным срывом». И тогда в мою жизнь вошла мисс Берроуз». Мисс Берроуз была первой и единственной английской гувернанткой Джеральда. «На ее лице постоянно было написано разочарование в жизни, — вспоминал Джеральд, — и это

разочарование отражалось в ее глазах, серых и острых, как две щепки». Мисс Берроуз никогда прежде не занималась с маленькими мальчиками. Почему-то она очень боялась, что Джеральда могут похитить. Ребенка держали под замком, словно он был особо опасным преступником. «Меня запирали в кухне, в гостиной и в столовой. Но самым ужасным было то, что мисс Берроуз запрещала мне брать Саймона в мою спальню. Она говорила, что на собаке масса опасных бактерий. Мисс Берроуз запирала меня на ночь. К утру мой мочевой пузырь был настолько переполнен, что я не мог удержаться, чтобы не намочить постель. Я поднимал уголок ковра, чтобы хоть как-то соблюсти приличия».

Кулинарные способности мисс Берроуз оставляли, как бы потактичнее сказать, желать лучшего. Джеральд вспоминал, что она была единственным человеком в его жизни, кто клал саго в ту бурду, которую она называла супом, после чего это блюдо более всего напоминало лягушачью икру. Когда погода была плохой, мальчику позволялось играть в бальном зале, где они с Саймоном изобретали собственные игры. Мальчик и собака полностью понимали друг друга, как только могут понимать друг друга хозяин и его пес.

«Иногда Саймон становился диким львом, — вспоминал Джеральд, — а я изображал одинокого христианина на арене. И когда я готовился задушить его, он вел себя совсем не как лев. Он лизал меня бархатистым, влажным языком и всячески выказывал мне свою приязнь. А потом я сам превращался в собаку и маршировал по бальному залу вслед за Саймоном на четвереньках. Я сопел так же, как он, я скреб пол так же, как он. Я становился настоящей собакой, как мой маленький приятель».

На самом деле, Саймон был страшным трусом. Он бежал от газонокосилки, как от огня. Трусость не раз спасала ему жизнь, однако, по иронии судьбы, именно из-за трусости он и погиб. Испугавшись звука мотоцикла, на котором отъезжал от дома трубочист, он бросился бежать, выбежал на дорогу и попал под колеса автомобиля. Джеральд вспоминал, что Саймон умер практически мгновенно.

После смерти собаки Джеральд стал так же одинок, как и его мать, вернувшаяся к тому времени из больницы и на время избавившаяся от пагубного пристрастия. Мама решила, что сыну пора дать образование и больше общаться с другими детьми. Ниже по холму располагался детский сад под названием «Березки». Детским садом заведовала крупная пожилая женщина, которую все звали Тетя. Также там работала стремительная, добрая, интеллигентная женщина, мисс Сквайр. Дети прозвали ее Сквик. Джеральд вспоминал «Березки» с нежностью. Закончить курс он смог только здесь.

Джеральду нравилось в «Березках», потому что и Тетя, и мисс Сквайр умели обращаться с маленькими детьми и учить их. Каждое утро он набирал полные карманы улиток, слизняков, уховерток и других не слишком привлекательных созданий и показывал их мисс Сквайр, порой в спичечных коробках, порой просто на ладони. Так формировался его первый зоопарк. «Парень сумасшедший! — возмущался старший брат Джеральда Лоуренс. — Таскает улиток в карманах!!!»

«Разве они не красивые?» — спрашивал маленький Джеральд у мисс Сквайр.

«Конечно, милый, они очень красивы, — соглашалась учительница. — Но я думаю, им будет лучше в саду».

Заметив, что и остальные дети с интересом относятся к увлечению Джеральда, мисс Сквайр купила аквариум и поселила в нем нескольких золотых рыбок и прудовых улиток, чтобы дети могли наблюдать за жизнью этих созданий прямо в детском саду. Примерно в это время Джеральд, которому как раз исполнилось шесть лет, заявил матери, что хочет устроить собственный зоопарк. У него была коллекция игрушечных фигурок зверей, отлитых из свинца — верблюд, пингвин, слон, два тигра, — собранная еще в годы жизни в отеле «Квинз». Но на этот раз он говорил о собрании настоящих животных, описывал, кого именно он поселит в своем зоопарке, какие клетки сделает для своих зверей и в каком доме он будет жить вместе со своей мамочкой.

В 1932 году мама купила новый дом по Уимборн-Роуд, который она назвала «Дикси-Лодж» в честь своей семьи. Этот дом тоже был довольно большим, хотя и уступал предыдущей резиденции Даррелов. Окружавший его сад был гораздо меньше, поэтому за ним было легче ухаживать. Да и обходилось новое жилище гораздо дешевле. По мнению Джеральда, новый дом был гораздо лучше. В саду росло множество деревьев, по которым можно было лазить и на которых селились удивительные насекомые. В этом доме Джеральд был совершенно счастлив. За ним присматривала строгая, но очень доброжелательная швейцарка Лотти.

Когда же Джеральду исполнилось восемь лет, разразилась новая катастрофа.

«Мама сделала нечто настолько ужасное, что я лишился дара речи. Она отдала меня в местную школу. Не в прелестный детский сад, наподобие «Березок», где можно было лепить из пластилина фигурки и рисовать, а в настоящую школу. Школа Вичвуд была обычной школой, в которой детей учили алгебре и истории — и другим предметам, которые стали для меня настоящей пыткой, как, например, физкультуре. Мой интерес к учебе и спортивные достижения были нулевыми. Учителя считали меня — и не без основания — настоящим тупицей».

Футбол и крикет казались Джеральду скучными, гимнастика и плавание были для него настоящим мучением, поскольку он никогда не увлекался физическими упражнениями. Единственным предметом, который заинтересовал мальчика, была естественная история. Но ей уделялось всего полтора часа в неделю. «Эти уроки вела преподавательница физкультуры, мисс Аллард, — вспоминал Джеральд, — высокая светловолосая леди с выпуклыми голубыми глазами. Как только она почувствовала мой искренний интерес к естественной истории, то изменила свое отношение ко мне и стала моей любимой учительницей».

Джеральд ненавидел школу так сильно, что Луизе пришлось забрать его оттуда. «Мать отвозила Джеральда в школу по утрам, — вспоминает один из друзей семьи Даррелов. — И это было нелегко. Она тащила его, а он упирался и кричал. В конце концов, его приходилось оставлять дома, потому что у него поднималась температура. Вызванный доктор сказал, что это очень нехорошо для ребенка и что его можно обучать на дому». И действительно, местный врач поставил Джеральду диагноз так называемой «школьной болезни». У него обнаружилось психосоматическое заболевание, которое не позволяло ему учиться в обыкновенной школе.

После того как семья Даррелов переехала в Дикси-Лодж, Лоуренс, который, как Лесли и Маргарет, жил отдельно, подружился с Аланом Томасом, помощником менеджера крупного борнмутского книжного магазина. Алан был ровесником Лоуренса и разделял литературные и интеллектуальные интересы своего нового друга. Очень высокий, худой, бородатый, похожий на паука, Алан жил в Боскомбе, поблизости от Борнмута. Скоро он познакомился со всей семьей Даррелов и стал братом и другом всех членов семьи. Незадолго до того как Джеральд покинул так не нравящуюся ему школу Вичвуд, директор этой школы пришел в магазин, где работал Алан.

«В вашей школе учится брат моего друга», — сказал Алан.

«Да? — удивился директор школы. — И кто же это?»

«Даррелл, Джеральд Даррелл», — ответил Алан.

«Самый невежественный ребенок во всей школе!» — отрезал директор и в возмущении покинул магазин.

Джеральд продолжал бороться с трудностями. Но в один прекрасный день его несправедливо обвинили в каком-то проступке, за что он был наказан директором школы. Мама забрала запуганного мальчика из школы, и на этом формальное образование Джеральда завершилось. Ему было всего девять лет.

Чтобы помочь Джеральду побыстрее справиться с травмой, мама решила купить ему подарок. Они на трамвае отправились в центр Борнмута, где располагался зоомагазин. Джеральду предстояло самому выбрать себе собаку. Он вспоминал:

«В витрине я увидел множество кудрявых черных щенков. Я долго стоял, выбирая, какого из них купить. Наконец я остановил свой выбор на самом маленьком, которого совсем затерроризировали его более крупные собратья. Мы купили его за символическую сумму в десять шиллингов. Я принес его домой и назвал Роджером. Роджер был одним из самых разумных, смелых и добрых собак, какие только у меня были. Он быстро вырос и стал напоминать небольшого эрдельтерьера с пушистой шерстью, которая бы больше пристала пуделю. Роджер был очень умным. Он быстро выучил несколько трюков и великолепно умирал за короля и отчизну».

Роджеру было суждено прославиться и, в некотором роде, обрести бессмертие.

Избавившись от невыносимого груза формального образования, Джеральд вернулся к своему привычному, веселому времяпрепровождению. Он исследовал сад, лазил по деревьям, играл с собакой, набивал карманы улитками и слизняками и мучил всех своими проделками. Дороти Браун вспоминает, что именно Джеральд засунул вонючие бомбы в ящик для угля, когда Даррелы пришли к Браунам на Рождество. Мама правила своим домом мягкой рукой. «В их доме могли накормить каждого, — вспоминает Дороти. — Она радостно принимала любого друга своих детей. «Сколько человек придет сегодня вечером?» — спрашивала она и находила место за столом для каждого, и для молодых, и для старых. Мама была очень маленькой, но обладала огромным сердцем. Она была очень дружелюбной, могла поговорить с каждым, а готовила она совершенно замечательно!»

Восхитительные ароматы, распространявшиеся с маминой кухни, бесконечное разнообразие

вкуснейших блюд, которые она подавала к обеду, энтузиазм, веселье и способности замечательной рассказчицы доставляли удовольствие всем собиравшимся за ее столом. Эти качества оказали огромное влияние на младшего сына Луизы. Став взрослым, Джеральд превратился в настоящего гурмана и великолепного повара. Свои кулинарные навыки Луиза унаследовала от матери. Многому она научилась у своих индийских кухарок, поскольку, несмотря на неодобрение мужа, проводила на кухне очень много времени. Вернувшись в Англию, она привезла с собой все поваренные книги и заметки, сделанные в годы жизни в Индии. Некоторые из любимых рецептов Луизы — английские, англо-индийские и индийские — были записаны в красивом викторианском блокноте ее матерью: «чаппати», «тофу», «Пирог», «молочный пунш», «немецкие булочки», «еврейский маринад» (сливы, перец чили, финики, манго и зеленый имбирь). Многие записи сделаны ее собственной рукой и отражают уже ее вкусы — «цветная капуста по-афгански», «индийские отбивные», «цыпленок, жаренный по-американски», «голландский яблочный пудинг», «индийский сливовый пирог», «русские сладости», «пирог на каждый день», «спиральные носочки» (загадочное название!) и «детская вязаная шапочка» (еще одна неожиданность!). Но индийские блюда всегда были ее любимыми. Не утратила мама интереса и к алкоголю: вино из одуванчиков, вино из изюма, имбирное вино (для которого требовалось шесть бутылок рома) и вино из маргариток (четыре кварты цветков маргаритки, дрожжи, лимоны, манго и сахар).

Неудивительно, что Алан Томас вскоре стал проводить все вечера и выходные дни с семьей Дарреллов. Он быстро понял, что это незаурядное семейство:

«Я никогда не видел такой безоговорочной щедрости и гостеприимства. Никто из друзей этой семьи не сможет отрицать, что их общество украшало жизнь всех вокруг. Все шесть членов семьи Дарреллов были замечательны сами по себе, а во взаимодействии друг с другом они были еще лучше, чем в отдельности. Раскаты раблезианского хохота, чисто английское остроумие, песни Ларри под аккомпанемент гитары или пианино, яростные споры и оживленные беседы затягивались далеко за полночь. Я чувствовал, что моя жизнь обрела новое измерение».

Лоуренс вспоминает, что именно тогда Маргарет взбунтовалась и отказалась возвращаться в школу, а Лесли «вполголоса напевал, любовно перебирая свою коллекцию ружей». Из Джеральда уже в те дни вырастал выдающийся натуралист. Все ванные в доме были забиты его тритонами и головастиками, а также им подобными созданиями.

«Хотя было трудно сказать, что миссис Даррелл управляла жизнью семьи, — вспоминает Алан, — однако только благодаря ее мягкосердечию, ее забавному, безграничному терпению эта семья оставалась семьей. Она умела смягчать даже самые яростные вспышки ирландского темперамента, я помню, как Джерри возмущался тем, что Ларри, собравшись помыться, вытащил затычку из ванны, где было полным-полно всякой живности. Захлебываясь от невыразимой ярости, подыскивая самое оскорбительное слово в своем словаре, Джерри выкрикнул: «Ты, ты... ты... Ты — ПИСАТЕЛЬ!»

Но Джеральд во многом опирался на бескорыстную и искреннюю поддержку старшего брата: «Когда мне было шесть или семь лет, а Ларри был еще неизвестным писателем, борющимся за признание, он постоянно советовал мне начать писать. Опираясь на его советы, я написал несколько стихотворений, и Ларри с глубоким уважением отнесся к моим виршам, словно они вышли из-под пера Т.С. Элиота. Он всегда бросал свои занятия, чтобы перепечатать мои стихи. Именно на его машинке я впервые увидел свое имя в напечатанном виде».

Незадолго до смерти, когда в живых осталось меньше половины семьи, Джеральд любовно и честно описал свое бурное детство. Дрожащей рукой на желтой бумажной салфетке из ресторана он написал: «Моя семья — это омлет из ярости и смеха, приправленный диковинной любовью, сплав глупости и любви».

Примерно в то же время, когда мама купила Дикси-Лодж, Лоуренс познакомился с Нэнси Майерс, изучавшей искусство в Слейде. Нэнси была немного моложе Ларри. Она очень напоминала Грету Гарбо — высокая, стройная, светловолосая, голубоглазая. Лоуренсу исполнилось двадцать, он вел богемную жизнь в Лондоне — играл на пианино в ночном клубе, писал стихи, работал над своим первым романом и увлеченно читал, став завсегдатаем читального зала Британской библиотеки. «Мое так называемое воспитание было довольно бурным, — вспоминал он. — Я постоянно нарушал спокойствие. Я кутил и распутничал в Лондоне. Я встретил Нэнси, и она была почти такой же. Мы с ней заключили нелепый союз». Вскоре Лоуренс с Нэнси сняли комнату на Гилфорд-стрит возле Расселл-сквер. «Мы много пили и почти умирали. Мы вместе бегали в фотостудию. Это было ужасно. Мы сочиняли надписи для плакатов, создавали короткие рассказы, подрабатывали журналистикой — но мы не собирались продаваться церковникам. Я написал дешевый роман.

Продал его — и ситуация изменилась. Я обрел стабильную профессию. Искусство ради зарабатывания денег».

Наконец Лоуренс решил, что Нэнси пора пройти крещение огнем, и познакомил ее со своей семьей. Много лет спустя Нэнси так вспоминала об этом знакомстве:

«Мы взяли машину на уик-энд. Мне очень хотелось познакомиться с этой семьей, потому что Ларри все драматизировал — сумасшедшая мать, ужасные дети, мать-пьяница, пустила на ветер все их состояние, продала все... ужасная, глупая, сумасбродная женщина. Я считала, что все это звучит очень увлекательно, и безумно хотела познакомиться с его семьей.

Дом не отличался особыми архитектурными изысками, но комнаты были просторными и довольно удобными, если можно считать беспорядок удобным. В гостиной стояло несколько простых стульев и диван, полы были покрыты коврами, повсюду валялись разные вещи. Беспорядок царил страшный. Но я помню, что мне понравился этот дом — понравился царящий в нем бедлам, понравились люди, которые жили ради жизни, а не ради порядка в доме. Вы сразу же чувствовали, что эти люди не придерживаются сковывающих их условностей, как все остальные. Они ели в любое время, они кричали друг на друга, не задумываясь. Никто никем не командовал.

Я впервые попала в настоящую семью — в веселую семью. Я впервые смогла сказать, что мне нравится. В этом доме никому не запрещали высказываться. Это стало для меня настоящим открытием. Мне было непривычно слышать, как они свободно обзывают друг друга и отругиваются до последнего. Это было прекрасно! Я сразу же влюбилась в семью Ларри.

В то время Джерри было шесть или семь лет. Он был очень стройным, деликатным, очаровательным мальчиком, напоминавшим Кристофера Робина. Джерри был слишком чувствителен, чтобы ходить в школу. Уже тогда ощущалась напряженность в отношениях между Ларри и Лесли. Ларри безжалостно издевался над братом. Лесли не отличался остроумием, и Ларри мог в любой момент выставить его на посмешище. Ларри пользовался каждым удобным случаем, чтобы посмеяться над Лесли, и тот очень переживал.

Однако мой первый визит закончился катастрофой. В первое же утро Ларри пришел в мою комнату и лег со мной в постель. Затем пришел Джерри и тоже забрался в мою постель. Мы оказались под одеялом втроем, что оказалось не по нраву маме. Она вошла ко мне и сказала, что никогда в жизни не видела ничего более отвратительного. «Разве можно себя так вести! — кричала она. — Убирайтесь, немедленно убирайтесь из моего дома, вы оба! Даю вам пять минут на сборы! Я не позволю развращать Джерри!» Когда мама хотела, она могла быть настоящей трагической актрисой.

Я была смущена и расстроена, но Ларри успокоил меня: «Глупая женщина, она уже все забыла! Поехали. Пройдет день — и она будет рада снова видеть нас. Все это женские глупости. Не будь дурочкой, мама...»

Вот так нас выставили из дома. Но уже следующим вечером или вскорости после этого нас снова пригласили, и мама согласилась закрыть глаза на то, чем мы с Ларри занимались. Она была очень внимательна ко мне. Я ощущала себя гусем среди уток — все вокруг были такими маленькими, а я оказалась тощей верзилой. Но они не могли относиться ко мне лучше. С первого же момента мама стала моей лучшей подругой. Она подумала, что у меня болезненный вид и стала поить меня сливками, кормить бутербродами с маслом и жирным сыром. Она восхитительно готовила, по большей части предпочитая индийские блюда, карри и жаркое...

Мне безумно нравилась атмосфера в этом доме. Мама в то время пила много джина. Она ложилась тогда же, когда и Джерри. Джерри просто не мог заснуть без нее — он боялся оставаться в одиночестве, как мне кажется. Мама брала свою бутылку и отправлялась спать. Заметив это, мы тоже стали ложиться с бутылкой джина. Мама спала в большой двуспальной кровати. У нее был огромный серебряный поднос для чая, серебряные чайники и другие принадлежности. Мы коротали вечера на ее постели за джином, чаем и разговорами, а Джерри спал в своей кровати в той же комнате. Думаю, он мог спать в любом шуме. Все это было очень интересно».

Хотя друзья восхищались Даррелламы, родственники — тетушки и бабушки — не одобряли такую простоту нравов. Они обвиняли маму в некомпетентности и экстравагантности, особенно когда дело касалось денег. Мама не помогала своей кузине Фэн, а уж детей своих воспитывала, по мнению родственников, совершенно отвратительно. Она не умела управлять ими, они вели дикую, недисциплинированную жизнь, дом велся из рук вон плохо — и все это происходило в консервативном Борнмуте! Особенно много беспокойства доставлял Лесли. Молли Бриггс, дочь тети Джеральда, Элси, вспоминала:

«Лесли с ума сводил тетю Лу. Он оставался в постели до полудня и сутулился. Он ничем не

занимался, ничего не замечал. Мы не слишком его любили. Порой он снисходил до того, чтобы поиграть с нами, но никогда нельзя было быть уверенным, что он выкинет в следующую минуту. Он мог вспылить без малейшего повода. Джерри и Лесли сводили тетю Лу с ума, они были совершенно неуправляемыми. Но Джерри был очаровательным маленьким мальчиком и большим весельчаком. Он забирался на дерево, где у него было собственное убежище. Мы не могли залезть за ним. Он играл с веретеницами, ласкал их, брал в руки. Мы выросли на Цейлоне и боялись змей. Мы терпеть не могли любимцев Джерри и никогда к ним не прикасались. Помню, как мы с Джерри учились кататься на велосипеде на полузатопленном газоне, окруженном вересковыми зарослями. Мы страшно шумели, хохотали, когда падали, а случалось это очень часто. Ларри, который что-то сочинял, высовывался из окна и кричал: «Прекратите этот ужасный шум!»

«Любопытно, хотя никто из нас этого тогда не понимал, но мама позволяла нам жить, — вспоминал Джеральд. — Она беспокоилась о нас, она давала нам советы (когда мы спрашивали у нее советов). И советы ее всегда заканчивались словами: «Но в любом случае, милый, ты должен поступать так, как считаешь нужным». Это было своеобразное внушение, своего рода наставничество. Она открывала нам новый взгляд на проблему, который позволял нам открыть что-то новое. Мы могли справиться с проблемой или нет, но это новое намертво поселялось в наших душах. Мне никогда не читали нравоучений, меня никогда не ругали».

Лоуренс и Нэнси прожили вместе почти год, снимая коттедж в Локсвуде, графство Сассекс, вместе со своими друзьями, Джорджем и Пэм Вилкинсон. Здесь Лоуренс написал свой первый роман, который был опубликован в 1935 году. В конце 1934 года Вилкинсоны решили эмигрировать и перебрались на греческий остров Корфу. Климат в Греции был прекрасным, курс обмена очень выгодным, а жизнь легкой и дешевой. Лоуренс и Нэнси отправились в Дикси-Лодж. Время от времени приходили письма от Джорджа Вилкинсона, где тот описывал идиллическую жизнь, которую они ведут на своем прекрасном, зеленом и пока не испорченном острове. В голове Лоуренса начал созревать план. Сначала он решил отправиться на Корфу вдвоем с Нэнси. Греческий остров казался ему идеальным местом для молодого, подающего надежды писателя и молодой, подающей надежды художницы. К тому же оба они увлекались археологией и искусством Древней Греции. Лоуренса ничто не удерживало в Англии. Родился он не на Альбионе, у него не было английских корней, английский образ жизни — «английский образ смерти», как он его называл, — его совершенно не привлекал. Он возненавидел Англию с самого первого дня, когда одиннадцатилетним мальчиком ступил на английскую землю, покинув родную Индию, чтобы получить образование «дома». «Остров пудингов» — вот как называл он чужую для себя Британию. «Этот подлый, потрепанный, маленький остров, — говорил он друзьям, — выворачивает меня наизнанку. Он пытается истребить все уникальное и индивидуальное во мне». Сырой климат стал еще одной причиной для переезда. «Алан, — говорил Лоуренс Алану Томпсону после получения очередного письма от Джорджа Вилкинсона, в котором тот описывал апельсиновые рощи, раскинувшиеся вокруг его виллы, — в Англии все, кого ты знаешь, простужены!» Хотя идея перебраться в Грецию принадлежала Лоуренсу, вскоре она овладела умами всех членов семьи.

Пока мама была жива, Джеральд утверждал, что идея массового переселения под живительные лучи греческого солнца целиком принадлежала его старшему брату. Вот как он описывает хмурый августовский день под свинцово-серым небом: «Резкий ветер задул июль, как свечу, и над землей повисло свинцовое августовское небо. Бесконечно хлестал мелкий колючий дождь, вздуваясь при порывах ветра темной серой волной. Купальни на пляжах Борнмута обращали свои слепые деревянные лица к зелено-серому пенистому морю, а оно с яростью кидалось на береговой бетонный вал. Чайки в смятении улетали в глубь берега и потом с жалобными стонами носились по городу на своих упругих крыльях. Такая погода специально рассчитана на то, чтобы изводить людей».

Вся семья собралась в Дикси-Лодж — не слишком веселая перспектива провести день. У Джеральда из-за сырой погоды обострился катар, он прерывисто дышал открытым ртом. У Лесли болели и кровоточили уши. Маргарет вся покрылась прыщами. Мама простудилась, и к тому же у нее обострился ревматизм. Только Ларри был полон сил и энергии. В тот день его раздражение дошло до крайности, и он возопил: «Кто заставляет нас жить в этом чертовом климате? Посмотри на улицу! Посмотри на нас... Надо что-то делать. Я не могу создавать бессмертную прозу в такой унылой атмосфере, где пахнет мятой и эвкалиптовой настойкой... Почему бы нам не собраться и не отправиться в Грецию?»

После смерти мамы Джеральд по-иному описал те мотивы, которые подтолкнули семью к переезду в Грецию. Мама нашла себе в Дикси-Лодж спутницу и компаньонку в лице Лотти,

швейцарской няни Джеральда. Но вскоре муж Лотти серьезно заболел, по-видимому, раком, и Лотти была вынуждена оставить работу, чтобы ухаживать за ним. «И мы вернулись к прежнему состоянию, — пишет Джеральд в своих неопубликованных мемуарах. — Долгими вечерами у мамы не было другого общества, кроме моего, а мне было всего девять лет. Одиночество все сильнее подталкивало маму к бутылке. Ларри, осознавая опасность, решил, что нужно предпринять какие-то шаги. Он сказал маме, что нужно собираться и отправляться к Джорджу на Корфу. Мама, как обычно, возражала.

«Что мне делать с домом?» — спрашивала она.

«Продай его, пока он еще в приличном состоянии, — посоветовал ей Ларри. — Я думаю, что переезд пойдет нам всем на пользу».

У самого Ларри была еще одна, весьма убедительная причина для эмиграции, о которой он писал Джорджу Вилкинсону на Корфу. «Дни стоят настолько дождливые и туманные, что мы буквально забыли о солнце. Моя мать полностью запутала свои финансовые дела и решила ото всего убежать. Она слишком пуглива, чтобы наслаждаться красотами Средиземноморья в одиночку, поэтому она хочет, чтобы в Грецию отвезли ее мы. Она хочет поселиться на Корфу. Если ей понравится, она обязательно купит дом...»

Похоже, что все три причины — выпивка, деньги и солнце — сыграли определенную роль в принятии окончательного решения. Но маму не пришлось долго убеждать. Лоуренс писал, что она терпеть не может отказывать, да и к тому же ее ничто не удерживало в Англии. Эта семья покинула родную для себя Индию и еще не успела пустить глубокие корни на Острове Надежды и Славы. «Это была романтическая идея и важное решение, — замечала Маргарет. — Я должна была вернуться в школу, но я сказала: «Я ни за что туда не вернусь!» Мама, не любящая скандалов, согласилась с моим решением».

Итак, решение было принято. В путь отправилась вся семья — Ларри с Нэнси, мама, Лесли (которому в те дни исполнилось восемнадцать), Маргарет (пятнадцать) и Джеральд (десять). Сообщая Джорджу Вилкинсону о своем намерении перебраться на Корфу, Ларри поинтересовался, есть ли на острове школа для Джерри. Несколько встревоженный Джордж ответил: «Что ты имеешь в виду под словами «приедем»? Сколько вас?» Но в Грецию должны были отправиться или все, или никто. Дом был выставлен на продажу, вся обстановка упакована и отправлена на Корфу.

Джеральда больше всего беспокоила судьба домашних животных — ведь они принадлежали именно ему. Белых мышей он подарил сыну булочника, канарейку отдал соседу. Спаниеля Плуто взял доктор Макдональд, семейный врач Даррелов, а черепаха Билли отправилась к Лотти в Брайтон. Спустя двадцать семь лет, когда Джеральд уже добился признания, она написала ему, спрашивая, не хочет ли он, чтобы она вернула черепаху, приписав: «Ты всегда любил животных, даже самых мелких. Я была уверена, что ты обязательно вырастешь добрым человеком». С семьей отправлялся только Роджер. Ему оформили специальный собачий паспорт с большой красной печатью.

Лоуренс и Нэнси должны были отправиться в путь в начале 1935 года. Незадолго до отъезда они решили тайно пожениться. Новость следовало сохранить в секрете от родителей Нэнси, которые не одобрили бы брак их красавицы дочери с буйным писателем. Свадьба состоялась 22 января в борнмутской регистрационной палате. Алан Томас был свидетелем и поклялся сохранить тайну. Церемония сопровождалась некоторой неразберихой. Алан и Нэнси были очень высокими, а Лоуренс маленьким. Регистратор чуть было не поженил совсем не ту пару, даже не осознав этого. «Чтобы избежать случайностей, — вспоминал Алан, — мы нашли пару карликов, выступавших на местной ярмарке, и попросили их быть свидетелями, но хозяин отказался отпустить таких ценных артистов».

2 марта 1935 года Лоуренс и Нэнси сели на корабль в Тилбери и отплыли в Неаполь, который должен был стать их первой остановкой на пути к Корфу. Через неделю тронулась в путь и вся остальная семья. 6 марта они зарегистрировались в отеле «Рассел» в Лондоне, откуда на следующий день Лесли послал открытку Алану Томпсону: «Если повезет, то уже сегодня вечером мы сядем на корабль. P.S. Запиши адрес — мы ведь постоянно переезжаем. Номер 12/6 и так далее!!!»

В опубликованной греческой эпопее Джеральд так описал путешествие семьи, что могло показаться, что они пересекли Францию, Швейцарию и Италию. На самом же деле мама, Лесли, Маргарет, Джеральд и Роджер отправились из Тилбери на японском грузовом судне в каютах второго класса в Неаполь. Единственным из Даррелов, кто писал письма с дороги, оказался Лесли. Его открытки и письма и стали свидетельством этого события в истории семьи. 8 марта он писал Алану Томасу: «Теперь у меня есть собственная каюта. Люди, путешествующие вторым классом, очень милы и веселы. Корабль немного качает, но все Даррелы в порядке».

Два дня спустя, уже из Бискайского залива, Лесли посылает новую открытку: «Утром разразилась настоящая снежная буря, и нам пришлось собраться на верхней палубе возле спасательных шлюпок и провести с этой ******* собакой несколько занятий. Господи, ну и задачка нам выдалась! Собака носится вокруг, снег залепляет глаза, ветер дует, как в аду... Ну и поездочка! Похоже, никто не знает, как спускать спасательные шлюпки, так что нам всем приходится положиться на милость бога (если он есть, конечно). Не уверен, что нам удастся снова увидеть берега старой, доброй Англии!»

15 марта корабль миновал Гибралтар. «Никто из Даррелов от морской болезни не страдает, даже ******** собака», — сообщал Лесли. Корабль остановился в Марселе, следующей остановкой должен был стать Неаполь. Там семья пересела на поезд, следующий до Бриндизи, и на пароме переправилась на Корфу, проделав 130 миль по Ионическому морю.

Паром отплывал ночью. «Крохотный кораблик отчалил от берега Италии, — вспоминал Джеральд об этом путешествии. — Море было залито лунным светом, а мы спали в своих крохотных каютах, не сознавая, что где-то на этой водной глади пролегает невидимая черта. Мы пересекли ее и очутились в ярком, залитом солнцем мире Греции. Постепенно ощущение перемен, происходивших в нашей жизни, утихло. Мы встретили восход на палубе. Какое-то время остров казался маленькой, шоколадно-коричневой полоской на горизонте, окутанной туманом.

Потом солнце вдруг сразу выплыло из-за горизонта, и все небо залилось ровной голубой лазурью, как глаза у сойки. Море вспыхнуло на миг всеми своими мельчайшими волночками, принимая темный, пурпуровый оттенок с зелеными бликами, туман мягкими струйками быстро поднялся вверх, и перед нами открылся остров. Горы его как будто спали под скомканным бурым одеялом, в складках зеленели оливковые рощи. Среди беспорядочного нагромождения сверкающих скал золотого, белого и красного цвета бивнями изогнулись белые пляжи. Мы обогнули северный мыс, гладкий крутой обрыв с вымытыми в нем пещерами. Темные волны несли туда белую пену от нашего кильватера и потом, у самых отверстий, начинали со свистом крутиться среди скал. За мысом горы отступили, их сменила чуть покатая равнина с серебристой зеленью олив. Кое-где к небу указующим перстом поднимался темный кипарис. Вода в мелких заливах была ясного голубого Цвета, а с берега даже сквозь шум пароходных двигателей до нас доносился торжествующий звон цикад».

Десятилетия спустя, старый и больной, находящийся на грани смерти Джеральд Даррелл снова вспомнил тот волшебный пейзаж, который навсегда изменил его жизнь. И вспомнил его с болью, присущей всем нам, когда мы вспоминаем об утраченной юности. «Мы словно вернулись в рай, — прошептал он. — Приплыв на Корфу, мы будто родились заново».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

РАЙСКИЕ ВРАТА: КОРФУ 1935-1936

Через несколько часов после прибытия на Корфу Даррелы сошли на берег и отправились в город. Процессия состояла из Джеральда, вооруженного сачком для ловли бабочек и держащего в руках банку, битком набитую гусеницами, и мамы, «имевшей вид захваченного в плен беспокойного маленького миссионера» и пытавшейся удержать на поводке крупную собаку, отчаянно стремящуюся к ближайшему фонарному столбу. Две повозки, в одну из которых погрузились члены семьи, а в другую сложили багаж, отправились в путь по узким, залитым солнцем улочкам элегантной, маленькой столицы острова. Очень скоро семья Даррелов сделала свою первую остановку на Корфу. Они выбрали «Швейцарский пансионат», располагавшийся неподалеку от центральной площади Платиа. Здесь их уже поджидали Ларри и Нэнси. «Сегодня семья наконец-то сползла на берег, — писал Лоуренс Алану Томасу, — и сразу же застала нас в постели, так что... Описать красоту этого образцового места просто невозможно, я до сих пор не верю своим глазам».

На следующее утро мама и все остальные члены семьи отправились на поиски дома. В сопровождении агента из гостиницы они объехали огромное множество домов самых разнообразных видов и размеров. Но маме не понравился ни один из них, поскольку все они обладали одним весьма существенным недостатком — в них не было ванны. Поэтому семья продолжала жить в «Швейцарском пансионате». 29 марта Лесли написал Алану с просьбой выслать ему газеты и журналы — «Дейли миррор» и другие газеты для Лоуренса, пару детских журналов для Джерри, журналы по шитью и домоводству для мамы, а также несколько журналов, посвященных оружию, для него самого. Мама приписала к письму постскриптум, в котором жаловалась на то, что Корфу не

оправдал ее ожиданий.

«Мы по-прежнему остаемся в отеле, но надеемся вскоре переехать. Не верьте ни одному слову, что вам будут говорить об этом вонючем острове. Природа вокруг восхитительна, не могу не признать. Но вот город... Пожалуй, будет разумнее не говорить о нем вообще. Однако, если вы соберетесь приехать, мы всегда найдем для вас местечко. Вы можете спать с Лесли или с Джерри, но вряд ли нам удастся найти на Корфу что-нибудь подходящее».

У мамы были все основания находиться в подавленном настроении. Все были не в духе. Они очутились в чужой стране, языка которой не знали и обычаи которой были для них незнакомы. Неудивительно, что все были встревожены, подавлены и постоянно ворчали друг на друга. Хуже всего было то, что лондонский банк до сих пор не перевел в Грецию ни фунта, поэтому семья сидела без гроша в кармане. К тому же багаж Лоуренса и Нэнси не прибыл, и молодожены оказались без одежды и книг. Даррелы снимали душные комнаты в «Швейцарском пансионате» в долг. Маргарет, или Марго, как ее стали называть на Корфу, чувствовала себя отвратительно и постоянно плакала, а Джерри подвывал ей в унисон. Надежды питались только красотой природы и восхитительным теплым морем.

В первые же дни пребывания на Корфу Джеральд овладел новым навыком, который кардинальным образом изменил его отношение к этому острову. Он научился плавать. В то недолгое время, что он провел в школе, уроки плавания не дали ему ничего, кроме безумного страха перед водой. Но стоило ему очутиться на острове, как все изменилось.

Джеральд писал в своих неопубликованных мемуарах:

«Мы с мамой в сопровождении отчаянно лающего Роджера отправлялись в маленькую скалистую бухточку, расположенную под старинным венецианским фортом, возвышавшимся над городом. Именно здесь я открыл для себя, какой восхитительной и волшебной может быть вода. Сначала я заходил в воду по колено, потом вода поднималась до подмышек, и вот я уже плыл по этой теплой, шелковистой, голубой глади. Мои губы ощущали соленый вкус морской воды. Вода была теплой и ласковой, мои страхи исчезли, словно их никогда и не бывало. Очень скоро я стал заплывать так далеко, что встревоженная мама принималась носиться взад и вперед по берегу, как обезумевший кулик, призывая меня немедленно вернуться в безопасные воды».

Пока остальные члены семьи томились в пыльном городе, Лоуренс и Нэнси нашли для себя небольшой домик на холме, неподалеку от виллы Агазини, где жили их друзья Вилкинсоны. Этот дом располагался возле Перамы, на южном побережье острова. С холма они могли видеть бескрайние морские просторы, а к дому вела узкая проселочная дорога. Вскоре после переезда Лоуренс писал Алану Томасу:

«По-моему, я уже писал тебе о том, как здесь удивительно красиво, на нашем холме, или нет? Ну так можешь умножить мои восторги на четыре. Сегодня мы поднялись с восходом и завтракали в лучах восходящего солнца. Мы поставили стол на террасе, откуда видно море. Рыбацкие лодки проплывали взад и вперед. Албанский берег сегодня был затянут дымкой. Днем жара лишает всяких сил. Повсюду кишат пчелы, ящерицы и черепахи... Господь создал этот остров!»

За этим письмом последовало новое. Мама все еще продолжала подыскивать для себя дом. Лоуренс снова написал Алану, поскольку никак не мог сдержать восторгов по поводу собственного приобретения:

«Ты не представляешь, сколько запахов и звуков окружает меня в нашем доме. Вот, к примеру, я сижу в доме. Окно. Свет. Серая голубизна. Два небольших кипариса гнутся под порывами сирокко. Они острые и веселые, как груди девушки. На море слабое волнение, волны набегают на берег, который изгибается к Лефкимо. Я вижу единственную лодку. По дороге... едут крестьяне на ослах. Восторги, проклятья, скрип колес, яркие пятна цвета, шарфы и экзотические наряды. На севере ничего. Впереди Эпир и Албания, укутанная сливочно-белой дымкой. На юге туманы. Там скрываются другие острова, но сейчас я не могу их видеть».

Тем временем мама решила арендовать автомобиль, чтобы они могли съездить в Перамy, посмотреть дом, который предложил им владелец «Швейцарского пансионата». И вот в этот момент Даррелы встретились с человеком, который изменил их жизнь на острове раз и навсегда. Семейство Даррелов отправилось на стоянку такси, располагавшуюся на главной площади. Толпа крикливых таксистов, говоривших только по-гречески, набросилась на невинных англичан, словно коршуны на добычу. И тут раздался глубокий, сочный, низкий голос, «какой мог бы быть у вулкана», который по-английски или почти по-английски произнес:

«Эй! Почему вы не брать с собой кого-нибудь, кто говорить на вашем языке?»

«Обернувшись, мы увидели древний «Додж», припаркованный у обочины, — вспоминает

Джеральд. — За рулем сидел маленький, плотный человек с огромными руками и широким, обветренным лицом. На нем была кепка, лихо сдвинутая на бок.

«Эти ублюдки облапошат собственную мать, — прорычал этот человек. — Куда вы хотеть поехать?»

Вот так семейство Дарреллов впервые встретилось со Спиро Хакьяопулосом. На острове его звали Спиро-американцем, потому что он восемь лет провел в Америке. Он работал в Чикаго и скопил достаточно денег, чтобы вернуться домой. Спиро был колоритной личностью с сердцем из чистого золота. Очень скоро он стал проводником, философом и другом в самом высоком смысле этого слова. Джеральд называл Спиро «грузным, нескладным ангелом с дубленой кожей... громадной загорелой горгульей»; Лоуренсу Спиро больше всего напоминал «здоровенную бочку оливкового масла».

«Ванны? — переспросил Спиро. — Вы хотеть ванны? Я знаю виллу, где есть ванны!»

Усевшись в «Додж», семейство отправилось в долгую поездку по лабиринту пыльных греческих улочек. Затем машина выехала на белую проселочную дорогу, петлявшую между виноградников и оливковых рощ.

«Вы англичане? — спросил Спиро. Обращаясь к пассажирам, он поворачивался к ним всем телом, отчего машина начинала метаться по дороге от одной обочины к другой. — Так я и думал... Англичане всегда хотеть ванны... Я любить англичан... Честное слово, если бы я не быть грек, я бы хотеть быть англичанин».

Похоже, Спиро был англофилом до мозга костей.

«Честное слово, миссисы Дарреллы, — сообщил он маме чуть позже, — если вы вскрыть меня, то найти внутри Юнион Джек».

Машина выехала на берег моря, затем дорога стала подниматься по холму. Внезапно Спиро ударил по тормозам, и машина остановилась, подняв облако белой пыли.

«Вот, — сказал Спиро, указывая вперед своим коротким, толстым пальцем. — Вот дом с ванны, как вы хотели».

Перед ними стоял маленький, квадратный одноэтажный домик, землянично-розового цвета. Отсюда до дома Ларри можно было дойти пешком. Домик расположился в небольшом садике, границы которого были отмечены небольшими стройными кипарисами. Склоны холма покрывали оливковые деревья, раскиданные живописными рощицами. Небольшой балкон был увит цветущей бугенвиллеей. Ставни на окнах кто-то выкрасил зеленой краской, но она давно выгорела и потрескалась от солнца. «Горячий воздух был напоен ароматами сотен увядающих цветов, — вспоминал Джеральд. — Повсюду нежно и тонко пели разнообразные насекомые. Как только мы увидели этот дом, нам сразу же захотелось в нем поселиться — вилла словно поджидала, когда же мы наконец приедем. Мы поняли, что обрели свой дом».

На следующий же день весь багаж перевезли в дом на холме. Ставни распахнулись, полы были вымыты, белье проветрено, кровати застелены. На кухне запылал очаг, кастрюли и сковородки выстроились на полках. Дом постепенно приобретал совсем жилой вид. Все свое время Джеральд проводил в саду. Это был удивительный сад. Лепестки, облетавшие с увядающих цветов, образовывали звездочки, полумесяцы, треугольники и круги. Садик стал для Джеральда настоящим открытием, «волшебной страной, где в цветочной чаще суетилась такая живность, какой я еще никогда не встречал». Никогда еще он не видел такого изобилия природы. Под каждым камнем Джеральд находил по двадцать различных созданий, на каждом растении сидело еще двадцать совершенно новых: божьи коровки, пчелы-плотники, яркие бражники, гигантские муравьи, паучки-крабы, которые умели менять окраску, словно хамелеоны. Завороженный богатством жизни за порогом дома, Джерри бродил по саду в совершеннейшем изумлении, а потом часами наблюдал за существованием загадочных созданий. «Пока мы не поселились в нашем первом доме, — позднее вспоминал Джеральд, — мы не понимали, что попали в рай... Я чувствовал себя так, словно со скал Борнмута меня перенесли на небеса. Наконец-то я ощутил себя по-настоящему дома».

Итак, семья наконец обрела дом. Спиро принял на себя все заботы по устройству бестолковых англичан. Он яростно спорил по поводу каждой покупки. Именно Спиро сумел навести порядок в вопросе пропавших маминых денег. А таможенные чиновники, задержавшие багаж семьи, вернули все чемоданы и ящики с извинениями. Спиро, с «громовым голосом и вечно нахмуренными бровями», сообщал Дарреллам все, что они должны были знать относительно жизни на острове. Он стремился удовлетворять их самые мелкие желания. Маму Спиро буквально боготворил, повсюду ее сопровождал, словно ангел-хранитель. Однажды Лесли сказал ему: «Знаешь, она ведь совсем не хорошая мать!» Спиро был в ужасе. Он немедленно выступил на мамину защиту. «Не говорить так!

— ревел Спиро. — Если бы я иметь такая мать, я бы каждое утро опускаться на колени и целовать ее ноги!»

Все члены семьи Дарреллов приспосабливались к новой жизни сообразно своим привычкам и вкусам. Марго устроилась на Корфу быстрее всех. Маленькая, светловолосая, веселая, в крохотном купальнике, она, к восхищению всех местных парней, часами загорала в оливковых рощах. Молодые греки возникали словно по мановению волшебной палочки, даже если она отправлялась в самое уединенное место. По крайней мере, так утверждал Джеральд в своей великолепной книге, посвященной дням, проведенным на Корфу, «Моя семья и другие звери». Он написал ее двадцать лет спустя и порой не придерживался строгой хронологии событий. Марго же вспоминала о греческом путешествии иначе. «Джеральд выставил меня полной идиоткой, которая только и думала, что о парнях, — жаловалась она много лет спустя. — Джерри никогда не понимал меня, никогда не хотел заглянуть в глубь моей души. Оглядываясь назад, я вижу романтичную, чувствительную девушку, которая стремилась постичь дух Греции. Я единственная сумела понять подлинную натуру Корфу».

Акклиматизация Лесли оказалась весьма шумной. Как только багаж прибыл, он распаковал свои ружья и пистолеты, вычистил их, смазал и зарядил, а потом принялся стрелять по консервным байкам из окна своей спальни. Мама целые дни проводила на кухне, помешивая что-то в кипящих на плите кастрюльках. Дом был наполнен ароматами трав и чеснока. «Мы с мамой Даррелл увлеклись готовкой, — вспоминала Нэнси. — Она любила готовить невероятно острые блюда, которые было почти невозможно есть. Мы заготавливали банки с различными чатни, томатной пастой, кабачковой икрой. Вообще в нашем рационе было множество местных овощей, включая такие экзотические плоды, как плоды опунции».

Лоуренс же, по воспоминаниям Джеральда, был «самим провидением создан для того, чтобы нестись по жизни, словно маленький светловолосый огонек, разбрасывающий вокруг себя искры идей, а затем сворачивающийся в чисто кошачьем равнодушии и снимающий с себя всякую ответственность за последствия». Читая «Мою семью и других зверей», можно подумать, что Лоуренс жил вместе со всей семьей, однако они с Нэнси снимали собственный дом почти все время, проведенное семьей Дарреллов на Корфу. Хотя Лоуренс любил публично заявлять, что он не встречался со своей семьей в Греции, кроме как на Рождество, на самом деле они с Нэнси проводили много времени в мамином доме. Пока они жили возле Перамы, это было несложно. Затем, когда семья перебралась на северное побережье, видеться стало сложнее. Нэнси хорошо запомнила свои контакты с семьей Дарреллов.

«Ларри постоянно терзал Лесли. Он говорил, что тот дурак, что он бесцельно тратит свою жизнь. Ему доставляло удовольствие унижать младшего брата. У Лесли было три или четыре пистолета. Когда Ларри доводил его до крайности, Лесли хватался за пистолет и угрожал, что сейчас его пристрелит. Думаю, он вполне был способен это совершить. Иногда Лесли принимал мою сторону. Он хватал пистолет и тогда, когда мы с Ларри ссорились. Бедный старина Лесли, он бродил по полям с полевой полицией — очень неинтересными людьми с ружьями наперевес: У него была повреждена барабанная перепонка, поэтому он не мог плавать и развлекаться, как мы все. Не слишком веселое времяпрепровождение для девятнадцатилетнего парня».

В землянично-розовом доме было всего три спальни, поэтому, хотя Джеральду и не приходилось больше сворачиваться клубочком в материнской кровати, он по-прежнему жил вместе с ней в одной комнате. В уголке для него была поставлена кушетка. Лоуренсу досталась роль отца. Разница в возрасте была такова, что Джерри видел в старшем брате скорее отца, чем брата. Он все знал и умел, его авторитет в семье был непререкаем. Такой человек вполне мог заменить мальчику недостающего отца.

Постепенно семья привыкла к тому, что не может общаться почти ни с кем, кроме Спиро. Греческий язык довольно сложен для изучения. Дарреллам пришлось потрудиться, чтобы хоть как-то им овладеть. Младшие члены семьи сумели все же справиться с этой задачей — не изучая грамматику и не заучивая новые слова, а просто общаясь с крестьянами из соседних деревень. Греческий язык они помнили всю свою жизнь. «Понемногу я научился понимать их разговор, — вспоминал Джеральд. — Сначала мое ухо стало выделять из общего неясного потока отдельные звуки, потом эти звуки приобрели вдруг значение, и я начал медленно, с запинками выговаривать их сам».

Корфу был самым красивым из всех средиземноморских островов, а во времена Даррелла он оставался практически не затронутым современной цивилизацией. Корфу расположен в одной из самых красивых областей Греции. За свою историю он часто переходил из рук в руки — его захватывали венецианцы, французы, англичане. Завоеватели оказали сильное влияние на образ жизни местного населения. Венецианцы стали аристократией острова. Именно они построили столицу

острова и самые изысканные виллы. Англичане же, которых изгнали с Корфу в 1864 году, познакомили островитян с имбирным пивом, почтовой службой и крикетом. Даррелламв этом отношении повезло — корфиоты всегда относились к англичанам с глубоким уважением. Греки считали каждого англичанина лордом и воплощением самых высоких человеческих добродетелей. Джеральда местные крестьяне прозвали «маленьким английским лордом». Ему были рады в каждом доме.

Но, как и любой невинный Эдем, остров имел и свою оборотную сторону. «Крестьяне оказались неисправимыми ворами и лжецами, — писал Ло-уренс вскоре после переезда в Пераму. — Но они полностью компенсировали эти недостатки своей восхитительной манерой вилять задом при ходьбе. Это объясняется тем, что им постоянно приходится переносить тяжести на голове». Вскоре Лоуренс переменил свое отношение к корфиотам. Даррелы подружились со многими жителями острова. Но все же мир греческого острова оставался им чужд. Позже Джеральд писал:

«Корфу был замечательным местом, странным и немного сумасшедшим. Когда продавец в магазине с присущим всем корфиотам шармом говорил, что приготовит для вас все, что нужно завтра, он погружался в мир, который поставил бы в тупик самого Эйнштейна. Слово «завтра» могло означать все, что угодно, — полтора часа, две недели, два месяца или вообще никогда. Слово «завтра» никогда не имело нормального значения. Оно могло превратиться во вчера, в прошлый месяц или в следующий год. Мы были Алисами, попавшими в страну чудес».

В те дни Греция не пользовалась такой популярностью, как в наши дни. Она считалась слишком далекой и грубой страной. Туристы, отправлявшиеся за границу, предпочитали Италию. Греция же оставалась дикой страной, не соответствовавшей запросам рафинированных европейцев. Иностранец, поселившийся в этой стране, сталкивался с массой практических проблем. Не составлял исключения в этом отношении и Корфу.

До изобретения ДДТ, как писал Лоуренс, «Корфу был одной огромной блохой — одной ужасающей волосатой отвратительной блохой, — а также несколькими клопами, тоже слоновьих размеров». Он жаловался, что жизнь на острове почти так же примитивна, как в Африке, что крутом кишат насекомые, распространена малярия, летняя жара почти невыносима, а почва камениста. Обычная греческая деревня мало изменилась со средних веков. Медицина была совершенно неизвестна. Если кто-то заболевал, то его лечили народными средствами — массажем, припарками, травяными настоями — или отправляли к костоправу. Хотя в городах и были квалифицированные медики, но обратиться к греческому врачу, по воспоминаниям Джеральда, было равнозначно «пересечению Ниагарского водопада в бочке». Дороги на острове были плохими, на три дюйма покрытыми белой пылью. На северное побережье было сложно добраться даже летом, а зимой эти дороги полностью размывало. В отдаленные части острова добирались на пассажирских рыбачьих лодках, но зимой, когда море штормило, эти лодки переставали ходить.

Поскольку Даррелы поселились неподалеку от города, их жизнь была более или менее устроенной. Фруктов и овощей — картофеля, кукурузы, моркови, помидоров, зеленого перца и баклажанов — было неимоверно много, и продавались они за чисто символическую цену. Каждый день можно было купить свежую рыбу. Но на острове просто не существовало сливочного масла, а молоко было только козьим. Тощие костлявые цыплята не привлекали взгляд, что такое говядина, островитяне не знали, хотя в изобилии была прекрасная баранина и порой свинина. Из консервов на Корфу можно было найти только горошек и томатную пасту, а хлеб был тяжелым, серым, мокрым и кислым. На острове не было газа, электричества и угля. Очаги топили древесным углем, поэтому, чтобы вскипятить чайник, требовалось не меньше двадцати минут. Белье гладили тяжелыми черными утюгами на древесном угле. В качестве источников света использовались масляные лампы. Они наполняли комнату специфическим запахом. Для обогрева помещений использовались масляные печки, а также камины. Для торжественных случаев приобретались большие церковные свечи, которые устанавливали на веранде и в саду. Для освещения стола использовали сушеные мандарины, которые заполняли маслом и куда опускали маленькие фитили. На Корфу не было холодильников, но для мамы Спиро устроил ледник, куда он каждый день привозил лед из города. В отсутствие холодильника его роль исполнял глубокий колодец, куда опускали продукты в специальной корзине. Часть продуктов хранилась в пещере на берегу, где тоже было довольно прохладно. «Иногда было так жарко, — вспоминал Лоуренс, — что мы выносили обеденный стол на берег и устанавливали его так, чтобы сидеть в воде. Если вода доходила до пояса, то становилось вполне комфортно. Море было настолько чистым и спокойным, что по ночам не колебались даже свечи. А луна была невероятно огромной и оранжевой!»

Но все свои недостатки Корфу с избытком компенсировал необычайными достоинствами. Арендная плата была очень низкой. Даррелы платили всего два фунта в месяц за большой дом на берегу. Пища также доставалась практически даром. «На Корфу продается отличное местное вино, — писал Лоуренс Алану Томпсону. — На вкус и на вид оно больше всего напоминает замороженную кровь. Вино стоит 6 драхм за бутылку. Чего еще можно желать? В Англии за такие деньги не купишь даже бутылки лошадиной мочи. Вчера мы по-королевски пообедали красной кефалью — пища подлинных эпикурейцев! — и стоил наш обед всего 20 драхм». Одежда на острове также не отличалась изысканностью. Джерри большую часть времени проводил в шортах. Он отпустил длинные волосы, поскольку терпеть не мог ходить к местному парикмахеру. Когда воздыхатель подарил Марго большую шелковую шаль, которую та не собиралась носить, Джеральд выпросил у нее этот подарок и стал носить его вместо плаща во время прогулок на деревенском пони. Шаль была разукрашена золотыми, зелеными, красными и фиолетовыми цветами, а по краям шла длинная красная бахрома. «Я представлял себя настоящим рыцарем, — вспоминал Джеральд, — когда в своем наряде мчался по холмам».

Жизнь на острове была довольно спартанской. В доме были деревянные полы, которые раз в неделю мыли и чистили песком. Каждое утро прислуга вывешивала простыни на улицу, чтобы проветрить. Обстановка в доме была простой, деревенской и совершенно греческой. Мама украсила дом экзотическими индийскими предметами, которые она привезла из Англии. На окнах красовались темно-синие занавеси с огромными павлинами, в гостиной расположились круглые медные столики с затейливым чеканным орнаментом и изящно изогнутыми ножками, пепельницы украшали драконы и павлины.

Жизнь семейства Даррелов на Корфу была простой, неспешной, спокойной и уравновешенной. Остров был прекрасен, не испорчен цивилизацией — настоящий земной рай, окруженный кристально-чистым морем. Джеральд был совершенно счастлив.

«Мало-помалу остров незаметно, но властно подчинял нас своим чарам. Каждый день нес в себе такое спокойствие, такую отрешенность от времени, что хотелось удержать его навсегда. Но потом ночь опять сбрасывала свои темные покровы, и нас ждал новый день, блестящий и яркий, как детская переводная картинка и с тем же впечатлением нереальности. В те дни я вел странную тройную жизнь. Я существовал одновременно в трех мирах. Один мир принадлежал моей семье, второй — эксцентричным друзьям, а третий — местным крестьянам. По всем трем мирам я проходил незамеченным, но внимательным наблюдателем».

Для Джеральда Корфу был своеобразным средиземноморским Конго, населенным аборигенами и кишащим животными и насекомыми. Любая прогулка по острову превращалась в увлекательное приключение, любой шаг в сторону от привычного пути таил в себе что-то новое, неожиданное и невероятно интересное.

Семья решила пробыть в Греции полгода, а затем решить, стоит ли оставаться на Корфу. Это время стало для Джеральда временем полной свободы, нескончаемым праздником — ни уроков, ни обязанностей, ни домашней работы. Только прогулки по острову, только знакомство с земным раем, только новые открытия, поджидавшие его, стоило ему только отойти от землянично-розового дома.

Каждое утро спальню Джеральда заливали лучи восходящего солнца, а затем доносился аромат растапливаемого очага на кухне. Раздавалось кудахтанье кур, лай собак, звон овечьих колокольчиков. После завтрака под мандариновыми деревьями, состоявшего из кофе, тостов и яиц, Джеральд натягивал сапоги — мама купила ему резиновые сапоги и поначалу требовала, чтобы он обязательно их надевал, она еще помнила опасных индийских змей — и отправлялся на прогулку по утренней прохладе. В руках мальчик держал сачок, его карманы были полны пустых спичечных коробков, а за ним несся лохматый черный Роджер — верный друг и спутник во всех путешествиях Джеральда.

Для жителей деревень, расположенных в радиусе шести миль от землянично-розового дома, Джеральд был чем-то вроде местной газеты или программы новостей. В те дни местные крестьяне редко виделись друг с другом, разве что пару раз в год на сельских праздниках. Такой неутомимый путешественник, каким был Джеральд, разносил новости от деревни к деревне. Он сообщал, что Мария умерла, а у Спиро погиб урожай картофеля (речь шла о том Спиро, который держал слепого осла, а не о Спиро-американце). «По! По! По! — в ужасе восклицали крестьяне. — И теперь ему придется зимовать без картошки?! Храни его святой Спиридон!»

Джеральд быстро перезнакомился с местными крестьянами, и многие из них стали его настоящими друзьями. К числу его друзей относился веселый деревенский простак, дружелюбный, но немного заторможенный юноша с круглым, как блин, лицом, постоянно ходивший в котелке с

обрезанными полями. Очень любил Джеральд веселую и толстую Агати. Агати уже перевалило за семьдесят, но ее волосы по-прежнему оставались блестящими и черными. Она пряла шерсть на ступеньках своего дома и напевала пронзительные народные песни, чаще всего свою любимую, «Миндальное дерево». Еще одним другом Джеральда был старый беззубый пастух Яни с крючковатым носом и огромными бандитскими усами. Яни угощал десятилетнего Джеральда оливками, инжиром и местным красным вином, разведенным до бледно-розового цвета.

Но самым удивительным и притягательным человеком для Джеральда был Человек с Золотыми Бронзовками, странствующий коробейник, отличавшийся уникальной эксцентричностью. Когда Джеральд впервые увидел его во время своих странствий, он играл на пастушьей свирели. Наряд Человека с Золотыми Бронзовками поразил мальчика. На нем была бесформенная потрепанная шляпа, за ленту которой были заткнуты самые разнообразные перья — совиные, удодовые, зимородковые, петушиные и лебединые. Из карманов пиджака торчали гребешки, воздушные шарики и цветные образки святых. На спине он нес бамбуковые клетки с голубями и цыплятами, несколько загадочных мешков и большой пучок свежего зеленого лука. «Одной рукой он держал свирель, а в другой сжимал пучок нитей, к каждой из которых была привязана золотая бронзовка, размером с миндальный орех. Сверкая на солнце, золотисто -зеленые жуки летали вокруг шляпы и отчаянно гудели, стараясь сорваться с ниток, крепко обхватывающих их тельца». Жуки, как показал жестами человек (он был не просто странным, а немым), деревенским ребятишкам заменяли игрушечные самолеты.

Мешок Человека с Золотыми Бронзовками был набит черепахами. Особенно понравилась Джеральду одна из них, с более яркими, чем у ее товарок, глазами и обладающая, как показалось мальчику, уникальным чувством юмора. Джеральд назвал черепашку Ахиллесом. «Разумеется, такой прекрасной черепахи я еще никогда не видел. По-моему, она стоила раза в два дороже, чем я за нее заплатил. Я погладил черепаху пальцем по чешуйчатой головке, осторожно положил в карман и, прежде чем спуститься с пригорка, оглянулся. Человек с Золотыми Бронзовками стоял на том же самом месте, но теперь он танцевал что-то вроде джиги, раскачивался, прыгал, подыгрывая себе на свирели, а на дороге, у его ног, копошились маленькие черепахи».

У Человека с Золотыми Бронзовками Джеральд приобрел нескольких зверушек, которые поселились в землянично-розовом доме, — жабу, ласточку с поврежденным крылом и всех его золотых бронзовок, которые летали по всему дому, падали на постели и врезались в людей, как маленькие изумруды. Самым беспокойным жильцом оказался молодой голубь, который наотрез отказывался летать и предпочитал спать в изножье постели Марго. Птица была настолько некрасивой и толстой, что Ларри прозвал ее Квазимодо. Именно Ларри заметил, что при звуках музыки голубь начинает кружиться вокруг граммофона в неком подобии вальса, а при звуках марша Саузы гордо вытягивался во весь рост и раздувал грудь. В один прекрасный день Квазимодо поразил всех тем, что снес яйцо. Характер вздорной голубихи становился все невыносимей, она позабыла о граммофоне и внезапно научилась летать. Она вылетела из дома и поселилась на соседнем дереве, устроив свою жизнь с крупным голубем весьма мужественного вида.

Джеральд быстро постигал секреты природы Корфу. Но мама решила, что ему нужно получить образование. За это неблагодарное дело взялся Джордж Вилкинсон. Каждое утро он приходил в дом Даррелов, длинный, нескладный, бородатый очкарик, в шортах и сандалиях, держащий под мышкой стопку книг из собственной небольшой библиотеки. Для обучения десятилетнего Джеральда Джордж выбрал «Энциклопедию» Пирса и книги Уайльда и Гиббона. «Джерри делал все, чтобы только увильнуть от занятий, — вспоминала Нэнси. — Уроки казались ему страшно скучными, а из Джорджа вышел неважный преподаватель». Привлечь внимание ученика Джорджу удавалось только тогда, когда он заговаривал о животных и природе в связи с каким-нибудь изучаемым предметом от истории («Господи боже мой, живой ягуар!» — воскликнул Колумб, впервые ступив на землю Америки) до математики («Если две гусеницы за неделю съедают восемь листьев, сколько времени потребуется четырем гусеницам, чтобы съесть то же количество листьев?»). Именно Джордж убедил Джеральда вести дневник наблюдений за живой природой, куда мальчик тщательно записывал все, что он видел и чем занимался каждый день. К сожалению, эти толстые разлинованные в голубую линейку тетради были впоследствии потеряны.

Джеральд не любил сидеть дома, но на улице он совершенно преображался. Ему было все равно, где гулять, — по ухоженному газону или по болоту, кишащему змеями. Поняв это, Джордж разработал для своего ученика план занятий на природе. Они отправлялись в оливковые рощи или спускались на небольшой пляж у подножия холма Пондиконисси (Мышиный остров). Здесь учитель с учеником сосредоточенно обсуждали, какую историческую роль сыграла коллекция птичьих яиц

Нельсона в исходе Трафальгарской битвы, лениво плавая по тихому заливчику. Но больше всего Джеральда увлекала флора и фауна морского дна — темные водоросли-ламинарии, крабы-отшельники, голотурии, лениво перекатывающиеся по песку, втягивающие в себя воду с одного конца и выпускающие ее с другого. «Море, как теплое шелковистое одеяло, окутывало мое тело, — писал Джеральд, — и легонько покачивало его. Волн не было, только слабое, убаюкивающее меня подводное движение, пульс моря».

Джордж Вилкинсон был выдающимся романистом, но его уроки английского настолько утомляли Джеральда, что однажды мальчик предложил написать собственный роман. В то время Лоуренс как раз работал над своим вторым романом, «Черная книга». Произведение Джеральда называлось «Друг зверей» и было написано с массой грамматических ошибок, ужасным почерком, неуверенной рукой. Сюжет заключался в описании приключений человека, каким Джеральду суждено было стать впоследствии.

«Долеко-долеко, в самом серце африканских жунглей жывет малинкий белый чиловек. Самое удевительное в нем то, что он дружит со всеми звирями в акруге. Сичас он петается только травами и симинами, хотя совершено их не любит. Чтобы не голодать, он взял лук и стрелы и подстрелил какую-то птицу. Он не любит убевать сваих друзей, но он настолько аслабел, что с трудом мог хадить!

Любимым жывотным этого чиловека был большой серый павиан, каторого он назвал Сотине. Этот павиан был очень умный. Когда хозяин сказал ему: «Сотине, мне нужна бальшая палка, чтобы я мог сделать лук», он атправился в жунгли и принес бамбук для лука и стрел. Павиан принес бамбук и палажил перед белым чиловеком, и стал ожидать благодарности. Не стоит и гаварить, что хазяин был ему крайне признателен... »

И так далее в том же духе. Вполне в духе экспериментальной прозы молодой писатель смело переходит с третьего лица на первое, и дальнейшие приключения Друга зверей описывались уже не от лица рассказчика, а от лица самого героя повествования.

«Аднажды, когда я брадил вокруг сваего дома в Африке, на мое пличо легла Тежелая Валасатая Рука. Она зашвырнула миня в самое серце жунглей. Я лител и лител, и наконец упал (нильзя сказать, чтобы на очень мякую поверхность). Очнувшись, я увидил большого серого бабуина. «Господи боже мой, — проворчал я, — какого хрена ты миня сюда притащил?» Я заметил, что бабуин риагирует на май слова. Он падашел ко мне и снова схватил своей Большой Валасатой Рукой...»

В то же время Джеральд увлекся и написанием стихов. Сначала в этих произведениях сочеталась простота содержания и грамматики, но искренняя любовь к живой природе придала виршам Джерри подлинную содержательность.

Яркая пчела парит над миром насекомых,
Она летит в лучах света,
У нее бьется сердечко и пульсируют вены,
И эта крылатая красотка стремительно падает вниз,
Садится на цветок, раздвигает лепестки
И жадно пьет нектар.
А пыльца прилипает к ее красно-желтым крылышкам.
Голод утолен, и пчела улетает домой
И уносит с собой частицу живого цветка.

Очень скоро в соседней оливковой роще Джеральд обнаружил таинственные, затянутые паутиной дверцы. Эти кружочки были не больше монеты в один шиллинг, но они полностью изменили жизнь Джеральда. Озадаченный таким странным явлением, мальчик отправился на виллу Джорджа Вилкинсона, чтобы посоветоваться со своим учителем. Джордж был дома не один. «Около него на стуле сидел человек, которого я сначала принял за брата Джорджа, так как у него тоже была борода, — вспоминал Джеральд. — Однако, в отличие от Джорджа, он был безукоризненно одет: костюм из серой фланели, жилетка, белоснежная рубашка, со вкусом подобранный, хотя и мрачноватый галстук и большие крепкие башмаки, начищенные до блеска.

«Джерри, это доктор Теодор Стефанидес, — сказал Джордж. — Он знает почти все, о чем ты только можешь спросить, он сам тебе расскажет. Так же, как и ты, он помешан на природе. Теодор, это Джерри Даррелл».

Джеральд рассказал Теодору о странных тайниках, обнаруженных им в оливковой роще.

Доктор Стефанидес внимательно его слушал, а затем предложил отправиться на место, чтобы увидеть этот феномен собственными глазами. Это было несложно, так как оливковая роща располагалась как раз на пути Теодора домой.

«По дороге я украдкой разглядывал Теодора. У него был прямой, хорошей формы нос, насмешливые губы, скрытые пепельной бородой, а из-под ровных, довольно пушистых бровей на мир глядели проницательные глаза, смягченные веселым огоньком и добрыми морщинками в уголках. Теодор шел бодрым шагом, что-то напевая про себя».

Теодор с первого же взгляда понял, что перед ним норки земляных пауков, ловушки, в которые пауки ловят зазевавшуюся добычу. Тайна была разрешена. Доктор Стефанидес пожал Джеральду руку и собрался уходить. «Он повернулся и, размахивая тростью, зашагал вниз по склону. Я глядел ему вслед, пока он не скрылся из виду, а потом побрел к себе домой... Теодор привел меня в смущение и в то же время вызвал восторг. Он был единственным взрослым из всех, кого я знал, кто разделял мой интерес к зоологии. Я был очень польщен тем, что он обращался и разговаривал со мной так, будто мы были одного возраста. Теодор обращался со мной, как с равным не только по возрасту, но и по знаниям».

Джеральд не думал, что увидит этого человека вновь, но, по-видимому, его интерес, серьезность и наблюдательность произвели на Теодора впечатление. Два дня спустя Лесли вернулся из города и принес небольшой сверток для Джеральда. Внутри свертка обнаружились маленькая коробочка и письмо.

«Дорогой Джерри Даррелл,

после нашей недавней беседы я подумал, что тебе для исследования местной природы неплохо было бы иметь какой-нибудь увеличительный прибор. Поэтому я решил послать этот карманный микроскоп в надежде, что он тебе пригодится. У него, конечно, не очень сильное увеличение, но ты увидишь, что для работы в поле оно достаточно.

Желаю тебе всего хорошего, искренне твой *Тео Стефанидес*.

P. S. Если в четверг ты ничем не занят и захочешь прийти ко мне на чашку чая, я смогу показать тебе кое-какие препараты».

Доктор Тео Стефанидес открыл Джеральду незнакомый и удивительный мир, в котором мирно соседствовали поэт Затопеч и камердинер последнего греческого короля, микроскопические малиновые клещи и одноглазые циклопы, необычайное богатство черепаховых холмов, озеро лилий и фосфоресцирующее лиловое море. Прогулки с Теодором изменили Джеральда. Он усвоил язык и манеру поведения греческих крестьян, полюбил их музыку и сказки, научился пить их вино, петь их песни, избавился от тонкого налета «английскости». По сути дела, Джеральд никогда не был настоящим англичанином, и этот недостаток, в сочетании с отсутствием формального образования, причинил ему много неприятностей в последующие годы.

Когда Джеральд познакомился с Теодором Стефанидесом, тому исполнилось сорок. Хотя семья Стефанидесов происходила из Фессалонии, Тео (как и Джеральд) родился в Индии, благодаря чему владел английским языком так же хорошо, как и греческим. В Бомбее семья Стефанидесов говорила только по-английски. Вернулись они на Корфу в 1907 году, когда Тео исполнилось одиннадцать. В этом возрасте он впервые начал изучать греческий язык. Во время Первой мировой войны он служил в греческой армии в Македонии, а когда шла война с Турцией, оказался в Малой Азии. После окончании войны Тео отправился в Париж, чтобы изучать медицину. Затем он вернулся на Корфу. В 1929 году Тео Стефанидес открыл первый на острове рентгеновский кабинет. Вскоре он женился на Мэри Александер, внучке бывшего британского консула на Корфу. Хотя Тео был доктором, он не преуспел. По большей части, он лечил бесплатно. Почти всю свою жизнь он и его жена прожили в одном и том же маленьком арендованном домике.

Тео отличался удивительной цельностью и вежливостью. Он одинаково уважительно относился к старикам и к детям, к друзьям и к совершенно посторонним людям. Он был очень застенчив и позволял себе расслабиться только в обществе самых близких людей. Но Теодор обладал удивительным чувством юмора. Он любил хорошую шутку, даже самую глупую, и мог хохотать над ней от всего сердца. Он любил греческие танцы и порой сам танцевал kalamatianos. В свободное время он излазил весь остров вдоль и поперек. Там, где были дороги, он путешествовал на автомобиле, а туда, куда машина не могла проехать, отправлялся пешком. Всю дорогу он что-то напевал себе под нос. Прогуливаясь с Джеральдом, Теодор распевал дурацкую песенку, которую он очень любил.

Жил себе старик в Иерусалиме,

Глори аллилуйя, И — ерo — джерум,
И носил он шляпу, и был настоящим франтом,
Глори аллилуйя, И — ерo — джерум,
Скинермер ринки дудл дам, скинермер ринки дудл дам,
Глори аллилуйя, И — ерo — джерум...

«Это был удивительный мотив, — вспоминал Джеральд, — который придавал новые силы утомленным ногам. Приятный баритон Теодора и мой дрожащий дискант далеко разносились под кронами сумрачных деревьев».

Тео имел собственный взгляд на проблемы экологии. Он намного опередил свое время, особенно для Греции. Семена, зароненные Тео Стефанидесом в душу Джеральда, дали свои входы в последующие годы. Когда Тео отправлялся за город, он всегда рассеивал семена деревьев из окна автомобиля в надежде на то, что хотя бы несколько из них прорастет. Он всегда выбирал время, чтобы научить крестьян бороться с эрозией почвы и убедить их не пасти коз повсеместно, чтобы не уничтожать растительность. Хороший врач, он многое сделал для развития здравоохранения на Корфу. Он убеждал крестьян заселять водоемы особым видом пескарей, которые уничтожали бы личинки малярийных комаров.

Для Джеральда общение с Теодором стало курсом Оксфорда или Гарварда без промежуточных школ и колледжей. Тео был живой, говорящей энциклопедией, откуда можно было почерпнуть самые разнообразные, точные и детальные сведения. Он родился до эпохи узкой специализации и знал кое-что, а порой и очень много, обо всем. В течение дня он давал маленькому Джеральду знания по антропологии, этнографии, музыковедению, космологии, экологии, биологии, паразитологии, биохимии, медицине, истории и по множеству других наук. «У меня было мало книг, которые могли бы дать ответы на мои вопросы, — писал Джеральд. — И Тео стал для меня чем-то вроде ходячей, бородатой энциклопедии».

Тео обладал уникальной способностью коллекционировать в своей памяти отдельные, не связанные между собой факты. Он был настоящим эрудитом, умевшим связать события прошлого и настоящего, увидеть цельную картину, научно достоверную, но порой парящую в облаках фантазии. «Школьные уроки биологии были для меня закрытой книгой, — во взрослом возрасте признавался Джеральд своему приятелю, — а во время прогулок с Теодором мы говорили с ним обо всем: от жизни на Марсе до особенностей микроскопического жучка. Я знал, что все это части единого целого. Я понимал взаимосвязь всего в природе».

Тео Стефанидес сумел преодолеть железный занавес, отделяющий науку от искусства. Он был не только биологом и врачом, но и поэтом. Друзья считали Тео выдающимся греческим поэтом. «Если бы я обладал даром волшебника, — однажды заметил Джеральд, — я бы сделал каждому ребенку на земле два подарка: беззаботное детство, какое было у меня на острове Корфу, и дружбу с Теодором Стефанидесом». Под руководством Тео Джеральд стал настоящим натуралистом в том смысле этого слова, какой в него вкладывали в девятнадцатом веке. Он не походил на прямолинейных современных зоологов, выходивших из британских университетов, хотя и всегда указывал в качестве профессии именно зоологию. Тео учил Джеральда не только тому, как живут и развиваются биологические организмы, но и объяснял ему роль человека в экологической системе. Он считал, что жизнь на планете должна существовать и развиваться без вмешательства человека. Человечество, по мнению Теодора, являлось всеведущим и смиренным — и доминировать среди этих качеств должно было именно смирение.

«Немногим молодым натуралистам посчастливилось сделать первые шаги под руководством такого всеведущего, доброжелательного и веселого греческого бога, — вспоминал Джеральд. — Теодор обладал самыми лучшими качествами натуралиста викторианской эпохи. Его интерес к миру был безграничен. Он умел оживить любую тему собственными наблюдениями и размышлениями. Широта его интересов доказывается тем фактом, что в его честь назвали микроскопическое морское ракообразное и кратер на Луне».

В период с 1935 по 1939 год Тео и Мэри Стефанидес раз в неделю навещали семейство Даррелов. Они приходили после обеда и оставались до ужина. Свою маленькую дочку Алексию они обычно оставляли дома с няней-француженкой. Девочка часто болела, и к тому же Тео не хотел делить внимание Джеральда ни с кем другим. Джеральд стал для Тео Стефанидеса настоящим сыном. Джеральду крупно повезло, что он встретил такого одаренного наставника в очень ответственный период своей жизни, Теодору повезло не меньше. Не каждый учитель встречает ученика, который полностью разделял бы его воззрения на жизнь и научные интересы. Помимо безграничной энергии и

энтузиазма, неутолимой жажды знаний — уникальной в столь юном мальчике, как замечал Тео, — Джеральд проявлял задатки настоящего натуралиста. Для начала, он обладал удивительным терпением. Он мог часами сидеть на дереве, не двигаясь, и наблюдать за каким-нибудь крохотным созданием. Даже Нэнси заметила это его качество: «Джеральд обладал невероятным терпением даже в столь юном возрасте. Он делал из травы специальные силки для ловли ящериц и часами просиживал возле норки, чтобы поймать юркое существо. А когда ящерица высовывалась, он ловко набрасывал на нее петлю».

Тео привлекало в Джеральде отсутствие высокомерия по отношению к животным, свойственное многим людям. Мальчик инстинктивно чувствовал, что животные равны человеку вне зависимости от того, насколько они малы, уродливы или невзрачны. Животные были его друзьями и компаньонами — часто единственными, потому что он был практически лишен общения со сверстниками. Животные чувствовали это и относились к Джеральду точно так же. И проявлялось это не только на Корфу, но и на протяжении всей жизни великого натуралиста.

Именно тогда Джеральд пришел к выводу о том, что существует фундаментальный моральный закон, согласно которому все виды имеют право на существование. И это в то время, когда человечество не испытывало моральных обязательств по отношению к другим живым существам! Джеральду было сложно изучать биологию так, как это было принято в то время. Он не мог убивать и рассекать животных, чтобы постичь их образ жизни и классификацию. «Я хочу жить рядом с живыми существами, — заявил он гораздо позже, — а не запихивать их в бутылку со спиртом!» Джеральд постепенно превращался в зоолога-бихевиориста (или этолога). Биология для него была изучением живых существ — порой даже слишком живых, на взгляд других членов его семьи.

Наступила первая зима, холодная и очень сырая. Ларри и Нэнси перебрались на другое побережье острова, в Калами, небольшую деревушку на северо-западе Корфу. Там они купили одноэтажный побеленный домик — Белый дом. Новое жилище Ларри стояло на самом берегу, всего в паре миль от берегов Албании. Зимние дожди на Корфу по своей интенсивности приближаются к тропическим. Море с яростью набрасывалось на прибрежные скалы. Единственным источником тепла в доме были вечно пылающие жаровни, которые ставили в центр комнаты.

На Рождество к Даррелам приехал девятнадцатилетний Алекс Эммет, школьный приятель Лесли. Мама даже ради гостя не рассталась с любимой бутылкой джина. Джерри остался полностью поглощенным своими пауками и уроками биологии с Тео Стефанидесом. А Лесли бесцельно слонялся по острову со своим ружьем. Не будь Тео, замечал Алекс, Джеральд с легкостью мог бы превратиться в такого же бездельника, как Лесли.

Приехав на Рождество, Эммет пробыл с Даррелами до весны. Весна на острове оказалась удивительной. Джерри восторженно наблюдал за пробуждением природы: «Остров покрылся цветами, заблагоухал, заиграл светлой зеленью. Кипарисы... стояли теперь прямые и гладкие, под легким плащом из зеленовато-белых шишечек. Всюду цвели восковые желтые крокусы, кучками выбивались среди корней деревьев, сбегали по откосам речных берегов. Под кустами миртов гиацинты набирали свои похожие на фуксиновые леденцы бутоны, а по дубовым рощам разлилась синеватая дымка буйно цветущих ирисов. ...Да уж, это была весна так весна: весь остров дрожал и гудел от ее шагов, все живое откликалось на ее приход. Это узнавалось по сиянию цветочных лепестков, по яркости птичьих перьев, по блеску в темных, влажных глазах деревенских девушек».

Семья реагировала на приход весны по-разному. Лесли отправился стрелять горлиц. Лоуренс купил гитару, здоровенную бочку крепкого красного вина и принялся распевать меланхолические елизаветинские любовные романсы. Марго поправилась, стала часто купаться и увлеклась красивым, но смертельно скучным молодым турком — не самый лучший выбор для греческого острова.

Экскурсии Джеральда по острову стали более увлекательными и дальними, когда семья перебралась в другой дом. Это произошло летом 1936 года. Джеральд вспоминал, что инициатором переезда стал Ларри. Он пригласил нескольких друзей — поэта Затопеча (его настоящее имя было Зариан), трех художников — Жонкиль, Дюрана и Майкла, и совершенно лысуго Мелани, графиню де Торро. И Ларри хотел, чтобы всех этих гостей мама разместила в землянично-розовом доме. Но в Розовой вилле с трудом размещались даже члены семьи. Что уж было говорить о каких-то гостях! Мама со свойственной ей изощренной логикой решила, что легче всего решить проблему, переехав в более просторный дом. В любом случае, ванна землянично-розового дома не заслуживала своего гордого названия. Это был простой умывальник и примитивный туалет, где было невозможно даже повернуться.

Новый дом, который Джеральд окрестил Нарциссово-желтой виллой, оказался высоким,

просторным венецианским особняком. Его называли вилла Анемоянни, по фамилии владельцев. Он располагался на холме у моря в деревушке Сотириотисса, неподалеку от Кондокали к северу от столицы острова. С веранды можно было наблюдать за тем, как раз в неделю к острову подплывает большой корабль, перевозящий почту. Дом пустовал уже три года. Зеленые ставни и бледно-желтые стены потрескались. Повсюду росли одичавшие оливковые, лимонные и апельсиновые деревья. Джеральд вспоминал:

«Все здесь наводило на грустные мысли о прошлом: дом с облупленными, потрескавшимися стенами, огромные гулкие комнаты, веранды, засыпанные прошлогодними листьями и так густо заплетенные виноградом, что в нижнем этаже постоянно держались зеленые сумерки... Заброшенный дом постепенно ветшал, и все вокруг приходило в запустение на этом холме, обращенном к сияющему морю и к темным изрезанным горам Албании».

Новый дом для семьи нашел все тот же Спиро, и он же организовал переезд. Длинная вереница тяжело нагруженных повозок потянулась по проселочным дорогам, поднимая облака белой пыли. Но даже после того, как перевезли все вещи, дом все равно оставался пустым и гулким. Повсюду стояла древняя мебель, которая рассыпалась, стоило лишь коснуться ее рукой (или бедром). Дом оказался достаточно большим, и Джеральду выделили собственную комнату на первом этаже. Он назвал ее студией, а остальные члены семьи беспардонно прозвали обиталище Джерри «Клоповником». Клоповник стал первым рабочим кабинетом Джеральда. Вот что он писал о своей комнате:

«В комнате приятно пахло эфиром и метиловым спиртом. Здесь я хранил книги по биологии, дневники, микроскоп, различные инструменты, сачки, сумки для образцов и другие ценные предметы. В больших деревянных ящиках, разделенных на ячейки, я разместил свою коллекцию птичьих яиц, жуков, бабочек и стрекоз. На полках рядами выстроились бутылки с метиловым спиртом, в которых хранились другие мои сокровища — цыпленок с четырьмя ножками, разнообразные ящерицы и змеи, головастики в различных степенях развития, маленький осьминог, три бурых крысенка (подарок от Роджера) и крохотная черепашка, которая не сумела пережить зиму. Стены были скромно, но со вкусом украшены сланцевой плиткой с окаменевшими останками рыбы, моей собственной фотографией, где я пожимал руку шимпанзе, и чучелом летучей мыши. Я набил чучело самостоятельно, без посторонней помощи, и очень гордился результатом».

Для Джеральда зима была скрашена регулярными уроками биологии с Тео Стефанидесом. Каждый четверг Джерри отправлялся в город к своему учителю. Комната Тео была набита книгами, блокнотами, рентгеновскими пластинами, банками и бутылками, где копошились речные и морские обитатели. В небо уставился довольно мощный телескоп, а на столе возле микроскопа валялись различные инструменты и предметные стекла. Джеральд часами мог рассматривать ротовые части крысиной блохи, яичные сумки самки циклопа или прядильный орган садового паука. Когда погода улучшалась, они отправлялись на природу. Тео приходил в Нарциссово-желтый дом пешком. Он всегда брал с собой жену, а порой и Алексию, которую на такси привозил Спиро. Тео с Джерри отправлялись исследовать окружающую природу. Учитель и ученик шли плечом к плечу, громко распевая народные песни.

Как-то раз компанию им составил Алан Томас, приехавший на Корфу навестить друзей. По воспоминаниям Алана, на Тео был элегантный белый костюм и шляпа, составившая бы честь царственной особе. Джерри носился вокруг, буквально пританцовывая от возбуждения. И Джерри, и Тео несли сумки с различными принадлежностями. «Я повернулся к Ларри, — вспоминал Томас, — и сказал: «Как замечательно, что у Джерри есть Теодор!» И Ларри ответил: «Да, Теодор для Джерри настоящий герой!» Джерри обычно брал с собой бутылку лимонада и коробку с бутербродами или бисквитами, а также целую кучу разных сачков, сумок, коробок и бутылок для образцов. Теодор так вспоминал об этих экскурсиях: «Мы с Джерри предпочитали исследовать живые создания и сводили собирание образцов к минимуму».

Исследуя природу окрестностей, Джерри и Тео проявляли недюжинную сосредоточенность. Они не оставляли неперевернутым ни одного камня, заглядывали под все палки и в каждую лужу. «Каждый прудок, каждая канава с водой были для нас словно неисследованные джунгли, битком набитые зверьем, — вспоминал Джеральд. — Крохотные циклопы, водяные блохи, зеленые и кораллово-розовые, парили среди подводных зарослей, будто птицы, а по илистому дну крались тигры прудов: пиявки и личинки стрекоз. Всякое дуплистое дерево, если в нем оказывалась лужица воды, где обитали личинки комаров, подвергалась самому тщательному исследованию, всякий замшелый камень переворачивался, а трухлявое бревно разламывалось». По возвращении Тео с Джерри совершали набег на мамину кухню и запасались суповыми тарелками и чайными ложками. С помощью этих инструментов они разбирали свои трофеи и рассортировывали их по банкам и

бутылкам, где водяным созданиям предстояло жить. Тео вспоминал, что им удалось собрать весьма представительную коллекцию водяной живности.

Вскоре Джеральд стал совершать длительные прогулки вокруг Нарциссово-желтого дома самостоятельно. Мама настаивала, чтобы он надевал яркие пуловеры, благодаря чему она всегда видела, где он находится. В миртовых рощах неподалеку от дома маленькие черепашки пробудились от зимней спячки. Джеральд целыми часами наблюдал за их брачными играми под лучами жаркого солнца. «Настоящий сексуальный акт, — записал он в своем дневнике, — был самым неловким и странным действием, какое мне только доводилось видеть. Самец крайне неуклюже и неловко пытался взгромоздиться на панцирь самки. Он раскачивался и был готов в любой момент сорваться. За ним было больно наблюдать. Желание помочь несчастному созданию переполняло меня». Не менее интригующей для двенадцатилетнего натуралиста оказалась сексуальная жизнь богомолов. Мальчик в ужасе наблюдал за тем, как удовлетворенная самка медленно нацеливается на голову самца, в то время как он старается оплодотворить ее, даже оставшись без головы: великолепная демонстрация двух основных целей жизни — питание ради выживания отдельной особи и совокупление ради выживания рода, — совмещенных в едином процессе.

Порой по ночам Джеральд отправлялся на охоту за летучими мышами. Это был удивительный мир, погруженный в молчание и залитый лунным светом, где царили обитатели ночи — шакалы, лисы, белки, сони и козодои. Они бесшумно пролетали по ночному небу, словно привидения. Однажды Джеральду удалось поймать маленького совенка сплюшки. Мальчик принес его домой и назвал Улиссом. Улисс обладал сильным характером и не позволял собой помыкать. Когда он вырос, то стал свободно перемещаться по Клоповнику. По ночам он летал в саду, а вечерами сопровождал Джеральда в его прогулках, уцепившись за шерсть на спине Роджера.

Теперь Джеральд стал собирать более крупных представителей животного мира. Его комната становилась мала для домашнего зоопарка, и обитатели Клоповника расползались и разлетались по всему дому, что приводило к различным недоразумениям. Остальные члены семьи не разделяли увлечения Джеральда и резонно возражали, когда обнаруживали в своих комнатах скорпионов или ящериц. Однажды дом заполнили огромные москиты. Никто не понимал, откуда они взялись, пока Тео не обнаружил, что Джеральд натащил полный аквариум крупных личинок Theobaldia longeareolata, самых крупных москитов на острове, которых он принял за головастиков. Но худшее было еще впереди.

Джеральду всегда нравились черные скорпионы, несчастные создания, пользующиеся дурной репутацией. Пастух Яни объяснял мальчику, что от яда скорпиона можно умереть, особенно если тот заберется вам в ухо, пока вы спите. Так умер молодой пастух, приятель Яни, и смерть его была нелегкой. Джеральд не испытывал страха перед опасными созданиями. Когда он обнаружил, что на стене, окружавшей сад Нарциссово-желтого дома, живут целые стаи черных скорпионов, то только обрадовался. «У этих странных малюток плоское овальное тельце, — писал Джеральд, — аккуратные изогнутые ножки и огромные, словно крабьи, вздутые клешни с сочленениями, как на скафандре. Хвост их, похожий на нитку коричневых бусин, заканчивается жалом вроде шипа розы». По ночам Джерри выходил в сад с факелом и наблюдал за восхитительными брачными танцами скорпионов. «Сцепив клешни, они тянулись вверх и нежно обвивали друг друга хвостами». «Я проникся большой любовью к скорпионам, — писал Джеральд. — Они казались мне очень милыми и скромными созданиями с восхитительным, в общем-то, характером». Правда, если забыть об их каннибализме.

Однажды Джеральд нашел на стене крупную самку скорпиона. На ее спине копошилось множество мелких скорпиончиков. Радостный Джерри посадил мать с семейством в пустой спичечный коробок, намереваясь вырастить скорпионов в Клоповнике, где бы он мог наблюдать за их развитием. К несчастью, как только он вошел в дом, его позвали обедать. Джерри положил коробку на камин и присоединился к остальным членам семьи. Обед прошел великолепно, а затем Лоуренс поднялся и подошел к камину, чтобы закурить. И вот тут-то его ожидал словно специально приготовленный коробок спичек.

Джерри с интересом следил за тем, как Лоуренс открывает коробок. Скорпиониха мгновенно выскочила из коробка и побежала по руке Ларри. Маленькие скорпиончики по-прежнему восседали у нее на спине. Лоуренс закричал от ужаса и инстинктивно махнул рукой. Скорпиониха очутилась на столе, рассыпая вокруг себя своих малюток. Безобразие продолжалось. Лугареция уронила тарелку, Роджер начал бешено лаять, Лесли опрокинул стул, а Марго вылила на скорпиониху стакан воды, но промахнулась и попала в маму.

«Опять этот проклятый мальчишка!» — проревел Ларри, пытаясь перекрыть царящий в столовой шум. Роджер решил, что во всем виновата Лукреция, и цапнул ее за лодыжку.

«Это все он! — продолжал орать Ларри. — Он нас всех прикончит. Посмотрите на стол... Там по колено скорпионов...»

Вскоре скорпионы попрятались под тарелки и салфетки, и все немного успокоились.

«Этот чертов мальчишка, — продолжал жаловаться Ларри, — каждый спичечный коробок в доме таит опасность!»

Во время другого не менее впечатляющего инцидента пострадавшей стороной оказался Лесли. Жарким сентябрьским днем Джерри решил, что его водяным змеям слишком душно в их аквариуме. Он принес рептилий в дом и выпустил в ванну, налив туда холодной воды. Вскоре с охоты вернулся Лесли и решил принять ванну, чтобы немного освежиться. В тот же момент из ванны донесся душераздирающий вопль, и на веранду выскочил совершенно голый Лесли.

«Джерри! — орал он с покрасневшим от гнева лицом. — Где этот чертов мальчишка?»

«Успокойся, дорогой, — рассеянно сказала мама. — Что случилось?»

«Змеи, — прошипел Лесли, — вот что случилось... Этот чертов мальчишка напихал полную ванну чертовых змей, вот что случилось... Отвратительные твари толще нашего шланга... Удивительно, что они меня не укусили!»

Джеральд вытащил змей из ванны, посадил их в большую кастрюлю и вернулся к столу как раз в тот момент, когда Ларри рассказывал гостям: «Наш дом — это смертельная ловушка. Любой укромный уголок или трещина кишмя кишат опасным зверьем, которое только и поджидает, чтобы наброситься. Как я сумел уцелеть, ума не приложу...»

Однажды Джерри и Тео вернулись домой с банкой, полной медицинских пиявок, каждая из которых достигала трех дюймов в длину. В озере Скотини, единственном пресном озере на Корфу, и по сей день водится множество этих ужасающих созданий. По какому-то недоразумению банка опрокинулась, и пиявки расползлись по дому. Ночью Лоуренс в ужасе проснулся оттого, что все простыни были залиты кровью. Ужасное создание сосало его кровь. Это было воплощением самых страшных кошмаров Ларри, апофеозом проделок Джерри.

Лоуренс по-разному оценивал младшего брата. Когда тот копался со своими многоножками, скорпионами или жабами, уважение старшего брата падало до нуля. Но потом он слышал, как мальчик насвистывает Восьмую симфонию Бетховена, что вызывало в нем безграничное изумление. Но даже по прошествии многих лет Лоуренс не изменил своего отношения к занятиям Джеральда. «В детстве он был совершенно невыносим, — говорил Лоуренс своим друзьям много лет спустя. — Ужасная заноза в заднице! В своей книге он выставил себя и самым худшим, и самым лучшим образом. До сих пор не могу забыть эти спичечные коробки, полные скорпионов. Я не мог спокойно присесть в этом доме. А мама постоянно защищала его — стоило произнести лишь слово критики, как она вскидывалась, словно медведица. А тем временем в супе копошились жуки! Нет, он был просто невыносим! Его нужно было как следует выпороть».

Хотя остальные члены семьи не разделяли увлечения Джеральда странными созданиями, Тео всемерно поддерживал своего ученика. Общение с Тео было для Джерри словно папское благословение. Позже Джеральд вспоминал, как они с Теодором отправились исследовать местные водоемы, которые как раз наполнились дождевой водой.

«Я искал черепашку-террапина, жабу, лягушку или змею, чтобы пополнить свой зоопарк, а Тео, вооруженный сачком с бутылкой, выискивал более мелких животных, порой даже невидимых глазом.

«Ага! — воскликнул он, вытаскивая сачок из воды и поднося бутылку к глазам. — Вот это... Гм... Очень интересно. Я не видел ничего подобного с того времени, когда жил в Эпире...»

«Взгляни, Тео», — сказал я, протягивая ему маленького змееныша.

«Гм... э-э-э...да... — ответил Теодор. — Очень славная».

Услышать, что взрослый человек говорит о змее «очень славная», было для меня подобно райской музыке».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

САД БОГОВ: КОРФУ 1937-1939

Вот так совершенно счастливый мальчик жил на своем райском острове, а формальное образование проходило мимо. Время от времени мама решала, что ребенку нужно чему-то учиться, и отправляла его на уроки французского языка к бельгийскому консулу, еще одному колоритному обитателю Корфу. Консул жил на верхнем этаже высокого, неустойчивого здания в центре

еврейского квартала столицы острова. Это был экзотичный и колоритный район с узкими улицами, где было полно лошадей, орущих торговцев, нагруженных ослов, квохчущих куриц и голодных, одичавших котов. Консул был милым маленьким человеком с золотыми зубами и удивительной трехконечной бородкой. Он всегда был одет соответственно своему официальному статусу, носил шелковые галстуки, блестящую шляпу и гетры.

Французскому языку Джеральд так и не научился, но скуку этих уроков скрашивало удивительное увлечение преподавателя. Выяснилось, что консул, как и Лесли, страстный охотник. Порой во время урока он вскакивал из кресла хватал пневматическое ружье прицеливался и стрелял из окна. Сначала Джеральд считал, что консул исполняет ритуал кровной мести, хотя то, что никто не стрелял в ответ, его несколько удивляло. К тому же после каждого выстрела консул утирал слезы и говорил: «Ах, бедная крошка...» В конце концов Джерри понял, что консул, страстно любивший кошек, отстреливал самых тощих и больных животных. «Я не могу накормить их всех, — говорил он. — Поэтому я стремлюсь осчастливить хоть нескольких из них, убивая их. Им так лучше, но мне так грустно...» И он снова хватал ружье и стрелял по другой кошке.

Бельгийский консул оказался не лучше остальных учителей Джеральда. Ему не удалось зажечь в мальчике искру интереса к обучению. Только под влиянием Ларри и Тео Стефанидеса Джеральд сумел научиться хотя бы чему-нибудь. «Ларри обладал уникальной способностью заставить человека поверить в себя, — писал Джеральд о своем старшем брате. — Всю жизнь он подбадривал меня настойчивее кого-либо другого. Если я и добился хоть какого-то успеха, всем этим я обязан только ему». Сразу же после переезда на Корфу Лоуренс начал заниматься литературным образованием младшего брата. Именно под его эклектичным, но вдохновенным руководством Джеральд познакомился с миром литературы и начал писать. Живой, постоянно ищущий ум Лоуренса увлекал мальчика.

«Мой брат Ларри был для меня настоящим богом, — вспоминал Джеральд. — И я пытался ему подражать. Ларри приглашал к себе интересных людей вроде Генри Миллера. К тому же я мог пользоваться его богатой библиотекой». Ларри давал Джеральду книги, кратко объясняя, какой интерес они представляют. Если слова брата увлекали мальчика, он принимался за чтение. «Господи, каким же я был всеядным! Я читал все: от Дарвина до полной версии «Любовника леди Чаттерлей». Я восхищался книгами В. Г. Хадсона, Джилберта Уайта и бэйтсовым «Натуралистом на Амазонке». Я верю, что все дети должны расти в окружении книг и животных», — писал Джеральд. Именно Лоуренс подарил младшему брату экземпляр классических трудов Анри Фабра «Жизнь насекомых: наблюдения натуралиста» и «Жизнь и любовь насекомых». На страницах этих книг жили осы, пчелы, муравьи, комары, пауки и скорпионы. Эти книги открыли для Джеральда Корфу. Он продолжал любить их всю жизнь, благодаря ясности и простоте, с какой они были написаны. Эти книги давали пищу для воображения. Даррелл писал:

«Если бы кто-нибудь подарил мне способность превращать в золото все, к чему я ни прикоснусь, я и то не был бы ему так благодарен. С того момента Фабр стал моим личным другом. Он раскрыл передо мной множество загадок, которые меня окружали, показал мне чудеса и объяснил, как они происходят. Благодаря его уникальным книгам я превращался в осу-охотницу, парализованного паука, цикаду, неуклюжего, громоздкого жука-скарабея и во многих других необыкновенных созданий».

По иронии сдобы, именно ленивый, не увлекающийся литературой, живущий в мире ружей и пистолетов брат Лесли открыл Джеральду его призвание. Он принес в дом экземпляр приключенческого журнала «Широкий мир», где с продолжением печатались рассказы о приключениях американского зоолога Айвена Сандерсона об экспедициях за животными Перси Слейдена, о диких джунглях Камеруна. Истории Сандерсона заронили в душу мальчика зерно, которому суждено было прорасти в далеком будущем. Джеральд дал себе клятву, что однажды он сумеет совместить свою любовь к животным и страсть к приключениям. Он решил отправиться в Африку за животными. И привезти этих животных в Европу он намеревался живыми, а не застреленными и не удушенными в силках, как это сделал Перси Слейден.

Лоуренс подарил Джеральду не просто напечатанные книги. Он подарил ему язык, уникальный чистейший язык, богатый метафорами и сравнениями. Прогресс, достигнутый Джеральдом на пути от его первых робких литературных опытов до настоящих бестселлеров, стал возможен только благодаря влиянию старшего брата. За один год Джеральд стал взрослым, и произошло это летом 1936 года, когда Джерри было всего одиннадцать лет. В своем следующем стихотворении «Смерть», написанном под явным влиянием Лоуренса, Джеральд писал:

На кургане мальчик лежал,
У подножия текла река;
Лиловые ирисы стояли вокруг него,
Словно стараясь укрыть его от ока смерти,
Которая всегда захватывает человека врасплох
И не дает ему собраться с духом.
Рододендроны склонились украдкой.
Глядя, как мальчик считает овец.
О, ужас!
Мальчик мертв,
Но смерти он не увидел.

Прогресс Джеральда был невероятен. Стихотворение потрясло Лоуренса, и он отослал его в Америку, своему другу Генри Миллеру, сообщив, что автором этого стихотворения является его младший брат. «Он сам написал это стихотворение, — писал Лоуренс, — и я ему завидую». Позже Лоуренс поместил «Смерть» в американском литературном журнале «Бастер», выходившем в Париже. В этом журнале сотрудничали Миллер, Альфред Перлес и Уильям Сароян.

Вскоре мама нашла для Джеральда нового учителя, призванного заменить Джорджа Вилкинсона, вернувшегося в Пераму. Это место занял двадцатидвухлетний Пэт Эванс, еще один приятель Лоуренса. «Пэт был высоким, красивым молодым человеком, — вспоминал Джеральд, — только что окончившим Оксфорд». Эванс серьезно подошел к вопросу образования своего ученика. Джеральд же считал, что усилия нового учителя заслуживают лучшего применения. Но беспокоиться ему было не о чем. Очень скоро волшебный остров оказал на вновь прибывшего свое чарующее действие, и все разговоры о дробях и прилагательных прекратились, уступив место более ориентированным на природу занятиям, таким, как плавание в лодке по морю за приятной беседой о теплых океанских течениях и о происхождении прибрежных пород. Эванс глубоко интересовался естественной историей и биологией. Он старался передать свой интерес ученику, не напрягая и не пугая его сложными сведениями. «Они просто бродили вокруг и рассматривали жуков», — вспоминала Марго.

Джеральд убедил Пэта Эванса позволить ему написать книгу. Это должно было стать его домашней работой по английскому языку. Очень скоро мальчик увлекся описанием «увлекательного кругосветного путешествия со своей семьей ради ловли диких зверей». Лоуренс назвал это произведение «великим романом о флоре и фауне нашего мира». В одной из глав этого произведения рассказывалось о том, как на маму набросился ягуар, а в другой Ларри задыхался в смертельных объятиях гигантской анаконды. К сожалению, рукопись безвозвратно погибла. Когда семья Даррелов окончательно решила покинуть остров, Джерри спрятал свое творение в жестяной банке и забыл его в доме. Он полагал, что нацисты жестоко истребили его произведение во время войны.

Один из фрагментов раннего творения Джеральда сохранился. Это стихотворение в прозе «В театре». Лоуренс опубликовал его в «Бастере» — и это была первая публикация Джеральда Даррелла. Было совершенно ясно, что Джеральд обладает присущим его старшему брату живым, конкретным воображением, чутьем на сравнения и метафоры, составляющими основу поэтического видения мира. Свои образы мальчик почерпнул из дикой жизни Корфу.

«Они положили его на носилки, белые и прочные, каждый стежок на которых напоминал о больнице. Они положили его на холодный каменный стол. Он был в пижаме, его лицо напоминало каракатицу. Студент суетился, кто-то тяжело и хрипло кашлял. Доктор мельком взглянул на новенькую сестру: она была бледна, как мрамор, и отчаянно теребила в руках голубой кружевной платок.

Скальпель тихо прошуршал, рассекая ткани. Показались внутренности, напоминавшие клубок весенних червей. Руки доктора двигались со скоростью атакующей кобры. Он резал, раздвигал, исследовал. Наконец в скорпионьем зажиме пинцета показалось что-то розовато-серое, напоминавшее сосиску. А затем зашивать — игла погружается в мягкую глубину и выходит снова по другую сторону бездны. Края раны соединяются, кожа стягивается, словно магнитом. Носилки прогибаются под неожиданной тяжестью».

Впервые прочитав творения своего одиннадцатилетнего братца, Лоуренс решил, что на самом деле это стихотворение в прозе написал Пэт Эванс. Но Эванс категорически все отрицал. «Неужели ты думаешь, — сказал он Лоуренсу, — что если бы я мог так писать, то стал бы тратить свое время на частные уроки?»

Но Пэт Эванс сыграл определенную роль в литературном образовании Джеральда. Позже Джерри написал письмо Алану Томасу и приложил к нему свое самое свежее поэтическое творение.

«Посылаю тебе свой последний опус. Мы с Пэтом каждую неделю пишем стихи. Это моя первая домашняя работа. Называется «Ночной клуб».

Любезничают, кокетничают со смертью. Тоска.
Спой мне что-нибудь бесполое, как растение,
Бессмертное, как платина, циничное, как любовь.
Меня охватила тоска, мой танец бессмыслен.
Вокруг сплошная пустота.
Танцуют дактили, саксофонист и пони,
Рыдают саксофоны...
Кругом содом, кокетство и тоска.
Мне нравятся тоскливые звуки саксофона.
Любовь должна торжествовать — даже трахаясь в гардеробе,
Когда никому нет дела, осталась ли еще любовь, которая должна
Торжествовать.

Я тебя очень люблю. Нэнси рисует для тебя картинку. Зачем?

Джерри Даррелл».

Мог ли одиннадцатилетний мальчик с невинной любовью к паукам и морским конькам написать это отчаянное, напряженное и изысканное стихотворение? Удивителен не только выбор темы, но и экзистенциальное настроение, лексикон, сила воображения, стремление шокировать. Здесь явно чувствуется влияние Ларри-поэта, не говоря уже о Ларри-романисте, бескомпромиссном писателе-анархисте, который как раз в то время заканчивал свой первый серьезный роман — «Черную книгу». Может быть, это стихотворение написал Ларри? Если же нет, то это явное подражание старшему брату, изысканный бред, обладающий неким подобием смысла.

Позже Джеральд написал стихотворение «Африканский диалог». С помощью Лоуренса оно было опубликовано летом 1939 года. В последнем четверостишии юный автор суммирует метафизический смысл всего произведения:

Она вошла в дом и зажгла свечу. Свеча зарыдала: «Я убита, убита». Пламя сказало: «Я тебя убиваю». Служанка ответила: «Это правда, правда. Теперь я вижу твою белую кровь».

Тем временем семейная жизнь Даррелов все больше и больше превращалась в сумбур и неразбериху. «Мы так распустились, — писал Ларри Алану Томасу, — что Лесли спокойно может пукнуть за столом, а мы ходим почти весь день нагишом и постоянно мокнем в море». Нэнси считала, что мама не может справиться с семьей. «Даже Джерри пошло бы на пользу немного порядка, — жаловалась она. — Я имею в виду, что он растет, не имея ни малейшего представления о дисциплине». Нэнси и Ларри отдыхали душой в тишине и покое своего белого рыбацкого домика в Калами, подальше от шумной семьи. «Десять миль к югу, — писал Ларри Томасу, — и все семейные неурядицы и вопли остаются позади».

Со временем Даррелы пристроили к своему дому большой балкон, с которого можно было любоваться морем и холмами на закате. И для Джеральда, и для остальных членов семьи Корфу приобретал особое значение.

«Покой этих вечеров на нашем балконе, когда еще не зажжены лампы, не сравним ни с чем, — писал Лоуренс. — Покой небес снисходил на зеркальную гладь залива... Это было как тишина, которую ощущаешь на китайских акварелях». Они сидели на балконе, и море постепенно сливалось с небом, а где-то далеко в холмах невидимый пастух начинал наигрывать на флейте.

«Над заливом раздавались тихие, льдистые звуки флейты... Сидя на балконе, окутанные приятным теплым воздухом, мы слушали молча. Поднималась луна — не та белая, яркая луна, которую можно увидеть в Египте, а луна греческая, теплая и дружелюбная... Мы босиком шли через темные комнаты, ощущая под ногами прохладный пол, а затем спускались на скалы. В полном молчании мы входили в воду и осторожно, чтобы не нарушить тишину плеском, плавали по серебряной глади. Мы не разговаривали. Потому что любой звук в этой тишине прозвучал бы фальшиво. Мы плавали, пока не уставали, а затем поднимались на белые скалы, заворачивались в полотенца и ели виноград».

«Это земля Гомера, — с восторгом писал Лоуренс Алану Томасу. — В ста ярдах от нас приставал корабль Улисса...» Питалась семья Даррелов весьма оригинально. «Хлеб и сыр, и греческое шампанское... инжир и виноград, когда они есть... Но все недостатки с лихвой компенсируются самым лучшим купанием в мире и удивительной красотой — ОСТРОВАМИ!»

Совершенно ясно было, что рано или поздно, ежедневно наблюдая за ослепительной красотой моря, семья должна была оказаться в воде. Основным вдохновителем морских купаний стал Лесли. До приезда на Корфу он хотел поступить в торговый флот, но врач решил, что его здоровье недостаточно крепко. На Корфу Лесли построил маленькую лодку, назвал ее «Морская корова» и стал выходить в море, сначала на веслах, а потом с помощью небольшого мотора. Чаще всего он плавал в одиночку, но порой брал и других членов семьи.

«Ты должен нас увидеть, — писал Лесли в одном из писем домой. — Целая толпа придурков в море. Ты бы от души посмеялся.

Однажды к нам присоединились Ларри и Нэн. Я сказал, что отвезу всех домой — маму, Пэта, Джерри, Ларри, Нэн и себя самого. Мы запустили мотор и вышли в довольно бурное море. Пэт улегся на палубу и вцепился в нее изо всех сил. Мама, Ларри, Нэн и Джерри перегнулись через борта — далеко им до настоящих моряков! Парус намок, все промокли. Это продолжалось довольно долго. Ситуация ухудшалась. Внезапно лодка сделала элегантный поворот, и на нас обрушились тонны морской воды. Это переполнило чашу маминого терпения, и мы вынуждены были вернуться, Ларри, Нэн, Пэт и я выпили немного виски. Когда наша одежда просохла, они отправились домой на машине».

Порой, когда погода благоприятствовала, Лоуренс и Нэнси на лодке отправлялись в Албанию и устраивали там полуночные пикники. Затем они возвращались домой, с удовольствием вспоминая о фантасмагорическом путешествии. Вскоре Лоуренс купил собственную лодку, черную с коричневым двадцатидвухфутовую яхту. Он назвал ее «Ван Норден» — «моя мечта, мой черный дьявол». На ней Лоуренс с Нэнси совершали прогулки к близлежащим островам. Лесли за три фунта приобрел еще одну лодку, вскоре получившую гордое название «Бутл Толстогузый», которую они с Пэтом Эвансом подарили Джеральду на день рождения. Джеральд вспоминал, что по своему строению эта лодка являла собой удивительный пример в истории морского судостроения. «Бутл Тостогузый» имел семь футов в длину, плоское дно и почти круглую форму. Внутри он был выкрашен зеленой и белой краской, а по бокам шли черные, белые и оранжевые полосы. Лесли соорудил замечательно длинную мачту из кипариса и предложил торжественно водрузить ее и отправиться в небольшое путешествие по заливу, раскинувшемуся перед домом. Но все пошло наперекосяк. Как только мачта была установлена, «Бутл Толстогузый» «со скоростью, удивительной для его комплекции», перевернулся, увлекая за собой Пэта Эванса.

Через некоторое время Лесли скорректировал свои расчеты и наконец сумел сделать мачту требуемой длины. Эта длина составляла всего три Фута. Мачта не могла нести парус, так что «Бутл» остался гребной лодкой, скользившей по зеркальной глади воды «с ленивой грацией целлулоидной утки». Свое первое путешествие на собственной лодке Джеральд совершил на рассвете. Солнце уже поднялось, дул легкий ветерок. Мальчик оттолкнулся от берега и стал грести, время от времени заходя в небольшие заливчики и приставая к маленьким островкам архипелага, где морская жизнь буквально кипела. «Какая радость иметь собственную лодку! — писал Джеральд. — Хотя потом я все время плавал на «Бутле» и пережил немало приключений, но с этой первой поездкой ничто сравниться не могло».

Джеральд пробрался на нос и улегся там рядом с Роджером, пока лодка неспешно дрейфовала вдоль берега. Мальчик принялся рассматривать морское дно сквозь кристально-чистую морскую воду. «На серебристых песчаных прогалинах гроздьями висели приоткрытые раковины моллюсков-разинек. ...Рядом с моллюсками обитали серпулиды — венчики красивых пушистых лепестков на конце длинной толстой трубки сероватого цвета. Всегда подвижные золотисто-оранжевые и голубые лепестки казались удивительно не на месте на конце этих толстых обрубков — прямо орхидея на ножке гриба. ...Из углублений на вас таращились и махали плавниками надутые морские собачки. ...Кругом лепились пухлые, глянцевитые актинии, щупальца их исполняли какой-то чувственный восточный танец, пытаясь схватить проплывавших мимо прозрачных, как стекло, креветок. ...На поверхности рифов встречались толстые зеленые крабы, машущие клешнями как бы в дружеском приветствии, а внизу, на покрытом водорослями дне, — крабы-пауки с их необычным колючим панцирем и длинными тонкими ногами. Каждый из этих крабов носит на себе водоросли, губки,

иногда актинию. Везде на рифах, среди скоплений водорослей и на песчаном дне двигались сотни раковин-волчков, искусно расписанных полосками и пятнами синего, серебряного, серого и алого цвета». Солнце склонялось к закату, и Джеральд собрался домой. Все банки и бутылки были заполнены всевозможными трофеями. «Солнце уже пряталось за стволами олив и на море лежали золотые и серебряные полосы, когда круглая корма «Бутла» легонько толкнулась в пристань. Голодный, усталый, умирающий от жажды, с вихрем разнообразных впечатлений в голове, я медленно взбирался вверх по склону...»

Порой летом, во время полнолуния вся семья отправлялась на ночные купания. По ночам морская вода немного остывала и дарила желанную прохладу. На воду спускали «Морскую корову» и отплывали на ней в удобное место. Вода фосфоресцировала в лунном свете. Как-то раз, когда Джеральд отплыл на приличное расстояние и от берега и от лодки, он очутился в стае дельфинов, которые шумно вздыхали, пищали, всплывали и вновь погружались, выпрыгивали вверх и шумно плюхались в воду. Какое-то время мальчик плавал среди них, наслаждаясь присутствием этих удивительных созданий. Но вдруг дельфины, словно подчиняясь неслышному приказу, повернулись и устремились к далеким берегам Албании. «Я высунулся из воды и смотрел, как они плывут вдоль светлой лунной дорожки, то выныривая на поверхность, то с блаженным вздохом снова уходя под воду, теплую, как парное молоко, — вспоминал Джеральд. — За ними тянулся след из крупных, дрожащих пузырей пены, которые вспыхивали, | точно маленькие луны, прежде чем исчезнуть в волнах».

Вскоре семья открыла для себя и иные прелести ночного Корфу — свечение моря и обилие светлячков на оливковых деревьях, растущих вдоль берега. Эти явления наблюдать было легче в новолуние. В ту ночь, когда мама отправилась на морское купание в собственноручно изготовленном купальном костюме, дельфины, светлячки и свечение моря поразили воображение всех членов семьи Даррелов. Вот что пишет об этом Джеральд:

«Никогда нам не приходилось видеть такого огромного скопления светлячков. Они носились среди деревьев, ползали по траве, кустам и стволам, кружились у нас над головой и зелеными угольками сыпались на подстилки. Потом сверкающие потоки светлячков поплыли над заливом, мелькая почти у самой воды, и как раз в это время, словно по сигналу, появились дельфины. Они входили в залив ровной цепочкой, ритмично раскачиваясь и выставляя из воды свои точно натертые фосфором спины... вверху светлячки, внизу озаренные светом дельфины — это было поистине фантастическое зрелище. Мы видели даже светящиеся следы под водой, у самого дна, где дельфины выводили огненные узоры, а когда они подпрыгивали высоко в воздух, с них градом сыпались сверкающие изумрудные капли, и уже нельзя было разобрать, светлячки перед вами или фосфоресцирующая вода. Почти целый час любовались мы этим ослепительным представлением, а потом светлячки стали возвращаться к берегу и постепенно рассеиваться. Вскоре и дельфины потянулись цепочкой в открытое море, оставляя за собой огненную дорожку, которая искрилась и сверкала и наконец медленно гасла, будто тлеющая ветка, брошенная в залив».

Моторная лодка давала Даррелам замечательную возможность путешествовать вдоль острова, чего раньше они сделать не могли. Первым это оценил Лесли. Теперь он мог отправиться на охоту в дикую северную часть острова. Иногда он брал с собой Лоуренса и Нэнси, так как его путь пролегал мимо Калами (эта деревушка лежала к северу от Кондокали). «Неделю или две тому назад, — писал Лоуреис Алану Томасу, — мы с Нэнси и Лесли отправились поохотиться на мертвое, заболоченное озеро на севере. Это настоящие тропики. Толстый слой ила покрывал дороги. Он пузырился от горячих болотных газов. Повсюду торчали корни деревьев. Кое-где ил сверкал изумрудным блеском от усевшихся на него стрекоз и москитов. Озеро называется Антиниотисса (враг юности)».

Со временем Луоренс превратился почти в такого же страстного охотника, как и Лесли. Удивительно, что Джеральд сумел сохранить свою любовь к животному миру — ведь он вырос в обществе двух старших братьев, только и мечтавших, чтобы перестрелять всю живность на несколько миль вокруг. Но ему это удалось, несмотря на то, что он честно носил за Лесли его охотничьи сумки, а порой даже принимал участие в охоте на голубей. Лесли стрелял и по голодным, одичавшим собакам, которые увязывались за семьей во время пикников.

Лоуренс относился к миру живой природы с полнейшим безразличием. Единственным, что его заинтересовало, было ночное представление со светлячками. А путешествие с Лесли на озеро пробудило в нем охотничий инстинкт. «Я с ума схожу от стрельбы, — писал он Алану Томасу. — Стрелять цапель я не могу, но вот утки — это совсем другое дело. Утки для меня — это летающая ветчина, снабженная клаксоном. Я не воспринимаю их как живых существ. А принести

подстреленную утку домой — это ни с чем не сравнимое ощущение гордости. БУМ. Словно стеклянный стакан разбился где-то вдалеке. Я могу настрелять сотню уток без малейшего угрызения совести». Утки для Лоуренса были почти тем же, что и осьминоги, на которых он научился охотиться по греческому способу с помощью палки с крючком — «нечто грязное и отвратительное».

После нескольких охотничьих вылазок на север острова Лоуренс начал менять свое мнение о Лесли. «Клянусь, ты бы не узнал Лесли, — писал он Алану Томасу летом 1936 года. — Он стал удивительно цельной и сильной натурой, он может поддерживать разговор почти как доктор Джонсон. Когда он идет с двумя ружьями и еще с одним за спиной, так и кажется, что вот сейчас он начнет палить направо и налево». Лесли воображал себя крутым парнем в крутом мире, лучшим стрелком на острове. Он ходил повсюду «грязный, небритый и распространял вокруг себя запах ружейного масла и крови».

Дарреллы приобрети фотоаппарат «Кодак» и занялись фотографией. Они снимали друг друга и восхитительные виды острова. Чаще всего снимал Лесли, у него открылся настоящий дар фотографа. Но замечал он не только красоту окружающей природы, но и красоту женщин. На снимке Марии, служанки в доме Дарреллов, он написал: «Мария, наша служанка (веселая милашка)».

Ближе к осени 1936 года мама решила отказаться от услуг Пэта Эванса. Как утверждал Джеральд, это произошло потому, что Пэт влюбился в Марго, и Марго ответила ему взаимностью. Так Джеральд лишился самого верного помощника и товарища по литературным занятиям и изучению естественной истории. Изгнанный из рая, безутешный Эванс отправился на материк. Он так и остался в Греции. Во время войны он стал национальным героем, сражаясь за свою родину за линией фронта. Эванс был английским разведчиком в оккупированной нацистами Македонии. Застенчивый и неуверенный в себе Эванс, по словам Марго, «был очень, очень привлекательным». Маргарет глубоко влюбилась в него. Известие об его отъезде потрясло ее. Она заперлась на чердаке и предалась неумеренному обжорству. «В этот период Марго находилась в отвратительном настроении, — вспоминала Нэнси. — Она очень сильно располнела. Я хочу сказать, что она стала по-настоящему жирной. Марго стыдилась своей внешности и не хотела выходить из комнаты — она даже не спускалась к обеду». Проблемы с весом были вызваны не обжорством и не разбитым сердцем. Позже медицинское обследование показало, что у нее возникло эндокринное заболевание, из-за которого она прибавляла по фунту в день.

Вскоре Джеральду нашли нового учителя. Это был польский эмигрант, в жилах которого текла французская и английская кровь, Краевски. Джеральд в своих книгах называет его Кралевски. Это был похожий на гнома горбун, главным увлечением которого были, по утверждению Джеральда, зяблики и другие птицы. Он держал их на верхнем этаже своего полуразрушенного дома, примостившегося на окраине города. Краевски жил здесь вместе со своей старой, похожей на ведьму, матерью («старой, больной королевой»).

Уроки Краевски были смертельно старомодны и скучны — история превращалась в бесконечную череду дат, а география — в список городов. Для мальчика было огромным облегчением узнать, что у его наставника есть другое увлечение. Краевски был настоящим фантастом. Он жил в воображаемом мире, где жизнь его состояла из удивительных приключений — кораблекрушение на пути к Мурманску, нападение разбойников в сирийской пустыне, удивительная храбрость на секретной службе во время Первой мировой войны, инцидент в Гайд-парке, когда хрупкий горбун сумел задушить разъяренного бульдога голыми руками. И все эти подвиги совершались во имя таинственной Леди. С этого времени уроки стали более приятным времяпрепровождением для Джеральда. Краевски очень много сделал для развития воображения и навыков рассказчика у своего ученика. К сожалению, знаний эти занятия Джеральду не прибавили.

«Как и все на Корфу, — вспоминал Джеральд, — мое обучение складывалось необычно, но счастливо. Я никогда не забуду эту бесконечную череду удивительных профессоров, которые не научили меня ничему полезному, что помогло бы мне добиться успеха в жизни, но дали мне настоящее богатство. Они научили меня жизни». И они показали мальчику не только жизнь, но и свободу, наслаждение, восхитительную красоту и чувственность Корфу.

Джеральд взрослел. В январе 1937 года он отметил свой двенадцатый день рождения. В честь этого события был устроен прием. Джерри разослал всем гостям приглашения, украшенные автопортретом и написанные в стихах. Удивительно, что на этих открытках Джеральд изобразил себя с пышной бородой, довольно плотным человеком, почти таким, каким он стал гораздо позже.

Одним из приглашенных был преподобный Джеффри Карр, капеллан Церкви Святой Троицы, которую посещали все члены английской общины на Корфу. Джеффри был близким другом Тео Стефанидеса и его семилетней дочери Алексии.

Карр вспоминал, что вечеринка удалась на славу. Приглашены были Тео и Спиро, и бельгийский консул, и множество друзей семьи Даррелов. Лесли, Тео и камердинер последнего короля Греции танцевали «Каламатианос», звери вели себя безобразно, в том числе и вновь прибывшие (на день рождения Джерри подарили двух щенков, которых окрестили Вьюн и Пачкун — и не без оснований). С потолка спускался большой самодельный абажур, собственноручно изготовленный Марго из красной бумаги. Он был наполнен конфетти, мелкими игрушками, сладостями и угощением для крестьянских детишек, которые были голодны не меньше, чем дикие собаки. В самый торжественный момент Тео метким выстрелом из ружья времен Первой шаровой воины, принадлежавшего Лесли, перебил веревку, и абажур рухнул на пол, к восторгу всех собравшихся. Дети мгновенно бросились подбирать подарки, разлетевшиеся во все стороны.

Лесли и Лоуренс отлично разведали окрестности озера Антиниотисса в северной части острова. Вскоре за ними последовали и другие члены семьи. «Это продолговатое мелкое озеро, окруженное густой гривой тростника и камышей, — вспоминая Джеральд. — Оно имеет около мили в длину и отделяется с одной стороны от моря широкий пологой дюной из замечательного белого песка». Наилучшим временем для посещения Антиниотиссы был сезон цветения песчаных лилий. Эти роскошные растения выпускали толстые зеленые листья и ароматные белые цветы. Вся дюна, по словам Джеральда, превращалась в «сверкающий белизной глетчер». И вот, как-то раз теплым летним днем, вся семья, включая Тео и Спиро, отправилась на озеро Антиниотисса. Все погрузились на «Морскую корову» и «Бутла Толстогузого». Когда двигатель умолк, обе лодки бесшумно заскользили к берегу. Аромат лилий плыл навстречу путешественникам — «тяжелый, пряный запах, очищенный аромат лета, теплое благоухание, заставлявшее вас все время глубоко вдыхать воздух и задерживать его в груди».

Выгрузив снаряжение для пикника среди лилий, все разбрелись в стороны. Лесли принялся за охоту, Марго стала загорать, мама удалилась на прогулку с собаками, вооружившись ведерком и совком. Спиро, «похожий в своих трусах на смуглого волосатого доисторического человека», стал ловить рыбу с помощью остроги. Джеральд и Тео отправились на озеро, прихватив с собой бутылки и банки для мелких трофеев. «Райское место, — бормотал Ларри. — Я хотел бы лежать здесь вечно. Через столетия я, конечно, забальзамируюсь от постоянного вдыхания этого аромата». Через какое-то время все собрались к ланчу, затем принялись пить чай. После чая Джеральд и Тео снова отправились за ценными образцами местной фауны. День клонился к закату. Спиро разложил костер и принялся жарить на вертеле пойманную им рыбу. Скоро совсем стемнело — на берег опустилась магическая темнота, трещал костер, во все стороны летели искры. Джеральд знал, что он попал в уникальное место, и старался впитать в себя всю красоту волшебного озера.

«Над горами поднялась луна и превратила лилии в серебро. Только там, где на них падали дрожащие отсветы костра, они вспыхивали розовым пламенем. По светлому морю бежали легкие волночки и, коснувшись берега, с облегчением вздыхали. На деревьях начинали ухать совы, а в густой тени зажигались и гасли нефритовые огоньки светлячков.

Зевая и потягиваясь, мы перетащили наконец свои вещи в лодки, добрались на веслах до устья залива и, ожидая, пока Лесли заведет мотор, оглянулись на Антиниотиссу. Лилии сияли, как снежное поле под луной, а темный задник из олив был усеян смутными огнями светлячков. Костер, затоптанный нами перед отъездом, светился гранатовым пятном у края покрытой цветами дюны».

В конце 1937 года мама, Марго, Лесли и Джеральд перебрались в новый дом. Третье жилище семьи было меньше и симпатичнее громадной, гулкой виллы в Кондокали. Это был элегантный особняк в георгианском стиле, построенный в 1824 году в деревушке Кризеда. В то время островом правили англичане, и в этом доме жил губернатор британского протектората Ионических островов. Новый дом стоял на холме, неподалеку от землянично-розового дома. Его назвали Белоснежным домом. Широкая, заплетенная виноградом веранда выходила в маленький, запущенный садик, осененный огромной магнолией. По краю садика росли традиционные оливы и кипарисы. Лоуренс и Нэнси иногда приезжали погостить на несколько дней, когда им становилось скучно в Калами. Лоуренс писал: «Порой даже рай наскучивает. Хочется немного ада. К тому же это полезно для моей работы — общение с семьей не позволяет моему мозгу застаиваться. Джерри любой дом превратит в настоящий ад».

С задней стороны дома открывался восхитительный вид на холмы и долины, поля и оливковые рощи. Для Джеральда это был прекрасный мир — мир, обещавший бесконечные вылазки на природу и знакомство с различными созданиями, большими и малыми — от гигантских жаб и птенцов сороки до гекконов и богомолов. Парадным входом вилла была обращена к морю и длинной,

мелкой заводи, почти полностью отделенной от моря. Заводь называлась озером Хакьяопуло. У ее дальнего конца располагалась полоса прорезанных каналами полей, которую Джерри прозвал Шахматными полями. Когда-то венецианцы прорыли сеть ирригационных каналов, чтобы спустить соленую воду из заводи в соляные чаны. Теперь же эти каналы стали настоящим раем для морской живности и для гнездования морских птиц. Со стороны моря лабиринт каналов окружали песчаные берега, где любили жить птицы — бекасы, пегие кулики, чернозобики и крачки. А в песке на отмели всегда можно было найти устриц, сердцевидок и наловить креветок. Со стороны же острова каждый квадратик земли был тщательно обработан и засажен виноградом, инжиром, кукурузой, дынями и овощами. Это были охотничьи угодья Джерри. Здесь он мог раздобыть для себя и морскую птицу, и водяную змею, и черепашку-террапина. Здесь Джеральд пытался поймать большую, очень старую черепаху, которую он назвал Старым Шлепом, здесь он раздобыл своего любимца — морскую чайку Алеко, Лоуренс называл его «чертовым альбатросом». Алеко ему подарил арестант, осужденный за убийство своей жены. Этого арестанта отпустили из местной тюрьмы, чтобы он мог провести выходные дома.

Корфу стал для Джеральда подлинной сельской Аркадией. В те времена там не было аэропорта, не было широких, оживленных дорог у подножия холмов, не было отелей и минимаркетов, почта не было машин. На Мышином острове в келье жил монах-отшельник, а рядом с его кельей стояло несколько рыбацких хижин (теперь разрушенных). Иногда Джерри и Марго отправлялись на пляж у подножия холма и переплывали на Мышиный остров. Здесь Джерри разыскивал для себя интересных животных, а Марго загорала в своем весьма откровенном купальнике. Старый монах спускался и, потрясая кулаками, вопил симпатичной англичанке: «Ты белая ведьма!» Склонность европейцев к загоранию в почти обнаженном виде шокировала благочестивых греков.

Вскоре после тринадцатого дня рождения Джерри греческая идиллия была нарушена. Тео Стефанидес, друг и учитель Джеральда, собрался покинуть Корфу, чтобы приступить к работе в противомалярийном союзе, организованном на Кипре фондом Рокфеллера. Его отъезд ознаменовал завершение утопического существования семьи Даррелов.

Лесли зачастил в ближайшую деревушку. Он целыми днями пьянствовал с крестьянами, как только представлялась такая возможность. Ларри и Нэнси занимались ремонтом своего дома в Калами, но этого им было явно мало. Молодожены, оставшиеся наедине друг с другом в заброшенной северной деревушке, постоянно ссорились, порой весьма серьезно. Летом 1936 года Нэнси забеременела. Тео помог ей сделать аборт, и это событие сказалось на моральном климате семьи далеко не лучшим образом. Мама, узнав об этом, пришла в ужас. Семейное единство начинало рушиться. Лоуренса уединенность и заброшенность его островного рая начинала тяготить. Когда на Корфу по его приглашению приехали две молоденькие балерины, он спал на пляже с ними обеими, посоветовав Нэнси пойти спать в другое место. «Он устал быть женатым человеком, — с горечью вспоминала Нэнси, — и поэтому он всячески пытался оттолкнуть меня. Он постоянно унижал меня и порой очень жестоко». В конце концов, Лоуренс решил перебраться в Париж и Лондон, оставив на время греческий рай. Марго к тому времени исполнилось двадцать лет, она тоже решила найти свой путь в реальном мире, для чего было необходимо вернуться в Лондон.

И для Джеральда период детской невинности тоже закончился. У него появились новые интересы, и интересы эти вступали в конфликт с безграничной любовью к животному миру. Время от времени Джерри играл в «отцы-матери» с маленькими девочками — вполне естественное занятие для подрастающего мальчика. Став взрослым, Джеральд говорил своему другу: «Прежде чем ты успевал понять, что происходит, панталоны уже снимались и все происходило само собой».

Хотя остальные члены семьи Даррелов не имели ничего против бесцельного существования на райском острове, атмосфера вокруг Корфу сгущалась. В Европе замаячил призрак войны. На севере гитлеровская Германия готовилась начать Вторую мировую войну. На юге Муссолини пытался установить итальянское господство над Албанией и начинал предъявлять территориальные претензии к Греции. Корфу также относился к сфере итальянских интересов.

Лоуренс и Лесли готовились защищать остров от итальянцев, но события развернулись иначе. В апреле 1939 года Мэри Стефанидес и ее дочь Алексия уехали с Корфу и переселились в Англию. Джеральд сожалел об отъезде своей верной маленькой подружки. Война в Европе казалась все более неизбежной. Луиза стала подумывать, что неразумно оставаться на греческом острове. В книге «Моя семья и другие звери» Джеральд утверждает, что к переезду семью подтолкнуло беспокойство мамы относительно его образования. Мальчику уже исполнилось четырнадцать, и он, по воспоминаниям Мэри Стефанидес, был «очень независимым и не терпел контроля со стороны взрослых. Лоуренс

пытался время от времени стать для него отцом, но им редко доводилось жить в одном доме, да и к тому же Ларри был чересчур снисходителен к младшему брату. А мамой Джеральд вертел, как хотел. Только Теодор мог хоть как-то его контролировать, да и то это длилось не больше недели. Поэтому, даже если бы в 1939 году не началась война, дни на Корфу для Джеральда Даррелла были сочтены».

Окончательно к решению покинуть Корфу маму подтолкнул ее английский банк. Маме сообщили, что в случае войны ее средства станут недоступны и тогда вся семья останется в Греции без средств к существованию. В июне 1939 года Луиза покинула Корфу вместе с Джеральдом, Лесли и тридцатилетней греческой служанкой Марией Кондос.

«Когда пароход вышел в открытое море и остров Корфу растворился в мерцающем жемчужном мареве, — писал Джеральд об окончательном расставании с Грецией, — на нас навалилась черная тоска и не отпускала до самой Англии». Из Бриндизи семейство Даррелов, состоявшее из четырех людей, трех собак, двух жаб, двух черепах, шести канареек, четырех щеглов, двух зеленушек, коноплянки, двух сорок, чайки, голубя и совы, двинулось на север к Швейцарии.

«На швейцарской границе в вагон вошел ужасающе вышколенный чиновник и проверил наши паспорта. Он возвратил их маме вместе с небольшим листком бумаги, без улыбки поклонился и оставил нас с нашей тоской. Чуть позднее мама взглянула на заполненный чиновником бланк и застыла на месте.

— Вы только посмотрите, что он тут написал, — сказала она с возмущением. — Какой наглец!

На маленькой карточке в графе «Описание пассажиров» аккуратным крупным почерком было выведено: «Передвижной цирк и штат служащих».

Теперь на Корфу оставались только Лоуренс и Нэнси. Они продолжали жить в белом домике возле Калами вплоть до осени. Когда немцы вошли в Чехословакию, а итальянцы оккупировали Албанию, расположенную всего в нескольких милях от острова, покинули Грецию и последние члены семьи Даррелов. Но это было не последнее явление Даррелов на Корфу. Однажды Марго решила, что Корфу — это ее настоящий дом, где живут все ее друзья. И она вернулась на остров. Она поселилась в крестьянском доме рядом с семейством Кондос в Пераме. Марго спала в одной постели со своими подружками Катериной и Рене, мылась в маленькой бочке во дворе и рассчитывала пересидеть войну на любимом острове, притворившись крестьянской девушкой.

Лоуренс и Нэнси уехали чуть позже. Будущее их тревожило. Близость войны становилась все более очевидной. Северная часть острова находилась так близко от театра военных действий, что приходилось решать — либо уезжать, либо быть захваченными вместе с островом. Марго получила таинственное послание от Спиро: «Дорогая мисси Марго, сообщаю вам, что война объявлена. Никому ни слова!» Лоуренс вспоминал день объявления войны со страданием. «Мы стояли на балконе и смотрели на море, — писал он своей подруге Анне Ридлер в октябре 1939 года. — Казалось, мир погибает... Это был самый печальный период моей жизни...»

Были мобилизованы все, кто мог держать в руках оружие, и все лошади. Столицу Корфу наполнили толпы людей, пытавшихся покинуть остров. На лодках, с которых разгружали оружие и муку, пылали огромные нефтяные факелы. В Калами плакали деревенские дети. Критская пехота маршировала вокруг города. «Пахли солдаты ужасно, но моральный дух был как никогда высок». Местное командование планировало разместить минометы возле белого дома и минировать проливы. Затем всех мужчин из деревни отправили в глубь острова в секретный лагерь. Забрали всех, включая Анастасиу, «нашего обходительного, красивого, обаятельного хозяина, слишком женственного и истеричного, чтобы брать в руки оружие». В деревне остались одни женщины, рыдавшие у колодцев, и малолетние дети. «Мне не с кем было попрощаться, кроме самого острова, — вспоминал Лоуренс. — У меня душа болела за всех».

Лоуренс и Нэнси приготовились к отъезду, сожгли рукописи и рисунки, упаковали несколько книг, которые могли нести в руках. Маленький черно-коричневый «Ван Норден» остался на острове. В доме остались и картины Нэнси — «ленивые, красивые портреты наших деревенских друзей». Они висели на каждой стене. Хмурым осенним днем над Корфу сгустились тучи, пришедшие со стороны Албании. Моросил мелкий дождик, море волновалось. Лоуренс и Нэнси сели на маленький пароходик и покинули остров. «Я отлично все помню, — писал Лоуренс. — Мои сожаления были так глубоки, что я не смог справиться с эмоциями... Мы никогда не говорили о бегстве с Корфу».

На острове осталась одна Марго. Перед отъездом Лоуренс пытался уговорить сестру поехать

с ними, но она осталась непреклонна. Тогда он посоветовал ей в экстренном случае спускать на воду «Ван Норден» и Эгейским морем добираться до Афин — совет довольно странный, если учесть, что Марго никогда в жизни не управляла лодкой. Но она смотрела в будущее с оптимизмом: «Я была молода, а когда ты молод, то ничего не боишься». Марго перебралась в город, чтобы узнавать новости и читать военные бюллетени, которые вывешивали на центральной площади. Здесь за чашкой кофе или чая со льдом она иногда встречалась с летчиками морской авиации, все еще летавшими по маршруту Великобритания — Карачи. Летчики пытались убедить Марго в том, что пересидеть войну в холмах Корфу не удастся, и советовали ей покинуть остров, пока он еще не захвачен и имеет связь с внешним миром. Марго особенно подружилась с молодым авиационным инженером, которого звали Джек Бриз. Именно ему удалось убедить Марго уехать. Он помог ей выбраться с острова. Сразу же после Рождества Марго улетела с Корфу на одном из последних английских самолетов. Она рассталась с островом своей юности навсегда.

В октябре 1940 года итальянские войска вошли в Грецию, а на следующий год оккупировали Корфу. Белый дом в Калами был разрушен, а лодка Ларри затонула. Под холмом, на котором стоял землянично-розовый дом, где Джерри впервые погрузился в мир живой природы, итальянцы устроили палаточный лагерь. Здесь целыми днями маршировали и стреляли. Позже на острове появились немцы. Они уничтожили Шахматные поля, где когда-то Джерри охотился за Большим Шлепом. Город разбомбили. Погибли родители Тео Стефанидеса, наставник Джеральда Краевски, его больная мать и все птицы. Какая судьба постигла великий труд Джеральда о флоре и фауне мира, осталось неизвестным.

Семья Даррелов покинула свой Эдем и очутилась в мире, разрываемом войной. Единственным, что они увезли со своего райского острова, были несколько фотографий и воспоминания о волшебной жизни, которые продолжали жить в их памяти так же ярко и живо, как греческое солнце.

Жизнь на Корфу оказала огромное влияние на Джеральда и во многом определила его дальнейший жизненный путь. Но на острове его окружали только любовь и радость, счастье и мир. В результате он оказался совершенно не приспособленным к реальной жизни, постоянно стремившейся поставить его на колени.

Оглядываясь назад, вспоминая волшебный сад, магический островок в жестоком мире, Лоуренс много лет спустя писал: «На Корфу нам удалось восстановить индийский период нашей жизни, который мы все пропустили. Остров позволил нам немного пожить простой, открытой жизнью, подставить свои тела теплым лучам солнца. Без Корфу Джерри бы никогда не смог стать таким, каким он стал. Ему бы никогда не сделать того, что он сделал... Мне кажется, я родился на Корфу. Это было подлинное благословение между двумя войнами, и назвать его можно было только одним словом — рай».

ГЛАВА ПЯТАЯ

ДЖЕРАЛЬД В ГОДЫ ВОЙНЫ: АНГЛИЯ 1939-1945

Мама, Лесли и Джеральд вернулись в Англию накануне объявления войны — 3 сентября 1939 года. После высадки собаки были помещены в карантин, а все остальные животные, которых Джеральд вывез с Корфу, а также мармозетка и сороки, добавившиеся к домашнему зоопарку уже в Англии, разместились на верхнем этаже лондонского дома, снятого мамой на время поисков более подходящего жилища. Затем семейство Даррелов перебралось в квартиру на Кенсингтон Хай-стрит. Маме хотелось вернуться в Борнмут, с которым ее многое связывало. Пока она разъезжала повсюду в поисках дома, Джеральд, впервые надевший длинные брюки, исследовал столицу. «Лондон показался мне в то время очень увлекательным местом, — вспоминал он. — Самым крупным городом, который я до этого видел, была столица Корфу, своими размерами не превышавшая самого крохотного провинциального английского городишка. В бурлящем, огромном Лондоне я обнаружил массу интересного».

Иногда Джеральд отправлялся в ближайший кинотеатр и погружался в иллюзорный мир приключений и страстей, открывавшийся перед ним на белом экране. Любовь к кино он сохранил на всю жизнь. В другие дни он отправлялся в музей естественной истории или в зоопарк. Эти походы только укрепили мальчика в мысли о том, что его истинное призвание — это работа в зоопарке.

В то время Лондон жил довольно спокойно — без ночных налетов, без бомбоубежищ и воздушных тревог. Джеральд нашел себе первую работу. Он стал помощником хозяина зоомагазина

«Аквариум», располагавшегося неподалеку от дома, где жила семья. Магазин был отлично оборудован. Вдоль стен тянулись ряды огромных аквариумов, где жили яркие тропические рыбки, в стеклянных банках копошились ужи, змеи, большие зеленые ящерицы, черепахи, тритоны с гофрированными хвостами и огромные лягушки с выпученными глазами. В обязанности Джеральда входило кормление животных и уборка их клеток и аквариумов. Очень скоро стало ясно, что юноша знает о потребностях обитателей магазина куда больше, чем сам хозяин. Познания мальчика и его умение инстинктивно понять, что нужно для благополучия животных, поражали владельца магазина.

Джеральд слегка изменил питание животных, чего хозяин магазина никогда не делал. Мальчик отказывался от собственного обеда, чтобы собрать мокриц в Кенсингтонском парке для рептилий и амфибий, которых владелец магазина кормил одними мучными червями. Он запустил водяных блох в аквариумы, чтобы немного разнообразить кормежку рыбок. Затем Джеральд занялся устройством клеток. Он бросил немного влажного мха в корзину, где жили большие леопардовые лягушки, чтобы те могли укрыться от палящих лучей лампы, постоянно освещавшей их жилище. Джеральд смазал их воспаленные лапки оливковым маслом и промыл им слезящиеся глаза. Но вот права украсить большой аквариум, расположившийся в центральной витрине магазина, он добиться никак не мог. В этом аквариуме жили восхитительные, яркие рыбки, но в остальном он напоминал подводную пустыню.

«Я трудился над большим аквариумом с настойчивостью, достойной подражания. Я возвел покатые песчаные дюны и высокие, красивые скалы из гранита. Затем между гранитными скалами я устроил небольшие долины и насадил там леса из валлиснерии и других, более деликатных водяных растений. По поверхности воды я пустил мелкие белые цветочки, которые напоминали водяные лилии. Закончив работу, я запустил в аквариум блестящих черных моллинезий, серебристых топориков, блестящих, как площадь Пиккадилли, неонов и отступил, чтобы полюбоваться творением рук своих. Собственные способности внушили мне уважение».

Произвел впечатление большой аквариум и на владельца магазина. «Восхитительно! Великолепно! — восклицал он. — Просто великолепно!» Скоро Джеральду стали поручать и более ответственные задания. Периодически он отправлялся в Ист-Энд за рептилиями, амфибиями и змеями. «В мрачных, похожих на пещеры магазинчиках, расположившихся на узких улочках, — писал Джеральд, — мне открылся мир, где стояли большие ящики с ящерицами, корзины, полные черепашек, огромные аквариумы, где колыхались водоросли, между листьями которых шныряли тритоны, лягушки и саламандры... и контейнеры с игуанами, этими ярко-зелеными драконами из детских сказок». Во время одной из таких поездок у Джеральда выпало дно из коробки, в которой он вез 150 маленьких черепашек-террапинов. Черепашки разбежались по автобусу. Но с помощью бравого полковника с моноклем, ехавшего в том же автобусе, Джеральду удалось собрать всех беглянок. В первый момент он был близок к отчаянию — его профессиональная карьера рушилась на глазах. Но тут раздалось радостное восклицание. «Бог мой! — воскликнул полковник, — Расписной террапин! Chrysemis picta! Сто лет таких не видел! Вон там еще одна, под сиденьем. Хей-хо! Ба-бах!>>

К тому моменту, когда мама наконец нашла жилище, способное вместить всю семью, большинство из ее членов уже нашли свой путь в жизни. Лоуренс и Нэнси остались в Афинах. В апреле 1940 года там родилась их дочь Пенелопа. В начале того же года Лоуренс получил сообщение о том, что Марго наконец-то вышла замуж за своего летчика. Джека Бриза. Свадьба происходила в Борнмуте, а Лесли исполнял роль отца невесты. Вскоре Джека отправили в Южную Африку, и Маргарет последовала за ним. Все военные годы они провели в Африке, постепенно перемещаясь к северу — сначала в Мозамбик, затем в Эфиопию, а потом, как и Ларри, в Египет.

Когда немецкие войска перешли границу Греции и двинулись на юг к Афинам (а случилось это в апреле 1941 года), король и правительство покинули столицу и укрылись на Крите. Лоуренс и Нэнси последовали их примеру. Это было довольно опасное путешествие. Им удалось покинуть Пелопоннес на рыбацкой лодке за день до того, как в Афины вошли немцы. Шесть кошмарных недель Лоуренс с Нэнси провели на Крите под воздушными налетами немецкой авиации. Наконец им удалось с одним из последних пассажирских кораблей отплыть в Египет. Они высадились в Александрии за два дня до окончательного падения Греции. Лоуренс вскоре нашел себе работу — он стал сотрудником по иностранной прессе при британском посольстве в Каире — и пробыл в Египте до окончания войны. Однако в июле 1942 года, когда возникла прямая угроза захвата Египта немцами, Нэнси с маленькой Пенелопой перебрались в Палестину. Этот отъезд ознаменовал

крушение брака. Через год Лоуренс влюбился в девушку из Александрии, Еву Коэн, которая вскоре стала его второй женой.

Для мамы возвращение в Англию, сопровождавшееся всеми прелестями военного времени — затемнениями, противогазами, карточками, — стало еще одним крушением, которые следовали в ее жизни одно за другим с того самого момента, как она вышла замуж за своего обожаемого мужа в Индии, стране, которую она по праву считала родной. Но мама не роптала. Без малейшей жалобы она делала то, что и всегда, — готовила, убирала, помогала. Но после дешевой жизни в Греции возвращение в Англию существенно пошатнуло финансовое положение семьи. Наступили трудные времена. Большая часть денег, оставленных Луизе мужем, растаяла в сомнительных сделках, предпринятых мамой перед войной. А когда японцы захватили Бирму, деньги, вложенные в бирманскую нефтяную компанию, исчезли навсегда. Скромный образ жизни, который Даррелы вели в Борнмуте в годы войны, казался нормальным для их друзей и родственников, часто навещавших гостеприимную семью. Однако Лоуренс, все это время проведший за границей, был просто шокирован тем, что увидел, вернувшись домой.

Все это время Луиза продолжала ухаживать за оставшимися с ней сыновьями. старалась их повкуснее накормить, когда это было возможно.

К сожалению, возвращение в Англию не пошло на пользу Лесли. Он надеялся вступить в Королевские Военно-воздушные силы, где мог бы реализовать, свои детские мечты. Но ружейная стрельба, которой он так увлекался на Корфу, не пошла на пользу его слуху. Военно-медицинская комиссия постановила, что он не годен к военной службе. Расставшись с мечтой о карьере летчика, Лесли был вынужден в военные годы работать на местном авиационном заводе, выполняя самые разнообразные мелкие поручения.

Для Джеральда возвращение в Англию стало не просто переходом от одного образа жизни к другому. Он покинул залитый солнцем средиземноморский остров, где люди жили в полной гармонии с природой, и очутился на туманном острове посреди Северного моря, который был ему совершенно чужд. Он попал в пустоту. Все последующие годы он почти не писал об Англии. Ему просто нечего было о ней сказать. Шок от переезда был почти физически ощутимым. Потребовалось довольно много времени, пока Джеральд сумел приспособиться к новой климатической и культурной среде обитания.

Он не был больше мальчиком. Джеральд превратился в подростка, и превращение это сопровождалось свойственными периоду взросления проблемами. Он довольно много времени провел в Греции и усвоил манеры и облик греков. У него не было образования — совершенно никакого, и власти Великобритании вынуждены были это признать. Не то чтобы Джеральд не хотел учиться, но его возраст был таким, что он просто не мог получить нужного ему образования. А сдать требуемые экзамены было выше его сил.

Мама совершила последнюю попытку дать сыну образование. Она отправила его в небольшую школу в пригороде Борнмута в надежде, что Джеральд проявит интерес к учебе. Эта затея увенчалась успехом лишь частично. Директор школы решил проверить способности нового ученика и попросил его написать по памяти «Отче наш». Джеральд сумел вспомнить лишь шесть первых слов, а все остальные выдумал. Посещение биологической лаборатории казалось более перспективным — учитель как-то провел отпуск в Греции. Но даже там Джеральда оценили как «среднего ученика, хотя и со способностями». Неудивительно, что Джеральд не захотел больше идти ни в какую школу.

Считая, что ее дети лучше знают, что им нужно, мама нашла для Джеральда частного преподавателя. Гарольд Биннз был аккуратным, спокойным человеком с изуродованным шрапнелью лицом. Он писал книги об английской поэзии и страстно любил употреблять одеколон не но назначению. Во время уроков Гарольд частенько отлучался в туалет, чтобы приложиться к заветному пузырьку. Мистер Биннз обладал двумя замечательными умениями, которыми и поделился со своим учеником. Он научил Джеральда пользоваться британской библиотечной системой и открыл перед ним мир английского языка с его ассоциациями и ассонансами, нюансами и обертонами. Урок продолжался час, затем учитель брал с полки том стихов и предлагал Джеральду читать самостоятельно. В своих неопубликованных мемуарах, написанных в последние годы жизни, Джеральд так вспоминал о мистере Биннзе и о той любви, которую этот человек привил ему к музыке и магии родной речи.

«Он врывался в комнату, распространяя вокруг себя сильнейший аромат одеколона. «Итак, милый мальчик, — говорил он, закатывая глаза к небу и вздымая руки. — Настало время смести

паутину с мозгов, а? Бросай геометрию, это тебе все равно не по силам, и давай займемся Суинберном. Ты знаешь Суинберна? Думаю, у вас с ним есть кое-что общее... Ммм... Так, вот это сойдет для начала».

Он бросал книгу мне на колени и выбегал из комнаты, а за ним. словно шлейф невесты, распространялся запах его любимого одеколона.

Спустя некоторое время он снова врывался в комнату и спрашивал: «Он тебе понравился?»

«Я люблю поэзию, — отвечал я. — И мне нравятся аллитерации».

«Мне тоже, — пылко говорил он. — Это стихотворение воплощает в себе то, какой должна быть поэзия. Лишь немногим современным поэтам удается шептать на ухо, как морской раковине. По крайней мере. Суинберн вызывает в твоем воображении какие-то образы, пробуждает твой мозг роскошными словами...»

Эти уроки стали для Джеральда настоящим откровением и оказали на него влияние не меньшее, чем оказал на него когда-то Ларри. Мистер Биннз подтолкнул своего ученика к писательству.

Хотя новый учитель, как когда-то на Корфу Лоуренс, научил Джеральда любить родной язык, хорошего учителя биологии в Англии не нашлось. Джеральд обратился в местную библиотеку и стал продираться сквозь премудрости науки самостоятельно. В таком эклектичном обучении были свои преимущества — он научился смотреть на проблемы под совершенно неожиданным утлом зрения. Но у подобного подхода были и весьма сущест венные недостатки. В знаниях Джеральда оставались огромные пробелы. Он всегда это осознавал, особенно когда стал известным зоологом и ему пришлось выступать с лекциями о науке, которую он никогда формально не изучал. Значительно позже он признавался:

«Конечно, степень могла бы мне помочь — но помогла ли бы? Если подумать, то формальное образование могло бы уничтожить другую сторону моей натуры. Поскольку у меня не было степени, я не мог получить работу. Единственное, что мне оставалось, — это писать, чтобы заработать на жизнь. Идея получения степени развевается перед людьми, как флаг. Все считают, что степень необходима, но необходима она только нашему обществу. Сколько болванов в моей области знаний получили заветную бумажку, но остались способны лишь накапливать знания, как белки, и отрыгивать их на бумагу в нужный момент. Я проявляю свой комплекс неполноценности, не так ли?»

Недостаток формального образования Джеральд компенсировал необычайно развитым и изобретательным интеллектом. Детство, проведенное на Корфу под руководством Тео Стефанидеса, подарило ему глубокое понимание феномена природной жизни, овладение прикладной биологией, совершенно недоступной для студентов Соединенного Королевства. А старший брат научил его принципам художественной литературы лучше любого школьного учителя. Свой вклад в формирование личности Джеральда внесли и другие члены семьи, в особенности мама. «Мама поддерживала нас во всем, что бы мы ни затеяли, — вспоминал Джеральд. — Она всегда говорила: «Что ж, попытайся, дорогой!» А если нас ждала неудача — ничего страшного. Мне позволялось читать все, что угодно. На любой мой вопрос я получал совершенно честный ответ, если на него вообще был ответ. Я получил совершенно уникальное образование, я сталкивался с бесконечной эксцентричностью. Пожалуй, теперь ничто в человеке не может меня удивить».

Но знания Джеральда в других областях знаний были отрывочны и неопределенны. Он был самым необычным подростком в Британии на тот момент. Типичная жизнь подростка с подъемом, уроками, играми со сверстниками и выпускными экзаменами прошла мимо него. Начальное образование Джеральда было фрагментарным, среднее — нулевым, а шансов на получение высшего не существовало вовсе. Для подростка с такими странными наклонностями в военном Борнмуте оставался лишь один путь — идти на работу, неквалифицированную и низкооплачиваемую, пока он не достигнет призывного возраста и не сможет сложить голову на войне.

Единственная работа, которая привлекала Джеральда, заключалась в уходе за животными. Хотя звучит это не особенно интересно, но дни, проведенные в зоомагазине в обществе белых крыс, не были потрачены впустую. Джеральд научился обращаться с птицами и даже держал некоторых в своем саду. Самым крупным животным из тех, за которыми ему приходилось ухаживать, была небольшая косуля, подаренная Джеральду мальчиком, жившим в Ныо-Форесте, а затем переехавшим в Саутгемптон. Мальчик писал об олененке, маленьком домашнем зверьке, а когда животное прибыло, оказалось, что это раздражительный взрослый олень примерно четырех лет от роду, совсем не похожий на милого Бемби, которого воображал себе Джеральд. Потребовалось много усилий и

терпения, чтобы приручить Гортензию (так Джеральд назвал косулю). Ему нравилось почесывать ей за ушами. Но все же под давлением семьи Гортензию отправили на ближайшую ферму.

Во время войны несколько бомб упали на Борнмут. Одна из них попала в книжный магазин Коммина. Но все же Джеральд имел мало представления о войне и не особенно ею интересовался.

«Мы часто смотрели в сторону Саутгемптона, наслаждаясь красотой заката. На небе часто мелькали вспышки выстрелов и взрывов — но в целом война проходила мимо нас. Я имею в виду всех членов семьи. Мы слушали девятичасовые новости, радовались победе, я каждый день следил за продвижением наших войск... но из чисто эгоистических интересов. Мне хотелось, чтобы война поскорее кончилась и в нашей жизни появилось что-нибудь более интересное. Мне хотелось вернуться на Корфу и посмотреть, что немцы сделали с тамошними бабочками и пауками. Даже в эти дни я старался как можно больше времени проводить на улице, рискуя попасть под бомбежку в Ковентри или в каком-либо другом месте. Я помогал убирать урожай. Я ездил повсюду — теперь уже не на ослике, а на велосипеде, — разыскивая птичьи гнезда и животных, исследуя местную фауну с настойчивостью и терпением взрослого натуралиста. Я мог в любое время дня или ночи часами дожидаться, когда птица вернется в свое гнездо, чтобы определить ее вид. Точно так же я поступал и на Корфу. Дом для меня был всего лишь местом ночлега. Настоящий мой дом был снаружи. В двухстах ярдах от нашего дома стояло несколько деревьев, за которыми я присматривал, а за дорогой раскинулись поля для гольфа. Дальше начинала сельская местность. Настоящая деревня. Борнмут в те времена был захолустным городишком. С моей точки зрения, лучше него найти было невозможно — но все же это был не Корфу».

«Настоящая деревня» для Джеральда воплощалась в болотах Пербека, дикой чащобе Нью-Фореста, широком побережье, раскинувшемся вокруг Пул-Харбора. В своих походах Джеральд забирался все дальше и дальше. Как-то раз, наблюдая за птицами, он добрался до Корнуолла.

Англия казалась Джеральду чопорной и надутой после свободной, привольной жизни на средиземноморском острове. Особенно это касалось вопросов секса и отношений с девочками. Джеральд повзрослел на Корфу.

С помощью местной крестьянской девчонки он познал секс — по крайней мере, прелюдию к сексу. Ему были незнакомы страдания и ощущение вины, так мучившие его английских сверстников. На Корфу секс был чистым и и естественным — любовь среди олив и миртов, хихиканье и сплетение тел.

На Корфу все учителя рассказывали мальчику о сексе, не была эта тема запретной и в доме. В Англии же царила сдержанность и замкнутость. «Я никак не мог понять, почему в Англии мальчики моего возраста считают секс грязным и никогда о нем не говорят, — вспоминал Джеральд. — От своих подружек в Борнмуте я скоро узнал, что с ними нельзя обращаться как с приятелями, иначе они сочтут меня бессовестным и порочным. В некотором смущении я был вынужден вести целомудренный образ жизни, время от времени получая поцелуй в лоб. Я перенесся из мира Рабле к Вильяму Моррису».

Джеральд был симпатичным молодым человеком, с привлекательным, открытым лицом и подкупающими манерами. Его внешность, однако, чуть не сыграла с ним злую шутку, когда была изнасилована, задушена и изуродована местная девушка. Ее тело нашли под азалиями на одном из местных курортов. Газета «Борнмутское эхо» писала, что полиция разыскивает высокого, привлекательного молодого человека с голубыми глазами и хорошими манерами — вылитый Джеральд. Мама, конечно, немедленно заметила угрозу своему любимому сыну.

«Ты не должен выходить, дорогой, — предостерегла она Джеральда. — Тебя могут арестовать за убийство. Оставайся дома. Ты же знаешь этих полицейских. Если они тебя арестуют, то не успокоятся, пока не повесят. А повешение — это не повод для шуток».

Через день-другой детективы действительно позвонили в резиденцию Даррелов, чтобы вызвать молодого натуралиста на допрос. Ответы Джеральда вполне их удовлетворили, и его отпустили, не сняв даже отпечатков пальцев. Когда он вернулся, к нему тут же подбежала мама.

«Что ты им сказал, дорогой? — спросила она. — Это очень важно, чтобы мы говорили одно и то же в суде».

В то время Джеральд выглядел несколько женственно. Но он прилагал героические усилия, чтобы избавиться от этого обаяния, отчасти из-за того, что он почувствовал внимание со стороны гомосексуалистов. Порой это доставляло ему неудобство и совершенно не нравилось, так как он был абсолютно гетеросексуален. «В те дни я смазывал свои светлые волосы вазелином, — вспоминал

Джеральд, надеясь, что они мужественно потемнеют. И тогда я смог бы очаровать всех женщин, которые считали меня слишком слабым и милым. Я не понимал, что таким образом превращаю свои длинные локоны в некое подобие мокрых и скользких угрей. Только самая добрая и уродливая девочка могла бы согласиться выйти со мной в таком виде».

Этот период жизни продлился недолго. Очень скоро Джеральд научился пробуждать в женщинах интерес к себе. «Я всегда умел привлекать женщин, — говорил он, — но, надеюсь, никогда не пользовался этим — разумеется, за исключением тех случаев, когда хотел их соблазнить». Джеральд признавался, что был опытным соблазнителем, хотя ему никогда не был свойственен цинизм и жестокость. «Я относился к женщинам по-человечески, что было роковой ошибкой». В те дни сексуальная карьера Джеральда развивалась не слишком успешно: «Я должен признать, что в возрасте шестнадцати лет я все еще придерживался мнения, что нужно брать девушек на мушку, и это было ошибкой».

Джеральд не просто ценил физическую красоту. Он любил и уважал женщин. В отличие от большинства своих ровесников, он не ходил в школу, много вращался в женском обществе и дома, и вне его. Он всегда предпочитал женское общество, хотя общество животных доставляло ему еще большее удовольствие. Джеральд мог восхищаться, даже обожать представительниц противоположного пола, но головы из-за них он никогда не терял. Он всегда помнил о том, что женщины ничем не отличаются от остальной части человечества. Инцидент, произошедший незадолго до окончания войны, подтвердил справедливость подобной точки зрения.

«Темные волосы, большие блестящие глаза, похожие на спелые каштаны, лицо, аккуратно поддерживаемое костной структурой, прелестное, как коралловый риф. Ротик влажный, большой и мягкий, очаровательный ротик. Тело гибкое, как молодая березка. Коричневые ладони, похожие на морскую звезду. Когда она говорила, то поднимала их, как дирижер, управляющий большим оркестром. Это была девушка, которая не только навеки западала вам в душу и сердце. Она заставляла вас останавливаться и прислушиваться к звуку ее голоса и к чарующим словам, ею произнесенным. Ее восхитительная головка была посажена на стройную, длинную шейку, как у Нефертити. Я хотел познакомиться с ней, привести ее в тайный сад, где благоухали ночной жасмин, мандарины и тропические цветы, которые попытались бы соперничать с ней в красоте, но смогли бы лишь оттенить ее. Она была для меня настоящим садом Эдема, где Адам пожертвовал своим пупком. Ради нее я готов был пожертвовать гораздо большим. Официант принес счет, и я расплатился. Проходя мимо ее столика, я услышал, как это неземное создание кричит так громко и пронзительно, что от ее голоса могла бы расколоться устричная раковина: «Ты, мерзкий, глупый ублюдок! Понять не могу, почему я вышла за тебя! Твои яйца словно сварены вкрутую, и толку от них не больше!» С тех пор я никогда не относился к женщинам с таким трепетом, как раньше».

В молодости обаяние Джеральда было настолько неотразимым, что его считали похитителем женских сердец. Став старше, он приобрел привычку флиртовать со всеми женщинами, находящимися поблизости, и обзавелся репутацией дамского угодника. В старости он рассказывал столько удивительных историй о своих любовных приключениях, что складывалось впечатление, что его молодость являла собой одну непрерывную оргию. Разумеется, Джеральд несколько преувеличивал свои сексуальные склонности. «Он не был излишне сексуальным мужчиной, — вспоминала Маргарет. — Я имею в виду, что я не считала его очень сексуальным мужчиной.

Ему было далеко до Ларри. Хотя он часто говорил о своей сексуальности, все его проделки были лишь невинным флиртом. Я бы сказала, что Джерри был более ориентирован на мать, чем на секс. Секс был для него мечтой, а не призванием. Ему просто не нравилось быть в одиночестве. Он всегда любил, когда рядом с ним была женщина, пусть даже она мешалась на кухне». В старости Джеральд подтвердил слова старшей сестры: «Секс меня не слишком занимал, поскольку у меня было много других увлечений... Если ничего не выходило, я не комплексовал».

Помимо других увлечений Джеральд активно занимался самообразованием. Он гораздо больше времени проводил за книгами, чем с девушками. Книги открывали перед ним новый мир, мир безграничных знаний и разнообразия, мир, будивший его воображение, мир настоящей науки и строгих фактов. Джеральд постоянно работал в местной библиотеке, а когда мог себе это позволить, покупал книги в ближайшем книжном магазине. Позднее он говорил: «Я считаю книги сутью жизни. Возможность быть окруженным книгами, читать и перечитывать их позволяет человеку укрыться под панцирем знаний, а затем путешествовать по жизни, подобно черепахе, таща библиотеку на спине. Книги окружают человека подобно материнской утробе».

Порой Джеральд любил вспоминать, какие книги он прочел в молодости. Тогда он читал все,

что попадалось под руку, — от детской классики до викторианских приключенческих романов для мальчиков, от классических произведений Шекспира и Рабле, от Библии и «Очерков Илии» Лэмба до романов Редьярда Киплинга и Д. Г. Лоуренса. Увлекали Джеральда книги известных юмористов — Эдварда Лира, Джерома К. Джерома, П. Г. Вудхауза, Джеймса Тербера и Патрика Кэмпбелла. Он не покладая рук продирался через многочисленные тома двух знаменитых энциклопедий — «Ларусса» и «Британники». В области естественной истории его интересы были более разнообразны. Его привлекала и классика — Чарлз Дарвин, Альфред Уоллес, Генри Бэйтс, Анри Фабр, Джилберт Уайт, Ричард Джеффрис, В. Г. Хадсон, — и более современные работы, включая произведения Джулиана Хаксли и Г. Уэллса, в том числе его биологический обзор «Наука жизни».

Во многом Джеральд Даррелл обязан отсутствию формального образования. Он получил возможность развивать свой живой, оригинальный ум самостоятельно, не сковывая себя никакими рамками, увлекаясь тем, что его интересовало, и не обращая внимания на скучное и ненужное. Он открывал для себя новые пути и продвигался к прогрессу своей дорогой, не подстраиваясь под ограничения, свойственные официальному образованию. Джеральд проверил свой подход к образованию на себе: «Я считаю, что рутина современной образовательной системы убивает в ребенке воображение. Я учился так, что мое воображение развивалось и расцветало. Оно открыло мне многое из того, чему невозможно научиться в школе, сделало из меня настоящего натуралиста и писателя. Мое эксцентричное окружение оказало мне огромную услугу».

Именно отсутствие заранее запрограммированного образования заставило Джеральда очень рано задуматься над уменьшением популяции животных (он был совершенно потрясен практически полным исчезновением черноногих хорьков в прериях Северной Америки). Джеральд еще в детстве стал составлять собственную «неполную и любительскую» Красную книгу исчезающих видов животных — одним из первых в Соединенном Королевстве. Если бы он отправился в университет изучать зоологию, то вышел бы оттуда с точным знанием сравнительной анатомии и линиеевским определением видов, но сомнительно, чтобы его имя стало известно во всем мире.

Итак, детство Джеральда осталось позади. В конце 1942 года, когда маятник войны качнулся в сторону союзных войск — хотя впереди еще были годы кровопролитных сражении, — Джеральд получил повестку. Ему было почти восемнадцать лет, и он отправился на медицинскую комиссию в Саутгемптон. Сначала его и пришедших с ним юношей выстроили — «как скот на бойне» — и приказали раздеваться. Затем каждому из них дали по баночке и велели помочиться. Перед осмотром Джеральд выпил несколько пинт пива, чтобы наполнить мочевой пузырь, но, к сожалению, перестарался. Баночка переполнилась, а остановиться он не мог. «Эй, ты! — закричал врач. — Немедленно выплесни все. Надеюсь, у тебя нет инфекционных заболеваний». В своих неопубликованных мемуарах Джеральд так вспоминал это событие в своей жизни.

«Следующим оказался маленький, толстенький доктор, более всего поминавший гнома, которых так любят устанавливать в саду под деревьями. Он заглянул мне в рот, потом в уши, а затем приставил жирный палец к кончику моего носа.

— Следуй за моим пальцем, — сказал он и стал отодвигать пален в сторону. Я пошел за его пальцем, недоумевая, каким образом такой нехитрый трюк может рассказать о состоянии моего организма.

— Я не говорил тебе идти за моим пальцем, — взорвался доктор.

— Но вы только что мне так сказали, — в смущении возразил я.

— Я не говорил, следуй за моим пальцем, я сказал, следуй за моим пальцем, — с раздражением проговорил врач.

— Я так и сделал, — настаивал я.

— Я не имел в виду, что ты должен последовать за моим пальцем всем телом.

Тут уже я начал сомневаться в умственной полноценности толстого медика.

— Я не могу следовать за вашим пальцем без участия тела, — терпеливо объяснил я.

— Мне не нужно твое тело, — заорал врач. — Мне нужны только твои глаза!

Я начал прикидывать, из какого сумасшедшего дома выпустили этого типа и не следует ли рассказать другим врачам о его поведении. Но все же я решил быть терпеливым и спокойным.

— Но вы же не можете получить мои глаза без тела, — объяснил я врачу. — Глаза находятся в теле, поэтому, если они последуют за вашим пальцем, то и тело двинется туда же.

Лицо доктора своим цветом стало напоминать старую кирпичную стену.

— Ты идиот? — спросил он, закипая.

— Не думаю, сэр, — успокаивающе ответил я. — Я просто не понимаю, как я могу

последовать за вашим пальцем глазами без тела.

— Мне не нужны твои чертовы глаза, — закричал он. — Я хочу, чтобы ты последовал за моим пальцем! Только и всего!

— Но я так и сделал, сэр, а вы рассердились.

— Следуй за моим пальцем глазами, идиот несчастный, — возопил врач. — Твоими чертовыми глазами!

— Я понимаю, сэр, — ответил я, хотя, по правде говоря, ничего не понимал.

После этого я перешел к следующему представителю медицинской профессии, мрачному мужчине с сальными волосами, более всего напоминавшему метрдотеля-неудачника на грани самоубийства. Он внимательно осмотрел меня от носа до кормы, бормоча что-то себе под нос, как несчастный медведь, сосущий лапу. Доктор распространял вокруг себя аромат корицы, а его большие фиалковые глаза показались мне очень красивыми.

— А теперь, — сказал он, — я хочу, чтобы ты посмотрел на свой нос, для чего мы опустим шторы и окажемся в полной темноте.

«Еще один сумасшедший», — подумал я. — Не кажется ли вам, сэр, что лучше будет проделать это при свете? — осведомился я.

— Нет, нет, обязательно в темноте, — объяснил доктор, — потому что мне нужно будет кое-что засунуть тебе в рот.

— Что же именно? — поинтересовался я, решив отстаивать свою честь до последней капли крови.

— Лампочку, — ответил он. — Это совершенно не больно, честное слово. Шторы были опущены, в мой рот был засунут небольшой фонарик, и доктор принялся осматривать мое горло.

— Черт, — пробормотал он. — Батарейки сели.

Он вытащил фонарик, который сиял, как небольшой костерчик.

— Смешно, — сказал он и снова засунул фонарик мне в рот. — Что ты засунул себе в нос?

— Ничего, сэр, — искренне ответил я.

— Тогда почему же я не вижу света? Я не вижу света, — проворчал он. — Я должен увидеть твои пазухи, но я ничего не вижу.

— У меня с детства заложен нос, — объяснил я, — и никакие средства не помогают.

— Господи! — поразился доктор. — Ты должен обратиться к специалисту. Я не могу взять на себя такую ответственность. Твои пазухи выглядят, как... как... как Черная Дыра Калькутты!»

Джеральда отправили к доктору Маджилликадди, квалифицированному отоларингологу, который не занимался никакими глупостями.

«Сидя за огромным столом, он внимательно прочитал мою историю болезни, время от времени сурово посматривая на меня бледно-голубыми глазами.

— Подойди сюда, — ворчливо произнес он. В его речи сильно чувствовался шотландский акцент.

Доктор снова засунул фонарик в мой рот. Какое-то время он молчал. потом издал глубокий, прочувствованный вздох.

— Господи боже мой, — сказал он. — Никогда не видел ничего подобного. У тебя там темно, как в Эдинбургском замке. Если кто-нибудь захочет вычистить эти пещеры, им придется вызывать экскаватор!

Он вернулся к столу, сел, сцепил пальцы и посмотрел на меня.

— Скажи мне честно, парень, — сказал он, — ты не хочешь идти в армию, флот или в авиацию, не так ли?

В этот момент я понял, что спасти меня может только правда.

— Нет, сэр, — ответил я.

— Ты трус?

— Да, сэр, — без запинки отрапортовал я.

— Я тоже, — кивнул он. — Но я не думаю, что им пригодится трус, у которого нос похож на ущелье Чеддер. Убирайся, парень.

— Спасибо, сэр, — ответил я и направился к двери. В дверях я услышал прощальное напутствие доктора:

— И не стоит себя недооценивать — чтобы признать себя трусом, требуется немалая храбрость. Удачи, парень!»

Вскоре Джеральд получил извещение о том, что он не годен к военной службе, но может послужить родине иначе. У него было два варианта. Он мог пойти работать на фабрику, производящую амуницию, или работать на земле. Естественно, Джеральд выбрал работу на земле. «Это означает какую-нибудь ферму?» — поинтересовался он у клерка в Трудовом отделе. В его воображении уже возникла ферма с овцами и коровами, с огромными полями, засаженными капустой и кукурузой. «Естественно, — фыркнул клерк. — Меня это не интересует. Там вечно воняет какой-то гадостью!»

Итак, Джеральд оседлал свой велосипед и отправился на поиски идеальной фермы. Ему повезло. Он нашел школу верховой езды к северу от Борнмута, где держали нескольких коров. Мистер Браун, владелец школы, был маленьким, кругленьким, краснолицым мужичком, с дрожащим голосом. Он жил со своей матерью и никогда не надевал ничего, кроме жокейского костюма. Этому лилипуту Джеральд должен был показаться настоящим великаном. Джеральду предстояло убираться в конюшне и ухаживать за двадцатью двумя лошадьми и устраивать примерно шесть верховых прогулок в день. Мистер же Браун в благодарность должен был сообщить властям, что Джеральд работает на ферме. Этим Джеральд Даррелл и занимался до конца войны, совмещая верховые прогулки с английскими дамами с уроками верховой езды для американских пехотинцев, с детства мечтавших стать ковбоями.

Вспоминая это бесцельное, но идиллическое времяпрепровождение, Джеральд испытывал определенную ностальгию с примесью романтической мифомании. Он вспоминал очаровательных женщин, приезжавших на ферму, чтобы научиться верховой езде. Тут дело было не в его собственной привлекательности и не в искусстве обольщения. Романтическая обстановка, уединенность и волшебство окрестных лесов содействовали любовным увлечениям. Это было, как романы на корабле. Любовные приключения свершались сами собой — настолько далеки они были от повседневной жизни, от обязанностей дома и семьи (по крайней мере, так казалось в те несколько часов, что они проводили вместе). Наиболее продолжительным оказался роман с Джин Мартин, очаровательной простушкой, работавшей в конюшнях Брауна. Но Джеральд проявил себя настоящим рыцарем. Он ни разу даже не поцеловал Джин, ограничившись клятвой в вечной любви.

Вскоре Джеральд завел собственную лошадь и назвал ее Румба. В свободное время он уезжал на ней в тихие и пустынные сосновые леса. Джеральд по-настоящему подружился со своей лошадью. Он мог часами чистить ее, рассказывая о своих мыслях, читая стихи, вдыхая аромат самой природы. Лошадь хорошо запоминала привычные маршруты. Она часто привозила замечтавшегося седока к его любимому пабу, расположенному в лесу, и отказывалась двигаться с места, пока он не выпивал пинту эля «на дорожку».

Месяцы шли за месяцами. Джеральд не считал, что уклоняется от военных обязанностей и предает свою страну. Какую страну? Он никогда не считал Англию своей родиной, она не была для него даже приемной матерью. Неудивительно, что он не испытывал никаких патриотических чувств. Отвращение к войне было в Джеральде столь велико, что он просто не осознавал, что Англия воюет не только за себя.

Наконец пушки в Европе умолкли. Это случилось в мае 1945 года. Обязанности Джеральда перед Англией были исполнены. Через несколько недель он сделал первые шаги к исполнению своей заветной мечты. Много лет назад, еще до Корфу, он твердо решил, чем хочет заниматься в жизни. Сначала он станет путешествовать, собирая зверей для зоопарков, а затем организует собственный зоопарк. Оба намерения были весьма необычны и довольно трудны для исполнения. Оба требовали серьезных навыков, которыми Джеральд в 1945 году никак не обладал. Позже он писал: «Я понял, что если хочу добиться исполнения своей мечты, то должен получить навыки обращения не только со скорпионами и морскими коньками». У Джеральда оставался единственный выход — получить работу в зоопарке.

«Решив так поступить, я сел и написал, как мне казалось, весьма скромное письмо в Лондонское зоологическое общество, которое, несмотря на войну, по-прежнему обладало крупнейшей коллекцией животных, сосредоточенной в одном месте. К счастью, я не осознавал чудовищности своих амбиций и откровенно изложил свои планы на будущее, намекнув, что я — именно тот человек, которого они всегда стремились нанять. Затем задал совершенно конкретный вопрос: «Когда я смогу приступить к исполнению своих обязанностей?»

Естественно, такое письмо должно было попасть туда, где ему было место, — в мусорную корзину. Но, к моему счастью, оно попало на стол к добрейшему и культурнейшему человеку,

Джеффри Веверсу, директору Лондонского зоопарка. Очевидно, нахальство моего письма показалось ему интересным, и, к моему удовольствию, он написал мне, предлагая приехать на собеседование в Лондон. Во время собеседования, поддавшись мягкому обаянию этого человека, я изложил все, что знал о животных, о собирании животных и о собственном зоопарке. Не столь добрый человек, наверное, окатил бы меня ушатом холодной воды, указав на совершеннейшую неисполнимость моих замыслов. Но Веверс выслушал меня с величайшим терпением и тактом, одобрил мой подход к решению проблемы и сказал, что ему нужно подумать о моем будущем. Я ушел от него еще более окрыленный, чем раньше».

Спустя несколько недель Джеральд получил вежливое письмо, в котором сообщалось, что, к сожалению, в настоящий момент свободных вакансии для младшего персонала в Лондонском зоопарке нет, но, если у него нет возражении, он мог бы стать дежурным в Уипснейде, загородном зоопарке Зоологического общества.

Пост дежурного был самым низшим в иерархии зоопарка. Но поскольку энтузиазм молодого человека произвел на Веверса неизгладимое впечатление, он придумал для Джеральда несуществующую должность «студента-смотрителя». «Если бы он предложил мне взять на воспитание пару взрослых снежных барсов, — вспоминал Джеральд, — я и то не был бы столь счастлив».

Через несколько дней восторженный Даррелл отправился в Уипснейд. Он взял с собой два чемодана — один со старой одеждой, а другой с книгами по естественной истории и множеством толстых блокнотов, куда он собирался записывать свои наблюдения за животными, а также то, что он узнает от коллег по работе. 30 июля 1945 года Джеральд Даррелл начал работать в зоопарке. Если книги, прочитанные в юности, дали ему среднее образование, то Уипснейд стал его университетом.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

МАЛЬЧИК НА ПОЗВЕРЮШКАХ: УИПСНЕЙД 1945-1946

Для начала Джеральд отправился в кабинет директора зоопарка, капитана Вильяма Била, бывшего армейского ветеринара, служившего на Золотом Берегу (в Гане). Директор сидел за огромным столом, засучив рукава и демонстрируя симпатичные полосатые подтяжки.

«Когда капитан встал, я понял, что передо мной человек весьма внушительного роста и веса. Он обогнул стол и навис надо мной, тяжело сопя. - Даррелл? — прогудел он вопросительно. — Даррелл?

Голос капитана был очень низким и напоминал приглушенное рычание.

— Думаете, вам здесь понравится? — спросил капитан Бил так неожиданно и так громко, что я подскочил в кресле.

— Э-э-э... да, сэр. Уверен, что понравится, — ответил я.

— Вы никогда не занимались подобной работой раньше?

— Нет, сэр, — отрапортовал я, — но у меня было много разных животных дома.

— Ха! — почти презрительно воскликнул капитан. — Морские свинки, кролики, золотые рыбки — все ясно. Ну, у нас-то вам придется работать с более серьезными животными».

Практически сразу же после этого разговора Джеральд приступил к работе. На следующее утро его отправили ко львам.

Деревушка Уипснейд, как обнаружил Джеральд, была довольно маленькой. Один паб и несколько коттеджей угнездились в долине, заросшей орешником. Новый сотрудник поселился в одном из таких коттеджей — окруженном цветами и пчелами домике Чарли Бейли, работавшего в слоновнике. Для Чарли и его жены Джеральд оказался довольно неожиданным жильцом. По своему языку и внешнему виду молодой Даррелл больше походил на джентльмена, чем на младшего служителя зоопарка.

«Что привело вас в Уипснейд, Джерри?» — спросил Чарли нового жильца за обильным деревенским ужином.

«Видите ли, — ответил Джеральд, — меня всегда интересовали животные, и мне хотелось собирать зверей — знаете, ездить в Африку и другие страны и ловить там животных для зоопарков. Мне хотелось набраться опыта в обращении с более крупными животными. Понимаете, в Борнмуте

трудно держать крупных зверей. Не станешь ведь выгуливать стадо оленей в собственном палисаднике».

«Ага, — согласился Чарли. — Конечно, не станешь».

Расправившись с сытным ужином, Джеральд отправился в свою комнату. «Со счастливым вздохом я растянулся на кровати, — вспоминал Даррелл. — Я прибыл. Я в Уипснейде! С этой мыслью я заснул».

Джеральду крупно повезло. Лучше места для практики найти было невозможно. Уипснейд был совершенно особенным зоопарком. Он раскинулся на пятистах акрах земли в Бедфордшире, в тридцати пяти милях к северу от Лондона. Открылся Уипснейдский зоопарк в 1931 году. С самого начала он устраивался как загородный зоопарк — первый публичный зоопарк в Британии, где животные содержались в условиях, по возможности приближенных к естественным. Звери в Уипснейде не ютились в тесных, негигиеничных клетках, как большинство обитателей зоопарков во всем мире. Идея была не нова: великий немецкий зоолог Карл Гагенбек еще в середине девятнадцатого века организовал в Гамбурге подобный зоопарк. Но в Уипснейде пошли дальше. Поскольку зоопарк располагался за городом, львы и тигры могли уютно расположиться в лесистых долинах, зебры и антилопы свободно носились по огромным привольным пастбищам, а волки стаями бегали по лесам. Джеральд отмечал, что этот зоопарк был максимально приближен к сафари, насколько это было возможно в то время.

Но целью зоопарка в Уипснейде была не простая демонстрация животных посетителям в идеальных условиях. Здесь велась серьезная работа по сохранению некоторых видов диких животных, находящихся под угрозой уничтожения. Сотрудники зоопарка пытались разводить почти исчезнувший вид диких лошадей Пржевальского, американских бизонов, мускусных быков и оленей Давида. Джеральду крупно повезло — он попал не просто в зоопарк, а в научное учреждение. Может быть, Уипснейд и уступал Парку дикой природы Сан-Диего или Птичьему миру, расположившемуся в Нью-Йорке, но для послевоенного времени это был просто образцовый зоопарк. Уипснейд оказал огромное влияние на жизнь и работу Джеральда Даррелла.

Джилл Джонсон в те годы также работала в Уипснейдском зоопарке. Ей было восемнадцать лет, и в ее обязанности входил уход за эскимосскими собаками и шетлендскими пони. Она вспоминает о первом рабочем дне Джеральда в Уипснейде:

«Меня позвали познакомиться с новым сотрудником. Я спустилась в офис. Передо мной стоял светловолосый юноша, с открытым, дружелюбным лицом в белой рубашке с распахнутым воротом и закатанными рукавами. Он был выше меня. У него были яркие голубые глаза. Помню, я спросила: «Как вас зовут?» Он ответил: «Вы можете называть меня Джерри или Даррелл». Тогда я сказала: «Что ж, я выбираю Джерри. Берите велосипед и отправляйтесь за мной». Пока мы ехали по территории зоопарка, я спросила: «Почему вы не в армии?» Он объяснил, что является греческим подданным и что хочет в будущем собирать животных для зоопарков. Я отнеслась к подобным планам с изрядной долей скептицизма. Я показала Джеральду собак и прокатилась с ним по всему зоопарку. Впоследствии мы стали хорошими друзьями».

Хотя должность Джеральда официально именовалась «студент-смотритель», на самом деле он был обычным «мальчиком на позверюшках», занимая самую низшую ступеньку на служебной лестнице. Но благодаря своему счастливому характеру он быстро перезнакомился и подружился со всеми сотрудниками зоопарка. Он находился в распоряжении любого из них, ему можно было поручить любое задание, он работал со всеми животными — с маленькими и большими, спокойными и смертельно опасными. В Уипснейде Джеральд научился всему — он ухаживал за крупными, опасными животными (львами и тиграми, медведями и буйволами), выполнял рутинную повседневную работу, которой полным-полно в любом зоопарке. Он всегда мечтал именно о такой работе. Но ему хотелось большего.

Джеральд продолжал читать специальную литературу. Но теперь он уделял основное внимание книгам, посвященным зоопаркам. Он понял, что еще с викторианских времен зоопарки превратились в места развлечения праздной публики. Люди ходили в зоопарки так же, как их предки давным-давно находили интерес в посещении сумасшедших домов. Научные исследования в зоопарках практически не велись, а если животное погибало, то его просто заменяли другим. Но Джеральду уже тогда стало ясно, что богатства природы отнюдь не безграничны.

«Изучая литературу, я с ужасом узнавал, как хищнически человек обращается с природой, какие страшные опустошения производит в животном мире. Я узнал о безобидном, беззащитном дронте, который был истреблен практически сразу же после его открытия. Я узнал о странствующем

голубе из Северной Америки. Когда-то огромные стаи этих птиц буквально затмевали небо, а их гнездовья располагались на сотнях квадратных миль. Но их мясо оказалось слишком вкусным. Последний странствующий голубь умер в зоопарке Цинциннати в 1914 году. Квагга, эта странная полулошадь-полузебра, когда-то весьма распространенная в Южной Африке, была полностью истреблена бурскими фермерами. Последняя квагга умерла в лондонском зоопарке в 1909 году. Мне казалось удивительным и невероятным, что работники зоопарков оказывались настолько невежественными, что не осознавали нависшей над животными, вверенными их попечению, угрозы уничтожения и не делали ничего, чтобы предотвратить исчезновение вида. Разве не является основной задачей любого зоопарка спасение животных, находящихся на грани вымирания?»

Джилл Джонсон вспоминала, что Джеральд часто говорил: «Множество животных вымирает. Как было бы славно разводить их в неволе и выпускать в места естественного обитания!» Но затем его одолевали сомнения, и он замечал: «Может быть, они вымирают по какой-то иной причине. Возможно, окружающий мир изменяется. Может быть, они вымирают потому же, почему вымерли саблезубые тигры. Может быть, таков ход природы, и их должны заменить какие-то новые виды». Но разве может быть справедливым «биоцид» одного вида животных против всех остальных? Ведь человек собственными руками способствовал вымиранию почти половины видов животного царства! Шестьдесят миллионов бизонов когда-то паслись в прериях Дикого Запада — величайшее сообщество животных, когд-либо существовавшее на Земле. А затем появился белый человек и стал убивать бизонов по миллиону голов в год. К 1880 году в США осталось всего двадцать бизонов. Можно было часами скакать по прерии и не увидеть ни одного бизона — ни живого, ни мертвого. Разве это нормально? Убедила Джеральда в правильности принятого им решения ситуация с оленем Давида.

Олень Давида — вот классический пример животного, находящегося на грани исчезновения и разведенного в неволе. Отдаленный родственник красного оленя, олень Давида был широко распространен в Китае, но к концу девятнадцатого века практически истреблен человеком. Во время боксерского восстания в 1900 году несколько сохранившихся представителей этого вида были убиты в Императорском зоопарке в Пекине. Однако, к счастью, до полного истребления этих замечательных животных в среде их естественного обитания несколько особей были отправлены в парк Вобурн, располагавшийся неподалеку от Уипснейда. Их вывез английский аристократ, герцог Бедфорд. На основе небольшой группы из нескольких животных была создана плодовитая колония. Олени Давида были разведены в неволе и выпущены в среду естественного обитания. Сейчас этих животных можно встретить почти повсеместно. Джеральд знал об этой удивительной истории, поэтому он с особенным трепетом отнесся к четырем новорожденным оленятам, присланным в Уипснейдский зоопарк.

«Детеныши оленя Давида были очаровательными, крохотными созданиями с длинными тонкими ногами, которыми они еще не научились управлять, и удивительными раскосыми глазами, придававшими им поистине восточный вид... Их надо было кормить вечером, в полночь и на рассвете... Должен признать, мне очень нравились эти ночные дежурства. Идешь по залитому лунным светом зоопарку к конюшне, где поселились оленята. По пути проходишь мимо клеток и загонов и видишь их обитателей. В сумерках медведи кажутся тебе вдвое больше, они ворчат друг на друга, пробираясь сквозь заросли ежевики. Потом дорожка ныряет в волчий лес, лунный свет серебрит стволы деревьев и отбрасывает темные тени на землю. Волки призраками мелькают среди деревьев, выскакивают на поляны и бесшумно исчезают среди стволов.

А потом ты подходишь к конюшне и зажигаешь фонарь. Оленята начинают суетиться и громко блеять. Открываешь дверь — и они бросаются тебе навстречу на своих разъезжающихся ножках, начинают сосать твои пальцы или полы твоего халата, а потом так неожиданно пихают тебя головками под колени, что ты чуть не падаешь. А затем наступает долгожданный момент, когда соски наконец-то попадают в их ротики, и они с жадностью сосут теплое молоко, их глазки поблескивают, а молоко в уголках рта походит на смешные усы. В мерцающем свете фонаря, слушая причмокивание маленьких оленят, я понимал, что эти животные — одни из последних представителей своего вида, беженцы животного мира, находящиеся на грани вымирания. Мне было ясно, что существование этих малюток полностью зависит от человека».

Джилл Джонсон помогала Джеральду выхаживать маленьких оленей Давида. Она вспоминает:

«Обычно я доила коз, а Джерри брал бутылку козьего молока, чтобы кормить оленят. Но это была непростая задача, потому что оленята могли проглотить соску. Тогда мы решили найти для оленят козу-кормилицу. И это нам удавалось, пока оленята были маленькими, но очень скоро они

стали больше своей приемной матери. Они залезали под нее и поднимали козу в воздух. Только так они могли сосать молоко.

После успешного завершения этого предприятия мы стали заниматься уходом за больными и осиротевшими животными. Нам даже разрешали помогать ветеринару при операциях. Но именно олени Давида подтолкнули Джеральда к идее разведения животных в неволе. Мы часто говорили о том, что животных, разведенных в Вобурне, можно было бы выпустить на волю в Китае. Тогда это была всего лишь мечта, но впоследствии она воплотилась в жизнь».

В Уипснейде Джеральд продолжил составлять список животных, находящихся под угрозой исчезновения. Впоследствии он признавался другу, что испытывал смесь ужаса, отчаяния, решимости и любви. Он часто цитировал предсмертные слова Сесиля Родса: «Так много нужно сделать, так мало сделано!»

Джилл Джонсон казалось, что Джеральд в Уипснейде очень одинок. Интеллигентность отдаляла его от коллег по работе. Семья никогда не навещала его, по крайней мере, Джилл о подобном не слышала. Вскоре он переехал из дома Бейли и поселился в унылом и холодном месте, которое Джеральд прозвал «лачугой». Несколько коттеджей для смотрителей расположились перед пабом «Чекерс» на задворках зоопарка. Иногда капитан Бил приглашал его на карри, которое он готовил в западноафриканском стиле с огромным количеством перца чили. «Карри капитана было настолько острым, — признавался Джеральд Джилл Джонсон, — что меня бросало в испарину, словно в лихорадке».

Больше всего в Уипснейде Джеральд подружился с Гасом. «В фигуре Гаса, — вспоминал он, — не было ничего романтического». Низкий лоб нависал над крупным носом, как у неандертальца. А нос походил на чудовищный гриб, по какому-то недоразумению выросший на лице. Лицо Гаса вечно было покрыто угрями, он страдал от аденоидов и грыз ногти. «Гас был самым непривлекательным человеком, какого мне когда-либо доводилось видеть, — писал Джеральд в своих воспоминаниях много лет спустя, — но у него было добрейшее сердце и открытая душа». Именно Гас отправился пешком в Данстейбл и обратно, чтобы достать клей и резину, когда Джеральд проколол шину на своем велосипеде. Именно Гас достал ему полбутылки виски — бог знает откуда, потому что в то время бутылка виски ценилась примерно так же, как, например, алмаз «Кохинор». У Джеральда случился плеврит, и какое-то время он находился почти при смерти. Именно Гас следил за состоянием обуви Джеральда, чистил ее и ухаживал за ней, чтобы Джерри не приходилось делать это самому.

Сердце Гаса навеки было отдано морским свинкам, и все свои деньги он тратил на то, чтобы построить для своих обожаемых зверюшек идеальную клетку. Когда Джеральд понял, что Гасу никогда не собрать денег на то, чтобы осуществить свою мечту, он решил отблагодарить друга за его доброту. Он нарушил данную себе клятву жить только на заработанные деньги и никогда не просить помощи у матери. «Я написал маме, — вспоминал он, — рассказал ей о Гасе и о его морских свинках. Вскоре я получил от нее письмо, куда были вложены десять хрустящих бумажек. Мама писала: «Только не обидь его, дорогой. Скажи Гасу. что умер твой дядя, который очень любил морских свинок, и оставил тебе эти деньги».

Благодаря помощи Джеральда Дворец морских свинок был построен, и был назначен день его торжественного открытия. «Это было замечательное событие, — вспоминал Джеральд. — На открытие пришли родители Гаса, его собака, кошка, я, его золотая рыбка, его жаба и девушка-соседка, симпатичная, как клецка. Морские свинки перебрались из своего старого обиталища в новый дворец с достоинством царственных особ. Из паба были принесены три банки пива и немного бузинного вина, чтобы отметить это важное событие. Все участники так развеселились, что мама Гаса упала в пруд с золотыми рыбками, а Гас наконец-то решился поцеловать соседку».

Во Дворце морских свинок, где жили и другие грызуны, Джеральд встречался со своими подружками. По его воспоминаниям, это было самое романтичное и доступное место для свиданий. Но на это соглашались не все девушки. Джеральд вспоминал:

«Моя подружка из ближайшего городка вдруг сказала: «Послушай, ты обращаешь больше внимания на этих крыс, чем на меня. Мне не нравится твой отсутствующий взгляд». Я решил, что это несправедливо, поскольку большая часть ее одежды была разбросана вокруг, но вынужден был признать, что ореховые сони были совершенно зачарованы нашим поведением.

Наконец я встретил очаровательную девушку с девонширским акцентом, кожа которой напоминала сливки, а крупные, серо-голубые глаза окружали ресницы, длинные, как побеги алтея, Ей нравились сони, но возникла другая проблема.

«Нет, не надо, только не сейчас, — воспротивилась она моим ухаживаниям. — Мы потревожим этих милых маленьких мышек. Да и кроме того, ты же не можешь быть уверенным, что они не станут на нас смотреть!» В конце концов Джеральд нашел свое счастье с дочерью местного полицейского, «пышногрудой, готовой к любовным утехам блондинкой», ухаживавшей за детенышами. Ее офис располагался в деревянном домике. В обеденное время Джеральд со своей подружкой запирались изнутри. «Мы старались увидеться при первой же возможности, — рассказывал Джеральд другу. — Я собирался жениться на ней». Пару раз Джеральд возил свою подружку в Борнмут, чтобы познакомить с семьей. «Она была довольно рослой и полной девушкой, — вспоминала сестра Джеральда, Маргарет. — Джерри был очень увлечен ею. Но какой молодой человек не увлекся бы подобной девушкой?» Ничто не длится вечно, и вскоре дочь полицейского нашла себе другого приятеля.

То, как Джеральд Даррелл проводил свободное время в Уипснейде, окружающие видели совершенно иначе. Джилл Джонсон вспоминает:

«Официантки в кафетерии считали, что он выглядит, как греческий бог, но назвать его красивым было нельзя, хотя он был довольно привлекателен. В нем не было мужской силы, но его нельзя было назвать и женственным. Сказать по правде, я не помню, чтобы у него были серьезные увлечения. Если кто-то с ним и встречался, то это я, но я была просто приятелем, который по случайности оказался девушкой. Мы были очень близки, но между нами не было интимности. У нас не было приятелей и подружек, мы оба хотели узнать о животных все, что только возможно. В Уипснейде не было чем заняться по вечерам. Нам некуда было пойти, в те дни еще не было телевизоров. Обычно по вечерам мы катались на велосипедах, а порой мы оказывались на сеновале. Если вы думаете, что там мы занимались чем-то предосудительным, то глубоко ошибаетесь. Джеральд говорил: «Ш-ш-ш... Тихо... Пусть нас никто не слышит. Я хочу почитать тебе Гусмана, может быть, тебе он понравится». И он начинал читать мне вслух стихи своим великолепным голосом.

Джерри был очень интеллигентным, намного более развитым, чем любой из смотрителей, которые собирались в пабе по вечерам. Он был прирожденным мыслителем, но любил и повеселиться. Иногда, сидя в темноте возле больного животного, он рассказывал мне чудесные истории, причем порой они были довольно грубыми. Он удивительно относился к женщинам — довольно космополитично, но с латинской утонченностью. Как-то раз я пришла в офис с другой девушкой, а тут вошел Джеральд. Он опустился на колено перед незнакомкой и произнес страстную и возвышенную речь в ее честь. «Я хочу задать вам один вопрос, — сказал он, — но не знаю, как это сделать». Мы подумали, что он хочет попросить ее выйти за него замуж. Но он расхохотался: «Не подскажете ли вы мне, где здесь мужской туалет?» Он был очень веселым, живым, ярким, добрым, милым необычным и особенным человеком».

Люси Пендар, дочка инженера, работавшего в Уипснейде, вспоминает о Джеральде как о щедром и добром молодом человеке с прекрасным, хотя порой и непристойным, чувством юмора.

«Появление Джерри в Уипснейде изменило нашу жизнь. Стройный молодой человек с необыкновенными синими глазами, длинными волосами, падавшими на глаза, в замшевых ботинках. Мне он казался настоящим поэтом, а не смотрителем зоопарка! Он мечтал собирать животных для зоопарков. Мы слышали об Уилфреде Фросте и Сесиле Уэббе, великих белых охотниках, но впервые увидели человека, мечтающего о столь опасном и странном занятии! Мы были для Джерри благодарной аудиторией, и он часами рассказывал нам о своем детстве. Мы усаживались вокруг него на траву, а он выдумывал для нас удивительные истории. Джерри объяснял нам свои идеи относительно разведения животных в неволе, многие из которых он впоследствии воплотил в жизнь. Стройный, красивый молодой человек был гораздо более решительным, чем могло показаться на первый взгляд. Никто на нас не сомневался, что он обязательно достигнет всего, о чем мечтает».

Люси Пендар вспоминает, что Джерри был большим весельчаком. Он постоянно цитировал непристойные стишки вроде «Линкольнширского браконьера» или «Последней розы лета», а порой сочинял подобные стишки сам. Когда Люси заболела, Джерри приходил почитать ей. Когда ее одолевали сомнения, он подбадривал ее. Он никогда не обижался на нее. «Невероятно, чтобы человек мог за такое короткое время оказать на меня столь сильное влияние, — вспоминала Люси. — Но Джерри Даррелл навсегда остался в моей памяти. Прекрасный человек. Мы верили в него сильнее, чем взрослые, и мы не ошиблись».

В Уипснейде Джеральд понял, что содержание зоопарка, как и многие другие занятия, не настолько романтично, как ему казалось раньше. Большую часть времени он занимался рутинной

работой — кормил животных и чистил клетки. Джеральд работал во многих отделах зоопарка, каждый из которых назывался по имени содержащихся в нем животных. Начал работать он в львином отделе, где, кроме львов, содержались и вомбаты, песцы, тигры и белые медведи, оказавшиеся на удивление опасными и злобными животными. От львов его перевели к медведям. В медвежьем отделе содержались волки, бородавочники, зебры и антилопы гну. Но хотя Джельду нравилось работать в Уипснейде, хотя у него было время читать о животных в свое удовольствие, иногда ему казалось, что единственное, чему он здесь научится, это убирать навоз и уворачиваться от острых рогов. Он обнаружил, что самыми опасными животными являются не те, кто таковыми считается. Даже зебра с бархатистыми, влажными глазами может превратиться в разъяренного демона, а страшный серый волк ничем не заслуживает своей ужасной репутации.

Повседневная работа в первоклассном современном зоопарке многое дала Джеральду. Но в ней были свои минусы. Джеральда разочаровало то, что в Уипснейде не ведется научной работы, что смотрители зачастую боятся зверей и не любят работу. Его беспокоило то, как ухаживают за животными. Порой ему казалось, что смотрители умышленно подвергают его жизнь опасности. Джеральд любил животных, но он был отнюдь не глуп. Большинство животных в Уипснейде были полудикими. Некоторые смотрители считали, что прекрасно умеют обходиться с ними, но это было не так. Джеральд опасался, как бы не произошло несчастного случая. Часто смотрители просили его сделать что-то такое, чего он сделать не мог, так как знал, что это очень опасно. Однажды ему предложили забрать теленка водяного буйвола у матери — чистое самоубийство! Джеральд подготовился к заданию, но разъяренная буйволица набросилась на него и буквально подняла на рога. Она прижала его к металлической ограде загона и сломала ему несколько ребер.

Единственным исключением среди смотрителей был недавно пришедший в зоопарк из BBC Кен Смит. Джеральд познакомился с ним во время выхаживания оленей Давида. Они подружились и пронесли эту дружбу через всю жизнь.

7 января 1946 года Джеральд отметил свои двадцать первый день рождения и вступил в наследство — он получил три тысячи фунтов, что в пересчете на современные деньги составляет свыше шестидесяти тысяч фунтов. Эти деньги оставил ему по завещанию отец. Джеральд, который раньше мог позволить себе разве что полпинты пива в местном пабе, внезапно превратился в состоятельного человека. За несколько месяцев до этого он решил оставить Уипснейд, чтобы заняться воплощением своей мечты — собирать животных для зоопарков, а потом организовать собственный зоопарк. Джеральд прекрасно понимал, что, оставшись в Уипснейде, он этого никогда не добьется.

Каждый вечер он сидел в своей крохотной, похожей на камеру комнатке в холодной «лачуге» и писал письма известным собирателям животных, предлагая свои услуги. Он хотел принять участие в их экспедициях за собственный счет. Эти бесстрашные супермены казались Джеральду особыми людьми. Но их ответы походили один на другой — у него нет опыта обращения с животными, и они не могут взять его в экспедицию. Если он наберется опыта, то может обратиться к ним позднее.

«И в тот момент, подавленный и угнетенный, я придумал замечательную вещь, — вспоминал Джеральд. — Если я потрачу какую-то часть своих средств на собственную экспедицию, то смогу вполне честно утверждать, что у меня есть опыт, и тогда один из этих великих людей сможет не только взять меня с собой, но и платить мне жалованье. Перспектива казалась мне весьма соблазнительной».

И тогда он решил стать вольным собирателем животных. Джеральд организовал собственную экспедицию по сбору животных для зоопарков. У него был капитал, и он намерен был его вложить. Война приостановила этот странный бизнес — собирание животных для зоопарков. Но теперь наступил мир, и многим зоопаркам требовались животные для пополнения своей коллекции. Зоопарки нуждались в редких, экзотических животных, цены на которые были довольно высоки.

На прощальном ужине в Уипснейде капитан Бил проявил гораздо меньше энтузиазма. «Не вкладывай свои деньги в это дело, — предостерег он юного смотрителя. — Ты наверняка разоришься, попомни мои слова!»

«И не забывай, — напомнил Джеральду Джесси, один из уипснейдских смотрителей, — одно дело лев в клетке, и совсем другое, когда эта зараза подкрадывается к тебе сзади, понял?»

На следующее утро Джеральд попрощался с животными зоопарка. «Мне было грустно, — вспоминал он. — Я был счастлив в Уипснейде. Но, проходя мимо клеток и загонов, я видел в каждом животном то место на земном шаре, куда мне хотелось бы попасть. Животные кивали мне и укрепляли мою решимость».

17 мая 1946 года Джеральд Даррелл покинул Уипснейд и приступил к исполнению своей

мечты. Работа в зоопарке дала ему важные практические навыки в избранной им профессии. Именно в Уипснейде он понял, каким должен быть зоопарк, и особенно идеальный зоопарк. Позже он писал:

«Покидая Уипснейд, я был преисполнен решимости завести собственный зоопарк. Но я был точно так же убежден, что, если мне удастся реализовать свою мечту, мой зоопарк будет выполнять три функции.

Во-первых, он будет служить цели образования. Я хотел, чтобы люди поняли, как прекрасны и важны другие формы жизни на нашей планете, чтобы они перестали быть высокомерными и чванными созданиями и признали, что и иные формы жизни имеют право на существование.

Во-вторых, я собирался вести научную работу, наблюдать за поведением животных, не только для того, чтобы понять поведение самого человека, но и для того, чтобы помогать диким животным. Если не понимать потребностей различных видов животных, организовать их эффективную охрану совершенно невозможно.

И в-третьих — и это казалось мне наиболее важным, — мой зоопарк должен был стать местом сохранения животных, убежищем для видов, находящихся под угрозой вымирания. Я собирался сохранять и разводить животных, чтобы они не исчезли с лица Земли, как это случилось с дронтом, квaггой и странствующим голубем».

Всему этому суждено было исполниться в будущем. В то время у Джеральда были более насущные проблемы. Он организовывал свою первую, великую экспедицию. Время шло, и идея все больше и больше захватывала его. Его не терзали сомнения относительно этичности затеянного им предприятия. В молодости Джеральд поставил перед собой две задачи — во-первых, он хотел собирать диких животных для различных зоопарков, а затем мечтал организовать собственный зоопарк. Обе задачи были связаны с животными, но парадоксальным образом отличались друг от друга: в то время как идеальный зоопарк Джеральда был призван сохранять животных от вымирания, собирание зверей часто приводило к их гибели. Джеральд не мог не осознавать такого исхода, хотя никогда себе в этом не признавался. Однако браконьер очень скоро превратился в лесничего.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ПЛАНЫ ПРИКЛЮЧЕНИЙ: 1946-1947

Чтобы подготовиться к экспедиции, Джеральд вернулся домой, в Борнмут. Только одна тучка омрачала семейное воссоединение — странное поведение Лесли, которое внушало опасения.

Лесли всегда был загадкой, разбитым колоколом, издающим фальшивый звук. Корфу, по его собственным словам, «стал опасным моментом моей жизни, пять золотых, счастливых, совершенно деструктивных лет». Иногда к маме приезжал Ларри. «Лесли нужно чем-нибудь заняться», — говорил он. Но она всегда отвечала: «Оставь его в покое, с ним все будет в порядке». Но, в отличие от старшего и младшего брата, это было не так. Даррелы обычно добивались успеха в том, чему решили посвятить свою жизнь. Лесли это не удалось. Много лет спустя он признавался журналистам: «Странно, но как бы сильно я ни старался, мне ничто не удавалось. На мне словно лежало какое-то проклятие».

Все свое наследство Лесли вложил в рыбацкую лодку, которая затонула, прежде чем он вышел из Пул-Харбора. Затем он решил заняться садоводством, но и эта затея не увенчалась успехом. Неспособный ничем заняться, бесцельно блуждающий по жизни, Лесли пытался убедить мир одолжить ему на жизнь. Он пробовал заняться продажей роскошных яхт и моторных лодок. В конце концов Маргарет предостерегла его, что он может кончить тюрьмой за мошенничество, если не одумается. Лесли «помогал» матери, без конца одалживая у нее деньги. Мама вечно давала Лесли финансовые советы, в этом отношении он был ее любимым сыном.

Но ничто не помогало. Хотя Лесли был талантливым художником — Джеральд говорил, что его работы «удивительно прекрасны», — он растратил свой талант и не заработал на нем ни пенни. В конце концов Лоуренс и Джеральд махнули на него рукой. Много лет спустя Джеральд признавался: «Хотя мы со старшим братом много раз пытались помочь Лесли, он вечно совершал какие-то такие поступки, что мы теряли терпение».

Во время войны Лесли работал иа авиационном заводе и жил в Борнмуте с матерью, Джеральдом (пока тот не уехал в Уипснейд) и с греческой служанкой Марией Кондос. В 1945 году ему исполнилось двадцать семь лет. Мария была на десять лет его старше. Между ними возникла связь — одна из многих для Лесли, любовь всей жизни для Марии. Маргарет, наблюдавшая за

развитием драмы, вспоминала:

«Вернувшись из Северной Африки в начале 1945 года, я застала драму в самом разгаре. Как всегда, никто из членов семьи, кроме меня, не мог справиться с семейным кризисом.

Мама, как всегда, ничего не замечала. Я сказала ей: «Мария беременна». Затем я стала искать дом для одиноких матерей, куда бы мы могли отправить Марию. Ребенок родился в сентябре. Мария гордо гуляла с коляской по улицам Борнмута и рассказывала всем вокруг, что это ребенок Даррелов, еще один борнмутский Даррелл, который станет наказанием семьи. Лесли видел ребенка, но ни Джерри, ни Ларри не захотели его увидеть. Они считали, что Лесли не должен жениться на Марии. Да он и сам не собирался этого делать, потому что в то время уже встречался с Дорис, управляющей местным магазинчиком, которая снабжала маму джином в годы войны. Дорис наняла Лесли, чтобы тот доставлял ей пиво. У Джерри и Ларри всегда были сложные характеры. Они могли быть шумными и вспыльчивыми, а затем становились очень правильными и расчетливыми, как ни странно это звучит».

Мальчика назвали Энтони Кондосом. Его мать спала на кухне, и он вспоминал «обезьянок, карабкающихся по мебели, и змей, притаившихся в ящиках комода». Лесли не интересовался ни ребенком, ни его матерью. Как всегда, за все пришлось расплачиваться маме. Мария получила работу в прачечной в Крайстчерче, а затем городском совете, и забрала ребенка с собой. «После того как мы с матерью покинули семейный дом, — вспоминает Тони Кондос, — мы жили в разных местах, переезжая с квартиры иа квартиру по всему Борнмуту. Я думаю, что только Маргарет испытывала симпатию к моей матери. Мама дружила с ней долгие годы, и Маргарет всегда радушно принимала нас в своем доме. Но маме приходилось много работать, чтобы содержать меня. Это были нелегкие годы». Мария очень любила Лесли. Маргарет вынуждена была признать: «Много лет спустя она все еще называла его «roula-mot», что по-гречески означает «любимый», Причем это слово обладает гораздо более глубоким значением, чем его английский эквивалент».

Тони Кондос вырос, не зная, жив его отец или умер. «Хотя мама очень сильно любила его, — вспоминал он, — ее чувства постоянно менялись on любви до ненависти, что сильно смущало меня в детстве. Больше всего сожалел о том, что никогда не знал своего отца. На протяжении многих лет я чувствовал озлобленность против него и других членов семьи. Но стал старше, я начал понимать, что Даррелы сделали для меня и моей матери. Теперь во мне осталась только печаль оттого, что я не стал членом этой семьи... И странным образом я горжусь тем, что я один из них, хоть и безымянный».

А тем временем Джеральд погружался в собственный кошмар. Для новичка путешествие в джунгли далекого континента с целью собирания животных было практически непосильной задачей. Что ему нужно сделать? Куда отправиться? Кого ловить? Сколько все это будет стоить? Учиться времени не было. Джеральду никто не помогал, а число бюрократических препон возрастало с каждым днем. После войны стало очень трудно отправиться куда бы то ни было, а некоторые страны стали и вовсе недоступными.

Месяцы шли, а Джеральд боролся с трудностями, постепенно вырабатывая план действий. Он всегда мечтал увидеть Африку. На этом континенте была страна — мечта любого собирателя животных. Эта неразвитая и редко посещаемая территория называлась Британским Камеруном — узкая полоска земли, расположившаяся вдоль восточной границы Нигерии. Камерун отличался удивительной красотой высокогорий и тропических лесов. А животный мир этой страны отличался огромным разнообразием — здесь водились гориллы, броненосцы и редкие животные ангвантибо, волосатые жабы, гигантские водяные землеройки и крупные орлы.

Решив вопрос, куда отправиться, Джеральд принялся решать другие, не менее сложные — когда, как, с кем и зачем. Работа над разработкой конкретного плана экспедиции заняла несколько месяцев. Заграничные поездки в 1946 году все еще оставались довольно сложным предприятием, привилегией немногих. Информации не хватало. Большую помощь Джеральду оказал английский натуралист Джон Йелланд, известный орнитолог. Он был вдвое старше Джеральда, но разделял его интересы. Несколько месяцев спустя после того, как Джеральд покинул Уипснейд, Йелланд помогал Питеру Скотту организовывать Фонд охраны птиц в Слимбридже на границе Севернских болот в Глостершире, а затем он стал куратором отдела птиц в Лондонском зоопарке. Джеральд рассказал Йелланду о своих намерениях отправиться за редкими животными в Камерун. Энтузиазм молодого человека понравился Йелланду. Они согласились помочь друг другу и отправиться в экспедицию совместно.

Итак, команда была собрана. Были разработаны план, расписание, маршрут. Даже назначена дата отъезда. Но оставалось еще очень многое. Как писала одна из газет: «Эта экспедиция стала их первой поездкой в джунгли. Никто не знал, куда они собирались, никто не давал им никаких заказов,

никто в Камеруне не знал об их приезде». Пять зоопарков — Лондонский, Бристольский, Честерский, Бель-Вью (Манчестер) и Пейтонский — выразили определенный интерес к потенциальной добыче экспедиции и сообщили цены на некоторые редкие виды животных. Однако никто не предложил никаких авансов.

Семья Даррелов сначала была удивлена планами Джеральда, однако затем его затея показалась им весьма привлекательной. Они всегда были уверены, что его странные планы окажутся столь же неосуществимыми, как и у его старшего брата Лесли.

В 1947 году Джеральд перебрался в Лондон. В столице было много интересного для будущего собирателя животных. В Лондоне был первоклассный зоопарк, множество интересных музеев. Здесь жили специалисты-зоологи и дилеры, занимающиеся продажей животных, с которыми можно было проконсультироваться. Джеральд посещал библиотеки и покупал много книг. В Лондоне жил Питер Скотт, единственный сын покорителя Антарктиды, герой войны, художник-портретист, выдающийся художник-анималист, известный натуралист, одним из первых заговоривший о необходимости охраны природы и о сохранении вымирающих видов.

Хотя между Джеральдом и Скоттом возникали разногласия, они сходились в главном. Организованный Скоттом в 1945 году Фонд охраны птиц в Слимбридже на Севернских болотах представлял собой модель заповедника, о котором мечтал Джеральд. Увлеченность Скотта миром живой природы очень импонировала Джеральду. «Мой интерес к процессу эволюции, — писал Скотт. — вызывал во мне глубочайшее уважение к каждому виду флоры и фауны, имевшему такое же право на существование на этой планете, как и homo sapiens. Перспектива исчезновения любого из существующих видов казалась мне ужасной катастрофой, которую человек способен предотвратить». Уничтожение природы и любого из живых существ было, по мнению Скотта, «преступлением против неопределенного, но непреложного закона вселенной».

В то время Скотт жил в Кенсингтоне. Именно к нему молодой Джеральд Даррелл и отправился за советом и поддержкой. Хотя Даррелл был совершеннейшим новичком, Скотт понял, что этому мальчишке удалось склонить на свою сторону Джона Йелланда, поддержавшего идею организации фонда в Слимбридже. Йелланд собирался отправиться в Камерун с Даррелом.

Помимо специалистов Лондон привлекал Джеральда женщинами. В жизни Даррелла между шестнадцатью и двадцатью двумя годами было много женщин. Хотя он и не был девственником, его отношения с противоположным полом были безнадежно наивными. Настало время измениться.

Как-то раз Джерри обедал в греческом ресторане в Вест-Энде вместе с Ларри и его приятелями-поэтами. Здесь Джеральд познакомился с женщиной, познакомившей его с глубочайшими тайнами любви. Он называл ее Джульеттой, однако ее настоящее имя мы вряд ли когда-нибудь узнаем. Джульетте было за двадцать, она была на шесть-семь лет старше Джеральда. Она была замужем, но жила отдельно от мужа и имела двух маленьких детей. Джеральд влюбился в нее с первого взгляда. Она не отличалась красотой, но ее лицо мгновенно запоминалось. Бледная, печальная девушка с прекрасными, огромными глазами. Джеральду сразу же захотелось защитить и уберечь ее.

«Чем вы занимаетесь?» — спросил он.

«Я рисую лошадей», — ответила она.

У Джеральда возникли некоторые проблемы. «Я не мог в это поверить — уму непостижимо! — вспоминал он. — Но в окружении греков возможно все».

«Вы хотите сказать, что берете лошадь и набор красок и красите их?» — переспросил Джеральд.

«Нет, — засмеялась она. — Я рисую их портреты для владельцев. Разумеется, только породистых лошадей».

«Разумеется, — кивнул Джеральд. — А не могу ли я как-нибудь прийти посмотреть на вашу работу?»

«Можете, — ответила Джульетта. — Приходите завтра, и мы вместе пообедаем».

Итак, свидание было назначено. К Джульетте Джеральд отправился на автобусе, везя с собой дюжину яиц чайки для обеда, в надежде на то, что они окажут возбуждающее действие. Ее дом, как писал Джеральд в своих воспоминаниях, был наполнен запахами кофе и масляных красок, проникающими друг в друга. Она показала ему свои картины. «Конечно, до Стаббса ей было далеко, — вспоминал он, — но рисовала она чертовски хорошо». Он задержался надолго, и они пообедали вместе... Через несколько дней Джеральд переехал из дома тети Пру в Челси и перевез свои вещи к Джульетте. «Это была самая замечательная женщина в мире», — ностальгически вздыхал он по потерянной любви. «Джульетта была первым подлинным увлечением Джерри, — вспоминала его

сестра Маргарет. — Она впервые открыла ему глаза на любовь и секс. Раньше он просто не осознавал, что это такое».

Связь между Джеральдом и Джульеттой длилась два года, хотя большую часть из них он провел за границей. Он серьезно подумывал о браке, хотя впоследствии признавал, что это была бы настоящая катастрофа. У их отношений не было будущего. Как-то утром он отправился домой, в Борнмут, по делам, а вернувшись, обнаружил на туалетном столике письмо от Джульетты. Он вспоминал, что это была «традиционная записка, составленная из фраз, какие можно найти в любом романе из тех, что нравятся всем, но никто не хочет в этом сознаться». Обескураженный неожиданным развитием событий, Джеральд погрузился в глубокий запой, но затем одумался. Он сильно любил эту женщину. В гневе и печали он собрал свои вещи и книги и вернулся в дом тети Пру, поджавши хвост. В конце концов, ничего страшного не случилось. Мир живой природы манил его, и перед ним открывались широкие горизонты и интересные возможности.

Наконец-то Джеральд сумел полностью сосредоточиться на экспедиции. В семейный дом в Борнмуте начали поступать коробки с ловушками, ружьями, фонарями, носками, солью, салом, рыболовными крючками, картами, путеводителями и лекарствами. Маленький Джерри, бывший помощник в зоомагазине и инструктор верховой езды, превращался в натуралиста и исследователя. Он отправлялся в Черную Африку на ловлю горилл и питонов. В том же году старший брат Джеральда Лоуренс решил полностью поменять свою карьеру. Он писал Генри Миллеру с Родоса: «Мой младший брат Джерри настоящий поэт. Сейчас у него период иконоборчества — он утверждается как личность. Он считает тебя плохим писателем, а меня чертовским плохим писателем». В апреле 1947 года Лоуренс пересмотрел свое мнение. Он приехал в Борнмут со своей новой женой Евой. Семья впервые со времен Корфу собралась полностью. Лоуренс писал Генри Миллеру: «Джеральд, как и мечтал, стал зоологом, и в сентябре отправляется в Нигерию». У Маргарет уже было два маленьких сына. Она собиралась разводиться со своим летчиком. На деньги, оставленные ей отцом, она купила большой дом через дорогу от маминого, а Лесли переехал к Дорис Холл, веселой, взбалмошной разведенной женщине с маленьким сыном. Дорис была старше и серьезнее Лесли, у нее был магазинчик в полумиле от шоссе.

Приготовления Джеральда постепенно подходили к концу. Были получены все необходимые разрешения, зарезервированы каюты и места для багажа на грузовом судне, отправлявшемся в Камерун. В конце сентября 1947 года Джеральд получил новый паспорт. В нем говорилось, что он зоолог, проживает в Борнмуте, имеет синие глаза, каштановые волосы и рост в пять футов семь дюймов (170 см).

Грузовые суда не отличались точным следованием расписанию. Корабль, на котором Джеральд собирался отплыть в Африку, должен был отправляться из Лондона. Джеральд поселился у тети Пру в ожидании при бытия судна. Однажды он наткнулся на Ларри, выходившего из книжного магазина с большой стопкой книг в руках.

«Привет, — с удивлением сказал Ларри. — Что ты тут делаешь?»

«Жду корабля», — ответил Джеральд.

«Корабля? А, да... Лондонские доки и все такое. Отправляешься в открытое море. Что ж, по моим наблюдениям, корабли очень медлительны. Они либо не отплывают вовсе, либо тонут, что оставляет тебе достаточно времени, чтобы как следует напиться».

Ларри предложил Джеральду познакомиться со своим старинным приятелем, поэтом и китаистом Хью Гордоном Портеусом. Интересный парень отрекомендовал его Ларри. Живет в подвале в Челси, играет на органе и ест конину. «Он много знает о китайской поэзии, — продолжал Ларри. — Думаю, он тебе понравится — если только ты не слишком высокомерен, чтобы есть конину».

Хью Портеус оказался не менее эксцентричен, чем можно было предположить по описанию Ларри. В его комнате собралось множество молодых женщин, а Портеус помешивал суп в маленьком биде, позаимствованном в лучшем борделе Парижа, на газовой горелке.

Впоследствии Джеральд записал: «Эта сцена меня поразила. Большинство дамочек были полуодеты, на них красовались прозрачные пеньюары и восхитительное кружевное белье. Суп булькал в биде. На книжной полке были разложены бифштексы из конины». В семь часов Портеус посмотрел на часы, вытащил из шкафа миниатюрный орган и призвал всех собравшихся к тишине. В комнате над ним жила дряхлая старушка, миссис Ханидью, и Портеус обычно играл для нее на органе, когда та пила вечерний чай.

«Вам хорошо слышно, миссис Ханидью?» — крикнул он.

Раздался утвердительный стук в потолок, и Портеус поудобнее расположился на своем стуле.

«В следующее мгновение на нас обрушились звуки вальса «На прекрасном голубом Дунае», — вспоминает Джеральд. — Все в комнате пустились танцевать безумный вальс. Груди девушек подпрыгивали, конские бифштексы на книжной полке скакали, биде дрожало на газовой горелке, а книга о путешествии в Китай, написанная в шестом веке, выпала из шкафа. Одна из девушек протянула мне теплую ладонь, вытащила меня в центр комнаты, прижалась ко мне своими мягкими, сладкими губами, и мы стали вальсировать».

В этот момент пришел Тео Стефанидес. Он жил в Лондоне и работал рентгенологом в больнице Ламбет. Тео познакомился с Портеусом через Ларри. Истинный эдвардианский джентльмен, он был одет в твидовый костюм, жилет 1908 года, начищенные до блеска ботинки и мягкую фетровую шляпу. Его борода и усы были безукоризненно расчесаны, а начинающие седеть волосы идеально подстрижены. «Даже я, — вспоминал Джеральд, — который знал Теодора с десяти лет, не мог представить его в подобной атмосфере». Девушки вообще никогда не видели ничего подобного. К разочарованию хозяина дома и Джеральда, они встретили вновь прибывшего с истинным восхищением.

«Они ворковали вокруг него, как голубки у фонтана. Они подносили ему оливки и сырное печенье. Они сидели возле него и впитывали каждое его слово. Теодор сидел, подобно Санта-Клаусу, погрузившись в воспоминания. Он выдавал шутки, которые казались устаревшими еще в 1898 году.

«М-м-м... да... существуют скороговорки, которые вы вряд ли слышали, — твердил Теодор. — Какой шум беспокоит устрицу сильнее... гмм... да... сильнее всего? Шумный шум беспокоит устрицу сильнее всего!» Девушки разражались бессмысленным хихиканьем. Они старались прижаться к Теодору. Им никогда не доводилось слышать подобных шуток. Они казались им такими же восхитительными, насколько чудесной показалась бы им работающая прялка в прихожей».

Странный вечер продолжался. Джеральд и Портеус уединились в уголке. Девушки не обращали на них никакого внимания, они были полностью поглощены одетым с иголочки Тео. А он вспоминал о своем парижском приятеле, биологе, занимавшемся обитателями пресных водоемов и собравшем очень интересную коллекцию ракообразных в четырнадцати биде, соединенных в сложную систему. Нахваливая грибной суп, Тео вещал о том, что в мире существует 2841 вид грибов, причем более двух тысяч из них ядовиты. «Золотистые, зеленые, голубые, карие и черные глаза, — вспоминал Джеральд, — с восхищением следили за Тео. Девушки напомнили мне детей, слушающих сказку о Синей Бороде».

«Знаете ли вы, — поведала одна большеглазая красавица Джеральду, когда тот наконец сумел привлечь ее внимание, — что мозг гориллы больше человеческого?»

«Я это знаю с семи лет», — мрачно проворчал Джеральд.

В конце концов Джеральду сообщили, что судно отплывает в Камерун из Ливерпуля. Старый германский грузовой корабль, захваченный англичанами во время войны, должен был отплыть в Африку в начале декабря. Джеральд сел на первый же поезд и отправился навстречу своей мечте. Через пару дней к нему присоединился Йелланд. Багаж экспедиции был благополучно погружен на корабль, а личные вещи заняли свое место в каютах. Прощальные телеграммы были получены вовремя, последние слова прощания сказаны, и сходни подняты. Но корабль категорически отказывался выходить из дока. 2 декабря 1947 года, проведя три дня на борту по-прежнему стоявшего Доке корабля, Джеральд распаковал портативную пишущую машинку и начал писать свое первое послание к маме — первое длинное, членораздельное повествование в своей жизни.

«Дорогая мама,
мы все еще в доках Гарстона в Ливерпуле. Чертов корабль оказался немецким, и никто не знает, как он устроен. Что-то в двигателе испортилось, и вокруг него суетятся толпы потных мужчин, пропахших машинным маслом. Мы уже три дня на борту, но это за счет фирмы, так что все не так уж плохо. Созерцать мы можем только очень грязную пристань, на которой разбросаны гнилые бананы. Джон говорит, что весной здесь будет очень симпатично, так что если мы задержимся достаточно долго...»

Каюта, где поселили Джеральда и его напарника, была большой и прилично обставленной, но больше всего поразила Джеральда корабельная пища, совершенно удивительная для послевоенной Британии, где продукты распределяли по карточкам. «На завтрак, — вспоминал он, — мне подали овсянку с молоком и сахаром, почки и бекон с картофелем, тосты, джем и масло на огромной тарелке,

а также настоящий кофе». Выпивка на судне была удивительно дешевой и лилась, как вода. «Пиво (довоенного качества) стоило десять пенсов, виски и джин обходились в шиллинг, а пятьдесят сигарет мы могли получить за три шиллинга». Капитан, по замечанию Джеральда, оказался «глупым, напыщенным идиотом», зато остальные офицеры были очень «милы». Остальные пассажиры считали Джеральда с его спутником парой гомосексуалистов, но относились к ним с глубокой симпатией и желали им поймать массу зверей.

«Не волнуйся за нас, мы прекрасно проводим время. Большую часть дня мы корчимся от хохота. Надеемся отплыть завтра утром, а если повезет, то уже сегодня вечером.

С любовью, Джерри».

Однако отплыть им удалось только 14 декабря, через две недели после того, как смелые исследователи поднялись на борт. К тому времени смех их несколько поутих, их одолевала скука от нескончаемого ожидания. Корабль поднял якоря, вышел из доков, повернул к Мерси и отправился на юг, в Ирландское море, по направлению к экватору. Впереди были синие моря, залитые тропическим солнцем.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ИСПОЛНЕНИЕ ОБЕЩАНИЙ

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

НА КРАЮ СВЕТА: ПЕРВАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В КАМЕРУН 1947-1948

Трижды корабль чуть не утонул. В Бискайском заливе шторм был настолько силен, что Джеральд и Йелланд свалились со своих коек вместе со всем скарбом. Становилось все жарче. Корабль подходил к Канарским ост-ровам. В море появились обитатели теплых вод, на корабль залетали экзотические насекомые — бабочки, стрекозы и крупные оранжевые божьи ко-ровки. Они появлялись с невидимого, но уже довольно близкого африканского берега.

«Мы видели множество летучих рыб, — писал Джеральд матери. — Вокруг корабля играют дельфины, а вчера мы наблюдали трех китов примерно в пятидесяти футах от нас. На поверхности воды много португальских корабликов, странных медуз с небольшими парусами. Они движутся, подгоняемые ветром. Эти паруса ярко-фуксинового цвета, и на фоне голубого моря они смотрятся великолепно».

Несмотря на все задержки и шторма, корабль продвигался к своей цели. В сочельник он уже находился в сорока милях от побережья Сенегала. Рождество было отмечено поистине лукулловым пиршеством. Сначала в столовой был устроен роскошный обед, затем все принялись распевать Рождественские гимны в каюте помощника капитана, а потом веселье переместилось в гостиную. Естественно, что рождественская вечеринка сопровождалась обильными возлияниями. Это была первая пьянка, живо описанная Джеральдом. На следующее утро он с трудом мог припомнить, что происходило вечером, но Йелланд все записал в своем дневнике.

«Мы набрались до такой степени, что Джерри, который раньше держался от маленького священника и его жены на почтительном расстоянии, почувствовал к ним неожиданный прилив дружеских чувств. Они ушли довольно рано, но, когда священник вернулся в гостиную за оставленной книгой, Джеральд обнял его, сунул ему в рот сигарету, на немыслимом французском обозвал его «мой милый друг» и предложил вместе выпить. Только приход жены священника спас его от участи, худшей, чем смерть. Взглянув на нее, Джерри возопил: «А вот и моя дама!»

Через несколько дней корабль достиг берегов Африки. Этот момент показался Джеральду совершенно волшебным.

«Судно пробивалось сквозь утренний туман по спокойному ровному океану. Едва различимые возбуждающие запахи доносились к нам с невидимого берега — запахи цветов, сырой растительности, пальмового масла, тысячи других опьяняющих запахов, поднятых с земли восходящим солнцем — бледным, влажным сиянием света, слабо мерцающим в тумане. Поднимаясь выше и выше, солнце жаром своих лучей разрывало пелену тумана, висевшего над водой и над берегом. Клочья тумана, медленно поднимаясь вверх, растворялись в воздухе, открывая взору залив и очертания береговой линии. Впервые я увидел Африку».

На блистающей в лучах утреннего солнца воде было разбросано несколько лесистых островков, а за ними виднелся берег, покрытый густыми лесами, над которыми возвышался величественный горный массив Камерун, позолоченный утренним светом. Над островами летали стаи серых попугаев, издавая пронзительные крики и свист. Они направлялись с островов к берегу. Внезапно в разрыве тумана Джеральд увидел крупного орла, охотящегося за рыбой, и двух коричневых коршунов, кружащих над ним в расчете на остатки с барского стола. И затем он снова ощутил волшебный аромат, который становился «сильнее, богаче, опьянял наше воображение картинами огромных лесов, заросших тростником болот и широких тайн ственных рек, мирно текущих под балдахином листвы громадных деревьев», — аромат Африки. «Мы почувствовали себя в мире грез».

Много лет спустя, с ностальгией вспоминая первую высадку на африканском берегу, Джеральд говорил другу: «Это произвело на меня такое впечатление, что я несколько часов, даже

несколько дней после приезда находился словно под воздействием наркотиков. Достаточно было стакана пива, чтобы я воспарил, как орел. Сидеть, пить пиво, наблюдать за ярко-оранжевой ящерицей, покачивать головой... Эти впечатления остались в моей памяти навсегда. Они живы, потому что я тогда жил по-настоящему.

Для Джеральда и его друга Джона Йелланда каждая минута первых дней, проведенных в Африке, каждый вид, каждый звук, каждое лицо, каждое животное и растение было источником удивления и радости. Они словно родились заново — все было им незнакомо и неожиданно. Они бродили, словно в трансе, восхищаясь и радуясь тому, что их окружало.

«В первый же вечер, — вспоминал Джеральд, — мы пообедали и отправились в маленький ботанический сад. Британцы повсюду устраивают ботанические сады, это для них словно загородные клубы. Вооружившись факелами мы спустились к небольшой речке, протекавшей в окружении пышной растительности. Словно пара школьников, мы принялись ловить все, что нас окружало, — древесных лягушек, мокриц, многоножек. Мы вернулись в гостиницу, нагруженные банками и коробками, и разбирали свои трофеи до утра».

Из маленькой белой гостиницы, расположившейся на вершине холма посреди уютной, усаженной цветами столицы Камеруна Виктории, Джеральд в припадке энтузиазма написал матери: «Страна эта просто великолепна. Мы с Джоном буквально захлебываемся от восторга при виде птиц и цветов». Куда бы ни отправились наши исследователи, везде им встречались массы экзотических созданий. На кокосовой плантации неподалеку от города они обнаружили гигантских многоножек — «наша первая добыча, шести футов в длину и толстые, словно сосиски». На берегу их поразили странного вида крабы — «пурпурные, с одной большой клешней и одной маленькой», а также стайки мелких рыбешек, головки которых напоминали миниатюрных бегемотов. «Если здесь все так великолепно, — писал домой Джеральд, — нам крупно повезло».

Джеральду и Джону часто приходилось общаться с местным населением. Делать это приходилось на ломаном английском, универсальном языке, которым Джеральд очень скоро овладел в совершенстве. Вот как описывал он матери типичный разговор с африканцем:

«Я: Доброе утро (очень по-английски).

Абориген: Доброе утро, сар. (Снимает грязную тряпку, заменяющую ему шляпу.)

Я: Мы ищем маленькую добычу[1]. Здесь есть маленькая добыча?

Абориген: Сар?

Я: Маленькая добыча. МАЛЕНЬКАЯ. ДОБЫЧА.

Абориген: А! Маленькая добыча, сар? Да, у нас есть много, сар, много!

Я (викторианским тоном): Где эта маленькая добыча, а?

(Абориген издает ряд восклицаний и жестов, которых я не понимаю.)

Я (притворяясь, что понял): Ага! Это место далеко-далеко? Абориген: Нет, сар, вы идти, идти пять минут, сар. Я (торжественно воздевая руки): Хорошо, ты показать мне.

Процессия пускается в путь. Впереди идут два аборигена, за ними мы с Джоном, ощущая себя так, словно снимаемся в голливудском фильме. Так мы проходим примерно полмили, а потом наши проводники принимаются отчаянно спорить на берегу довольно бурной реки. Я спросил одного из них, как можно переправиться на тот берег, и он сказал, что перенесет нас. Полагая, что другого выхода у нас нет, я вознес краткую молитву Господу и взгромоздился ему на спину. Как он перебрался через реку, я не знаю: вода доходила ему до бедер, а дно было довольно каменистым. К моему удивлению, он благополучно высадил меня на другом берегу и отправился за Джоном. Я никогда не видел ничего смешнее — Джон сидит на туземце, одной рукой вцепившись ему в шею, а другой придерживая сумку с банками и коробками для образцов. Когда они добрались до середины реки (самая трудная часть путешествия), Джон начал смеяться и его веселье заразило туземца. Он остановился посреди реки и согнулся от хохота Я думал, что они оба свалятся в речку и все мои ценные экспонаты унесет течением».

Безопасно преодолев реку и тронувшись на поиски «маленькой добычи», англичане ощутили

[1] У африканцев любое животное называется «добыча». Звери подразделяются на четыре категории: «маленькая», «большая», «плохая» и «очень плохая» добыча.

страшную жажду и спросили у своих проводников, нет ли поблизости кокосовых пальм. Кокосовое молоко — единственный напиток, который в Африке можно пить без опаски.

«Мы проделали в скорлупе отверстия и сели на обочине дороги немного подкрепиться. Примерно в полумиле от нас росли высокие пальмы. Мы могли видеть, как мужчины забираются на пальмы, усаживаются на макушке и обрубают длинные ветви. Каждая ветка падала с пронзительным свистом, а когда она достигала земли, раздавался гулкий удар. Во время работы африканцы пели, и слушать это пение было очень приятно. Они пели обо всем, что видели, завершая каждый куплет протяжным припевом «Эоооо, эоооо». Когда Джон садился в машину, они пели: «Вот Джон садится в машину, эоооо, эоооо». Затем африканцы делали короткую паузу и пели: «Он едет в Беманду за молоком... эоооо, эоооо». И так далее. Вокруг нас пели птицы, доносился свист падающих ветвей, протяжное пение африканцев — и все эти звуки эхом отдавались в стволах деревьев. Это было чудесно. Джон сел, утирая пот, струившийся по его лицу, отхлебнул кокосового молока из своего ореха и сообщил мне: «Чертовски здорово, а, парень?»

Виктория была всего лишь прологом к настоящему шоу, а «маленькая добыча» ни в какое сравнение не шла с «большой, большой добычей», которую Джеральд с Джоном рассчитывали поймать в диких джунглях. Всю первую неделю они разбирали багаж и готовились к шестимесячному путешествию, которое им предстояло. Они намеревались проехать двести миль добраться до маленького городка Мамфе, разбить там лагерь и собирать животных в первобытном тропическом лесу.

В понедельник, 5 января 1948 года они наконец-то двинулись в путь. Такие путешествия стали для них обычными в последующие полгода. Для начала грузовик опоздал на четыре часа и прибыл до отказа забитым родственниками и знакомыми шофера. «После продолжительной, шумной и бестолковой перебранки пассажиры были высажены из машины со всеми хозяйственными предметами и домашним скотом. Затем шофер подогнал машину для погрузки; в связи с тем, что он при этом два раза наехал на живую изгородь и крепко задел стену гостиницы, мое доверие к его профессиональным способностям значительно уменьшилось, — вспоминал Джеральд. — Имущество наше было погружено в машину с такой ужасающей быстротой и небрежностью, что я принялся гадать, какая его часть доедет до Мамфе неповрежденной. Позднее выяснилось, что пострадали лишь наиболее необходимые и труднозаменимые вещи». На лобовом стекле грузовика большими белыми буквами было выведено «С богом!». «Только значительно позже мы поняли, какой насмешкой звучала надпись на машине».

Итак, великое путешествие началось. В письме к матери, которое никогда прежде не публиковалось, Джеральд так описывал начало этого пути:

«Итак, мы готовы были отправиться. Мы с Джоном вышли из гостиницы и уселись настолько величественно, насколько это позволяли обстоятельства. Мы пронеслись по Виктории и проехали примерно пять миль, когда грузовик издал невероятно впечатляющее рычание, затем некоторое бульканье и двигатель заглох. Мы вылезли из машины. Пока шофер и остальные участники экспедиции копались во внутренностях мотора, Пайос (наш стюард) разложил на обочине дороги скатерть, достал пиво и принялся отгонять мух от наших лежащих тел. Примерно через полчаса все было готово, мы снова уселись и двинулись дальше со скоростью 15 миль в час. Через десять миль чертов двигатель снова заглох, и все повторилось снова. На пути до Кумбы (городка, где мы намеревались заночевать) мы останавливались четыре раза.

Примерно в десяти милях от Виктории плантации кокосовых пальм уступили место лесам. Мы с Джоном буквально рты разинули от удивления. Ты не представляешь, насколько здесь красиво: гигантские деревья, в сотни футов высотой, склоняются над дорогой. Каждое дерево укрыто древесными папоротниками, серым мхом и лианами с меня толщиной. На одиноком телеграфном проводе сидят сотни зимородков, каждый не больше ласточки, но раскрашен в ярко-оранжевый и голубой цвета. На деревьях расположились стаи птиц-носорогов, а по обочинам дороги шныряют очень красивые ящерицы с оранжевой головкой, ярко-голубым тельцем, по которому разбросаны красные, желтые и ярко-зеленые пятна. На солнце они кажутся невероятно яркими. Однажды из-за грузовика раздался истошный вопль. Мы вскочили, думая, что наш повар свалился и погиб. Оказалось, что он увидел крупную ящерицу (Джон утверждает, что она была четыре фута длиной) на обочине дороги.

Мы слезли и окружили эту тварь. Мы стали медленно приближаться, и тогда ящерица набросилась на водителя. Тот, решив, что благоразумие — главное достоинство храбрости, бросился бежать. Так что мы смогли увидеть только длинный хвост, исчезающий в кустах.

Местность вокруг довольно холмистая, холмы покрыты густыми лесами. На каждый холм мы поднимались с пугающим скрежетом, производимым коробкой передач нашей машины. Спускаясь с другой стороны холма, мы непременно натыкались на речку, которую приходилось преодолевать по мосткам, перекинутым через глубокие овраги. Джон назвал эти мостки «смертельной ловушкой» — четыре прогнивших бревна, связанных несколькими сомнительными веревками, без каких бы то ни было поручней или чего-либо в этом роде. После четвертого такого моста мы к ним привыкли и уже можем преодолевать их, не зажмуриваясь».

Примерно к пяти часам машина добралась до Кумбы, где они остановились на ночь в доме местного врача — «симпатичного толстенького маленького шотландца, увлеченного орнитологией». Шотландец с гордостью продемонстрировал им свою коллекцию птичьих шкурок. На рассвете машина снова тронулась в путь. Где-то около полудня они добрались до Бакебе и сделали остановку на три дня, так как гостиница в Мамфе была занята.

«В Бакебе было чудесно. Мы оказались в самой гуще леса. На следующий день я нанял охотника и двух мальчиков. Вооружив их нашими ружьями, я отправился в джунгли, подобно Фрэнку Баку. В чаще леса царит зеленоватый полумрак. Повсюду возвышаются огромные термитники, напоминающие гигантские грибы. Вокруг летают необычные белые бабочки, которые мелькают между стволами деревьев, как обрывки белого кружева. На солнечных полянках живет множество насекомых, в том числе и черные муравьи длиной в полтора дюйма. К несчастью, они обнаружили меня прежде, чем я их, и это оказалось весьма болезненно. Я пританцовывал на полянке, а охотники стряхивали с меня муравьев, приговаривая: «Простите, сар», словно это они насажали на меня кусачих тварей. Стоит споткнуться о корень, как слышишь сзади три голоса, вразнобой повторяющих: «Простите, сар». Мы увидели нескольких обезьянок на деревьях, следы дукеров, мелких крыс и леопардов. Потом мы обнаружили следы рыжей водосвинки и решили выследить зверя. Мы прошли примерно четыре мили и наткнулись на целую стаю. Один детеныш находился примерно в двадцати футах от меня».

Наконец-то натуралисты смогли приступить к непосредственному собиранию животных. На следующий день Джеральд отправился в лес и среди других зверей поймал существо, оказавшее огромное влияние на его будущую карьеру. Это была волосатая лягушка — «здоровенная лягушка, ноги и туловище которой покрыты удивительными наростами, напоминающими волосы». Но большую часть собранных животных составляли звери, пойманные и подаренные другими людьми. Агент компании «Юнайтед Африка» в Бакебе подарил Даррелу домашнего детеныша собакоголового павиана, доктор из Кумбы прислал двух птенцов гигантского зимородка, англичанин, живший в сотне миль от Бакебе, предложил Джеральду трехлетнего шимпанзе, местный мальчишка принес «очаровательную крысу с рыжим мехом и желтым животиком», а житель соседней деревни притащил детеныша дрила (на сегодняшний день эти обезьяны в Африке находятся в наиболее бедственном положении).

«Мой дрил — очаровательное крохотное создание ростом примерно в один фут. Он еще очень маленький, и розовые пятнышки у него на спинке размером всего в шиллинг. Сначала он дичился, но очень скоро стал совсем ручным. Когда я возвращаюсь из леса, дрил с громкими криками бросается ко мне, обхватывает мою ногу, забирается до талии и замирает там, издавая тихое блаженное попискивание. Уверен, что, когда мы начнем раздавать зверей, мне не захочется с ним расставаться».

Джеральд всем сердцем полюбил Камерун. Его совершенно очаровал извечный покой девственных лесов, он с восторгом следил за птицами и животными, населяющими этот удивительный мир. Мир дикой природы радовал его не меньше, чем собственная, постоянно растущая коллекция. Но из писем и полевых дневников становится ясно, что Джеральд Даррелл, приехавший в Камерун в 1948 году, — это совсем не тот Джеральд Даррелл, которого позже узнает весь мир. И в одном отношении смелый два-дцатитрехлетний англичанин вряд ли бы сумел привлечь сердца тех, кто искренне полюбил его впоследствии. Джеральд искренне любил животных, но смело отправлялся на охоту, если считал это необходимым. Он отправлялся в джунгли Камеруна с ружьем, позаимствованным у Лесли, он отлично умел обращаться с оружием и, не колеблясь, пускал его в

ход. Это считалось совершенно нормальным. Ни одна уважающая себя экспедиция в Африку в те дни не обходилась без солидного набора оружия — ведь нужно было питаться самим и кормить собранных плотоядных зверей. Но порой молодой Джеральд Даррелл давал волю своему охотничьему инстинкту без особой необходимости, чего он никогда бы не сделал в более старшем возрасте.

Через день после прибытия в Бакебе он попытался подстрелить рыжую водосвинку, считая, что из нее получится отличный ужин, и забывая о том, что за живой экземпляр этого животного он получил бы в Англии сто пять-десят фунтов стерлингов (по сегодняшнему курсу эта сумма равняется примерно трем тысячам). 7 января, в свой двадцать третий день рождения, он подстрелил черного коршуна, воровавшего цыплят. Джеральд убил птицу влет в разгар деревенского праздника под восторженные крики местных жителей. «Толпа пронесла меня по главной улице, — писал он домой, — с воплями и песнями. Все пели и танцевали. Тушку птицы я подарил вождю племени, мы вежливо раскланялись и обменялись комплиментами. Я чувствовал себя словно в фильме о Тарзане. Моими усилиями репутация Белого Человека не только не пострадала, но и серьезно укрепилась».

В субботу 10 января экспедиция выехала из Бакебе и направилась в Мамфе. Вот как рассказывал о довольно затруднительном путешествии на север Джеральд:

«Утром мы тронулись из Бакебе в Мамфе. Все складывалось невероятно смешно. Представить себе подобную сцену просто невозмояшо. Наш багаж громоздился огромной горой в шесть футов высотой — коробки с птицами, крысами, насекомыми и лягушками. За всем этим богатством присматривали Пайос, наш стюард, Филлаи, повар, охотники — Эмануэль, Дэниел и Эдвард, плотник с женой и ребенком, жены и дети охотников, жена вождя племени и трое детей агента компании «Юнайтед Африка». Все рассчитывали вместе с нами добраться до Мамфе. А кроме тех, кого я уже перечислил, на наши проводы пришли примерно пятьдесят родственников, желавших проводить отъезжающих. Было уже около двенадцати. Грузовик должен был прийти к восьми. Но к подобным опозданиям мы уже привыкли. Наконец грузовик прибыл, и, слава богу, он оказался довольно вместительным. Но водитель привез с собой шестерых родственников, которым захотелось прокатиться. Как нам удалось запихнуть все наше богатство в кузов — ума не приложу. Примерно шестьдесят человек с пронзительными криками носились вокруг грузовика, пытались залезть в кузов, в воздухе летали связки ямса, сладкого картофеля и бананов. Огромная толпа родственников совершенно меня оглушила. Когда наконец провожающие отхлынули, я смог забраться в грузовик. Указав на коробки и клетки со зверьем, я грозно сообщил, что, если хоть одно животное погибнет или пострадает по дороге до Мамфе, я всех посажу в тюрьму. После этого африканцы притихли, словно мышки, и мы благополучно добрались до Мамфе».

Мамфе располагается в самой судоходной части крупной реки Кросс-Ривер на границе с необитаемой территорией Камеруна. Это довольно нездоровое место: здесь очень распространена малярия, да и проказа — не редкость. Джеральд и Джон провели в Мамфе около недели. Они часто обедали в обществе живущего в Камеруне англичанина по имени Робин. Его дом располагался на холме в четырехстах футах выше реки. Джеральда совершенно очаровал подобный образ жизни — в самом сердце Черной Африки, вдали от цивилизации, но тем не менее во вполне комфортных условиях.

«Дом стоит у слияния двух рек. Водная гладь вокруг широка и необозрима, словно крупное озеро. На берегах раскинулся девственный лес, а посередине красуется белоснежная песчаная отмель. По вечерам можно увидеть, как пять бегемотов, живших в реке, резвятся и плещутся в воде. Сумерки сгущаются, и вот животных уже не видно, а слышен только их рев, ворчание и плеск. Две реки сливаются в окружении довольно скалистых берегов, которые соединены так называемыми подвесными мостами. Термиты славно потрудились над этими хлипкими сооружениями за последние двадцать лет. Доски скрипят и крошатся под ногами, когда идешь по такому мостику в ста двадцати футах над стремительным потоком и острыми скалами. Над водой снуют зимородки и ласточки, красные и голубые, а но вечерам на окружающих реку деревьях резвятся обезьяны».

В те времена жизнь в Африке была довольно привлекательной для европейцев, решивших поселиться среди девственной природы. В Камеруне не было отелей, ресторанов, магазинов,

кинотеатров, библиотек, электричества и — Джеральд сделал на этом особый упор — белых девушек. Но в качестве компенсации этих неудобств путешествующие британцы могли позволить себе роскошь образа жизни, практически не изменившегося со времен расцвета Империи. Джеральд чувствовал себя здесь, как рыба в воде. Он не мог удержаться, чтобы не написать домой о том, насколько его жизнь в Африке отличается от лишений послевоенной поры в Англии.

«Если забыть о тяжелой работе, связанной с уходом за животными, мы живем здесь, как настоящие аристократы. Нас окружает роскошь. Если нам захочется, мы можем менять рубашки хоть пять раз в день. Я пишу это письмо вот уже полтора часа: я сижу за столом, возле меня стоит стакан пива, а Пайос, наш стюард, почтительно стоит за моим стулом, готовый в любой момент наполнить опустевший сосуд и подать мне новую сигарету, когда я докурю ту, что торчит сейчас у меня во рту. Пайосу всего шестнадцать лет, но он просто великолепен. Ему удается содержать весь дом в идеальном порядке. Наши постели всегда заправлены, стол накрыт, ванна наполнена водой и так далее. Сейчас время обеда, и до меня доносятся соблазнительные запахи — готовят здесь очень вкусно. Цыпленок стоит три шиллинга, бананы — пенни за связку из двенадцати штук. Нам выделяют четыре бутылки виски на месяц, но я выпиваю их в одиночестве, Потому что Джон не пьет. За обедом и по вечерам мы курим сигары, которые тут удивительно дешевы. Штат нашей прислуги состоит из двух поваров, двух стюардов и мальчишки-прачки, а также плотника, которому мы платим два шиллинга в день. Мы собираем животных в полной роскоши».

Из честных, откровенных писем, посланных Джеральдом матери, становится ясно, что он полюбил Африку и освоился на новом континенте сразу же, как только ступил с корабля на твердую землю. Он впервые уехал из Европы (если не считать самого раннего детства). Старомодный, колониальный образ жизни пришелся Джеральду по душе. Цвет кожи и национальность автоматически причислили его к элите местного общества, как только он ступил на землю Камеруна. По своему отношению к местному населению и восприятию собственного статуса и положения Джеральд стал колонизатором из колонизаторов. Он смело общался и с людьми, и с животными, не испытывая ни малейшего страха или затруднения. Время от времени в своих письмах он шутливо называл себя «строителем империи» или «великим белым хозяином».

Освоившись с имперской ролью, Джеральд отправляет домой письма с рассказами о ходе экспедиции. Читать их довольно удивительно. Вот рассказ о том, как он покупал у местного охотника довольно редкую птицу.

«Охотник сидел на земле, надвинув шляпу на глаза и куря сигарету. Он подробно объяснял собравшимся африканцам, какой он умный, что сумел поймать такое существо. Охотник поздоровался со мной, не поднявшись, не сняв шляпы и не вытащив сигареты изо рта. К тому моменту я уже был в ярости. «Поднимись, сними шляпу, вытащи изо рта эту гадость и поздоровайся со мной, как положено!» — заорал я в лучших традициях Великого Белого Хозяина. Охотник подчинился, как нашкодивший школьник».

Пятьдесят лет спустя читать такое неудобно. Но в то время подобное поведение было совершенно естественным и даже обязательным для англичанина в Африке. Для новичка в колониальном мире не было иных примеров поведения, а любые отклонения от неписаных правил имперской игры грозили серьезными осложнениями.

Осложнял положение Джеральда и его возраст. Он был обаятельным молодым человеком, обладающим уверенностью в себе и способностью убеждать. Но, как и у любого человека его возраста, уверенность в себе с легкостью превращалась в высокомерие, эготизм — в эгоизм, а энтузиазм — в хамство. Джеральд был замечательным человеком, обаятельным и интересным, с отличным чувством юмора. Но он с легкостью поддавался перепадам настроения, мог быть чрезмерно властным и грубым. Среди воспитанных, вежливых англичан среднего класса в Англии сороковых годов он постоянно ощущал ограничения, накладываемые на него обществом. Но в Африке богатый член Белого Клуба буквально расцвел на глазах. Казалось, что в дебрях африканских джунглей джинн вырвался из бутылки. Может быть, этот джинн и не всегда заслуживал одобрения, но это был настоящий джинн. С возрастом Джеральд Даррелл обрел мудрость и сострадание к

человеку, чувство ответственности за живую природу и за создания, населяющие этот мир.

Со временем англичане решили разделиться. Джон Йелланд устроил свой лагерь в Бакебе, где было удобно собирать птиц, а Джеральд перебрался в Эшоби, небольшую деревушку, затерянную в джунглях экваториального леса, тянувшегося на сотни миль и подступавшего к горам — царству горилл. Место для сбора животных и рептилий было выбрано идеально.

В среду 18 января 1948 года Джеральд со своими спутниками покинул комфорт и роскошь Мамфе, променяв их на сомнительные радости Эшоби. По словам местных жителей, в Эшоби без труда можно было найти любое животное. Проехать в эту деревушку было невозможно, поэтому экспедиция отправилась пешком, таща весь багаж на спинах, как в древние времена. Отправление в Эшоби оказалось еще более живописным и необычным, чем все предыдущие переезды.

«Мы с Джоном завтракали под деревьями во дворе гостиницы, когда появились десять моих носильщиков. Вид их не предвещал ничего хорошего.

— Не думаю, что ты дойдешь до Эшоби в такой компании, — с сомнением проговорил Джон. — Скорее всего, ты будешь съеден ими, прежде чем вы успеете пройти полмили по лесу.

...В это время подошел парикмахер, чтобы подстричь меня перед уходом в Эшоби. Мысль о том, что перед уходом в лес следует подстричься, была высказана Джоном, и я счел ее вполне разумной.

Я сел, парикмахер почтительно накрыл меня простыней и приступил к работе. Вдруг носильщики начали дружно прыгать, отряхиваться и громко ругаться. Я ничего не понимал, пока не почувствовал на ноге несколько острых укусов: посмотрев вниз я увидел колонну муравьев, приготовившихся к атаке. Подо мной переливалась сплошная черная масса. Я позвал на помощь, двое слуг подскочили ко мне, закатали брюки и начали снимать с ноги муравьев... Создавшаяся ситуация заслуживает описания: носильщики прыгают, пытаясь избавиться от муравьев и очищая от них наш багаж, я усмиряю дрилов, путаясь при этом в простыне парикмахера, а двое слуг продолжают снимать с меня муравьев».

В конце концов экспедиция была готова к выходу. Носильщики взвалили на спины тюки с багажом, процессия двинулась к ближайшему подвесному мосту и постепенно исчезла в лесу по направлению к Эшоби. За талию Джеральда держались два крохотных дрила, а на руках он нес маленького крокодила, завернутого в простыню. «Мои носильщики зловещего вида шагали вперед, нагруженные багажом, — писал Джеральд матери. — Рядом со мной, как личные телохранители, шествовали Пайос и мой повар, а следом семенил Дэн, который нес кошелек и стеклянные банки. Мы пересекли два шатких подвесных моста. Наша экспедиция более всего напоминала Стэнли, разыскивающего Ливингстоиа в джунглях Африки». Джон Иелланд проводил своего друга до подвесного моста через Кросс-Ривер. На другой стороне Джеральд оглянулся и помахал компаньону рукой, а затем повернулся и углубился в лес.

Дорога до Эшоби оказалась невозможно плохой — она постоянно петляла, шла в гору, была очень узкой и страшно длинной. В письме домой Джеральд писал:

«Порой ты чувствуешь тропинку под ногами, а временами она полностью исчезает. Большую часть времени тратишь на то, чтобы перелезать через огромные валуны футов шести высотой, через поваленные деревья и прорубать дорогу среди ползучих лиан. Малютки-дрилы вели себя очень хорошо. Они занимались друг с другом, не требуя моего внимания. Время от времени они попискивали, чтобы я знал, что они все еще со мной. Через час дрилы уснули, и мне пришлось поддерживать их рукой, чтобы они не свалились. Когда мы остановились на привал, чтобы выпить пива, Эймос (маленький дрил) бессовестно описал меня, но я был уже настолько мокрым от пота, что практически этого не почувствовал. По пути к деревне нам пришлось преодолеть быструю речку по весьма неустойчивым и скользким камням. Когда я наконец добрался до берега, то чувствовал себя настоящим победителем. С радостным воплем я прыгнул на берег, но тут оказалось, что он довольно глинистый, ноги у меня разъехались, и я грохнулся в грязную воду. Дрилы заверещали от ужаса и стали карабкаться мне на голову. Пайос и повар бросились мне на помощь, повторяя традиционное «Простите, сар». В конце концов мы все же добрались до деревни».

Теперь Джеральд сумел на собственной шкуре ощутить все прелести африканской жизни. В Эшоби он вошел вспотевшим, промокшим, уставшим, грязным и разозленным. Несколько дней назад

он отправил в деревню гонца, чтобы тот подготовил базовый лагерь. Теперь Джеральд, осмотрел приготовленные строения и остался совершенно не удовлетворен. Конечно, до голливудских красот Эшоби было далеко, но все же то строение, которое предстало перед взглядом натуралиста, напоминало лачугу, покрытую банановыми листьями. Джеральд изловил своего посыльного и приказал немедленно устроить все, как должно.

«Вскоре собралась целая бригада, — писал он матери, — по большей части состоявшая из весьма уродливых старух, более всего похожих на ведьм. На них были только какие-то грязные тряпки, обмотанные вокруг пояса. Все старухи курили короткие черные трубки». Через полчаса Джеральд решил вернуться в деревню за пивом. «Пайос заставил владельца единственных в деревне стола и стула уступить их мне, и я по-царски расположился под единственным же деревом, росшим в центре деревни».

В Эшоби Джеральд впервые лицом к лицу столкнулся со всеми прелестями племенной жизни в буше — с нуждой, лишениями и болезнями. «Вокруг меня собралось все население деревни, демонстрируя симптомы всех известных науке болезней — от фрамбезии до проказы. Даже маленькие дети, которым было не больше пяти, с ног до головы были покрыты огромными язвами, в которых копошились мухи. У одной женщины напрочь отсутствовала пятка. У другого мужчины не было носа и половины пальцев». Джеральд с трудом допил пиво и вернулся в свой лагерь, несколько напуганный перспективой пребывания в столь нездоровом месте.

За время его отсутствия в лагере навали порядок, построили кухню, более-менее правильно раскинули палатки. Уже начали строить иомещешш для животных — «Дом Добычи». С визитом вежливости пришел вождь племени, все нанятые Джеральдом работники приступили к исполнению своих обязанностей. Так началась первая экспедиция Джеральда Даррелла в джунгли Африки.

Надо сказать, что началась она не слишком хорошо. В первую же ночь в Эшоби разыгралась жуткая гроза. Дождь подмыл неваяшо установленные палатки, и утром оказалось, что практически все имущество промокло — постель, книги, сам натуралист, словом, все. В своем дневнике 22 января Джеральд записал:

«Проснулся промокший и продрогший после ужасной ночи, выпил немного виски с чаем. После этого оказалось, что смерть отступила. Поднялся и побрился. Крокодил укусил меня за палец, ранка воспалилась, пришлось промывать и лечить. Утром оказалось, что Пайос заболел. У него жар, хотя пульс нормальный. Не имея специальных медикаментов, дал ему виски с аспирином, укрыл всеми имеющимися одеялами и заставил потеть. В три часа он был совершенно здоров и после еще одного глотка виски приступил к работе. Мне приходится держать птиц в коробках, что им не нравится. Если бы Джон это увидел, он бы меня убил, старый страус».

Почти сразу же стали поступать животные. Джеральд отправил маме список своих приобретений:

«Четыре дикобраза (по пять шиллингов за каждого); один мангуст (два Шиллинга); одна летучая мышь (один шиллинг); четыре детеныша крокодила (по пять шиллингов — самый длинный в четыре фута длиной); два броненосца (пять шиллингов каждый), девять черепах (по одному шиллингу), десять крыс за два шиллинга (они замечательно зеленые с яркими мохнатыми спинками и носами); один взрослый желтый бабуин за два фунта и один красноухий гвенон за два шиллинга».

Даже Джеральду было трудно точно определить, к какому виду принадлежат приобретенные им животные, но один или два привлекли его внимание.

«Желтый бабуин, которого я назвал Джорджем, поступил ко мне из Французского Конго, проделав путь в пять сотен миль. Представляете, как быстро распространяются здесь новости — уже в Конго знают, что я покупаю животных. Джордж ростом в два фута и ручной, как котенок. Если почесать его под мышкой, он валится на спину и заливается смехом. Африканцы поначалу боялись его, но скоро полюбили, и теперь он большую часть времени проводит на кухне, учиняя там настоящий разгром. Если обед задерживается, значит, Джордж опять разлил суп или устроил какое-нибудь другое безобразие.

Красноухий гвенон совершенно очарователен. Его спина разрисована зелеными полосами, ноги и руки симпатичного серого цвета, щеки белые красные уши и красный хвост длиной два фута.

Ярко-красный! У него самые крупные светло-карие глаза, какие мне только доводилось видеть у обезьян. Он издает приятное, негромкое щебетание, похожее на птичье. Пальцы у гвенона длинные и костлявые, как у старика. Когда даешь ему пригоршню кузнечиков, он берет их своими длинными пальцами, внимательно рассматривает и отправляет в рот, а потом инспектирует состояние своих ладоней — все ли пальцы на месте».

Экспедиция Джеральда произвела огромное впечатление на невероятно бедное население окрестных деревень. Африканцы являлись в любое время дня и ночи, порой проходя довольно длинный путь. Они приносили настолько странных и разнообразных животных, что даже профессиональный зоолог затруднился бы с точным определением половины из них. Самым замечательным в работе Джеральда было то, что он никогда не знал, какое животное появится из очередной корзины — маленькое или большое, редкое или обыкновенное, опасное или кроткое.

Как-то раз в два часа ночи Джеральда разбудил дрожащий ночной сторож, сообщивший ему, что прибыл человек с огромным питоном. Джеральд с неохотой поднялся, ожидая увидеть охотника с двухфутовой змеей. «Толпа, в которой оказались почти все жители деревни, хлынула в лагерь. В центре беснующейся, жестикулирующей массы людей четыре человека несли на палках на плечах огромную плетеную корзину, напоминавшую своими очертаниями гигантский банан. Они поставили корзину к моим ногам. ...В корзине, заполнив ее целиком, находился питон таких размеров, какого мне еще не приходилось видеть. Он был настолько велик, что не умещался в корзине: около трех футов хвоста змеи торчало наружу и было крепко притянуто лианами к внешней стороне корзины». Когда стало ясно, что вытряхнуть змею из корзины не удастся, Джеральд попытался вытащить питона за хвост. Когда и этот маневр окончился неудачей, он стал тащить ее за голову. Но питон упорно не желал покидать свое убежище. Пришлось разрезать корзину и вытряхивать питона. «Питон смотрел на меня сверкающими черными глазами и громко шипел. Мне пришлось сбегать в палатку и подкрепиться добрым глотком виски, чтобы успокоить разгулявшиеся нервы. Теперь я Первый Человек в деревне, потому что прикоснулся к голове и к хвосту змеи и остался в живых».

Большинство животных, приносимых в лагерь, были вполне обыкновенными. За редкими экземплярами Джеральду приходилось отправляться самостоятельно. Вот как описывает он свое первое путешествие по тропическому лесу. Красота леса, звуки и запахи девственной природы очаровали Джеральда навсегда.

«В листве под ногами копошатся сотни видов насекомых, каких я не только никогда не видел, но о каких я даже никогда не слышал. Стоило перевернуть прогнившее бревно, как перед моими глазами открывался мир, подобного которому не встретишь даже в фантастическом романе. Каждое дуплистое дерево — это общежитие для самых разных созданий от змей до летучих мышей, от сов до удивительных пауков. Любой лесной ручеек встречал меня лягушачьим хором, балетом крохотных рыбешек, а с укрывающих речушку деревьев дождем сыплются разнообразные плоды, ветки, лепестки цветов. Повсюду кишат млекопитающие, птицы, рептилии и насекомые, обитающие в этом залитом солнцем, благоухающем царстве природы. Никогда не знаешь, куда посмотреть. Каждый лист, цветок, лиана, любое насекомое, рыба, лягушка или птица заслуживают самого подробного изучения. Я знаю, что ночью лес поступает в распоряжение совершенно других, спрятавшихся от солнечного света созданий. Любому натуралисту прекрасно известно, что ничто так не сбивает высокомерие ученого, как тропический лес».

Джеральд ощущал свое единение с миром окружающих его джунглей. «В Камеруне я побывал в соборе, — вспоминал он, — уходящем высоко в небо, так что было невозможно разглядеть фрески на потолке. Таким собором был для меня тропический лес. Не побывав в тропическом лесу, невозможно себе представить, насколько он сложен, удивителен и разнообразен. Впервые читая «Путешествие на «Бигле» Чарлза Дарвина, я считал, что он поддался поэтическому преувеличению. И только здесь, в Африке, я понял, что Дарвин не сумел по-настоящему оценить всю красоту тропического леса».

Охота в этом первобытном мире была трудным, а порой и опасным занятием. Однако Джеральд очень быстро стал в этом деле настоящим специалистом. Охотничьи вылазки его не пугали. В погоне за соблазнительной добычей он считал, что цель оправдывает средства.

«Я совершал совершенно незаконные поступки, охотясь по ночам при свете фонарей. Мы пользовались фонарями, похожими на шахтерские. Их укрепляли на лбу. В ярких лучах можно было видеть, как сверкают глаза животных, а свет настолько ослеплял их, что мы могли ловить зверей голыми руками. Каждую ночь я в сопровождении нескольких охотников отправлялся в лес, пытаясь раздобыть чрезвычайно редкого лемура — ангвантибо. Если бы мне удалось его поймать, сотрудники Лондонского зоопарка были бы на седьмом небе от радости. Но пока удача мне не улыбнулась.

В ту ночь нам не везло. Мы прошли несколько миль, не встретив ни одного животного. Затем мы вышли на берег реки. Речка была не слишком широкой, но довольно быстрой. Берега ее состояли из огромных плит серого песчаника. Вода пробила в камне несколько своеобразных канатов примерно трех футов шириной и двух футов глубиной. Берега речки густо поросли папоротниками. Со мной были всего два охотника. Элиас — маленький и толстый, с лицом старого боксера — переваливался с боку на бок. Он любил яркие саронги с голубыми и оранжевыми цветами по всему полю. Другого охотника звали Андрая[2]. Он был высоким и гибким, обладал красивым лицом и удивительно длинными пальцами. Походка Андраи была осторожной, крадущейся. Он жестикулировал, как типичный грек, а в одежде предпочитал бледные, пастельные тона. В эту ночь к нашему постоянному составу присоединился молодой парень по имени Эймос, на которого мы нагрузили все сети, сумки и мешки. Эймос оказался для нас довольно странным спутником. Он часто спотыкался, с грохотом ронял жестяные банки, с шумом раздвигал кустарник и при каждом удобном случае цеплялся за ветки различными частями своего груза.

Мы решили пройти вдоль этих каналов. Первым шел Элиас, за ним я, за мной Андрая, а за ним наш придурок Эймос, производивший шума не меньше, чем стадо испуганных слонов. Элиас сказал, что мы можем встретить крокодилов, и вырезал мне рогатину на случай подобной встречи. Я подумал, что вероятность такого события весьма мала, поэтому, когда никто не видал, выкинул свою рогатину. Не успел я это сделать, как Элиас внезапно остановился и протянул мне руку, шепотом прося передать ему рогатину. Я ответил, что потерял ее. Элиас застонал от возмущения, вытащил свое мачете и кинулся вперед. Я попытался рассмотреть, кого же он пытается поймать. И тут я увидел что-то темное, извивающееся, размером примерно с детеныша крокодила. Элиас подкрался ближе, сделал быстрый бросок и попытался прижать лежавшего зверя к песку плоской поверхностью ножа. Это ему, однако, не удалось, зверь проскользнул между ногами Элиаса и, нырнув в воду, быстро поплыл в сторону Андраи. Тот бросился ему навстречу, но зверь проскочил мимо него и, похожий на миниатюрную торпеду, устремился в мою сторону. Я был убежден, что мы имеем дело с крокодилом, поэтому, когда животное приблизилось ко мне, я бросился на него, стремясь сверху схватить его голову. Зверь судорожно метнулся в сторону, я почувствовал, как его тело скользнуло по моей груди, руки мои не успели ухватиться за него, и он поплыл дальше. Теперь на пути зверя оставался только Эймос. Андрая, я и Элиас наперебой кричали, объясняя ему, что нужно делать. Эймос остановился и с разинутым ртом смотрел на плывущего зверя. Приблизившись к Эймосу, не сделавшему ни малейшей попытки схватить его, зверь проплыл мимо него и спокойно направился дальше, поднимая легкую волну. Он успел доплыть до груды крупных камней на берегу, а Эймос все еще стоял неподвижно и следил за ним.

...Эймос показал нам скалу, под которой спрятался зверь. Скала находилась около воды, чуть выше поверхности воды находилось отверстие, в котором скрылся зверь. Элиас и Андрая одновременно склонились к ней и стукнулись с размаху головами. После короткой перебранки Андрая снова наклонился и засунул руку в нору с целью определить, какова ее длина. Зверек, очевидно, приготовился к таким действиям. Через мгновение Андрая с криком боли вытащил обратно окровавленную руку.

— Эта добыча кусает людей, — произнес Элиас с видом человека, сделавшего важное открытие.

С трудом удалось нам доказать Андрае, что именно ему, как самому высокому из нас, следует снова просунуть руку в нору и извлечь оттуда зверька. В ходе острой дискуссии Элиас и Андрая взаимно обвинили друг друга в трусости и успешно доказали ошибочность подобного утверждения.

Андрая лег на живот в шести дюймах от воды и стал медленно вводить руку в нору, все время объясняя нам, как умно он это делает. Затем наступило короткое молчание, нарушавшееся только

---

[2] Джеральд Даррелл в своих книгах называет охотника Андрея. На самом деле его звали Андреас, он до сих пор жив.

яростным сопением Андраи, старавшегося нащупать зверя. Вдруг раздался торжествующий крик, Андрая вскочил на ноги и выпрямился, держа зверька за хвост.

До последней минуты я был убежден, что мы имеем дело с очередным детенышем крокодила, поэтому, увидев находящегося в руке Андраи зверя, был сильно удивлен. Андрая раскачивал за хвост крупную, с приглаженной шкуркой водяную землеройку — одно из редчайших животных Западной Африки.

Землеройке, однако, быстро надоело висеть на собственном хвосте, она слегка повернулась, грациозно подтянула свое мускулистое, гибкое тело и впилась зубами в большой палец Андраи. Гордый охотник взметнулся в воздух, разразился душераздирающими криками боли и стал дергать рукой, стараясь вырвать палец из зубов зверька.

— О-о-о! О-о-о! — кричал он. — О, Элиас, Элиас, отцепи его! О-о-о! О, Иисус! Он убьет меня... О-о-о! Элиас, скорее!

Мы с Элиасом включились в борьбу, пытаясь помочь Андрае, но я так хохотал, что толку от меня было немного. Наконец мы отцепили землеройку от пальца охотника и засунули ее, шипящую и яростно сопротивляющуюся, в мешок. Андрая сидел на берегу речки, тихо стонал и оплакивал гибель своего бледно-розового саронга. Когда он убедился, что смерть ему не грозит, мы двинулись в обратный путь. На берегу реки мы поймали двух крокодилов, так что ночной поход оказался весьма удачным».

Нельзя отрицать, что Джеральд и его африканские помощники, к которым он стал относиться со всевозрастающей симпатией, в сложившихся обстоятельствах проявили храбрость, настойчивость и немалый опыт. Казалось, Джеральд с колыбели готовился к такому занятию, как ловля зверей в ночных джунглях. Его энергия и энтузиазм были неистощимы, чувство юмора никогда его не покидало, а непредсказуемость жизни зверолова доставляла ему истинное наслаждение. Джеральду нравилось ощущение неизвестности. Он никогда не знал, что готовит ему грядущий день. Ночь за ночью, день за днем отправлялся он в тропический лес и практически никогда не возвращался с пустыми руками. Коллекция животных и птиц росла и требовала ухода. Джеральд писал матери:

«Мой день проходит так. В шесть часов в палатке появляется Пайос и будит меня. Он приносит мне чай. После трех чашек я наконец ощущаю себя живым и прямо в ночной рубашке отправляюсь кормить птиц и проверять, кто сбежал или сдох этой ночью. К тому моменту когда я завершаю это важное дело, вода уже согрета и я могу помыться. После ванны я надеваю обычную одежду, вытаскиваю обезьян из спальных коробок и привязываю их к колышкам. За это время Пайос успевает приготовить мне завтрак: папайя, два яйца, тост и кофе. Я съедаю завтрак, выкуриваю сигарету и приступаю к основной работе дня.

Сначала ко мне прибегают четверо деревенских мальчишек с птицами, которых мне нужно посмотреть. Заслуживающих внимания я оставляю для Джона, а остальных покупаю на корм плотоядным, потому что они все равно уже полумертвы от жестокого обращения. После этого я направляюсь к Дому Добычи, где моих указаний уже дожидается Дэн, мой десятилетний помощник. Я чищу птичьи клетки, а он моет контейнеры для зерна и воды и наполняет их.

Затем мы переходим к животным. Мангусте нужно дать дохлую птицу, чтобы можно было почистить ее клетку, не боясь быть искусанным. Потом я приступаю к клеткам с дикобразами. У меня есть взрослая пара, одна взрослая самка и маленький детеныш. Детеныш очень мил. По вечерам он резвится и играет, как крольчонок. Если его напугать, он упирается лапами в землю и топорщит свои иголки, становясь похожим на твою игольницу. После дикобразов я перехожу к летучим мышам. Они всю ночь уплетали бананы и папайю, поэтому утром их клетка похожа на настоящую помойку. После этого мне нужно накормить обезьян, которые галдят так, что не слышно даже собственных мыслей.

После обезьян меня ждут рептилии. Хамелеону нужно дать воды и наловить кузнечиков. Черепахи предпочитают фрукты и зелень. А крокодилов нужно помыть (довольно трудное занятие, надо заметить).

И вот настало время обеда. Пайос подает мне суп, цыпленка со сладким картофелем и зеленой папайей, свежие фрукты, кофе и сигару. Трудна ты, доля зверолова! После обеда я засыпаю до чая (если всю предыдущую ночь бродил по лесу) или отправляюсь в лес с охотниками. После чая мы повторяем все сначала: кормление дикобразов, обед для летучих мышей, кормление крыс, молоко для обезьян, мясо для мангусты, вода и так далее, и так далее. Примерно около семи я наконец-то

добираюсь до ванны. Ванна моя стоит прямо на улице, и я принимаю ее на глазах восхищенных зрителей. После ванны ужин: утка, или оленина, или мясо дикобраза, горошек, картофель, сладости, кофе, сигара. На десерт меня ждет виски. Затем я обхожу свое хозяйство, проверяя, все ли в порядке, и ложусь спать.

Мне нужно так много рассказать тебе, что если бы у меня было время, я сел бы и написал тысяч десять слов. Я бы рассказал о том, как толпы местных мальчишек каждое утро притаскивают мне банки и коробки с кузнечиками, как местный крестьянин пытался утопить свою жену и как я с моими помощниками с трудом оттащили этого человека и не дали ему утопить еще и собственную тещу...»

Джеральд провел в Эшоби несколько недель. Коллекция его росла с такой скоростью, что Дом Добычи скоро был полон. Джеральд изучил местные леса и повадки животных, а также обычаи местных жителей. Он проникся любовью и уважением к этим бедным, но добрым, смелым, верным и талантливым людям. Африканцы тоже полюбили Джеральда. Хотя он по-прежнему оставался для них «хозяином», но он больше не чувствовал себя в их окружении чужим и не требовал, чтобы они относились к нему почтительно и благоговейно. Он все больше чувствовал себя в Африке как Дома. «Вечерами, — писал он матери, — я отправляюсь на кухню поболтать с африканцами, чтобы обсудить такие животрепещущие темы, как то, кто должен управлять Камеруном и действительно ли бог создал мир за семь дней». Отъезд Даррелла из Эшоби огорчил и его самого, и африканцев.

«За два дня до того, как я должен был покинуть Эшоби и присоединиться к Джону в Бакебе, меня посетил вождь и сообщил, что в честь моего отъезда жители деревни устраивают прощальный вечер с танцами. Меня просят принять участие в торжестве. ...Мое появление в деревне был встречено аплодисментами и приветственными возгласами. Я увидел многочисленную толпу жителей деревни всех возрастов, одетых в свои лучшие костюмы; среди прочих здесь находился и мальчуган в привлекательном костюмчике из двух тряпок от старого мешка, на одной из которых большими белыми буквами было выписано название фирмы; вождь и члены совета надели свои самые яркие, праздничные наряды. Элиаса, который был назначен распорядителем праздника, я узнал не сразу: на нем были огромные парусиновые туфли, коричневые, заколотые булавками брюки и яркая зеленая рубашка. На конце длинной цепочки для часов висел большой свисток, который Элиас частенько пускал в ход для наведения порядка.

...По сигналу Элиаса оркестр приступил к работе. Прыгая внутри круга танцующих и вихляя всем телом, Элиас непрерывно выкрикивал команды и указания: «Вперед... встречайтесь и кружитесь... поворачивайтесь вправо... приседайте... все вперед... снова приседайте... вперед...» и так далее Когда танцы закончились, вождь произнес в мою честь речь. Это было очень смешно, потому что он стоял в центре площади и несчастный мальчик, которого использовали как переводчика, должен был пробегать по двадцать ярдов, чтобы сообщить мне о том, что он сказал, а затем бежать обратно, чтобы выслушать следующее предложение. Речь вождя выглядела примерно так:

— Жители Эшоби! Вы все знаете, зачем мы сегодня собрались... попрощаться с джентльменом, который так долго был вместе с нами. Никогда еще в истории Эшоби не встречали мы такого человека... деньги текли из его рук так же легко, как воды в руслах ручьев и рек. Те, у кого были силы, ловили в лесу добычу, за которую они получали хорошие деньги. Женщины и дети приносили кузнечиков и муравьев, получая за них деньги и соль. Мы, старейшины деревни, хотели бы, чтобы господин навсегда поселился у нас, мы дали бы ему землю и построили хороший дом. Но господин должен вернуться в свою страну с добычей, которую мы, жители Эшоби, поймали для него. Мы надеемся, что господин расскажет жителям своей страны, как жители Эшоби помогали ему. Мы надеемся, что господин снова вернется к нам и пробудет с нами подольше.

Эта речь была встречена продолжительной овацией. Я поблагодарил всех за любезность и доброту, обещал вернуться при первой же возможности и сказал, что об Эшоби и его жителях сохраню самые приятные воспоминания. Это мое утверждение, кстати, бьшо вполне искренним. После этого оркестр, состоявший из трех барабанов, двух флейт и бубна, исполнил африканскую версию «Боже, храни короля» и вечеринка завершилась».

Силы Джеральда были на исходе. Он находился на грани нервного истощения. Ему приходилось жить в нездоровой и необычной для себя обстановке. Его кусали и царапали самые

разнообразные клыки, когти, зубы, шипы, клювы, хоботки и челюсти. В него вцеплялись клещи, муравьи, вши, жуки и крысы. Он всю ночь собирался упаковывать багаж и животных, чтобы на рассвете покинуть Эшоби и добраться в Мамфе к десяти, пока не станет слишком жарко. Но после ужина силы оставили Джеральда, и в девять часов он рухнул как подкошенный. К десяти он уже не мог встать. В туалет его провожали Пайос и Джордж, местный мальчишка. Джеральд скорчился на постели, предоставив сборы своим помощникам. Каждые пять минут в палатку вбегал верный Пайос, смотрел на Джеральда и укоризненно покачивал головой. Позже к Джеральду зашел Джордж, решивший порадовать его сообщением, что если тот умрет, то у Джорджа больше никогда не будет такого хорошего хозяина.

«Это было начало приступа песчаной лихорадки, которую я где-то подцепил, — писал Джеральд матери. — Состояние мое было паршивым: лихорадка эта не убивает и не причиняет особого вреда, но во время болезни ты постоянно ощущаешь, что вот-вот умрешь. Ты ходишь, покачиваясь, словно мертвецки пьяный, все, что находится дальше десяти футов от тебя, расплывается в тумане. Ты потеешь, словно в аду, и чувствуешь, что твоя голова распухает буквально на глазах».

В таком состоянии Джеральду предстояло совершить пятичасовой переход через буш под лучами жаркого экваториального солнца. Опершись на верного Пайоса и на вырезанную кем-то из жителей деревни палку, несчастный белый человек плелся за колонной из шестидесяти черных носильщиков, половину из которых составляли женщины. Через первую же маленькую речку его перенес старик, который пришел попрощаться. «Я заплакал, когда увидел, что вас несут, — сказал Джеральду Пайос. — Я решил, что вы умерли». Процессия двинулась дальше, медленно поднимаясь на холм. Джеральд был вынужден буквально повиснуть на Пайосе. Носильщики двинулись дальше. Скоро они исчезли из виду. «Каждые двести ярдов мы останавливались, чтобы передохнуть, — вспоминал Джеральд. — Я падал на тропинку, обливаясь потом, как герой фильма, а Пайос обмахивал меня шляпой».

Так или иначе, но Джеральд сумел добраться до Мамфе к половине десятого, а уже в два часа он обедал с Джоном Йелландом в Бакебе. Воссоединение компаньонов было сердечным. Джеральд высоко ценил Джона как орнитолога и человека, ему нравилась неторопливость и чисто английское чувство юмора, присущее этому доброму и мудрому человеку. Как приятно было снова оказаться в обществе соотечественника, разговаривать на нормальном английском языке, услышать новости последних месяцев и осмотреть коллекции друг друга.

После трех дней отдыха в Бакебе Джеральд почувствовал себя гораздо лучше. Его огорчало только то, что ему так и не удалось поймать ангвантибо. Но вскоре и эта причина для огорчений исчезла. Вскоре после возвращения в Бакебе Джеральд отправился в экспедицию к горе Нда-Али, почти отвесные склоны которой покрывали густые леса. Джеральд должен был устроить лагерь и провести в горах дней десять, занимаясь ловлей шимпанзе, живших в горах. Он писал домой:

«Рано угром я сел на велосипед, на раме примостился местный мальчишка с сумкой, набитой пивом и провизией, и отправился на встречу с охотником, который должен был стать моим проводником. Мы проехали около пяти миль. Я уже начал сомневаться, что мои ноги способны сделать хотя бы еще одно движение. Но тут я заметил человека, который шел ко мне с корзиной из пальмовых листьев. Думая, что меня ожидает еще одна мешотчатая крыса или дикобраз, я остановился и подождал его. Когда африканец подошел, я, к своему удивлению, узнал в нем одного из охотников, которые помогали мне в Эшоби. Я спросил его, что он принес, и он ответил, что у него есть маленькая добыча. К стыду своему, я должен признаться, что, увидев содержимое его корзины, практически утратил дар речи. Я щедро вознаградил охотника, бросил мальчишку и с триумфом вернулся домой, прижимая к груди драгоценного ангвантибо».

Джеральд получил своего первого ангвантибо очень вовремя. Вскоре после этого из Англии пришло сообщение (от приятеля Джеральда по Уипснейдскому зоопарку, Кена Смита), что Британское зоологическое общество отправляет в Камерун на поиски этого загадочного животного легендарного зверолова Сесиля Уэбба. Ветеран-зоолог, объездивший с экспедициями половину мира, считал Даррелла и Йелланда новичками, неспособными поймать по-настоящему редкого зверя. Со своей стороны, они относились к нему как к досадной помехе, опасному сопернику.

В конце концов Уэбб встретился с новичками. «Он оказался крупным, высоким мужчиной (шести футов шести дюймов ростом, я полагаю (около двух метров), — писал Джеральд матери, — с выступающей вперед челюстью и водянистыми голубыми глазами. Одет он был в вылинявшие джинсы, а на голове его красовалась настолько странная панама, что я с трудом подавил в себе желание

расхохотаться. Он беззаботно спросил нас, удалось ли нам поймать ангвантибо, на что мы ответили утвердительно. За несколько дней до нашей встречи я ненадолго уезжал в Беменду и только что вернулся в Мамфе, где и остановился знаменитый исследователь. С превеликим удовольствием я сообщил ему, что у нас есть целых три ангвантибо!!!!»

Но и Уэбб не вернулся из Камеруна с пустыми руками. Джеральд передал ему самое замечательное животное из своей коллекции — шимпанзе Чалмондейли (Чамли). Английский чиновник подарил обезьяну Даррелу с тем, чтобы тот передал ее в Лондонский зоопарк. Джеральд согласился, полагая, что шимпанзе не может быть больше года и размеры его довольно скромны. Каково же было его удивление, когда из прибывшего грузовика выгрузили большой ящик, в котором сидел взрослый шимпанзе лет вось-ми-девяти, с огромными руками, громадной головой, массивной волосатой грудью, по объему примерно вдвое превышавшей грудь самого Джеральда, и крупными зубами, придававшими его липу зловещее, воинственное выражение.

«Я открыл дверцу с некоторым внутренним трепетом. Чалмондейли удовлетворенно вздохнул, звякнул длинной цепью, прикрепленной к его ошейнику, элегантно почесал под мышкой и вышел из клетки. Внимательно оглядев окружающих, он царственным жестом протянул мне руку для пожатия и вошел в дом так, словно был его хозяином. Чамли осмотрел нашу гостиную с видом среднеевропейского монарха, инспектирующего гостиничную спальню на предмет нахождения в ней клопов. Затем, видимо, удовлетворившись увиденным, он подвинул к себе кресло, уселся в него, скрестив ноги, и выжидающе уставился на меня.

Некоторое время мы молча разглядывали друг друга. Потом я вытащил пачку сигарет. Чалмондейли немедленно оживился. Было совершенно ясно, что после долгого путешествия ему не помешала бы сигаретка. Я протянул ему пачку, он вытащил сигарету, осторожно сунул ее в рот, а затем положил пачку на стол. Я протянул ему коробок спичек, полагая, что закурить будет обезьяне не по силам, но он ловко открыл коробок, зажег спичку, закурил и бросил коробок на стол. Чамли снова скрестил ноги и откинулся в кресле, с блаженным выражением на лице выпуская клубы дыма через нос».

У Чалмондейли были и другие пристрастия. Он любил горячий, сладкий чай и пил его из огромной, сплющенной металлической кружки, переворачивая ее до тех пор, пока последние капли оставшегося на дне сахара не попадут к нему в рот. После этого он либо протягивал кружку за добавкой, либо просто отставлял ее в сторону. Проявил Чамли любовь также и к пиву, хотя Джеральд предложил ему этот бодрящий напиток всего лишь раз. Шимпанзе мгновенно вылакал бутылку с явным удовольствием, опьянел и начал буянить. После этого ему не давали ничего крепче лимонада или чая. Джеральд расставался с этим удивительным животным с чувством глубокой грусти, но вскоре им суждено было свидеться вновь.

Наконец в июле настала пора упаковывать вещи и сворачивать экспедицию. Начинались дожди. К тому же у Джеральда закончились деньги. Расходы на путешествие и содержание птиц и животных оказались весьма значительными. Ситуация стала настолько угрожающей, что Джеральду пришлось смирить свою гордыню и отправить домой слезную телеграмму с просьбой выслать 250 фунтов (по нынешним деньгам примерно пять тысяч фунтов). Денег ему одолжила подружка Лесли, владелица магазина Дорис.

Компаньоны распродали ставшее ненужным оборудование. Джон Йелланд записал в своем дневнике:

«Джеральд начал продавать наш дом вечером и продал его вместе со всем содержимым, включая его собственный зонтик и тропический шлем, мое масло для кожи, два мешка кукурузы, полмешка кокосов, всю посуду, кастрюли и сковородки, а также несколько обойм патронов. Познания Джеральда в торговле оказались настолько обширными, что он сумел за пятнадцать шиллингов всучить какому-то типу будильник, который отставал за сутки на целых полтора часа. Он продал и разбитые часы — они продолжали тикать, вот только стрелки у них не двигались. В конце концов мы обедали на треснутых тарелках, но у нас появились деньги, чтобы отправить телеграммы в зоопарки Честера и Бель-Вью».

Джеральд с Джоном собирались отплыть 24 июня, но их коллекция животных оказалась настолько большой, что все клетки и коробки — пятьсот кубических футов — не уместилась на корабле, который они выбрали. Корабль отплыл без них. К счастью, вскоре отплывал грузовой пароход Но даже его пришлось ждать целый месяц. Компаньоны стали готовиться к отплытию.

«Нельзя подняться на борт парохода, — писал Джеральд, — и ждать, что кок станет кормить ваших животных». Для кормления зверей и птиц следовало сделать колоссальные запасы. Очень скоро лагерь экспедиции в Кумбе стал напоминать огромный рынок. Повсюду валялись бананы, папайи, ананасы, апельсины, яйца, связки кукурузных початков, картофель и бобы, а вдалеке красовался обглоданный скелет целого буйвола.

В этот момент Джеральд свалился с жесточайшей малярией. Целую неделю его била лихорадка. Экспедиция должна была добраться в порт Тико, откуда отплывал корабль, вечером 24 июля. На следующий день на рассвете корабль отправлялся в Англию. Но за день до отплытия доктор категорически запретил Джеральду вставать. «Вы должны провести в постели не меньше двух недель, — заявил он. — Вы не можете отплыть с этим судном». В противном случае упрямый англичанин мог умереть прямо в море, о чем доктор ему и сообщил.

Но трясущийся, покрытый потом Джеральд втиснулся в кабину грузовика и под проливным дождем вместе со всем своим зверьем отправился в порт. Перед погрузкой дождь наконец прекратился, но животные основательно промокли по дороге. Находящийся буквально при смерти Джеральд не успокоился, пока не высушил несчастных зверей и не накормил их. А затем стюард принес ему бутылку виски, способного свалить и лошадь, и Джеральд улегся на свою койку, уверенный в том, что эту ночь он не переживет.

Но он ее пережил. Путешествие пошло ему на пользу, к тому же им очень повезло с погодой. Матросы нашли для шимпанзе Су место для игр, а также одеяла и лакомства для всех обезьян, которые простужались или болели. Единственное происшествие за все время путешествие — это бегство мангусты. Она вылезла из клетки и свалилась за борт.

В четверг 10 августа 1948 года в четыре часа вечера корабль вошел в доки Ливерпуля. Джон Йелланд и Джеральд Даррелл ступили на английскую землю. Африканское путешествие закончилось. Они отсутствовали более семи месяцев и за это время собрали более двухсот животных и птиц. Они привезли в Англию девяносто пять млекопитающих (включая трех ангвантибо, сорок обезьян, детеныша шимпанзе и гигантскую белую мангусту), двенадцать рептилии и девяносто три редкие птицы. Груз был настолько экзотичным, что привлек внимание местной прессы. «Ангвантибо прибыл! — гласили заголовки. — Единственный живой ангвантибо в европейском зоопарке!»

«Вот и последняя клетка установлена в машине, — писал Джеральд, — грузовики трогаются в путь, увозя животных навстречу новому этапу в их жизни. А мы начинаем уже думать о подготовке нового путешествия».

Экспедиция в Африку была невероятно трудным делом, но увенчалась полным успехом, что перевело Джеральда Даррелла и Джона Йелланда в ряды самых крупных британских звероловов. Эта экспедиция стала исходным пунктом выдающейся карьеры Джеральда Даррелла.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

В СТРАНЕ ФОНА: ВТОРАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В КАМЕРУН 1948-1949

Когда африканские животные были пристроены в английские зоопарки и в кармане Джеральда перестал гулять ветер, он вернулся домой в Борнмут. Его встречали так, словно он только что вернулся с Луны. Его малярия, которую семейный доктор, Алан Огден, диагностировал как особо опасную разновидность *plasmodium falciparum,* являлась своеобразным знаком отличия, полученным за храбрость на поле сражения. Лесли в ту время жил у Дорис, а Маргарет с детьми расположилась у мамы. На Рождество из Аргентины приехали Ларри и Ева, так что праздники семья провела в полном составе.

Джеральд всегда был отличным рассказчиком. Дом на Сент-Олбэнс-авеню он описал не хуже, чем свои увлекательные путешествия. В комфортном окружении родных и близких он расслаблялся после всех трудов и опасностей прошедшего года. Медленно — впрочем, не так уж медленно — его внимание переключилось на местных девушек, заметно подросших за время его отсутствия. Все долгие месяцы, проведенные в джунглях Камеруна, он был абсолютно лишен женского общества. Он даже подумывал о том, чтобы устроить себе отпуск — замысел, вызвавший неадекватную реакцию. «Ничто так не возмущает зверолова, — писал он, — как восклицание друзей, услышавших, что он решил устроить себе отпуск, вернувшись домой после полугода сплошных укусов, царапин, проблем и опасностей: «Но ты ведь только что вернулся из отпуска!»

Во время короткого пребывания Джеральда у родного очага он познакомился с молодой женщиной, чье двусмысленное очарование поразило его с первого взгляда и на всю жизнь. Звали эту женщину Диана, но Джеральд дал ей восхитительное имя — Урсула Пендрагон-Уайт. Его отношение к этому порхающему мотыльку было сложным и неоднозначным, но нет сомнения, что ее божественная красота и далекий от божественности язычок оставили в душе Джеральда глубокий след. «Я обнаружил, — писал он, — что Урсула — единственная, кому удается будить во мне самые разные чувства: от тревоги и уныния до безграничного восхищения и полнейшего ужаса».

Урсула только что закончила школу. Она жила в Кэнфорд Клиффз — шикарном районе Борнмута (хотя в своих книгах Джеральд утверждал, что она из Лаймиштона, Нью-Форест, чтобы скрыть ее подлинное происхождение и имя). Впервые он увидел Урсулу на верхней площадке городского автобуса. Ее «сладкий родосский акцент оказался столь же проникновенным и пронзительным, как пение канарейки».

Сестра Джеральда, Маргарет, запомнила Урсулу иначе. Ей она представлялась «молоденькой, легкомысленной пташкой, с длинными светлыми волосами, сидевшей, склонив голову набок, что очень раздражало всех вокруг». В своих книгах Джеральд утверждал (опять же, чтобы никто не догадался, кого он имеет в виду), что у Урсулы были темные вьющиеся волосы. Ее большие глаза обрамляли длинные черные ресницы, а над ними изгибались очень темные брови. «Ее рот, — писал Джеральд, — имел такую форму и мягкость, что казался совершенно, ни при каких обстоятельствах, непригодным для поедания копченой селедки, лягушачьих лапок или черного пудинга».

Когда Урсула поднялась, чтобы выйти из автобуса, Джеральд заметил, что она довольно высокого роста, что у нее длинные ноги отличной формы и «та гибкая, подвижная фигура, которая заставляет молодых людей сразу же погрузиться в распутные мысли». Он расстроился, полагая, что никогда больше не увидит эту замечательную девушку. Но через три дня она ворвалась в его жизнь и осталась в ней на целых пять лет.

Джеральд встретил Урсулу вновь на дне рождения у приятеля, и она мгновенно окрестила его «жукологом». Стоило Джеральду увидеть ее, как он потерял голову. Его очаровала не только ее красота, но и совершенно уникальная речь — «ее суровая, решительная, непрекращающаяся война с английским языком». Эта стройная, очаровательная красотка страдала от своеобразной разновидности устной дислексии. Она использовала слова и выражения совершенно не в том смысле, какой они в себе несли. Было совершенно невозможно предугадать, что она скажет в следующую минуту. Она могла с восторгом рассуждать об «архипелагах Моцарта», о том, что быков отправляют к ветеринару, чтобы «хлестать», и об «абордаже», сделанном ради избавления от внебрачного ребенка. В мире Урсулы никогда не было огня без дыма, а катящийся мох не обрастал камнями. В чопорном мире борнмутского высшего света «она роняла кирпичи, как неопытный подсобник на стройплощадке».

Эта встреча стала началом длительной (и, возможно, так никогда и не прекращавшейся — это осталось неясным) романтической игры кота с мышью. Чтобы произвести на Урсулу впечатление, Джеральд убедил бывшего мужа Маргарет, Джека Бриза, отвезти его на свидание на старинном «Роллс-Ройсе». Джек надел свою офицерскую форму, чтобы выглядеть как персональный шофер... Продолжая свою игру, Джеральд пригласил свою подругу на обед в «Грилл-рум» («Она отличалась аппетитом ненасытного питона, — вспоминал он, — и совершенно не думала о деньгах»), затем на симфонический концерт (на концерт Урсула принесла своего щенка-пекинеса, он вылез из корзинки и устроил небольшой переполох), а затем на природу и в свой любимый паб «Квадрант и Компас», где престарелые завсегдатаи не сумели устоять перед ее невероятным английским («Прелестная молодая женщина, сэр, — сказал один из убеленных сединами ветеранов, — несмотря на то, что иностранка»). В те дни Джерри с трудом находил общий язык с отцами своих подружек, и высокомерный, чопорный отец Урсулы не стал исключением. Как-то раз Джеральд привез Урсулу домой довольно поздно, и ее отец набросился на него с хлыстом, угрожая вытрясти из него всю душу, если подобное еще хоть раз повторится.

Но хотя Джеральд был влюблен в Урсулу, его сердце было навсегда отдано животным. Она понимала, что раньше или позже ее возлюбленный кончит свои дни в объятиях гориллы или будет сожран на завтрак голодным львом. Однажды она позвонила ему. Голос Урсулы был настолько пронзительным, что Джеральду пришлось отодвинуть трубку от уха.

«Дорогой, — радостно сообщила Урсула, — я обручилась!»

«Я почувствовал внезапную сердечную боль, — вспоминал Джеральд об этом горьком моменте. — Одиночество навалилось на меня. Не то чтобы я был влюблен в Урсулу или собирался жениться на ней — боже сохрани! Просто я неожиданно понял, что теряю человека, который всегда освещал окружавший меня мрак».

Вскоре Урсула вышла замуж за своего избранника. Много лет спустя они с Джеральдом встретились в изящном эдвардианском кафе «Кадена», заполненном весьма респектабельной публикой. Когда открылась дверь, стало ясно, что Урсула вскорости ожидает второго ребенка.

«Дорогой! — с порога закричала она. — Дорогой мой! Дорогой!»

«Она обняла меня, — вспоминал Джеральд, — и поцеловала именно так, как целуются во французских фильмах. Английские цензоры обычно вырезают подобные поцелуи как неприемлемые для британской публики. Целуясь, Урсула жужжала, как целый рой обезумевших от похоти пчел. Она изо всех сил прижималась ко мне, чтобы я ощутил всю прелесть ее объятий и почувствовал, что она искренне рада меня видеть. Несколько пожилых леди и один неплохо сохранившийся отставной военный уставились на нас с явным неодобрением».

«Я думал, ты замужем», — сказач Джеральд, с некоторым усилием высвобождаясь из объятий старинной подруги.

«Так и есть, дорогой, — отвечала Урсула. — Ты не заметил, что я стала лучше целоваться?»

Они уселись за столик.

«Не думаю, что сейчас я бы тебе понравилась, — задумчиво произнесла Урсула. — Я изменилась, стала ужасно скучной».

«Ты так считаешь?» — дипломатично спросил Джеральд.

«О да, — ответила Урсула, глядя прямо на него своими огромными голубыми глазами. — Боюсь, что теперь меня назвали бы мелкой божоле».

Джеральд не намеревался задерживаться в Англии надолго. Африка навсегда вошла в его душу. А кроме того, делать в Британии ему было совершенно нечего. С целеустремленностью новичка и с опытом умудренного жизнью зверолова он начал планировать вторую экспедицию в Камерун, на этот раз намереваясь добыть более крупных и ценных животных, в том числе гориллу, гиппопотама и слона. Каждый из этих зверей оценивался британскими зоопарками в тысячу фунтов, что в пересчете по современному курсу составило бы около двадцати тысяч. Стремление Джеральда заполучить крупных животных диктовалось не только алчностью, но и насущной необходимостью. Первая экспедиция съела почти половину его наследства. Вторая должна была обойтись примерно в ту же сумму, а возможно, даже и больше. Ему необходим был успех — иначе его ждало разорение.

Джеральду крупно повезло. Богатый владелец частного зоопарка редких животных в Пейтоне, Герберт Уайтли, выразил готовность приобрести половину пойманных им животных по возвращении в Англию, а также согласился купить всех зверей, которых отвергнет Лондонский зоопарк. Джеральд считал Уайтли немного эксцентричным — он был настолько застенчив, что, когда люди приходили повидаться с ним, он бежал через весь дом, запирая двери, а потом скрывался на специальном лифте. Однако этому странному богачу удалось завоевать сердце молодого натуралиста своим стремлением разводить животных в неволе. «Он пытался разводить аллигаторов и желтых саламандр, — вспоминал Джеральд. — Самым большим его увлечением было выводить голубые разновидности. И результаты поражали специалистов. Он вывел голубых голубей, голубых догов, голубых уток».

На этот раз Джон Йелланд не смог сопровождать Джеральда в Камерун, и на его место он пригласил своего старинного приятеля Кена Смита. Джеральд познакомился со Смитом в Уипснейде, а потом жил с ним по соседству в Борнмуте. Смит был старше Даррелла и но возрасту (ему было уже тридцать семь лет), и по положению (Смит служил управляющим Пейтонского зоопарка), но Джеральд считал его младшим партнером. Хотя физически Смит вряд ли подошел бы на роль Тарзана и во многом уступал своему юному другу, когда дело касалось общения с крупными и опасными животными в джунглях, но он отлично знал свое дело и мог стать верным и надежным компаньоном в долгой, трудной экспедиции.

С помощью Смита Джеральд отлично подготовился к африканской поездке. На этот раз он приобрел более тяжелые ружья, прочные клетки, галлон рыбьего жира и двенадцать дюжин детских сосок для выкармливания детенышей, несколько теплых свитеров («чтобы гориллы не простудились на корабле по пути в Англию») и роскошный свадебный тент для устройства лагеря в джунглях.

Вторая экспедиция не должна была стать простым повторением первой, хотя Джеральд снова

намеревался ловить животных в окрестностях Мамфе. На этот раз он решил исследовать новые территории, лежащие к северу. В саванне Центрального Камеруна ему должны были встретиться совершенно иные звери.

В начале января 1949 года, за несколько дней до своего двадцатичетырехлетия, Джеральд со своим компаньоном взошли на борт грузового судна, отплывавшего из Ливерпуля в Африку. Весь многочисленный и тяжелый багаж уже был погружен. Пресса, восторженно встретившая Даррелла полгода назад, проявила интерес к новой экспедиции. Столь необычный способ зарабатывания на жизнь становился весьма популярным и интересовал читателей. «Он снова отправляется в Черную Африку», — гласил один из заголовков. «Мистер Даррелл, ученый, собирается проехать 500 миль по Африке на грузовике, а затем приступит к восьмидневному сафари. Он собирается поймать гориллу, буйвола, а возможно, даже гиппопотама. «Мы попытаемся поймать гориллу в своеобразную мышеловку, — заявил натуралист. — Это довольно неприятное животное».

Корабль отплыл вовремя, путешествие прошло без приключений. Развлекал Джеральда только его спутник. «Он просыпается по утрам, — писал Джеральд матери, — и сообщает мне, что ему приснилось, как он поймал гориллу с помощью стюардессы и представителя ливерпульского банка. На следующий день он читает о буйволах. Разумеется, чтение оказывает на него определенное действие. Примерно в полночь он часа полтора борется со своим одеялом, пот струится по его лицу и он просыпается с дикими криками».

10 февраля корабль достиг берегов Камеруна. Джеральд записал в своем дневнике: «Мы вышли на палубу около шести часов утра, слегка пошатываясь после сердечной прощальной вечеринки, состоявшейся накануне. Я увидел знакомые островки, покрытые лесами, тонущие в густом тумане... Было так приятно снова вернуться в Африку». А потом, словно забыв, зачем он приехал, Джеральд замечает: «Я должен заработать денег на этой поездке. Я чувствую это всеми костями, а Смит — своими варикозными венами».

Магия Африки снова оказала на Джеральда свое действие. В каждой трещине на стене, на каждом дереве кишели самые различные животные. На закате на дорогу вылетали козодои, на деревьях кричали турако, самые экзотические птицы перелетали с ветки на ветку точно так же, как в Британии порхают обыкновенные дрозды. Джеральд писал домой: «Виктория прекрасна, как всегда. Все деревья в цвету. Каждое дерево покрыто огромными восковмми цветами всевозможных оттенков: желтыми, голубыми, лиловыми и малиновыми. Кусты гибискуса буквально пламенеют на солнце, а все дома увиты пышно цветущими бугенвиллеями. Кен бродит по городу, разинув рот от удивления. Я боюсь, как бы он не растерял все свои зубы».

«Меня помнят буквально все, — писал Джеральд в своем дневнике. — Все исключительно милы и готовы помочь». По тропическому телеграфу весть о том, что знаменитый зверолов вернулся, распространилась в мгновение ока. Через несколько дней события замелькали, как в калейдоскопе. «А теперь сообщу тебе нечто удивительное, — писал Джеральд матери 14 февраля. — Мы положили начало нашей коллекции, приобретя молодого самца шимпанзе!!! Он жил у плантатора и его жены, и они решили отдать его нам. Обезьяна исключительно мила. Стоило мне взять его на руки, как он тут же протянул ко мне губы для поцелуя».

Новое приобретение только закрепило за Джеральдом репутацию большого оригинала. Он часто ездил по Виктории на велосипеде, а шимпанзе Чарли сидел сзади, вереща от восторга и порой закрывая хозяину глаза руками. Велосипед резко вилял в сторону, так что Джеральд чуть было не передавил половину населения столицы. И Джеральд, и Кен Смит с ума сходили от зверей и получили прозвище «звериные маньяки» в белом сообществе Камеруна. Африканцы же звали их «хозяевами добычи». Но если Джеральда считали просто эксцентричным, Кен Смит выглядел довольно комично, причем даже для своего юного компаньона. Отправившись купаться за город, он заслужил бурные аплодисменты со стороны собравшихся поглазеть на него африканцев тем, что оглушительно чихнул, от чего его зубные протезы выскочили и упали в воду.

Джеральд знал, что занятие зверолова требует от человека определенных странностей и необычного склада характера. Позже он писал:

«Большинство людей считают, что зверолов должен быть мускулистым, похожим на Тарзана здоровяком, но на самом деле большинство звероловов от рождения выглядят полумертвыми. Чтобы добиться успеха в своей профессии, зверолов должен родиться слегка сумасшедшим, развить в себе

чувство юмора и полностью лишиться обоняния (вам когда-нибудь приходилось просыпаться рядом с клеткой обезьяны?). Очень неплохо, если зверолов имеет приличное состояние, чтобы не зависеть от доходов, связанных с его профессией. Разумеется, зверей ловить можно самыми разнообразными способами — ловушками, сетями, выкуривая их из нор и дуплистых деревьев, с охотничьими собаками или по ночам (особенно полезно при ловле рептилий), но в отличие от широко распространенного убеждения, ловля диких животных — не слишком опасное занятие. Это дело опасно настолько же, насколько глуп сам зверолов.

На самом деле, основная трудность заключается не в том, чтобы поймать зверя, а в том, чтобы содержать его в неволе, после того как ты его поймал. Содержание пойманных животных можно сравнить с детским садом, где двести-триста привередливых детей с желудками, чувствительными, как дебютантка, с самыми разнообразными пристрастиями. Естественно, что, когда проводишь жизнь в непосредственной близости с этими созданиями, у тебя возникает множество сложных и раздражающих ситуаций, особенно в отношении звериного туалета. У меня была белка, которая соглашалась ходить в туалет только в мою шляпу, и мешотчатая крыса, опорожнявшая кишечник исключительно в контейнер для питьевой воды.

Порой зверолову приходится брать детеныша в постель, чтобы тот не замерз, и это иногда приводит к весьма острым ощущениям, к примеру, если речь идет о маленьком дикобразе».

Звероловы решили устроить основной лагерь на берегу реки неподалеку от Мамфе. Сюда должны были стекаться животные со всех окрестностей, а также из полевьгх экспедиций. Кен Смит обосновался в Мамфе и стал главным хранителем и ветеринаром коллекции, а Джеральд разъезжал по близлежащим лесам и горам, собирая животных по списку, а затем привозил их в основной лагерь.

18 февраля небольшая экспедиция тронулась из Виктории по направлению к Мамфе. По пути они должны были проехать через деревушку Кумба. «Мы выехали довольно рано, — писал Джеральд в своем дневнике, — и прибыли в Кумбу в удобное для нас время. Дорога была восхитительной. Было приятно осознавать, что мы наконец-то приближаемся к цели своего путешествия». Через два дня звероловы достигли Мамфе, где с помощью тридцати помощников, к восторгу местного населения, натянули роскошный английский свадебный тент. Лагерь стал походить на средневековый шатер, раскинувшийся на берегу медлительной коричневой реки возле девственного леса.

Неделя ушла на различные приготовления. Сколачивались клетки, рылись водоемы, заготавливалось продовольствие, местным охотникам показывались рисунки необходимых экспедиции зверей — словом, выполнялись тысячи совершенно обязательных заданий, без которых приступать к ловле зверей было невозможно. В начале марта все наконец устроилось, и Джеральд отправился в джунгли в поисках редкой «добычи». С этого момента жизнь его по физическим и эмоциональным нагрузкам можно было бы сравнить только с жизнью межгалактического путешественника: каждый день новое приключение, каждая минута очередное, удивительное открытие. Трудно переоценить удивительный документ, который Джеральд создавал каждый вечер в неверном свете фонаря, отстукивая двумя пальцами на маленькой машинке свои впечатления, хотя по-хорошему ему нужно было давно уже свалиться от усталости.

Дневник 1949 года доказывает, что перед нами уже совершенно другой человек, не тот, который впервые ступил на землю Камеруна в прошлом году. Имперские претензии и колониальное высокомерие исчезли. Теперь Джеральд с глубоким уважением относится и к Африке, и к африканцам. Хотя в нем все еще чувствуется некоторая снисходительность, но он уже понимает, что африканцы, с которыми ему приходится проводить массу времени, являются такими же людьми, как любой другой представитель этого вида — включая и самого Джеральда, и его компаньона Кена Смита. Он понимает, что без помощи африканцев его предприятие обречено на провал, что он полностью зависит от этих людей во всем — от ловли зверей до приготовления пищи. Во время второй камерунской экспедиции Джеральд настолько сблизился с африканцами, что почувствовал себя кровным братом одного из них, чье имя осталось навсегда связанным с его именем.

Еще одна подмеченная им черта, которая поражает, когда читаешь дневники Джеральда, — это удивительная щедрость Африки. Первобытная Африка по-прежнему оставалась девственной, дикой, живущей в прекрасном и жестоком мире. Здесь, в окружении бесчисленного множества летающих, бегающих, прыгающих, ползающих, плавающих созданий, было трудно поверить в то, что кому-то из них грозит полное исчезновение.

Джеральд все с большим восторгом относится к красоте и разумности тропической природы. Он не перестает удивляться и восторгаться. Каждая лесная поляна, речная отмель, любой участок

саванны приносил ему очередной сюрприз. Недели идут за неделями, и на страницах дневника перед нами предстает не тот суровый колонизатор, когда-то впервые ступивший на землю Камеруна, а сердечный, чувствительный молодой человек, счастливый оттого, что ему довелось попасть в этот земной рай.

Дневники Джеральда показывают и его растущее литературное мастерство. Он все лучше подбирает слова, чтобы описать те чудеса, которые его окружают. Он становится более наблюдательным, его чувство юмора обостряется, а умение увлечь читателя нарастает с каждой страницей. Его язык становится все более богатым и выразительным. Вот как он описывает в своем дневнике события 3 марта, когда экспедиция на каноэ отправилась вниз по реке Мамфе. В этом отрывке уже чувствуется рука настоящего писателя.

«Даже если во время этой увеселительной прогулки мы бы не поймали ничего ценного, все равно отправиться в нее стоило. Было так чудесно брести по колено в коричневой, медленно текущей воде. То и дело перед глазами открывались белоснежные сверкающие на солнце песчаные отмели, напоминающие огромные белые ребра. Вдоль отмелей торчали засохшие деревья: дожди подмыли их корни, и теперь они засохли. На другой отмели деревья сплошной стеной уходили ввысь. Их наглухо оплетали лианы, древесные папоротники и тысячи самых разнообразных растений. Жужжание бесчисленных насекомых прерывал только плеск весел, опускающихся в теплую, как парное молоко, воду. Внезапно с отмели взлетела бородатая ржанка, издавая пронзительные крики. Потом откуда-то сверху почти беззвучно упал орел-рыболов, схватил добычу и взмыл к небесам. А за ним пролетела тяжелая птица-носорог. Если вечером сесть на большой серый камень, которых на таких отмелях огромное множество, то увидишь, как на водопой сбегутся обезьяны, перелетая с дерева на дерево в почти непроглядной чаще веток и листьев. Время здесь застыло: человек полностью теряет ощущение времени. Можно провести в лесу и час, и десять — лес не имеет времени. Стемнело — значит, день кончился. Стало светло — настал новый день. Ты постоянно осознаешь только великое, нескончаемое Сейчас».

Джеральд прекрасно передает в своем дневнике удивительную увлекательность процесса ловли зверей, требующего от зверолова выдержки и проницательности. Отправившись в короткую экспедицию в район Эшоби между 4 и 8 марта, он собирался добыть двух очень редких белок — *Anomalurus* (белку-летягу) и *Idiurus* (карликовую соню-летягу). Ни в одном зоопарке мира таких животных еще не было, они представляли огромную ценность и научный интерес. Но доставить их в Англию в целости и сохранности было нелегкой задачей.

Путешествие в Эшоби оказалось не менее утомительным, чем в прошлом году. Джеральда встретили с теплотой и восторгом, как старого друга. Все население деревни собралось, чтобы приветствовать белого богатого зверолова. Весь вечер Джеральд общался с охотниками, объясняя им, кого он хочет поймать. «Они сказали, что постараются и с божьей помощью обязательно их поймают. На этой оптимистической ноте наша гулянка закончилась, и мы разошлись по постелям».

С первыми лучами солнца Джеральд со своими охотниками отправился искать дерево, где он видел летягу в прошлом году. К его удивлению, животное по-прежнему жило там же, хотя поймать его оказалось весьма нелегко.

Вернемся же к дневнику.

«Поскольку мы подняли ужасный шум возле дерева, зверек, сидевший внутри, испугался и выскочил из дупла. Он взлетел в воздух, словно выпущенный из катапульты. Мне впервые довелось увидеть соню-летягу в полете. Это было удивительно прекрасное, захватывающее зрелище. Соне нужно было пролететь около сорока футов, чтобы достичь соседнего дерева, и она проделала этот путь с грацией планера. Перепонки по обе стороны ее тельца расправились, как зонтики. Перед самым деревом соня распрямилась, выпустила коготки, потом вцепилась в кору и стремительно поползла по стволу, словно огромная гусеница. И тогда я совершил поступок, о котором жалею до сих пор: я поднял ружье и выстрелил. Соня камнем упала на землю. Я бросился вперед, крича охотникам, чтобы те отозвали собак, и молясь, чтобы соня оказалась только раненой. Разумеется, несчастная кроха была мертва. Я подобрал ее и плакал над этим прелестным созданием...»

На следующий день Джеральд с охотниками поднялись на рассвете и обошли десять деревьев, окуривая их дымом. На первых девяти никого не оказалось — только несколько летучих мышей,

многоножки и скорпионы.

«Мы подошли к последнему дереву. Я ужасно устал, мои легкие были заполнены дымом, поэтому я просто сел и перестал обращать внимание на происходящее. Сети были расставлены, костер разведен. Охотники закидали его зелеными листьями, чтобы было побольше дыма. Потом мы уселись и стали ждать. Мне в ладонь впился острый шип, и более всего мне хотелось оказаться дома в своей постели. Наконец я приказал снимать сети, так как было ясно, что поймать никого не удалось. Джеймс полез снимать сеть, и вдруг я заметил, что он достает кого-то из дупла. Он подошел ко мне, держа животное за хвост. «Маса хотеть такой добыча?» — с неуверенной улыбкой спросил он. Мне достаточно было только глянуть на зверька, как сердце мое чуть не вырвалось из груди. За длинный пушистый хвост Джеймс держал соню-летягу. Глаза зверька были закрыты, бока тяжело вздымались. Передо мной была настоящая *Idiurus macrotis*. «Скорей, скорей, — в страхе закричат я, — неси коробку для этой добычи... нет, не эту, покрепче... вот эту... Теперь положи внутрь маленький листок... маленький листок, а не целый куст... скорее!» Соня со всеми предосторожностями была помещена в ящик. Она была без сознания — наверное, надышалась дымом, ее крохотные розовые лапки судорожно подергивались. Я схватил огромный пучок листьев и принялся размахивать ими перед зверьком, пытаясь обеспечить ему приток свежего воздуха. Постепенно соня пришла в себя, я закрыл ящик, и мы тронулись в обратный путь. Когда мы вернулись, уже почти стемнело. Клетку для *Idiurus* мне пришлось мастерить в полной темноте при свете фонаря. Но заснуть мне удалось лишь благодаря солидной порции «Белой лошади». Я снял шкуру с крыланов и почистил ружье, а потом рухнул в постель и заснул как убитый. *Idiurus* — самое удивительное маленькое создание. Оно похоже на английскую соню, только отличается более серым цветом шкурки. Скорость, с какой этот зверек перебирается с дерева на дерево, просто удивительна. Она бежит, как собака, в отличие от *Anomalurus*, которая ползает по деревьям, как гусеница».

Следующий день для Даррелла стал поистине красным днем календаря. В глубине леса охотники нашли дуплистое дерево 150 футов высотой. Заглянув в дупло, Джеральд обнаружил, что там полным-полно *Idiurus*ов. К счастью, поблизости росло небольшое деревце, на которое мог залезть охотник и набросить сеть на дупло, чтобы выбирающиеся оттуда сони запутывались в сетях. В тот день Джеральду удалось поймать восемь сонь, а также трех необычных летучих мышей, которых Джеральд принял за совершенно новый вид. «Я убил их с величайшей осторожностью, чтобы не повредить шкурку, — записал он в своем дневнике, — и упаковал их в вату».

Хотя Джеральд ужасно устал, он решил доставить летяг в Мамфе той же ночью, так как не смог устроить им подходящую клетку. «Эти маленькие твари выпрыгивали из банки и пытались забраться наверх по стенкам клетки, — писал Джеральд в дневнике. — Смит смотрел на них с восторгом и носился вокруг тента, как неутомимый блуждающий огонек. Я смертельно устал, но звуки, которые издавали летяги в своем новом жилище, наполняли мое сердце радостью».

На следующий день в лагерь пришел Джеймс, тот самый мальчишка, который изобрел способ забраться на желанное дерево. За ним шел носильщик, тащивший большую корзину, накрытую банановыми листьями. «Нашим глазам предстало удивительное зрелище — настоящая черная дыра, кишевшая летягами всех полов и возрастов. Их там было тридцать пять! Мы со Смитом чуть с ума не сошли. Если бы нам удалось довезти их до Англии живыми, мы бы потрясли зоологический мир до основания!»

Джеральд так писал маме о событиях этого дня:

«Я хочу сообщить тебе великую новость! В углу нашей палатки стоит клетка шести футов высотой, в которой поселились тридцать редчайших животных Западной Африки — карликовые сони-летяги. В наших музеях есть всего несколько шкурок этих зверьков, а живьем их видели в джунглях не более дюжины человек, не говоря уже о том, чтобы увидеть их в Европе. Если мы сможем доставить их в Европу в целости и сохранности, это будет зоологическим событием года. Даже мой ангвантибо померкнет рядом с этими удивительными созданиями. Но не будем загадывать, так как эти крохи живут у нас всего двадцать четыре часа и нервничают, как старые дамы в темной комнате. К тому же они очень привередливы в отношении еды».

Джеральд собирался отправиться с экспедицией на север, ближе к горам, где лес переходит в огромную, поросшую травой саванну — овер-шенно иной мир, с иной растительностью, иными животными, более прохладным климатом. Британский чиновник утверждал, что самым лучшим

местом для экспедиции будет Бафут, область, по размерам своим превышавшая Уэльс. Племена Бафута подчинялись интеллигентному, богатому и эксцентричному правителю — Фону. Его дворец был построен на границе саванны и лесистой местности, где можно было поймать интересных и ценных животных: шимпанзе, мангустов, львов, леопардов, кобр и зеленых мамб. «Африканцы выполняют все, что он скажет, — сказал чиновник Джеральду. — Он премилый старый мошенник, и вернейший путь к его сердцу — доказать, что вы можете выпить не меньше его самого и привезете выпивку с собой». В тот же день Джеральд отправил к Фону посланца с бутылкой джина и запиской, в которой он просил разрешения посетить его владения с целью ловли редких зверей. Через четыре дня посланец вернулся с личным письмом от Фона:

Резиденция Фона Бафута, Беменда, 5 марта 1949 года.

Мой дорогой друг!

Твое письмо от 3 марта получил, кстати, с приложением, и оценил.

Да, я принимаю твой приезд в Бафут на время два месяца насчет твоих животных и тоже очень буду рад отдать тебе в распоряжение один дом в моих владениях, если ты мне хорошо заплатишь.

Сердечно твой, Фон Бафута.

Джеральд решил немедленно выехать в Бафут.

«11 марта. Мы отправились в Бафут и прибыли туда в половине четвертого. Дом для гостей построен на обочине дороги на крутом берегу. Лестница из пятидесяти ступеней ведет на веранду, а за ней и в дом. Стоя на веранде, видишь через дорогу похожий на крепость дворец Фона, окруженный маленькими кирпичными строениями и бесчисленными хижинами жен правителя. Стоя на верхней ступеньке, я увидел, как Фон в окружений многочисленных членов совета направляется ко мне через широкий двор. Я спустился и встретил его у подножия лестницы. Мы обменялись рукопожатием и улыбнулись друг другу, как давно потерявшие друг друга братья».

Фон был высоким, стройным человеком с живым, веселым лицом. На нем было простое белое одеяние и маленькая белая шапочка, но с первого взгляда было понятно, что он самый главный — так величава и царственна была его осанка. Фон стал Джеральду настоящим другом, родственной душой, и вскорости зверолов в этом убедился. Вот что он пишет в своем дневнике:

«После обмена лестными замечаниями относительно характера друг друга и выражения уверенности в крепости здоровья, Фон удалился, сообщив, что зайдет ко мне позже, когда я распакую вещи. Я поднялся к себе, чтобы достать виски и джин. Когда стемнело, ко мне пришел гонец, сообщивший, что Фон хотел бы прийти побеседовать о мной, если я уже передохнул после долгой дороги. Я достал стаканы и бутылку виски. Фон прибыл с переводчиком, который показался мне совершенно лишним. Мы выпили за здоровье друг друга (он чистого виски, а я разбавленного) и заговорили о добыче. Я достал книги и стал показывать ему картинки, пытался подражать голосам тех животных, которых хотел поймать, рисовал их на клочках бумаги, и все это время наши стаканы наполнялись с ужасающей регулярностью. В начале разговора бутылка была полна, через два часа, когда Фон поднялся, чтобы уходить, в ней оставалось виски всего на два пальца. В конце разговора его речь стала совершенно неразборчивой, и тогда я понял, зачем он взял с собой переводчика. Мы вышли на лестницу, Фон повернулся к переводчику и велел ему выпить. В руке он держал полный стакан виски. Переводчик упал на колени и протянул к Фону сложенные ладони. Фон налил ему половину стакана, и африканец с жадностью выпил живительную влагу. Этот поступок мне не понравился, мне было неприятно видеть, что к человеку относятся как к домашнему животному. Я выпил еще, но неприятное ощущение не прошло. Когда Фон нетвердой походкой пересекал двор, я услышал, что барабаны извещают население Бафута о том, что мне нужна добыча».

Жизнь в Бафуте текла своим чередом. Бесконечные попойки с Фоном перемежались покупкой животных, которые поступали со всех концов страны. Порой силы Джеральда были на исходе. «Сегодня я чуть с ума не сошел, — записал он в дневнике 15 марта. — Животные продолжают

поступать, и справиться с этим потоком я не в состоянии... Я смертельно устал». На следующий день ситуация усугубилась. В полном отчаянии Джеральд написал: «Сегодня я точно сошел с ума... Здесь сущий ад». Помимо животных, которых приносили Джеральду Фон и его подданные, он сам отправлялся на охоту вместе со своими помощниками. Зверей вспугивали на плантациях пальм мимбо с помощью местных мальчишек, стряхивали с деревьев, выкуривали из нор, ловили с помощью ловушек. На веранде просторного гостевого дома стала расти коллекция самых разнообразных представителей животного мира. Многие из них были настоящей редкостью. Здесь бьши крохотные, яркие колибри всего четыре дюйма длиной и крупные птицы, размером с индейку, миниатюрные сони, поместившиеся бы в чайной ложке, и гигантские крысы, размером больше кошки. 14 марта Джеральд отправился на совершенно новую для Африки охоту — на охоту с гончими.

«Что нравится мне в Африке больше всего, так это то, что ты можешь отправиться в буш с твердым намерением поймать какое-то конкретное животное и вернуться с совершенно другой добычей. Сегодня я собирался поймать галаго Аллена и молотоглава. Мы не поймали ни того, ни другого, но зато заполучили совсем другого зверя.

Со мной отправились Джозеф, четыре охотника и две собаки, которые выглядели так, словно только что вернулись из Белсена. Меня уверили, что это первоклассные охотничьи собаки. Потом я некоторое время пререкался с одним из охотников, который хотел взять с собой свое датское ружье: не желая возвращаться домой с дробью в ягодицах, я сказал твердое «нет». Мы прошли мимо нескольких плантаций мимбо, вспугнули белку и упустили ее, а затем вышли на просторный луг. Растительность здесь футов шесть высотой и напоминает миниатюрный бамбук. Листья имеют очень острые края, так что пробираться по этим зарослям довольно неприятно.

Мы шли дальше. Вскоре собаки подняли отчаянный лай, и охотники заявили, что они почуяли траворезку, то есть гигантскую тростниковую крысу. Несколько охотников направились в траву за собаками, а другие расставили сети почти у земли. Я думал, что собаки, скорее всего, взяли след хромой древесной лягушки (эти дворняжки выглядели так, что бегать быстрее подобного создания им явно было не под силу), поэтому уселся поудобнее, достал термос и принялся прихлебывать чай. Я только что налил себе вторую чашку, как раздался отчаянный шум и гам. Трава раздвинулась, и что-то темно-бурое размером с приличного бобра кинулось на меня, круто свернуло и запуталось в сети. Джозеф и другой охотник (по-моему, его звали М'ервеги) бросились на зверя, но тот сопротивлялся так отчаянно, что они оба очень скоро оказались на земле. После громких криков и полезных советов мы наконец сумели запихнуть нашу добычу в мешок и убедились, что это действительно оказалась траворезка, причем очень крупная, двух футов в длину, с круглой, похожей на бобровую, мордочкой. По-научному эта крупная крыса называется *Praomys tullbergi tullbergi*.

Вскоре после поимки тростниковой крысы мы вспугнули еще одну, которая промчалась буквально у меня между ног. Мы пытались преследовать ее около мили с громкими криками. Это напомнило мне охоту с гончими: сначала собаки лают и рычат, маленькие колокольчики, прикрепленные к их ошейникам, звенят, как сумасшедшие; затем охотники, я сам и целая толпа мальчишек с громкими криками бросаются вдогонку. Мы несемся через высокую траву, которая режет нам руки и лицо, перепрыгиваем (частенько промахиваясь) небольшие ручейки, бежим по плантациям мимбо. И наконец, покрытые потом и пылью, мы понимаем, что собаки добычу упустили. Я валюсь на землю, пытаясь перевести дух, откуда ни возьмись появляется мальчишка, держащий в руках грязный калебас, узкое горлышко которого заткнуто листьями. Джозеф заглядывает внутрь, а затем оказывается, что в калебасе сидит «шиллинг», то есть галаго Аллена. Это именно тот зверь, о котором так страстно мечтает весь Лондонский зоопарк!»

Хотя по-настоящему крупной добычи Джеральду добыть так и не удалось, качество и количество более мелких зверьков поражало воображение. 16 марта он получил мешотчатых крыс, мангустов, гигантскую тростниковую крысу, белок трех видов, детенышей дикой кошки («злющих, как черти») и «украшение коллекции — существо, которое Лондонский зоопарк мечтал заполучить давным-давно, двух огромных волосатых лягушек!!!! Я был так рад, что послал Фону сообщение, приглашая его прийти и выпить со мной сегодня вечером».

Визит оказался весьма запоминающимся, и 17 марта Джеральд записал в дневнике:

«Сегодня Фон пришел ко мне около семи и ушел в одиннадцать вечера, опустошив бутылку джина. Позже он послал за своими женами, они пришли и всю ночь распевали песни и играли на

барабанах под моими окнами. Заметив, что джин кончается, Фон собрался уходить, и мы с ним рука об руку в сопровождении трех мужчин с фонарями стали спускаться по длинной лестнице, у подножия которой толпились обнаженные женщины, которые пели и танцевали. Мы с Фоном были хорошо освещены, мы чуть было не падали со ступенек, но каждый раз успевали спасти жизнь друг другу в последнюю минуту. Каждое такое событие население Бафута встречало криками ужаса. Затем мы пересекли большой двор. Жены продолжали танцевать перед нами, сзади нас, повсюду. Затем мы добрались до дворца Фона, рухнули в кресла и стали наблюдать за танцами.

Когда я сорвал голос, рассыпая комплименты танцевальному искусству жен Фона, самим танцам и оркестру, мы стали друзьями на всю жизнь. Потом Фон спросил меня, не хочу ли я потанцевать. Подобная перспектива напугала меня до полусмерти, и я быстро отказался, сообщив, что, к своему глубокому сожалению, так и не научился танцевать. Фон на минуту задумался, а потом просиял радостной улыбкой. Он поднялся, схватил меня за руку и сообщил: «Я учить тебя национальный танец».

Мне пришлось подчиниться. Хлопая в ладоши, мы обошли весь двор. Нельзя сказать, что наш танец выглядел весьма привлекательно. Я постоянно запутывался в длинном, ярком одеянии Фона, и нам приходилось останавливаться, пока несколько слуг выпутывало мои ноги из одежды Фона. К тому же он засыпал на ходу, я тоже, поэтому, с чувством глубокого сожаления, нам пришлось прервать такую чудесную вечеринку. Я сказал, что мне пора идти. Фон проводил меня до ворот и сентиментально со мной распрощался.

Какое бы жестокое похмелье ни ждало меня на следующее утро, в тот момент мне хотелось, чтобы этот вечер никогда не кончался!»

Через два дня Фон вернулся. На этот раз Бафуту предстоял праздник срезанной травы. В четыре часа придворный гонец примчался пригласить Джеральда на праздник. С удивительной ловкостью он проложил для гостя дорогу среди радостных африканцев. Они пересекли двор и оказались во дворце Фона. Совет Бафута, состоявший из пятидесяти старейшин, уже был в полном сборе. Старики сидели, прислонившись спинами к стене, и попивали из сделанных из коровьих рогов сосудов мимбо («молочно-белую жидкость, очень чистую, светлую и сладкую — но очень крепкую!»). В дальнем углу двора под огромным манговым деревом на богато украшенном троне, вырезанном из камня, восседал сам Фон. На нем было восхитительное одеяние и остроконечная шапочка с кисточкой из слоновьего хвоста. Джеральда усадили по правую руку от правителя (высокая честь!), и одна из жен Фона подала ему стакан мимбо.

Затем настала пора угощать население. За то, что подданные приносили сухую траву, чтобы покрыть крышу дворца Фона, тот устраивал для них праздник. Фон поднялся и вместе с Джеральдом двинулся в путь мимо восторженных членов совета, своих жен, «оглашавших воздух криками, пронзительности которых позавидовал бы любой краснокожий». За воротами дворца Фона встречала толпа подданных, разразившихся при виде правителя криками восторга. Джеральда снова усадили по правую руку от Фона, мимбо потекло рекой, вожди мелких племен выражали свою почтительность и удалялись, получив царственный кивок от Фона.

В своем дневнике Джеральд описал ход праздника, в котором он тоже принял посильное участие.

«К этому времени я поглотил уже изрядное количество мимбо и преисполнился необычайного благодушия. Затем, к моему ужасу, рядом с нами появился столик с двумя стаканами и бутылкой джина какой-то немыслимой марки, о которой я никогда прежде не слыхивал и впредь не жажду возобновлять это знакомство. Фон налил в мой стакан на четыре пальца джина, я попросил принести воды. Фон что-то рявкнул на своем языке, и к нам тут же подбежал мужчина, державший в руках бутылку горькой настойки.

— Горькая! — гордо объявил Фон. — Ты любишь джин с горькая настойка?

— Да, — сказал я и через силу улыбнулся. — Обожаю джин с горькой настойкой.

Первый же глоток этого пойла едва не прожег мне горло: в жизни не пил чистого спирта да еще с таким отвратительным привкусом. Даже Фон, которому, казалось, все было нипочем, после первого глотка как-то странно заморгал. Он сделал второй глоток, немного подумал, а потом сообщил мне:

— Мы отдавать этот крепкий питье всем наш маленький-маленький люди, а потом уйти в мой

дом и пить «Белая лошадь»...

Мы облизнулись в предвкушении, хотя я с трудом представлял себе, как буду себя чувствовать, отполировав мимбо и джин «Белой лошадью».

К этому времени во дворе собралось огромное множество народа, угощавшегося самыми разнообразными блюдами и напитками. Повсюду стояли калебасы с пальмовым вином, мимбо и кукурузным пивом; лежали огромные тыквы и связки бананов; тушки тростниковых крыс, мангустов, летучих мышей, питонов коптились и жарились над огнем на бамбуковыгх палочках. Гостям подавали сушеную рыбу, крабов и креветок, красный и зеленый перец, папайю, апельсины, манго, кассаву, сладкий картофель и другие овощи. Это был настоящий народный праздник. Когда гости приступили к угощению, Фон стал подзывать к себе членов совета и разливать им джин в сосуды с мимбо. Затем он поднялся, и мы перешли во дворец, где нас ждала «Белая лошадь».

Когда мы прикончили бутылку, мы успели обсудить множество интереснейших тем, начиная от достоинств различных марок ружей и кончая русским вопросом. Затем Фон, уже как следует набравшийся, послал за своими женами и заставил их петь и танцевать во дворе. Оркестр исполнял различные мелодии, и один из мотивов оказался в удивительно подходящем для конги ритме. Раззадорившись, я предложил Фону научить его европейскому танцу. Фон был в восторге, и мы вышли во двор. Фон уселся в ожидании. Я встал и попросил его дать мне пятерых членов совета, чтобы я мог обучить их этому танцу. Пятеро стариков поднялись и присоединились ко мне.

Наступила такая тишина, что слышно было, как шелестят на ходу шелковые одежды государственных мужей. Я выстроил их всех за собой, чтобы каждый держался за талию другого; потом кивнул оркестру, музыканты с жаром заиграли мелодию в ритме конги — и мы пустились в пляс: раз, два, три, четыре, пять, БРЫК, раз, два, три, четыре, пять, Б РЫК. Я снискал всеобщее одобрение: все остальные члены совета вскочили и присоединились к нашему танцу, а следом за ними выстроились и тридцать жен Фона. Нечего и говорить, что сам Фон не выдержал и, поддерживаемый с обеих сторон, уцепился за талию последней в цепочке жены.

Мы протанцевали около двух миль. Я вел процессию вокруг двора Фона, по лестницам, по комнатам, а музыканты бежали за нами, играя, как сумасшедшие. Я совершал любые па, какие только приходили мне на ум, подпрыгивал, вертелся, отбрасывал ногу в сторону, и огромный хвост африканцев в точности повторял мои движения. Африканцы улыбались и выкрикивали следом за мной:

— Раз, два, три, четыре, пять... БРЫК!

— Раз, два, три, четыре, пять... БРЫК!

Наконец мы остановились, обливаясь потом. Фон во время танца несколько раз падал, теперь же его под руки проводили к трону и с почестями усадили. Он сиял и с трудом переводил дух. Фон похлопал меня по спине и сообщил, что мой танец «отличный, очень, очень много отличный». Мы с ним выпили немного мимбо и снова стали наблюдать за танцорами. Более всего эта вечеринка напоминала мне бальный зал в сумасшедшем доме, куда пришли Фред Астер и Виктор Сильвестр.

После двух часов непрерывных танцев Фон подозвал к себе одну из своих дочерей, девочку лет четырнадцати, и усадил ее ко мне на колени, заявив, что теперь она моя и я должен на ней жениться. Мне пришлось соображать очень быстро. Я беспомощно оглядел зал и впервые за все время заметил, что очень многие в толпе вооружены копьями. Я утер пот со лба и стал соображать, что же мне делать. Если я соглашусь, Фон может запомнить это и утром потребовать выполнения обещания. А сейчас он настолько пьян, что я должен отказаться с максимально возможным тактом, чтобы не обидеть его. Прежде всего я поблагодарил Фона за то, что он так любезно предложил мне свою дочь, однако же, сказал я, как мне известно, он отлично осведомлен о дурацких обычаях европейцев, и, следовательно, понимает, что англичанин при всем желании не может завести себе больше одной жены. Фон рассудительно закивал и согласился, что это дурацкий обычай. Поэтому, продолжал я, мне поневоле придется отклонить его в высшей степени лестное предложение — ведь у меня уже есть жена в Лондоне, и будет незаконно и далеко не безопасно привезти с собой туда вторую. Но я заверил Фона, что, не будь я женат, я бы с радостью женился на его дочери и провел в Беменде весь остаток своей жизни. Моя речь была встречена громкими криками и рукоплесканиями. Фон немного всплакнул оттого, что такому замечательному плану не суждено осуществиться. Затем вечеринка завершилась. Фон и все присутствующие проводили меня к лестнице, продолжая пританцовывать в ритме конги Даррелла. Ну и похмелье же меня ждет!»

Ловля диких животных всегда сопряжена с риском, как для животного, так и для человека, особенно если ловцы используют не самые испытанные способы поимки. Джеральду необходим был отдых, но поток животных не иссякал. В своем дневнике 21 марта он записал:

«Охотник принес мне самку обезьяны, которая попала в жесткий стальной капкан. На ноге у нее отсутствовали три пальца, нога загнила и распространяла ужасный запах. Бедная малютка пробыла в капкане не меньше двух дней. Как только я развязал ее, она легла и не шевелилась. Сначала я решил пристрелить ее, хотя эта идея меня совершенно не привлекала, но потом я подумал, что попробую вылечить несчастное создание. Сначала нужно было ее накормить. Обезьянка была истощена, и твердая пища сейчас была бы для нее вредна. Тогда я развел для нее молоко и насильно влил в нее полчашки. Обезьяна стала выглядеть получше. Затем я занялся ее ногой, которая была в таком плохом состоянии, что меня буквально тошнило. Кости пальцев были перебиты, и мне пришлось их полностью ампутировать. Затем я увидел, что подушечка ноги загноилась. Мне пришлось промыть ногу и нанести антисептическую мазь. Я перевязан ногу, положил обезьяну на одеяло и поместил в коробку, чтобы она могла немного отдохнуть. Примерно в пять часов она проснулась, немного поела и выпила еще молока, но вид ее ноги мне не нравился. Однако она не сорвала повязку, а для обезьяны это что-то да значит. Бедная малютка поняла, что я хочу помочь ей, и позволяла себя осматривать, хотя, когда к ее клетке подходили местные мальчишки, она очень пугалась. Надеюсь, я смогу ее спасти».

Джеральд в Бафуте вел увлекательную жизнь, переходил вброд реки, кишащие змеями, голыми руками ловил зверей в норах. Но в какой-то момент его стали преследовать неудачи. Возможно, удача от него отвернулась, возможно, виной всему стало нараставшее переутомление и излишняя самоуверенность. Он упустил несколько ценных животных, а некоторые промахи могли не только погубить его репутацию зверолова, но и просто стоить ему жизни.

Впервые смерть прошла рядом, когда он пытался сделать раненой кобре укол формалина в голову. Затем 22 марта взрослая белка Стрейнджера прокусила ему вену на запястье, и Джеральд истекал кровью, как «недорезаная свинья». Вскоре после этого на Джеральда напали три очень возбужденные смертельно ядовитые зеленые гадюки, а он был в одних шортах и сандалиях. «Господи, как же я подпрыгнул! — лаконично записал он в своем дневнике. — В тот момент я по-настоящему испугался».

24 марта Джеральд отправил свою коллекцию в Мамфе, «предоставив Смиту самому разбираться с кучей визжащих и ревущих животных». Джеральд явно переутомился и стал раздражительным, что особенно сильно проявлялось, когда шел дождь. В таком нервном, неуравновешенном состоянии он неосторожно взял голыми руками змею, которую принял за безобидную слепозмейку. Эту добычу принесла Джеральду жизнерадостная толстуха. 13 апреля, через две недели после последней записи, он смог описать в дневнике все, что произошло.

«Я заглянул в калебас и увидел тонкую змею, которую ошибочно принял за безобидную слепозмейку. Я вытряхнул змею на землю, чтобы получше рассмотреть. Змея показалась мне совершеннейшей слепозмейкой, и я смело взял ее в руки. Взглянув на нее, я с удивлением увидел пару больших, блестящих глаз, а ведь у слепозмеек глаз не бывает. И тогда, как последний дурак, я, вместо того чтобы бросить змею на землю, сообщил Пайосу, что у нее есть глаза. И когда я сделал это удивительное открытие, змея плавно повернула голову и вцепилась мне в палец.

Я бросил змею столь стремительно, словно она была раскаленной, зажал палец и бросился в дом. К счастью, Пайос отлично знал, что делать, и через три секунды мой палец уже был туго перетянут, а ранка, после мучительных моральных усилий, надрезана бритвой и засыпана марганцовкой. К этом времени палец уже распух и стал сильно болеть. Пульс мой, насколько я мог определить, оставался нормальным. Прошло десять минут после укуса».

Положение Джеральда было тяжелым. По справочнику он выяснил, что укусившая его змея была норной гадюкой, укус которой вызывает смерть от паралича сердца и нервной системы в течение двенадцати часов. Спасти жизнь зверолова могла только противозмеиная сыворотка, но в Бафуте ее не было. Джеральд сильно сомневался, что она есть где-либо еще. К счастью, в Беменде, в сорока милях от дворца Фона, жил врач-англичанин. Дорога туда заняла пять часов, но зато у врача оказалась сыворотка. Если бы сыворотки у него не было, Джеральд Малькольм Даррелл, двадцати

четырех Лет от роду, зверолов, скончался бы еще до наступления ночи. Вот что написал он в своем дневнике.

«Я сидел в полной панике, анализируя свои симптомы. Мальчика послали за шофером Фонова вездехода, чтобы тот отвез меня в Беменду. Я сомневался, что там есть сыворотка, но, по крайней мере, там был врач. Через полчаса мой палец и запястье распухли и стали сильно болеть. Кожа покраснела, скорее всего, из-за тугой повязки, но место укуса оставалось белым.

Прибежал шофер. Разумеется, чертов вездеход не желал заводиться. Его пришлось толкать по дороге. Я стоял на лестнице, прихлебывая коньяк и отчаянно матеря сотни две африканцев, которые толкали машину. Когда машина завелась, у меня уже распухли лимфатические узлы в обеих подмышках, а правая рука, куда меня укусила гадюка, горела огнем».

Правая рука Джеральда распухла, а лимфатические узлы увеличились до размера грецкого ореха. Голова и шея страшно болели, и чувствовал он себя «отвратительно».

«Мы неслись так быстро, как только позволяла дорога. Первую остановку мы сделали в британской миссии. Там была медсестра, которая не знача, что делать, но наложила мне две повязки на руку — одну на предплечье, а другую на бицепс. Они были настолько тугими, что рука моя за пару секунд посинела. Затем руководитель миссии отвез меня в Беменду на своей машине, более быстроходной, чем вездеход Фона. Примерно через час после укуса, я уже входил в дом доктора.

— Привет, Даррелл, — радостно приветствовал меня доктор. — Кто вас укусил?

К моему несказанному удивлению, у него оказалась сыворотка, и он сделал мне пять уколов — три в палец и два в руку. Уколы были весьма болезненными, у меня кружилась голова и было страшно больно. Когда доктор закончил свою работу, он щедрой рукой налил мне виски, за что я был ему очень признателен. Затем я принял горячую ванну и после легкого ужина отправился в постель. Рука моя все еще сильно болела, но чувства облегчения и усталости были столь сильны, что я уснул как убитый. Доктор сказал мне, что, когда я приехал, зрачки у меня уже были сильно сужены.

Рука продолжала болеть в течение нескольких дней, и я не мог ни продолжать свое эпическое повествование, ни ухаживать за животными. В конце недели я собирался вернуться в Мамфе без какой-либо стоящей добычи. Но затем, за день до моего отъезда, свершилось чудо! Я отдыхал после чая, когда вошел Пайос и сообщил, что человек принес «лесную собаку». Я подумал, что увижу очередную виверру или генетту. Парень принес большой мешок, из которого доносились весьма устрашающие звуки. Заглянув внутрь, я не смог удержаться от радостного восклицания. В мешке сидела почти взрослая золотистая кошка, разозленная до крайности».

В Лондонском зоопарке золотистой кошки не было вот уже пятьдесят лет.

В конце апреля Джеральду стало ясно, что у экспедиции возникли проблемы. Собирание зверей — это процесс, подчиняющийся вселенскому математическому закону. В каждом успехе таятся зерна будущих неудач: чем больше животных поймает зверолов, тем больше времени он должен будет тратить на уход за ними, а следовататьно, у него вовсе не останется времени на ловлю новых зверей. Хотя компаньоны ловили довольно мелких животных, некоторые из них в неволе заболевали. Каждый день несколько животных умирало от болезней, травм или неправильного питания. Подробный список пойманных зверей, составленный Джеральдом 26 апреля, гласил, что было поймано 394 животных, из них 34 сбежало, а 108 умерло — и половину из них составляли заветные сони-летяти. Процент потерь составлял почти 40%.

Однако беспристрастная статистика не способна охарактеризовать способности Джеральда как зверолова. Некоторых животных несложно содержать в неволе, другие очень трудно приспосабливаются. Некоторых содержать вообще невозможно — как, например, сонь-летяг. Способности зверолова определяются тем, насколько хорошо он ухаживает за пойманными животными — как заботится о них, в какой чистоте содержит клетки, насколько правильно их кормит и так далее. В этом смысле поведение Джеральда соответствовало самым высоким меркам. Но работа эта была очень, очень трудной. 28 апреля он записал в дневнике о том, что умерли королевская антилопа, одна волосатая лягушка и две сони-летяти. «Теперь у меня осталась только одна карликовая соня-летяга, — жаловался Джеральд. — Вчера вечером я дал им немного картошки и, к моей радости, они почти всю ее съели. Если бы я смог приучить их к этой пище, было бы несложно

доставить их в Англию живыми».

Питание животных превращалось в настоящий кошмар. Никто из плотоядных зверей не отказывался от козлятины, но подавать им это мясо следовало по-разному. Одни предпочитали мясо с кровью, другие любили жирные куски, третьи требовали, чтобы мясо рубили на мелкие кусочки. Насекомоядные птицы любили крылатых термитов, и Джеральд часами собирал этих насекомых по ночам при свете лампы. Крыланы предпочитали бананы в кожуре, броненосцы поедали яйца и молоко, но в рот не брали ничего сладкого. Золотистая кошка любила мозги, а совятам в пищу следовало добавлять немного ваты, чтобы сделать ее более грубой. Один вид обезьян питался только апельсинами, причем поедал кожуру, а мякоть выбрасывал. Кормление сонь-летяг вообще превратилось в неразрешимую загадку. «Я в жизни не встречал настолько упрямых созданий», — писал Джеральд.

Поймать и содержать в неволе крупных животных — слонов, гиппопотамов или леопардов — Джеральду оказалось не под силу. Финансовое состояние экспедиции близилось к краху. Хуже того, разрешение на поимку гориллы было отозвано, хотя Джеральд все еще надеялся поймать животное во французской части Камеруна. Он собирался поймать гиппопотама из стада, которое обитало в реке Мамфе неподалеку от основного лагеря экспедиции, устроив ловушку на одной из троп, по которым ходили эти гиганты. Но этот план целиком зависел от помощи вольных охотников на гиппопотамов, которых Джеральд нанял для выполнения этой задачи. «По-прежнему никаких признаков появления чертовых охотников на гиппопотамов, — писал он в дневнике 24 апреля. — Если мы не поймаем бегемота, мы будем полностью разорены и никогда больше не сможем ловить животных». В отчаянии Джеральд слышал ворчание и плюхание гиппопотамов ниже по течению, примерно в двухстах ярдах от лагеря. «Черт бы побрал этих ублюдков! — писал он о ненадежных охотниках. — Черт бы побрал чиновников из зоопарков, которые считают ловлю зверей плевым занятием!»

Хотя Кен Смит убеждал его, что они поймали зверей достаточно, чтобы оправдать стоимость экспедиции, у них оставалось всего 50 фунтов. 28 апреля Джеральд вынужден был написать матери письмо с просьбой выслать денег. «Сотня-другая полностью нас выручит, — писал он. — Не волнуйся о том, что я не смогу вернуть тебе эти деньги, потому что мы совершенно определенно сумеем продать своих животных не меньше чем за тысячу фунтов. Это не считая гиппопотама. Если мы поймаем гиппопотама, мы получим прибыль, и приличную. А шансы на поимку этого зверя — девяносто к десяти. Если ты не сможешь одолжить нам денег, не волнуйся. Мы можем как-нибудь продержаться». Несколько дней спустя Кен написал письмо миссис Даррелл и Лесли в еще более несчастном тоне. В своем послании он оценивал собранную ими коллекцию в две с половиной тысячи фунтов (примерно пятьдесят тысяч по современным меркам) «по минимальным рыночным ценам».

Итак, гиппопотам должен был решить судьбу экспедиции. Несколько попыток поймать животное из ближайшей колонии не увенчались успехом, к великому облегчению Смита, который считал, что им не поймать и не довезти до Англии такое крупное животное. «Если бы твоя мать знала, что я отпускаю тебя на эту чертову отмель, где бродят гиппопотамы, без охраны, — заявил он Джеральду после очередной ночной вылазки, — она бы никогда меня не простила».

Крестьяне из ближайших деревень не одобряли попыток поймать гиппопотама, поскольку место, где они обитали, считалось заколдованным. Джеральду посоветовали отправиться подальше, в район Ассагема (четыре часа на каноэ ниже по течению). 30 апреля он предпринял последнюю попытку поймать гиппопотама. «Вчера Джеральд отправился в Ассагем, — писал Смит в письме к многострадальной миссис Даррелл, — чтобы попытаться все же поймать гиппопотама. Я убеждал его в необходимости соблюдать осторожность и не рисковать. Надеюсь, мои усилия не пропадут даром».

Тропики Камеруна состояли из рек, окружающих их лесов. Лес был глухим, а порой и враждебным — сокровищница живой природы, обра^ щаться с которой и восхищаться которой следовало с осторожностью. Река же, наоборот, была открытой и дружественной — сверкающая голубая лента, где животный мир изменялся с удивительной скоростью. 30 апреля Джеральд описал в своем дневнике впечатления от путешествия в Ассагем; Здесь его писательский дар проявился в полную силу.

«Каноэ прибыло почти вовремя. Мы стащили багаж вниз с холма на песчаную отмель и погрузили все в лодку. Мы оттолкнулись и отдались на волю течения. Стоило нам покинуть места, обитаемые человеком, как мы попали в настоящие джунгли.

Я решил, что путешествовать по африканской реке в каноэ — это самое замечательное и прекрасное занятие, какое только можно себе представить. На протяжении трех миль река была очень спокойной, ровная вода черным зеркалом раскинулась между серых, скалистых берегов. Лес по берегам реки был совершенно непролазным, деревья и кустарники сплелись, образуя непроходимые заросли. Две зеленые линии обрамляли реку так далеко, как только хватало глаз. Можно было увидеть все оттенки зеленого — яркие, сверкающие и нежные, пастельные: зелень нефрита, оливок, бутылочного стекла, изумруда, шартреза — листья и ветки сплетались в удивительную филигрань. Даже серые скалы были покрыты, порой полностью, ковром колышущихся под ветром папоротников и пятнами поблескивающего мха.

Мы миновали несколько отмелей. Белоснежный, как слоновая кость, песок блестел на солнце. Повсюду валялись выбеленные временем стволы поваленных деревьев. Лес замер в молчании. Единственными звуками, нарушавшими это молчание, было пение цикад, тихое, хрипловатое, печальное воркование изумрудных горлиц и ленивое, спокойное плюханье весел о воду. Вдалеке звуки, издаваемые насекомыми и птицами, перекрывались неясным рокотом. Постепенно он становился все громче, и вскоре из тихого ворчания превратился в угрожающий мощный рев. Спокойные до сей поры воды вскипели, мы почувствовали, как начало раскачиваться на волнах наше каноэ. По воде пошли длинные, сверкающие, черные волны, без-жалостно раскачивающие хрупкую лодочку. Мы перестали грести — всего несколько движений, чтобы удержать каноэ на верном курсе, а все остальное предоставили реке. Мы достигли излучины. Посреди реки торчали огромные острые скалы, напоминавшие скелет какого-то доисторического монстра. Река разделилась на несколько рукавов. Огибая скалы, вода пенилась, тысячи брызг взлетали в воздух, образуя множество мелких радуг. Рев воды стал настолько громким, что мы почти не слышали друг друга. Каноэ неслось вперед, и какое-то время нам казалось, что мы вот-вот разобьемся о скалы. Но внезапно течение успокоилось, и вот мы уже снова скользим по ровной водной глади. Мы оказались на мелководье, в сонном царстве, где вода лениво перекатывает мелкие камешки.

Подобное речное путешествие идеально во многих отношениях. Мы плыли достаточно медленно, чтобы иметь возможность внимательно рассмотреть все вокруг. Перед нами разворачивалась великолепная картина леса, словно кто-то специально для нас сделал срез и позволил увидеть все ярусы тропических джунглей. Мы видели крохотные наземные растения и лохматые вершины лесных гигантов, высота которых достигала нескольких сотен футов. Надо всем царил ленивый покой — теплая вода, лес, уходящий за горизонт, красота девственной природы.

Порой река изгибалась, образуя глубокие бассейны с тенистыми берегами. Из глубин поднимались гиппопотамы и провожали нас внимательным, но вполне дружелюбным взглядом. Затем они плюхались в воду, и только расходящиеся круги и поднимающиеся на поверхность серебристые пузырьки показывали, что здесь только что был речной гигант. На отмелях мы купались. Рыбки нас совершенно не боялись. Крохотные серебристые создания кружились вокруг нас и тыкались в наши ноги. Мы проплыли мимо стаи обезьян, спустившихся к реке на водопой. Они галдели и кричали, по-видимому, отпуская в наш адрес нелестные замечания. А потом поднялся просто оглушительный шум — на отмели стояла взрослая антилопа, первая, которую мне довелось увидеть в этом лесу. Она была прекрасна — блестящую каштановую шкуру покрывали широкие белые полосы и пятна, издалека напоминавшие странную надпись. Охотники закричали, чтобы я стрелял. Чувствуя, что мне нужно поддержать свою репутацию, я тщательно прицелился куда-то на пятьдесят ярдов правее антилопы и выстрелил.

Раздались крики разочарования, а Пайос подозрительно покосился на меня. Он-то знал, что стрелок я отменный. Антилопа какое-то мгновение стояла спокойно, а потом бросилась бежать и, к моей радости, скрылась в джунглях.

В Ассагем мы прибыли около четырех. Это маленькая деревушка, где живет около семидесяти человек, шестьдесят из которых находятся в весьма преклонном возрасте, зато оставшиеся десять вполне молоды и полны сил. Меня встретил вождь племени, грязный старик, страдавший таким количеством болезней, что, казалось, стоит дунуть на него, и он рассыплется на мелкие кусочки. Он отвел меня в хижину шамана, где мне предстояло расположиться. Я распаковал свой багаж и устроил себе постель под белыми черепами, несколькими тамтамами и другими предметами «народной медицины». Потом я отправился в лее, прошел около пяти миль и видел массу животных, в том числе и огромную стаю обезьян, несшуюся куда-то по верхушкам деревьев. Они производили ужасающий шум --их крики смешивались со свистом листьев, когда они перелетали с

ветки на ветку. Я вернулся домой и уснул как убитый».

События следующих двух дней были самыми безрадостными в короткой карьере Джеральда в качестве зверолова. Он планировал поймать детеныша гиппопотама, а железное правило реки гласило, что сделать это, не убив его родителей, невозможно, поскольку разгневанный гиппопотам превращается в весьма опасное животное.

Около шести утра 1 мая Джеральд с небольшой группой охотников вышли из Ассагема и поднялись вверх по течению реки, где они нашли небольшое стадо, состоявшее из самца, самки и детеныша подходящего возраста. «Мы собирались застрелить взрослых гиппопотамов, — писал Джеральд, — а после этого поймать детеныша не составило бы труда. Я высадился на берег и направился в лес, чтобы найти удобное место для стрельбы. Первый выстрел оказался неудачным — я никогда до этого не стрелял из тяжелого ружья и не учел отдачу. Самка гиппопотама с плеском ушла на глубину. Я подумал, что она уплывет, но она всплыла всего в нескольких ярдах правее. На этот раз я попал ей прямо между глаз». В какую-то долю секунды Джеральд Даррелл совершенно по-иному оценил свой поступок. Он с ужасом смотрел на дело рук своих. «Она камнем ушла в мутную воду, а я страшно расстроился».

Но предстояло еще застрелить самца. «Я чувствовал, что должен постараться избавиться от него, не убивая, — записал Джеральд в дневнике тем вечером, — так как и одного убитого гиппопотама мне было больше чем достаточно. Мы сели в каноэ и поплыли по направлению к нему. Я стал стрелять в воду, чтобы отпугнуть зверя. Так мы гнали его примерно две мили вниз по течению. Гиппопотам ревел, сопел. В один момент он выглядел так угрожающе, что мы подумали, что он вот-вот набросится на нас».

Итак, самка была убита, а самца удалось отогнать достаточно далеко. Казалось, поймать детеныша не составит труда. Но его нигде не было видно. Судя по всему, он тоже ушел на глубину. Поскольку детеныш исчез, было решено, что он стал жертвой крокодила, тем более что поблизости действительно всплыл крокодил — именно там, где в последний раз видели детеныша. «Удовлетворенное выражение крокодильей морды вывело меня из себя, — записал в дневнике Джеральд, — и я влепил ему пулю между глаз». Как он и опасался, в желудке крокодила они обнаружили останки детеныша гиппопотама — «черт бы побрал кровожадную тварь!».

Позже охотники вытащили тушу самки гиппопотама со дна и транспортировали ее в деревню, где ее обглодали до скелета голодные жители деревни. Африканцы набросились на огромного зверя, «как стая диких зверей, они дрались, толкались, кричали и рыдали». Одна старуха тащила ребро, которое было больше ее самой, а за ней неслись голодные старики и пытались отнять у нее ее добычу. «Она была очень старой, — вспоминал Джеральд. — Старуха была в двадцати футах от берега, когда ее догнали. Ребро и его владелица исчезли в толпе — повсюду виднелись ножи, раздавались отчаянные крики. Старухе наконец удалось выбраться, и она со слезами и причитаниями побрела по берегу, зажимая глубокий порез на лбу. Я отрезал большой кусок мяса и отдал его несчастной старухе, а затем проводил ее до дома, чтобы никто не отобрал у нее мой подарок. Там я промыл рану. Теперь, как только она меня видит, начинает пританцовывать и хлопает в ладоши».

Подавленный неудачей, Джеральд записал в дневнике: «Даже не думал, что все это меня так расстроит. Если бы мне удалось поймать детеныша, я бы не так переживал из-за того, что мне пришлось убить самку, но до чего же стыдно убить огромное, ленивое, забавное животное без всякой причины!»

Насколько известно, несчастная самка гиппопотама и крокодил были последними животными, погибшими от руки Джеральда Даррелла. Когда четыре года спустя он написал свою знаменитую книгу о путешествии в Камерун «Гончие Бафута», то не стал писать о своих охотничьих подвигах, поскольку ему явно хотелось об этом забыть. В последующие годы его выводили из себя даже отдаленные звуки охоты на фазанов. Он не мог смириться с тем, что эти прекрасные создания погибают от рук охотников. Браконьер в нем окончательно уступил место ревностному охранителю природы. «Для меня путь в Дамаск был очень длительной дорогой с односторонним движением», — признавался он много лет спустя. Именно охота на гиппопотама возле Ассагема открыла ему глаза.

Два гиппопотама были мертвы, и тем самым Джеральд исчерпал лимиты своего разрешения. В подавленном настроении он вернулся в Бакебе и остановился в огромном доме со стенами в три фута толщиной. «Укрывшись от мира, — записал он в своем дневнике 10 мая, — я послал за мест-

ными охотниками, чтобы поймать кое-каких зверей с французской стороны горы Нда-Али».

Этот амбициозный замысел так и не осуществился, все шло не по плану. Удача окончательно отвернулась от Джеральда. Сначала он свалился с песчаной лихорадкой. Хотя охотники установили множество ловушек, в том числе три на леопарда, толку от них не было. Особенно угнетало Джеральда то, что они не могут поймать леопардов, так как всю ночь он слышал их рычание, а днем их можно было увидеть невооруженным глазом. Ни один из этих зверей не соблазнился свежим мясом, разложенным в качестве приманки. Джеральд писал, что его охотники, многие из которых были поклонниками Великого Леопарда, верили, что в этих животных вселяются души их умерших предков, поэтому ловушки Джеральда совершенно бесполезны.

Неприятности следовали одна за другой. С 14 до 22 мая Джеральд вообще не прикасался к дневнику. 23 мая он записал: «Здесь все валится из рук. Нам не удалось поймать ни одного зверя, да еще и эта проклятая песчаная лихорадка. Я получил очень грубое письмо от Кена, в котором он обвиняет меня в бездействии. Я послал ему резкую отповедь и сегодня получил его извинения».

Несмотря на раздражение, Джеральд не мог оставаться равнодушным к очарованию Африки. В конце мая он записал в своем дневнике:

«Сегодня, к своему удивлению, я проснулся в половине шестого. Только что рассвело. Я поднялся с постели и увидел самую красивую и незабываемую картину, какую мне только доводилось видеть в своей жизни.

Белый как снег туман начинал рассеиваться и редеть. Он поднимался в небо, открывая взору лес и горы. Нефритово-зеленые лесистые склоны гор поднимались из белого тумана. Они напоминали темные острова посреди белоснежного моря. Небо отливало яблочной зеленью. Солнце только собиралось подниматься из-за леса, и на востоке туман слегка золотился. По мере того как солнце поднималось все выше и выше, небо из зеленого становилось золотым, а потом нежно-розовым. Внизу в деревнях закричали петухи, на фоне розового неба пролетели три птицы-носорога, издавая присущие этим птицам дикие, истерические крики».

Джеральд неподвижно стоял, смиренно впитывая эту красоту. Ноги его приросли к земле, он не мог оторвать глаз от открывающейся перед ним картины. Здесь он с особой силой ощутил зов природы. Эта картина оста? лась в его памяти навсегда, он вспоминал ее в разное время и в разные местах. Он видел потерянный рай.

Камерунский дневник заканчивается 23 мая. Две недели спустя Джеральд отправил письмо матери, и, кроме этого послания, иных письменных свидетельств африканского путешествия не осталось. В конце месяца Кен Смит написал Лесли, благодаря его за присланные деньги, которые помогли звероловам успешно завершить свое путешествие. Джерри все еще оставался в Бакебе, но вскоре вернулся в Мамфе. Джеральд и Кен стали сворачивать лагерь, собираясь перебраться на побережье и дожидаться корабля. К сожалению, в это время начались сильные затяжные дожди. «Большую часть дня и ночи идут проливные дожди, сопровождающиеся страшными грозами. К счастью, добрый старый тент с честью выдерживает это испытание, в противном случае, мы промокли бы насквозь. Даже странно подумать, что всего через восемь недель мы окажемся в Англии».

Затем случилось несчастье. Два англичанина прибыли в Камерун в надежде заполучить молодую гориллу, которую им пообещали. Они даже отказались от возможности отплыть из Тико 3 июня, считая, что высокая цена на горилл в Британии с лихвой покроет все расходы, связанные с дополнительным пребыванием в Африке. Но гориллу так и не привезли, а следующий корабль отплывал только через два месяца. Джеральд и Кен остались на побережье под проливными дождями. Ни гориллы, ни денег, ни корабля — обстоятельства складывались так кошмарно, что Джеральд был вынужден продать свое великолепное ружье и дробовик, а также все, без чего можно было обойтись. 8 июня он написал матери:

«Мы сможем отплыть только 6 августа, так что домой прибудем не раньше 20-го. Наше положение таково, что мы можем многое продать по чертовски низким ценам и расплатиться с долгами, но не думаю, что у нас останется достаточно денег, чтобы снова отправиться в экспедицию. Эта мысль нас страшно огорчает, и мы используем любую возможность, чтобы заполучить какое-нибудь крупное животное, пока мы еще в Африке. Наша коллекция в зоологическом плане великолепна, но нам нужны крупные животные, которых зоопарки с радостью бы приобрели для своей идиотской публики».

Запертый в Мамфе Джеральд все чаще обращается мыслями к родному дому и особенно к оставленным в Англии подружкам: «Попроси Марго, если ты, конечно, ее увидишь, передать приветы Розмари и Конни из Бари Клуба. Что случилось с Дианой (Урсулой)? Она написала мне весьма холодное письмо...»

Теперь Джеральд и его компаньон поменялись местами. Теперь уже Кен Смит отправлялся на вылазки, в джунгли и горы, стараясь за оставшееся время поближе познакомиться с местной природой. «Это была его первая вылазка, — писал Джеральд, — и он радовался, как школьник. Он заслужил эту радость».

Бесконечная работа по уборке клеток и кормлению животных в базовом лагере была столь же увлекательна, как ловля зверей в джунглях. Джеральд писал домой:

«Отправляясь в буш, вы видите новые места и ловите новых животных. В лагере же можно по-настоящему изучить животное. Каждый день приносит новые открытия. Например, Мэри, самка шимпанзе, каждое угро умывается, а к вечеру ее солома уже вся в грязи. Поэтому, прежде чем улечься, она выкидывает грязную солому из клетки и спит на чистой, свежей подстилке. Она любит лежать на спине и ласково смотреть на того, кто станет с ней играть. Если шлепнуть ее по заду, она прикрывает его ладонями и разражается хихиканьем. Мэри безумно любит одежду. Она подманивает людей к своей клетке, похлопывая себя по животу или выделывая сальто, а когда человек оказывается в пределах досягаемости, она протягивает руку и с резким звуком срывает с несчастного рубашку или другое одеяние. Голый африканец с возмущешгем смотрит, как Мэри натягивает на себя его одежду и жеманится. Оба шимпанзе так растолстели, что с трудом двигаются. Как-то раз я решил проверить, насколько жаден Чарльз, самец шимпанзе. Я просовывал через решетку бананы, и он хватал их всеми руками и ногами и засовывал в рот сразу по два. И несмотря на это, он начинал кричать, стоило мне остановиться. Он ужасно боится щекотки. Стоит коснуться его шеи, как он тут же заливается беспомощным смехом».

Джеральд больше не был простым наемником, звероловом и охотником. Хотя у него не было формального образования, постоянное близкое общение с более чем тремястами животными самых различных видов, наблюдение и изучение их внешнего вида, привычек и повадок, а также изучение среды их обитания дало ему возможность получить такую полевую практику, какой мог бы позавидовать любой дипломированный зоолог мира. Знания в области поведения животных у Джеральда Даррелла были просто безграничными. Из зверолова он превратился в настоящего зоологического полиглота.

«Ни одно животное не похоже на другое, — писал он позже. — Они могут раздражать, беспокоить, выводить из себя, но с ними никогда не заскучаешь. Они отличаются друг от друга, как люди. Среди них есть выдающиеся особи, прирожденные комики, отличные ребята, трудные подростки, жадины, любознательные исследователи, лицемеры, умственно отсталые, особи с расщеплением личности и так далее. Наблюдение за пойманными животными — самая большая радость любой экспедиции. Так что я быстро разделался с человеком, который сказал мне как-то, что не понимает, как я могу так любить животных, ведь они такие скучные и похожи друг на друга».

Но работа по уходу за животными была очень трудна. «У меня не остается времени ни на что, даже на сон, — писал Джеральд матери. — Не успеваешь в полночь накормить рыжих водосвинок, как оказывается, что уже рассвет и надо приступать к чистке клеток». Только после кормления ночных животных можно было немного расслабиться. «У меня есть три благословенных часа. В это время я могу заняться чем угодно — как правило, находится два-три вида, которых надо было бы заспиртовать, и парочка тех, с кого нужно снять шкурку. Затем можно принять ванну, немного передохнуть, кое-что записать в дневник и отправляться кормить га-лаго и рыжих водосвинок. Затем нужно отнести последнюю бутылочку последнему детенышу — и можно падать в постель». Если звероловов приглашали на обед, то, как вспоминает Джеральд, «нам так хотелось спать, что беседа с нами была не более содержательна, чем разговор с книжным шкафом».

Недели шли, дожди не прекращались, трава становилась все гуще, насекомых становилось все больше, и животные стали страдать. А тут еще Кен Смит вернулся с холмов с очередной партией животных. В конце июля коллекция звероловов пополнилась на пятьсот животных, в том числе крайне редких и интересных. Джеральд больше не был простым звероловом, он хотел узнать о

пойманных им животных все, что только возможно. Наконец в начале августа настало время сворачивать лагерь и перевозить коллекцию в Тико, чтобы отправляться в Англию. «Это было самое ужасное путешествие в моей жизни», — вспоминал Джеральд.

Для перевозки животных потребовалось три грузовика и большой фургон. Ехали по ночам, чтобы зверям не было жарко. Каждые три часа приходилось останавливаться, чтобы сбрызнуть коробки с лягушками холодной водой. Ночью нужно было делать две остановки, чтобы накормить детенышей теплым молоком из заранее приготовленных термосов. На рассвете машины останавливались и разгружались. Клетки устанавливались в тени деревьев, и начиналась привычная работа по уборке и кормлению. Утром 7 августа караван достиг доков. Животных стали грузить на грузовой корабль — тот же самый, на котором Джеральд возвращался домой в прошлом году.

Оставалось еще одно неприятное дело. Джеральду сообщили, что на банановой плантации неподалеку от порта рыли дренажные канавы и обнаружили там массу змей. Несмотря на то что он недавно чуть не умер от укуса змеи, Джеральд не смог устоять перед искушением посмотреть на змей. Но обстоятельства складывались неблагоприятно. Во-первых, время поджимало, и отправиться на плантацию можно было только ночью, во-вторых, змеи оказались габонскими гадюками — наиболее ядовитыми змеями Западной Африки. Габонские гадюки не только очень ядовиты, но еще и обладают длинными зубами. Это позволяет им вводить яд глубоко в тело жертвы, что приводит к быстрой смерти. Мало того, габонские гадюки охотятся по ночам, так что в это время они особенно активны.

Со всей осторожностью Джеральд спустился в гадючью канаву на веревке, вооружившись моргающей лампочкой, мешком и рогатиной. Спускаясь, он слышал протестующее шипение и видел, что под ним свиваются в кольца примерно тридцать крупных гадюк. Это было самое страшное и опасное приключение за всю звероловскую карьеру Джеральда. От него требовались недюжинная храбрость и хладнокровие, а также умение обращаться со столь опасными созданиями. Примерно полчаса Джеральд находился в яме. Он потерял один ботинок, лампочка погасла, и он остался в темноте в окружении разъяренных змей. Затем его вытащили наверх. В мешке Джеральда сидела дюжина ядовитейших змей. «Я сел на землю, — вспоминал он, — закурил сигарету и попытался умерить дрожь в руках. Теперь, когда опасность была позади, я начал понимать, какую ужасную глупость я только что совершил и как мне страшно повезло, что я остался жив!»

На следующий день корабль отплыл в Англию. Главной задачей Джеральда было довезти до Британии живыми сонь-летяг. Эти создания полюбили авокадо, и хотя в Камеруне был не сезон авокадо, звероловам удалось добыть немного этого овоща из личных запасов капитана. Но, несмотря на все их усилия, проделав путь в четыре тысячи миль, в одном дне пути до Ливерпуля последняя соня сдохла. Хотя большинство животных перенесло путь очень хорошо, Джеральд был очень огорчен потерей своей драгоценной летяги. «Я был страшно подавлен, — писал он, — и впал в полнейшую депрессию».

Возвращение в Англию нельзя назвать очень радостным. Корабль вошел в доки Ливерпуля 25 августа 1949 года. Однако Джеральду и Кену Смиту было чем гордиться. Они преодолели болезни, трудности, лишения, опасности, одиночество, укусы ядовитых змей и ужасы Африки. Они сумели справиться с трудной задачей перемещений по Камеруну — на разваливающихся грузовиках по шатким мостам над бездонными пропастями. И они привезли в Англию более пятисот животных семидесяти видов в 139 контейнерах. В восьмидесяти восьми ящиках были млекопитающие, в сорока двух рептилии, в четырнадцати птицы и в двух сухопутные крабы. Экспедиция обошлась в две с половиной тысячи фунтов и принесла скромную прибыль около четырехсот фунтов, не считая оборудования, которое можно было продать за девятьсот. Это было существенное достижение.

Пресса тоже разделяла такое мнение. На борт поднялись репортеры крупнейших газет, сверкали вспышки фотоаппаратов. «Двое англичан на новом Ноевом ковчеге» — - гласил заголовок «Дейли экспресс». «Смелые охотники привезли 500 зверей», — писала «Стар». Следом за журналистами прибыли представители Лондонского, Эдинбургского, Манчестерского, Бристольского, Пейтонского, Честерского и Дублинского зоопарков, а также импортер животных Роберт Джексон, которого особенно интересовали змеи. Они толпились на палубе, обсуждая цены и зоологическую ценность того или иного животного, рассматривали волосатых лягушек, усатых обезьян и шипящую золотистую кошку. Фургоны и грузовики выстроились на берегу длинной чередой, и сделки были заключены. Примерно треть животных приобрел Честерский зоопарк, Лондонский соблазнился особо редкими животными, многих из которых никогда не видели на туманном Альбионе. Лондонский зоопарк приобрел волосатую лягушку и множество насекомых.

Хотя звероловам и не удалось привезти крупных животных, привлекающих внимание публики, более мелкие животные, привезенные экспедицией, вызывали всеобщий интерес. «Докеры, разгружавшие бананы, с изумлением прекратили свою работу, увидев высокого молодого блондина, который засунул руки в деревянную клетку и вытащил оттуда извивающуюся черную тварь с длинными, мохнатыми лапами — первое создание подобного вида, когда-либо появившееся в Англии, — писала газета «Йоркшир пост». — Первое знакомство с Британией явно не удовлетворило волосатую лягушку. Она возмущенно заквакала и забила своими волосатыми лапами».

Звероловы уже в пиджаках и галстуках позировали для фотографов — лысеющий Кен Смит прижимал к груди детеныша крокодила, а взъерошенный Джеральд Даррелл держал на руках маленького гвенона или поглаживал усатую обезьяну, примостившуюся на его плече. Сердца всех журналистов завоевал шимпанзе Чарли, но все их внимание было приковано в Джеральду. «Удивительный молодой человек, — писал один из Журналистов, — с красивым худощавым лицом, длинными пальцами и в костюме отличного покроя». Другие воспринимали Джеральда иначе. «На первый взгляд, — писала газета «Иллюстрейтед Лондон ньюз», — двадцатичетырехлетнего Джеральда Даррелла можно принять за преуспевающего фермера. У него ясные глаза, здоровый цвет лица и широкие плечи, как у всех, кто живет и работает на свежем воздухе. Однако его речь заставляет забыть о картофеле и коровах. Его привлекают совершенно иные аспекты живой природы». Действительно, змеиные укусы, охота на гиппопотамов, колдовские проклятия на леопардовых ловушках и охота с гончими на бескрайних просторах Бафута были далеки от картофеля и коров. Так Джеральд впервые столкнулся с прессой. Он был звездой, хотя всего лишь на пару дней. Он уже ступил на путь, которого еще не осознал.

Еще не спустившись на берег, Джеральд сообщил, что они с Кеном Смитом планируют через несколько месяцев отправиться в третью экспедицию — на этот раз в Южную Америку. Но хотя все мысли Джеральда были прикованы к обитателям джунглей, его ждала новая встреча, существенно повлиявшая на его дальнейшую жизнь. В списке британских зоопарков, которые он собирался посетить, последним значился зоопарк Манчестера.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ЗАВОЕВАНИЕ НОВОГО МИРА: ЛЮБОВЬ И БРАК 1949-1951

Джеральд Даррелл относился к числу тех мужчин, которые искренне любят женщин. Выросший в теплой, уютной атмосфере дома, управляемого женской рукой, он всегда считал женщину источником комфорта и безопасности, а став подростком, увидел в ней и кое-что еще. Как показывают его развлечения во Дворце морских свинок в Уипснейдском зоопарке, Джеральд вел себя точно так же, как любой нормальный молодой человек его лет. Он был весьма привлекателен: светлые прямые волосы, артистически спадавшие на лоб, честные голубые глаза, открытая улыбка, квадратная челюсть и удлиненное аристократическое лицо. Все это могло очаровать любую женщину. Но сильнее всего женщин привлекала неординарная личность Джеральда, его обаяние и чувство юмора.

Вернувшись в Англию, Джеральд использовал любую возможность, чтобы компенсировать себе вынужденное полугодовое воздержание. По вопросам, связанным с зоопарками, ему пришлось исколесить всю страну от Честера до Дадли и Веллингборо. В середине сентября он оказался в Манчестере, где ему предстояло решить кое-какие вопросы с зоопарком Бель-Вью. Он остановился в маленьком отеле, владельцем которого был мистер Джон Томас Вулфенден. Прибытие в эту скромную гостиницу стало поворотным моментом жизни Джеральда, хотя он об этом еще не догадывался.

В то время в отеле проживали балерины из кордебалета Оперы «Сэдлерз Уэллс». Театр прибыл в Манчестер с двухнедельными гастролями. Прибытие обаятельного молодого путешественника и зверолова произвело на юных дам определенное впечатление. Не меньшее впечатление Джеральд Даррелл произвел и на девятнадцатилетнюю дочь владельца гостиницы — яркую, но весьма сдержанную девушку по имени Джаклин, которую все звали Джеки. Позднее она вспоминала, что «болтливые балерины постоянно щебетати о некоем восхитительном мужчине, воплощении мечтаний любой женщины. А потом одним дождливым воскресным утром покой нашей гостиницы нарушила толпа этих несносных созданий, следом за которыми вошел спокойный,

симпатичный молодой человек, похожий на Руперта Брука. Судя по идиотскому поведению дамочек, этот мужчина мог быть (и был) только самим Чудо-мужчиной».

Джеки всегда с презрением относилась к людям, которых считала «поверхностными, испорченными экстравертами». К этой категории она поначалу отнесла и Джеральда Даррелла. Больше всего он напоминал ей американского киноактера Дэна Эндрюза, а вел себя, словно петух, попавший в курятник. Заметив, что Джеки разглядывает его, Джеральд внимательно посмотрел на нее. Их глаза впервые встретились, он уставился на нее, «словно василиск», и бедная девушка в смущении ретировалась. Воспоминания о первой встрече в заполненной людьми комнате сохранились и у Джеральда: «Возле камина в окружении всех этих девушек сидело создание, более всего напомнившее мне нахохлившегося птенчика. Я помню этот момент в мельчайших деталях. Помню, как подумал тогда: «Господи, да ведь она просто красавица!»

Джеки поспешно покинула гостиную и постаралась в ближайшие дни свести свое общение с мистером Дарреллом к минимуму. Вскоре она узнала, что у Джеральда роман сразу с тремя балеринами, остановившимися в отеле ее отца (сам Джеральд впоследствии припоминал только одну). Этот факт еще более укрепил ее в нежелании иметь ничего общего с таким неприятным, но, к счастью, временным постояльцем.

Джеральд пробыл в гостинице еще две недели. Они с Джеки практически не встречались. Но как-то утром мачеха попросила ее проводить мистера Даррелла на станцию, поскольку он (трудно поверить!) не имел ни малейшего представления о том, где она находится. Джеки согласилась, хотя особою энтузиазма не проявила. Она вспоминала: «Убедившись в том, что я не в восторге от его общества, мистер Даррелл пустил в ход все свое обаяние, которое действовало на женщин совершенно неотразимо. Когда же ему не удалось добиться ощутимых результатов, он воспользовался присущим ему чувством юмора. К моему смущению, ему удалось рассмешить меня — причем так, что я даже пожалела об его отъезде».

Не рассчитывая встретиться с Джеральдом снова, Джеки благополучно о нем забыла и сосредоточилась на занятиях вокалом — она собиралась стать оперной певицей. У нее был прекрасный голос — глубокое контральто, — суливший ей прекрасное будущее. По совету преподавателя Джеки даже взяла псевдоним — из Вулфенден она стала Рейзен. Такая фамилия более соответствовала карьере оперной певицы. Какой же шок испытала будущая примадонна, когда поздней осенью дверь гостиницы, пережившей капитальный ремонт, отворилась и на пороге снова появился учтивый молодой человек. Джеральд собирался отправиться за животными в Британскую Гвиану и объезжал английские зоопарки, принимая заказы. Хотя большую часть времени молодой зверолов проводил вне отеля, все вечера он сидел в гостиной и ужинал вместе с семьей, «обмениваясь игривым» шутками с моей мачехой и ведя с отцом долгие, бесконечные беседы о текущих событиях. Он очень скоро подружился со всеми, кроме меня»

Джеральд отлично сознавал, как к нему относится Джеки, но это не остановило его, когда он решил пригласить ее поужинать в ресторане. «Эта идея мне понравилась, — вспоминала Джеки. — В тот момент у меня не было кавалера, и я подумала, что мне будет приятно провести вечер с таким «светским львом». К своему удивлению, я обнаружила, что вечер удался на славу. Нам было очень хорошо вместе». Приключения Джеральда в Африке казались Джеки очень увлекательными, а рассказы о необычной семье и о годах, проведенных на Корфу, ее совершенно очаровали. У Джеки никогда не было настоящей семьи. Ее родители развелись, когда ей было всего два года. Несколько лет девочка жила в семьях родственников. Неудивительно, что она завидовала счастливому, безоблачному детству своего спутника. Очень скоро она рассказала ему то, о чем никогда и никому не рассказывала. «Ко времени возвращения домой, — вспоминала она, — я полностью избавилась от чувства недоверия и враждебности. Я почувствовала, что наконец-то обрела друга, с которым можно поговорить и расслабиться».

Через пару дней Джеральд уехал. Подготовка к новой экспедиции требовала много времени и сил. До самого отъезда он не давал о себе знать.

В начале 1950 года Джеральд поднялся на борт маленького, грязного грузового корабля, стоявшего в Ливерпульском порту. К этому времени он уже считался одним из крупнейших звероловов Британии. С ним сотрудничали все ведущие зоопарки страны. Профессия зверолова позволяла Джеральду удовлетворять свою страсть к животным. Он вспоминал, что в тот момент на каждого знакомого ему человека приходилось более сотни не менее знакомых животных. Но ловля зверей не способствовала быстрому обогащению. Просто Джеральд не мог себе представить иного занятия. «Если говорить о моей работе, — скромно признавался он в письме к приятелю, — то я

просто не могу представить себя, занимающимся чем-либо еще, даже если бы мне этого очень захотелось. Навыки мои весьма скромны. Я могу переносить змеиные укусы, управлять неустойчивым каноэ умею стрелять, объезжать лошадей, перемещаться по тропическому лесу и часами неподвижно сидеть в засадах. Это практически все, что я умею. К счастью, в профессии зверолова никакие другие навыки мне не требуются».

27 января Джеральд высадился в Британской Гвиане. Он впервые ступил на землю Нового Света:

«Гвиана оказалась совершенно восхитительным местом. Она совершенно не походила на те страны, где я бывал прежде. Я словно попал в огромный цветочный магазин. Каждое дерево и кустарник были покрыты цветами. Я слышал странные звуки, объяснить происхождение которых не мог. Казалось, что это деревья борются с оплетшими их со всех сторон орхидеями. Шорох листвы звучал громче, чем жужжание целого роя пчел. Сначала я ничего не понимал, но затем, присмотревшись, обнаружил среди листьев сотни две колибри. Птички пили нектар с орхидей. Именно они-то и производили эти странные звуки. В другой раз я плыл на каноэ по небольшой речке, вся поверхность которой была покрыта водными растениями с мелкими листочками, похожими на горчицу, и шелковистыми, розовыми цветами. Казалось, что лодка скользит по роскошному розовому газону. Господи, мне нужно быстрее, как можно быстрее вернуться туда, пока еще не стало слишком поздно. Как часто я опаздываю! Удастся ли мне еще когда-нибудь пережить пробуждение, подобное тому, которое я пережил в Джорджтауне? Все вокруг было совершенно обыкновенным, словно я находился в пригородном английском доме. Я не понимал, где я нахожусь, и, открыв глаза, ожидал увидеть каюту парохода. Но вот я оторвал голову от подушки и увидел огромную магнолию с блестящими, похожими на тарелки листьями, на которой сидели танагры трех разных видов. Красные с черным, кобальтовые, белые с зеленым птички сновали но веткам, разыскивая насекомых. Такие моменты никогда не изглаживаются из памяти. Помню, что тогда я ощутил себя хозяином собственной жизни. Все окружающие считали меня сумасшедшим, безумным фанатиком, но я знал, чего хочу. И до сих пор я считаю пампу местом истинного покоя и мира».

Кен Смит остался в столице Гвианы, Джорджтауне, присматривать за основной коллекцией, а Джеральд отправился в глубь страны на поиски редких зверей. Спутником Джеральда в этом путешествии стал странствующий художник Роберт Лоуз. Им вместе предстояло брести по болотам, продираться сквозь джунгли и заросли, переправляться через озера и реки, часами сидть, неподвижно в неустойчивых каноэ, есть и спать в окружении фантастического количества птиц, зверей и рептилий. Они побывали во множестве мелких городков, начиная от Эдвенчера, расположившегося близ устья реки Эссекибо (там им удалось поймать лунного увари), и до ранчо легендарного Тини Мак-Турка Каранамбо в саванне Рупунуни, где они гнались за гигантским муравьедом, выследили самую крупную в мире пресноводную рыбу — арапаиму и поймали самого крупного грызуна — капибару. Звероловы бродили по побережью, изрезанному сложной системой узких, извилистых речушек. Половину времени им пришлось провести по пояс в воде в попытках поймать огромную жабу пипу и парадоксальных лягушек, водосвинку и древесных дикобразов («прирожденных комиков животного мира»).

Побережье показалось Джеральду волшебной страной. «Мы медленно плыли по узкому ручью, — писал Джеральд в своем дневнике. — В темной воде отражалось звездное небо, причем с такой отчетливостью, что нам казалось, что наше каноэ плывет в космическом пространстве, направляясь к загадочной планете. Из камышей выглядывают кайманы, с глубины всплывают странные рыбы и со смачным звуком заглатывают роящихся над водой мошек. На дне каноэ в банке сидят амфибии, благодаря которым этот вечер и оказался таким удачным. Каждые пять минут мы посматривали на них и с глубоким удовлетворением вздыхали. Поимка этих невообразимо уродливых созданий преисполнила нас радости, понять которую может только зверолов».

Джеральд обещал писать Джеки из Гвианы, как только представится возможность, но обещания своего не сдержал, и она с чувством некоторого облегчения целиком отдалась занятиям вокалом. Долгая манчестерская зима и напряженные занятия вытеснили из ее памяти воспоминания о странном молодом человеке, одержимом своими зверями.

Но Джеральд ее не забыл. Как он ни пытался, это ему не удалось. «Обычно во время путешествий я забывал обо всех, — вспоминал он, — но это несчастное личико преследовало меня постоянно — и когда я чистил клетки, и когда плыл в каноэ вниз по ручью. Лицо этой девушки постоянно всплывало в моей памяти. И тогда я подумал: «Почему, черт побери, я забыл обо всех,

кроме нее?» Я решил при первой же возможности соблазнить Джеки и узнать ее поближе».

Во время этой экспедиции Джеральду пришлось иметь дело с весьма опасными животными — от гадюки, яд которой убивает человека в течение нескольких секунд, до анаконды длиной в восемь футов и толщиной с бедро балетного танцора. Но встречались ему и довольно милые создания — например, обезьяны-белки, напомнившие зверолову клумбу с анютиными глазками. И несмотря на это, ему не удавалось изгнать из памяти образ молоденькой девушки из Манчестера. Даже общение с не менее впечатляющей загорелой Ритой не помогло. Джеральд встретился с Ритой в джорджтаунском борделе миссис Кларабель. Среди очаровательных девушек всех цветов кожи, заполнивших гостиную, он сразу же обратил внимание на ослепительное создание, красота которой заставила померкнуть всех остальных. «У нее была очень светлая, каштанового цвета кожа, — писал он в своем дневнике. — Такой цвет мог бы получиться, если бы развели половину плитки шоколада в пинте сливок. У Риты были длинные, вьющиеся черные волосы, густые, как грива льва. Она была стройной, гибкой, теплой и настойчивой. Восхитительные ноги, невероятно выразительные руки, глубокий, музыкальный смех, напоминавший пение жаворонка. Я сразу же сел рядом с ней.

— Меня зовут Джерри, — представился я. — А вы — самая прекрасная девушка в мире.

— Не могу того же самого сказать о вас, — отрезала Рита».

В апреле у звероловов кончились деньги. Было решено, что Джеральд вернется в Англию с большей частью коллекции, а Кен Смит останется в Гвиане, ожидая перевода от своего компаньона. Джеральд должен был оплатить все долги экспедиции и прислать денег на билет Смиту в Европу. 27 апреля 1950 года на грузовом судне «Аракака» Джеральд отплыл в Англию. Это было довольно трудное путешествие. Мало того, что он тревожился о финансовых проблемах экспедиции, так его еще измучила малярия, которую он подцепил в Камеруне.

Когда майским утром Джеки увидела в гостиной своего отца Джеральда, это стало для нее огромным потрясением. «Он похудел, постройнел и даже, на мой предубежденный взгляд, выглядел весьма привлекательно». Джеральд приехал в Манчестер, потому что именно здешний зоопарк решил приобрести большую часть животных, привезенных из Британской Гвианы. Он собирался продать зверей как можно быстрее, чтобы выслать деньги Кену Смиту. Тогда тот мог бы приобрести новых животных до возвращения домой. Хотя большую часть дня и ночи Джеральд проводил, занимаясь уходом за своими питомцами, Джеки польстило то, что он не забыл о ней в течение столь долгого времени. Но тем не менее перспектива ухаживания со стороны столь странного человека пугала ее, и она постаралась держаться отчужденно.

Все ее усилия пропали даром. Джеральд не скрывал своего интереса. Джеки не относилась к тому тину женщин, который всегда его привлекал. Она не была «крупной, тяжеловесной блондинкой», к которым его бессознательно тянуло в прошлом. «Меня всегда притягивали блондинки, — признавался он своему другу много лет спустя. — Но сердце мое было отдано брюнеткам».

У Джеки была предшественница, имя которой осталось неизвестным. Но физически эта загадочная девушка очень напоминала Джеки. «Моя первая любовь, — вспоминал Джеральд, — вошла в мою жизнь, когда я решил брать уроки танцев в Боримуте. Она была невероятно похожа на Джеки. Но мне удалось всего лишь раз поцеловать ее». Увлечение Джеральда стало настоящей любовью не с первого, а со второго взгляда. Миниатюрная, с большими карими глазами, дерзкими губами, темно-каштановыми волосами и мальчишеским поведением, Джеки показалась Джеральду довольно симпатичной. Но он и представить себе не мог, кем она станет в его жизни.

Джеки всегда была очень цельной, разумной, уверенной в себе женщиной, имеющей собственное мнение и готовой отстаивать его всеми силами. По своему развитию она казалась старше своих лет, обладала чисто английским чувством юмора и ценила это качество в других людях, особенно когда этот юмор был таким непредсказуемо оригинальным и фантастическим, как у Джеральда. Она во многих отношениях дополняла Джеральда, поскольку обладала теми качествами, которые напрочь отсутствовали в ее избраннике. Он был романтиком и мечтателем, она обладала практичностью и приземленностью. Он колебался, она принимала решения. Она была компетентна в тех вопросах, которые ставили его в тупик. В ее обществе Джеральд чувствовал себя настоящим мужчиной, его мечты воплощались в реальность, а невозможное становилось возможным. И ему никогда не было скучно с ней. «Я могу достаточно долго выносить только одного человека, — признавался он другу, — и человек этот — Джеки... Она настолько стремительна, что стимулирует мой разум, как щедрая доза адреналина».

Джеральда не обескуражили отказы Джеки. «Она могла быть очень резкой, — вспоминал он.

— Ее прежние ухажеры были довольно неопытными, я же был первым почти взрослым мужчиной, с которым ей довелось иметь дело. Она была немного напутана и не знала, как себя со мной держать. Она знала, что я — довольно светский человек, что у меня были «романы» с женщинами. Мне казалось, что она считала меня привлекательным, но никак не поддавалась моим чарам».

Сначала Джеральд попытался увлечь ее тем, что сильнее всего увлекало его самого, — миром животных. Ему нужно было составить длинный список животных, привезенных из Южной Америки. Не поможет ли она ему напечатать этот список на пишущей машинке ее отца? Джеки согласилась, рассчитывая, что чем быстрее Джеральд закончит свои дела, тем быстрее он уедет. Но задание оказалось поистине неподъемным. Она даже не пред-полагала, что в мире существует такое множество разнообразных птиц и животных, обладающих совершенно непроизносимыми названиями. Джеки постоянно задавала Джеральду вопросы и тем самым дала ему возможность сделать второй шаг. Может быть, предложил он, ей стоит сходить в зоопарк и посмотреть на этих загадочных созданий собственными глазами?

«Сначала эта идея меня не привлекла, — писала Джеки, — поскольку я была убеждена, что держать зверей в неволе аморально. Странно, но Джерри не пытался переубедить меня или принудить отправиться с ним в зоопарк на следующий же день. Он не защищал зоопарки, но попытался объяснить мне, в чем состоит действительное предназначение хорошего зоопарка, почему так важно сохранить диких животных для последующих поколений в условиях демографического взрыва и развития цивилизации.

Зоопарки, спорил со мной он, являются последним прибежищем для диких животных. Количество людей на нашей планете постоянно увеличивается, человек захватывает пространства, где обитали звери, вытесняя их из мест обитания. Интересы человечества неизбежно будут вступать в противоречие с потребностями дикой природы. Животные оказываются припертыми к стенке. Главной мечтой Джеральда была организация зоопарка, где он мог бы содержать и разводить животных, чтобы спасти их от полного уничтожения. Ему хотелось, чтобы зоопарки перестали быть местом развлечения, а превратились в серьезные научные учреждения, заботящиеся о благополучии животных».

Джеральд отвел Джеки в зоопарк Бель-Вью, где в большом деревянном здании разместились звери и птицы, привезенные им из Южной Америки. Из прежних посещений зоопарков Джеки вынесла убеждение в том, что это «ужасные, вонючие загоны, где она не стала бы держать даже дохлую кошку». С первого же взгляда ей стало ясно, что она попала в совершенно другой мир. В помещении приятно пахло свежей соломой, кормами и теплыми телами зверей. Еще большее впечатление произвело на нее отношение Джеральда к своим питомцам.

«Внезапно этот казавшийся мне поверхностным молодой человек стал совершенно иным. Его стеснительность исчезла без следа, когда он шел между рядами клеток, раздавая каждому зверьку особое лакомство и разговаривая с ними. Он действительно заботился о них, и звери довольно забавно отвечали на его любовь и заботы. Как маленькие дети, они кричали и визжали, пытаясь привлечь его внимание. Они прыгали и метались по клеткам, чтобы он их заметил. Я медленно шла следом за ним и с робостью заглядывала в каждую клетку, поражаясь и восторгаясь их обитателями. Несомненно, эти звери понимали, что я смотрю на них совершенно по-особенному, но казалось, что они не возражают против моего присутствия.

Мы довольно долго пробыли в зоопарке. Джерри накормил зверей, поменял мокрую солому в их клетках, а я уселась на коробку и наблюдала за ним. Он работал очень сосредоточенно и умело. Было ясно, что эта работа доставляет ему удовольствие. Он разговаривал с каждым животным, которым занимался. Джеральд почти забыл о моем присутствии и полностью переключил свое внимание на зверей. Его поведение меня просто зачаровало».

После посещения зоопарка отношения между молодыми людьми развивались стремительно. Джеки работала в офисе отца. Телефон на ее столе не умолкал — это Джеральд бомбардировал ее приглашениями на обед, чашечку кофе, чая или в кино. Заметив, что дочь слишком много времени проводит вне офиса, отец встревожился. Его беспокоило то, что Джеки увлеклась человеком, «очень резко отличающимся от мужчин ее круга».

Кризиса удалось избежать. Однажды утром Джеральд, к величайшему облегчению мистера

Вулфендена, объявил о том, что он уезжает из Манчестера. Все привезенные им животные благополучно пристроены в различные зоопарки, а теперь он должен навестить маму, которую не видел с января.

Джеки проводила Джеральда на станцию, попрощалась с ним и вернулась в свой офис. Почти сразу же позвонил ее отец. Джеральд сел на поезд? Все нормально? «Да, — ответила Джеки, — он уехал». Не успела она повесить трубку, как дверь офиса распахнулась. На пороге стоял Джеральд с огромным букетом увядших хризантем.

— Это для тебя, — сказал он.

Джеральд почти уехал, но в последнюю минуту передумал.

— Не выйдешь ли ты за меня замуж, а? — спросил он.

Не получив положительного ответа, он пожал плечами и криво усмехнулся:

— Я и не думал, что ты согласишься.

Джеральд во второй раз за это утро покинул офис Джеки. На этот раз он не вернулся. Но очень скоро в гостиницу стали приходить письма, открытки, посылки и длинные телеграммы. Отец Джеки был потрясен. Он хотел знать, что происходит между его дочерью и этим парнем, Даррелом. Совершенно очевидно, что этот тип хотел овладеть Джеки, если уже не сделал этого.

— В конце концов, кто такой этот парень? — спросил мистер Вулфенден. — Судя по его рассказам, он происходит из весьма сомнительной семьи, у него нет денег и, по-видимому, никогда не будет.

Если Джеки и собирается выйти замуж, то ей следует подыскать себе надежного человека, «адвоката или врача, который сможет поддержать ее, даже если она лишится голоса».

Оглядываясь назад, Джеки признает, что отец был прав. «У моего отца не было оснований полагать, что в будущем Джерри изменится». Джерри всеми силами старался показаться ленивым и нечестолюбивым. У него не было денег, он был расточителен, его портфель был битком набит неоплаченными счетами. Он считал, что оказался на мели, что у него никогда не будет денег на новую экспедицию. Еще в Африке он пристрастился к виски, в Англии он тоже не отказывал себе в спиртном, полагая, что за рюмкой сумеет позабыть о своих проблемах. Это беспокоило отца Джеки больше всего. «Из-за проблем с алкоголем мой дед умер довольно молодым, — вспоминала Джеки. — Отец сам после пары рюмок превращался в безумного лунатика. Из-за врожденного отвращения к алкоголю он считал, что любого, кто склонен к вьшивке, следует опасаться как огня, особенно если подобный тип имеет нахальство ухаживать за его дочерью».

Но Джеральд не сдавался. Когда Джеки сурово отчитала его за письма и подарки, он предложил приехать в Манчестер и поговорить с ее отцом, чтобы прояснить все недопонимание. Через два дня он снова появился в гостинице и заперся в кабинете с отцом Джеки. Она ожидала услышать крики и брань, но вместо этого из-за закрытой двери доносились только тихие голоса и смех. Наконец появился счастливо улыбающийся Джеральд.

Он сообщил Джеки, что ее отец ничего не имеет ни против него лично, ни против того, чтобы он женился на его дочери. Позже Джеки вспоминала: «Джеральд всегда обладал умением получать то, что хотел, и никто не мог ему отказать».

Джеки была в ярости. Мало того, что Джеральд игнорировал ее отказ, так еще и собственный отец идет у него на поводу! Чтобы наказать отца, она стала проводить все свое время с постояльцем. Если отец действительно считает, что она влюблена в Джеральда, что ж, так тому и быть. Она убедила Джеральда задержаться в Манчестере на несколько дней и каждую минуту проводила с ним, приводя в ярость пожилого отца. «Я затеяла эту игру, чтобы наказать отца за глупость, — вспоминала Джеки, — но внезапно поняла, что наши отношения с Джеральдом изменились. Проводя вместе каждую свободную минуту, мы стали очень близки эмоционально. Расстаться нам было бы нелегко».

Джеральд вернулся в Борнмут. К этому времени мама уже продала свой дом и переехала к Маргарет, в дом через дорогу. Марго устроила в своем доме множество небольших квартирок и сдавала их. Комнаты, расположившиеся на всех трех этажах, заполнили эксцентричные обитатели — трубачи-джазисты, художники, специализирующиеся на обнаженной натуре, разведенные жены и транссексуалы, приехавшие с Мальты. Маргарет запомнила приезд Джеральда.

«Его приезд оказался главным событием последних двадцати четырех часов. Мамино лицо, в отличие от моего, сияло от предвкушения встречи с обожаемым мальчиком. Я громко застонала, когда знакомое мальчишеское лицо, очень похожее на мое собственное, расплылось в улыбке оттого,

что все бросились к воротам, чтобы встретить его. Он вышел из машины, очень высокий, стройный, элегантный. В одной руке он держал саквояж, очень осторожно, словно в нем лежал драгоценный подарок, но я-то знала, что это было не так. Тут же последовала оживленная дискуссия относительно того, где можно было бы разместить здоровенную деревянную клетку, дожидавшуюся нашего решения в багажнике такси. Я сразу же поняла значение саквояжа и деревянной клетки.

— Если он переступит порог моего дома, — заявила я мрачным тоном, — мне конец.

— Слишком поздно, дорогая, — радостно заявила мама, наблюдая за тем, как множество рук подхватило тяжелый ящик и жильцы дома Маргарет потащили его через гостеприимно распахнутые ворота.

— Просто несколько обезьянок, — пояснил Джеральд, наконец-то соизволивший обратить на нас с мамой свое внимание, но не отрывавший взгляда от окна на втором этаже, откуда за происходящим с интересом наблюдали две полуобнаженные дамочки.

— Надеюсь, в этом саквояже нет ничего опасного? — поинтересовалась мама, нежно целуя своего сыночка.

— Просто шестифутовый питон, — беззаботно махнул рукой Джеральд. — Он совершенно безвреден».

Джеральд остался совершенно без денег. В течение дня он мог позволить себе лишь чай с печеньем. Экспедиция не принесла тех доходов, на которые он рассчитывал. У него было всего двести фунтов и никакой работы. Здоровье его резко пошатнулось — давали знать о себе последствия злокачественной малярии, которую он подцепил в Камеруне.

Что делать? Ситуация была непростой. О браке следовало забыть. Во-первых, Джеки еще была несовершеннолетней. Джеральду нужно было найти работу. Единственное, что он умел, это заботиться о животных, но найти место в зоопарке было практически невозможно. На этот счет он не обманывался. К тому же он ухитрился поссориться с Джорджем Кэнсдейлом, директором Лондонского зоопарка, очень влиятельной фигурой в Федерации зоологических садов Великобритании и Ирландии.

«Кэнсдейл ненавидел Джерри от всего сердца, — вспоминала Джеки, — и делал все, что было в его силах, лишь бы навредить ему. Кэнсдейл страшно ревновал Джерри, поскольку считал себя «единственным» специалистом по фауне Западной Африки и не терпел вторжения на свою территорию. Более всего Джерри повредило то, что он ухитрился привезти в Англию очень редкое млекопитающее — ангвантибо, что не удалось сделать Кэнсдейлу. Джерри впервые привез живого ангвантибо в Англию, что стало настоящей зоологической сенсацией. Кроме того, Джерри никогда не стеснялся критиковать зоопарки и Лондонский зоопарк в частности. Он считал современные зоопарки развлекательными учреждениями, мало чем отличающимися от цирков».

Дэвид Эттенборо, современник Джеральда, впервые начавший готовить цикл передач о зоопарках для Би-би-си еще в 1954 году, рассказал историю об экспедициях в Западную Африку, организованных Лондонским зоопарком. Его слова доказывают, что у Джеральда были все основания для критики.

«В зоопарке не поддерживалось нормальное количество животных, поэтому нужно было постоянно отлавливать новые экземпляры в джунглях. Зоопарк по-прежнему придерживался викторианской идеи о том, что научно организованный зоопарк должен демонстрировать посетителям как можно большее количество видов, словно речь шла о коллекции марок. Джордж Кэнсдейл был очень властным человеком и не пользовался большой популярностью среди сотрудников. Его постоянно обвиняли в различных нарушениях. Думаю, что многие были бы рады, если бы он ушел со своего поста. Представьте себе его реакцию, когда какой-то младший смотритель из Уипснейда осмеливается говорить, что в Лондонском зоопарке все устроено не так, как нужно!»

Но это действительно было так. Британский зоологический истеблишмент отверг Джеральда. Отказали ему и директора некоммерческих зоопарков, которым Кэнсдейл разослал письма, где обвинял Джеральда в невнимательном отношении к животным и вопиющей некомпетентности.

Джеральд обосновался в суматошном и безалаберном доме Маргарет. Ночные звуки напоминали ему джунгли Амазонки. Он безуспешно продолжал искать работу. Наконец, отчаявшись найти что-нибудь подходящее, он написал в зоопарк Бель-Вью и согласился на временную работу в

аквариуме. В его обязанности входил также присмотр за рептилиями. Эта работа должна была продолжаться до конца 1950 года. Джеральд никогда не писал о столь тяжелом периоде своей жизни. Упомянул о нем он всего лишь дважды — один раз в письме к другу и второй раз, обращаясь в банк. Несмотря на свою беспечность, он понимал, что этот незавидный пост хоть в какой-то мере поможет ему восполнить финансовые потери, понесенные в результате последней экспедиции. Кроме того, он мог быть рядом с Джеки — в Манчестере он поселился в гостинице ее отца.

Отъезд Джеральда из Борнмута Маргарет запомнила не хуже, чем его прибытие. «Запугав всех обитателей дома, Джеральд с величайшими предосторожностями уложил своего питона в саквояж и, оставив меня наедине с протестующими обезьянками, запертыми в гараже, отбыл. У меня зародилось мрачное предчувствие, что он еще вернется. Единственным утешением служило лишь то, что мои жильцы этого не заметят».

К тому моменту когда Джеральд вернулся, обезьяны в гараже поняли, что присматривать за ними некому, и сумели выбраться на свободу. Маргарет узнала об этом от раздраженного соседа. Лорд Бут позвонил ей и сообщил, что в его спальне сидит какой-то зверь, который сожрал весь табак и вырубил свет во всем доме.

Вскоре возле дома остановилась полицейская машина.

— Доброе утро, — поздоровался офицер. — Вы ничего не потеряли? Может быть, пару обезьян?

Как оказалось, сбежали двенадцать обезьян, а поймать сразу удалось всего трех. Остальные выбрались в город. Местные газеты на следующий день расписывали подвиги несчастных зверушек на первых страницах. Джеральд немедленно вернулся и постепенно сумел собрать всех своих питомцев. «Обезьяны радостно и трогательно приветствовали своего приемного отца, — вспоминала Маргарет. — Эта сцена была трогательной для всех, кто не подвергся бесчинствам и укусам со стороны этих милых крошек!»

К этому моменту Джеки уже достигла совершеннолетия и могла выйти замуж без согласия отца, но это лишь осложнило жизнь в родительском доме. Она испытала огромное облегчение, когда Маргарет пригласила ее погостить в Борнмуте. Маргарет снова вышла замуж. Свадьба оказалась хорошим поводом представить Джеки остальным членам семьи, что было особенно важно, если она собиралась в нее войти.

Джеральд привез Джеки в Борнмут. Они приехали довольно поздно, и Джеки сразу же включилась в жизнь этой необычной семьи. Все, что она знала о них, основывалось только на рассказах Джеральда, но и этого было более чем достаточно. «Мысль о том, что мне придется познакомиться со всеми, приводила меня в ужас, — вспоминала она. — Если бы они не приняли меня, то жизнь рядом с ними была бы несносной».

Встретили Джеки Маргарет и ее второй муж, рослый молодой мужчина по имени Малкольм Дункан. Маргарет в длинном клетчатом халате сидела на диване. Комната напоминала «фруктовый сад, охваченный огнем». На стенах висели яркие восточные ковры и открытки из разных городов. На взгляд неопытной Джеки, атмосфера в доме Маргарет была весьма богемной.

Маргарет приветствовала приехавших радостной улыбкой и сообщила, что мама устала и легла спать, еда в кладовке, а постели приготовлены. Все расположились вокруг камина и основательно подкрепились. Маргарет предложила Джеральду и Джеки, если они решат пожениться, поселиться в одной из квартир ее дома.

Однако не все обрадовались Джеки. Маргарет вспоминает: «Пока Джеральд жил у меня, у него был бурный роман с одной из моих жиличек, привлекательной молоденькой медсестрой скандинавской наружности с крашеными светлыми волосами. Она влюбилась в Джерри и была очень недовольна тем, что он привез с собой Джеки. Она поняла, что между ними все кончено. Не думаю, что она долго переживала. Очень скоро наша медсестра утешилась с молодым человеком, жившим у подножия холма».

На следующее утро Джеральд представил Джеки маме. «Я была поражена, — вспоминала Джеки знакомство с остальными членами семьи. — Она оказалась совсем не такой, какой я ее себе представляла. Вместо высокой, строгой женщины, рисовавшейся в моем воображении, передо мной появилась маленькая, нежная женщина с веселыми голубыми глазами и седыми волосами.

— Какое счастье, дорогая, что вы не блондинка, — сказала мама, лукаво улыбаясь.

Позже я узнала, что все подружки ее обожаемого сыночка были голубоглазыми блондинками (миссис Даррелл считала их настоящими коровами). Мысль о том, что подобная блондинка может

стать ее невесткой, приводила ее в ужас».

Выбор Джеральда удивил не только его мать. Маленькая, очаровательная, задорная, лукавая Джеки казалась совершеннейшим ребенком. Она совершенно не походила на тех, кого Джеральд приводил домой раньше. Маргарет и мама головы сломали, пытаясь понять, как же он ухитрился влюбиться в подобную девушку. Даже сама Джеки не могла дать ответ на этот вопрос, но родственники приняли ее немедленно.

Оставалось познакомиться с братьями Джеральда. Ларри был в Югославии по делам Министерства иностранных дел, а Лесли примчался к Маргарет в тот же день. «Он ворвался в гостиную, взглянул на маму, потом на меня, повернулся на каблуках и удалился в кухню, — вспоминала Джеки. — Джерри заставит его вернуться и познакомит нас. Лесли был темноволосым молодым человеком с пронзительными голубыми глазами. Как и большинство членов семьи, он оказался невысоким, чуть выше меня». Лесли понравился Джеки, как и остальные Даррелы. Ей было трудно расстаться с этой гостеприимной, дружной, веселой семьей и вернуться в неприветливую атмосферу отцовской гостиницы.

Жизнь с отцом становилась все труднее. Хотя Джеки больше не нуждалась в его разрешении, чтобы выйти замуж, она надеялась по крайней мере на благословение. Но отец был категорически против ее брака с Джерри. Впрочем, он не разрешил бы ей выйти замуж и за любого другого мужчину. «Отец не хотел смягчаться, — вспоминала Джеки с горечью. — В конце концов он вообще отказался обсуждать со мной эту тему». Назревал кризис. Джеральд настаивал на том, чтобы она приняла решение. Маргарет предлагала жилье. Мама сказала, что поможет молодоженам деньгами, до тех пор пока Джеральд, лишившийся заработка в зоопарке Бель-Вью, найдет новую работу. «Я чувствовала себя ужасно, — писала Джеки. — Я не хотела расставаться с отцом и идти против его воли. Но я чувствовала, что мне предоставляется отличная возможность выйти из-под его опеки и начать жить собственной жизнью».

Джеки колебалась. Ей приходилось принимать нелегкое решение. У Джеральда не было работы и денег. Если бы она вышла замуж против воли отца, тот лишил бы ее всяческих средств. Перед ней открывалась перспектива музыкальной карьеры, но после свадьбы на этом можно было поставить крест. Джеральду нужна была жена, которая разделяла бы его увлеченность животными и была бы готова путешествовать вместе с ним. Джеки не была уверена в том, что она этого хочет. Да, Джеральд был интересным и обаятельным товарищем. Она чувствовала, что может на него положиться. Но, с другой стороны, ее беспокоила разница в их темпераментах, У них было так мало общего. Противоположности притягиваются, Джеральд и Джеки идеально дополняли друг друга. Она была левой половинкой, а он правой. Ее увлекали история и политика, а ему эти вещи казались скучными. Она любила жить в городе, он же задыхался без леса и степи. Она любила крикет, он же эту игру терпеть не мог — как, впрочем, и любую другую. Она была бережлива и серьезно относилась к жизни, он же отличался экстравагантностью и жил настоящим. Единственным, что их объединяло, была любовь к животным и к музыке, хотя и даже в этом их вкусы не совпадали: Джеки любила оперу и джаз, Джеральд же предпочитал совершенно другую музыку.

Решение проблемы пришло неожиданно. В конце февраля 1951 года отец Джеки на несколько дней уехал по делам. Сразу же после его отъезда в гостинице неожиданно появился Джеральд. Времени на раздумья не оставалось — Джеки должна была принять решение раз и навсегда... И мгновенно... «Если ты выйдешь за меня замуж, — предупредил ее Джеральд, — тебе придется порвать отношения с отцом, так что принимай решение сознательно». Джеки пообещала дать ответ в течение сорока восьми часов. Следующие два дня они провели так, словно ничего не случилось. Вечером второго дня они отправились в кино, потом вместе поужинали. В гостиницу они вернулись, когда уже все легли спать. Они уселись в гостиной, возле камина, и стали болтать обо всем, кроме женитьбы. «Внезапно я почувствовала себя ужасно уставшей и с ужасом обнаружила, что уже пять часов утра, — вспоминала Джеки. — Мы бросились к выходу, столкнулись в дверях, и Джерри очень тихо спросил меня:

— Ну, так ты выйдешь за меня замуж?

В такое время суток я не могла ему сопротивляться и ответила:

— Да, конечно, выйду».

Отец мог вернуться в любую минуту. Оставался лишь один выход — бегство. Джеки и Джерри решили перебраться в Борнмут и пожениться как можно скорее. У них было всего сорок фунтов, но этой суммы им вполне хватило. К ужасу мачехи Джеки, парочка весь следующий день лихорадочно упаковывала ее вещи — и немало вещей Джеральда! — в чайные ящики, коробки и бумажные пакеты. В шесть утра на двух такси вместе со всем багажом Джерри и Джеки отправились

на станцию и сели в первый же поезд, отправлявшийся на юг. Пока они запихивали свой скарб в вагон, пожилой кондуктор неодобрительно поглядывал на них.

— Жениться собрались? — спросил он наконец.

Борясь с рассыпающейся на глазах коробкой, Джеки утвердительно кивнула.

— Бог в помощь, — сказал он и махнул флажком.

«Кондуктор был совершенно прав, — позже признавал Джеральд. — К счастью, бог действительно нам помог».

Поезд тронулся, унося влюбленную парочку по направлению к Лондону. Отец Джеки, вернувшись домой, дочери уже не застал. Дома его ждала возбужденная жена и коротенькое письмо. Он так и не простил дочь.

«Я больше никогда не видела ни своего отца, ни мачеху, ни братьев, ни сестер, — вспоминала Джеки. — Я не встречалась ни с кем из членов моей семьи».

Возвращение в дом Даррелов походило на перелет из тени в свет. Вся семья собралась, чтобы приветствовать пару. Перспектива свадьбы приводила всех в восторг. Даже Ларри прислал из Белграда письмо, в котором выражал свое одобрение. Оставалось только назначить дату. Джеральд считал, что они должны пожениться как можно быстрее, на тот случай если отец Джеки примчится с пистолетом. Был выработан план и распределены роли. На следующее утро Джеки и Джеральд отправились в местную регистрационную палату, Маргарет занялась продуктами, а мама и Лесли взяли на себя обеспечение церемонии напитками. Свадьба была назначена через три дня — в понедельник 26 февраля 1951 года. Заказали свадебный торт, цветы, кольцо — «скромное, тонкое, золотое», — подготовили небольшую квартирку для молодоженов. «Атмосфера в доме царила удивительная, — вспоминала Джеки. — Все были в полном восторге, а мы с Джерри ощущали себя античной парой». В разгар подготовки появился первый муж Маргарет, Джек Бриз. Его тут же назначили шафером.

— Бедолага, — сочувственно покачал головой Джек. — Как тебя угораздило связаться с Даррелами? Или у тебя не оставалось выхода, а?

Утро 26 февраля выдалось хмурым и туманнъгм. В регистрационную палату явились молодожены. Свидетелями выступали Маргарет и Джек Бриз. Джеки надела старое пальто, одолженную блузку и новую пару чулок. «Даррелл ради такого случая даже почистил ботинки, — вспоминала Джеки. — Воистину удивительное событие!» Церемония была короткой, но этого времени Джеки хватило, чтобы снова начать сомневаться.

— Слишком поздно, — шепнул Джеральд, держа жену за руку. — Я тебя заполучил.

По крайней мере, так его слова запомнила Джеки. Сам же Джеральд вспоминает события этого дня иначе. «Не хочу показаться вредным, — поправлял он ее гораздо позже, — и готов признать, что моя память не идеальна, но мне кажется, что на самом деле я сказал: «Слишком поздно. Теперь я твой».

Брак был оформлен. Джеральд Малкольм Даррелл, зоолог, двадцати шести лет, и Джаклин Соня Рейзен, студентка, двадцати одного года, стали мужем и женой. Как и всем молодоженам, им предстояло бороться с трудностями. Большинство браков — это путешествие и приключение, но начало семейной жизни — дело нелегкое. Джеральд и Джеки не стали исключением. Но их брак был довольно необычным, скорее его можно бьшо назвать стратегическим союзом. У Джеральда и в меньшей степени у Джеки, не пожени они в 1951 году, жизнь сложилась бы совершенно иначе.

Они были очень разными людьми — разными по характеру и по внешности, — но в течение довольно длительного периода времени они идеально дополняли друг друга. Без энергичной и упорной Джеки Джеральд никогда бы не смог реализовать свой потенциал и никто бы не узнал о нем. «Я знала, что жизнь с Джеральдом полностью изменит привычный для меня мир, — вспоминала Джеки. — Но я так любила его, что была уверена в собственных силах».

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ПИСАТЕЛЬ: 1951-1953

Маленькая квартирка в доме Маргарет оказалась славной уютной комнаткой, окнами выходившей в сад. Из окон открывался великолепный вид на холмы Сент-Кэтринз-Хед. Денег на медовый месяц у молодоженов не было, но семейная жизнь вдохновляла их сама по себе. «Медовый месяц мы провели на ковре, — вспоминал Джеральд о первых днях семейной жизни, — перед камином в гостиной». В их комнате разместилась двуспальная кровать, небольшой стол, гардероб,

комод и одно широкое кресло. Обстановка была простой, но уютной, особенно когда в небольшом камине разгорался огонь. Отсутствие кухонных принадлежностей молодоженов не беспокоило, так как они питались вместе с семьей.

Доступные им радости были весьма скромными, но они никогда не скучали. «У нас было множество книг, — вспоминала Джеки, — нам было где гулять, а старина Джек Бриз подарил нам свой приемник. У Джерри было две слабости — чай и сигареты, и я твердо решила, что бы ни случилось, но он не должен себе в этом отказывать». Время, проведенное в маленькой квартирке в доме Маргарет, стало самым счастливым временем их брака, Джеки наслаждалась общением с остальными членами семьи, ничто не отвлекало молодого мужа от жены.

«Джеки была очень добра к Джерри после свадьбы, — вспоминал семейный врач Даррелов в Борнмуте, Алан Огден. — Для Джерри тогда было нелегкое время, ему не хватало уверенности в себе. Джеки никогда не жаловалась и поддерживала мужа во всем. Она смело преодолевала трудности и излучала практический оптимизм».

Злейшим врагом молодой пары были деньги. Вернее, их отсутствие. Денег не было, перспектив никаких. Три дорогих экспедиции Джеральда полностью съели отцовское наследство. Средств еле-еле хватило на то, чтобы оплатить все расходы. Молодожены были бедны настолько, что не могли позволить себе покупать газеты, поэтому каждый день они отправлялись в читальный зал Борнмутской библиотеки просматривать объявления о приеме на работу. У Джеральда не было образования и опыта работы. Когда все попытки найти работу в Англии провалились, он решил поискать что-нибудь за границей — в африканских колониях. Семья даже подумывала о возможности эмигрировать в Австралию. Они выискивали адреса зоопарков в Австралии, Америке и Канаде и рассылали письма с просьбой о приеме на работу. В этих письмах Джеральд подробно излагал все свои заслуги в области ловли зверей и ухода за ними. Некоторые зоопарки не ответили вовсе, другие сообщили, что вакансий у них нет. Маргарет вспоминала, что Джеральд был настолько подавлен, что временами принимался плакать.

Ссора с Джорджем Кэнсдейлом также не пошла Джеральду на пользу. «Кэнсдейл повел себя возмутительно, — вспоминала Джеки. — Он всеми силами старался уничтожить Джеральда. К счастью, у Джерри остались друзья в мире зоологов, которые вовремя предупредили его о намерениях Кэнсдейла, чтобы он был готов. Весь первый год нашего брака мы провели без денег в крохотной комнатке, занимаясь бесплодной вендеттой. Ситуация угнетала Джерри, но в то же время укрепляла его решимость доказать зоологическому миру, что он может и будет работать с животными».

Джеральд согласился на временную работу. Его бывший коллега предложил ему поработать в маленьком зоопарке в Маргейте. Эта работа означала для Джеральда крушение всех надежд. Зверинец в Маргейте обладал всеми худшими качествами зоопарков, которые в то время были не научными учреждениями, а заведениями, предназначенными для развлечения праздной публики. Но это было лучше, чем совсем ничего. Хотя жалованья за эту работу не полагалось, Джеральд был рад снова поработать с животными. А Джеки предстояло «чистить бананы, апельсины, вынимать косточки из вишен, выкармливать из бутылочки детенышей — словом, узнавать об уходе за животными на собственном опыте».

Но в конце концов молодожены снова вернулись в Борнмут совершенно без денег и без каких-либо перспектив. И тогда Джеки придумала выход. В промежутках между нарезанием фруктов и чисткой клеток в Маргейте она обдумывала возможность заработать хотя бы несколько фунтов. Она отлично знала, что Джеральд — прекрасный рассказчик, способный увлечь кого угодно своими рассказами о детстве, проведенном на Корфу, и о приключениях в африканских джунглях. Может быть, имеет смысл предложить эти рассказы вниманию более широкой аудитории? Джеки не знала, умеет ли Джеральд писать, но в семействе Даррелов уже был один писатель. Ларри, как она знала, всегда пытался заставить Джерри писать, даже когда тот бьш еще мальчишкой. Если Джеральд не сможет создать литературное произведение, Лоуренс ему обязательно поможет. Джеки вспоминала: «Если один Даррелл может писать и прилично на этом зарабатывать, то почему бы и другому не попробовать? Итак, я приступила к осуществлению операции «Пила». Бедный Даррелл страдал. День за днем я приставала к нему, чтобы он что-нибудь написал.

— Я не умею писать. По крайней мере, не умею писать так, как Ларри.

— Откуда ты знаешь — ведь ты никогда не пробовал?

— Ну о чем я могу написать?

— Напиши о своих путешествиях.

— Да кому это интересно?

— Мне интересно. Так что пиши и не увиливай».

Но Джеральд не любил писать. И у него были проблемы с правописанием, свойственные всем членам семейства Даррелов за исключением мамы. Несмотря на живость и увлекательность своих африканских дневников, Джеральд был убежден в том, что у него нет литературного таланта. Чтобы усадить его за письменный стол, потребовалось нечто большее, чем зануда-жена. И это произошло в мае 1951 года. Энергичный и настойчивый Ларри вернулся из Белграда с новой женой, черноволосой, экзотичной Евой.

Ларри уволился со службы, чтобы Ева, находившаяся на большом сроке беременности, могла родить ребенка в Англии. Он приехал в Борнмут по пути в Оксфорд, где Еве предстояло лечь в больницу Черчилль. Ева была уже третьей женой, с которой клану Даррелов довелось познакомиться за последние три месяца. Через месяц после свадьбы Джеки и Джеральда Маргарет вышла за Малкольма Дункана. Джеки и Джеральд были свидетелями на свадьбе.

Джеки волновалась перед встречей с Ларри. Она много слышала о нем — о его таланте, интеллектуальной энергии, передовых взглядах и богемном образе жизни. Репутация Ларри, особенно в его отсутствие, поднялась на невероятную высоту. Состоявшаяся наконец встреча немного успокоила Джеки. «Хотя встреча с семейным гением меня беспокоила, должна признать, что он оказался гораздо лучше, чем я могла себе представить. Ларри был маленьким и коренастым. В нем безошибочно можно было узнать Даррелла. Он обладал присущим всем членам этой семьи обаянием и чувством юмора, хотя гораздо более изысканным и утонченным».

Ларри очень обеспокоило то, что Джеральд не может найти работу и сидит без денег.

— Почему бы тебе не написать книгу об этих чертовых путешествиях и не заработать немного денег? — заявил он своему отчаявшемуся младшему брату. — Англичане обожают истории о пушистых зверушках и о приключениях в джунглях. Это элементарно!

Убедить Джеральда ему не удалось, но он согласился подумать о том, чтобы написать книгу о трех своих экспедициях.

—Дорогой мой, — возмутился Ларри, — ты серьезно полагаешь, что сможешь втиснуть все три путешествия в одну книгу? Да ты с ума сошел! Тебе нужно написать по книге о каждом из них.

Джеральд был непреклонен. Он не умеет писать. Ему не о чем писать. У него даже нет пишущей машинки. Это плохая идея. Он не собирается этим заниматься. Но Ларри настаивал. Он убеждал младшего брата попробовать. Он с радостью прочтет первые главы, выскажет свое мнение и поможет всем, что будет в его силах. Он даже согласился порекомендовать Джеральда своим издателям, «Фабер и Фабер».

—Послушайся моего совета, — предостерегал он неопытного писателя, — не связывайся с агентами. Они обведут тебя вокруг пальца и прикарманят твои денежки. Они могут быть полезны только тогда, когда ты добьешься успеха.

Алан Томас отвез Ларри и Еву в Оксфорд. В конце мая у них родилась дочь, Сафо. В Борнмуте у Джеральда обострилась малярия. Алан Огден пришел его осмотреть. «Джерри лежал на матрасе на полу в очень скромно обставленной комнате, — вспоминал он. — Он часто возвращался из тропиков и заверял меня, что с ним все в порядке. А я всегда отвечал ему: «Бог знает!» На этот раз у него случился приступ злокачественной малярии. Я прописал ему хинин. Когда я сказал Джеки, что ему требуется легкая диета с большим количеством жидкости, она спросила, подойдут ли для этой цели чай и хлеб, потому что ничего другого они все равно не могут себе позволить».

Джеки поняла, что пора что-то предпринимать. «Мы жили в крохотной комнатке и могли позволить себе потратить всего два фунта в неделю, поэтому нам приходилось сидеть на хлебе и чае, — вспоминала она и с горечью добавляла: — И мы продолжали бы жить подобным образом, если бы я не пнула его в задницу и не заставила подняться и сделать что-нибудь». Сопротивление Джеральда было сломлено настойчивостью Джеки. Решение было принято через несколько дней после отъезда Ларри и Евы. Джеральд слушал передачу по радио о жизни в Западной Африке и безжалостно критиковал журналиста. Джеки была поблизости. Если он считает, что сможет рассказать о том же самом гораздо лучше, почему бы не попробовать? «Пообещай мне, что ты сделаешь это, — настаивала Джеки. — По крайней мере, это будет хоть что-то. Нельзя же сгнить здесь заживо».

Прошло несколько дней. Эта тема больше не поднималась. Затем Джеки случайно услышала, как Джеральд спрашивает у Маргарет, нет ли у кого-нибудь из ее знакомых пишущей машинки, которую можно было бы одолжить на время. Маргарет сказала, что машинка есть у Джека Бриза, правда, сейчас он в отъезде, так что придется подождать. Но Джеральд уже не хотел ждать. Он не мог ждать. Ему нужна была пишущая машинка. Если он не может ее оплатить, придется продать кое-что из его драгоценных книг, чтобы получить деньги. Утрата обожаемых книг подстегнула Джеральда.

Он уселся и начал писать заметки о своих африканских приключениях, выискивая эпизоды, которые уместились бы в пятнадцатиминутной передаче.

— Я придумал, — гордо сообщил он Джеки. — Напишу про волосатую лягушку и о том, как я ее поймал.

Вот так Джеральд Даррелл создал свое первое профессиональное литературное произведение. Усевшись за крохотный стол в крохотной комнатке на задах дома Маргарет, выпив бесчисленное количество чашек чая, которые приносила внимательная Джеки, на старенькой пишущей машинке, взятой напрокат, двумя пальцами, со вздохами и стонами, с периодами мрачного молчания, до смерти пугавшими жену, он писал слово за словом, строчку за строчкой. История приобретала зримые очертания. «Охота на волосатую лягушку» стала первым творением Джеральда Даррелла.

Каждая страница этого опуса поступала к Джеки, которая давала свои советы и исправляла многочисленные орфографические ошибки довольно сложным образом. Она печатала исправления на липкой ленте, вырезала их и наклеивала в нужное место — «нудное занятие, но благодаря ему этот чертов рассказ был наконец закончен». Джеки вспоминала: «Меня увлекла история странной амфибии с длинными, похожими на волосы наростами на лапках, которую Джерри отыскал, поймал и привез в Лондонский зоопарк. Я просто не могла дождаться, когда он закончит новую страницу».

История начиналась так:

«Наш базовый лагерь в Камеруне расположился на берегу реки Кросс на опушке леса. Здесь мы натянули огромный тент, под которым жили сами вместе с пойманными животными. Как только известие о нашем приезде распространилось по округе, к нам стали приходить охотники из разных деревень, предлагая купить пойманных ими животных. Иногда зверей приносили в корзинах или заворачивали в пальмовые листья, порой привязывали к длинной палке, а иногда упаковывали в собственные набедренные повязки. Тогда охотник стоял перед нами полностью обнаженным, что совершенно его не смущало, и торговался он не менее отчаянно, чем будучи при полном параде».

Джеки переворачивала страницу, и история продолжалась:

«Все охотники, приходившие в наш лагерь, отлично знали, какие животные нас интересуют. Они знали их всех, кроме одного, которого мы хотели поймать больше всего... Волосатую лягушку они никогда не видели. Конечно, лягушек в окрестных ручьях и болотах водилось немало, но вот лягушки с волосами... Решив, что я разыгрываю их, словно детей, они предложили мне водяную крысу. Но я имел в виду совсем не водяную крысу. Я хотел иметь лягушку с волосами на лапах, и ничто другое меня не устроило бы».

Еще одна страничка падает на пол. Джеральд отхлебывает из чашки и продолжает стучать по клавишам. Джеки читает:

«Ночь за ночью мы с охотниками проводили в холодных болотах, переворачивая каждый камень и заглядывая во все норы, перекрикиваясь изо всех сил, чтобы заглушить шум водопада. Я уже решил, что удача опять от нас отвернулась, когда заметил свою первую волосатую лягушку. Она сидела на камне около глубокой заводи, большая, жирная, прекрасная, шоколадно-коричневая лягушка. Она была такой здоровенной, что заняла бы. наверное, целую кастрюлю, а ее лапы покрывала длинная густая бахрома из волос. Я знал, что, если она прыгнет в темную воду, мне ни за что ее не поймать, поэтому я бросился вперед и ухватил лягушку за лапу. Но я недооценил способность рептилии к самообороне: ее когти...»

Джеки поздравила себя. Этот человек может писать. И он может писать отлично! Простая, безыскусная, незатейливая история, лишенная каких бы то ни было литературных претензий, воплотила в себе все, чему научили Джеральда годы чтения и ожесточенные литературные споры с Ларри. Он использовал в своем первом рассказе фрагменты из африканских дневников. Живой, образный, веселый и богатый язык Джеральда сразу же привлекал внимание читателя.

Рассказ отослали на Би-би-си, и чета Даррелов с трепетом стала ждать ответа. Но ответа не было, и вскоре Джерапьд впал в прежнюю депрессию. «Ты же прекрасно знаешь, просто не можешь не знать, что многие произведения Ларри были отвергнуты, — твердил он Джеки. — Не следует полагаться на удачу первого мелкого рассказика». Через несколько Дней совершенно неожиданно он предложил ей: «Почему бы тебе не подстричься? Мне надоело, что ты выглядишь, как беженка из Центральной Европы». Не обсуждая эту тему более, Джеральд и Маргарет затащили Джеки в ванную и безжалостно обкромсали ее шевелюру в четыре руки, когда они закончили, она стала еще более походить на мальчика, но и ей, и Джеральду результат понравился. Скоро Джеки подстриглась еще короче.

Осенью они наконец получили письмо от мистера Т. Б. Рэдли с Би-би-си. Продюсер прочел рассказ о волосатой лягушке, и он ему очень понравился. Он считал его просто замечательным. Не

может ли мистер Даррелл позвонить на радио, чтобы они могли обсудить перспективы дальнейшего сотрудничества? В тот день в доме на Сент-Олбенс-авеню царило радостное оживление. Телефона в доме не было, поэтому все бросились в магазинчик, где жили Лесли и Дорис. Джеральд поднял трубку, набрал номер и стал ждать ответа. Да, подтвердил мистер Рэдли, он хотел бы запустить рассказ о волосатой лягушке в эфир. Гонорар составит пятнадцать гиней. Джеральду предложили самому прочесть свой рассказ.

В пятницу 7 декабря 1951 года Джеральд отправился в Лондон на репетицию в студии 3Д. В воскресенье 9 декабря он прочел свой рассказ в прямом эфире в самое хорошее время, когда все сидят у своих приемников — между 11.15 и 11.30 утра. Джеральд оказался прирожденным диктором, его теплый, глубокий, проникновенный баритон звучал не хуже, чем голос Дилана Томаса, который примерно в то же время читал свои рассказы и стихи.

За первым выступлением последовали другие — «Тайны животных», «Как зоопарки получают своих зверей» и другие. Однако вопрос о книге оставался открытым. Успех «Волосатой лягушки» окончательно убедил Джеральда в том, что можно попробовать написать книгу. У него была тема — первая экспедиция в Камерун — и даже готовое название: «Перегруженный ковчег» (если бы Ною пришлось собрать животных из одного только Камеруна, его ковчег и то оказался бы перегруженным!). Книга существенно отличалась от пятнадцатиминутной радиопередачи — она должна была быть более сложной, работа над ней потребовала бы больше времени, усилий и таланта. Джеральд начал писать, а мама стала выплачивать ему по три фунта в неделю.

Джеральд стал вести странный образ жизни, немало осложнивший его семейные отношения. Оказалось, что ему лучше работается по ночам, когда все спят. Но Джеки приходилось спать в крохотной комнатке при свете под лязганье клавиш пишущей машинки, стоявшей всего в нескольких футах от изголовья ее кровати. Она практически лишилась сна. Ситуация улучшилась, когда вернулся Джек Бриз и одолжил Джеральду свою портативную пишущую машинку. Книга стала физическим и психологическим испытанием для мужа и жены.

Хотя «Перегруженный ковчег» был первой книгой Джеральда, его нельзя назвать произведением, вьпшедшим из-под пера новичка. Джеральд знал, о чем хочет рассказать, и отлично представлял, как добиться поставленной цели. Много лет спустя он рассказывал своему другу, критику Дэвиду Хьюзу, о том, как создавалась эта книга:

«Все началось давным-давно, когда Лесли приезжал домой из школы по выходным и рассказывал мне истории про Билли Бантера. Он всегда приукрашивал их собственными изобретениями и рассказами о школьных приключениях. У него был дар, не меньший, чем у Ларри, но не столь хорошо развитый. Бессознательно я усвоил его манеру рассказывать истории. Начиная работу над «Перегруженным ковчегом», мне было трудно передать характеры людей. Наконец я понял, что легче всего это сделать, если дать описание и передать речь персонажа — большинство людей любят прямую речь. Сначала я решил имитировать речь физически, но на бумаге сделать это невозможно. Поэтому мне пришлось сидеть и придумывать, как бы облечь в слова собственные впечатления. Мне пришлось научиться монтировать книгу, если говорить языком кино. Я научился редактировать события, чтобы они переходили одно в другое легко и непринужденно, выискивать эпизоды, которые могли бы связать мой замысел воедино и придать ему законченную форму».

Умудренный опытом Джеральд говорит об этом с юмором. Молодой же Джеральд проклинал тот день, когда решил написать книгу — это дело оказалось ничуть не легче, чем уборка в обезьяннике. «Писательский труд в смысле физическом, — писал он впоследствии, — оказался наиболее утомительным и неприятным из всех занятий, доступных человеку. Я стал писать от отчаяния, лишившись всего своего капитала. Если бы я мог располагать неограниченными средствами, я бы никогда не написал ни слова. Но, обнаружив у себя на руках жену, двух пеликанов, обезьянку капуцина и всего сорок фунтов в кошельке, я не имел выбора».

Частенько Джеральд писал свою книгу, лежа на животе на полу. Он выкуривал бесчисленное множество сигарет и выпивал огромное количество чая. «Когда я проявляю симптомы усталости, — жаловался он, — жена, вместо того чтобы утереть мой потный лоб, безжалостно показывает мне банковский отчет о состоянии моего счета».

Приступая к написанию книги, Джеральд должен был решить две задачи: как восстановить события камерунской экспедиции и как сделать их интересными для читателей. Он надеялся, что дневник экспедиции поможет ему решить первую проблему, но ошибся. «Я обнаружил, что дневники практически бесполезны», — говорил он. Как правило, записи велись по ночам после утомительного рабочего дня. На страницах было множество пятен от чая, виски, лекарств, раздавленных жуков, крови. Джеральду приходилось часами расшифровывать собственные записи, проявляя недюжинные

способности детектива.

Возникала и еще одна весьма серьезная проблема. Сырой материал путевых записок читается как полнейшая неразбериха, набор не связанных между собой событий, происходящих без цели и смысла. Даже на самых ранних этапах своей литературной деятельности Джеральд прекрасно понимал, что автор нехудожественной литературы не может игнорировать приемы, применяемые при создании художественного произведения: ему приходилось организовывать материал, отбирать необходимое, сокращать, менять местами, анализировать цельность написанного и излагать свой опыт на бумаге. Ему пришлось с огромным трудом преодолевать соблазн превратить свою книгу в набор отдельных занимательньгх фактов. «Истина и факты могут быть связаны, — писал другой известный писатель, работавший в том же жанре, Гэвин Максвелл, — но гораздо чаще они противоречат друг другу. Собрание фактов, как бы добросовестно они ни были подобраны, может установить истину разве что случайно». Даррелл полностью соглашается: «За исключением пары-тройки интересных фактов дневники оказались для меня совершенно бесполезны».

Неудивительно, что многое из того, что можно найти в камерунских дневниках Даррелла, не вошло в его книгу. А того, о чем мы читаем в книге, не найти в дневнике — в том числе и всего, что связано с самим автором. Джеральд Даррелл, каким он предстает в книге, совсем не похож на Джеральда Даррелла, который за четыре года до этого вел дневники в джунглях Камеруна. Белый господин, отважный охотник, грубый, безжалостный, эгоистичный молодой человек, любитель виски исчез (не без помощи Джеки). Его место занял другой, не менее реальный Даррелл — обаятельный, веселый, скромный, самоотверженный любитель животных, с искренним уважением относящийся к африканским охотникам, от которых он полностью зависел.

Бесполезность дневников для создания литературного произведения не затормозила процесс работы. Джеральд, как и его брат Ларри, обладал уникальной зрительной памятью. «Грубо говоря, я способен запомнить все с яркостью глянцевой журнальной обложки, — говорил он. — Моя память настолько точна, что я могу путешествовать по ней и с помощью ножниц вырезать нужные для книги куски».

Вторая проблема заключалась в том, что Джеральд не хотел идти по стопам предыдущего поколения писателей, создававших книги о путешествиях и животных: «Я старался прежде всего не быть скучным, пытался создать словесную картину тех стран, по которым путешествовал. Помимо этого, я изо всех сил старался сделать так, чтобы даже самые уродливые — по человеческим стандартам, конечно, — звери, птицы и рептилии выглядели в моей книге симпатичными и интересными. Достаточно только посмотреть на них непредубежденным взглядом». Итак, в памяти возникли воспоминания о стране, именах, датах, фактах и людях. Героями новой книги, написанной вопреки сложившимся стандартам подобной литературы, стали дикие животные, наравне с людьми имеющие право жить на нашей планете.

Книга Джеральда Даррелла обладала еще одним неоспоримым достоинством. «В детстве я читал множество книг, называющихся «Девяносто лет в Тибете» и тому подобных, — говорил Джеральд Даррелл коллеге, — и в них полностью отсутствовал юмор. Смертельная скука пронизывала их от первой до последней страницы. Я твердо решил, что, если когда-нибудь напишу книгу о путешествиях, она будет веселой».

Работа была напряженной и увлекательной. «Даррелл работал над книгой так, как я даже не могла себе представить, — вспоминала Джеки. — Каждое утро меня ожидала кипа напечатанных страничек. Я должна была все это прочесть и поправить. Постепенно книга стала принимать форму. Мы оба работали с огромным увлечением. Я снова почувствовала, что история путешествий Джеральда меня увлекает, хотя раньше терпеть не могла книги о животных и путешествиях. Книга Джеральда отличалась от всего, что я читала прежде».

На страницах книги появился Джордж, бабуин, игравший на барабанах, и Чамли (сокращение от Чалмондейли), шимпанзе-джентльмен с сигаретой и банкой пива; редкий зверек ангвантибо, черноногая мангуста и гигантская водяная землеройка; реки, кишащие водяными змеями, и пещеры, где живут питоны; невероятная красота ночного леса и возбуждение от охоты во мраке; опытные охотники Элиас («низенький, толстенький, с по-обезьяньи низким лбом и выступающей вперед челюстью») и Андрая («очень высокий и невероятно худой, артистически деликатный, рисующий картинки на песке своими длинными пальцами»); масса необычных животных, атмосфера джунглей, дух приключений.

Были в этой книге и восхитительные пассажи, обладающие поистине гипнотическим воздействием на читателей, которые особенно нравились Джеки:

«Когда попадаешь в лес, он кажется после дневного света темным, мрачным, прохладным.

Свет просачивается сквозь тысячи листьев и приобретает зеленоватый оттенок, придающий всему окружающему призрачный, сказочный характер. Множество опавших листьев покрывает почву толстым слоем, мягким, как ковер, издающим приятный запах земли. Кругом стоят гигантские деревья, опирающиеся на большие изогнутые корни-подпорки; толстые ровные стволы вздымаются вверх на сотни футов, верхние ветви и листва сливаются в бесконечную зеленую лесную крышу... Не зная обычаев и повадок лесных жителей, в больших тропических лесах только случайно можно обнаружить живых существ. Непрерывно раздается лишь резкий, пронзительный звон цикад, да маленькая птичка, стыдливо укрываясь в чаще, сопровождает нас...»

Джеки стала мечтать о том, что книга принесет им много денег. Но она все не заканчивалась и не заканчиватась. «Мне начало казаться, — вспоминала она, — что Джерри решил написать «Унесенных ветром».

На самом деле, когда она подсчитала слова в готовой рукописи, оказалось, что Джеральд написал шестьдесят пять тысяч, чего было более чем достаточно для книги подобного жанра. Вскоре рукопись была запакована между двух листов картона, на первый лист наклеили этикетку с названием, именем автора, его адресом и количеством слов. Затем Джеки отнесла посылку на почту и отправила ее в издательство «Фабер» с припиской о том, что автор является братом Лоуренса Даррелла.

Снова потянулись долгие недели ожидания. В этот момент пришли два предложения о работе за рубежом. Даррелла приглашали в Управление охотничьего хозяйства Уганды и в Хартумский музей в Судане. Джеральд отправился на собеседования. От работы в Судане он отказался сразу же, поскольку ему пришлось бы на два года оставить Джеки, а вот Уганда показалась ему привлекательной. Но тут к власти пришло правительство консерваторов, которое принялось наводить экономию на всем, и должность в Уганде была сокращена.

Через шесть недель после отправки рукописи Джеральд получил письмо из издательства. Ему сообщали, что его рукопись прочли и согласиы напечатать. Не может ли он приехать в Лондон для переговоров? Джеральд не мог. У него не было денег даже на билет. Если они хотят сделать ему какое-нибудь предложение, то могут выслать его почтой. Издательство привыкло иметь дело с неимущими авторами, поэтому они не стали настаивать на своем. Джеральду, как неопытному и неизвестному автору, предложили двадцать пять фунтов авансом и еще двадцать пять фунтов после публикации книги. Джеральд немедленно принял предложение. Ему нужны были деньги. А кроме того, он хотел видеть свою книгу напечатанной.

Со временем Джеральд начал сомневаться в разумности совета Ларри относительно литературных агентов. Ведя переговоры с издательством, он понял, что ему нужна помощь кого-либо, разбирающегося в этом бизнесе и готового отстаивать его интересы. Осознавая шаткость своего положения, он решил написать агенту Ларри, Спенсеру Кертису Брауну, сыну основателя крупного агентства, клиентами которого были Ноэль Кауард, Сомерсет Моэм и А. А. Милн. Кертис Браун ответил немедленно и попросил прислать экземпляр рукописи. Он также запросил у издательства гранки. Через несколько дней Джеральд получил новое письмо от Кертиса Брауна. Не может ли Джеральд приехать в Лондон, чтобы встретиться с ним? И снова Джеки и Джеральду пришлось бежать к Лесли, чтобы воспользоваться его телефоном. Весь клан Даррелов собрался в гостиной, с тревогой прислушиваясь к тому, как Джеральд объясняет, что не может приехать в Лондон из-за финансовых затруднений. Они слышали, как он положил трубку и выскочил, громко хлопнув дверью.

— Что вы думаете? — восторженно воскликнул он. — Он так хочет встретиться со мной, что готов оплатить мне дорогу.

Вскорости деньги были получены, причем сумма значительно превышала стоимость проезда. В конверте Джеральд нашел чек на сто двадцать фунтов. «В это было невозможно поверить, — вспоминает тот удивительный день Джеки. — Впервые мы получили физическое подтверждение того, что кто-то поверил в способности Джерри».

Джеральд настоял на том, чтобы Джеки поехала в Лондон вместе с ним. После полутора лет, проведенных в крохотной комнатке, эта поездка была для них как глоток свежего воздуха. Офис Кертиса Брауна располагался в огромном старинном здании, вполне в духе Диккенса, поблизости от рынка Ковент-Гарден. Агенту тогда было немногим за сорок. В глаза сразу же бросались его каштановые волосы и воинственные усы. Кертис Браун пользовался репутацией импульсивного человека — однажды он довел Дилана Томаса буквально до истерики. Но Джеральду и Джеки он понравился. Он сказал им, что книга ему очень понравилась и что, если ею распорядиться правильно, она принесет им большой доход.

— Если «Фабер» еще не заключал соглашения относительно продажи прав в Америку, — сказал он, когда Дарреллы собрались уходить, — то я бы хотел, с вашего разрешения, показать рукопись своему американскому приятелю, с которым сегодня ужинаю.

Вернувшись в Борнмут, Джеки свалилась с жестоким гриппом. Она была совершенно разбита и чувствовала себя отвратительно. Внезапно она услышана, как кто-то бежит по лестнице. Дверь распахнулась, на пороге стоял Джеральд, весьма возбужденный и радостный.

— Вот лекарство, которое заставит тебя почувствовать себя лучше, — сказал он, протягивая телеграмму несчастной жене.

Джеки прочла текст: «Продал американские права за пятьсот долларов. Поздравляю. Спенсер». (В те времена пятьсот долларов равнялись примерно семи с половиной тысячам фунтов на сегодняшние деньги.)

«Лед тронулся», — вспоминала Джеки.

Одно печальное событие несколько омрачило приподнятое настроение. Полгода назад Джератьд в последний раз встретился со своим любимым шимпанзе Чамли, которого в 1948 году он переправил в Лондонский зоопарк с помощью Сесиля Уэбба. Чамли был счастлив встретить старого друга. Он радостно обнял Джеральда, пожал ему руку, и они выкурили по сигарете. Джеральд не знал о трагическом происшествии, пока ему на глаза не попалась статья в «Дейли экспресс»:

ШИМПАНЗЕ ЧАМЛИ

Залез в автобус №53 А;
Укусил женщину;
Набросился на мужчину;
Вел себя как настоящий Кииг-Конг.

Чамли был необычайно популярен в Лондонском зоопарке. Его неоднократно показывали по телевизору. Миллионы зрителей видели, как он пьет чай и курит. Проблемы с ним начались в начале 1952 года, когда у него заболели зубы и его отправили к ветеринару. Дантист Чамли не понравился и он набросился на врача. Оттолкнув смотрителя, Чамли сумел открыть дверцу своей клетки, вырвался на свободу и бросился через Риджентс-Парк. Он выскочил на проезжую часть и залез в автобус № 53А. Очутившись в автобусе, он нежно обнял пассажирку. Женщина закричала, тогда Чамли укусил ее, соскочил с. автобуса и направился к остановке, где собралась небольшая очередь. Все разбежались, кроме одной слепой женщины. Тогда Чамли набросился на отставного майора, а потом, по свидетельству очевидцев, забрался на балкон, принялся колотить себя в грудь и издавать крики, наподобие Кинг-Конга. Напуганный враждебным и недружелюбным миром, Чамли радостно встретил смотрителя, когда тот наконец его разыскал.

«Чамли очень мил, — сообщили члены семьи смотрителя журналистам на следующий день. — Он способен растрогать любую женщину — милое, веселое существо. Если он и укусил кого-то, то только со страха».

Казалось, инцидент был исчерпан. Но в канун Рождества Чамли снова выбрался из клетки, пересек Риджентс-Парк и пытался забраться в запертые машины на Глостер-Гейт, рассчитывая, что кто-нибудь его подвезет. На этот раз ему не повезло. «Он превратился в опасное животное, — заявил журналистам «Дейли экспресс» Джордж Кэнсдейл, директор Лондонского зоопарка. — Порой он спокоен и уравновешен, а временами превращается в сущий кошмар. В канун Рождества он был в плохом расположении духа. К сожалению, мне пришлось принять единственно правильное в подобной ситуации решение и застрелить шимпанзе».

Новости ужаснули Джеральда, собравшегося отметить Рождество в кругу семьи в Борнмуте. Он решил вставить в «Перегруженный ковчег» прощальную главу о своем друге.

«Чамли решил, что, если он прогуляется по улицам в канун Рождества» когда у лондонцев хорошее настроение, кто-нибудь дружески угостит его кружкой пива. Но глупые люди не поняли хорошего, праздничного настроения шимпанзе. Он не успел изложить свою точку зрения владельцам автомашин: примчалась группа смотрителей, и Чамли снова был водворен в зоопарк. Из милого, умного животного, удостоенного даже права выступать по телевидению, Чамли вдруг превратился в свирепое и опасное чудовище, которое могло снова убежать и искусать каких-нибудь почтенных граждан. Во избежание подобных ужасов Чамли был приговорен к смертной казни и расстрелян».

«Произошедшее с Чамли глубоко потрясло Джерри, — вспоминала Джеки, — он обвинял

Лондонский зоопарк и Джорджа Кэнсдейла в некомпетентности и невнимательности к потребностям приматов, которым нелегко привыкнуть к жизни в замкнутом пространстве. И снова Джеральд был весьма несдержан. Все были в курсе того, что именно он думает о компетентности и способностях работников Лондонского зоопарка». В будущем Джеральду предстояло не раз сталкиваться с Лондонским зоопарком, ведущей организацией Английского зоологического сообщества. Трудно поверить, что судьба Чамли не оказала никакого воздействия на его отношение к этому заведению.

Тем временем Джеральд приступил к написанию второй книги, «Три билета до Эдвенчер», веселый рассказ о своей третьей экспедиции в Британскую Гвиану. Хотя «Перегруженный ковчег» еще не вышел, Спенсер Кертис Браун предложил Джеральду начать работу, чтобы сразу же удовлетворить потребность публики в продолжении. «Три билета до Эдвенчер» были написаны за шесть недель. Поскольку «Фабер» не собирался предлагать Джеральду больше, чем было заплачено за «Ковчег», Кертис Браун решил показать книгу Руперте Харт-Дэвису, недавно организовавшему собственное издательство. Руперт предложил начинающему автору гораздо более щедрый аванс. После краткого перерыва Джеральд приступил к работе над третьей книгой, «Гончие Бафута», посвященной второй камерунской экспедиции. В самый разгар работы, 31 июля 1953 года, в Британии была наконец опубликована его первая книга «Перегруженный ковчег» с прекрасными иллюстрациями Сабины Баур.

По удивительному совпадению, первая книга Джеральда Даррелла вышла практически одновременно с новой книгой его брата, Лоуренса, посвященной греческому острову Родос. Книга Лоуренса называлась «Отражения морской Венеры». «Фабер» выпустил обе книги одновременно. В рекламной статье говорилось: «Поиски животных... и человека — двойная Демонстрация удивительного таланта Дарреллов».

Обе книги вышли удивительно вовремя. Наступал золотой век британской литературы, посвященной путешествиям. Воспоминания военных лет перестали омрачать настроение, и лишения послевоенного времени остались позади. У всех было ощущение того, что наступает новая эпоха. Молодежь с удивлением обнаружила, что вокруг раскинулся огромный мир, по которому можно путешествовать с путеводителем, а не с ружьем в руках. Почти одновременно с Дарреллами появились другие талантливые писатели — Лоуренс ван дер Пост, Гэвин Максвелл, Патрик Ли Фермор и Норман Льюис. Все новые миры открывались перед читателями. Жак Кусто написал «В мире безмолвия», Генрих Харрер «Семь лет в Тибете», а Джон Хант «Покорение Эвереста». Все эти книги были опубликованы в знаменательном 1953 году.

Книги Дарреллов пришлись как нельзя кстати. «Великолепные творения братьев Дарреллов!» — кричали рекламные статьи. Книгу Лоуренса восторженно встретили эстеты, творение же Джеральда пользовалось популярностью среди рядовых читателей. «Дейли мейл» объявило «Перегруженный ковчег» книгой августа, Би-би-си — книгой декабря. Пресса публиковала восторженные отзывы, а в книжных магазинах за книгой выстраивались очереди. «Поздравляю, — сказал Джеральду Лоуренс. — Теперь мы участники циркового представления. Ты в блестящем трико летишь в трехстах футах над ареной, а я, зацепившись за трапецию, пытаюсь затуманенным взором разглядеть тебя, чтобы вовремя поймать за щиколотки, когда ты окажешься достаточно близко».

«Перегруженному ковчегу» уделили внимание практически все ведущие национальные газеты. Благосклонно встретили произведение начинающего писателя и видные критики. Все хвалили книгу за обаяние, свежесть восприятия, юмор, совершенно новый подход к миру живой природы и далеких стран и за живой, образный язык. Критики оценили смелость, чувствительность, гуманизм и любовь к животным, присущие автору. «То, что Джеральд Даррелл сделал для диких животных, — писал один из критиков, — можно сравнить только с материнской любовью». Все восхищались зверями, о которых написал Джеральд, — «это словно чаепитие у Безумного Шляпника!» Некоторые сравнивали «Перегруженный ковчег» с его литературными предшественниками — викторианскими приключенческими романами для мальчиков и с недавними бестселлерами, авторы которых разделяли взгляды Даррелла на животных — в том числе с книгой полковника Билла Уильямса «Слон по имени Билл» и с популярным исследованием поведения животных, проведенным Конрадом Лоренцем и описанным им в книге «Кольцо царя Соломона».

«Как человек, Джеральд Даррелл обладает добротой и хорошим чувством юмора, которое он способен обнаружить даже в старом смотрители обезьянника, — писал Найджел Никол сон в «Дейли диспатч». — Как зоолог, он весьма скромно скрывает свои познания. Как писатель, он обладает всем сразу — ясностью видения, отличным юмором, живым стилем и точным знанием того, как не быть скучным, не становясь при этом легкомысленным... Это выдающаяся книга».

Лоуренс ван дер Пост в своей статье в журнале «Кантримен» также выгразил свое восхищение

этой книгой: «Ловля животных открывает нам Африку с другой стороны. Мы видим этот континент более нежным, чувственным, загадочным и семейным. Какое облегчение взять в руки книгу об Африке, в которой нет тамтамов, львов и слонов!»

Питер Кеннел в «Дейли мейл» оценил книгу как «увлекательную... Он обладает удивительным даром находить нужные слова». Раймонд Мортимер в «Санди тайме» написал, что книга «очень веселая» и, несомненно, найдет своих поклонников среди людей всех возрастов и литературных пристрастий. Джон Хиллаби в «Спектейторе» заметил, что «Перегруженный ковчег» знаменует собой появление книг нового поколения, «характеризующихся новым, свежим подходом к реализму». Гэвин Максвелл в «Нью стейтсмене» писал, что Джеральд «описывает детали своих путешествий с соответствующей степенью энтузиазма». За несколько месяцев было продано двадцать семь тысяч экземпляров «Перегруженного ковчега», книга уверенно занимала первые строчки в рейтингах. С тех пор она переиздается постоянно и практически всегда имеется в продаже.

Но не все было таким безоблачным. Пара опытных звероловов продолжали относиться к Джеральду как к неопытному новичку. Они неодобрительно отнеслись к его книге, считая ее легковесной. Почти в то же время была опубликована биография соперника Даррелла по Камеруну Сесиля Уэбба, которая в зоологических кругах была принята с гораздо большим энтузиазмом. И хотя большинство критиков восторгались душевным описанием африканских охотников, некоторые критиковали Даррелла за использование исковерканного английского для передачи речи африканцев. Тогда такой подход считался колониальным и унизительным. (Но в то же время один критик превозносил книгу за использование исковерканного английского, называя творение Даррелла «лучшей и самой доброй книгой, написанной об Африке».)

Более серьезные критики подвергали сомнению этичность того, чем Даррелл занимался в Африке. «Айриш таймс» задавалась вопросом, этично ли само существование зоопарков и можно ли ловить животных, чтобы затем выставлять их на всеобщее обозрение. Но, как указывал другой критик, «даже те, кто не одобряет ловлю диких животных и заточение их в клетки, не смогут противостоять искушению последовать за мистером Дарреллом в его путешествия».

Никто не мог предсказать, какое воздействие эта книга окажет на публику, но ее влияние на умы молодежи несомненно. Она ознаменовала собой начало эры охраны окружающей среды. В первой книге и в последовавших за ней «Трех билетах до Эдвенчер» и «Гончих Бафута» еще нет замечаний автора относительно реальной роли зоопарков и сохранения исчезающих видов животных. Не затрагивал он и темы разведения диких животных в неволе.

И это удивительно. Джеральд думал об этом уже давно, еще во время

войны, когда он был еще подростком. В более поздних книгах он пишет о том, что эти мысли не покидали его, когда он работал в Уипснейде в 1945—1946 годах. Но пока ему не перевалило за пятьдесят, он не писал о сохранении исчезающих видов животных и об охране окружающей среды. Почему же так случилось?

Может быть, потому, что его идеи тогда еще не до конца сформировались, чтобы выносить их на публичное обсуждение? Или начинающий автор счел свои книга неподходящим местом для решения сложных зоологических вопросов? А может быть, он почувствовал, что общественное мнение еще не готово к восприятию его идей? Возможно, он был не до конца уверен в собственных силах и не хотел еще сильнее восстанавливать против себя зоологический истеблишмент, от которого он продолжал зависеть.

Один критик ближе всего подошел к истинной оценке «Перегруженного ковчега». Влиятельный критик Джеффри Григсон в «Кантри лайф» написал, что Джеральд Даррелл в литературе сделал то же самое, что и художник-примитивист Анри Руссо в живописи. Восприятие природы у Даррелла было совершенно детским, и сам он был, по мнению критика, сущее дитя природы. Книга написана о воплощении детской мечты в детском мире чудес. Серьезные вопросы остались без ответа, хотя автор и решился их задать, пусть даже в подтексте.

Григсон писал: «Мистер Даррелл не сосредоточивается на опасностях, трудностях и тяготах. Он не жалуется на судьбу, не теряется перед проблемами и сложностями жизни, он не взвешивает все за и против ловли диких зверей. Животные, пойманные под камнями, в пещерах, в реках, на верхних ветвях деревьев, для него — все равно что птичьи яйца в апреле для маленького мальчика. Некоторые выживут, другие погибнут. Некоторым будет хорошо, кто-то будет страдать, но счастливого зверолова это не волнует. Он любит мир. Он любит своего высокого худого помощника. Он любит маленького и толстенького охотника. Ему нравится исковерканный английский. Он любит лес... Этот писатель принимает мир, он наслаждается им и хочет поделиться своим наслаждением с читателем».

В сентябре 1953 года «Перегруженный ковчег» вышел в американском издательстве «Викинг», а следом за этим последовали издания в разных странах Европы. В США книга была встречена не менее восторженно, чем в Англии. Все крупные газеты поместили благосклонные рецензии. В отличие от британских коллег, американские звероловы отнеслись к начинающему писателю дружелюбно и с симпатией. Даррелла называли «самым молодым британским звероловом», его книгу хвалили за «абсолютную достоверность и искусство жить в соответствии с истинным законом джунглей».

Жизнь Джеральда изменилась словно по мановению волшебной палочки. Его брат Лоуренс, на протяжении многих лет работавший в литературе, еще никогда не удостаивался такого внимания прессы. Однако он с присущей ему щедростью радостно встретил успех младшего брата. «Не думаешь ли ты, что этот дьяволенок пишет чертовски хорошо? — писал он своему другу Генри Миллеру. — Его стиль напоминает свежий хрустящий лист салата. Мой младший брат добился выдающегося успеха своей первой же книгой и заработал неплохие деньги. Удачно для того, кто начал карьеру всего с двадцати пяти фунтов и билетов на поезд, оплаченных литературным агентом». Ричарду Олдингтону Лоуренс писал: «Мой брат Джерри? Он обладает замечательным ирландским даром потрепаться... Знаешь ли ты, что эти дурацкие книги о животных расходятся многотысячными тиражами? Мой агент утверждает, что он абсолютно уверен в постоянном спросе на подобную литературу. Мне бы хотелось любить животных так, как он». Лоуренс никогда не завидовал брату и не предавал его. Алан Томас торговал книгами Даррелла в книжном магазине Борнмута. Он вспоминает, что как-то раз ему позвонила женщина, прочитавшая рецензию на «Отражения морской Венеры», и сказала: «Я бы хотела заказать книгу мистера Даррелла. Я имею в виду другого Даррелла, не того, который пишет про зверей».

К своему удивлению, Джеральд мгновенно стал знаменитостью. Выступая в популярной телевизионной программе «Сегодня вечером в нашем городе», он познакомился со знаменитой шведской кинозвездой Май Цеттерлинг, только что вернувшейся из Голливуда. Рассказы Джеральда о его книге и о столь необычном способе зарабатывать на жизнь покорили киноактрису, и она стала верным другом Даррелла, а впоследствии вышла замуж за одного из его близких друзей. Трудно представить, как сильно изменилась жизнь Джеральда Даррелла. Еще вчера ему не на что было добраться до Лондона, он не мог позволить себе ничего, кроме чая и хлеба, а сегодня о нем пишут известные критики и кинозвезды почитают для себя за честь познакомиться с ним.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

О ЗВЕРЯХ И КНИГАХ: 1953-1955

Теперь Джеральд был более состоятелен, чем когда-либо. Вместо того чтобы вложить полученные средства в недвижимость или акции, он решил организовать новую, уже четвертую по счету экспедицию. Джеки никогда не путешествовала, она всю жизнь провела в Европе, поэтому выбор страны остался за ней. Может быть, ей понравилось красивое название, может быть, ее привлекали те романтические понятия, которые были связаны с этой страной — танго, гаучо, пампасы, Эвита Перон... Словом, Джеки выбрала Аргентину. «Даррелл, разумеется, мечтал о Южной Америке, -— вспоминала она, — и предлагал включить в наш маршрут Чили, а при первой возможности и Парагвай».

Началась подготовка к путешествию. Джеральд еще писал свою третью книгу «Гончие Бафута», поэтому основную тяжесть по организации аргентинской экспедиции приняла на себя Джеки. Очень скоро стало ясно, что вдвоем им с этим делом не справиться. Им нужен был секретарь. И вскоре такой человек появился. Секретарем Даррелловстала Софи Кук. Ее мать бежала из гитлеровской Германии. Софи была спокойной, довольно застенчивой, очень сосредоточенной женщиной лет сорока. Она стала первой из череды секретарей, работавших с Джеральдом на протяжении всей его жизни. Софи перепечатывала рукопись «Гончих Бафута», исправляла грамматические ошибки и исполняла все секретарские обязанности, связанные с поездкой в Аргентину. Это было замечательное, но нелегкое время. Трех человек запихнули в крохотную комнатку дома Маргарет — порой им было трудно даже повернуться, особенно когда комната стала заполняться предметами, необходимыми для будущей экспедиции, от сосок для ягнят и поилок для колибри до кинокамер и одежды для жаркого климата. «Наша маленькая квартирка выглядела, как склад утильсырья, — писала впоследствии Джеки, — и бедная Софи с огромным трудом протискивалась по утрам к своему столу. Но она никогда не ворчала, не суетилась и стоически продолжала

печатать и готовить нам чай».

Когда в команде появился третий человек, дело пошло быстрее. По совету Ларри, имевшего богатый опыт путешествий по всему миру, Джеральд обратился в аргентинское посольство и Министерство иностранных дел Англии. В результате экспедиция получила статус «официальной миссии». Никогда еще официальные миссии не были столь экзотичными. Агент забронировал для Даррелов места на корабле, отплывающем в Буэнос-Айрес, и заверил, что они будут путешествовать с комфортом. В конце ноября 1953 года Джеральд и Джеки отправились в путешествие, которое должно было стать их медовым месяцем. Вся семья провожала их на вокзале в Борнмуте, а в Тилбери Джеральда и Джеки уже ожидал корабль.

Судно, где они собирались провести медовый месяц, оказалось кораблем для перевозки эмигрантов. Это был старый военный корабль, перевозивший эмигрантов из Испании и Португалии в Латинскую Америку. Билет в туристский класс обеспечивал Даррелам некоторые удобства в сравнении с другими пассажирами, но только и всего. Каюта, по воспоминаниями Джеки, более всего напоминала «гроб-переросток», без иллюминаторов, без свежего воздуха, без дневного света. Медовый месяц предлагалось провести на двухэтажной койке, а стоять или разместить багаж в каюте попросту не представлялось возможным. Джеральд был в ярости, но это оказалось еще не самым страшным. Корабль кишел тараканами, в общей ванной царила невероятная грязь, в мрачном, обшарпанном салоне подавали только пиво, а пища была отвратительной. И тем не менее путешествие доставило Джеки удовольствие. «Мне нравилась каждая минута нашего путешествия, — писала она, вспоминая тропические ночи на палубе, песни и танцы эмигрантов, звуки их гитар, экзотические порты. — Но бедный Даррелл не мог скрыть своего разочарования».

Первую остановку в Новом Свете корабль сделал в Ресифе, на севере Бразилии, а затем двинулся к югу — сначала в Рио, потом в Сантос, а оттуда вверх по грязной Рио-де-ла-Плата. И вот в утреннем тумане появились смутные очертания Буэнос-Айреса. Джеральд воспрянул духом. Ничто не может сравниться с прибытием в новую страну на борту старого корабля. 19 декабря 1953 года пара молодоженов со стажем впервые ступила на землю Аргентины.

Поскольку они прибыли с официальной миссией, встречать Даррелов прибыли журналисты. Аргентинские репортеры были ужасно удивлены тем, что парочка проделала такой долгий путь, чтобы собирать каких-то дурацких зверей. «Когда люди узнают, что вы интересуетесь животными, — вспоминал Джеральд, — они сразу же начинают сомневаться в ваших умственных способностях». Аргентинские журналисты окрестили элегантных Джеральда и Джеки «научными авантюристами в героическом мире». Их причислили к ряду великих конкистадоров, в котором рядом с Кортесом и Писарро стояли Бугенвиль, Ла Кондамин и Дарвин.

«Джеральд Даррелл — это не охотник прошлых времен, — писал еженедельный журнал «Веа и Леа». — Он работает ради науки. Он ищет неизвестных животных и хочет привезти их в Англию живыми, чтобы изучать их поведение и пытаться разводить их в неволе». «А чем будет заниматься Джаклин?» — интересовался другой репортер. «Я собираюсь использовать ее в качестве приманки для ягуаров», — без тени улыбки отвечал Джеральд.

«Перед нами прекрасная молодая пара, — отмечала газета «Эль Хогар». — Она миниатюрная и стройная с трогательной челкой, напоминающей о столь недавнем детстве. Действительно, рядом со своим мужем она похожа на девочку. А Джеральд Даррелл — это высокий молодой человек со светлыми волосами и яркими мальчишескими глазами. В поисках удивительных животных он прошел джунгли Африки и Британской Гвианы, где смерть подстерегала его на каждом шагу».

Каждому, кто прибывает в чужую страну ради того, чтобы ловить диких и, возможно, опасных животных, нужен помощник. Незадолго до отплытия Джеральда в Аргентину Ларри прислал ему письмо, в котором настоятельно рекомендовал обратиться к Бебите Ферейре, его давней подруге, живущей в Буэнос-Айресе. «Из всех женщин, которых я знал, Бебита была больше всего похожа на греческую богиню, — писал Джеральд. — Мы поддались ее невероятному очарованию с первого взгляда. Мы практически поселились в ее квартире, поедали замечательные и удивительно вкусные блюда, слушали музыку, болтали о пустяках. Очень скоро мы стали полагаться на Бебиту во всем. Ее никогда не удивляли самые странные просьбы, и она могла организовать все, что угодно». Но даже помощник, обладающий невероятной энергией Бебиты Ферейры, не может предусмотреть всего. Экспедиции пришлось столкнуться с событиями, не поддающимися контролю гостеприимной хозяйки.

Джеральд изначально собирался посетить унылые болота Терра-дель-Фуэго, чтобы ловить там уток и гусей для фонда Питера Скотта, поэтому для него стало неприятным открытием то, что купить билеты на самолет в эту часть света в ближайшем будущем оказалось практически невозмож-

но. Пока этот вопрос выяснялся, Джеральд и Джеки решили совершить краткое путешествие в пампасы. Они отправились на ферму своих новых друзей «Лос-Инглесес».

«Аргентина — это одна из немногих стран мира, где можно отправиться в путешествие и на полпути одновременно увидеть и точку отправления, и место назначения, — писал Джеральд. — Плоская, как бильярдный стол, пампа простирается вокруг вас, и кажется, что она уходит далеко на край света». Ловить зверей Джеральд начал именно в пампе вокруг «Лос-Инглесес». Первыми трофеями экспедиции стали восемь земляных сов и пара кукушек гуира. Самые распространенные в окрестностях «Лос-Инглесес» птицы оказались самыми редкими и находящимися на грани вымирания. Речь идет о чайях, или «больших крикунах», крупных, похожих на гусей птицах, которые вызывали неукротимый гнев местных фермеров за то, что их стаи опустошали огромные поля люцерны. Немногие из собранных Джеральдом за всю его жизнь птиц произвели на него такое впечатление, как Эгберт, птенец чайи, которого он поймал через несколько дней после приезда в «Лос-Инглесес»:

«Это был самый трогательный, самый забавный и самый очаровательный птенец, которого я когда-либо видел. Ему вряд ли было больше неделя от роду. Тело его было совершенно круглым, величиной не больше кокосового ореха. На длинной шее сидела высокая куполообразная голова с крошечным клювом и парой приветливых коричневых глаз. Серовато-розовые ноги были непомерно большими по сравнению с размерами тела и, казалось, совершенно не повиновались ему. Из верхней части туловища росли два маленьких дряблых кусочка кожи, похожих на два пальца изношенных кожаных перчаток; они были приставлены к телу словно случайно и исполняли роль крыльев. Одет он был в нечто вроде ярко-желтого костюма из свалявшегося неочищенного хлопка. Птенчик выкатился из мешка, упал на спину, с трудом поднялся на свои огромные плоские лапы и, слегка приподняв забавные крылья, с любопытством уставился на нас. Затем он открыл клюв и застенчиво произнес: «Уип». Это привело нас в такой восторг, что мы забыли ответить на его приветствие. Он медленно и осторожно приподнял одну ногу, вытянул ее вперед и поставил на землю, а потом проделал то же самое с другой ногой. Он смотрел на нас с сияющим видом, явно гордясь тем, что успешно выполнил такой сложный маневр. Немного отдохнув, он снова произнес «уип» и вознамерился повторить все сначала, очевидно, желая доказать нам, что его успех не был случайным... Мне не раз приходилось встречать забавных птиц; как правило, они были смешными благодаря своей нелепой внешности, отчего и самые обычные их движения казались смешными. Но еще ни разу мне не приходилось встречать такой птицы, которая, подобно Эгберту, не только смешна сама по себе, но и беспредельно комична во всех своих действиях. Ни одна птица, которую я когда-либо видел, не могла заставить меня смеяться до упаду».

Следующую остановку Даррелы сделали в Парагвае, в маленькой деревушке Пуэрто-Касадо на берегу реки Парагвай. Здесь они собирались ловить зверей на поросшей кактусами равнине Чако. Добраться до Чако из Касадо можно было тремя способами — верхом, в повозке, запряженной буйволами, или посредством «автовиа» — своеобразной железной дороги, роль поездов на которой исполняли старые автомобили «Форд». Автовиа тянулась на двести километров. Большую часть своей коллекции Даррелы пополнили именно благодаря ей. Туда же, куда автовиа не добиралась, они отправлялись на лошадях, постоянно открывая что-то новое для себя — например, восхитительную цветочную реку, попавшуюся им на глаза, когда они пересекали поляну, заросшую золотистой травой:

«Пересекая поляну, мы обнаружили, что она делится на две части широкой извилистой лентой чудесных молочио-голубых цветов, уходящей вдаль, подобно небольшой речке. Когда мы подъехали ближе, я понял, что перед нами действитатьно речушка, но она настолько заросла водяными растениями, что увидеть воду было почти невозможно. Сверху ее прикрывал ковер голубых цветов, а под ним виднелись переплетающиеся глянцевито-зеленые листья. Цветы были такой нежной, чистой голубизны, что казалось, будто кусочек неба упал на землю между рядами коричневых стволов пальм. Мы вошли в речку, копыта лошадей мяли листья и цветы, и позади оставалась узкая полоска воды. Черно-красные стрекозы плавно кружили над нами, сверкая на солнце прозрачными крыльями. Когда мы выбрались на противоположный берег и снова вошли в тень пальм, я повернулся в седле и еще раз полюбовался великолепной улицей голубых цветов; наш след в виде сверкающей полосы воды перерезал ее, как молния летний небосвод».

Дни шли, коллекция росла. Никогда нельзя было предположить, что принесет следующий

день. Дарреллы собирали животных сами и покупали их у местных охотников. Очень скоро у них появились самые разнообразные животные — от лягушек Баджета до дикой кошки, от енота-крабоеда до чернолицего ибиса. Через два месяца пребывания в Чако коллекция стала весьма внушительной. Чако — это рай для птиц, поэтому птиц у Джеральда было вдвое больше, чем других представителей фауны.

«В любой коллекции есть два-три зверя, которые становятся зверолову особенно дороги», — писал Джеральд, рассказывая об обезьянке-дурукула Кае, детеныше енота-крабоеда Пу и о сером лисенке Фокси. Но никто из животных не мог сравниться с Сарой Хагерзак, детенышем гигантского муравьеда. Когда ее поймали, Саре была всего неделя или около того. От носа до кончика хвоста в ней было всего два с половиной фута, а шум она производила, «как пароходная сирена, страдающая ларингитом».

Когда Сару вытряхнули из мешка, в котором ее принесли, она стала кружить по комнате, пока не наткнулась на ногу Джеки. Тогда муравьедаха радостно вцепилась в нее. Джеральд попытался отцепить звереныша, но тот, словно пиявка, прилепился к его руке, перебирая лапами поднялся выше, а потом уютно улегся на плечах, как роскошный меховой воротник, «Так в нашу жизнь вошла Сара Хагерзак, — писал Джеральд, — и она оказалась на редкость очаровательным, милым существом. ...Прежде всего она оказалась исключительно голосистой. Стоило замешкаться с кормежкой или не приласкать ее, когда она требовала внимания, и Сара призывала вас к повиновению во всю мочь своих легких. Главной радостью в ее жизни была возможность обниматься и быть обнятой».

Сара прожила с Дарреллами несколько недель, а потом начались зимние дожди. Настало время подумать о возвращении в далекий Буэнос-Айрес со всеми собранными зверями. Но в это время в Асунсьоне, столице Парагвая, произошла революция. Удача отвернулась от Джеральда. Ему посоветовали покинуть страну при первой же возможности. Единственный доступным средством передвижения был легкий самолет — а это означало, что пойманных животных придется оставить. Эти известия погрузили Джеральда в черную депрессию. Ничего не оставалось, кроме как открыть дверцы клеток и вытустить животных на волю. Но сказать так легче, чем сделать. Многие животные не желали уходить. Джеральд уносил зверей за пределы лагеря, но они возвращались, их носы торчали из-за деревьев. Они сидели и ждали очередной кормежки. Джеральд выбрал нескольких животных, которые могли поместиться в крохотном самолете (в том числе и Сару Хагерзак), и вернулся в Буэнос-Айрес.

Во время краткого перерыва в военных действиях самолет благополучно вывез Дарреллов из Асунсьона. Они были в безопасности, но финансовое состояние экспедиции оказалось плачевным. Экспедиция обошлась Джеральду в три тысячи фунтов, он потратил все, что заработал на «Перегруженном ковчеге». Поимка нескольких животных в последние дни пребывания в Аргентине не могла компенсировать потерю тех экземпляров, которые ему удалось поймать в Парагвае.

Вскоре пришла пора покидать Южную Америку. Животных погрузили на палубу корабля «Звезда Парагвая» и тщательно привязали клетки, чтобы атлантические штормы не сдвинули их с места. В салоне друзья распрощались с Дарреллами, и утром корабль отплыл в Англию. «Мы махали и кивали на прощанье, а затем, когда провожающие почти исчезли в темноте, раздался самый печальный звук на свете — низкий мрачный рев пароходной сирены, прощальный привет уходящего в море судна». Джеки было особенно грустно. Она полюбила Аргентину и не хотела покидать новых друзей.

Но питомцы требовали постоянного ухода, так что времени на печаль не оставалось. С первыми лучами солнца Дарреллы выпивали по чашке чая и отправлялись чистить клетки, мыть горшки и миски на палубе. Хорошо еще, что плавание проходило в тропических водах, так что птицы не простужались. Сару Хагерзак трижды в день прогуливали по палубе, и так продолжалось до тех пор, пока корабль не вошел в более северные широты.

Но не все было так плохо. В отличие от судна, доставившего Дарреллов в Южную Америку, «Звезда Парагвая» была настоящим лайнером. Звероловам предоставили отличную каюту, пища была превосходной, напитки лились рекой, а сервис был на высоте. Дарреллы подружились с пассажирами и командой и стали постоянными участниками всех вечеринок и гулянок, которые заканчивались с рассветом. На костюмированном балу Джеральд и Джеки нарядились парагвайцами и получили первый приз. Единственным человеком, кому пребывание на борту шумной семейки с необычным багажом удовольствия не доставило, был капитан, который вечно ворчал по поводу грязи и из-за того, что животные постоянно отвлекали команду.

В июле «Звезда Парагвая» вошла в Лондонский порт. Зверей на этот раз было немного,

поэтому их удалось быстро пристроить по зоопаркам. Пейтонский зоопарк приобрел большую часть птиц и животных, в том числе и любимицу всего корабля Сару Хагерзак. «Расставаться со всеми этими симпатягами было очень тяжело, — вспоминала Джеки и добавляла: — Я начала понимать, что чувствовал Даррелл, возвращаясь из своих путешествий, и почему он так мечтал когда-нибудь создать собственный зоопарк. Ему не хотелось расставаться с животными, привезенными из экспедиций».

Из бескрайней пампы и беспредельных просторов Атлантики Даррелы вернулись в крохотную комнатку в борнмутском доме Маргарет. Джеральд с головой ушел в литературную деятельность, пытаясь заложить основы финансового благополучия, которое позволило бы ему в один прекрасный день стать хозяином собственного зоопарка. Вторая его книга, «Три билета до Эдвенчер», вышла в свет весной, и теперь Джеральд читал рецензии. Тон рецензий был благожелательным. Критики хвалили обаяние, скромность и чувство юмора автора, его мастерство рассказчика и любовь к тем удивительным созданиям, которых он ловил.

Но одна рецензия выбивалась из общего ряда. Джордж Кэнсдейл, директор Лондонского зоопарка, застреливший Чамли два года назад, напечатал статью в «Дейли телеграф». Кэнсдейл всегда недолюбливал Джеральда, а некролог по погибшему Чамли в «Перегруженном ковчеге» переполнил чашу его терпения. Кэнсдейл получил возможность отомстить и не пожалел яда, чтобы выставить Джеральда чистейшей воды любителем и невеждой. Он признавал, что Джеральд пишет «заразительно», но его экспедиции — это не что иное, как «невинные заграничные поездки». «Если бы они жили так, как описывает Даррелл, — писал Кэнсдейл, — то вряд ли сумели вернуться домой живыми». Он утверждал, что книга писалась в спешке и что ее следовало бы еще отшлифовать. Грамматика хромает, стиль оставляет желать лучшего, информации слишком мало, а анекдотов чересчур много. Настоящий натуралист должен был бы больше внимания уделить ловле зверей, коллекционированию и естественной истории.

Эта рецензия омрачила возвращение домой, но худшее было еще впереди. В отсутствие Джеральда издательство «Харт-Дэвис» решило опубликовать «Гончих Бафута» осенью, не дожидаясь будущей весны. Это означало, что у Джеральда в 1954 году выходили две книги, а на 1955-й не оставалось ни одной. С неохотой он приступил к работе над своей четвертой книгой «Под пологом пьяного леса», где собирался рассказать об экспедиции в Аргентину и Парагвай. Порой лень так одолевала его, что Джеки и Софи приходилось буквально подталкивать его к письменному столу.

Ситуация еще более осложнилась, когда, едва закончив четвертую книгу о путешествии в Аргентину, Джеральд приступил к пятой, поскольку финансовое его положение после очередной экспедиции пошатнулось весьма серьезно. «Новый Ной» стал сборником рассказов для детей о путешествиях в Камерун, Гвиану и Парагвай. «По какой-то причине Даррелл не захотел заканчивать эту книгу, — писала Джеки. — Доведенные до отчаяния, мы с Софи сами написали заключительную главу, что вдохновило его на то, чтобы полностью переписать ее и довести книгу до конца». «Почему вы, две старые карги, не понимаете, что я не машина? — жаловался Джеральд. — Я не могу без конца барабанить по клавишам. Мне нужно вдохновение».

Джеки предложила мужу воспользоваться системой его брата, Ларри, который просыпался в половине пятого, чтобы несколько часов поработать, а остальную часть дня посвящал другим занятиям. Джеральд резко возразил: «Разница между нами заключается в том, что он любит писать, а я нет. Для меня литература — это способ заработать деньги, чтобы иметь возможность работать с животными, и ничего больше. Я не могу называться серьезным писателем, скорее я журналист, которому посчастливилось продать то, что он сочинил».

Однако книги Джеральда продавались очень неплохо. Продажа «Трех билетов до Эдвенчер» шла полным ходом. 15 октября в свет вышли «Гончие Бафута». Шотландская газета купила права на сериализацию новой книги, а спустя какое-то время на Би-би-си подготовили четырнадцать радиопередач. В канун Нового года был выпущен радиоспектакль «Король и конга». «Гончие Бафута» стали Книгой Месяца, продажи шли великолепно, и издательство «Харт-Дэвис» устроило в честь Джеральда обед в «Савое».

Джеральд был польщен, хотя и несколько смущен своим литературным успехом. Он был весьма скромного мнения о своих писательских способностях, особенно в сравнении с талантом старшего брата, которого он считал «настоящим» писателем, хотя ему и не удавалось жить на свои гонорары. Сам же Джеральд рассматривал свою литературную деятельность только как средство получения денег для продолжения карьеры зоолога. Но он глубоко заблуждался. С первых же трех книг стало ясно, что он обладает в высшей степени оригинальным талантом и врожденным даром рассказчика. Его язык был гибким, образным и богатым, наблюдательность натуралиста сочеталась в

нем с чувствительностью и эстетизмом поэта. Прирожденный рассказчик, он обладал умением слушать и слышать, подмечать все абсурдное и эксцентричное. Великолепное чувство юмора, любовь к жизни, к людям и животным обогащали его книги. Талант Даррелла вьшел его в первые ряды писателей, пишущих о природе. Он стал одним из лучших английских писателей-юмористов, а его поэтическим описаниям природы могли позавидовать многие. Даже «Поэтри ревью» оценивала его книги за «внутреннюю поэзию, ощущаемую в мастерских описаниях пейзажей и животных, которую вполне можно сравнить с творчеством старшего брата Джеральда, Лоуренса».

Сам же Джеральд по-прежнему не мог оценить своих творений по достоинству. «Единственное, что меня беспокоит, — писал он Ларри, — это насколько долго британская публика будет продолжать читать мой бред, пока он ей не наскучит. В «Харт-Дэвис» считают, что мне надо бы заняться чем-нибудь другим». В конце концов он написал книгу коротких рассказов для детей, но в «Харт-Дэвис» ее сочли слишком «изысканной».

13 ноября 1954 года Джеральд выступил с лекцией в Королевском концертном зале в Лондоне. Идея его напугала, поскольку он никогда не выступал публично. Порой он чувствовал себя буквально больным. Только перспектива отличной рекламы вынудила Джеральда согласиться.

Лекция Даррелла рекламировалась повсюду. На плакатах красовались надписи: «Танцующие обезьяны... Волосатые лягушки... ДЖЕРАЛЬД ДАРРЕЛЛ!» Все билеты были проданы. На Джеральда надели хрустящую белую рубашку, респектабельный галстук и втиснули его в отлично выглаженный темный костюм. В концертный зал он ехал, как к месту казни. Но стоило ему выйти на сцену, как он преобразился. Из невротика, буквально парализованного ужасом, он превратился в блестящего оратора, веселого и умеющего общаться с аудиторией, завораживающего слушателей своим бархатным баритоном и сценическим обаянием.

«Большинство людей, — начал он, — считает, что ловля зверей означает месяцы, проведенные в тропическом раю, бесконечный отдых в шезлонге со стаканом виски в руке, а вся работа ложится на плечи местного населения. Чтобы дать вам представление о подлинной жизни зверолова, я решил рассказать вам о типичной экспедиции». Джеральд говорил о случаях из собственного опыта, о мучениях, сюрпризах, комедиях (но только не о трагедиях!). Он оказался одаренным художником и, говоря об очередном звере, быстро набрасывал мелками на большом листе бумаги, прикрепленном к стене, его портрет. В своей лекции Джеральд использовал фрагменты из снятого во время последнего путешествия фильма — в частности сцену поимки гигантской анаконды. Из-за революции в Парагвае, объяснил он своим слушателям, им пришлось провести все съемки, запланированные на два месяца, за четыре дня, но он выразил надежду на то, что слушатели простят его.

Затем Джеральд перешел к самой интересной части своей лекции. «Теперь я хотел бы представить вам двух представительниц противоположного пола, — заявил он. — Получил я их разными способами. Одну мне удалось поймать на равнине Чако, а на второй я женился. Леди и джентльмены — моя ЖЕНА... и... САРА ХАГЕРЗАК!» Появление Джеки было встречено аплодисментами, а когда на сцене появилась Сара, публика пришла в полный восторг. Радость публики передалась муравьедихе, и она выступила с блеском. «Лекция прошла с огромным успехом, — вспоминала Джеки. — Но истинной героиней вечера оказалась Сара Хагерзак. Она была в полном восторге от реакции публики и так возбудилась, что никак не хотела возвращаться в свою клетку».

«Гончие Бафута» вышли в Англии и в Америке в 1954 году. Позднее эта книга была переведена на большинство европейских языков, а также опубликована в Южной Америке. Рецензии были замечательными, продажи также превосходили самые смелые ожидания. В Британии «Гончих» включили в двадцатку рождественских книг, причем соседями Джеральда стали Агата Кристи, Пол Гэллико и Колетт. Первый тираж в 10 тысяч экземпляров был распродан в мгновение ока, затем прошла первая допечатка, за ней вторая. Эта книга печатается постоянно, вы всегда можете найти ее в продаже. Она была переведена более чем на двадцать пять языков. Выдающийся швейцарский психолог Карл Юнг никогда не расставался с экземпляром «Гончих Бафута». Джеральд стал получать письма со всех концов света, особенно часто ему писали дети, в том числе и из стран, относящихся к коммунистическому блоку. Все эти письма были пронизаны искренней любовью к природе.

«Дорогой Джеральд Даррелл. Как поживаете? — писал один мальчик на ломаном английском. — Меня зовут Алеша. Я живу в России. Я читал много ваших книг. Я очень люблю вашу книгу «Гончие Бафута». Я очень-очень хочу иметь волосатую лягушку. Я очень очень прошу прислать мне волосатую лягушку. И, дорогой Джеральд, напишите мне письмо. Пожалуйста. До свидания. Алеша».

Письмо от пятнадцатилетней болгарки Елены написано более грамотно. «Вы очень популярны среди нашей молодежи, — писала она. — Больше всего мне нравятся «Три билета до

Эдвенчер» и «Под пологом пьяного леса». Я очень люблю зверей и страшно жалею, что в моем доме слишком мало места даже для домашних животных. Но у меня есть губка. Ее зовут Клавдий. Он живет в банке и питается только морской солью. У него есть четыре / пять детей. Губка, бедная губка...»

Критики встретили книгу Даррелла с огромным энтузиазмом, причем в этом английские критики не отличались от своих американских коллег. Все соглашались с тем, что «Гончие Бафута» — лучшая книга Джеральда. Это лучшая книга об Африке, лучшая книга о животных, лучшая книга о путешествиях, лучшая книга обо всем на свете. «Книги редко доставляют мне такое наслаждение, — писал романист Джеймс Хэнли. — Обаяние, юмор, острая наблюдательность делают автора «настоящим фавном, мохнатым созданием, обладающим исключительным обаянием». И еще в книге был Фон.

Этот африканский пьяница — источник постоянных хлопот для политически корректных африканских националистов будущего — проходит через всю книгу, как чернокожий Фальстаф. «Любитель джина король Бафута — это замечательный персонаж», — писал критик из журнала «Тайм энд Тайд», а другой журналист замечал: «Я рад, что в нем сошлись воедино Агамемнон и сэр Тикеджи Рао III и что нашелся поэт, который обеспечил ему бессмертие». Нью-йоркская газета «Сатердей ревью оф литератче» подхватывает: «Мистер Даррелл, способный выпить не меньше любого частного детектива, присоединился к Фону в его поистине лукулловых трапезах, способных вызвать глубочайшее уважение. Во время этих алкогольных возлияний мистер Даррелл сумел запомнить и воспроизвести самые замечательные беседы и глубоко проникнуть в душу африканского короля. Глубина и достоверность изображения делают образ Фона интересным, противоречивым и трогательным».

Но не все было так безоблачно. В мире появился интерес к проблеме отношений животных и зоопарков, колонии и метрополий. Некоторые критики были удивлены тем, что в своей книге Даррелл не коснулся ни одного из этих вопросов. «Он пытается обойтись без объяснений, — писал критик из «Спектейтора». — Он не выносит моральных суждений. Он полностью сосредоточен на частностях». Более того, у него «нет рекомендаций относительно будущего Черного континента», он убежден, что «чем меньше животное, тем ему будет лучше в зоопарке». Дэвид Эттенборо отмечал, что в книге полностью отсутствуют проблемы и трагедии, неизбежные в любой звероловской экспедиции. Из Америки пришло сообщение о том, что книга не понравится «любящим тетушкам Эммам». В своей книге Джеральд не смог обойтись без описаний туалетных привычек своих питомцев, а также смело обсуждал вопросы сексуального поведения обезьян. «И разумеется, мы не можем одобрить пьянство. А о нем говорится на каждой второй странице».

К этому моменту Джеральд уже понял, что превратился в общественное достояние. Он решил, что настало время изменить свою жизнь и предстать перед миром в более приемлемой форме. Смущенный тем, что газеты называют его «ученым», он укрепил свои образовательные позиции для обложек книг и критических статей. Теперь он утверждал, что получил образование во Франции, Швейцарии, Италии, Греции и Англии до войны, а во время войны занимался исследованиями в области сельского хозяйства и экологии.

Имея за плечами три опубликованных бестселлера и два в запасе («Под пологом пьяного леса» и «Новый Ной»), Джеральд добился признания и известности. Известность его была так велика, что Лоуренс писал Генри Миллеру, что Джеральд стал «более знаменитым писателем, чем все мы, вместе взятые», хотя он по-прежнему остается «совершенно не испорченным своей славой и точно таким же, как раньше». Впервые заветная мечта Джеральда иметь собственный зоопарк начала приобретать реальные очертания, хотя позволить себе настоящий большой зоопарк он никак не мог. Чем серьезнее он задумывался над реализацией своей мечты, тем сильнее беспокоились друзья и члены семьи. «Но зачем тебе нужен зоопарк? — спрашивали они. — Почему не кондитерская фабрика, не сад, не ферма — словом, почему бы тебе не купить что-нибудь безопасное и респектабельное?»

«Во-первых, — позднее писал Джеральд, — я никогда не хотел быть респектабельным. Во-вторых, я не думаю, что желание иметь собственный зоопарк является чересчур эксцентричным. Для меня это совершенно естественно. Я всегда интересовался теми, кто живет на этой планете рядом со мной, и всегда хотел жить по соседству с ними, чтобы иметь возможность наблюдать и учиться у них. А что может быть лучше для такой цели, как не собственный зоопарк?»

Теперь мечта Джеральда стала выходить за обычные пределы. Он стал буквально одержим этой идеей, которая была заложена в него генетически. Он инстинктивно понял собственное предназначение. Его не волновало, сочтут ли его эксцентричным или нет. Еще меньше беспокоил его

титанический труд. «В те счастливые дни, — вспоминал он, — я не представлял, сколько денег и тяжелого труда потребуется для того, чтобы воплотить мою мечту в реальность».

Но где, когда и как это сделать? Обдумывая свой проект, Джеральд решился обратиться за советом к троим выдающимся натуралистам страны — к биологу Джулиану Хаксли, генеральному директору ЮНЕСКО Питеру Скотту, основателю Фонда в Слимбридже, и Джеймсу Фишеру, известному британскому орнитологу и лектору по вопросам естественной истории. Джеральд также посетил Жана Делакура, «самого невероятного орнитолога в мире», который собрал замечательную коллекцию птиц во Франции. «Жан дал мне множество полезных советов, — писал Джеральд. — Советы человека, обладающего таким огромным опытом, оказались для меня бесценными». В конце беседы Джеральд спросил у великого ученого, есть ли надежда для этого мира. Делакур на мгновение задумался, а потом ответил: «Да. Надежда есть — если мы признаем каннибализм».

24 октября 1954 года, через несколько дней после выхода «Гончих Бафута», Джеральд писал Лоуренсу о своем замысле:

«Я хочу рассказать тебе о моей идее, в исполнении которой мне понадобится твоя помощь и поддержка. Полагаю, что сейчас я вполне могу попытаться сделать то, о чем мечтал долгие годы. Не сомневаюсь, что мои планы покажутся тебе безумными и пустыми. Я хочу создать фонд или организацию со штаб-квартирой где-нибудь в Вест-Индии, чтобы разводить в неволе тех животных, которые находятся на грани исчезновения и которые не смогут сохраниться без помощи человека. Я всегда считал, что это слишком смелая мечта, чтобы ее можно было воплотить в жизнь, но, встретившись с Джоном Хаксли (написавшим мне очень милое письмо по поводу «Ковчега»), я изложил ему свои соображения, и он согласился с тем, что это замечательная и очень нужная идея. Но, как он справедливо заметил, даже если все зоологи мира поддержат меня, лишь немногие смогут поддержать меня финансово. Я пишу тебе, чтобы спросить, не знаешь ли ты какого-нибудь богатого человека?.. Я могу предоставить ряд рекомендаций от известных ученых, в том числе от двух знаменитостей. К сожалению, в наше время известность в научном мире не приносит наличных».

Если бы ему удалось найти трех-четырех жертвователей и собрать десять тысяч фунтов, Джеральд мог бы создать собственный зоопарк. Джеральд рассчитывал на помощь со стороны знакомых Лоуренса, среди которых были такие известные люди, как Фрейя Старк, писательница и путешественница, Осберт Ланкастер, Игорь Стравинский и многие другие. Бухгалтеры Джеральда уже работали над созданием будущего Фонда. Следующим шагом должны были стать большие деньги и известные имена.

14 декабря Джеральд пишет Лоуренсу о Лесли. В марте 1952 года он наконец-то женился на своей разведенной подружке Дорис Холл — «громкоголосой, добросердечной хохотушке Дорис». Ей было сорок шесть лет, на одиннадцать лет больше, чем мужу. Молодожены уехали в Кению, где Лесли стал управлять фермой (в брачном свидетельстве его профессия значилась как «механик по сельскохозяйственным машинам»). Джеральд надеялся, что брату наконец удастся осесть и заняться чем-нибудь серьезным. Первые сообщения из Африки обнадеживали. «Из его писем ясно, что он полностью доволен, — пишет Джеральд Лоуренсу. — Ему нравится его работа и образ жизни. Полагаю, это то, что ему нужно».

Собственная жизнь Лоуренса была довольно напряженной и беспорядочной. В начале 1953 года ему пришлось выбирать между назначением в Россию или в Турцию. Он предпочел уйти в отставку и поселиться на Кипре, чтобы глубже проанализировать свои греческие и средиземноморские корни и обрести новое вдохновение. Он работал над завершением романа «Жюстина», первым томом знаменитого «Александрийского квартета», принесшего ему славу и деньги. Он жил в маленькой деревушке Беллапаис в нескольких милях от Кирении, где купил домик, прилепившийся к холму, на котором возвышались руины средневекового аббатства, утопавшие в апельсиновых и лимонных деревьях. Темноглазая дочка Лоуренса, Сафо, жила с ним. Туда же переехала и мама, ставшая домоправительницей и сиделкой для жены Ларри, Евы, страдавшей серьезным нервным заболеванием.

Кипр в то время переживал сложный момент в своей истории. Греки-киприоты восстали против британского правления и от протестов и забастовок перешли к открытому сопротивлению и вооруженной борьбе за присоединение к Греции. Положение Лоуренса было сложным. Он снова вопреки своему желанию, оказался вовлеченным в политическую борьбу. Он знал греческий язык и понимал психологию греков, поэтому его назначили руководителем информационной службы при британском консульстве в Никозии, из-за чего киприоты стали считать его английским шпионом.

К тому же стало ясно, что брак Лоуренса и Евы уже не спасти. Их совместная жизнь приносила обоим лишь страдания и боль. Осложняли положение Лоуренса и многочисленные гости и

посетители. В начале 1955 года на Кипр на два месяца приехали Джеральд с Джеки. «Зная пристрастие Джеральда к киносъемкам, — вспоминала Джеки, — Ларри предложил ему познакомиться с островом и снять о нем фильм. Джерри не пришлось уговаривать покинуть «Остров пудингов», и очень скоро мне снова пришлось собирать всевозможное оборудование».

Была и еще одна причина, чтобы отправиться на Кипр. Как и его брат, Джеральд никогда не чувствовал себя чистокровным англичанином. Он без труда подхватывался и мог жить где угодно. В его памяти были живы картины счастливого детства, проведенного на греческом острове, он надеялся — хотя Кипр мало напоминал Корфу — обрести нечто подобное и во взрослой жизни. Более того, он думал, что, может быть, на Кипре ему удастся найти место для своего зоопарка — зоопарк мечты на острове мечты. В конце 1954 года по просьбе брата Джеральд написал статью для «Сайпрус ревью», правительственной газеты, которую редактировал Лоуренс, в которой писал и о зоопарках: «Я глубоко удивлен тем, что никто до сих пор не создал зоопарка на Кипре... Преимущества этого острова очевидны, и основным является климат. Удивительно, насколько снижает расходы на содержание зоопарка теплый климат. Он позволяет содержать самых удивительных, редких и деликатных животных. В таком зоопарке их вполне можно было бы разводить».

Джеральд и Джеки прибыли на Кипр 31 марта 1955 года. Джеральд вновь увидел Средиземное море после того, как покинул Корфу еще до войны. «Мой младший и чрезвычайно удачливый брат приехал утром, — писал Лоуренс Фрейе Старк. — Он собирается пробыть здесь два месяца, чтобы закончить книгу и снять два цветных фильма для телевидения. Он просто кипит энергией и энтузиазмом». Среди знаменитостей, гостивших У Лоуренса, был писатель и эллинофил Патрик Ли Фермор с женой. Они на пару дней пересеклись с Джеральдом. «Было очень приятно и удивительно видеть, как похожи братья друг на друга, — вспоминал Ли Фермор. — Они были совершенно одинаковы по внешности, голосу, смеху, юмору и одинаково любили жизнь».

Но ожидания Джеральда не оправдались. Лоуренс устроил небольшую вечеринку, чтобы познакомить брата и невестку с кипрским обществом. А ночью в городе произошло несколько взрывов, в том числе и на местной радиостанции. Началась террористическая борьба киприотов против английского правления. Лоуренс выскочил из дома с криком: «Мои записи!» Джеральд бросился за ним. «Подожди! — кричал он. — Если ты собираешься совершить величайшую глупость в своей жизни, я не отпущу тебя одного. Куда бы я ни отправился, везде происходят революции!»

С планами съемок фильма о Кипре пришлось распроститься. Джеральд и Джеки остались в Беллапаисе и стали снимать фильм о важности водоснабжения для кипрских деревень — довольно странный выбор темы для такого человека, как Джеральд. Ему удалось быстро вспомнить греческий, что облегчило общение с местными жителями. Его по-дружески принимали в самых враждебно настроенных регионах острова. Но на острове, раздираемом гражданской войной, нет места для зоопарков, а в раздираемой скандалами семье нет места для брата. Когда стало ясно, что с телевизионными планами придется проститься, Джеральд и Джеки покинули Кипр и предоставили Лоуренсу и Еве самим разбираться в своих проблемах.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ИДИЛЛИЯ: 1955

12 июня 1955 года Джеральд и Джеки вернулись в Англию и сняли квартиру на северной окраине Лондона. Джеральд заболел желтухой, и ему приходилось придерживаться строжайшей диеты из паровой рыбы, сухарей и полностью воздерживаться от алкоголя — «такого не вытерпит ни один человек в здравом уме!».

Никогда еще Джеральду не было так плохо. Его бил озноб, его мутило, он был заперт в своей комнате, полностью оторван от повседневной жизни. Единственной его опорой была Джеки. Джеральд получил редкую возможность передохнуть, разобрать камни и подумать — ведь больше заняться он ничем не мог.

Вступая в четвертое десятилетие своей жизни, Джеральд начал по-иному оценивать второе — счастливые довоенные годы, проведенные на Корфу. Этот остров всегда жил в его памяти. Он постоянно говорил о нем. Детские годы были связаны с таким счастьем и радостью, что забыть о них было попросту невозможно. Именно Корфу сделал Джеральда тем, кем ой стал. Именно там он почувствовал и развил в себе интерес к естественной истории, именно здесь он ощутил вкус к исследованиям природы и животных, чего никогда не смог бы сделать в старой, склеротической Англии. Во время болезни Джеральд полностью погрузился в воспоминания о счастливом детстве,

отдался ностальгии по любви, которая ушла и не вернется. «Корфу, — говорил он гораздо позже своему другу Дэвиду Хьюзу, — это Рождество каждый день».

На Корфу Джеральд впервые понял, что такое наслаждение. «Солнце и море. Музыка. Цвета. И фактура: скалы, бревна, ощущение вещей. А потом купания, плавание, теплая вода на разгоряченной коже... Остров идеально подходил для этого. Здесь, как на съемочной площадке, кипарисы вонзались в небо, оливковые рощи были тонко прорисованы на фоне ночного пейзажа, огромная луна отражалась в спокойной воде — Голливуд для чувств».

Впервые Джеральд задумался над тем, чтобы систематизировать воспоминания детства тремя годами раньше, когда готовил радиопередачу «Мои учителя на острове» для Би-би-си в декабре 1952 года. Тогда он рассказал о своих четырех учителях-эмигрантах, которых он назвал Томас Джонсон (то есть Джордж Вилкинсон), Майкл (Пэт Эванс), бельгийский консул и поляк-горбун (Краевски). Этих несчастных приглашали, чтобы вбить хоть что-нибудь в голову юного упрямца. Характеры учителей были великолепно выписаны. Уже тогда Джеральд задумался над тем, чтобы написать о чудесном острове и о том, что нравилось ему в те годы больше всего, — о пыльных козьих тропах через оливковые рощи, о белоснежных пляжах, о кристально-чистом и теплом, как кровь, море, об узких улочках и ярких прилавках еврейского квартала, где кишели кошки, об удивительном мире пауков, о спичечном коробке со скорпионами, о веранде, где пели птицы...

Для той передачи Джеральд лишь скользнул по поверхности своих воспоминаний, даже не упомянув о своем главном учителе — Тео Стефанидесе. Он считал его другом и наставником, а не нанятым учителем. В этом с Джеральдом были согласны и все остальные члены семьи. Но это было лишь начало. Сейчас же, лежа в постели и не имея возможности заниматься делами, он стал обдумывать эту идею гораздо глубже и серьезнее, чем раньше. Перед ним возник целый мир, о котором можно было рассказать. Он понимал, что все эти воспоминания подобны товарам на восточном базаре. Все это — сырой материал, из которого можно создать книгу, которую он хочет и должен написать, — историю счастливого детства на сказочном острове Корфу. «Об этой книге, — вспоминает Джеки, — он говорил годами».

Джеральд прекрасно осознавал, что если он сделает все правильно, то выиграет. Идея стала воплощаться в жизнь. С одной стороны, целые сцены, порой даже целые главы лились свободно и легко. Они появлялись полностью готовыми, никто не мешал памяти изливаться на бумагу. С другой стороны, Джеральд прекрасно сумел обработать довольно сырой материал, придав ему вид совершенно профессиональный.

Много лет спустя, беседуя с Дэвидом Хьюзом, Джеральд утверждал, что он «совершенно сознательно написал бестселлер». Хьюз записал: «Дар-релл, как хороший повар, соединил три компонента, которые хороши сами по себе, но вместе становятся просто восхитительны. Он взял сказочный ландшафт греческого острова, удивительных его обитателей — животных и самих греков — и добавил ко всему этому эксцентричные характеры членов своей семьи. Остров придал его повествованию покой, рай, солнечный свет, радость. Мир природы обеспечил авантюрную увлекательность. Родственники же внесли в эту книгу веселье, легкость, комедийность». Главным для Джеральда было соблюсти равновесие между всеми тремя составляющими, чтобы читатель не заскучал и мог переключиться с одного на другое.

«Я совершил огромную ошибку, впустив на первые страницы своих родственников», — писал Джеральд в предисловии к своим воспоминаниям. Стоило им появиться, жаловался он, «как они тут же заполонили всю книгу, как это всегда делают герои книг, и зажили собственной жизнью». Единственная трудность заключалась в том, чтобы втиснуть между ними своих животных.

Нет сомнений в том, что Джеральд очень тщательно продумал план будущей книги. «Я очень внимательно отнесся к плану книги, — писал он позже, — и к той очередности, в которой я писал главу за главой. Моя книга — это слоеный торт». Даррелл добавляет немного описаний там, чуть-чуть юмора сям, а за этим следуют сведения из естественной истории — словом, повествование никогда не становится однообразным и скучным для читателя.

Сначала нужно было выбрать название. Если название выбрано неправильно, то книга становится похожа на сражение без цели. Хорошее название не только вдохновляет, но и определяет концепцию книги. Джеральд записывал все варианты, когда они приходили ему на ум. Он думал назвать книгу «Детство со скорпионами», «Мир в Наутилусе». Потом, когда основная тема книги стала яснее, появилось название «Карта рая», «Карта детства». Б конце концов он решил остановиться на названии «Человек с золотыми бронзовками». В отличие от других, это название сразу же вызывало в воображении четкий визуальный образ и к тому же могло служить метафорой по отношению ко всей книге в целом.

Затем возникла структура книги. В ней должно было быть три части» по одной для каждого дома, где жила семья Даррелов — землянично-розового дома в Пераме, нарциссово-желтого дома в Кондокали и белоснежно-белого дома в Кризеде. Каждая часть состояла из четырех глав (впоследствии это количество было увеличено до шести) и была объемом примерно в двадцать тысяч слов. Неразборчивые цифры, нацарапанные на страничке оглавления, дают нам удивительно точное количество — 105 076 слов — таков объем книги. Дополнения, в том числе предисловие, добавили к объему еще 45 076 слов.

После этого был составлен список персонажей книги. Многих из них Джеральд нарисовал на полях и дал им краткие характеристики. Вот примеры таких описаний: «Ларри — елейный, позер, комичный», «Мама — задумчивая и затравленная», «Спиро — типичный грек, неуловимый, взрывной, грубый, добрый».

Затем Джеральд стал работать над передачей речи и манер каждого из персонажей. Помимо людей в книгу проникли и животные — Роджер, Вьюн, Пачкун, Алеко, Улисс, Додо и масса безымянных, но не менее интересных — гекконы, морские уточки, муравьиные львы, крабы-пауки, осы, гигантские жабы и многие, многие другие.

Потом следовало продумать порядок появления в книге каждого персонажа, будь он человеком или животным, обосновать их отношение друг к другу. Внезапно осознав, что те, о ком он пишет, могут оказаться живы и недовольны своим описанием, Джеральд решил переименовать некоторых из них. Так его учитель-поляк Краевски прошел длинный путь, на котором его именовали и Кваренским, и Петрогубским, и Ведзардопским, и Мулумнивицким. Но в конце концов Джеральд остановился на английском произношении его фамилии — Кралевски.

И наконец, Джеральд написал коротенькое вступление к своей книге, озаглавив его «Слово в свое оправдание», которое решил поместить в качестве предисловия к новой книге (которая теперь уже называлась «Только звери»). В нем он писал: «Эта книга — история довольно любопытного ученичества», рассказ о том, как шестилетний мальчик стал «убежденным зоофилом», живя на старинной вилле на уединенном греческом острове в Эгейском море, где ему удается увидеть огромное множество всяческих животных.

Писать книгу в Вудсайде не удалось. Домовладелец постоянно скандалил из-за того, что Джеральд держал в квартире двух обезьянок. Когда болезнь немного отпустила и лицо Джеральда приобрело относительно нормальный цвет, в Лондон приехала Маргарет, чтобы перевезти брата в семейное гнездо в Борнмут. Здесь он и начал писать свою книгу. «Эта книга была написана в постели в доме моей сестры, когда в мою комнату тянулась бесконечная череда родственников и друзей, которые хотели посплетничать, выпить чаю или вина или просто посоветовать мне, как писать эту книгу Тогда я стал записывать все, что вызывало во мне искреннее удивление».

Почти все свои книги Джеральд написал случайно. Эта же отличалась ото всех остальных. Он писал ее с радостью, со страстью, в его памяти снова оживали счастливые годы райской жизни. Оглядываясь назад, он приводил к выводу, что до этого вообще не писал. «Иногда мне кажется, что все это создал за меня гремлин». Джеки вспоминает: «Я никогда не видела, чтобы Джерри так работал прежде. Текст буквально изливался на бумагу, и бедная Софи должна была перепечатывать страницу за страницей. Через шесть недель было написано 120 тысяч слов. Даррелл окончательно изнемог. Книга была закончена — и автор тоже чуть не кончился вместе с ней».

Даррелу удалось написать чудесную утопию об идиллии на острове, классическое воспоминание о детстве, увиденном глазами взрослого, которому удалось в сердце своем остаться тем же мальчишкой, что и прежде.

В ходе работы Джеральд не переставал думать о названии для книги. На этот раз он решил назвать ее «Как счастливо мы жили».

Но очень скоро после того, как книга была закончена, в приливе вдохновения Джеральд зачеркнул последнее название и написал новое, предложенное зятем его литературного агента: «МОЯ СЕМЬЯ И ДРУГИЕ ЗВЕРИ».

Сначала Джеральд отправил экземпляр рукописи своему наставнику Тео Стефанидесу. Тео просмотрел ее через микроскоп, поправил греческие названия и имена и уточнил детали корфиотской истории и местной биологии. «Апельсины не краснеют раньше ноября, — писал он Джеральду, — это зимний фрукт... Ты уверен, что наземные черепахи едят слизняков, — считается, что они вегетарианцы... Я никогда не видел на Корфу светлячков после мая. Лишь на горе Олимп мне доводилось видеть их в июле... Слово «турецкий» лучше было бы заменить на «персидский» —

исправь эту ошибку, пока тебя не обвинили в том, что в битве при Фермопилах сражались турки!»[3]

Когда рукопись благополучно прошла первичное испытание, экземпляры были отосланы Кертису Брауну и Руперту Харт-Дэвису. Они отреагировали мгновенно. Оба с восторгом заявили, что это лучшая книга, когда-либо написанная Джеральдом. Несомненно, она станет бестселлером. Харт-Дэвис собирался напечатать книгу немедленно, но, поскольку она должна была стать рождественской книгой, публикацию отложили до осени 1956 года, хотя пришлось ждать почти год. Агент и издатель с сожалением узнали, что книга чуть не прикончила автора, но зато она вышла отлично и практически не требовала редакторской правки.

Джеральд почти полностью лишился сил. Алан Огден рекомендовал ему длительный отдых — и физический, и психологический. Доктор предложил отправиться на острова Силли. Джеральд и Джеки провели там два месяца. Они гуляли, наблюдали за птицами, пили домашнее вино из пастернака и старались ни о чем не думать. Джеральд попытался позабыть о Корфу.

А тем временем книгу прочли члены семьи. Они не просто удивились, они были ошеломлены. Кроме Ларри, никто из них не был объектом пристального публичного внимания. Они с трудом узнавали себя такими, какими видел их маленький Джерри. Мама, которой была посвящена книга, заявила: «Самое ужасное в Джеральдовой книге то, что я начинаю верить, что все было именно так, хотя и знаю, что это неправда».

Ларри же пришел к совершенно обратному заключению: «Джерри обратил свой внимательный взгляд любителя животных на собственную семью и описал ее с ужасающей биологической достоверностью. Он прекрасно воссоздал свою семью, какой она представала перед глазами тринадцатилетнего мальчика. Это плутовская, очень веселая и, боюсь, правдивая книга — лучший аргумент в пользу того, чтобы держать тринадцатилетних мальчишек в закрытых школах и не позволять им вертеться в доме и подслушивать разговоры тех, кто лучше и старше их». В книге младшего брата Ларри выделил два великолепных портрета. С любовью и глубоким чувством Джеральд описал маму и сам остров, красота и покой которого описаны очень поэтично и нежно. А портрет самого Ларри, «брюзги с золотым сердцем», по словам одного из критиков, был, по его собственному признанию в письме к Ричарду Олдингтоиу, «чудовищным портретом гения в возрасте двадцати одного года».

Маргарет, которая предстает на страницах книги довольно пустой девицей, целиком поглощенной мыслями о мальчиках, оказалась достаточно добросердечной, чтобы смириться с этим. Реакция Лесли осталась неизвестной. Джеки, которой места в книге не нашлось, хохотала как безумная, читая рукопись, причем не только из-за того, что детство было описано с точки зрения ребенка, но и потому, что книга была написана с ошибками, свойственными ребенку.

Правда ли все, о чем написано в этой книге? Или, как считают некоторые критики, это плод воображения автора? Может быть, воспоминания Джеральда так же похожи на реальную жизнь, как сахарная вата на обыкновенный сахар? Не уподобился ли автор своему поляку-учителю Краевскому, об одной из историй которого он написан: «Это была замечательная история, которая вполне могла бы быть правдивой... И даже если все это неправда, так должно было случиться, я чувствую это».

В предисловии к своей книге Джеральд написал: «Мне пришлось все перекраивать, складывать, подрезать, так что от истинной продолжительности событий почти ничего не осталось». Чтобы сохранить цельность семьи, Джеральд вырезал жену Ларри, Нэнси, и ввел самого Ларри, который на самом деле жил отдельно и лишь навещал родственников. Порой он присваивал действия Лесли себе, в частности, так в книге появился разговор с арестантом, которого отпустили из тюрьмы.

Как заметил Гек Финн о книге Марка Твена, посвященной его другу Тому Сойеру: «Конечно, кое-что он выдумал, но в основном он говорил правду». Конечно, это свойственно нехудожественной литературе. Тот же самый принцип лежит в основе всех серьезных автобиографий, особенно в той их части, которая касается детства, — вспомните книгу Лори Ли «Сидр с Рози» или «Дом Элрига» Гэвина Максвелла. Но тем не менее многие удивляются, как мог Джеральд так точно и детально запомнить события, отделенные от него больше чем двадцатью годами? Как он мог вспомнить стольких персонажей, мест, ландшафтов, поступки и слова множества персонажей?

«Невероятно популярная книга Джеральда в большей своей части правдива, — заявила Джейн Лагудис Пинчин, профессор английского языка из Нью-Йорка. — Но истина в ней не главное. Джеральд Даррелл пишет художественную прозу. Более того, он пишет художественную прозу особого вида. Настоящие имена и реальные места — всего лишь иллюзия, которая позволяет нам

[3] Удивительно, что Тео совершил ошибку. Речь шла о сражении при Марафоне, а не Фермопилах, на что постоянно указывали греческие издатели книги.

полностью ощутить себя внутри идиллии на острове».

Сам Джеральд это отрицает. «Я бы хотел подчеркнуть, что все анекдоты об острове и его жителях совершенно справедливы», — пишет он в предисловии. Впоследствии он утверждал, что может вспомнить события каждого дня из тех пяти лет, что он провел на Корфу. Эти события хранились в его памяти, как фотографии в альбоме. «Моя память — точно такая же, как у всех. Но моя обладает цветом, хранит ароматы и звуки». Звуки, ароматы и виды Корфу он запомнил с удивительной четкостью и точностью:

«Я могу вспомнить изгиб запястья, тень улыбки, бородавку, прыщ, старческую руку, изуродованную артритом, гладящую меня по светлым волосам, беззубые десны, желтые белки глаз и голос, произносящий традиционное греческое приветствие. Я помню запах старой одежды, напоминавшей бинты мумии, вонь мочи, запах хлеба, масла, оливок и чеснока, запах выстиранных носков. Под мышками, откуда торчат клочья волос, гораздо более густых, чем на голове старухи, ее бюстгальтер посерел от пота. Крестьяне, пьющие чай, когда мы уже закончили, попкорн в доме Марии, теплые дожди...»

Точность, с которой Джеральд описывал поведение животных, и удивительная достоверность описаний ландшафтов Корфу, что может подтвердить любой, кто побывал на этом острове, подтверждает, что он обладай уникальной памятью. Персонажи книги правдивы: порой автор придает животным чисто человеческие черты, порой дает карикатурное изображение, порой что-то преувеличивает, а о чем-то умалчивает в традициях семьи Даррелов — и они полностью отражают первую реакцию ребенка на удивительную жизнь на средиземноморском острове в те замечательные предвоенные годы. О достоверности книга говорит и тот факт, что она была прочитана и подтверждена Теодором Стефанидесом, большим педантом и любителем точности.

Образ Корфу в книге Джеральда резко отличается от того, какой мы видим в книге Лоуренса Даррелла «Пещера Просперо». Оба брата вспоминают о рае, но рай у них получается совершенно разным. Лоуренс становился мужчиной. Мир Джеральда был миром ребенка, невинным, наивным, не ведающим зла, домашним миром, в котором всегда была мама, где супницы были полны, а к столу мог сесть любой. Это дом, куда он всегда мог прийти сам и привести своих друзей вне зависимости от количества их ног — здесь были одинаково рады и двуногим, и четвероногим, и шестиногим, и стоногим, и даже тем, у кого ног вообще не было. Время доказало, что, однажды покинув этот рай, в него невозможно вернуться — разве что с помощью ручки и бумаги, памяти и воображения.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА: 1955-1956

К концу 1955 года Джеральд Даррелл уже написал шесть книг за три года, организовал пять экспедиций и принял участие в восьми. Хотя он постоянно называл себя «ленивым и пугливым», эти качества полностью компенсировались удивительной энергией, как физической, так и умственной. Однако в это время Джеральд решил изменить ход своей жизни. Размеренная, упорядоченная жизнь признанного писателя ему наскучила, он стал снова мечтать о свободе и приключениях в джунглях. Джеральд начал подумывать об организации еще одной экспедиции. Он шутил, что члены семьи, которых он вывел в книге «Моя семья и другие звери», подали на него в суд за клевету, и теперь он вынужден «бежать и скрываться в тропическом лесу».

На самом деле Джеральд мечтал о новой экспедиции. Сначала все шло как прежде: он собирался ловить редких животных для зоопарков и дилеров в Англии. Надеялся он заинтересовать и американцев. Теперь он отлично знал, что добиться коммерческого успеха в подобной экспедиции нелегко. Зато он мог получить отличный материал для новых книг, а книги приносили ему деньги. Джеральд хотел также снимать научно-популярные фильмы, несмотря на то что его съемки в Аргентине и на Кипре провалились. Однако приключения зверолова могли стать отличным материалом для фильмов.

Джеральд долго раздумывал над тем, куда бы ему отправиться, и наконец остановился на Камеруне, решив навестить своего старинного друга, Фона Бафута. Гораздо легче снимать фильм в уже знакомой стране, а знакомые охотники помогут ему поймать необходимых животных. Сначала он собирался ловить крупных, сенсационных животных, хотя ему хотелось, чтобы читатели считали, что он специализируется на ловле мелких зверушек, представляющих научный интерес, которые редко привлекают внимание звероловов. С самого начала эта экспедиция была загадочном и про-

тиворечивой, поскольку Джеральд пытался отойти от старого образа мышления.

Сначала он обратился к легендарному американскому зверолову Айвену Сандерсону, приключения которого в довоенном Камеруне так поразили его воображение в детстве. Джеральд хотел получить у великого старика информацию о редких, ценных и мифичесшгх животных, в частности о гориллах и о загадочных гигантских летучих мышах, которых Сандерсон видел на лесной речке во время одной из своих экспедиций. Обращаться к Сандерсону было не самое лучшее время. Только что сгорели зимние помещения его знаменитого зоопарка в Нью-Джерси, причем вместе с животными. Но зверолов прислал теплое и очень полезное письмо.

«Я слышал о Вашей работе и искренне восхищен Вашей деятельностью.

Теперь давайте поговорим о «гигантской летучей мыши». Хочу заверить вас, что эта чертова тварь не набрасывалась на меня. Она просто пролетела мимо и внимательно на нас посмотрела. У меня сложилось впечатление, что она охотилась за лягушками, которых в той речке была пропасть. Кем бы ни была эта тварь, она была огромной, у нее были острые зубы и здоровенные когти. Летела она медленно. Местные жители отлично знают о ней и относятся с почтением. Эти люди не суеверны и обладают отличным логическим мышлением, гораздо более логичным, чем мышление европейцеви американцев!.. Посылаю Вам карту, на которой с точностью до полумили указано, где именно мы видели это создание[4]. Если говорить о гориллах, то мы видели их к северу от огромной скалы, которую мы прозвали «Деревенским соском». Ассумбо знают все семейные группы. Мы всеми силами старались убедить их не ловить детенышей варварским способом: они собирались убивать матерей, хватать детенышей и убегать. Вы не должны пытаться добыть детенышей гориллы таким образом, но если это Вам удастся, я не завидую, поскольку представляю, чего будет стоить доставить детенышей на побережье.

...Не собираетесь ли Вы ловить водяных землероек? Если Вам удастся доставить их живыми, пришлите мне пару — я хорошо заплачу за них американскими долларами!»

Закончил Сандерсон свое письмо короткой просьбой, очень удивившей Джеральда странными совпадениями. «Загляните к моей матери, — писал американский зверолов. — Она живет в отеле «Берри Корт» в Борнмуте. Это замечательная женщина, и если вы любите хорошо поесть, вы с ней поладите».

Через пять дней Джеральд написал ответ. Информация о гигантской летучей мыши была очень полезной. Он определенно постарается поймать это удивительное животное. Джеральду очень хотелось увидеть животное, напоминающее птеродактиля, обитающее в болотах на границе Конго и Родезии, которое могло бы оказаться и в Камеруне. «Если мы его увидим и сумеем поймать, — писал он Сандерсону, — я обязательно дам Вам знать».

«В отношении зверей, которых Вам хотелось бы приобрести, хочу сказать, что мне очень понравился ваш подход. Когда я прочитал, что Вы хотите купить нескольких водяных землероек, то мое кровяное давление сразу же подскочило. Я ловил их во время прежних экспедиций, но, как и Вы, быстро обнаруживал, что они отказываются что-либо есть. Пожалуй, я сделаю еще одну попытку, и если мне это удастся, то, боюсь, Вам придется заплатить мне очень много американских долларов, чтобы хотя бы в малой степени компенсировать мне тот моральный ущерб, который эти твари мне нанесли!»

Следующее письмо Джеральда Айвену Сандерсону еще менее утешительно, чем первое, что доказывает ответ безутешного зверолова:

«Я задержался с ответом на Ваше письмо от 28 июля в связи с очередным бедствием, обрушившимся на мой зоопарк. На этот раз у нас случилось настоящее наводнение, и вода стояла 36 часов. Один из моих людей сумел спасти животных, но все остальное погибло. За этот год мы третий раз оказываемся на коленях. Сначала случился ураган, который смыл зоопарк в реку. Восстановление обошлось нам в семь тысяч долларов. Затем возник пожар, в котором погибли животные и научное оборудование. Ущерб составил более двадцати девяти тысяч. А теперь еще и наводнение. Нужно готовить еще десять тысяч. К сожалению, я — не «Стандарт ойл оф Нью-Джерси». Честный человек не может заработать сорок пять тысяч в год. Мы вынуждены продать животных, уволить персонал и закрыть зоопарк. Поэтому и я задержался с ответом... Если Вы поймаете птеродактиля, то не просто

[4] На карте Сандерсона указано, что гигантскую летучую мышь он видел к северу от Тинты, на реке, которая течет через долину, разделяющую горы Огойя иБеменда. Об этом случае Сандерсон рассказывает в своей книге «Сокровища животного мира»...

«даете мне знать», а обязательно назовите его в мою честь!»

Повседневная суета и работа над «Моей семьей и другими зверями» отвлекли Джеральда. Вернулся к своим планам он только через несколько месяцев. В начале 1956 года план третьей камерунской начал воплощаться в реальность. Джеки с помощью секретарши, Софи Кук, взяла на себя основную работу по организации экспедиции. Она связывалась с производителями снаряжения, предлагая им рекламу в обмен на их товары. Вскоре дом Маргарет в очередной раз оказался забитым коробками и ящиками со снаряжением зверолова, отправляющегося в джунгли Африки на полгода, а то и больше. «Нашего снаряжения хватило бы на небольшую армию», — вспоминала Джеки. Когда настало время отъезда, багаж экспедиции в порт доставляли два больших грузовика.

А тем временем Джеральд связывался с английскими и американскими зоопарками, а также с правительственными учреждениями. Директор Музея естественной истории в Лондоне заверил его, что на череп гориллы всегда найдется покупатель. Лондонский зоопарк заказал ему рыжую водяную крысу, зоопарк Дадли был готов приобрести любых рептилий, а зоопарк Бель-Вью проявил особый интерес к гориллам и шимпанзе. В мае Джеральд отправился в Голландию, где располагался Международный центр по торговле дикими животными, пытаясь понять, какие виды пользуются спросом. Британские колониальные власти дали ему разрешение па оружие и амуницию, «необходимую для того, чтобы охотиться, убивать и ловить животных и птиц, упомянутых в Перечне Управления по охране диких животных».

Поскольку работы в экспедиции должно было прибавиться, Джеральд решил привлечь к этому делу две дополнительные пары рук. Во-первых, он пригласил с собой Софи Кук, которая с восторгом приняла предложение. А позже к Дарреллу присоединился восемнадцатилетний натуралист из Бристоля, Роберт Голдинг, один из тех, кто прислал ему письмо с просьбой взять в следующую экспедицию. Свой выбор Джеральд остановил на Роберте, поскольку тот писал о своем особенном интересе к рептилия.

Джеральд написал письмо своему партнеру по первым экспедициям Джону Йелланду, который теперь заведовал отделом птиц в Лондонском зоопарке. В нем он просил составить список требуемых зоопарку птиц и дать рекомендации по кормлению наиболее ценных видов. В ответ он получил непочтительное письмо, написанное с чувством юмора, мало отличающимся от его собственного.

«Привет, старина-дилер,

благодарю за оскорбительное письмо. Тебе отлично известно, что если я пришлю список птиц, необходимых зоопарку, ты немедленно потеряешь его, не успев отъехать от Борнмута. Советую вспомнить, сколько раз ты терял наши билеты, не говоря уже о многочисленных списках, которые я составлял для тебя раньше. Неудивительно, что камерунская экспедиция без меня кажется тебе совершенно не такой, как прежде... Надеюсь увидеть тебя после возвращения. Деньги за свои ценные советы я успею получить с тебя и позже. Когда же мы наконец получим Груз Белой Женщины? Другими словами, когда ты отплываешь?»

В разгар подготовки Джеральд не переставал думать о собственном зоопарке. Это стало его навязчивой идеей. Позже он писал:

«Как многие другие люди, я был совершенно серьезно убежден в том, что благодаря сознательным или бессознательным усилиям человечества год за годом в нашем мире медленно, но верно исчезают различные живот-ные... Для меня уничтожение животных равносильно уголовному преступлению, как уничтожение всего, что мы не сможем восстановить или заменить, как, например, картин Рембрандта или Акрополя. Я считаю, что зоопарки во всем мире должны сделать своей основной задачей создание жизнеспособных колоний редких и исчезающих видов животных. Затем, если становится ясно, что в диком состоянии этот вид животных уже не встречается, мы, по крайней мере, не потеряем его полностью. На протяжении многих лет мне хотелось создать зоопарк, занимающийся таким делом. Сейчас, мне кажется, наступил идеальный момент для подобного предприятия».

Джеральд понял, что зоопарк лучше всего создавать неподалеку от дома, а не на Кипре, не в Вест-Индии и не в каком-нибудь другом экзотическом месте. Он решил, что Борнмут для этой цели подходит как нельзя лучше. В начале лета 1956 года Джеральд сделал первый практический шаг к исполнению своей мечты. Он написал пояснительную записку относительно создания Борнмутского зоопарка:

«Борнмут, как ведущий южный курорт нашей страны, является идеальным местом для размещения зоологического парка, который мог бы войти в число ведущих зоопарков Европы. Помимо благоприятного климата и удачного размещения, большое количество посетителей, особенно летом, быстро обеспечит окупаемость этого учреждения.

Акцент следует сделать на инфраструктуре зоопарка, а также на применении наиболее современных методов ухода за животными, которых нужно содержать в условиях, максимально приближенных к естественным. Такая система позволит посетителям увидеть животных в естественной остановке, а животные смогут спокойно жить и размножаться. Рождение детенышей, разумеется, является основным аттракционом любого зоопарка. Применяя описанный мной метод, данный зоопарк сможет додобиться гораздо большего успеха в содержании и разведении животных, чем любой другой зоопарк нашей страны».

Процесс организации такого зоопарка должен был находиться под полным контролем Даррелла. Его квалификация для такой работы подходит как нельзя лучше.

«За последние девять лет я финансировал, организовал и провел несколько крупных экспедиций по ловле животных в Африке и Южной Америке, привез в Великобританию большое количество млекопитающих птиц, рептилий, рыб и даже насекомых для ведущих зоопарков и таких организаций, как Севернский фонд защиты пернатых. Многих из привезенных много животных ранее не удавалось доставить в Англию живыми. Я также обладаю знаниями по устройству и управлению зоопарком, а также по содержанию и разведению диких животных в неволе».

Как известный писатель, журналист, лектор, ведущий радиопередач и режиссер телевизионных фильмов, Джеральд Даррелл мог бы обеспечить новому зоопарку отличную рекламу.

«Мои издатели с энтузиазмом восприняли идею написания книги о «рождении зоопарка», а также последующих, в которых бы рассказывалось о его деятельности и развитии, помимо книг, которые я мог бы написать об экспедициях в целях ловли зверей для данного зоопарка. Подобный зоопарк внес бы огромный вклад в просвещение и науку. Растущая популярность фильмов о животных подсказывает, что съемки могли бы стать частью программы деятельности зоопарка. Моя жена и я являемся профессиональными фотографами и операторами и могли бы заняться этой работой».

Сначала Джеральд обратился к Найджелу Николсону, сыну сэра Гарольда Николсона и Виты Саквилл-Вест, независимому издателю и политику. Джеральд отправил ему свою пояснительную записку и сразу же получил ответ. «Мне кажется, это отличная идея, — писал Николсон, — и единственное, что требуется, это убедить упрямого мэра».

Но ни Даррелл, ни Николсон не могли предугадать сопротивления Борнмутского совета и его бесчисленных комитетов. Ответ был получен лишь в конце октября. Идея чиновникам понравилась, и они готовы выделить место для зоопарка. Но поддерживать зоопарк материально они не собирались, так что было бы лучше, если бы зоопарк был поменьше.

К этому моменту настало время отправляться в очередную экспедицию. У Джеральда не было ни времени, ни сил сражаться с местными управленцами. Их ответ его разочаровал, но мысль о создании собственного зоопарка, где он мог бы заняться разведением животных, находящихся на грани исчезновения, его не покинула.

Интерес Джеральда к природе и окружающей среде, а также к проблемам сохранения исчезающих видов животных увеличивался с каждым годом. Даже в середине XX века эти вопросы интересовали лишь немногих, а широкая публика над ними вообще не задумывалась. Джеральд возглавил думающее меньшинство. 29 августа 1956 года в радиопередаче под названием «Человек и природа» он впервые выступил с протестом против уничтожения природы человеком.

«Давайте посмотрим на человека, это странное двуногое, распространившееся по всей планете. Давайте рассмотрим его с научной точки зрения...

Род приматов, *Homo sapiens* отличается от других представителей вида большим объемом мозга, способностью стоять прямо, использовать орудия, а также речью...

Нет, давайте посмотрим на человека с точки зрения поэта:

«Какое чудо природы человек! Как благороден разумом! С какими безграничными способностями! Как точен и поразителен по складу и движениям! В поступках как близок к ангелу! В воззреньях как близок к богу! Краса вселенной! Венец всего живущего!»

На самом деле человек мало чем отличается от рыжей крысы. Благодаря своей приспосабливаемости и хитрости ему удалось расселиться во всей планете — от самых холодных и продуваемых всеми ветрами гор до душных и влажных тропических лесов. И, как рыжая крыса, куда бы человек ни пришел, он всюду вносит хаос и нарушает равновесие природы».

В течение нескольких минут Джеральд рисовал перед слушателями ужасную картину потребительства, жадности и глупости человека. Он рассказывал об уничтожении тропических лесов, превращении в пустыню некогда плодородных земель. Он рассказывал об уничтожении животных и о вытеснении их любимцами и спутниками человека — собаками, кошками, свиньями, домовыми мышами и рыжими крысами. «Как только человек начинает возделывать землю, они приходят следом за ним. Они охотятся и уничтожают животных, истребляя тех, кого мы больше никогда не сможем увидеть».

Даррелл говорил об исчезновении целых видов. Доведенное до предела истребление приводит к полному исчезновению вида. Наиболее известный случай такого исчезновения — это история дронта. Образ этой птицы в будущем будет связан с деятельностью Джеральда Даррелла и его Фонда охраны дикой природы.

«Дронт — это крупный тяжелый нелетающий голубь размером с жирного гуся. Он так привык к безопасности на своем родном острове, что разучился летать и, подобно страусу, стал жить и строить свои гнезда на земле. Эта птица утратила способность распознавать врагов, которых на ее острове было так немного. Примерно в 1507 году Маврикий был завоеван португальцами. Поселенцы привезли с собой коз, собак, кошек и свиней и выпустили их на острове. Это-то и послужило причиной исчезновения несчастной птицы. Козы поедали растительность, которая служила дронту укрытием, собаки и кошки охотились на взрослых птиц, а свиньи уничтожали яйца и птенцов. К 1681 году эта крупная безвредная птица была полностью истреблена... мертва, как дронт».

Но история эта не безнадежна. Человек научился соблюдать равновесие в природе.

«Во всем мире развивается новое отношение к природе, стремление сохранить ее, а не уничтожить. Принимаются законы по предотвращению загрязнения озер и рек. Программы восстановления лесов запускаются в действие, что приводит к уменьшению эрозии почвы. Защита и искусств венное разведение пушных зверей находит все большее распространение. Человек задумался о защите и других видов животных, понимая ценность для природы любой формы жизни, вне зависимости от того, полезна она для него или нет. Огромные области становятся заповедниками и национальными парками. Здесь природа остается нетронутой. Это живые музеи, предназначенные для будущих поколений».

В 1956 году Джеральд Даррелл имел все основания для оптимизма. Будущее его движения по сохранению исчезающих животных виделось довольно безоблачным. Он стал провозвестником нового Крестового похода, хотя в его книгах еще и не упоминалось об этом.

Вскоре вышла книга, из которой стало ясно, почему этот человек столько внимания уделяет сохранению животных. «Моя семья и другие звери» с самого своего опубликования стала бестселлером. Она вышла в свет 11 октября 1956 года. Все предыдущие книги Даррелла продавались в Британии, да и в других странах мира тиражом более ста тысяч экземпляров. «Моя семья» превзошла их все. Два первых тиража были распроданы еще до публикации. В том же месяце «Моя семья и другие звери» заняла вторую строчку в рейтинге нехудожественных книг, уступив первенство книге Черчилля «История английских ораторов». В Советском Союзе за шесть дней было продано двести тысяч экземпляров книги Даррелла. И до сих пор «Моя семья и другие звери» по тиражам превосходит все остальные книги Даррелла. На протяжении сорока лет делаются все новые и новые допечатки.

«Моя семья и другие звери» была архетипической историей, пробуждающей в сознании человека что-то исконное. Автора полюбили во всем мире. В Британии издание этой книги в мягкой обложке разошлось тиражом в полтора миллиона экземпляров. Интерес к ней проявляли различные средства массовой информации. Трижды книгу пытались экранизировать (лучший сценарий написал сам Даррелл). В 1987 году Би-би-си сняла десятисерийный фильм по книге Джеральда, причем съемки проходили на Корфу. Шли переговоры о создании мюзикла. Сделать его хотел Стэнли Донен, режиссер таких фильмов, как «Поющие под дождем» и «Семь невест для семи братьев». Музыку

собирался писать Дэвид Фэншоу.

Критики отмечали энтузиазм читателей. «Моя семья и другие звери» — это волшебная книга, счастливейшая книга, захватывающее повествование, великолепная история, выдающаяся комедия, еще более увлекательная, чем предыдущие рассказы автора о его зоологических экспедициях. Все отмечали удивительно живое и правдивое изображение природы Корфу. «Жизнь любого живого существа для него праздник, — замечала «Санди тайме», — а окружающие его люди вызывают в нем теплую, хотя и не всегда почтительную реакцию... На страницах этой книги толпятся замечательные, веселые и живые герои, они разговаривают и смеются, отчаиваются и любят, заполняют дом. Паучки-хамелеоны, цикады, светлячки мерцают и переливаются; жабы квакают и урчат, внимательно поглядывая на мир из-под тяжелых век, обрамленных золотой филигранью; скорпионы, сцепившись клешнями, танцуют удивительную сарабанду».

Но главным достоинством этой книги стала семья. «Одно из наиболее впечатляющих собраний удивительных смертных, с каким мне когда-либо доводилось сталкиваться, — гласила реклама программы Би-би-си. — Они удивительны, нелогичны, временами раздражительны, но почти всегда восхитительны. А самое замечательное в них то, что они реальны!» Все критики отмечали удивительное чувство юмора автора. «Эта книга — отличное лекарство против северной зимы, — писал Кеннет Янг в «Дейли телеграф». — Я читал о приключениях Вьюна и Пачкуна и о плаваниях замечательного судна «Бутл Толстогузый», а закрыв книгу, подумал, что мои соседи сочтут меня психически неуравновешенным — так я хохотал». Писатель Питер Грин так отзывался о книге Даррелла: «Это волшебная и совершенно необычная книга, лиричная и комичная, насмешливая, нежная и абсурдная. Мистер Даррелл являет собой нечто среднее между натуралистом Фабром и сказочником Кеннетом Грэмом, сочетая в себе лучшие качества обоих». Привлекательность этой книги, по мнению давнего друга семьи Даррелов Алана Томаса, заключается в том, что в ней читатель встречается с людьми, примирившимися с жизнью и удалившимися в свою Аркадию. После выхода «Моей семьи и других зверей» Джеральд получил первую в своей жизни премию. Международный институт искусств и литературы сделал его своим членом. Его книги стали неотъемлемой частью английской культуры конца пятидесятых — начала шестидесятых годов.

Как и в прошлый раз, когда книга Джеральда вышла одновременно с книгой его брата, «Моя семья и другие звери» была опубликована практически в одно и то же время с «Избранными стихотворениями» Лоуренса. Готовилась к изданию «Жюстина», первый том знаменитого «Александрийского квартета», а третья, несомненно, лучшая книга о Греции «Горькие лимоны» была закончена через шесть недель. За три месяца было продано двадцать тысяч экземпляров.

Удача улыбалась братьям. Через несколько месяцев американское издательство «Даттон» изъявило желание приобрести незавершенный «Александрийский квартет», а также «Горькие лимоны». Лоуренс смог оставить свою должность на Кипре, где его жизнь постоянно подвергалась опасности, и вернуться в Лондон со своей новой подругой — замужней женщиной, Клод Форд, писательницей, родившейся в Александрии. Лоуренс и Клод поселились в небольшом коттедже в Дорсете. Дочь Лоуренса, Сафо, жила с ними. Ева, ее мать, подала на развод и теперь искала работу в Лондоне.

Семья Даррелов редко встречалась с Лоуренсом и Клод. После отъезда Джеральда в Африку они перебрались во Францию, обосновались в Провансе, а потом переехали на маленькую ферму возле Нима. Переезд Лоуренса во Францию оказал огромное влияние на жизнь его младшего брата.

К Рождеству Джеральд, Джеки и остальные участники экспедиции были уже в море. Три дня прошло с момента отплытия из Саутгемптона. На борту судна «Тортугейро» они пересекали Бискайский залив. Других пассажиров на корабле не было. «Корабль был в полном нашем распоряжении, — вспоминала Джеки, — словно собственная яхта». Тот факт, что путешествие обошлось Джеральду в две тысячи фунтов, только усиливало иллюзию. Впереди лежала старая добрая Африка, жаркий, пыльный Мамфе и гордый Фон, а также весь тот мир, который Джеральд не видел вот уже восемь лет. Джеральд поил команду шампанским, он предчувствовал, что путешествие окажется удачным. Но ошибался.

Джеральд собирался отправиться в совершенно новый район Камеруна, куда направил его Айвен Сандерсон, — дикую, лесистую долину Тинта в Ассумбо, на северо-западе от Мамфе. Это было одно из немногих мест Британского Камеруна, где, как считалось, можно найти равнинных горилл. Основной целью экспедиции было снять цветной фильм о жизни горилл и других животных этого района, собрать как можно более полную коллекцию животного мира, а также шкуры и черепа

млекопитающих и рептилий для Британского музея естественной истории, подготовить отчет о состоянии популяции горилл в Камеруне и о проблемах, связанных с их защитой, для Общества охраны фауны в Лондоне, а также изучить сообщение Айвена Сандерсона о гигантской летучей мыши, увиденной им в 1935 году. Кроме того, экспедиция намеревалась посетить горные районы, озера кратера Оку и места, граничащие с Французским Камеруном, где они надеялись раздобыть гигантскую лягушку (Rana goliath). «В этих местах, — писан Джеральд в плане экспедиции, — живет огромное множество самых различных животных — от крохотных мышей до дикобразов, от питонов до жаб». Помимо всего прочего, Джеральд собирался писать книгу о своих приключениях, которая должна была восполнить все финансовые потери от экспедиции.

Таков был план. Журналисты были от него в восторге. «Вместе с женой на съемки фильма о любовной жизни горилл», — гласил заголовок в «Санди экспресс». «Мы надеялись снять, как самец гориллы колотит свою жену субботним вечером, — вспоминала Джеки, — но мы были бы еще более счастливы, если бы нам удалось увидеть процесс ухаживания».

7 января 1957 года корабль медленно вошел в залив Виктория. Хотя вид практически не изменился, прошло немало времени с того момента, как Джеральд впервые высадился на африканском берегу. В Камеруне произошли серьезные изменения. Страна обрела независимость. Джеральд больше не был молодым тигром в чащах леса. Теперь он путешествовал как известный писатель — с женой, секретарем, молодым помощником, а позднее к ним присоединился еще и фотограф из журнала «Лайф». Неприятности начались, как только они ступили на землю Африки.

«Мы прибыли в Камерун во время войны за независимость. Почти сразу же после прибытия нас вызвали в Дом правительства к представителю британской администрации. Чиновники были совсем не рады возвращению Джерри. Они отчитывали его за то, каким он вывел Фона в своей книге «Гончие Бафута», считая, что он изобразил черного клоуна, говорящего на ломаном английском. Сегодня подобное изображение африканцев считается политически некорректным. Они считали наш визит совершенно неуместным в свете складывающейся политической ситуации в Африке. Нам сказали, что, если Джерри собирается вернуться в Бафут, он должен держать рот на замке, в противном случае вся экспедиция окажется под угрозой. Мало того, начальник таможни, англичанин с замечательным именем Пайн Коффин (Сосновый гроб), решил конфисковать наше снаряжение, пожертвованное нам британскими промышленниками, а потом попытался арестовать Джерри, так как у него не было лицензии на оружие (по крайней мере, так утверждал таможенник)».

Даже Хранитель лесов, который должен был заботиться о состоянии фауны и флоры в Южном Камеруне, был настроен враждебно. Скрепя сердце он выдал Джеральду разрешение на съемки фильма и ловлю горилл в лесном заповеднике с помощью местных охотников. Однако способы, которыми Джеральд собирался ловить горилл, казались ему смехотворными; «Стремление мистера Даррелла забрать детеныша гориллы у живой матери кажется мне похвальным, и я настоятельно рекомендую ему испытать подобный способ на практике».

«Бюрократия значительно прогрессировала за те восемь лет, что я не был в Камеруне, — раздраженно замечал Джеральд. — Чтобы общаться с этими людьми, требовались гораздо большее терпение и ловкость, чем при обращении животными. Проведя две недели безо всякой пользы, мы решили перебраться в Мамфе, разбить там лагерь и терпеливо дожидаться разрешения». Ко времени прибытия экспедиции в Камерун власти решили заботиться о природе и никак не хотели разрешать Джеральду ловить охраняемых животных (в том числе и горилл) в заповедниках. Для этого требовалось разрешение высших властей Нигерии, контролировавшей Британский Камерун. Хотя Джеральду объяснили, что в Южном Камеруне осталось не более тридцати горилл, ему обещали дать лицензию на отлов одной особи. Это убедило Даррелла в том, что поимка гориллы будет делом не только трудным, но и неправильным. С самого начала экспедиции Джеральду пришлось отказаться от своей идеи.

Он решил вернуться в страну своего старого друга Фона, в заросшие травами степи севера. Прибыв в Мамфе, он написал Фону, прося разрешения приехать, и через два дня, 25 января, получил ответ из дворца.

«Мой дорогой друг!

Твое письмо от 23-го получил с огромным удовольствием. Мне было более чем приятно читать письмо, посланное тобой из Камеруна.

Я буду рад видеть тебя в любое время. Сколько времени ты захочешь провести здесь, не

имеет значения. Мой гостевой дом всегда готов принять тебя, когда бы ты ни захотел приехать.

Пожалуйста, передай мой искренний привет твоей жене и скажи ей, что я буду рад поболтать с ней, когда она приедет.

Искренне твой, Ахиримби II, Фон Бафута».

Это письмо несколько успокоило Джеральда. Что бы ни говорили британские чиновники, но Фон остался на его стороне. Однако семена сомнений, посеянные в его душе, дали свои всходы. «Первые несколько недель, проведенных в Камеруне, оставили неприятный осадок, — вспоминала Джеки. — Джерри сомневался, стоит ли ехать в Бафут или лучше будет ограничиться только Мамфе. Мамфе для него был родным домом, но мы с Софи воспринимали его, как ад на Земле. Климат был ужасным. Мы вставали поутру и принимали душ, сама не знаю зачем, потому что мы с Софи были постоянно покрыты потом и ничего не могли с этим поделать. Но мы никак не могли убедить Джерри сдвинуться с места! Мы умоляли его перебраться в более высокогорную часть Камеруна, в Бафут, где хотя бы по ночам бывает прохладно. Но Джерри ничего не хотел слушать. У него и раньше был лагерь в Мамфе». Здесь можно было расположиться с удобствами, а в окрестных лесах водилось множество всяческой живности. Весть о том, что прибыл «хозяин добычи», быстро разнеслась по округе, и в Мамфе немедленно стали доставлять самых разнообразных животных.

Нежелание Джеральда покидать Мамфе объяснялось гораздо более глубокими причинами, чем простое разочарование от холодного приема, оказанного ему британскими колониальными властями, или проблемами, связанными с поимкой равнинных горилл в Ассумбо. И действительно, чуть позже власти стали относиться к его зоологическому статусу со всем уважением. Джеральда даже пригласили в качестве советника при планировании зоологического сада в столице Камеруна, Виктории. Беспокоил Джеральда некий внутренний страх, какое-то душевное волнение, которое лишало его присущей ему энергии. Боб Голдинг не участвовал в переговорах Джеральда с властями, но за те семь месяцев, что он провел вместе с Джеральдом и Джеки, ему стало ясно, что отношения между ними весьма натянутые. «Мне только что исполнилось девятнадцать, — вспоминал он позднее. — Обстановка экспедиции казалась мне романтичной и слегка пугающей. Я только что закончил школу, у меня еще молоко на губах не об-сохло. Я никогда не покидал Европу, никогда не бывал в подобных местах, не вел такого образа жизни, никогда не общался с людьми, вроде Джеральда и Джеки. Но мне было ясно, что Джерри и Джеки не ладят. Они не ссорились, но между ними не было понимания, ни физического, ни эмоционального. Они были холодны по отношению друг к другу и, разумеется, ко мне» В Мамфе Джеральд запил. Он впал в депрессию, стал раздражителен и ворчлив. Однажды он жестоко разругался с Пайосом, своим «боем», к которому всегда относился с глубоким уважением и любовью. Как-то раз Джеральд повздорил с окружным офицером Мамфе. Они выскочили из дома и принялись гоняться друг за другом. Во время этой ссоры Джеральд так сильно повредил босую ногу острым гравием, что его пришлось на две недели уложить в больницу.

Когда пришло разрешение снимать (но не ловить) горилл в Ассумбо, состояние Джеральда катастрофически ухудшилось. «Я потерял сознание, а очнувшись, обнаружил, что ничего не вижу, — вспоминал он впоследствии. — Встревоженные, мы обратились к местному африканскому врачу. Он посоветовал мне не волноваться и спокойно отдыхать. Я оказался в затруднительном положении — следует ли нам отправляться в трехдневный путь в Ассумбо. Обсудив ситуацию с окружным офицером, я решил остаться». Экспедиция явно не задалась с самого начала. Джеральд написал в письме одному ловцу животных: «Я собираюсь вернуться в Англию раньше, чем предполагал, поэтому, пожалуйста, не присылайте мне новых животных. Сожалею, что приходится отказываться от ваших услуг, но я очень болен и поэтому уеду из вашей страны гораздо раньше».

И вот в этот критический момент, когда судьба экспедиции висела на волоске, Джеки задала вопрос, который все изменил. Зачем ловить животных для чужих зоопарков, когда можно положить начало собственному? «Когда он понял, что мы можем сделать с собранными животными, вернувшись в Англию, — вспоминала Джеки, — он сразу же изменился. Я внушила Дарреллу, что мы можем ловить животных, а затем шантажировать Борнмутский совет, чтобы получить разрешение на устройство зоопарка». До этого Джеральд всегда ловил животных для других зоопарков, теперь же он мог делать это для себя.

План отлично удался. Силы экспедиции разделились. Боб Голдинг в одиночку отправился собирать рептилий. Джеральд и Джеки направились в Бафут, а Софи осталась присматривать за животными в базовом лагере в Мамфе. Боб должен был вернуться в середине апреля, а затем Софи с Бобом должны были приехать в Бафут и присоединиться к Дарреллам.

Итак, звероловы разделились. Для Боба Голдинга одинокое путешествие в джунгли стало

настоящим испытанием. Он очутился в полнейшей изоляции — физической, психологической, эмоциональной, социальной. Он никогда не испытывал ничего подобного раньше, не довелось ему испытать такого одиночества и впредь. Оставшуюся в душном Мамфе Софи бомбардировал письмами и требованиями легендарный охотник из Эшоби, Элиас Эйонг, о котором Джеральд рассказал в «Перегруженном ковчеге». Теперь он стал известным человеком и достиг высокого социального статуса. 1 апреля он писал:

«Дорогая Ма,

получил от одного зверолова вашу передачу. Я просил прислать мне кусок мыла, но вы послали мне блок «Санлайта». Мне нужны спички, а также две клетки для животных. Если вы все еще хотите получить этих животных, сообщите мне. Сообщите, когда мистер Даррелл вернется из Баменды.

Самый искренний привет, Всегда ваш. Элиас.

NB. Не сажайте этих зверей в одну клетку, потому что они будут драться и сожрут друг друга».

Джеральд и Джеки добрались до более открытых и прохладных степей Бафута. Когда они прибыли, Фон чувствовал себя не слишком хорошо, поэтому не смог устроить попойку в первый же вечер. На следующее утро он прислал им письмо:

«Доброе утро, дорогие друзья. Сожалею, что не смог выпить с вами, так как был болен. Спасибо за бутылку виски и лекарства, присланные вами. Меня мучает кашель. Если у вас есть лекарства от кашля, пожалуйста, пришлите мне с посыльным. Думаю, виски мне поможет, но точно не уверен. Если у вас есть джин, пришлите бутылочку. Я лежу в постели.

Ваш добрый друг, Фон Бафута».

Очень скоро Фон поправился. «Он приветствовал нас очень тепло, — вспоминала Джеки. — Когда Джеральд рассказал ему о переговорах в Доме правительства, он пришел в ярость и стал рассказывать Джерри, как ему понравилась его книга, особенно та, в которой рассказывалось о нем. «Эта книга, которую ты написал, — сказал он, — она мне ужасно понравилась. Теперь мое имя знают во всем мире. Все люди на земле знают мое имя, вот что ты для меня сделал!» Фон оказался еще огромнее, чем я себе представляла — фантастически огромный мужчина, обладающий безграничной энергией, и великолепный танцор». Как-то вечером Фон устроил праздник и танцевал с Джеки. Под звуки королевского оркестра Фон ростом в шесть футов три дюйма и крохотная Джеки, в которой было чуть больше пяти футов, танцевали самбу. Джеки почти полностью скрылась в просторных одеяниях африканского короля. «Люди думают, что Джерри приукрасил Фона в своих книгах, но это не так, — писала Джеки. — Скорее, он описал его слишком скромно. Фон редко общался с европейцами, но Джерри он обожал».

Несмотря на дружелюбие Фона, настроение Джеральда не улучшалось, а депрессия только усиливалась. Он не хотел ничего менять, ему хотелось увидеть Камерун таким же, каким он предстал перед ним восемь лет назад. С каждым днем Джеральд мрачнел все больше. Джеки пишет, что он перестал есть и каждый день выпивал по бутылке виски. Он курил в постели и прожег дырки в противомоскитной сетке. В результате Джеральд снова свалился с малярией. Потом он и Джеки подцепили какую-то болезнь, связанную с разрушением красных кровяных телец, и стали выглядеть, как живые мертвецы. Джеки вспоминала:

«Несмотря на все трудности, такая жизнь нравилась Джерри. Он прекрасно находил общий язык с местным населением. Лучшим комплиментом для него было то, что он ведет себя совсем не так, как другие англичане. В Камеруне он ночи напролет просиживал с африканцами на пустых банках из-под керосина, курил, беседовал о политике, выпивал. Африканцы ценили то уважение, с которым он к ним относился. Он видел, что всегда страдают маленькие люди, а жирные коты могут позаботиться о себе.

К середине мая коллекция животных так разрослась, что клетки заняли веранду и весь двор гостевого домика Фона. В сотнях клеток сидели шимпанзе, мыши, орлы, колибри, тонкие черные кобры и разноцветные габонские гадюки. Хотя им так и не удалось ни поймать гориллу, ни снять фильм, у них был маленький детеныш шимпанзе, которого назвали Чалмондейли в честь его

несчастного предшественника. Была в коллекции и молоденькая самочка шимпанзе, Минни. Ее подарил Даррелу местный плантатор. Когда Минни хотела привлечь к себе внимание, она начинала визжать, как заправский баньши.

В начале июня экспедиция покинула Бафут. Начинался сезон дождей, и, задержись они подольше, им бы не добраться до побережья. На прощанье Фон устроил праздник и подарил Джеральду одеяние советника Фона Бафута. На рассвете экспедиция двинулась в дальний путь к побережью, где ее уже поджидал корабль «Никойя». Глядя на ряды клеток на Палубе, один из стюардов заметил: «Я многое видел в своей жизни, парень, но мне еще никогда не приходилось видеть целого зоопарка в багаже».

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

«ОТЛИЧНОЕ МЕСТО ДЛЯ ЗООПАРКА»: 1957-1959

«Никойя» вошла в Ливерпульский порт 7 июля 1957 года. За плечами Джеральда Даррелла остались пять экспедиций. В общей сложности он доставил в Англию более двух тысяч животных из Африки и Южной Америки, в том числе сорок три вида, которых никогда еще не было в зоопарках мира. Но на этот раз его возвращение было иным. Все животные, которых он привез, предназначались для его собственного зоопарка. Как только были спущены сходни, на корабль примчались журналисты. Джеральд решил использовать прессу, чтобы убедить Борнмутский совет устроить зоопарк в этом городе.

«Зоопарк в Борнмуте», — гласил заголовок «Дейли телеграф». В статье говорилось:

«Мистер Джеральд Даррелл, 32, писатель-зоолог, надеется устроить собственный зоопарк в Борнмуте. «Мы верим в то, что городской совет благосклонно отнесется к этой идее и выделит нам земельный участок, — сказал мистер Даррелл. — Если согласие будет получено, я начну работы уже осенью, и к весне новый зоопарк сможет принять первых посетителей». Мистер Даррелл и его жена, Джаклин, только что вернулись из длительной экспедиции в Британский Камерун. Они привезли 200 рептилий, 30 птиц, 18 обезьян, 47 галаго, девятимесячного водяного олененка, единственного в нашей стране, и девятимесячного шимпанзе по имени Чалмондейли Сент Джон Даррелл».\

Эта коллекция и положила начало зоопарку Даррелов. Чтобы доставить зверей в Борнмут, потребовался целый вагон. Путешествие выдалось не из легких. В вагоне было единственное сиденье на троих взрослых людей, товарный вагон безжалостно кидало из стороны в сторону. Из сотен животных только Чалмондейли от души радовался приключению, за обе щеки уплетал хлеб с молоком, восседая на коленях того, кому удавалось на минутку присесть.

Через четырнадцать часов камерунская экспедиция добралась до Борнмута. На вокзале их уже поджидала вереница грузовиков. Звери из королевства Фона были погружены на машины и доставлены в дом Маргарет на Сент-Олбенс-авеню. Боб Голдинг, повзрослевший и окрепший, наконец-то обрел покой под крышей родительского дома в Бристоле. На следующий день после приезда он получил аккуратно отпечатанный счет на 1 фунт 10 пенсов за апельсиновый сок и сэндвичи, которыми снабдила его в дорогу Джеки.

Джеральд и Джеки были голодны, мучились от жажды, утомлены до крайности, но, пока животные не были устроены, отдыхать им не пришлось. Чалмондейли перекочевал на руки мамы. Над газоном был натянут огромный тент, под которым разместились самые неприхотливые животные — мангусты, циветты и крупные обезьяны. Более деликатные создания — белки, галаго, птицы и рептилии — отправились в гараж, который родственники предусмотрительно освободили еще до приезда Джеральда.

«Животные стоически выносили все испытания, — пишет Джеки о столь необычном возвращении домой. — Они хотели всего лишь быть накормленными и оставленными в покое, а мы мечтали о горячей ванне, стаканчике виски и хорошем обеде. Но прошло немало часов, прежде чем нам удалось все это получить. Чалмондейли наконец-то был уложен в большую корзину, хотя до этого мама и сестра Джерри успели его ужасно избаловать. Только после этого мы смогли подняться в свою комнату и забыться сном».

Через несколько дней пригородный зверинец начал функционировать. Он представлял собой весьма странное зрелище. Вот что пишет о нем сам Даррелл:

«Любой, кто заглянул бы на задний двор дома моей сестры, был бы вынужден признать, что выглядит он, по меньшей мере, нетрадиционно; В углу был натянут огромный тент, из-под которого

раздавались разнообразные крики, свист, ворчание и урчание. Вдоль тента выстроилась череда клеток, где сидели орлы, стервятники, совы и ястребы. Рядом стояла клетка шимпанзе Минни. На остатках того, что раньше считалось газоном, резвились и играли четырнадцать обезьянок на длинных поводках. В гараже квакали лягушки, гортанно кричали турако, щебетали белки. Весь день несчастные соседи, трепеща, наблюдали за жизнью нашего дома из-за кружевных занавесок, а я, моя мама, Маргарет, Софи и Джеки сновали туда и сюда по садику, разнося миски с хлебом и молоком, тарелочки с нарезанными фруктами или, что пугало наших соседей больше всего, с окровавленными кусками мяса или дохлыми крысами... Прошло немного времени, соседи собрались с силами и стали жаловаться».

Больше всего неприятностей причиняла Минни, которая весь день громко кричала. В конце концов ее пришлось отправить в Пейтонский зоопарк, которым руководил Кен Смит. Следом за Минни туда же были отправлены и наиболее прихотливые животные, в том числе и все рептилии. В зоопарке их можно было содержать в тепле, а дом Маргарет к такому оказался неприспособлен. Чалмондейли остался в доме на положении почетного гостя. Журналист из «Вуменз санди миррор», посетивший необычный зверинец, так описывал свое посещение:

«Сначала я подумал, что ослышался, но она повторила: «...Я мама шимпанзе. Войдите и посмотрите сами». Так я познакомился с Чалмондейли. Шимпанзе в розовом жакете играл на ковре в столовой самого обычного дома по Сент-Олбенс-авеню, как ребенок. Вот почему миссис Джеки Даррелл так необычно представилась. Она относилась в Чалмондейли точно так же, как если бы он был человеческим ребенком — ее собственным ребенком. Позже она объяснила: «Я решила никогда не иметь детей — жизнь обычной домохозяйки не для меня. Сейчас я мама Чалмондейли, он поглощает все мое внимание».

Джеки и Джеральд решили провести серьезный эксперимент, писал журналист (опираясь на собственную фантазию, а не на факты). Они хотят посмотреть, можно ли воспитать детеныша шимпанзе, как человека, чтобы он оставался членом семьи и тогда, когда станет взрослым.

«День Чамли проходил очень просто, — писала Джеки. — Он просыпалея, выпивал большую чашку чая с молоком, затем надевал экзотический свитер, который связала для него моя свекровь, «чтобы он не простудился, дорогая». Весь остаток дня он преследовал обитателей дома, пока наконец нам не удавалось уложить его в постель с помощью солидной дозы «Овалтина». Только тогда мы все могли хоть немного передохнуть и перевести дух».

Сначала шимпанзе спал в маминой комнате. Но когда обнаружилось, что она боится зажечь свет, чтобы не разбудить обезьяну, Чамли перевели в маленькую комнатку Джеральда и Джеки. Там он быстро научился зажигать свет, привык к шуму, сигаретному дыму и присутствию многочисленных друзей хозяев. «Любимой игрой Чамли, — вспоминала Джеки, — было залезать на шторы в гостиной и висеть там, к вящей радости всех окрестных ребятишек». Полюбил Чамли играть на площадке для игры в гольф, находящейся в конце улицы. Там он мог залезать на деревья, кувыркаться, гоняться за собаками, пугать игроков и швыряться в прохожих сосновыми шишками. Когда он уставал, то позволял привозить его домой в детском кресле на колесиках.

«За обедом, — писал Джеральд, — Чамли вел себя исключительно воспитанно. Он сидел у меня на коленях и терпеливо ждал, пока я что-нибудь ему дам. Ел он очень деликатно, пододвигал кусочек к краю тарелки указательным пальцем, а затем аккуратно брал его своими длинными хватательными губами. Если подавали что-нибудь вроде зеленого горошка, он тщательно очищал горошины от кожицы, при этом половина оставалась на тарелке, а вторая на моих коленях».

После обеда Чалмондейли любил порезвиться — он обожал прятки, качание на шторах или катание в кресле-качалке, причем раскачивался он с такой энергией, что в конце концов несчастное кресло переворачивалось. Как и любой ребенок, Чамли был очень любопытен и стремился потрогать любой новый для себя предмет. У него было несколько приятелей среди животных — два волнистых попугайчика, один зеленый, а другой желтый, хотя Чамли постоянно считал желтого приятеля каким-то новым видом бананов.

После игр наступало время чая. «Чамли радостно приветствовал появление чайного стоянка, — вспоминал Джеральд. — Он стремился первым усесться за стол и с нескрываемым интересом наблюдал за тем, как я наливал ему чай в чашку. Затем он осторожно пробовал налиток, окуная в него верхнюю губу. Чамли обожал чай и трепетно к нему относился. Чай должен был быть определенной температуры и определенного цвета — не слишком крепкий, но и не слишком слабый. И никакого сахара. Если чай казался ему чересчур горячим или холодным, если в чае было слишком много молока, он отставлял чашку в сторону и принимался дергать вас за рукав, указывая на чайник

или молочник, чтобы вы сделали его налиток приемлемым».

Спал Чамли в большой корзине, рядом с которой ставили бумажный пакет на случай, если ему захочется перекусить. На ночь ему оставляли пару помидоров, яблоко, ветку винограда, кусок черного хлеба, четыре бисквита и пакет картофельных чипсов. «Эта пища, — писал Джеральд, — подкрепляла его в ночные часы, так что от голода он не страдал». А потом наступало утро, утренний чай или, что шимпанзе любил еще больше, четыре кружки какао и сырые яйца.

Чалмондейли стал местной знаменитостью. Соседи отлично знали шимпанзе в футбольных трусах и свитере. Иногда он отправлялся в город вместе с Джеральдом на его мотоцикле. Как-то раз Чамли принял участие в программе Би-би-си, где проверяли уровень его интеллекта. Шимпанзе показал отличные результаты. Уровень его ментального развития соответствовал семилетнему ребенку, хотя по возрасту он был значительно моложе. Когда он заболевал, Джеральд отвозил его к Алану Огдену, который хоть и ворчал, что он не ветеринар, но все же делал ему укол пенициллина, от чего все болезни Чалмондейли обычно проходили. Как-то раз многострадальному Огдену пришлось лечить и карликовую мангусту, которая проглотила солому из своей подстилки.

А тем временем Джеральд искал место для своих животных. Он хотел убедить Борнмутский совет продать или отдать ему в аренду земельный участок, используя зверинец в доме Маргарет в качестве и приманки, и угрозы. Он чувствовал, что город будет рад приобрести новую достопримечательность, которая ему ничего не будет стоить. Сначала совет соглашался и даже предложил два места, каждое из которых оказалось совершенно неподходящим. Но постепенно эта идея перестала привлекать чиновников. Животные представляют опасность, к тому же пахнут, а впрочем, у городе все равно нет свободных земельных участков.

Джеральд попытался развернуть кампанию в прессе. Вскоре в дом Маргарет потянулись журналисты местных и национальных газет. Их встречал Чалмондейли, а затем Джеральд и Джеки. «Нет ли у вас места для зоопарка? — спрашивает мистер Даррелл», — гласил заголовок «Борнмут эко». «Если вы знаете такое место, — писал журналист, — мистер Даррелл с радостью выслушает ваши предложения».

Джеральд получил только одно письмо, от городского совета Пула, небольшого городка, находящегося поблизости от Борнмута. У них есть место для зоопарка — большое, но запущенное поместье Аптон-Хаус, бывшая резиденция семейства Лльюэллин. Пятьдесят четыре акра земли на береге Пульского залива.

Предложение Джеральда заинтересовало. Первичный осмотр подтвердил, что поместье отлично подходит для зоопарка. 6 августа 1957 года Даррелл отправил в совет Пула длинное письмо, в котором излагал свои планы относительно устройства зоопарка, а также прилагал смету расходов на ближайшие два года.

«Я считаю, что придется вложить десять тысяч фунтов в реконструкцию, а затем шесть тысяч на содержание. Я готов содержать зоопарк, но реконструкцию вам придется взять на себя. Хочу подчеркнуть, что собираюсь работать в этом зоопарке не как наемный сотрудник. Я всегда хотел иметь собственный зоопарк, в котором мог бы воплощать в жизнь свои идеи. Хочу заверить вас, что приложу максимум усилий к тому, чтобы наш проект увенчался не только финансовым успехом, но и имел серьезное научное значение для всего мира. За девять лет я сделаю этот зоопарк ведущим зоопарком Англии».

В начале октября Джеральд полностью разработал предложения по созданию зоопарка. Следовало немедленно приступить к ремонту дома и восстановлению окружающего его сада. Входная плата должна была составлять два шиллинга, во время специальных мероприятий ее можно было повышать. В зоопарке должно было быть не меньше семидесяти восьми вольеров, некоторые с прудами, одиннадцать загонов, в том числе для львов и медведей, четыре вольера с прудами для мелких млекопитающих, небольшое помещение для млекопитающих с сорока клетками, обезьянник с шестью клетками, дом рептилий, аквариум и площадка молодняка. Деньги можно было бы сэкономить, превратив теннисные корты в площадку молодняка, площадку для игры в сквош — в аквариум, тренерский дом — в склад и центр питания, а саму усадьбу — в кафе и помещения для персонала. Особенную прелесть проекту придавало то, что береговую линию залива можно было превратить в цепь островков, разместить на них животных и показывать во время экскурсий, проводимых на лодках. Следовало приобрести 875 млекопитающих, птиц, рептилий и рыб, общей стоимостью в 2600 фунтов, но Джеральд мог предоставить зоопарку двести собственных животных — «молодых и в прекрасном состоянии».

Хотя было очевидно, что Аптон-Хаус не совсем подходит для устройства зоопарка, но даже если бы он подходил идеально, разницы бы не было. Приближалась зима, сад Маргарет напоминал,

по выражению Джеральда, «сцену из фильма о Тарзане». Сообщение о том, что поместье не может быть готово ранее Нового года, глубоко разочаровало Даррелла. Животные не могли зимовать под тентом. Что же делать?

В этот критический момент Джеки посетила блестящая идея. «Почему бы не предложить наших животных магазинам города в качестве рождественских «приманок»?» — предложила она.

В Борнмуте был только один крупный магазин. Дж. Дж. Аллеи предоставил витрину для замечательного рождественского «подарка». Так родился «Зверинец Даррелла». В цокольном этаже под наблюдением Джеральда были устроены просторные клетки, стены разрисованы картинами тропического рая, на обозрение публики выставили церемониальные одеяния, привезенные Джеральдом из Бафута. Животных, которые могли разместиться в магазине, привезли незадолго до Рождества, остальных приютил Пейтонский зоопарк. «Зверинец Даррелла» пользовался таким успехом, что просуществовал в магазине в течение нескольких недель после Рождества, хотя обезьяны всегда представляли потенциальную угрозу. И вот наконец гроза разразилась. В воскресенье утром Дарреллам позвонили.

— Это полиция, сэр, — произнес мрачный голос. — Одна из ваших обезьян сбежала, думаю, вам лучше узнать об этом.

Беглянкой оказалась Георгина, молодая самка бабуина. Джеральд поймал такси и отправился в магазин. У витрины, где демонстрировалась мебель для спальни, уже собралась большая толпа. «По витрине словно прошел торнадо, — вспоминал Джеральд. — Простыни были разорваны в клочья, на подушках и одеялах красовались отпечатки обезьяньих лап. На кровати восседала Георгина, радостно раскачиваясь вперед и назад и строя зверские рожи толпе возмущенных прихожан местной церкви. Я вошел в магазин и увидел двух полисменов, залегших за баррикадой из турецких полотенец».

Маргарет, Джеки и два констебля взяли на себя охрану выходов и прохода в отдел посуды, а Джеральд стал приближаться к раздраженному бабуину.

— Георгина, — произнес он спокойным тоном, — иди ко мне, иди к папочке.

Охота длилась примерно полчаса. Георгина носилась по всей витрине, обрывая рождественские украшения, прыгая по перинам и прячась за кроватями, пока наконец один из полисменов не ухватил ее за лапу в лучших традициях форварда регби. Только тогда Джеральд сумел успокоить свою питомицу.

— Господи! — сказал констебль. — Я думал, она меня растерзает. Не слишком она похожа на подростка.

Уход за животными, особенно за приматами, был связан с бесконечными трудностями и проблемами. 9 декабря 1957 года Лоуренс Даррелл получил мемориальную премию Даффа Купера за «Горькие лимоны». Премию ему вручала сама королева. Лоуренс пригласил на церемонию маму, но она отказалась — ей было нечего надеть и, кроме того, она должна была присматривать за шимпанзе.

Рождество Дарреллы отметили в семейном кругу на Сент-Олбенс-авеню. Празднество выдалось беспокойное, поскольку Чалмондейли имел собственные соображения относительно того, как следует проводить праздники. Он забирался на елку, поедал свечи, рвал бумажные цепочки, обжег пальцы в горящем пунше, носился повсюду с рождественским тортом и кинул индейку в камин.

Джеральд был настолько занят хлопотами по организации собственного зоопарка, что не мог уделять время ничему другому, поэтому писать книгу о последней экспедиции он начал не сразу. Питер Скотт посоветовал ему организовать Фонд охраны дикой природы, подобный его собственному Севернекому фонду охраны птиц, организованному в 1946 году. Хотя общество Скотта не всегда радовало Джеральда, он отдавал ему должное и восхищался его организаторскими способностями. Джеральд бьш благодарен за советы и поддержку, которую ему всегда оказывал Питер Скотт. «В те дни, — писал он, — разведение животных в неволе большинством зоологов предавалось анафеме. Но Питер был одним из немногих, кто понимал, что разведение в неволе может оказаться весьма полезным и перспективным способом сохранения видов, находящихся под угрозой уничтожения. Поэтому он целиком и полностью был на моей стороне».

Джеральд предложил организовать неприбыльную благотворительную организацию — Фонд сохранения диких животных, а также зоопарк, в котором он мог бы делать для диких животных то, что Питер Скотт сделал в своем фонде для птиц.

«Целью деятельности Фонда, — писал Джеральд в пояснительной записке, — является защита животных, находящихся под угрозой полного исчезновения, организация экспедиций для ловли редких животных, обеспечение охраны природы во всем мире». Подобного предприятия еще

никогда не было, указывал он, и данный зоопарк должен был стать уникальным.

Переговоры с советом Пула затягивались. Джеральд начал жаловаться на непроходимую тупость местных властей и на бесконечные бюрократические препоны, возникающие на пути нормального человека в Великобритании. Эта страна, по словам Даррелла, «была заражена миазмами кафки-анской бюрократии, свобода гражданина ограничена настолько, что он не может совершать даже самые простые поступки, не говоря уж о столь экзотическом предприятии, как организация собственного зоопарка».

Наконец условия сорокадевятилетней аренды Алтон-Хауса были оговорены. Джеральд должен был вложить десять тысяч фунтов (125 тысяч на современные деньги). В этот сложный момент Руперт Харт-Дэвис сделал Дарреллу уникальное предложение. Его издательство готово было выступить с гарантиями для получения банковского займа при условии, что зоопарк будет предоставлять материал для бесконечной серии книг, на которые издательство будет иметь эксклюзивные права.

Это уникальное и щедрое предложение основывалось на уверенности в том, что Даррелл является и будет являться выдающимся писателем. Джеральд обратился в банк с просьбой о займе для финансирования Фонда защиты диких животных. У него были гарантии, а зоопарк должен был приносить прибыль, достаточную для того, чтобы вернуть деньги в течение шести лет. «Сожалею, что не могу предложить личных гарантий, — писал он, — но хочу отметить, что мой доход за текущий финансовый год составит не менее десяти тысяч фунтов. Моя деятельность позволила мне познакомиться с известными людьми в различных областях жизни. Они могли бы оказаться весьма полезными для будущего предприятия. Среди них Джулиан Хаксли, Питер Скотт, Джеймс Фишер, Сомерсет Моэм, Фрейд Старш и лорд Кинросс».

Но, когда стали известны окончательные условия аренды Аптон-Хауса, они оказались совершенно неприемлемыми. Большая часть денег Джеральда должна была пойти на ремонт дома и других помещений, находящихся в ужасном состоянии, а также на проведение освещения, организацию отопления и других коммунальных услуг. «Даррелл был ужасно разочарован, — вспоминала Джеки, — и мы пришли к заключению, что следует отказаться от идеи организовать зоопарк в Пуле».

Джеральд был в отчаянии. Большинство его животных находилось в Пейтонском зоопарке и могло остаться там постоянно, если он не сможет забрать их до определенной даты. У него было соглашение с издательством писать по книге в год, но он все еще не написал новой книги. Теперь ему нужно было писать книгу, ради которой он отправился в экспедицию, чтобы собрать животных для собственного зоопарка. Но идея провалилась. Инстинкт подсказывал Джеральду, что ему нужно забыть об Англии, поскольку местные власти все равно не дадут ему развернуться в полную силу. Но если не в Англии, то где же?

Джеральд забыл о Пуле и стал собираться в новую экспедицию в Аргентину. Он собирался отплыть осенью 1958 года и вернуться летом будущего года. На этот раз он собирался не просто ловить зверей, а снять фильм о дикой природе, подобный тому, какие снимали Питер Скотт, Дэвид Эттенборо и орнитолог Джеймс Фишер. Он рассчитывал вернуться из Южной Америки с материалом не менее интересным, чем у Эттенборо, фильмы которого пользовались огромным успехом.

К этому времени Джеральд стал опытным лектором. Он часто выступал на радио, что подтвердил журналист Том Солмон, взявший у Джеральда интервью в доме на Сент-Олбенс-авеню вскоре после возвращения Даррелла из Камеруна.

«Мы с Джерри записали небольшое интервью в скромном маленьком пригородном домике, сидя на диване в обществе шимпанзе Чалмондейли В некоем подобии купального костюма 1890 года и пластиковых штанах. Шимпанзе носился по дому и привел меня в ужас. Вернувшись в Бристоль, я послал запись нашей беседы в отдел естественной истории. В примечания я отметил, что брал интервью у самого замечательного рассказчика, какого мне только доводилось встречать, и что он мог бы оказать огромную помощь в проведении передач данного отдела. Так я помог Джерри проложить дорогу на радио. Впоследствии мы стали закадычными друзьями. Умение полностью расслабиться перед микрофоном никогда не покидало его. Он стал замечательным ведущим и пользовался бешеной популярностью».

Прошлой весной, когда Джеральд был в Африке, Би-би-си передавала цикл программ «Встречи с животными» по его сценарию. Даррелл рассказывал о разных животных, с которыми ему довелось встретиться в жизни. Режиссером этого цикла была Эйлин Молони, наставница Джеральда

в мире радио. «Встречи с животными» повторили трижды, эта программа стала абсолютным хитом. Эйлин обратилась к Джеральду с просьбой написать продолжение, чтобы выпустить его в эфир в начале 1958 года. Новый цикл «Отношения с животными» представлял собой зарисовки, связанные с поведением животных, сравнение животных и людей, рассказы о животных-изобретателях, животных-архитекторах, животных-воинах, животных-любовниках, животных-родителях и животных меньшинствах — о видах, находящихся под угрозой полного исчезновения.

Джеки предложила Джеральду объединить двенадцать рассказов, входящих в оба цикла передач, в книгу «Только звери». Задача была несложной, к тому же она давала Джеральду возможность выполнить обязательство перед издателями и представить им в 1958 году новую книгу, как это требовалось по условиям контракта. Рукопись книги легла на стол редактора издательства «Харт-Дэвис», которого звали Дэвид Хьюз. Он был на пять лет моложе Джеральда и сам немного писал.

Как-то утром Хьюзу сообщили, что автор знаменитой книги «Моя семья и другие звери» придет в офис, чтобы обсудить редакторские вопросы, связанные с новой книгой. Даррелл приносил издательству приличные деньги. Хотя Руперт Харт-Дэвис не любил общаться с популярными авторами, был нетерпелив и несдержан, но Джеральд Даррелл ему нравился, чего нельзя было сказать о других авторах, таких, как «Слон Билл» Вильямс и Генрих Харрер. К тому же Даррелл, по мнению издательских секретарш, был настоящим дамским угодником. А его книги, как гласило мнение редакторов, нужно было переписывать. Предшественник Хьюза считал Джеральда одним из тех литературных авантюристов, чью неграмотную писанину приходилось полностью перерабатывать, чтобы придать ей читаемый вид. Дарреллу следовало посылать гранки, а не правленую рукопись. «Легенда гласила, — вспоминал Хьюз, — что Даррелл так и не узнал, что неведомый ему литературный негр создал ему очередной бестселлер».

В действительности все оказалось совершенно иначе. Рукопись «Встреч с животными» была блестящей — очень литературной, идеальной с точки зрения грамматики и пунктуации. «Она совершенно не требовала правки, — вспоминал Дэвид Хьюз. — Знакомство с рукописью подсказало мне, что Даррелл действительно любил страны, животных, пейзажи, шутки, вина, погоду и людей, с которыми он встречался. Я подумал, что Даррелл — это энтузиаст с широко распахнутыми глазами, который понравится мне с первого взгляда». Но когда Даррелл вошел в кабинет Хьюза, он не произвел на редактора такого впечатления.

«Он оказался молодым блондином, красивым, энергичным и приятным в общении. После того как мы познакомились, он поднял на меня смущенные голубые глаза и сказал: «Мы все собирались к Берторелли, может быть, вы хотите присоединиться к нам...» Все? Слово «все» решило мою судьбу. Я мгновенно понял, что этот человек удивительно дружелюбен. Я понял, что он сразу же включает понравившихся ему людей в свою орбиту. Его приглашение помогло мне найти друга на всю жизнь.

За спагетти он убедил меня в том, что действительно является авантюристом, хотя и не дамским угодником, а также замечательным писателем, гораздо более серьезным, чем написанные им книги. Успех «Моей семьи и других зверей» казался ему случайным. Вдохновенно расправляясь с огромным куском мяса, Джерри рассказывал мне о Греции, сожалел, что я не видел этой страны. Его рассказы были столь яркими, что очень скоро я почувствовал себя с бокалом узо (греческая водка) в одной руке и с очаровательной нимфой на коленях. Его слова были заразительны. Он умел интересоваться жизнью других людей и заинтересовывать их своей собственной. За ленчем я по-иному взглянул на собственную жизнь, открыл для себя новые возможности. Было ясно, что Даррелл совершенно лишен тщеславия (и самоуверенности). Он наслаждался моментом, его радовал хлеб, мясо, вкус вина, украшение его любимого ресторана, разговоры официанток. Он жил настоящим. Меньше всего он хотел говорить о себе, потому что он просто был самим собой. В этом и состояло его обаяние».

Осуществить желание Джеральда прорваться на телевидение было довольно трудно. У него не было врожденного таланта оператора или режиссера, перед камерой он чувствовал себя довольно скованно (по крайней мере, в тех условиях, которые существовали в те времена). Пленки, снятые им вместе с Джеки во время третьей камерунской экспедиции, не впечатляли, но после профессионального монтажа на Би-би-си получился вполне приличный трехсерийный фильм «В Бафут за добычей». В него включили также интервью с Джеральдом, Джеки и выступление Чалмондейли.

Чалмондейли был буквально создан для публичных выступлений. Он с удовольствием позировал фотографам, демонстрируя свое умение обращаться с щеткой, губкой, шваброй, кухонными весами, телефоном и камерой. Он несколько раз выступал на телевидении, участвовал в рекламной программе студии «XX век Фокс». «Братец Джерри стал телевизионной звездой, — писал Лоуренс Генри Миллеру из Франции. — Он обзавелся сообразительным маленьким шимпанзе, которого вывез из Конго, и эта зверюга все делает за него». На книжной выставке в «Олимпии» Чалмондейли был почетным гостем на стенде В. Г. Смита. Пригласили его и на торжественный банкет. «На банкете прислуживал очень старый, аристократичный официант, — вспоминал Джеральд, — который явно не одобрял присутствия шимпанзе в ярком свитере, сидевшего у меня на коленях и поедавшего угощение с моей тарелки... Во время обеда он внезапно склонился ко мне и почтительно поинтересовался: «Не хочет ли э-э-э... молодой джентльмен еще немного горошка, сэр?» Чалмондейли совершил путешествие на поезде в Лондон, которое ему весьма понравилось. Напугали его лишь коровы на полях. Как только известие о его присутствии распространилось по поезду, пассажиры стали толпиться в коридорах, к вящему неудовольствию проводников. В результате Джеральду и Чамли пришлось сойти с поезда и добираться до города на машине, что доставило им обоим не меньшее удовольствие, особенно остановки в пабах, пиво и чипсы.

«Мой зверский братец собирается открыть зоопарк в Борнмуте и путешествует повсюду с огромной обезьяной по имени Чамли, — писал Лоуренс Ричарду Олдингтону. — Чудовищные сцены в вагоне-ресторане! Но, должен признать, что это хороший способ привлечь внимание издателей, когда нужно просить у них денег. Наши собственные приемы часто не срабатывают. Я обнаружил, что «Фабер» вечно пугается, когда я предлагаю нетривиальные названия своим книгам. Долгое время я убеждал их назвать «Жюстину» «Секс и секретная служба» или «Нет, не сейчас, за нами наблюдает твой муж». Джерри гораздо грубее (впрочем, с Харт-Дэвисом только так и можно обращаться). Он вечно грозит написать жизнеописание Иисуса...»

Телевизионный фильм Джеральда «В Бафут за добычей» вызвал неоднозначную реакцию. Чалмондейли повзрослел и стал непредсказуемым. Джеральд неуютно чувствовал себя в лучах софитов, сильно потел и смущался, что камера безжалостно фиксировала. «Если Джерри собирается продолжать карьеру телезвезды, — писала Джеки, — ему следует ограничиться съемками на натуре и ни в коем случае не соглашаться на работу в студии».

«Даррелл сильно нервничал, — замечал обозреватель «Обсервера» после выхода второй серии фильма. — но все же он и все его звери обладают удивительным обаянием». Джесси Форсайт в «Крисчен ворлд» превознес Джеральда до небес, и не только за его телегеничность, но и за образ мыслей, который был созвучен его собственному:

«Как человек должен общаться с низшими созданиями? Некоторые люди испытывают настоящую страсть к животным, диким или домашним, широко известным или редким. И эта страсть есть не что иное, как боогом данный инстинкт. Я полагаю, что все мы — обитатели земли, небес и моря — дети божьи. Являемся ли мы хозяевами — или просто доверенными лицами животных?

Величайшее изобретение современной техники — это телеобъективы. Мы исследуем космос, запускаем спутники. Но мы ничего не знаем о жизни тех, кто живет рядом с нами. Жизнь животных в джунглях и пустынях нам неведома. Лучшие телевизионные программы дают нам возможность приоткрыть занавес тайны над жизнью братьев наших меньших. И особенно порадовала меня серия фильмов о Западной Африке, снятых Джеральдом Даррелом, гениальным молодым исследователем, который собирал животных, называемых в Африке «добычей», и привозил их в Англию. Он почти заставил меня полюбить змею-яйцееда, а ведь змеи всегда парализовали меня ужасом, даже в кино.

Но на протяжении жизни многих поколений знания людей о животных ограничивались только фильмами и книгами или походами в мелкие и крупные, вроде Уипснейдского, зоопарки. Так ли должны сосуществовать на этой планете Человек и Зверь?

Я не перестаю задаваться вопросом. Много тысячелетий назад Господь создал и поселил замечательные создания в разных уголках Земли. И на планете не было места для человека — Господь наслаждался творением рук своих. На протяжении миллионов лет глаз Господен отдыхал, наблюдая за жизнью этих созданий. Затем Он в милости своей позволил нам разделить с Ним эту радость. Разве Он хочет, чтобы эти создания исчезли с лица Земли?»

Джеральд все чаще думал об Аргентине. Би-би-си заказала ему фильм об экспедиции. Хотя студия не могла послать оператора, руководство было настолько уверено в способностях Джеральда, что заключило с ним контракт.

«Джерри безумно нравилась книга Чарлза Дарвина «Путешествие натуралиста на корабле

«Бигль», — вспоминала Джеки. — Он мечтал попасть в Патагонию, чтобы своими глазами увидеть пингвинов, морских котиков и морских слонов, обитающих на побережье». В сценарии цикла из восьми получасовых фильмов Терра-дель-Фуэго должна была стать местом съемок двух первых серий («Земля огня» и «На краю света»). Следующие серии были посвящены пампе, Нижним Андам и Формозе.

Во время подготовки к новой экспедиции возникла неожиданная трудность. Джеральд узнал, что Дэвид Эттенборо тоже собирается в Южную Америку, чтобы снимать свои фильмы. Но когда он позвонил Дэвиду, то смог вздохнуть с облегчением — к счастью, их планы оказались совершенно различными. «Дэвид действительно отправляется на съемки животных, собираясь уделить внимание всего двум-трем видам, — писал Джеральд руководителю программы в Бристоль. — Я же хочу показать полную картину животного мира на огромной территории, от полярных широт до тропических лесов на севере страны». Цикл фильмов Даррелла поражал масштабностью замысла, Джеральд во многом опередил свое время в документальном кино. Он собирался уделить внимание и вопросам охраны окружающей среды, что было довольно необычно. Он составил список видов, которым грозит полное уничтожение, и планировал снять их для своего фильма.

Незадолго до отъезда в Аргентину Джеральд обратился к своему коллеге и наставнику, Питеру Скотту, чтобы уточнить, ие заинтересован ли его фонд в приобретении каких-либо видов птиц. Скотт сказал, что его заветной мечтой было бы приобрести пару редких уток, обитающих в Верхних Андах в Боливии. «Питер, как всегда, был преисполнен энтузиазма, — вспоминал Джеральд, — и умолял меня привезти ему пару этих уток. Он говорил о них так восторженно, что у меня сложилось впечатление, что я их ему уже привез. Его энтузиазм в отношении охраны окружающей среды был так велик, что зажигал всех окружающих. Стоило полчаса поговорить с Питером, и вы уже чувствовали, что в состоянии воплотить самые дерзкие свои мечты». К сожалению, Джеральду не удалось поймать этих уток в Южной Америке, и Скотту не довелось развести редких птиц в своем фонде.

В разгар подготовки к экспедиции Джеральд не переставал думать о собственном зоопарке. То, что произошло чуть позже, превратилось в настоящую легенду. Произошедшее можно было разбить на три этапа. Первый оказался связанным с Джеки. Она писала:

«Я думала, что мысль о зоопарке давно похоронена, но я недооценила упрямство Даррелла.

— Должны же быть хоть где-нибудь нормальные люди, не бюрократы и не градоустроители, — жаловался Джеральд.

Прежде чем осознать, что я говорю, я вдруг предложила попытать сча-стья на Нормандских островах.

— Там и климат получше, да и правительство у них собственное, так что стоит попытаться».

Джеральд согласился. Но он никого не знал на островах, кто мог бы оказать ему какую-нибудь помощь. Разговор закончился ничем, и лучик надежды угас.

Второй этап создания зоопарка был связан с Рупертом Харт-Дэвисом. Джеральд вспоминал:

«С сожалением (идея создать зоопарк на острове мне ужасно правилась) мы забыли об острове Джерси. Спустя несколько недель я отправился в Лондон, чтобы обсудить проект зоопарка с Рупертом Харт-Дэвисом. И тут неожиданно блеснул луч надежды. Я признался Руперту, что перспектива создания собственного зоопарка настолько слаба, что я подумываю о том, чтобы отказаться от своего плана. Я сказал, что мы подумываем о Нормандских островах, но не знаем там никого, кто мог бы нам помочь. Руперт оживился и на моих глазах сотворил маленькое чудо. Он сказал, что у него есть хороший знакомый на островах. Этот человек провел там всю свою жизнь и будет рад помочь нам, чем сможет. Звали его майор Фрезер. В тот же вечер я позвонил майору. Похоже, его совсем не удивило то, что совершенно незнакомый человек обращается к нему с просьбой помочь в организации зоопарка. Это подкупило меня с первой же минуты нашего разговора. Майор предложил нам с Джеки прилететь на Джерси, чтобы он смог показать нам остров и дать всю необходимую информацию. Мы так и сделали».

Майор Хью Фрезер встречал Даррелловв в аэропорту. Это был высокий, стройный мужчина в фетровой шляпе, надвинутой на лоб так глубоко, что ее поля почти касались орлиного носа майора. Они проехали через столицу Джерси, Сент-Хельер, и выбрались за город. Дорога была узкой, деревья так тесно обступили ее, что, казалось, машина несется по зеленому туннелю. Ландшафт напомнил Джеральду Девон в миниатюре. Но дома фермеров были построены из джерсийского гранита,

переливавшегося на солнце миллионами золотых звездочек. Довольно скоро они подъехали к двум зданиям, из которых получился бы замечательный зоопарк. Это был приход Тринити, где жил майор Фрезер. Машина свернула, и вскоре глазам Джеральда предстал дом Огр Мэнор (Дом привидений), один из очаровательнейших особняков острова Джерси.

«Поместье было построено в форме буквы Е без средней перекладинки, — вспоминал Джеральд. — Главный дом имел два крыла, причем каждое из них завершалось массивной каменной аркой, через которые можно было попасть во двор. Эти великолепные арки были построены около 1660 года[5] из замечательного местного гранита, как и весь дом. Хью провел нас вокруг дома, не скрывая гордости, показал старинный гранитный пресс для приготовления сидра, коровники, огромный сад, обнесенный каменной стеной, маленькое озерцо, вдоль берегов заросшее камышом, заливные луга с маленькими ручейками».

Гостеприимный хозяин привел гостей обратно на залитый солнцем двор. Джеральд был очарован поместьем. Он повернулся к Джеки и сказал:

— Как здорово было бы устроить наш зоопарк здесь, правда?

Джеральд даже представить себе не мог, что такое возможно. Его мечта не могла исполниться так быстро и так прекрасно. Но тем не менее знаменитая «удача Даррелла» улыбнулась ему и на этот раз.

— Вы серьезно? — удивился майор Фрезер. — Входите же, дорогой мой, давайте сразу же все обсудим.

За аперитивом обсуждение началось, за обедом продолжилось, подали бренди, а майор и Джеральд все еще обсуждали возможность организации зоопарка в поместье Огр. Майор сказал, что содержание поместья становится ему не по карману и он подумывает купить на материке что-нибудь поскромнее. Может быть, Джеральд согласится арендовать поместье, чтобы устроить в нем зоопарк?

«Целый год я мучился, боролся с городскими властями, — писал Джеральд, — а потом прилетел на Джерси и через час после приземления нашел свой зоопарк».

Даррелы вернулись на материк со смешанными чувствами — их переполняли восторг, радость и облегчение, тревога и сомнения. Устройство зоопарка было делом нелегким, связанным с серьезными трудностями и проблемами. Вернувшись в Борнмут, Джеральд поделился своей радостью, однако все, кто знал его, отнеслись к новостям настороженно. Радовалась только Маргарет. Хотя сама идея казалась ей безумной, зато она наконец-то могла избавиться от обитателей джунглей, заполонивших ее садик.

Выдающийся английский орнитолог Джеймс Фишер, раньше с энтузиазмом относившийся к идее Даррелла разводить животных в неволе, встретил идею организации зоопарка в офшорной зоне скептически. «Ты сошел с ума, дорогой мой, — сказал он. — Натурально сошел с ума. Это слишком далеко. Настоящий край света. Неужели ты думаешь, что хоть кто-нибудь решит пересечь Ла-Манш, чтобы полюбоваться твоим зоопарком? Это безумная идея. Я бы не отправился в такую даль даже для того, чтобы с тобой выпить. Твой план совершенно нереалистичен. Тебя ждет разорение. С тем же успехом ты мог бы открыть зоопарк на острове Пасхи».

Джеральд обратился в сэру Джулиану Хаксли, признанному мэтру биологического мира. «Он всегда благосклонно относился ко мне в прошлом, — писал Джеральд, — но на этот раз моя идея была настолько грандиозной, что я опасался его негативной реакции. Оказалось, что я зря волновался. Сэр Джулиан отнесся к моему замыслу с огромным энтузиазмом». Дяррелл и Хаксли выпили чаю и обсудили устройство обезьянника, вольера для гигантских ленивцев и многие другие детали. Затем сэр Джулиан посмотрел на часы.

— Ты видел фильм, который молодой Эттенборо только что привез из Африки об этой львице... как ее... Эльсе? Ее вырастила Джой Адамсон. Сегодня его повторяют.

«Мы с величайшим биологом Англии, — писал Джеральд, — поднялись и в молчании смотрели фильм о том, как Джой Адамсои гоняется за Эльсой, как Эльса гоняется за Джой Адамсон, как Джой Адамсон лежит на Эльсе, как Эльса лежит на Джой Адамсон, как Эльса спит вместе с Джой Адамсон, как Джой Адамсон спит рядом с Эльсой и так далее и тому подобное...» К концу передачи у обоих было впечатление, что они увидели первый в мире художественный фильм, посвященный естественной истории.

Джеральд прислушался к полученным советам, но воспринял их по-своему. До отплытия в Аргентину оставалось меньше месяца, так что времени на раздумья и промедление не было. Джеральду нужно было либо согласиться на устройство зоопарка на острове Джерси, либо отказаться

[5] На самом деле старейшие постройки имения относятся к XV веку.

от этой идеи. Он не раздумывал. Через несколько дней Даррелл вернулся на Джерси, чтобы обсудить практические вопросы с властями острова. Начальник отдела туризма, сенатор Кричевски, отнесся к его идее с энтузиазмом и пообещал полную поддержку. Другие чиновники были не менее благосклонны. Отношение джерсийских властей разительно отличалось от бюрократии в Англии. Адвокат Хью Фрезера подготовил документы, по которым поместье Огр переходило к Дарреллу. Мечта на глазах превращалась в реальность. Оставалось только организовать сам зоопарк.

К счастью, Даррелл многое продумал, готовя план зоопарка в Пуле, поэтому ему не пришлось долго работать над деталями проекта. План зоопарка в Пуле подогнали под местные условия, перепланировали имеющиеся помещения и строения. Джеральд планировал открыть зоопарк для публики весной 1959 года, когда он еще был бы в Южной Америке. Он должен был перевезти на Джерси животных из Пейтонского зоопарка, а по возвращении пополнить коллекцию южноамериканскими приобретениями. Управлять зоопарком и поддерживать порядок в его отсутствие Джеральд попросил своего старого приятеля Кена Смита, который должен был стать директором Джерсийского зоопарка. «Смит всегда любил перемены и повышения, поэтому Джеральду было нетрудно убедить его приехать на Джерси. Смит сам набирал сотрудников для нового зоопарка. Он согласился оставить свой пост в Пейтоне при условии, что ему будет предоставлена полная свобода действий. Я возражала против этого по ряду причин и, как показало время, была совершенно права».

Когда до отъезда оставалось совсем немного, вышли в свет «Только звери». К удивлению Джеральда — ведь книга не представляла собой ничего особенного, всего лишь рассказы, которые передавались по радио, — она была встречена очень хорошо и прекрасно продавалась. «Если бы животные, птицы и насекомые могли говорить, — писал один из критиков, — они бы вручили мистеру Дарреллу свою первую Нобелевскую премию...» Наконец 18 октября 1958 года, через день после подписания последних документов относительно ввода в права владения поместьем Огр в приходе Тринити на острове Джерси, Джеральд отплыл из Плимута на борту корабля «Звезда Англии» в Буэнос-Айрес. Его сопровождали жена, мама и секретарша. Мама решила провести пару недель в Аргентине. Джеральд многим пожертвовал ради создания собственного зоопарка, но совершенно об этом не жалел. Его будущее теперь принадлежало не ему, а природе.

Аргентина и аргентинцы нравились Джеральду не меньше, чем Джеки. Теплота, обаяние и эксцентричность этих людей всегда импонировали Дарреллам. Стоило им сойти на берег, как их окружила толпа друзей и помощников — Бебита, Хосефина, Рафаэль, его сестра Мерседес, кузина Мари Рене Родригес и многие другие. Их гостеприимство и радость от встречи были неподдельными. Без их помощи Джеральду вряд ли бы удалось успешно завершить экспедицию. Они превращали даже самые серьезные трудности в сущее удовольствие. Единственной проблемой, как всегда, была таможня. Из-за сложностей с таможней Джеральд смог получить свое снаряжение только через месяц после прибытия в Аргентину.

План экспедиции был прост — во-первых, нужно было собрать животных для нового зоопарка и, во-вторых, снять фильм для телевидения. Расписание было не менее прямолинейным. Сначала экспедиция отправлялась на юг от Буэнос-Айреса на «Лендровере», пересекала пампу и попадала на равнины Патагонии, где собиралась наблюдать жизнь колонии пингвинов возле Пуэрто-Десеадо, а также морских котиков и морских слонов на полуострове Вальдес. Здесь Джеральд рассчитывал снять материал для первых двух серий своего фильма. Затем следовало вернуться в Буэнос-Айрес, перегруппировать силы и отправиться в противоположном направлении, на северо-восток страны к подножиям Анд.

Патагония оказалась пустынной, бесплодной равниной, заросшей кустарником. Между дюнами из черного песка бродили духи и призраки давно исчезнувших индейских племен. Колонии пингвинов, где обитали около двух миллионов птиц, протянулись на много миль вдоль берега, изрытого гнездовыми норами, напоминавшими лунные кратеры. «Странные, переваливающиеся, сильные птицы, — писал Джеральд в своих неопубликованных мемуарах, — вышагивали по берегу с шарканьем старых официантов, которым всю жизнь приходилось таскать тяжелые подносы». Морские котики вели собственную жизнь. «Нас встретил шум, подобный гулу пробуждающегося вулкана», — вспоминала Джеки. «Рев, мычание, бульканье, кашель — это было непрерывное кипение звуков, словно варился непомерный котел каши, — писал Джеральд. — Золотисто блестя на солнце, они напоминали беспокойный рой пчел». «Даррелл лихорадочно снимал пленку за пленкой, — вспоминала Джеки. — Он был пьян от удовольствия и настолько влюбился в котиков, что нам с большим трудом удалось утащить его дальше».

Задержка у котиков чуть было не обернулась катастрофой. Маленький пляж, где обитали морские слоны, оказался пустым. На нем лишь беспорядочно громоздились огромные коричневые камни. Похоже было, что морские слоны покинули Терра-дель-Фуэго. Сидя среди камней, члены экспедиции обвиняли друг друга в том, что слишком много времени уделили котикам. И вдруг произошла странная вещь. «Мария, с видом человека, который не теряется ни при каких обстоятельствах, взяла бутылку вина, — писал Джеральд. — И только хлопнула пробка, как большой, немного вытянутый в длину яйцеобразный валун футах в десяти от нас вдруг глубоко и печально вздохнул и, открыв пару больших, блестящих, черных глаз, спокойно на нас посмотрел». Оказалось, что экспедиция расположилась между двенадцатью морскими слонами, которые спокойно спали, пока люди усаживались и доставали еду. Джеральд быстро снял то, что ему было нужно, и экспедиция вернулась в Буэнос-Айрес в прекрасном расположении духа.

До отъезда в Патагонию Джеки попала в автокатастрофу. За рулем машины была Хосефина, она не заметила, как переключился единственный на всю столицу светофор. «Светофор! — закричала Джеки за долю секунды до того, как «Лендровер» врезался во впереди стоящую машину. «Следующее, что я помню, это то, как я вылетаю через лобовое стекло, — вспо-минала она. — Даррелл успел схватить меня и прижал к себе. Нас заливала кровь. Откуда-то появилась толпа народа, все кричали и предлагали помощь. Я чувствовала себя совершенно нормально и не понимала, откуда льется вся эта кровь». В городской больнице Джеки наложили пять швов на лоб, а бледный Даррелл, испугавшийся гораздо сильнее жены, держал ее за руку. Казалось, ничего серьезного не произошло, но к концу поездки по Патагонии Джеки почувствовала себя очень плохо. У нее постоянно болела спина, а также появились сильные головные боли, усиливавшиеся от тряски. Похоже, у нее была трещина черепа. Жара и влажность аргентинской столицы не пошли ей на пользу, и Джеки решила, что ей следует как можно быстрее вернуться в Англию и начать лечение. Джеральд согласился, и в середине февраля 1959 года она отплыла в Лондон на единственном корабле, где была свободна одиночная каюта.

Присматривать за зверями в Буэнос-Айресе осталась Софи, а Джеральд отправился на север. Он собирался посетить северо-западную провинцию Жужуй, которая с одной стороны ограничена горами Боливии, а с другой — иссохшей чилийской провинцией Сальта. Джеральд собирался устроить лагерь у друзей на плантации сахарного тростника в Калилегуа и начать ловить зверей с помощью маленького черноглазого черноволосого аргентинца Луны и крупного голубоглазого блондина Хельмута. С отъездом Джеки экспедиция лишилась организационного гения. Съемки фильма отошли на второй план. Джеральду не суждено было осуществить свою мечту и стать ведущим режиссером-оператором документального кино.

Джеральд впервые расстался с женой так надолго. Хотя отношения между ними во время камерунской экспедиции осложнились, он очень скучал по Джеки, чувствовал себя забытым и заброшенным. Из Буэнос-Айреса он постоянно ей звонил. Отправившись в джунгли, он стал писать ей длинные письма, в которых не только пересказывал новости и сплетни, но и признавался в том, что он любит ее, и скучает без нее, и безумно хочет увидеть ее снова. Из Калилегуа он написал ей письмо о подъеме на гору высотой пять тысяч футов вместе с Луной и Хельмутом.

«Мы отправились в путь верхом, и это было великолепно. На вершине обнаружилась маленькая деревянная хижина, где мы и расположились. Нас окружал роскошный лес, полный тапиров, туканов и попугаев. Под деревьями росли самые удивительные грибы и поганки, какие мне только доводилось видеть, — сотни грибов самых разнообразных форм и расцветок. Я словно попал на коралловый риф. Мы взяли с собой пятерых охотников и двенадцать собак, но, несмотря на все их усилия, им не удалось никого поймать. Тем не менее наши лошади и вьючные мулы подверглись нападению вампиров. Это было очень интересно. Как в фильме про Дракулу, на рассвете мы обнаружили на их шеях длинные глубокие царапины. Я решил проверить, станет ли вампир кусать меня, поэтому улегся спать на улице. В хижине спали семь человек, и мне захотелось вдохнуть немного свежего воздуха, не пропитанного чесноком. Так что я устроил себе постель возле лошадей и высунул ногу из-под простыни, рассчитывая, что вампир укусит меня. К сожалению, ничего не вышло, хотя я пролежал там всю ночь. А лошадей снова искусали. Чарльз сказал, что вампиры не любят джина и не станут пить мою кровь. К тому же я вспомнил, что летучие мыши переносят бешенство, и перестал сожалеть о неудавшемся опыте.

...Дела наши идут неплохо. Вот список зверей, которых нам удалось Поймать. Одна почти взросла пума, один оцелот, одна кошка Джеффриса, два молодых коати, четыре голубых амазонских попугая, два желтоголовых ара (очень редкие птицы, полагаю, мне удалось поймать их первому),

один красноголовый амазон (Бланко), шесть маленьких длиннохвостых попугаев, два агути, шесть бразильских кроликов, два очаровательных пекари, а детеныш пекари совершенно очарователен».

Коллекция настолько разрослась, что доставлять ее в Буэнос-Айрес пришлось поездом. Двухдневное путешествие оказалось настолько изматывающим, что Джеральд писал Джеки:

«Путешествие поездом было забавным, но очень утомительным. Бедные звери страдали от жары, а я ничего не мог сделать. Только в Аргентине могло случиться так, что весь поезд узнал о том, что я везу животных, и на остановках меня просили показать пуму и рассказывали мне, где я могу набрать воды...

В мое отсутствие Софи приобрела очень симпатичную капибару и пару молодых, но достаточно взрослых обезьянок-дурукули. Тебе они понравятся, дорогая. Тапир Клавдий чувствует себя хорошо и стал размером с упитанную корову. Он постоянно что-то жует и, как всегда, все делает по-своему. (Бланко только что прибежал с кухни, залез мне на плечо и интересуется, как я себя чувствую.)

Дорогая, ты не должна писать мне, что любишь меня... Если бы это было не так, ты никогда бы не поехала со мной. Всем, что во мне есть, я обязан тебе. Ты — часть меня, а сейчас я словно лишился правой руки. Через два месяца я наконец-то смогу поцеловать тебя и рассказать тебе, что ты для меня значишь... Но помни, хоть я и не вернулся, я всегда был и буду только твоим... Без тебя я ничто».

У Джеральда была масса дел в Буэнос-Айресе. Невероятно, но он пытался там писать книгу об Африке. «Я пытаюсь закончить «Зоопарк в моем багаже», — писал он Джеки, — и надеюсь, что мне это удастся. Я хочу отослать тебе рукопись еще до отъезда из Аргентины, чтобы иметь немного денег по приезде. Это довольно трудно, потому что писать мне удается только по ночам. Я безумно устал, но не прекращаю работы. Мне тяжело, но я не хочу, чтобы ты беспокоилась. Не волнуйся, дорогая, не волнуйся насчет денег: когда я вернусь, то заработаю достаточно, обещаю тебе. Пожалуйста, не волнуйся и не переживай из-за этого. Ты же знаешь, что если я постараюсь, то смогу заработать».

Джеральд собирался на неделю поехать в Мендосу, в предгорья Анд, чтобы поймать редкого волосатого броненосца. Дэвид Джонс, веселый аргентинец, ставший для Джеральда младшим братом и постоянным спутником и заменивший Джеки в решении практических проблем повседневной жизни, вызвался сопровождать его. Дорогу в Мендосу размыло, но Джеральд и его спутник надеялись, что дожди прекратятся. «Если дождь не перестанет, — в отчаянии писал Джеральд, — я не смогу снять больше трех-четырех серий фильма. Я так надеялся на то, что материала о котиках, морских слонах и пингвинах хватит на две серии, но, если ты помнишь, я не уверен в хронометраже».

Растущая коллекция животных временно разместилась в музее Буэнос-Айреса. Времени на другие дела практически не оставалось. Но более всего Джеральда мучили мысли о шаткости и непрочности своего брака.

«Я писал тебе, что люблю тебя? — спрашивал он у Джеки. — Что я скучаю по тебе? Что я хотел бы отплыть уже завтра, чтобы быть с тобой? Ну так вот, я об этом пишу. Дорогая, я весь твой и только твой — не самый легкий груз, но уж так вышло. А теперь мне пора перестать играть любовника средних лет и отправляться в душ, так как мы собираемся на обед к Блонди. Дэвид только что принес мою одежду... Если ты со мной разведешься, я женюсь на нем. Скоро я снова напишу тебе, дорогая. Береги себя для меня».

«Дорогая, — пишет он через несколько дней, — это письмо будет коротким, но в полночь мы с Дэвидом отправляемся в Мендосу и сейчас мы судорожно собираемся. Я напишу тебе, как только мы вернемся, обещаю. Я просто хотел, чтобы ты знала, что я люблю тебя и очень тебя хочу. Поездка будет недолгой, дорогая. Спокойной ночи. Дж.»

В Мендосу Джеральд с Дэвидом выехали в три часа ночи. Поездка прошла спокойно. Джеральд спал до рассвета, а затем сменил уставшего Дэвида. «Вдруг мои глаза широко распахнулись, — писал он Джеки, — ...мы выехали на вершину холма, и перед нами открылась картина Анд, великолепная цепь гор самых причудливых очертаний, укутанных снеговыми шалями. Это было настолько прекрасно, что я разбудил Дэвида, чтобы он тоже полюбовался пейзажем. Но он начал ворчать, а потом сказал мне, что мотор стучит. Это меня так огорчило, что я уселся завтракать, но Дэвид сказал, что для него мотор гораздо важнее Анд, что ему нужно заниматься мотором, а не

таращиться на горы. Я был вынужден признать справедливость его слов.

Дорогая, я люблю тебя. Когда ты уехала, я утратил весь интерес в экспедиции. Мне не на кого кричать, некого упрекать, не на кого сердиться, никто не знает, какой я паразит, никто не говорит мне, какой я хороший, никого нет рядом, когда мне кто-то нужен, мне некого любить. Я так хочу вернуться в Англию, надеюсь, нам удастся вернуться раньше мая. Что бы ты ни решила сделать, я всегда буду любить тебя и надеюсь, что ты тоже любишь меня. Все, чего я прошу, не принимай решения до моего возвращения. Не обещаю измениться, стать хорошим мальчиком и всегда делать то, чего ты от меня хочешь, потому что это была бы ложь. Ты знаешь, что это невозможно, потому что хорошо со мной знакома. Поэтому все, что я могу пообещать тебе, если ты останешься со мной, я буду таким же паразитом, как всегда, может быть, чуть лучше. Все, что я знаю, так это то, что, когда ты уехала, я понял, как сильно тебя люблю!»

Пока Джеральд был в Аргентине, Дэвид Эттенборо снимал и ловил броненосцев, а также других небольших животных в Гран-Чако в Парагвае. Вернувшись в Буэнос-Айрес со своими животными, он узнал, что еще один зверолов ожидает корабля для возвращения в Англию. Это был Джеральд Даррелл. Они встречались раньше, когда Эттенборо только начинал свою карьеру на Би-би-си. В Буэнос-Айресе Джеральд рассказал Дэвиду о создании собственного зоопарка. Эттенборо вспоминал:

«Ему было слегка за тридцать, но выглядел он лет на десять моложе. Длинные волосы постоянно падали ему на глаза. Мы были соперниками, но тем не менее я запомнил только его открытую широкую улыбку и невероятное остроумие. У нас было много общего. Мы обсуждали, как кормить броненосцев, как лечить диарею у этих созданий. Даррелл порекомендовал мне добавлять немного земли в молотое мясо и концентрированное молоко. Мы оба поражались тому, что любимой пищей гривастых волков, представителей семейства собачьих, является не мясо, а бананы. Вечерами мы переходили с пива на дешевое южноамериканское бренди. Джерри увлеченно говорил о своих планах. Он рассказал мне, что собирается открыть собственный зоопарк. Я счел его безумцем. Как может простой человек, не миллионер, иметь собственный зоопарк? Но Джерри был непреклонен. Он уже убедился в том, что может писать бестселлеры. Он написал несколько книг, а полученные деньги направил на финансирование зоопарка своей мечты».

Джеральд рассказал Эттенборо, что его зоопарк будет отличаться от обычных зоопарков, к которым он относился весьма критично. Клетки и вольеры в них построены для удобства публики, а не животных. Большинство зоопарков неправильно подбирают животных, отдавая предпочтение крупным, эффектным зверям — тиграм, львам, носорогам и гиппопотамам. Их дорого содержать, к тому же им нужны большие пространства. Мелкие животные — мармозетки, броненосцы, скорпионы, бабочки и даже муравьи — представляют для публики не меньший интерес, если их правильно содержать и показывать. «Сильнее всего, — вспоминает Эттенборо, — он критиковал зоопарки, в которых не пытаются разводить животных. Когда зверь погибает, зоопарк просто покупает нового... Он собирался изменить положение вещей».

Много лет спустя, вспоминая отъезд из Аргентины, Джеральд поразился своей смелости, своей гордыне. Но как же благодарен он был своему наивному оптимизму, ослепившему его настолько, что он не видел тех трудностей, с которыми ему придется столкнуться.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЦЕНА СТАРАНИЙ

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

ЗООПАРК РОДИЛСЯ: 1959-1960

Несчастные животные проводили уже третью зиму в садике дома Маргарет в Борнмуте. Поместье на Джерси стояло пустое и заброшенное, укрытое сенью деревьев, готовясь в самому драматичному и необычному событию в своей истории.

Зимой в поместье прибыла первая партия животных, которым было суждено здесь поселиться. С помощью Кена Смита и Джерри Бриза, восемнадцатилетнего сына Маргарет, клетки погрузили на грузовики и доставили в порт Веймута, чтобы переправить на Джерси. В поместье Огр их разместили в амбарах и флигелях, пока для них не будут построены постоянные жилища. Джеральд был в Аргентине, но его держали в курсе событий. «В поместье Огр кипит бурная деятельность, — писали ему. — Плотники и каменщики месят цемент и сооружают клетки из всего, что находится под рукой. Клетки на ногах, как мы их называем, сооружают из необработанного дерева, цепочек и проволоки. Упаковочные ящики прекрасно подходят для мелких животных. В ход идут все кусочки проволоки. Мы используем все, что другие люди выбрасывают».

Кену Смиту помогали молодые, полные энтузиазма помощники из местных жителей, а также те, кто приехал к нему из Пейтонского зоопарка. Среди них была его жена Труди, ставшая начальником отдела млекопитающих, Тимоти Карр (отдел птиц), Найджел Хэнлан (отдел рептилий), Родерик Добсон (орнитолог) стал главным плотником, Ник Блампайд ветеринаром, Лес Галливер, Майкл Армстронг, Кей Пейдж, Джерри Бриз, Найджел Олбрайт и Аннет Белл трудились на всех участках. Летом, спустя пять недель после открытия зоопарка, туда пришел Джереми Маллинсон, за ним последовали Иоланда Вильсон, Ли Томас, Питер Гловер, Билл Тиммис, Лесли Нортон, Джон Хартли, Джон (Шел) Маллет, Бетти Бойзар, Стефан Омрод и Квентин Блоксам. Бетти Бойзар (в замужестве Ренуф), Хартли, Блоксам и Маллинсон работают в зоопарке и до сих пор, причем Маллисон впоследствии стал директором Джерсийского зоопарка.

Кен Смит пригласил Майкла Армстронга младшим помощником в отдел птиц в январе 1959 года, когда зоопарк только задумывался. «Смит провел меня по всему поместью, — вспоминал Армстронг. — Он сказал: «Мы надеемся устроить то-то вот здесь, а то-то вот там». Но единственным, что я увидел, была клетка с двумя индийскими попугаями. День был пасмурный, шел дождь, птицы имели очень несчастный вид. И это было все». Но под руководством Смита работа шла очень споро.

Открытие зоопарка было назначено на 26 марта 1959 года. Начинались пасхальные праздники. Молотки в поместье Огр стучали не переставая. Животные друг за другом перебирались в новые клетки. Была устроена площадка для парковки машин, сооружено небольшое кафе, у входа разместились общественные туалеты. Кен Смит написал первый путеводитель по Джерсийскому зоопарку. На обложке буклета красовалась фотография моложавого Джеральда Даррелла с крупной совой на плече. Из аннотации посетители узнавали, что мистер Даррелл велик безмерно. Зоопарк еще только создавался, объяснял Смит на случай, если посетитель еще этого не понял, поэтому и коллекция животных будет пополняться, и территория будет благоустраиваться. Смит позаботился о том, чтобы сообщить о главной цели Джеральда. «Основной задачей зоопарка является разведение редких видов животных, — писал он, — особенно тех, которым в естественных условиях грозит полное уничтожение». Однако в отсутствие Джеральда Смит постарался создать обычный зоопарк, главной задачей которого было развлечение публики.

Возвращение домой без мужа и без животных позволило Джеки немного передохнуть. Она терзалась чувством вины за то, что бросила экспедицию в Аргентине, но остеопат, к которому она обратилась в Лондоне, заверил ее, что она поступила совершенно правильно. Джеки с облегчением приехала в Борнмут и снова поселилась в крохотной комнатке в доме Маргарет. Она целиком отдалась великому делу — подготовке к переезду на Джерси и открытию нового зоопарка.

Джеки прилетела на Джерси при первой же возможности. Она следила за работами, отделывала и обставляла квартиру в главном доме, где должны были поселиться они с Джеральдом. Все работали не покладая рук, чтобы зоопарк мог открыться в назначенный день. Но Джеки была удивлена тем, что многое делается совсем не так, как она ожидала. «Меня слегка беспокоило то, что

никто не следует указаниям, оставленным Джерри, — писала она. — Но это меня не касалось, и я решила оставить все как есть до его приезда».

Квартира Даррелов занимала два верхних этажа центральной части хозяйского дома. Большая гостиная и другие комнаты первого этажа были отведены под офис зоопарка. Это было удобное помещение, светлое и просторное, с большими окнами, выходящими на широкий, усыпанный гравием двор перед главным входом. Очень скоро Джеки была занята устройством собственной квартиры не меньше, чем работники зоопарка организацией жилищ для животных. Нужно было устроить кухню, перекрасить стены, купить ковры, заказать мебель, развесить шторы, приготовить комнату для мамы, которая собиралась жить с ними.

Чтобы подогреть интерес публики, Кен Смит выехал в Сент-Хельер и разместил там рекламные щиты со львами и тиграми. Затем он отправился в аэропорт, чтобы сообщать туристам о новом зоопарке. Он спрашивал у них: «Вы ищете дорогу в зоопарк? Это очень просто — прямо, потом первый поворот направо...» В местной газете «Джерси ивнинг пост» появилась большая статья. Ко дню открытия на острове не осталось ни одного человека, который бы не знал об этом грандиозном событии. Вот что записал в своем дневнике Майк Армстронг 26 марта 1959 года:

«Довольно сильный, прохладный северо-западный ветер. 58 градусов. Встал рано, потому что в 7.15 открывается зоопарк. Открытие отложили до десяти утра. Первый посетитель вошел ровно в десять. Всего за день прошло около 900 посетителей... Все надписи на клетках разборчивые. Дом рептилий пользуется популярностью. В доме животных устроили большой аквариум с разноцветными рыбками. Обезьяны вызывают большой интерес. Мандрил ухитрился утащить очки у джентльмена. Двое посетителей жаловались, что мандрил бросается на детей. Но в целом все прошло хорошо. Я слышал, что люди отзывались о нашем зоопарке очень хорошо».

На следующий день количество посетителей увеличилось до трех тысяч, а на четвертый день зоопарк посетило более шести тысяч человек. Зоопарк начал работать. Люди толпились возле клеток и вольеров, весело обмениваясь впечатлениями от сцинка с голубым языком и гигантской камерунской лягушки, великолепных колибри и китайского пересмешника, дикой собаки Динго, шустрых белок, медлительных лори и африканских лемуров — «привезенных Джеральдом Даррелом из Камеруна в 1957 году, единственных в Европе», как гласила табличка на клетке. Помимо зверей, привезенных из Камеруна, в Джерсийском зоопарке поселились экзотические мелкие животные со всех концов света, приобретенные Кеном Смитом по каталогам дилеров для привлечения публики — «певцы и танцоры» на слэнге зоопарков. Крупных животных — слонов или носорогов — на Джерси не было. Они были слишком дороги, к тому же эти животные не вписывались в идеологию Джеральда. Он хотел, чтобы его зоопарк стал Домом и надежным убежищем для мелких, но не менее интересных животных.

Майк Армстронг в своем дневнике подвел итог первой недели работы зоопарка под руководством Кена Смита:

«Мне кажется, у нас получился славный маленький зоопарк, что очень приятно... Мистер Смит очень милый человек, когда дело не касается работы. Он отличный организатор и администратор, но не слишком любит животных. Я чувствую, что это для него всего лишь бизнес. Если животному неудобно в своей клетке, он не спешит придумать что-нибудь более подходящее, так как больше всего его волнует внешняя привлекательность зоопарка».

Джеки разрывалась между Джерси и Борнмутом, освобождая квартирку в доме Маргарет, где было разработано столько планов, написано столько книг. Она упаковывала вещи, готовясь к новому этапу семейной жизни. Ей это удалось, и точно в назначенное время она уже стояла на набережной Тилбери, встречая корабль, доставивший Джеральда из Южной Америки. За время разлуки внешность Джеральда радикальным образом изменилась. Он отпустил русую бороду и стал похож на Эрнеста Хемингуэя, охотника на крупную дичь. Эту бороду он отрастил только ради нее, как он сам ей сообщил. «Я не стала ничего говорить, — вспоминала Джеки, сразу угадавшая истинную причину таких перемен, — Джерри терпеть не мог бриться. У него была очень чувствительная кожа, и он постоянно ранился бритвой. В Аргентине он вечно ходил с трехдневной щетиной, и я твердила ему: «Или отрасти бороду, или побрейся». Он отрастил бороду и сохранил ее на всю жизнь».

Животных, привезенных Джеральдом из Южной Америки выгрузили и отправили в Саутгемптон, чтобы переправить на Джерси. Джеральд отправился вместе с ними, а Джеки тем же вечером вылетела самолетом, чтобы встретить животных в зоопарке. Звери прибыли 16 июня. «Даррелл был в таком восторге, — вспоминала Джеки, — что не знал, с чего начать: то ли осматривать территорию, то ли следить за размещением привезенных зверей». Со времени

последнего посещения поместья Огр Джеральдом дом и территория претерпели серьезные изменения. Сенной амбар XV века превратился в дом тропических птиц, коровник стал обезьянником, а на втором этаже устроили карантин. Пресс для сидра приютил, крупных и мелких млекопитающих, гараж стал домом рептилий, а в свинарнике разместились более экзотические животные — пумы, еноты и динго. Небольшой садик на берегу за домом превратился в вольеры и загоны. Яблоки и сливы падали на пекари, тапиров и валлаби. Небольшой ручеек на заливном лугу запрудили. Получился прудик для водоплавающих птиц, где поселились черные лебеди, утки-мандаринки и другие красивые птицы.

«Как я и подозревала, — вспоминала Джеки, — Джерри остался очень недоволен тем, что его указания не были исполнены, но его раздражение мигом улетучилось от сознания того, что его обожаемые африканские и южноамериканские животные могут жить рядом с ним». Зоопарк не отвечал требованиям Джеральда. «Джерри всегда очень четко представлял себе свой зоопарк, — писала Джеки. — Естественно, что определенные изменения, связанные с размещением, территорией и строениями, могли быть сделаны. Он оставил Смиту четкие и конкретные указания относительно Джерси, но Смит полностью игнорировал их». Смит утверждал, что Джерри оставил ему всего лишь несколько заметок, а он руководствовался соображениями времени и средств. Кен Смит со своей командой сумели создать зоопарк на пустом месте — по крайней мере, животные были накормлены, расселены по клеткам, о них заботились в меру сил.

Джеки и Джеральд с мамой поселились в хозяйском доме. По сравнению с квартиркой в доме Маргарет, здесь было очень просторно, но очень скоро их квартиру заполнили разнообразные животные, по большей части больные, которым требовалось тепло. Шимпанзе Чалмондейли после возвращения Джеральда был выдворен от своей приемной матери, но теперь его снова пришлось взять домой из-за смещения позвоночного диска. Вместе с ним появилась и его подружка Лулу, у которой возник нарыв за ухом, крупная черепаха с инфекцией ротовой полости, больной пекари, десятифутовый питон со стоматитом, четыре бельчонка, отчаянно верещавших и требовавших корма, простуженный попугай, который печально что-то бормотал себе под нос, сидя у камина, и несколько чаек. Мама ухаживала за мармозеткой, которую назвали Вискерс. Она держала ее у себя в спальне. Вот что пишет о маме и Вискерс Джеральд:

«Мама стала приемной матерью чрезвычайно редкому крохотному созданию — императорскому тамарину, представителю семейства мармозеток, самых крохотных обезьянок на свете. Когда мы получили Вискерса, он был в очень плохом состоянии. Мы понимали, что он не выживет, если не получит полного внимания и заботы. Моя мама взяла на себя заботу о миниатюрном создании, решившись подлечить его и восстановить его силы.

Когда Вискерс появился в нашем зоопарке, он свободно умещался в чайной чашке. Своим костлявым тельцем, огромными белыми усами, которыми отличаются тамарины, он напоминал нам не обезьянку, а скорее постаревшего лепрекона. Внимание и забота мамы сотворили чудеса. Он быстро набрал вес, шерстка его заблестела, а белоснежные усы стали такими роскошными и пышными, что вполне могли вызвать зависть любого отставного полковника.

Из запуганного и замученного создания Вискерс превратился в очень самоуверенного хозяина жизни, порой даже слишком самоуверенного. Он управлял мамой железной рукой. Стоило выпустить его из клетки, и он принимался хозяйничать в ее комнате, как диктатор. Если мама отдыхала, Вискерс забирался к ней под одеяло, а если он был не расположен к сиесте, то мама должна была предоставлять себя в его полное распоряжение. Он скакал и прыгал по ее постели, как ему хотелось, а мама безропотно сносила это безобразие.

Вискерс постоянно разговаривал с мамой. Высокие, дрожащие звуки, которые он издавал, более всего напоминали птичий щебет. Мама всегда говорила, что немного вздремнуть, когда в твое ухо верещат двадцать рассерженных канареек, дело нелегкое.

Каждый вечер Вискерс устраивался на маминой подушке, в надежде на то, что мы не заметим его отсутствия и он сможет провести ночь в постели. Когда же его обнаруживали и водворяли на ночь в его клетку, отчаянные крики протеста были слышны во всем доме. Прекращал кричать Вискерс, только когда оказывался внутри клетки. Тогда он спокойно укладывался спать в собственную постель, устроенную из старого одеяла и маминого фартука».

Основное преимущество маленького зоопарка в том, что можно уделить каждому животному достаточно внимания. Звери в таком зоопарке превращаются в некое подобие домашних животных, а не в выставочные экземпляры. С такой же, почти материнской заботой в Джерсийском зоопарке отнеслись к Топси, детенышу южноамериканской шерстистой обезьяны. Джеральд нашел ее почти

умирающей в клетке у торговца животными в Лондоне. Топси была простужена, страдала от энтерита, кашляла так, словно у нее было воспаление легких. «Обезьянка скорчилась на полу, — писал Джеральд, — обхватив лапами голову и тяжело дыша. Когда я постучал по проволочной клетке, она повернула ко мне маленькое черное личико с таким трагическим выражением, что я сразу же понял, что должен спасти ее любой ценой...» Она была очень маленькой, и ей нужен был кто-то, к кому она могла бы привязаться. К сожалению, обезьянка была слишком напугана, чтобы избрать на эту роль человека. Джеральд купил ей плюшевого медвежонка, и на ближайшие три месяца он стал для Топси приемной матерью.

Лечить обезьянку Джеральд начал с регулярных инъекций хлоромицетина и витамина B_{12}. Через неделю Топси стала выглядеть гораздо лучше: ее мех заблестел, она начала хорошо есть, набрала вес, а ее болезни отступили. Очень скоро она переросла своего медвежонка и перенесла свою любовь на дружелюбную морскую свинку. «Ночами она спала на спине несчастного животного, — писал Джеральд, — более всего напоминая упитанного жокея на шетлендском пони. Семейная жизнь обезьянки и морской свинки складывалась — и складывается — очень счастливо, но, к сожалению, век морских свинок недолог, и мы готовим молодого рыжего с белым дублера на случай, если что-нибудь произойдет».

Другим приемышем, осиротевшим в раннем детстве, стал Пикколо, черноносый капуцин из Бразилии. В Англию его привез моряк, который продал обезьянку владельцу ресторана на Джерси. А ресторатор в 1960 году передал Пикколо в зоопарк. Пикколо был почти что калекой, потому что его держали в слишком маленькой для него клетке и совершенно неправильно кормили. Несмотря на все усилия ветеринаров, он так окончательно и не поправился. Но Пикколо обладал удивительным даром к выживанию. Он не мог сосуществовать с другими обезьянами, но очень любил людей и со многими из них подружился. Приятели Пикколо навещали его с завидной регулярностью. Пикколо прожил очень долго, он умер лишь в 1997 году в весьма преклонном (по обезьяньим меркам) возрасте сорока пяти лет.

Когда Джеральд впервые поделился с Дэвидом Эттенборо планами создания собственного зоопарка, Эттенборо счел его сумасшедшим. Но очень скоро ему пришлось изменить свое мнение. Эттенборо писал: «Джеральд трудится неустанно и настойчиво. У него золотые руки, и он отлично умеет обращаться с животными. Посмотрите, как он относится к ним и как его питомцы относятся к своему хозяину. Вы сразу же почувствуете, что он инстинктивно чувствует, что нужно сделать, чтобы они были счастливы и довольны. Он обладает даром убеждать. Ему удалось собрать вокруг себя команду единомышленников и заразить их собственным энтузиазмом».

Многие животные обладали удивительными характерами. Одним из таких зверей стал гепард Питер. Питера из Кении привез режиссер Гарри Уорт. Животное стало совершенно ручным и бродило вокруг дома, как сторожевой пес. Питер любил гулять вокруг зоопарка с Джереми Маллинсоном, а также часто устраивал со своим смотрителем футбольные матчи, из которых всегда выходил победителем, так как имел неистощимый запас всяческих уловок и трюков.

Другой обитатель зоопарка, обладающий уникальным характером, это Трампи, серокрылый трубач, южноамериканская птица с чудовищным голосом. В зоопарке Трампи взял на себя роль деревенского дурачка, экскурсовода и распорядителя. В холодную погоду он обычно обитал в доме млекопитающих — самом теплом помещении зоопарка. С приходом весны Трампи выбирался на свободу, расправлял крылья, радостно голосил и бросался к первому же посетителю с таким видом, словно встретил старинного друга, которого не видел долгое время. Иногда Трампи отправлялся провожать последних посетителей до автобусной остановки. Тогда приходилось силой выталкивать его из автобуса, чтобы он не уехал в город. Трампи обладал уникальным даром успокаивать новых обитателей зоопарка. Он был прирожденной сиделкой. Если в зоопарке появлялся новичок, Трампи немедленно прибегал к клетке и сидел возле нее (или внутри) целые сутки, пока состояние нового обитателя зоопарка его не удовлетворяло. Так он поступил с лебедями, только что привезенными в зоопарк. Трампи целые сутки простоял по колено в воде, не обращая внимания на призывы смотрителей.

Однако не все животные обладали таким замечательным характером. Некоторые никак не могли ужиться в зоопарке. Вот что записал Джеральд в журнале зоопарка, куда он заносил наблюдения за поведением животных.

«Красноголовый мангаби: приобретен в Мамфе, Британский Камерун, в январе 1957 года. Проявляет типичное для детеныша мангаби поведение — сосет пенис. Эта привычка стала для него сущим наваждением.

Пальмовая циветта: приобретена в Мамфе в возрасте примерно двух недель. Поведение: всегда, даже в самом молодом возрасте, была недоверчивой и злобной.

Потто: 1 самец, 2 самки: приобретены в Эшоби. Поведение: пол взрослого потто можно определить по запаху. Если испугать самца, его яички начинают выделять резкий запах, похожий на грушевые капли.

Воротничковый пекари: приобретен в аргентинской провинции Жужуй в марте 1959 года. Пара. Поведение: Оба пекари часто трутся мордами о пахучие железы друг друга. В возбужденном состоянии они начинают «танцевать вальс»: самец берет заднюю лапу самки в рот, а она вцепляется в его заднюю лапу, и они принимаются, урча и ворча, кружиться по клетке».

Наиболее интересным (и самым дорогим) животным Джерсийского зоопарка была Н'Понго, молодая равнинная горилла из Конго, приобретенная у торговца животными в Бирмингеме. Н'Понго выросла на руках у мамы, а потом стала любимым товарищем по играм Каролины, двухлетней дочери Кена и Труди Смит. Девочку прозвали Лунный Лучик. Джеральд вспоминал:

«Хотя Н'Понго была крупнее Каролины и гораздо сильнее (если она не хотела возвращаться в клетку, то загнать ее домой могли лишь трое взрослых мужчин), во время игр она проявляла удивительную нежность и терпимость. Наблюдать за тем, как они поедали конфеты из коробки, было сущим удовольствием. Обе сидели вокруг коробки с удивительно сосредоточенным выражением на лицах. Каролина аккуратно открывала коробку и высыпала конфеты в подставленные ладони Н'Понго. Когда сладости были справедливо разделены, они усаживались спиной к спине и приступали к пиршеству, внимательно разглядывая полурастаявшие конфеты».

Н'Понго безумно любила играть. Играя с Джеральдом, она обязательно валила почетного директора на землю с ловкостью опытного игрока в регби. Если же ее партнером по играм становилась Каролина, Н'Понго проявляла гораздо большую аккуратность и нежность. «Обе любили щекотку, — вспоминал Джеральд. — Они катались по траве, заходясь истерическим хохотом, когда находили себе партнера. Пронзительное хихиканье Каролины странным образом контрастировало с раскатистым хохотом Н'Понго».

Поскольку средств на покупку гориллы у зоопарка не было, Джеральд обратился за финансовой поддержкой к богатейшим жителям острова, предложив им купить гориллу совместно. Это бьш первый опыт сбора средств для фонда, в будущем подобная деятельность стала для Джеральда обычной. Сначала он обратился к графу Джерси, который с энтузиазмом отнесся к столь странной просьбе.

«Когда мы встретились, Джерри попросил меня принять участие в сборе тысячи фунтов на покупку гориллы Н'Понго. Я был уверен, что он никогда не соберет больше двадцати пяти фунтов, но, с другой стороны, мне казалось, что если уж на острове появился свой зоопарк, он должен быть хорошим зоопарком. А какой хороший зоопарк может обойтись без гориллы? Я гарантировал ему получение тысячи фунтов, и он смог приобрести Н'Понго. В детстве Н'Понго была ужасно забавной. Она гукала, как младенец, если вы щекотали ей животик. Когда банк обратился ко мне с просьбой оплатить счет, который я гарантировал, мне пришлось заплатить девятьсот фунтов и еще несколько пенсов. Джерри совершенно не думал о деньгах. Он питал патологическую антипатию к банкирам. Он представлял их садящими за большими столами из красного дерева, в котелках, и постоянно говорящими «Нет!». (Должен сказать, что и сам я являюсь банкиром.) Обсуждая новые перспективы, я всегда говорил ему: «Нам нужно подождать, пока у нас не появится достаточно денег». А он всегда отвечал: «Вот еще! Чепуха какая! Деньги посыплются с неба. Мы начинаем прямо сейчас». Удивительно, но деньги действительно сыпались на него с неба».

Зоопарк отнимал у Джеральда все свободное время. Он полностью погрузился в заботы, связанные с этим делом, позабыв обо всем остальном. Это был его собственный мир, полный трудностей и проблем, но дававший ему удивительное чувство радости. Вот как проходил обычный день в зоопарке:

«Если лежать с полузакрытыми глазами на рассвете, трудно понять, где вы находитесь. Дрозды и зарянки пытаются (без всякого, впрочем, успеха) перекричать кариам и крикунов из Южной Америки, африканских бриллиантовых горлиц и азиатских соек... Даже самый заядлый орнитолог не выдержит, если каждое утро примерно в половине пятого его станет будить нестройный

хор павлинов, расположившихся прямо под окном его спальни, хрипло и отчаянно орущих прямо ему в ухо...

Основная трудность для владельца зоопарка состоит в том, что ему приходится делать так много, что времени на написание статей и книг практически не остается. Ему сообщают, что редкая ящерица, похоже, беременна, и нужно пойти проверить это важное сообщение. Затем кто-то кричит, что у галаго начались роды. Приходится бросать пишущую машинку и бросаться присматривать за счастливой матерью и детенышем, по размерам приближающимся к грецкому ореху, который спрятался в ее густом; мехе.

Лучшее время в зоопарке — это вечер. Публика разошлась, солнце садится, ночные животные становятся активными. Стройная, гибкая генета в очаровательной золотистой шубке демонстрирует чудеса акробатики в своей клетке. Галаго проснулись и таращатся на вас своими огромными глазами, выделывая удивительные прыжки и приземляясь так бесшумно, словно это не зверьки, а клочья пуха.

Теперь нужно проверить состояние змей, и вы направляетесь в дом рептилий. Здесь вас уже поджидает дракон из Гвианы, растянув губы в презрительной и зловещей ухмылке. Его огромные темные глаза неотрывно следят за тем, как вы выпускаете мучных червей в его пруд. А затем он бесшумно скользит по воде и хватает одного червя своими огромными челюстями. Он склоняет голову, прикрывает глаза и тщательно пережевывает несчастного червяка. Шум при этом стоит такой, словно кто-то очень медленно идет по засыпанной гравием дорожке.

Теперь можно вернуться домой. Вы слышите, как лев проверяет новый трюк — рычание. Из соседней клетки раздается нежный голосок: «Спокойной ночи, дорогой». Вы непроизвольно отвечаете вежливому какаду: «Спокойной ночи».

Нет, жизнь владельца зоопарка совсем не похожа на жизнь сельского сквайра, зато она гораздо веселее».

Сбор средств шел очень медленно. Джеральд должен был исполнять обязательства перед издателями. В заботах о зоопарке ему оказалось очень трудно выкроить время, чтобы закончить заброшенную книгу о камерунской экспедиции, начатую два года назад, — «Зоопарк в моем багаже», не говоря уже о том, чтобы начать новую — об экспедиции в Аргентину. Джеки пришлось приложить немало усилий, чтобы выжать из нерадивого автора хотя бы минимальное количество слов. Не способствовало успеху этого предприятия и то, что Софи Кук была вынуждена уехать в Англию, чтобы ухаживать за смертельно больной матерью.

Обязанности секретаря приняла на себя Лесли Нортон, только что закончившая школу и пришедшая работать в зоопарк в первые же дни после его организации. Мать Лесли, Бетти, была хорошей подругой матери Джеральда. «Он искал любой повод, — вспоминала Лесли, — чтобы только не писать ни слова и вообще не приближаться к пишущей машинке. Дни шли за днями, мы демонстративно шуршали страницами у него перед носом, но в то время ему было очень трудно сосредоточиться на литературном труде», работа с Джеральдом напоминала Лесли обязанности интерна в больнице: «Приходилось работать по двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю».

Джеральд сумел доказать свой профессионализм. «Зоопарк в моем багаже» стал одной из наиболее популярных его книг. Критика встретила новое творение Даррелла, увидевшее свет в 1960 году, с прежним энтузиазмом. Обозреватель «Дейли телеграф» писал о книге так: «Он описывает пойманных им зверей с удивительной теплотой и нежностью. Хотя обезьяна всегда останется обезьяной, Чалмондейли Сент Джон (периодически называемый «эта чертова обезьяна») очень скоро станет для читателя близким и вполне человечным другом... У Даррелла есть удивительное чутье на диалоги и поэтическая чувствительность, которая позволяет ему создавать неповторимые по своей красоте описания африканских пейзажей. Несомненный дар юмориста помогает ему замечать смешное в повседневном, и его книги пронизаны теплым, ненавязчивым юмором».

Штат зоопарка удивило то, что они видели основателя гораздо реже, чем ожидали. Сначала это составляло предмет гордости Кена Смита. В качестве директора зоопарка он должен был поддерживать полный, почти военный порядок. Он создал зоопарк, в точности напоминающий зоопарки того времени. Именно Смит ввел в традицию ежедневные нагоняи кому-то из сотрудников. В течение первых нескольких месяцев после приезда Джеральда Смит сознательно отстранял его от повседневного управления зоопарком и от контактов с работниками. Джеральд Даррелл был известным писателем, который хотел побыть в одиночестве, чтобы заниматься собственной работой, — так Кен Смит объяснял сотрудникам отсутствие основателя зоопарка. Его силы брошены на писательство, а не на уход за животными. Беспокоить Даррелла нельзя ни в коем случае. Поэтому

приветливый Джеральд, для которого зоопарк составлял весь смысл существования, сначала считался фигурой странной и далекой, обитающей в главном доме и очень редко интересующейся делами зоопарка.

А тем временем «зоопарк его мечты», созданный кое-как, нуждался в заботе и модернизации. Клетки для животных были построены на скорую руку из того, что попадалось на глаза. Время от времени кто-то из животных заболевал, некоторые даже умерли. Хотя поток посетителей, каждый из которых платил по два шиллинга, не иссякал, денег отчаянно не хватало.

Жалованье сотрудников зоопарка было нищенским. Даже спустя несколько лет, когда смотрителем зоопарка стал работать Квентин Блоксам, его жалованье составляло пять фунтов в неделю при семидневной рабочей неделе с двумя свободными вечерами. Условия жизни были самыми примитивными, а работа сложной и тяжелой. «У нас не было шлангов, чтобы поливать дорожки, — вспоминал он, — и нам приходилось носить воду в старых металлических канистрах для молока. Зоопарк не мог позволить себе приобрести даже лопаты и тачки, потому что все деньги уходили на питание животных и услуги ветеринаров. Текучесть кадров была очень высокой. Объяснялось это в том числе и тем, что мы были вынуждены жить по трое в комнате в очень стесненных условиях. Однако небольшое количество людей все же оставалось в зоопарке — одни из любви к Джерри, другие из-за сознания, что все мы делаем очень важное и нужное дело».

Правильное управление зоопарком, то есть умение разместить и показать животных так, чтобы было хорошо и им, и посетителям, требует высокой квалификации, массу времени и сил, а также постоянных финансовых вливаний. Джеральд Даррелл хотел организовать лучший маленький зоопарк в мире. Этот зоопарк должен был служить задаче сохранения животных, а также просвещению человека. На заре создания Джерсийского зоопарка Джеральду приходилось постоянно бороться. Он искал свой путь, и ему вечно не хватало денег.

Тень банкротства постоянно маячила перед ним. Как-то раз, примерно через год после организации зоопарка, сотрудников пригласили на собрание. Им сообщили, что корабль потерпел крушение. Может быть, им удастся выплыть, может, нет, но любой, кто хочет уйти, должен сделать это сейчас. Никто не захотел покинуть зоопарк. Все решили поддерживать зоопарк на плаву всеми доступными им средствами. Арахис, оброненный посетителями возле клеток с обезьянами, собирали, упаковывали заново и продавали посетителям на следующий день. Сотрудники рылись на местной свалке, разыскивая доски и проволоку для ремонта клеток. Певцы из местного кабаре, Тони и Дот (сценический псевдоним «Катинга, королева змей») все свое свободное время рыскали по рынку в Сент-Хельере, приобретая подгнившие фрукты и овощи для животных. Пытаясь раздобыть мясо для плотоядных, Джон Хартли и Шеп Маллет с ножами и контейнерами бросались на фермы, как только слышали о смерти ломовой лошади. Задыхаясь от кишечных газов, они разделывали тушу до скелета. Даже престарелая мама Джеральда включилась в борьбу за выживание. «Мама очень хотела чем-нибудь помочь, — вспоминает Алан Огден. — Джерри предложил ей присматривать за дамским туалетом и собирать деньги. Этот источник доходов оказался самым надежным и неиссякающим».

Выживание зоопарка, призванного спасать животных от истребления, вызывало глубокие сомнения. Первые несколько лет оказались совсем не столь безоблачными, как хотелось бы основателю этого предприятия. «Нам не хватало доверия, — вспоминал о тех временах Джереми Маллинсон. — Мы думали о том, что говорил Джерри, обсуждали его идеи, но ему никогда не удавалось воплотить свои мечты в жизнь в нашем зоопарке».

Проблемы нарастали, как снежный ком. Иногда животные кусали кого-нибудь из смотрителей. Тони Лорт-Филлипса трижды кусали обезьяны. («Они хотели откусить ему задницу», — замечал один из его коллег.) Но хуже всего приходилось Майку Армстронгу. Ему пришлось три недели провести в постели из-за поврежденной спины: он спрыгнул с высокой каменной стены, спасаясь от гигантской цапли. Потом его укусила Н'Понго («Она не хотела ничего плохого, — вспоминал Армстронг, — просто играла, правда!»). Бали, любвеобильная самка орангутана, чуть не задушила его а объятиях. И наконец темпераментный шимпанзе Бебе чуть не свернул ему нос, когда он пытался напоить его молоком. «Это был мощный удар, — вспоминает Майк. — Он свалил меня с ног. Я выскочил из клетки с бутылкой молока, а Бебе сбежал. Мой нос никогда не стал таким, как прежде. Теперь я хорошо понимаю боксеров. Одна ноздря у меня уже другой, а по ночам у меня вечно закладывает нос».

Животные часто убегали... Чаще всего улетали птицы. Как правило, их манил океан. Но и шимпанзе Чамли тоже не отличался благонравием. Замки и запоры не представляли для него трудностей. Вместе со своей подружкой Лулу они быстро научились распутывать проволочные петли. Прежде чем его бегство было обнаружено, Чамли успевал добраться до дома и устраивался в

комнате терпеливой и доброй мамы. Однажды она услышала стук в дверь. Мама открыла. На пороге стояли Чамли и Лулу с невинным и радостным видом. Маме ничего не оставалось, как пригласить их в комнату, усадить на диване и угостить конфетами и печеньем. Когда Джеральд отчитал маму за то, что та впустила обезьян в комнату, она возразила: «Но, милый, они же пришли на чай. К тому же их манеры куда лучше, чем у многих из тех людей, которые приходят к тебе!»

На Рождество Чамли подбил других обитателей обезьянника на настоящий бунт, чем испортил праздник смотрителям зоопарка. Первым сообщил об этом американский студент, который пришел в офис и спросил: «Ваши шимпанзе всегда гуляют по дорожкам без присмотра?» В конце концов, Чамли был пойман и водворен в спальню, где его весьма нетривиальным образом утихомирил Джон Хартли. «Я обнаружил, — вспоминал он, — что, если просунуть руку ему между ног и сжать его яички, это оказывает на Чамли успокаивающий эффект».

Но в зоопарке жили не только шимпанзе. Однажды звон разбитого стекла сообщил смотрителям о том, что очковый медведь выбрался из клетки и крушит стекла в ближайшем строении. Прежде чем сотрудники зоопарка успели предпринять какие-то меры, медведь залез в кассу зоопарка и ухитрился там запереться. Однажды ночью на волю вырвался тапир Клавдий. Во время грозы он убежал из зоопарка и вволю порезвился на грядках, где фермер только что посадил анемоны. Он истоптал все грядки и сожрал нежные цветы, как обычную траву. Три дня разыскивали новогвинейских диких собак, а когда сбежал валлаби, Джеральду принялись звонить местные жители, сообщая, что мимо них только что пронеслось нечто странное — по-видимому, обитатель вашего зоопарка.

Стремление сбежать из клетки у животных ничуть не меньше, чем у человека. На заре создания зоопарка был приобретен огромный сетчатый питон Пифагор двенадцати футов длиной и толстый, как бедро регбиста. Чтобы вычистить клетку Пифагора в доме рептилий, требовались усилия трех смотрителей — два держали змею, а третий убирался в клетке. Золотое правило гласило, чтобы ни при каких условиях никто из смотрителей не пытался делать этого в одиночку. Однажды, когда зоопарк уже закрылся, Джеральд совершал обычный обход территории. Из дома рептилий донесся сдавленный крик о помощи. Вбежав внутрь, Джеральд увидел Джона Хартли, тогда еще только что закончившего школу, которого обвивал гигантский питон. «Джон совершил непростительный промах, — вспоминал Джеральд. — Огромная змея обвила его своими кольцами, и он не мог пошевелиться, словно оказался в смирительной рубашке. К счастью, Джон не потерял головы, а Пифагор шипел, как вскипевший чайник». Не тратя времени, Джеральд ухватил питона за хвост, но не успел он освободить Джона, как змея обвилась вокруг него самого. «Теперь мы оба стояли лицом друг к другу, как сиамские близнецы, — писал Джеральд. — Мы стали звать на помощь. Рабочий день закончился, и я боялся, что все смотрители уже разошлись по домам. Перспектива провести в подобном положении целую ночь, пока кто-нибудь не обнаружит нас утром, нас не очень привлекала». Джеральд, Джон и Пифагор остались плотно упакованными в доме рептилий. К счастью, кто-то из смотрителей, ухаживающих за млекопитающими, услышал крики о помощи и подоспел вовремя. Пребывание в объятиях гигантского питона рядом с основателем зоопарка произвело на Джона Хартли неизгладимое впечатление, и впоследствии он стал основным членом команды Джеральда.

Джеральд никогда ничем в своей жизни не руководил и не умел быть администратором. Он не разбирался в денежных вопросах и не имел деловой хватки. Его отношения с подчиненными были скорее дружескими и товарищескими, чем служебными. Управляла зоопарком Джеки. Она не боялась идти на суровые меры, когда ситуация того требовала. Племянник Джеральда, Джерри Бриз, проработавший в зоопарке полтора года, вспоминал: «Дядя Джерри имел золотое сердце, но капитаном нашего корабли была Джеки. Он не умел отдавать приказы. Он мог управляться с животными, административная работа была не для него. Но если он что-то хотел сделать, он обязательно это делал, и никто не мог его переубедить. Даже Джеки».

Несмотря на финансовые проблемы, Джеральд был преисполнен мальчишеского энтузиазма. «У нас появилось несколько замечательных зверей, — писал он своему компаньону по камерунской экспедиции Бобу Голдингу в июле 1960 года. — Это карликовые мармозетки и императорский тамарин. Сцинки, привезенные из Бафута, чувствуют себя хорошо, а детеныши растут, как сумасшедшие. Наш очаровательный боа, слава богу, здоров, неплохо себя чувствует и мадагаскарский зеленый геккон. Из новых поступлений хочу отметить четырех детенышей водяных черепах. Я очень рад, что они здоровы. Их не разрешают ловить более двух штук, но я убедил их, что буду разводить черепах в неволе, и они прислали сразу четырех».

Но впереди было четыре года напряженной борьбы. Джеральд и Джеки изо всех сил старались превратить свой зоопарк в процветающее предприятие. Каждая новая проблема — болезни животных, недостаток наличности, трудности с персоналом, личные недоразумения — была испытанием кризисного управления. Все эти проблемы значительно осложняли повседневную жизнь.

Основной задачей было искать и находить источники средств. Хотя бухгалтерия никогда не давалась Джеральду, он обладал уникальным финансовым чутьем. Ему было ясно, что зоопарк должен располагать приличным капиталом. Зоопарк был еще молод, он еще не смог стать достопримечательностью острова. Джеральд решил обратиться в свой банк с просьбой предоставить еще один заем в десять тысяч фунтов под гарантии Руперта Харт-Дэвиса.

Джеки пришла в ужас. Сумма их долгов была астрономической. Двадцать тысяч фунтов — почти полмиллиона на современные деньги! Каждую ночь она просыпалась в ужасе от того, что эти деньги придется возвращать. Положение усугублялось еще и тем, что Джеральд настоял на том, чтобы ни ему, ни его жене не выплачивалось жалованье. Должность директора зоопарка была почетной. Им предоставлялась квартира и оплачивались расходы на электричество. Финансовое состояние семьи полностью зависело от писательской деятельности Джеральда. Он хотел, чтобы его зоопарк мог существовать и исполнять свою великую миссию совершенно самостоятельно.

Чтобы справиться с финансовыми трудностями, Джеральд начал писать. В течение 1960—1961 годов он закончил книгу о Камеруне, а затем две книги для детей «Зоопарк на острове» (в сотрудничестве со знаменитым фотографом Вольфом Сушицким) и «Знакомьтесь с зоопарками». Первая книга более всего напоминала диснеевский фильм. Джеральд рассказал о любимых животных из своего зоопарка, а потом создал своеобразный путеводитель для юного посетителя зоопарка. В тот же период была написана и «Земля шорохов», книга о путешествии в Аргентину. Помимо этого, Джеральд часто выступал по радио и телевидению, писал статьи для «Обсервера» и юмористические рассказы о животных для детского журнала «Джун», выходящего каждую неделю. Работа эта была ему не под силу, поэтому ряд статей за него написала Джеки.

Жизнь была тяжелой, но не безрадостной. Несмотря на все трудности, Джеральд решил вернуться к своей детской идиллии.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

«НАС ВСЕХ СОЖРУТ»: ТРЕВОГИ И ЭКСКУРСИИ 1960-1962

В мае 1960 года Джеральд написал своему брату Лоуренсу о том, что вместе с Джеки и мамой он собирается полтора месяца провести на Корфу. Он впервые после расставания длиной в двадцать один год решил отправиться в волшебную страну своего детства. «Я полагаю, Корфу сильно изменился, но цвет и прозрачность моря изменить невозможно, а мне нужно именно это», — писал он. Упоминая о сожительстве Ларри с Клод, Джеральд добавлял: «Как отвратительно, что мой собственный брат живет в грехе».

Джеральд восторженно ожидал возвращения на сказочную землю греческого острова, где прошло его детство. Но в глубине души у него жила тревога. «Возвращение в места, где ты был счастлив когда-то, — писал он, — всегда связано с риском. И риск этот многократно возрастает, если речь идет о месте, где ты провел часть своего детства». Двадцать один год — большой срок, за эти годы могло случиться все, что угодно. Джеральд замучил Джеки своими бесконечными рассказами о красотах острова — огромная луна, миллионы светлячков, бирюзовые небеса, сверкающее в лучах солнца море. 26 мая 1960 года на небольшом самолете Даррелы вылетели из Италии и очутились на сказочном острове Корфу.

Погода была более прохладной и пасмурной, чем он ожидал, шел крупный град. Греческие друзья говорили ему, что лето выдалось самым плохим за последние годы. Но Джеральд не испугался. Плохая погода исправится — а все остальное совершенно не изменилось. Омары были такими же вкусными, луна — такой же огромной и сверкающей, вид с Перамы на Мышиный остров завораживал так же, как и прежде. Изменилось только знание греческого языка, скрытое где-то в глубинах мозга. Джеральду понадобился лишь первый толчок, и чувство языка вернулось к нему.

Даррелы сняли маленький, уединенный коттедж на берегу неподалеку от прибрежных скал Перамы. По другую сторону холма стояли дома, где он провел свое детство, — землянично-розовый и белоснежный. Вечерами они отправлялись в маленькое придорожное кафе. «Столики стояли прямо под мимозами, — вспоминал Джеральд. — Мы наблюдали за тем, как солнце садится прямо в море, как море из голубого становится серебристым, а потом расцвечивается всеми цветами радуги. Это

было невероятно. Сгущались сумерки. К нам приезжали друзья. Мы пили вино в полном молчании, пока не гасли последние искры. Тогда начинались песни...» Нет, Джеральд не был разочарован, магия Корфу не исчезла. Одно время он даже подумывал над тем, чтобы купить здесь дом и провести остаток жизни. А может быть, он надеялся, что на Корфу ему удастся воплотить свою мечту.

В конце года Лоуренс с Клод и маленькой Сафо, а также Маргарет с двумя сыновьями приехали на Джерси, чтобы отпраздновать Рождество в поместье. Джеральд нетерпеливо ждал воссоединения семьи. Журнал «Лайф» прислал своего фотографа, Лумиса Дина, специально прилетевшего из Америки, чтобы снять знаменитого автора «Александрийского квартета» в кругу семьи, рядом с не менее знаменитым братом, владельцем зоопарка.

Рождество было не просто семейным праздником. Отмечали его и в зоопарке. Так как большинству сотрудников на следующий день предстояло работать, Джеральд приготовил им огромную индейку для рождественского обеда на собственной кухне и обеспечил спиртным. Затем он вернулся домой, чтобы встретить Рождество в кругу семьи. К празднику приложили руку все. Когда Клод увидела, как мама на кухне что-то помешивает одной рукой, а другой придерживает запеленутого ребенка, она предложила помочь. «Что ж, дорогая, — отозвалась мама, — полагаю, вы можете его подержать». Клод приняла небольшой сверток. Через несколько минут ребенок начал ворочаться, из пеленок протянулась длинная волосатая рука и обхватила ее за шею. Ребенок оказался детенышем шимпанзе, которого взяли в дом, чтобы присмотреть за ним. Рождество прошло, как в добрые старые времена. Хотя спокойным его назвать было нельзя. Время от времени в обезьяннике или у лемуров возникали какие-то проблемы. «Вот увидите, — кричал Лоуренс, никогда не чувствовавший себя в обществе Диких зверей в безопасности, — они вырвутся на волю и нас всех сожрут!»

Для многих животных, особенно для приматов, Рождество было самым скучным днем в году. В зоопарке не было посетителей, на которых можно было бы посмотреть, которые могли бы их развлечь, которых можно было щипать из-за проволочной сетки. Но Рождество имело и свои хорошие стороны. Для зверей было приготовлено праздничное угощение — кусочки индюшачьей шкурки для тапира Клавдия, шоколадные конфеты с ликером для очкового медведя Педро, засахаренные фрукты для мармозеток, пирожки для мелких обезьянок, кости от индейки для мелких кошек, виноград для птиц. Гориллам и шимпанзе устроили настоящее рождественское чаепитие — с покрытыми сахарной глазурью бисквитами, шоколадками, виноградом, яблоками и грушами, мороженым и разведенным водой красным вином. Угощение выложили на огромный стол во дворе главного дома, рядом поставили большую елку, на которую повесили чулки с засахаренным миндалем и пастилой. Н'Понго, Чамли и Лулу повеселились на славу. Чамли попытался залезть на елку и повалил ее, шимпанзе подрались из-за вина, а Н'Понго хватала все, что оказывалось в пределах досягаемости. «Мы вернули обезьян в их клетки, — писал Даррелл, — где они, как следует набравшиеся и насытившиеся, без сил рухнули в свои постели и заснули крепким сном. Обезьяны устали, мы же устали вдвойне и разошлись по своим квартирам, чтобы хоть немного прийти в себя».

Следующей весной Джеральд и Джеки взяли маму с собой в Испанию. По пути они заехали к Лоуренсу и Клод. Так Джеральд впервые увидел ту ферму в Лангедоке, которой предстояло сыграть столь важную роль в его будущей жизни. Простота и красота заросших травами холмов очарована его. Вскоре Дарреллы отправились в Испанию, но Джеральд был бы не прочь остаться во Франции. Из Кадакеса, Коста-Брава, Джеки писала Алану Томасу и его жене Элле: «Дом Ларри очарователен, а местность вокруг напоминает Грецию. Мы возвращаемся на следующей неделе. Джерри не ездит на экскурсии, а пытается изучить фауну Камарга».

Хотя Джеральд был очень близок с младшими членами собственной семьи, он не спешил заводить собственных чад, по крайней мере, в настоящее время. Причины этого остались неизвестными. Возможно, таким образом он пытался бороться с демографическим взрывом, ставящим под угрозу существование животного мира на планете. «Джерри не хотел иметь детей, — вспоминала Джеки. — Мы оба чувствовали, что состояние мира таково, что нам не хотелось приводить в него еще кого-нибудь». Джеки была беременна дважды, но оба раза у нее случился выкидыш. Джеральд был очень расстроен. «В первый раз, — вспоминала Джеки, — он даже не разговаривал со мной целых три недели, при необходимости обращаясь ко мне через третьих лиц».

Осенью 1961 года Джеки, которой в то время был тридцать один год, сделали частичную гистерэктомию. Джеральд с ума сходил от тревоги, пока Джеки была в больнице. Через десять дней она вернулась домой, и он стал для нее сиделкой. «Это было чудесное время, — вспоминала она. — Я могла ничего не делать, просто лежала, читала, слушала любимую музыку, а мой любящий муж взял на себя все заботы».

В зоопарке все было совсем не так. Джеральд замечал, что за первый год существования Джерсийского зоопарка им удалось получить потомство от одиннадцати видов животных. Восторг был всеобщим. Хуан и Хуанита, пара воротничковых свиней-пекари, стали одними из первых счастливых родителей. Хуана Джеральд купил в северной Аргентине у индеанки, откармливавшей его на Рождество. Хуанита попала к Дарреллу еще детенышем. Несмотря на разницу в возрасте и слабое здоровье Хуаниты, пекари скоро принесли первого детеныша, к великой радости Джеральда. «Вид резвящейся на газоне Хуаниты, ее мужа и их детеныша, игравшего в только что изобретенную им игру, — писал Джеральд, — преисполнял меня чувством гордости».

Но приобрести пару животных тех видов, которым угрожала действительная опасность, было слишком дорого. Джеральд устроил коробку для сбора пожертвований возле клетки Н'Понго, чтобы посетители зоопарка могли внести свой вклад в дело приобретения для гориллы друга. Нужно было собрать полторы тысячи фунтов. Вскоре в зоопарке появилась новая горилла, но, к сожалению, она тоже оказалась самкой. Ее назвали Ненди. Следом за ней зоопарк приобрел самку тапира, Клодетту (подружку для Клавдия), а в 1962 году самку гепарда, Паулу, — будущую партнершу Питера.

В 1961 году Джеральд сделал еще одну попытку прорваться на телевидение. Шесть серий, снятых им в Аргентине, превратились в единственную, приемлемую для Би-би-си программу. Теперь отдел естественной истории Би-би-си предложил Дарреллу снять цикл коротких передач под общим названием «Зоопакет». Программы должны были выйти в эфир летом. Идея принадлежала Эйлин Молони, старой подруге Джеральда по радио. Теперь она перешла на телевидение. Эйлин чувствовала, что, несмотря на всю напряженность Джеральда перед камерой, он создан для телевидения. Его обаяние, юмор и любовь к животным должны были импонировать зрителям. В рамках «Зоопакета» Джеральд мог рассказать о случаях из своей жизни и показать самых любимых животных из своего зоопарка.

Возник целый ряд технических проблем. Для съемок животных на студии построили специальные демонстрационные стеклянные клетки. Зверей доставляли в Бристоль на нанятом для этой цели самолете. Самая большая гримерная была отведена для животных, а звезде телеэкрана, горилле Н'Понго, выделили отдельную комнату. Джеральд с ума сходил, беспокоясь о своих драгоценных животных, о том, как они будут себя вести перед камерой, да и о том, как будет выглядеть он сам. «Удивительно, — говорил режиссер программы Крис Парсонс, — как он не падал в конце съемок от нервного истощения». Многие животные были ночными, предпочитали сумрак леса и категорически отказывались что-либо делать, как только включались софиты. Другие, наоборот, слишком сильно возбуждались. «Никогда прежде одиннадцати представителям семейства приматов не приходилось жить вместе в телевизионной студии, — вспоминала Джеки. — И никогда, пожалуй, не придется в будущем».

Крис Парсонс познакомился с Джеральдом еще в Борнмуте, когда он приезжал снимать животных в садике дома Маргарет. Теперь же он почувствовал в Джеральде те качества, которые так привлекали Эйлин Молони, — дар рассказчика, чувство юмора, умение дружить. «Когда Джерри начинал отпускать грубоватые шуточки на ваш счет, — говорил Крис, — вы чувствовали, что его слова продиктованы приязнью, а не враждебностью... Если Джерри и мог появиться на телеэкране, то снимать его следовало на натуре, где он мог полностью расслабиться, чувствуя себя в привычной обстановке». Вскоре замысел Парсонса осуществился.

В конце 1961 года Джеральд написал Лоуренсу в Лангедок о своей жизни. Новости в целом были благоприятными. Стэнли Донен, режиссер из Голливуда, предложил Джеральду поставить на Бродвее мюзикл по «Моей семье и другим зверям». Если бы постановка имела успех, то Донен собирался экранизировать ее. Предложение было вполне серьезным, и Кертис Браун уже приступил в переговорам. «Каждый член нашей семьи должен подписать документ относительно того, что он не возражает против своего появления на сцене, — писал Джеральд. — Мама в восторге, я даже учу её петь, на случай если у них не окажется подходящей актрисы на ее роль». Хорошие новости этим не исчерпывались. Джеральд продолжает: «В этому году дела в зоопарке шли особенно хорошо. Доходы втрое превысили доходы прошлого года. Этого еще недостаточно, и зима нам предстоит тяжелая, но я надеюсь, что через пару лет все придет в полный порядок. Чтобы тебя обрадовать, сообщаю, что мы нашли льву подружку. Она прибывает завтра. Это подарок моего поклонника из Уганды. Книги тоже могут на что-то пригодиться».

Джеральд достиг вершин славы. Известный писатель, зверолов, популярный телеведущий, основатель собственного зоопарка, он обладал удивительным обаянием. Гарольд Макмиллан

пригласил его в резиденцию премьер-министра во время государственного визита президента Перу, а королева пригласила чету Дарреллов на государственный банкет в честь визита президента Камеруна. Познакомиться с Дарреллом хотели и настоящие звезды. «Однажды я получил длинное письмо с Ямайки, подписанное Ноэлем Кауардом, — вспоминал Джеральд. — Потом получил еще одно, из Швейцарии. Я был очень польщен тем, что знаменитый писатель является моим поклонником». Кауард очень любил животных и был убежденным сторонником защиты окружающей среды. Книгами Джеральда он восхищался. Несколько лет они переписывались. Когда Кауард прилетел в Лондон для постановки трех своих пьес, он предложил Джеральду и Джеки встретиться. Джеральд был в восторге, но Джеки убедила его ограничиться телефонным разговором. Кауард был рад звонку и пригласил их на ужин в «Савой» следующим вечером. Когда Джеральд спросил, что нужно надеть, Кауард минуту подумал, а потом сказал: «Как насчет штанов из леопардовой шкуры?»

В отличие от Джеральда Джеки не была поклонницей Кауарда и считала, что будет лучше, если муж пойдет на встречу один. «Не глупи, — сказал ей Джеральд. — Это все равно что поужинать с Оскаром Уайльдом». Эту историю он рассказал за ужином. «Но, дорогой мой, — возразил Кауард, — надеюсь, наша встреча не будет иметь таких последствий — Уайльд никогда не любил бородатых, не так ли?» Впоследствии Джеральд и Джеки гостили у Кауарда в Швейцарии.

Друзья, коллеги, репортеры, самые разнообразные посетители не могли противиться обаянию Джеральда. Его умение убеждать поражало. Своим успехом в жизни он был обязан способности заражать своим энтузиазмом окружающих и убеждать их приложить усилия к воплощению его замысла в реальность. Даррелл обладал не просто обаянием. Когда ему было нужно, он мог пустить в ход мегаобаяние. Частично он был обязан этим своей внешности — удивительно яркие, проницательные голубые глаза над клочковатой бородой, честный, невинный взгляд ребенка, радостная, открытая улыбка. «Он смеялся так, как умеют смеяться только Дарреллы, — писал Дэвид Хьюз. — Своими постоянными шутками он мог довести вас до истерики за две минуты».

Благодаря умению вести разговор на самые разнообразные темы, своей привлекательной внешности, глубокому пониманию обсуждаемых проблем, нетривиальным взглядам на жизнь, доброжелательному отношению к людям истории, выходившие из-под пера Даррелла, так привлекали читателей. «Держа в руке стакан, — вспоминал Хьюз, — он излучал ощущение жизни в ином мире, мире, который для нас был закрытой книгой. Я бы назвал этот мир «мальчишеским». Даррелл приходил к нам, взрослым, только чтобы разделить наши удовольствия — выпивку, беседу, смех, — а потом снова удалялся в свой мир. Он совершенно не умел притворяться. Классовая принадлежность его не волновала, слова «престиж» для него не существовало, социальные различия вызывали у него смех. В любой компании он оставался отстраненным пришельцем из иного мира». Обаяние Даррелла происходило и из его необычной эксцентричности. Для тех, кто привык играть по правилам, он являл собой досадную помеху. Он презирал светские условности, всегда был иным, не таким, как все, — возможно, рискованным, обязательно веселым и всегда непредсказуемым. Только когда речь заходила о животных, уходе за ними и их охране, весельчак Даррелл становился непреклонным. Животные, о которых он писал с такой любовью, никогда не были для него объектом шуток. В отношении тех, кто был ему дорог, Джеральд Даррелл всегда оставался абсолютно серьезен.

«Я устал от людей, — говорил он Дэвиду Хьюзу на Джерси в юнце 1961 года. — Они меня утомляют. Удивительно, насколько толпа людей похожа на самых глупых животных. У зверей все наоборот. Стадо буйволов более разумно, чем один буйвол». Невероятно, как ведут себя люди, приходя в зоопарк, жаловался Джеральд французским журналистам. Один дурень кинул в клетку шиншилл упаковку аспирина, и одно животное погибло. Другие бросают в клетки обезьян бритвенные лезвия, губную помаду, даже зажженные сигареты. «Если бы люди обладали интеллектом гориллы», — вздыхал Джеральд.

«Ухаживать за животными очень сложно, — говорил он. — Любой, кто когда-нибудь имел дело со зверями, это подтвердит. Вы должны перейти в иные сферы. Посмотрите, как принюхивается собака. Представьте себе целый незнакомый мир, который ей открывается». В отношении животных Даррелл не был антропоморфистом, кем его считали окружающие. Он не считал животных людьми, только покрытыми шкурой. Он, не задумываясь, мог бы подстрелить животное и съесть его, если бы возникла такая необходимость.

Джеральд прекрасно понимал эмоции тех, кто считал жестоким содержание животных в зоопарках. Зоопарки привлекли особое внимание общественности в 60-е годы. Молодежь провозгласила своим лозунгом любовь и свободу. Сторонники охраны окружающей среды предвещали близкую биологическую катастрофу. Некоторые даже утверждали, что создать хороший зоопарк невозможно. Джеральд понимал эту точку зрения, и, когда речь шла о действительно плохих

зоопарках, разделял ее. «Средний зоопарк — это ужасное заведение, — утверждал он. — Он может считать себя научным учреждением, но на самом деле является всего лишь третьеразрядным цирком, который находится под управлением бизнесмена или бессовестного шоумена». Но при этом Джеральд разделял позицию Флоренс Найтингейл, чьими поступками он всегда восхищался. Хотя она критиковала плохие больницы, это не означало, что она являлась противницей всех больниц вообще. Хотя даже самый хороший зоопарк, например, Джерсийский, вынужден ограничивать свободу животных, в зоопарке звери получают такую же свободу, которая обеспечивает им более высокое качество жизни, чем в среде естественного обитания. Животные в зоопарке свободны от страха (особенно перед хищниками), от голода и болезней, они могут жить и выводить потомство в безопасности, а порой они защищены от исчезновения. Большинство людей было бы счастливо иметь подобные условия существования. В любом случае, животное в природе живет в определенных границах, в собственных, созданных по своей воле, клетках. Мышь никогда не выходит за границы двенадцати квадратных футов. Льву нужна гораздо большая территория, но даже он определяет границы своей естественной клетки. По мнению Даррелла, зоопарк не может быть хорошим, если животные, обитающие в нем, не размножаются. Если животные дают потомство, значит, зоопарку не нужно отлавливать новых зверей в природе, он может даже возвращать животных в среду естественного обитания. Если же это невозможно, хороший зоопарк, по крайней мере, может предоставить убежище тем видам, которые находятся под угрозой уничтожения.

«Я так же интересуюсь политикой, как лесник горностаями, — однажды сказал Джеральд. — Единственное, в чем я твердо убежден, так это в том, что человечество должно прекратить размножаться. Заявления Кеннеди и Макмиллана не важны. Наши проблемы носят биологический характер. Нам угрожает перенаселение». В 1961 году, еще до публикации знаменитой книги Ракель Карсон «Безмолвная весна» (1962) и организации фонда «Друзей Земли» (1971), Джеральд Даррелл сформулировал точку зрения, намного опередившую время.

Определив свою жизненную роль, Джеральд Даррелл совершенно забыл о себе и полностью посвятил свою жизнь высокой цели. «Я шарлатан, — говорил он Дэвиду Хьюзу. — Я ленив и глуп, тщеславен и жаден. Я эгоист. Но когда речь заходит обо мне, я обладаю удивительно широким взглядом на мир. Мне присущи все слабости нормального человека». С другой стороны, Джеральд Даррелл был готов ради своей цели пожертвовать всем, даже собственной жизнью. «Если вы являетесь разумным млекопитающим, то должны оставить Земле что-то еще, кроме собственного тела, — писал он. — Если вы идете по жизни, только беря и ничего не отдавая взамен, это для вас вредно».

В начале февраля 1962 года Джеральд и Джеки отплыли из зимнего Роттердама в южные широты навстречу новым приключениям. Идея принадлежала Джеки, а затем ее развил и поддержал Крис Парсонс и отдел естественной истории Би-би-си. Было решено снять несколько документальных фильмов об охране окружающей среды в Новой Зеландии, Австралии и Малайзии — в совершенно новом для Даррелов регионе. 4 апреля они ступили на берег в Окленде. Крис Парсонс, режиссер, и оператор Джим Сандерс путешествовали отдельно и вскоре к ним присоединились.

Джеральд написал длинное письмо маме (последнее, хотя ему не удалось ни закончить, ни отправить его), в котором рассказывал о новозеландском этапе экспедиции:

«В Окленде, к нашему изумлению, нас встречали как царствующих особ. Перед нами расстелили красную ковровую дорожку, у нас берут интервью, фотографируют в семидесяти позах, записывают, везут на телевидение и так далее. Мы ужасно устали. Министерство дикой природы уже спланировало программу нашей поездки. Брайан Белл из министерства сопровождает нас по Новой Зеландии».

Из Окленда Даррелы отправились на озеро Фонгапей, чтобы наблюдать черных лебедей, и к грязевым гейзерам Роторуа. Затем их ждала новая ковровая дорожка в Веллингтоне, где Даррелов пригласили на обед с Кабинетом министров Новой Зеландии. «Можешь ли ты представить меня сидящим в окружении министров?» — писал Джеральд матери. Обед прошел не слишком мирно. Джеральд заметил, что овцеводы наносят большой ущерб окружающей среде. Некоторые члены кабинета также являлись фермерами. Они стали протестовать, заявляя, что незначительная эрозия — это еще не смертельно. Джеральд ответил: «Природа — это все равно, что картина Рембрандта. Если вы ее уничтожите, то уже не сможете восстановить. Если бы у вас была картина Рембрандта, вы бы

стали ей уничтожать?» Вернувшись в гостиницу, Джеральд сказал Джеки: «Эти министры такие же фермеры, как и все остальные».

В миле от побережья на острове Капити раскинулся птичий заповедник.

«Хотя птицы здесь дикие, они совершенно не боятся людей. Сначала мы увидели века, маленьких коричневых птиц, размером с цыпленка и весьма суетливых. Они сновали у наших ног, очень внимательно обследовали нас самих и наше оборудование, постоянно переговариваясь друг с другом на своем птичьем языке. Затем Джордж Фокс, смотритель заповедника, сказал, что здесь живут попугаи кака. Эти крупные попугаи покрыты темными шелковистыми перьями и обладают очень сильными загнутыми клювами. Фокс позвал их, и внезапно из леса с отчаянными криками стали вылетать птицы. Они подлетели к нам и стали поедать финики, которые приготовил им Фокс. Один из них решил, что моя голова как нельзя лучше подходит для насеста. У него были такие острые и длинные когти, что он чуть не снял с меня скальп».

Дальше экспедиция направилась к двум скалам, называемым Братьями. Здесь съемки проводились с помощью крана. На Братьях живут редкие ящерицы туатары, а также другая живность.

«На скалах сидели гигантские гекконы. Я поймал несколько штук, чтобы отправить их самолетом на Джерси. Надеюсь, они уже благополучно прибыли. Эту ночь мы все впятером провели в крохотной хижине. Спать нам не давали белокрылые пингвины, устроившие гнездо под полом нашего убежища. Они всю ночь перебранивались, словно пара ослов, и мы никак не могли их утихомирить...

А затем случилось чудо. Мы получили разрешение посетить долину ноторнисов. Ноторнис (которого здесь называют такахе) — это птица, которую считали вымершей, пока случайно не обнаружили несколько особей в удаленной горной долине. Сохранилось около четырехсот пар. Разумеется, долина строго охраняется, и попасть туда можно только по специальному разрешению».

Однако визит в долину, где обитали странные, нелетающие такахе, обернулся разочарованием. «Мы проделали длинный путь вокруг озера и никого не встретили, — писал Джеральд в сценарии фильма. — Это один из самых неприятных уголков страны, где мне только довелось побывать». Через несколько дней Даррелу все же удалось увидеть такахе в зоопарке Маунт-Кук, где служба охраны дикой природы Новой Зеландии пыталась разводить их в неволе. «Здесь оказалась еще одна редкость, которая привела Джерри в состояние полного восторга, — вспоминал Крис Парсонс. — Здесь жил единственный попугай какапо, самый крупный попугай Новой Зеландии, ведущий ночной образ жизни. С момента его поимки в природе было обнаружено еще несколько таких попугаев. Место их обитания тщательно охранялось, что вселило в Джерри оптимизм относительно их будущего. Он снова стал думать о разведении видов, находящихся на грани вымирания, в неволе и о возвращении их в среду естественного обитания».

В отличие от предыдущих экспедиций в Африку и Южную Америку, поездка в Новую Зеландию была отлично организована. Это была скорее официальная экскурсия. Посещение же Австралии прошло более безалаберно. Наверное, поэтому Джеки и Джеральд влюбились в Австралию, стоило им сойти с корабля. «Мы сразу же влюбились в Австралию безоговорочно и навсегда, — писал Джеральд. — Если бы мне когда-нибудь пришлось осесть на одном месте (боже сохрани!), я бы, наверное, из всех стран все же выбрал Австралию».

Все животные и птицы, которых Даррелл собирался снимать — вомбаты, бандикуты, утконосы, казуары, лирохвосты, кукабарры и многие другие, — были первобытными и уникальными. Но никто не доставил Джеральду столько удовольствия, как сумчатая белка. Считалось, что этот зверек исчез с лица земли, как и такахе. Съемочная группа отправилась снимать белок ночью. Вот что написал Джеральд в сценарии своего фильма:

«Когда сумчатых белок обнаружили, оказалось, что они обитают в небольшом лесу площадью примерно в квадратную милю. На столь ограниченной площади могли прокормиться всего несколько пар этих крохотных созданий. Если случится лесной пожар, сумчатые белки могут навсегда исчезнуть с лица земли. Чтобы обеспечить выживание этого вида, нужно попытаться разводить их в неволе, а затем попытаться расселить их в подходящих местах, чтобы, если их лес будет уничтожен огнем, они могли жить в другом месте».

Экспедиция затянулась, а впереди еще ждала Малайзия. «Утомительное путешествие на итальянском лайнере, — писала Джеки маме в начале июля. — Мы прибыли в Сингапур 1 июля,

провели там два дня, а затем отправились в Куала-Лумпур. Очень красивая страна, приятные люди, но климат ужасный — постоянно стоит влажная жара. Сколько я смогу выдержать, не знаю. Снимать очень сложно, не то что в Австралии и Новой Зеландии». Сначала экспедиция отправилась в заповедник Терман-Негара, крупнейший национальный парк Малайзии. В девственном лесу обитали суматранские носороги, тигры, леопарды, гиббоны и королевские кобры. Затем путешественники направились в Дунгун, на восточное побережье страны, где водилось множество рептилий.

Экспедиция проделала путь в сорок пять тысяч миль по трем странам. В фильм вошли кадры, запечатлевшие самых редких животных на земле.

«Картина охраны окружающей среды, которую я наблюдал в Новой Зеландии, Австралии и Малайзии, совершенно одинакова. Небольшие группы преданных своему делу людей, самоотверженно работающих за символическую плату, ведут борьбу с апатией населения, политиков и воротил крупного бизнеса. Люди остаются безучастными к вопросам охраны окружающей среды. Потому что не осознают, что могут сделать. Но самой опасной является апатия политическая. Решить проблемы окружающей среды можно только на самом высоком уровне. Большинство политиков не хотят рисковать карьерой ради природы, потому что, во-первых, они не считают эти вопросы важными, а во-вторых, относятся к сторонникам охраны животных примерно так же, как к выжившим из ума старухам, причитающим над любимыми пекинесами. Но, в отличие от людей, животные не могут определять свое будущее. Они не могут требовать самоуправления, у них нет членов парламента, к которым они могли бы обратиться с жалобами, у них нет профсоюзов, борющихся за лучшие условия существования. Их будущее и само их существование целиком зависят от нас».

Джеральд и Джеки собирались из Малайзии отправиться в Восточную Африку, но новости из дома заставили их изменить свои планы. В зоопарке назревал очередной кризис. Внушало беспокойство и состояние мамы. Когда Джеральд и Джеки уехали на несколько месяцев, она почувствовала себя очень одинокой. Бетти Нортон и Эйлин Молони, жившие в поместье Огр в отсутствие Даррелов, настоятельно советовали Джеральду вернуться как можно быстрее. Путешественники изменили планы и взяли билеты на другой корабль. В конце августа они отплыли из Адена на корабле «Гленорки». В середине сентября они уже были в Лондоне.

На Джерси Джеральда и Джеки ждал радушный прием, но состояние зоопарка их расстроило. Хотя стоял разгар туристического сезона, зоопарк производил впечатление унылого и заброшенного. Не хватало денег, рабочих рук, строения ветшали. Зоопарк являл собой печальное зрелище. Джеки во всем обвиняла Кена Смита, которому в отсутствие Джеральда была предоставлена полная свобода действий. «Кен не только игнорировал планы Джерри относительно зоопарка, — утверждала Джеки, — но и проводил исключительно собственную линию». Он был представителем старого поколения, и Джеки это почувствовала. «Он был не тем человеком, в котором нуждался Джерри, — писала она. — Я пыталась убедить Джеральда избавиться от него и заменить его другим человеком. Но Джерри был слишком слабохарактерным. Он не мог заставить себя сделать это». Джеральд стал защищать своего старого друга и коллегу. Джеки была в ярости. «Ситуация обострилась еще больше после моих конфликтов с некомпетентными служащими, — писала она. — Смит ворвался в нашу квартиру и заявил Джерри, что, если тот не успокоит свою чертову жену, он уволится. И Джерри поддержал не меня, а его!»

Жена Смита Труди видела ту же ситуацию совершенно иначе. «Мы с Кеном отлично ладили с Джерри и с Джеки, — вспоминала она. — Но зимой 1962 года что-то случилось, я не знаю, что. Мы чувствовали это всей кожей. Может быть, Джерри решил сам управлять зоопарком, что-то изменить, создать свой фонд. Возможно, он думал, что Кен будет мешать ему».

Однако война была объявлена, и руководство зоопарка стало испытывать значительные трудности. К моменту возвращения Джеральда с Дальнего Востока его долги составляли 17 тысяч фунтов. Требовалось предпринять решительные действия, чтобы функционирующий в течение трех лет зоопарк не был признан несостоятельным. Бухгалтер Джеральда, Эдди Рей, из лондонской фирмы «Спайсер и Пеглер», был приглашен на Джерси, чтобы провести аудиторскую проверку бухгалтерских книг и прояснить финансовое состояние зоопарка. Его отчет подтвердил самые худшие страхи Джеки. Бухгалтерия находилась в полнейшем беспорядке, деньги утекали, а руководство оказалось совершенно некомпетентным. Зоопарк находился на грани закрытия.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

КОВЧЕГ ДАРРЕЛЛА: 1962-1965

Кризис был полным. Мечты Даррелла рушились на глазах. Требовались решительные действия. Ни он сам, ни Джеки не могли решить финансовые проблемы зоопарка. Им нужен был профессионал, администратор и кризисный менеджер, который сумел бы навести порядок в авгиевых конюшнях. Они дали объявление в местной газете и стали ждать ответа. Среди откликнувшихся была Кэт Уэллер, ранее работавшая в рекламном агентстве в Лондоне. Она приехала на Джерси, так как ее муж получил здесь работу. В декабре 1962 года она пришла на собеседование в поместье.

«Только Джерри мог назначить собеседование на воскресное утро, — вспоминала Кэт. — Я вошла в комнату и утратила дар речи. У меня есть дар ясновидения, и довольно давно я описывала Сэму, своему мужу, эту комнату во всех деталях. Войдя в дом, я сразу же почувствовала, что уже видела эти комнаты прежде. Это было удивительно. И тогда я сказала себе: «Значит, мне суждено работать именно здесь».

Джеральд и Джеки уже побеседовали примерно с двадцатью претендентами и находились в полном отчаянии. Но Кэт оказалась совершенно особенным человеком. «Она ворвалась в мою комнату, — вспоминал Джеральд, — словно в вальсе. Маленькая, кругленькая, с сияющими зелеными глазами и открытой улыбкой. Да, она умеет вести бухгалтерские книги, печатать и стенографировать. Я посмотрел на Джеки, Джеки посмотрела на меня. Мы инстинктивно поняли, что свершилось чудо».

Через три дня, 12 декабря 1962 года, Кэт начала спасательскую деятельность в зоопарке. После первого дня работы у нее сложилось впечатление, что все ее усилия пойдут прахом. «Я подумала, что работы здесь на полгода, — вспоминала она. — Они находились в отчаянном положении: ни денег, ничего. А я никогда в жизни не занималась сбором средств. Тогда я решила, что за полгода сумею привести все в порядок, а тогда делами займется настоящий специалист».

Кэт управляла финансами зоопарка стальной рукой. Ни один, даже самый незначительный платеж не производился без ее одобрения. Если смотритель просил ее приобрести новую щетку, Кэт требовала принести старую для проверки. Если щетка и в самом деле требовала замены, просьба удовлетворялась. Когда смотритель заказывал двадцать бананов, это количество урезалось до восемнадцати. Если сотрудника зоопарка заставали с яблоком, его ждала суровая отповедь: «Вы вырываете пищу изо рта животных». Если месячный бюджет тратился за три недели, в последнюю неделю не тратилось ни цента. Оплата счетов была вежливо отсрочена. Хотя такая политика не могла спасти зоопарк, казалось, что путь выбран правильно. «Что бы мы делали без союзника, который снял с наших плеч все административные заботы, — писала Джеки. — Мы могли заниматься только животными. Мы навсегда останемся в долгу перед миссис Уэллер. Медленно, но верно она привела в порядок наши дела. С помощью друзей мы стали выбираться из ямы».

Но сделать это было нелегко. К этому моменту в зоопарке жило 650 животных. За ними присматривали сорок человек. Работа была тяжелой и грязной. Свободного времени почти не оставалось. Жалованье было более чем скромным, к тому же выплачивалось крайне нерегулярно. Расходы на питание животных ужасали. Зоопарку в год требовалось 180 тысяч яблок, 80 тысяч груш, 50 тысяч апельсинов, бесчисленные тонны лука, помидоров, моркови, картофеля, десятки тысяч яиц, безмерное количество молока и мяса. «Деньги... деньги... — жаловался Джеральд журналистам с тяжким вздохом. — Сколько бы их ни было, для зоопарка все равно мало».

Джеральд всегда считал, что его зоопарк должен создаваться в два этапа. Сначала следовало создать базовую структуру, завести животных, способных привлечь платежеспособную публику в количествах, достаточных для того, чтобы гарантировать существование зоопарка. Затем можно было перейти ко второму этапу развития зоопарка — к превращению его в серьезное научное учреждение, основной задачей которого будет разведение в неволе животных, находящихся под угрозой исчезновения. По просьбе Джулиана Хаксли Джеральд отложил свои планы, отдав приоритет организации Всемирного фонда охраны природы. Фонд был организован в 1961 году. Но теперь, когда у Даррелла был Джерсийский зоопарк, он решил перейти ко второму этапу развития своего предприятия. Он решил превратить маленький местный зоопарк в благотворительный научный Фонд мирового класса.

С помощью своего друга, директора фирмы «Шелл Интернэшнл» Джеймса Платта, он приступил к преобразованиям. «Без Джимми Платта, — вспоминала Джеки, — нам бы это никогда не удалось. Первое, что он сделал, придя ко мне, он трезво спросил: «Вы хотите, чтобы этот зоопарк существовал?» Джимми очень любил Джерри, но Джерри был мечтателем, а я практиком. Поэтому

прежде чем что-то делать, он хотел выяснить, действительно ли я хочу сохранить наш зоопарк. Искушение сказать «нет» хотя бы ради сохранения нашего брака было очень велико, но я этого не сделала, потому что это было бы ужасно. У нас были животные, у нас были огромные долги, у нас работали люди, жившие на три фунта в неделю, но не бросавшие наш зоопарк, мы долгие годы боролись за то, чтобы создать зоопарк. Поэтому я ответила: «Да, я хочу, чтобы он существовал».

Мечта о создании Фонда охраны природы была довольно амбициозным проектом, но Джимми Платту удалось заинтересовать судьбой зоопарка многих влиятельных людей. «Он убедил их в том, что Джерри не получает от зоопарка ни цента, — вспоминала Джеки. — Тем самым он создал вокруг нас ауру респектабельности. Благодаря его усилиям, кредиторы согласились дать нам отсрочку».

В судьбе зоопарка произошел решительный поворот. В январе 1963 года Кен Смит с женой и собственными животными, которых он держал в Джерсийском зоопарке, покинул Джерси. Он заключил контракт на три года, но проработал четыре. Настало время расставаться. Сестра Джеральда Маргарет радушно приняла Кена и Труди в Англии. «Я чувствовала себя предательницей, — вспоминала она. — Джеральд и Джеки внезапно уволили этих людей. Я погрузила всех их животных в грузовик и привезла на Сент-Олбенс-авеню. Я включила все обогреватели, чтобы мелкие звери не замерзли, а затем перевезла их в Пейтонский зоопарк». Маргарет чувствовала, что Смит заслуживал лучшего отношения за то, что он сделал ради Джерсийского зоопарка. Но довольно скоро он оправился от стресса и основал собственный маленький зоопарк в Эксмуте.

Теперь предстояло разобраться с огромными долгами зоопарка. В газете «Джерси ивнинг пост» было опубликовано обращение двенадцати видных жителей острова, в котором они просили собрать средства для поддержки зоопарка, который не только является драгоценностью острова, но и служит великой цели сохранения исчезающих животных во всем мире. Джеральд написал письма всем своим поклонником. С помощью Кэт Уэллер и нового секретаря зоопарка, Бетти Бойзар, эти письма были разосланы по адресам всех тех, кто писал Дарреллу.

Начали поступать деньги. Размеры пожертвований были различны. Богатый человек мог прислать тысячу фунтов, а местный мальчишка отдать свои карманные деньги. Работники зоопарка, несмотря на мизерный размер своего жалованья, собрали небольшую сумму, чем растрогали Джеральда и Джеки до слез. Сто пятьдесят жителей Джерси, а также любители природы со всех концов света собрали 13 500 фунтов. Джерси — это рай для богатых людей, хотя источник их богатства порой бывает сомнителен. Однажды по совету банковского управляющего Джеральд обратился за пожертвованием к некоему мистеру Х. Этот человек — высокий, красивый, интеллигентный — встретил Джеральда в своем доме, более похожем на дворец, внимательно выслушал смущенную просьбу и спокойно выписал чек на две тысячи фунтов. В благодарность Джеральд назвал одного из новорожденных орангутанов в честь этого человека. Однако через три месяца имя мистера Х замелькало на первых страницах газет. «Оказалось, что он сумел за короткое время обобрать массу богатых жителей Джерси, и к тому же провел некоторый период времени в одной из самых известных тюрем ее величества. Хотелось бы мне познакомиться с ним раньше. Он мог бы меня многому научить».

Собственный вклад Джеральда был самым значительным. По совету близких он согласился принять на себя груз двадцатитысячного долга. Так как единственным источником доходов для него был писательский труд и телевидение — довольно ненадежное дело, — он собственными руками продавал себя в рабство. Но он оставался непреклонен.

В мае 1963 года Джеральд принял ответственное решение и назначил своим заместителем двадцатисемилетнего Джереми Маллисона. Они встретились в июне 1959 года, вскоре посте возвращения Джеральда из Аргентины. Тогда Джереми работал в отделе пернатых. Он всегда интересовался животными и природой. В свое время Джереми оставил работу в фирме своего отца и отправился в Родезию и Ньясаленд в качестве солдата добровольца. Ему хотелось увидеть Африку. Вернувшись в Британию, он подумывал о найме в полицию Гонконга или о работе на чайных плантациях Ассама. Но затем решил работать с животными. Сначала Джереми нанялся на молочную ферму в Девоне, а затем на псарню в Суррее. Вернувшись на Джерси, он собирался организовать собственную псарню, но средства не позволили. В отчаянии он нанялся на временную работу в только что открывшийся Джерсийский зоопарк, не потому, что ему хотелось работать в зоопарке, а потому, что недавно прочитал «Мою семью и других зверей».

Зимой временная работа закончилась. Из отдела тропических птиц Джереми перешел в отдел млекопитающих. Работа ему очень нравилась. Планы Джеральда по спасению исчезающих видов животных казались ему очень захватывающими. «С носом, как у герцога Веллингтонского, светлыми

волосами и яркими голубыми глазами, — писал Джеральд, — Джереми относился к нашим животным так, словно родил их сам. Его привычка оценивать внешность мужчин и женщин, называя их «прекрасными образчиками породы», показывала, что работа проникла и в его повседневную жизнь». По мере того как знания Джереми в области разведения экзотических животных углублялись, он начал ощущать потребность продолжать образование, чтобы организовать собственную экспедицию. В октябре 1961 года он отправился в Южную Африку ловить диких зверей.

К моменту его возвращения на Джерси Кен Смит уже уволился. Джеральд и Джеки искали человека, который мог бы взять на себя управление зоопарком. «Джерри пригласил меня в свой кабинет, — вспоминал Джереми, — на втором этаже правого крыла главного дома. «Джереми, — сказал он мне, — не хотел бы ты стать моим помощником — помощником директора Джерсийского зоопарка?» Он дал мне два дня на размышления. Что ж, я с первого дня был его учеником. Он был учителем. Он не мог оказать мне большей чести. Я всегда предпочитал оставаться на вторых ролях, но он всегда поддерживал меня и вселял в меня уверенность в собственных силах. Джеральд был очень обаятельным человеком. Как все великие люди, он не думал о том, кто вы такой, кем работали и где учились. Если он видел в вас что-то привлекательное, он мог поддержать вас. Он никогда не работал с людьми, которые ему не нравились, как бы высока ни была их квалификация. Он обладал удивительным чутьем на людей, хотя никогда не пытался оценивать их. Так что через два дня я пришел к нему и сказал: «Я буду счастлив работать у вас».

Но очень скоро Джереми Маллинсон понял, что в зоопарке два директора. Джеки гораздо активнее Джеральда занималась практическими делами, связанными с работой зоопарка. (Когда Тони Лорт-Филипс получил от Джеки какое-то указание, он ответил: «Если бы мы были на корабле, я бы хотел получать приказы от капитана, а не от его жены».) «Джеки была очень прямолинейна, — вспоминал Маллинсон. — Она стреляла от бедра. Она была разумной женщиной и когда видела, что что-то делается неправильно, сразу же об этом говорила. В самом начале моей работы мне пришлось несколько раз столкнуться с ней. Я сказал ей: «Послушайте, давайте решим сразу: или вы занимаетесь этим делом, или я. Но на компромиссы я не согласен». Когда об этом узнал Джерри, он был очень расстроен. «Я не собирался покупать собаку, чтобы лаять самому, — сказал он Джеки. — Я хочу, чтобы он пользовался авторитетом, и не позволю ни своей жене, ни кому-нибудь другому унижать его». Надо отдать Джеки должное, больше проблем между нами не возникало. Она всегда говорила что думает, но никогда не опускалась до грубостей и сплетен. Я отлично понимал, какое давление приходится выдерживать ей и Джерри».

Но Джеки не отступила. Она всегда стремилась заботиться и о животных, и о персонале. Это было частью политики открытых дверей, которую они с Джеральдом проводили в своем зоопарке. «Сотрудники должны знать, что могут свободно говорить со мной обо всем, — писала она, — а я была своеобразной записной книжкой Джерри. Так продолжалось довольно долго, пока наконец он почему-то не возразил против нашей политики и прочел мне занудную лекцию о том, как мне следует вести себя в зоопарке и на Джерси вообще. Будучи по происхождению еще большей ирландкой, чем Джерри, я вспылила и прямо сказала ему, куда он может отправляться со своим драгоценным зоопарком и всеми комитетами».

Джеральд закончил одиннадцатую книгу за девять лет. Вышла в свет «Земля шорохов», книга, посвященная поездке в Аргентину в 1959 году. Джеральд по-прежнему оставался в ряду наиболее читаемых английских писателей. Любовь к приключениям, дар рассказчика, чувство юмора, умение описать животных с самой неожиданной точки зрения, контактность и дружелюбие сделали Даррелла мастером прозы о путешествиях и животных. Писательскую карьеру Даррелла иначе как триумфом и назвать нельзя.

Джеральд начал работать над следующей книгой «Поместье-зверинец», посвященной первым четырем годам существования Джерсийского зоопарка. В то же время он продолжал работу над текстом к семи документальным фильмам Криса Парсонса «Двое в буше», в которых рассказывалось о его путешествии по Новой Зеландии, Австралии и Малайзии. Повседневные заботы не давали ему работать днем, поэтому ему приходилось писать по ночам. Джеральд много раз пытался приступить к работе над книгой, но Джеки видела, что дается она ему очень тяжело. «Никогда еще я так не хотела написать эту книгу за него», — говорила она.

Отвращение Джеральда к писательской работе стало почти патологическим. Он переживал острый кризис. Сам процесс письма казался ему смертельно скучным по сравнению с работой в зоопарке. Сохранение зоопарка и создание Фонда отнимали все его силы. Тем не менее в

определенные моменты Джеральд чувствовал, что писательский труд возвращает его к жизни. Книги приносили ему славу, деньги, популярность и внимание средств массовой информации. Не напиши он свои книги, ему бы никогда не создать собственный зоопарк.

Трудности, связанные с созданием Фонда, казались непреодолимыми, но в конце концов они остались позади. Было объявлено, что возглавят Фонд леди Кутанш, жена бывшего бейлифа Джерси, граф Джерси и Джимми Платт. В Фонде также был совет, состоявший из известных людей, начиная с редактора «Джерси ивнинг пост» и кончая управляющим местным банком, который был назначен почетным казначеем.

Вскоре управляющего банком на этом посту заменил более влиятельный человек — сэр Жиль Гатри, известный банкир, занимавшийся авиационными перевозками. Питер Скотт прибыл на Джерси, чтобы помочь Джеральду организовать Фонд, и сразу же стал первым научным советником новой организации.

6 июля 1963 года второй акт драмы наконец-то завершился. «Это был великий день, — писал Джеральд. — Мы собрались в мрачном, торжественном Ройял-Корте в Сент-Хельере, чтобы объявить себя законной организацией. Адвокаты, напоминавшие своими мантиями черных ворон, теснились в полумраке и переговаривались вполголоса. Наконец мы смогли выйти на дневной свет и отправились в ближайшую гостиницу, чтобы отпраздновать превращение Джерсийского Фонда охраны дикой природы из мечты в реальность».

Джеральд передал права собственности и управление зоопарком новому Фонду, а сам остался почетным директором, не получающим жалованья. Председателем Фонда стал лорд Джерси, в качестве символа был избран дронт, концепцией Фонда стал ковчег, а лозунгом новой организации стало предупреждение «Исчезновение - Это Навсегда». Совет Фонда стал собираться ежемесячно, два члена совета вошли в управление зоопарка, началась работа научного комитета. «Джерсийский Фонд охраны дикой природы образован, чтобы защитить диких животных от угрозы вымирания, — заявлял Джеральд. — Особое внимание мы собираемся уделить самым мелким созданиям, о которых часто забывают. Наша цель — найти животных, которым угрожает опасность, и попытаться развести их в неволе. Тогда мы сможем создать жизнеспособную колонию, которую можно будет вернуть в места естественного обитания».

Фонд начал функционировать. Джеральд, Джеки и Крис Парсонс в июле отправились во Францию, чтобы подыскать натуру для съемок фильма о Камарге — «Бык по имени Марий». Затем Джеральд и Джеки поехали к Лоуренсу и Клод в Лангедок, где отдыхала мама. Здесь было много солнца, пищи, и вина. «Не хочется даже думать о возвращении», — писала Джеки Алану и Элле Томас 24 июля.

Проблема заключалась не в тяжелом труде, а в образе жизни. Джеральд был не таким, как Джеки. Легендарный образ жизни Джеральда на Джерси основывался на доме, открытом для всех, как жили Даррелы на Корфу и в Борнмуте. Они с Джеки жили над магазином. Под их комнатами располагались офисы и зал заседаний, а вокруг раскинулся зоопарк. Джеральд писал свои книги и сценарии на кухонном столе (он не любил одиночества, даже ради покоя), в гостиной велись бесконечные обсуждения повседневных проблем, которые не прекращались и за обедом. Входная дверь была открыта для всех и в любое время суток. Топот ног по лестнице стал лейтмотивом жизни Даррелов на Джерси. В этой жизни не было места интимности и покою. Доступность для каждого стала принципом жизни и работы Джеральда. Это устраивало не всех. Меньше всего подобная жизнь нравилась Джеки и маме. «Постоянные посетители сведут меня с ума», — жаловалась мама в письме к Ларри и Клод 12 октября 1963 года.

У Джеки жизнь в поместье — вообще жизнь на острове — вызывала приступы клаустрофобии. «Джерри буквально бредит зоопарком. Он одержим, — писала она. — Времени на личную жизнь у него не остается. Он не любит выходить, коктейли раздражают его. Он считает их нелепым и пустым времяпрепровождением. Иногда он не хочет выходить даже в собственный зоопарк. Я начинаю думать, что наш зоопарк — это своего рода Франкенштейн».

Джеральд стал узником собственного зоопарка. Джон Хартли вспоминал:

«Он никогда не проводил много времени вне зоопарка, когда был на Джерси. Я никогда не мог понять его. Говорили, что он не выносит внимания публики, что поклонники его замучили. Но это было не так. Порой в зоопарке вообще не было посетителей. Он поднимался в пять утра, пока зоопарк был еще закрыт. Когда я отправился вместе с ним в Африку, то понял, что он целиком поглощен своими животными. Он готов заниматься ими, играть с ними, разговаривать о них в любое время дня и ночи. Но на Джерси все было иначе. Я не помню, чтобы он хоть раз прогулялся со мной по зоопарку. Я пытался поговорить с ним об этом. Он не останавливал меня, но мне не удалось найти

подходящих слов... Главной мечтой его жизни было иметь собственный зоопарк, а когда он получил его, то у него не осталось сил, чтобы наиграться с новой игрушкой. После ухода Кена Смита мы стали чаще видеть его, он стал часами разговаривать с нами о том, что мы делаем и что думаем. Он очень гордился и радовался таким разговорам, но во всем этом было что-то неправильное».

Джеки тоже заметила эту странную замкнутость, но муж никогда не хотел говорить об этом. Была ли это застенчивость? Или разочарование от того, что мечта оказалась слишком далека от реальности? Или ощущение того, что он находится не среди равных, а на командном посту? А может быть, причинами тоски Джеральда было то, что он чувствовал себя таким же пленником в поместье, как его звери в своих клетках? «Думаю, Джерри угнетало то, что он получил майорат, — писала Джеки. — Хотя у него были надежные сотрудники, многих из которых он очень высоко ценил, ему приходилось сталкиваться с весьма неприятными вещами, и это было ему трудно»..,

Возникали и дополнительные трудности. Маме исполнилось восемьдесят. Она стала часто болеть, на обоих глазах у нее развилась катаракта. Омна чувствовала себя одинокой и заброшенной. Джеки отправила ее в короткий круиз с Софи Кук. Перед отъездом мама и Софи остановились в Борнмуте. Мама серьезно заболела. По одним сведениям, она прибегла к излюбленному старому лекарству для критических случаев и выпила бутылку джина. Если она это и сделала, то лекарство не помогло — или помогло слишком сильно. Мама потеряла ориентацию. Вызвали Алана Огдена, который порекомендовал поместить старушку в небольшой дом для престарелых, располагавшийся неподалеку. Здесь ее подлечили от пневмонии и сердечного недомогания, но она начала быстро сдавать. «Мама больше не была прежней, — вспоминала Маргарет. — Она очень ослабела, с трудом говорила, целыми днями лежала в постели и отсутствующим взглядом смотрела в окно. Думаю, она хотела умереть». Маргарет стала готовить для нее комнату в доме на Сент-Олбенс-авеню, но состояние мамы продолжало ухудшаться. Стало ясно, что она серьезно больна. У нее обнаружили почечную недостаточность**,** и прогноз был неутешительным,

У постели умирающей осталась только Софи Кук. Никто из ее детей не смог прийти, 24 января 1964 года Луиза Даррелл умерла. Ее последними словами были: «Это бренди на столике только для медицинских целей, дорогая?» Маргарет вспоминала: «Когда мама умерла, все ее имущество уместилось в носовом платке, как у буддистского монаха, — молитвенник, образок с изображением святого Антония и еще пара чего-то в этом духе». Главным достоянием мамы были права на «Мою семью и других зверей», которые Джеральд передал ей несколько лет назад. В своем завещании она оставила эти права своей невестке, Джеки.

Смерть матери стала тяжелым ударом для Джеральда. Она была в его жизни всегда. Она согревала его, когда он был мальчиком, на ее плече он плакал, она была его ангелом-хранителем. А теперь она ушла. Он был вне себя. Отпевание перед кремацией было весьма сложным. Джеки не пришла. Ларри приехал из Франции. Простота и скромность протестантских ритуалов угнетала его. Джеральд еле-еле это вынес. Алану Томасу пришлось чуть ли не на руках втаскивать его в церковь. Но когда гроб с телом мамы исчез в часовне, Джеральд выбежал из церкви как безумный.

Вернувшись во Францию, Лоуренс писал Генри Миллеру: «Я только что вернулся с похорон матери. Она терпеть не могла «причинять неудобства людям» и на этот раз не стала этого делать. Она ушла, прежде чем мы успели это понять». «Нам всем ее очень недоставало, — писала Джеки. — Она была тем редким человеком, которого любят все, даже если встречаются с ним лишь мельком. Дом без нее стал очень печальным местом».

Джеральд так и не смог стать прежним. Он чувствовал себя одиноким и покинутым. «Я всегда думала, что смерть матери стала для него настоящей катастрофой, — вспоминала Джеки. — Он никогда не говорил об этом, но так и не смог смириться. Он не мог оплакивать ее, а из-за того, что он не смог оплакать ее смерть, его боль делалась еще сильнее». Джеки считала, что реакция Джеральда на смерть матери очень характерна для него. «В детстве его жизнь была настоящей идиллией, особенно на Корфу, и он вырос с убеждением, что жизнь всегда будет такой. А когда она обманывала его ожидания, когда случалось что-то ужасное, он просто не мог с этим справиться. Он бежал от проблем и начинал пить или принимал транквилизаторы, а порой прибегал к обоим средствам».

Хотя Джеральд оставался обаятельным, веселым и дружелюбным человеком до самого конца, после смерти матери его настроение изменилось. Его мучила неопределенность брака, бесконечные проблемы в зоопарке, те разрушения, которые человечество производило в мире живой природы. Все это мучило и угнетало Даррелла, и с каждым днем его состояние ухудшалось.

Изменения во внутреннем мире человека накладывают свой отпечаток и на его внешность. В последнем паспорте Джеральда Даррелла говорилось, что его рост составляет пять футов одиннадцать дюймов, что на четыре дюйма больше, чем в возрасте двадцати двух лет. Но

фотографии на этих документах разительно отличаются. Дэвид Эттенборо, встретив Даррелла в Буэнос-Айресе, говорил, что перед ним появился человек, который выглядел на десять лет моложе. Теперь же Даррелл постарел на десять лет.

Помимо всего прочего, на лице Джеральда оставили свой отпечаток и его путешествия. До последнего времени он оставался стройным и подтянутым. Сколько бы он ни съел и ни выпил, его фигура от этого не страдала. Но за последние несколько лет он стал стремительно полнеть, и теперь был тем тучным, круглолицым человеком, каким запомнили его поклонники. Джеки утверждает, что эта метаморфоза произошла с ним после возвращения из третьей камерунской экспедиции. Болезнь, подхваченная в Африке, вызвала анемию, и в качестве надежного лекарства от этой болезни Алан Огден прописал ему ежедневно пить пиво «Гиннесс», богатое железом, но довольно крепкое. Джеральд воспринял этот рецепт как руководство к действию и скоро стал выпивать не по бутылке в день, а по целому ящику. «Тогда он начал пить, — вспоминала Джеки. — Когда я пожаловалась доктору Огдену, тот сказал, что не думал, что Джерри поймет его так буквально и что возлияния станут такими обильными». Расходы на волшебный эликсир росли. Джеки даже написала своему бухгалтеру, пытаясь выяснить, нельзя ли получить налоговую льготу на пиво, употребляемое в медицинских целях, и получила отрицательный ответ.

Для Джеральда Джерси означал не только перемену места жительства, но и изменение всего образа жизни. Он стал не личностью, а институтом. Он больше не принадлежал себе, им владели животные. Такую цену пришлось заплатить Дарреллу за свою мечту. Ковчег Джеральда лишил его личной жизни, покоя, счастья и благополучия. В свое время он разрушил его брак, лишил его здоровья, а может быть, и самой жизни.

Джеральд Даррелл был бунтовщиком. «Для зоологического истеблишмента он был опасным лунатиком, нахальным выскочкой, — вспоминал его друг и коллега. — Этот тип, без степени, без квалификации, осмеливается давать интервью и утверждать, что мы занимаемся чепухой и бессмысленно тратим деньга, которым нашлось бы лучшее применение. Мы не можем позволить любителям управлять этим миром! Его шимпанзе трахаются! И он еще считает, что это хорошая идея! Джерри всегда чувствовал себя в осаде. Он всегда был аутсайдером, не внушающим доверия человеком. Он взял чистый лист бумаги и организовал собственный Фонд. Он всегда оставался в изоляции, он был один против всей вселенной. И это проскальзывало в разговоре. Он чувствовал себя отвергнутым, потому что его идеи считали странными и эксцентричными».

Джеральда не пригласили на международный симпозиум по вопросам зоопарков и охраны окружающей среды, который проходил в Лондоне в 1964 году. Он послал письмо организаторам, пытаясь привлечь их внимание к недавно организованному Джерсийскому зоопарку и своему Фонду, делая особенный упор на создании жизнеспособных колоний редких животных, которые могли бы положить начало восстановлению вида в месте его естественного обитания. «Я полагаю, что мы стали первым зоопарком в мире, который направил все свои средства и энергию на сохранение окружающей среды подобным образом, — писал он. — Я верю, что наш зоопарк совершенно уникален и служит привлечению внимания людей к вопросам охраны окружающей среды».

В то время когда Фонд начинал свою важную, но неопределенную деятельность, Джеки начала ощущать глубокие перемены. Вернувшись с Дальнего Востока, она сообщила журналисту: «Несмотря на необычные ситуации, возникающие в нашей жизни, я совершенно счастлива быть женой Джерри. Я не меньше его увлечена его коллекцией диких животных, экспонатом которой он порой считает и меня». Но теперь все изменилось. Несмотря на организацию Фонда, Джеральд занимался делами еще больше, чем прежде. «Я редко видела его одного. Нам не удавалось поговорить ни о чем, кроме проблем зоопарка, — вспоминала Джеки. — Я начала ненавидеть зоопарк и все, что было с ним связано. Квартира наша стала вторым офисом, где постоянно толпились какие-то люди. В конце концов я взбунтовалась и заставила Даррелла пообещать, что все проблемы, связанные с Фондом и зоопарком, будут обсуждаться только внизу, а в своей квартире мы должны иметь возможность расслабиться и побыть наедине. Но эта борьба успехом не увенчалась. У меня возникало ощущение, что я вышла замуж за зоопарк, а не за живого человека».

Но даже перед лицом таких трудностей Джеральд ни на минуту не усомнился в правильности выбранного пути. Он был одним из величайших писателей, писавших о природе на английском языке — впрочем, как и на любом другом. Его имя встало в один ряд с именами великих писателей прошлого — Торо, Ричарда Джеффриса, В. Г. Хадсона, Джона Берррруза, Вильяма Биба — и настоящего — Генри Вильямсона, Джима Корбетта, Конрада Лоренца, Гэвина Максвелла, Джой Адамсон, Джорджа Шахтера. Он стал признанным мастером юмористической прозы. Его книги издавались миллионными тиражами. Он мог вести спокойную и размеренную жизнь на юге Франции,

как это делал его брат, и писать по книге в год. Но он предпочел трудный путь. Джеральд Даррелл не стал делать то, что ему нравилось, а стал делать то, что считал правильным.

Весной 1964 года Джеральд и Джеки отправились вместе с Лоуренсом и Клод на Корфу. Вернувшись на Джерси, они снова погрузились в обычную суету. «С момента возвращения, — писал Джеральд Алану и Элле Томас 2 мая, — у нас творится нечто невообразимое. Мы пытаемся спасти нашу львицу, но она все еще больна, хотя надежды на выздоровление есть. Помимо этого, нам приходится решать массу проблем, связанных с Фондом. Мы живем в настоящем сумасшедшем доме!»

В попытке сохранить хотя бы видимость личной жизни, Джеки перестала активно работать в Фонде и зоопарке. Она считала, что Джеральд намеренно отстраняет ее от повседневных забот зоопарка, но на самом деле основной причиной ее поступка стало лишение иллюзий относительно того образа жизни, который она вела. Хотя Джеки продолжала заниматься делами, они с Джеральдом более не составляли пары, занимающейся общим делом. До этого дня он целиком и полностью полагался на ее энергию и мог рассчитывать на поддержку. Именно она помогла ему сделать карьеру писателя, она помогла ему создать собственный зоопарк, она предложила остров Джерси, она следила за созданием и развитием зоопарка в самые критические первые годы его существования. Теперь же делами Фонда и зоопарка занимался один Джеральд. С этого момента его жизнь кардинально изменилась. Главным для него стала профессиональная карьера, личная жизнь отошла на второй план. Джерсийский зоопарк и Фонд охраны дикой природы процветали, брак же Джеральда рушился прямо на глазах.

Признаки разрыва очень скоро стали очевидными. Джеки хотела, чтобы они вдвоем уехали с Джерси. В этот критический момент появился Крис Парсонс и предложил отправиться в новую киноэкспедицию, «пока успех «Двоих в буше» еще свеж в памяти зрителей». Джеральд отнесся к идее благосклонно, но никак не мог решить, куда бы им поехать. Аргентина, Гвиана и Индия были отвергнуты. Путешествие по островам Вест-Индии, заканчивающееся на маленьком Лебедином острове, где обитали уникальные грызуны — хутии, оказалось слишком дорогим.

— Что ж, — сказал Парсонсу Джеральд, — остается только Западная Африка. Но я уже написал три книги об этом регионе.

— Может быть, стоит подумать о Сьерра-Леоне, — предложил Парсонс.

Итак, место было выбрано. Даррелл собирался снять шесть фильмов об экспедиции звероловов в африканских джунглях от отправления до возвращения в Англию. Джеральд считал, что в подобном плане есть масса преимуществ. Он сможет получить дополнительную рекламу для себя, своего зоопарка и будущей книги, поймает интересных животных, а Би-би-си возьмет на себя часть расходов. Но Джеки категорически отказалась ехать в Африку.

— Я не люблю Западную Африку, — заявила она. — В тропических лесах слишком душно, к тому же я на дух не переношу африканцев. Так что, если ты не возражаешь, эту поездку я пропущу.

Джеральд был готов к такому повороту событий, но все же слова жены его больно уязвили. «Сьерра-Леоне стала причиной серьезного кризиса в наших отношениях, — вспоминала Джеки. — Джерри и не ожидал, что я поеду с ним. Мне не хотелось преувеличивать проблемы, но я начала думать, что вообще не нужна ему. Он был полностью поглощен своим зоопарком. Я для него превратилась в секретаря, домоправительницу, экономку — и не более того. Больше я не занимала в его жизни важного места».

Джеральд и Джеки пошли своими путями — на этот раз в буквальном смысле слова. Джеки решила, пока Джеральд снимает фильм для Би-би-си в Западной Африке, поехать в Аргентину со своими старинными подругами — Хоуп Платт и Энн Питерс. Она должна была разведать обстановку в стране, чтобы подготовиться к очередной экспедиции. На несколько месяцев Джеральд и Джеки разошлись. Теперь их разделял океан.

В середине января 1965 года Джеральд со своим молодым помощником Джоном Хартли отправились в Сьерра-Леоне. Джон чувствовал, что между Джеральдом и Джеки что-то произошло. На прощальном ужине перед отплытием Джеральд долго беседовал с матерью Джона. На следующее утро она пришла проводить сына и сказала ему, чтобы он присматривал за Джеральдом в Африке, поскольку тот переживает тяжелое время и может впасть в депрессию. «Я подумал, что так оно и есть, — вспоминал Джон. — Несмотря на то что мне было всего двадцать два года и я никогда не бывал в Африке прежде, я был уверен в том, что именно мне придется поддерживать его».

По странному совпадению корабли, на которых плыли Джеральд и Джеки, встретились в Лас-Пальмасе на Канарских островах. С палубы Джеральд увидел свою жену с Энн Питерс и Хоуп Платт. Он был очень обрадован, кричал, махал руками и хотел немедленно распить с ними бутылку

шампанского. Когда пограничники его остановили, он впал в бешенство и скандалил до тех пор, пока ему наконец не разрешили подняться на борт корабля, на котором плыла Джеки. Муж и жена встретились на четверть часа, а затем их корабли разошлись в противоположные стороны.

Измученный страхами относительно судьбы своего брака, Джеральд стал писать Джеки с первого же дня после прибытия в Африку. Он писал о том, что любит ее и нуждается в ней. Но лишь некоторые из этих писем дошли до адресата, большая часть их потерялась в пути. Первое из дошедших писем было написано в столице Сьерра-Леоне, Фритауне, сразу же после прибытия.

«Дорогая!

Наконец-то мы добрались. Корабль вошел в порт на рассвете (а мы страшно мучились от похмелья). Фритаун — замечательный город. Более всего он напоминает раскрашенный Джорджтаун. В нем соседствуют уродливые современные здания и очаровательные старинные деревянные домики на сваях. Тебя бы очень поразило отличие местных жителей от камерунцев. Девяносто процентов здешних африканцев поразительно красивы, особенно женщины... очень утонченные и изысканные. Представь себе рынок или улицу, по которой ходят сплошные Гарри Белафонте мужского и женского пола. Их кожа имеет оттенок светлой бронзы, а смотреть на женщин не менее приятно, чем наблюдать за колонией морских котиков. У них красивые лица и длинные, изящные шейки. Более всего они напоминают мне изысканных косуль».

Как только Даррелл прибыл в Африку, ему сразу же стали предлагать помощь. Алмазная компания Сьерра-Леоне предоставила в его распоряжение лимузин и роскошную квартиру в голливудском стиле на окраине города! «Они провезли нас по прекрасным, пестрым улицам, заполненным красивыми женщинами, — писал Джеки Джеральд. — Мы выехали из Фритауна и стали подниматься на холм. Здесь и располагался очень простой дом, из которого я тебе и пишу. Нам предоставили квартиру с двумя спальнями, ванной, туалетом, гостиной или столовой размером семьдесят футов на сорок, кондиционерами в спальнях и холодильником, наполненным пивом. В нашем распоряжении есть стюард. А с балкона открывается великолепный вид на Ламли-Бич». Экспедиции пришлось несколько дней ожидать прибытия «Лендровера», на котором они должны были отправиться в джунгли. Из-за шторма грузовой корабль запоздал.

«Наконец все было готово, — писал Джеральд. — Мы наняли двух обаятельнейших головорезов, Саду и Ламина. Примерно через час мы отправились в путешествие. Я собирался добраться до Кенемы (и это вполне можно было сделать), но, добравшись до Бо-Джона, мы почувствовали себя настолько уставшими, что остановились в гостинице Южно-Африканской компании и заночевали. На следующий день мы поехали дальше. Дорога настолько пыльная, что я чувствую себя пропылившимся насквозь».

В Кенеме Джеральду сообщили, что лагерь можно будет разбить на заброшенной хромовой шахте в четырнадцати милях от города. Его заверили, что место подходит для этой цели как нельзя лучше.

«Рассказывая Хартли о тех ужасных условиях, в которых мы жили раньше, я был просто поражен тем, что увидел. Шахты располагаются У подножия горного хребта высотой примерно футов восемьсот. К ним ведет узкая, извилистая дорога. Возле шахт стоит десять-пятнадцать домов в отличном состоянии. С тех пор как шахты закрылись, здесь никто не живет. Наш дом по своим размерам приближается к дому Джона Хендерсона (в Мамфе). Большая гостиная, огромная спальня, ванная и туалет, кладовка и кухня в прекрасном состоянии. Есть вода и электричество. На окнах спален натянута москитная сетка. С веранды открывается вид на прекрасную равнину, а вдали виднеются холмы. Мы поднялись до восхода солнца, когда равнину укутывал густой туман, из которого поднимались только вершины холмов. Затем прямо перед нами встало солнце, похожее на огромный золотой апельсин. Мы выпили чай под огромным деревом, на котором резвились пять красных колобусов. Когда солнце поднялось выше, оно залило своим светом дерево. Можешь себе представить эту картину: живое зеленое дерево с розовыми плодами, на котором резвятся обезьянки с черными спинками и ярко-рыжими брюшками и лапками. Обезьянки эти издают странные звуки. Такое впечатление, словно на дереве обитают гигантские пчелы... Кажется, что здесь обитают ведьмы и волшебники. Мы чувствуем себя, словно остались последними людьми на планете...

Дорогая, как жалко, что ты не поехала со мной! Я понимаю, что у тебя были веские причины, но уверен, что тебе здесь понравилось бы. Наше жилище — настоящая «Уолдорф Астория» во всех отношениях. В спальнях работают кондиционеры, на Ламли-Бич отличное купание, у нас есть собственный шофер, а в этом доме нас никто не беспокоит. Климат здесь совершенно не похож на Камерун, он скорее ближе к Корфу. В доме довольно прохладно. Вечерами мне даже приходится надевать свитер. Леса здесь не такие густые и девственные, как в Камеруне. Тебе бы точно здесь понравилось! Я никогда не видел такого количества цветов самых разнообразных оттенков. Куда ни посмотришь, всюду видишь пятна розового, пурпурного, малинового, белого или желтого. Это сказочная страна! Полагаю, ты изменила бы свое мнение о Западной Африке, если бы все это увидела...

Если экспедиция не увенчается успехом, это произойдет не потому, что нам не будут помогать. Представляешь, я только что разговаривал с премьер-министром, и он согласился принять участие в нашем фильме! Порой меня даже пугает это безграничное гостеприимство.

После нашей короткой встречи в Лас-Пальмасе я рассчитывал получить от тебя письмо с сообщением о разводе. Я бы не упрекнул тебя. Не слишком я похож на идеального мужа, но все же мысль об этом меня угнетает.

Дорогая, жизнь так коротка, давай не будем расставаться — ни эмоционально, ни физически. Я знаю, что жить со мной трудно, я слишком многого требую, но я постараюсь измениться. Проблема в том, что, когда я далеко от тебя, мне так плохо, что я начинаю сердиться и раздражаться, а это еще сильнее отдаляет тебя от меня. Давай попробуем любить друг друга и попытаемся вернуться в ту сказочную страну, где мы с тобой встретились.

Я страшно скучаю по тебе. Мне пора заканчивать письмо. Я люблю тебя. Береги себя и поскорее возвращайся. Надеюсь, ты хорошо отдохнешь и вернешься ко мне посвежевшей и веселой. Пожалуйста, не рискуй и пиши мне. Бог даст, мы еще увидим светлые времена.

Люблю тебя сейчас и всегда».

Джеральд собирался начать с ловли зверей, чтобы к моменту прибытия съемочной группы Би-би-си (через две недели) коллекция была сформирована и он мог бы заняться только фильмом. 25 февраля Джеральд снова написал Джеки. На этот раз он называет хромовые шахты, где они поселились, «Шахтами Патоки». Впоследствии он станет называть их «Шахтами Добычи».

«Дорогая!

...У нас все в порядке, надеюсь, что и у тебя тоже. Мы наконец-то можем сказать, что начали формировать коллекцию. На данный момент у нас имеются два детеныша шимпанзе, оба самцы. Я назвал их Флаффи Фрогсботтом и Эймос Таттлпенни. Кроме этого, мы обзавелись парой редких черепах (к огромному удовольствию Джона), голубым зимородком, молодой совой, мангустой и замечательным детенышем генеты, который, несмотря на свои скромные размеры, обладает замечательным характером. Тебе бы он понравился. Если захочешь, его можно будет держать дома. Мы назвали его Пикином. Теперь веранда нашего дома напоминает небольшой зверинец. Женщины из пригородов принесли нам пару ручных белок и питона...

Джон Хартли отлично справляется со своими обязанностями. Он прекрасно ориентируется в местных дорогах и никогда не жалуется, хотя у него воспалился глаз от пыли. Джон умеет обращаться с животными и отлично ладит с африканцами... Он прекрасный спутник, очень спокойный и уравновешенный, с чувством юмора и безграничным терпением. Полагаю, что лучшего спутника мне было бы не найти.

Дорогая, похоже, путешествие пошло тебе на пользу — я получил два теплых письма от тебя за довольно короткое время. Не успел я обрадоваться первому, как тут же получил второе. Я читал твое первое письмо, как влюбленный школьник, носил его с собой и постоянно перечитывал. К сожалению, наши помощники питают нездоровую страсть к стирке. Я оставил твое письмо в кармане пижамы (чтобы можно было перечитать его ночью) , а наш бой выстирал пижаму вместе с письмом. Когда я застал его за этим занятием, все чернила уже расплылись. Я был в ярости! К счастью, я уже прочел его столько раз, что помню наизусть.

Дорогая, я чертовски по тебе скучаю. Больше всего меня злит невозможность поговорить с тобой... Надеюсь, что когда Крис и все остальные приедут, у нас будет столько работы, что у меня не останется времени скучать по тебе, хотя и сильно в этом сомневаюсь. Мне так хочется, чтобы ты

была рядом со мной. Сейчас десять вечера: синее небо, солнце, дует прохладный ветерок, я пишу тебе письмо и пью пиво. Мне слышно, как африканцы над чем-то смеются, плотник сколачивает клетки, а шимпанзе восторженно обмениваются впечатлениями от прошедшего дня. Прямо передо мной раскинулся роскошный куст малиновой бугенвиллеи, по которому порхают пурпурные и зеленые колибри. Здесь очень красиво, но здесь нет тебя, поэтому все звуки и краски теряют свою яркость. Я чувствую себя так, словно смотрю на закат через темные очки...

Я очень люблю тебя и не могу дождаться, когда же смогу обнять и поцеловать тебя. Пожалуйста, береги себя и не совершай глупостей. Помни, что одинокая женщина — это легкая добыча. Возвращайся ко мне в целости и сохранности и люби меня хоть немножко. Ты пишешь, что я тебе нужен: удвой эти чувства, и ты поймешь, как я нуждаюсь в тебе. Ты — вся моя жизнь!»

Постепенно коллекция животных росла. Начались съемки фильма. Однако звероловам не хватало двух главных зверей — леопарда и обезьянки колобуса. Чтобы поймать колобусов, нужно было организовать охоту с помощью местного населения. Но поймать колобусов было не так трудно, как трудно потом довезти их живыми до Англии. Джеральд писал Джеки:

«Дорогая!

У нас все хорошо, правда, нам приходится вести отчаянную борьбу против времени и африканской медлительности. Местные африканцы по своей лени и инертности могут дать сто очков вперед жителям Мамфе. Приведу пример. Мы отправляемся в деревню. Примерно сорок черных и рыжих колобусов резвятся на деревьях примерно в сотне ярдов от деревни». Мы их снимаем. Все замечательно. В деревне старейшины бьют в барабаны. Мы просим их поймать обезьян. Ребята, отвечают они нам, сейчас мы не можем ловить обезьян. Но если эти обезьяны так уж вам нужны, мы попробуем поймать их ко вторнику. А почему бы не поймать вот этих? — интересуемся мы. Мы не можем ловить этих обезьян, отвечают нам старейшины, потому что мы не договаривались ловить их. Хорошо, соглашаемся мы, мы приедем во вторник, рано утром. Африканцы с важностью кивают. Во вторник рано утром мы возвращаемся и застаем старейшин за барабанами. Когда же мы пойдем ловить обезьян? — интересуемся мы. О-о-о, — отвечают старейшины. — У нас маленькая деревня, у нас нет молодые охотников, которые могли бы ловить обезьян. Если бы вы привезли несколько человек из Кенемы, мы бы поймали для вас обезьян... Целый день уходит на пустые разговоры, мы возвращаемся домой ни с чем. Я сказал операторам, что мне нужно время, чтобы организовать ловлю обезьян. Больше никогда не стану связываться с Би-би-си, только на собственных условиях. Они платят деньги и ожидают получить от нас некое подобие голливудской эпопеи. Я уже не молод для подобных штучек.

Прерываюсь, потому что мы все же идем ловить обезьян.

В тот же день, позже. Поздравь меня! После всех моих жалоб нас наконец-то ждал успех. Мы организовали облаву в деревне и поймали то, что хотели. Пятьдесят три африканца (представляешь, какой это был шум?!) выследили нам несколько рыжих и черных колобусов, загнали их на дерево, а потом развели у подножия дерева костер, закидали его зелеными листьями, чтобы было побольше дыма, и переловили всех обезьян сетями. Шум стоял невероятный (отличные кадры для фильма!). Обезьяны вели себя идеально. Они скакали в нескольких футах от камеры. Каждый раз, когда кому-то удавалось схватить очередную обезьяну, все пятьдесят три африканца издавали торжествующий вопль... Кадры получились замечательные, так что если мы даже не поймаем карликового гиппопотама (а я не думаю, что это нам удастся), Крис будет полностью удовлетворен. Похоже, я всыпал Дэвиду (Эттенборо) по первое число! А звукозапись фильма получается вообще первоклассной. Вчера мы снимали, как мы с Джоном ловили крупного крокодила. Стоило мне зайти в воду, как моя нога застряла между камнями. Я крепко выругался, а Крис собирается сохранить эти кадры в фильме, чтобы придать программе естественность...

Похоже, все мы подцепили что-то вроде песчаной лихорадки. Первым заболел Хартли, за ним Крис, а теперь и я. Поэтому я пишу это письмо в постели, куда меня уложили. Но все же Сьерра-Леоне — гораздо более здоровое место, чем Камерун. Нам всем здесь очень нравится. Должен сказать, что нанятые нами африканцы (раздражительные, неумелые, растяпы, умственно неполноценные и очень красивые) прекрасно справляются со своей работой. Они с радостью встречают каждое новое животное, внимательно слушают наши записи и удивительно естественно делают то, о чем мы их просим. Фильм должен получиться отличным.

А теперь перейду к более важным вещам. Дорогая, я так сильно тебя люблю! Ничто не приносит мне радости, потому что тебя нет со мной. А теперь еще я узнал, что ты не получила моих чертовых писем! Я постоянно Думаю о тебе. Никогда еще я не хотел, чтобы ты была рядом со мной, так сильно. Я так хочу лежать рядом с тобой в теплой постели, и целовать тебя, и ощущать рядом с собой твое шелковистое тело. Я хочу видеть тебя в гневе, когда ты бледнеешь и задыхаешься. Я хочу видеть тебя в душе, всю в мыльной пене, с мокрыми волосами, как у пятилетней девочки. Я так хочу тебя...

Я люблю тебя. Дж.

P.S. ...Я грязный, наглый и бессовестный. Но я люблю тебя! Если один человек может владеть другим, то тебе удалось завладеть мною полностью. Я так хочу, чтобы ты была здесь.

Говорить, что я скучаю по тебе, глупо. Это все равно что сказать: «Как странно, что солнце зашло. Вы не находите, что стало темновато?» Я чувствую себя так, словно лишился обеих рук и обоих глаз. Если ты дашь мне шанс, у нас все станет по-другому. Ты пишешь, что я изменился и что наша жизнь стала другой. Единственное, что изменяется в правильном направлении, это моя любовь к тебе. Она возрастает настолько, что становится уже не эмоциональным ощущением, а чисто физической болью. Мне кажется, что кто-то засунул мне между ребер раскаленный уголь. Мы живем не вечно. Пока я жив, мне никто не нужен, кроме тебя. Если завтра ты уйдешь от меня и тебе от этого станет лучше, я не стану тебя удерживать... С тобой — и без всего остального — у меня есть целый мир. Без тебя я — ничто.

Спокойной ночи. Как мне хотелось бы сейчас быть с тобой.

Я люблю тебя. Дж».

Затем экспедиция занялась съемками. Хотя черно-белые колобусы были уже пойманы, нужно было ловить рыжих. А когда экспедиция собрала, всех необходимых животных, выяснилось, что столь желанные обезьяны категорически отказываются что-нибудь есть. Стало очевидно, что их придется выпустить, что, с глубочайшим сожалением, Джеральд и сделал. Примерно в то же время произошел инцидент, который поставил участие Джеральда в фильме под угрозу. Он ехал на заднем сиденье «Лендровера». Машина наехала на кочку, и ее так сильно подбросило, что Джеральд повредил (может быть, даже сломал) основание позвоночника и сломал два ребра. Ему было больно садиться, ходить, даже просто дышать. Он не мог сниматься и ухаживать за животными. Боль усиливалась. Джеральд понял, что ему придется вернуться домой. Он послал телеграмму Джеки с просьбой приехать в Сьерра-Леоне и доставить его домой, что она и сделала.

Джеральд не успел встретить ее во Фритауне. Он подъехал, когда она уже сошла с корабля и мрачно дожидалась его на берегу. Воссоединение супругов оказалось очень натянутым. Вот как он описывал его позднее в своих мемуарах.

«— Где ты был? — вместо приветствия сказала она, как и подобает хорошей жене.

— Пытался разобраться в этом чертовом порту, — ответил я. Она подошла, чтобы поцеловать меня, и я честно предупредил:

— Не обнимай меня слишком крепко, потому что у меня сломаны ребра.

— Чем, черт побери, ты здесь занимался? — раздраженно спросила Джеки. — У врача ты был? Повязку носишь?

После демонстративных объятий мужа и жены, которые не виделись четыре месяца, мы погрузились в «Лендровер» и поехали домой».

На армейских грузовиках зверей доставили в порт и погрузили клетки на борт судна. Джеральд, Джеки, Джон Хартли, Эин Питере («бодрая и энергичная блондинка», согласившаяся помочь), Крис Парсоис, оператор и звукооператор погрузились на корабль и отплыли в Англию. Путешествие прошло без приключений, но вот перелет из Ливерпуля на Джерси превратился в настоящий кошмар. «Как Джеральд со сломанными ребрами сумел все это выдержать, я до сих пор не могу понять, — вспоминала Джеки. — Я чувствовала, что он вот-вот лишится сил». Животные же, напротив, чувствовали себя прекрасно и, казалось, совершенно не пострадали. Их разместили в зоопарке.

«Даррелл был счастлив, счастливы были и мы все, — вспоминала Джеки. — Теперь он наконец мог отдохнуть — что и сделал в течение последующих двадцати четырех часов!»

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

ВУЛКАНИЧЕСКИЕ КРОЛИКИ И КОРОЛЬ КОРФУ: 1965-1968

Хотя Даррелу и не все удалось, в целом экспедиция оказалась успешной. «Только что вернулся из Сьерра-Леоне, — писал Джеральд своему приятелю из Новой Зеландии 2 июня 1965 года. — Мы собрали хорошую коллекцию. У нас 90 редких животных, самыми редкими из которых являются черно-белые обезьяны колобусы и пара молодых леопардов». Возвращение было триумфальным. «Самая приятная новость, которую я получил по возвращении, — продолжал Джеральд, — это то, что наша пара туатар впала в спячку. Мы все держим пальцы крестиком, чтобы в один прекрасный день войти в их клетку и обнаружить там массу маленьких туатарочек...»

Джеральд начал писать книгу об экспедиции к антиподам и на Дальний Восток, которую он совершил четыре года назад. Он назвал ее так же, как и телевизионный фильм об этом путешествии — «Двое в буше» («Путь кенгуренка» в русском переводе.) Пока он занимался книгой, Джеки решала тоже попробовать себя в писательском деле и написала историю своей жизни с Джеральдом, его семьей и другими зверями. Ее книга называлась «Звери в моей постели». Она разместила в местной газете объявление о том, что ей нужна секретарша, умеющая печатать и стенографировать. Среди претендентов была и привлекательная молодая блондинка, Дорин Эванс, недавно вместе с родителями переехавшая на Джерси. Придя на собеседование в поместье, она встретилась не с Джеки, а с Джеральдом и с Кэт Уэллер. В ходе собеседования Джеральд спросил у нее:

— Вы готовы, если потребуется, выкармливать грудью детеныша ежа?

Голос Даррелла был совершенно серьезен, но по выражению его глаз Дорин поняла, что он шутит. «Я сразу же поняла, что между нами много общего, — вспоминала она. — Мы оба любили природу и животных».

В начале 1966 года Дорин принялась перепечатывать книгу Джеки, расположившись в маленькой комнатке на чердаке главного дома. Чтобы ей не было скучно, в комнату поставили клетку с двумя неразлучниками. Закончив работу над книгой Джеки, Дорин спросила, не может ли она стать секретарем Джеральда и поработать над его книгой тоже.

Эта книга давалась Джеральду с трудом. Он столкнулся с дилеммой, которая рано или поздно встает перед каждым писателем, работающим в жанре нехудожественной литературы и рассказывающим о собственных приключениях. В определенный момент свежесть и новизна исчезают. Путешествие сорокалетнего Даррелла по Сьерра-Леоне со съемочной группой Би-би-си было совсем не таким, как странствия по джунглям Камеруна двадцатидвухлетнего новичка. Можно было изменить жанр, перейти от литературы нехудожественной к художественной, писать не о том, что было перед глазами, а о том, что было в голове. Джеральд не был уверен в том, что ему хватит на это таланта, но попробовать было можно. Следующая задуманная им книга должна была стать чисто художественной. Действие детской книжки «Ослокрады» разворачивалось на Корфу. Задача оказалась не слишком сложной. Даррелл в душе оставался ребенком, к тому же он обладал замечательным даром рассказчика. На этот раз он стал работать по-новому — Джеральд решил диктовать книгу новой секретарше.

«Мы начинали работать в десять часов в его кабинете, — вспоминала Дорин Эванс. — Сначала он разработал план книги. Затем продумал расположение глав. Джеральд решил писать по целой главе в день. У него не было никаких заметок, он почти ничего не исправлял. Он просто ходил по комнате и рассказывал мне эту историю, а когда я начинала смеяться, смеялся вместе со мной. После обеда я перепечатывала то, что он мне рассказал, а он прочитывал напечатанное в гостиной, расхаживая по комнате и выкуривая бесконечное количество сигарет «Голуаз». Работая с ним, я заметила, что лучше всего ему пишется, когда он ходит по комнате».

Дорин взяла на себя и задачу отвечать на письма поклонников. Джеральд не мог отвечать на каждое письмо, но обязательно подписывал все письма, рассылаемые от его имени. Особенно внимательно он относился к письмам от детей и молодежи. Книгу «Моя семья и другие звери» в Англии включили в школьную программу, поэтому стало приходить много писем от школьников. «Как стать смотрителем зоопарка? — спрашивали дети. — Мой волнистый попугайчик что-то захандрил, что мне делать?» «Джеральд относился к письмам от детей с огромным вниманием, словно речь шла о редких животных, представляющих для него научный интерес, — вспоминала Дорин. — Дети были для него следующим поколением, в котором он стремился пробудить любовь к

природе и животным. В нем самом эта любовь пробудилась в детстве, и он знал, как важно вовремя помочь ребенку».

В феврале 1966 года Би-би-си показала фильм «Поймайте мне колобуса». Шесть серий фильма рассказывали об экспедиции в Сьерра-Леоне. Публика встретила фильм с огромным энтузиазмом. «Лучше Джеральда Даррелла никто не может рассказать о жизни зверолова, — писал критик «Тайме Эдьюкейшенл Сапплемент». — Колобус — это неуловимая африканская обезьянка, с удивительной ловкостью перелетающая с одного дерена на другое и легко одурачивающая самых опытных охотников. Документальный фильм Джеральда Даррелла о ловле этих удивительных созданий доставляет зрителю истинное наслаждение. Зрителя подкупает не только азарт охоты, но и любовное, замечательное отношение автора к африканцам, помогавшим Дарреллу ловить колобусов. Джеральд Даррелл никогда не обманывает, никогда не жертвует достоверностью ради прихоти оператора. Ему удалось создать захватывающий и искренний текст, комментирующий фильм. «Поймайте мне колобуса» — настоящая классика жанра!»

Телевизионные программы вызвали столь широкий отклик, что «Дейли мейл» даже послала на Джерси журналиста, чтобы тот написал статью о Джеральда Даррелле. В жизни Даррелл оказался совсем не похожим на писателя-юмориста. Перед репортером предстал человек, доведенный до крайности чувством вины человечества перед живой природой. «Можно заставить людей посмотреть «Колобуса», — сказал Джеральд журналисту, — но они не хотят знать ничего о действительном положении вещей. Они не считают себя виновными в том, что целые леса вырубаются ради того, чтобы наделать бумажных салфеток, что овцы вытаптывают пастбища, что целые виды животных вымирают. Так трудно донести до человечества мысль о том, что природу нужно охранять. Даже натуралисты часто спрашивают меня: «О чем это вы твердите, Даррелл? Это неизбежный процесс». Но уничтожение природы нужно остановить! Половина животных, собранных в моем зоопарке, находится на грани исчезновения или окажется на ней в ближайшее время».

Джеральд показал журналисту рогатую лягушку, держа ее так бережно, словно это была этрусская ваза. «Посмотрите, как она прекрасна, — сказал он. — Люди часто спрашивают, какой в ней прок. Но они никогда не задумываются о том, какой прок в них самих. Почему кто-то должен исчезать с лица планеты, потому что он не нужен человеку? Право на жизнь есть у всех! Иногда мне кажется, что я делаю полезное дело. А затем приходит письмо от телезрителя, который ни черта не понял. Один из моих корреспондентов назвал меня самым злым и жестоким человеком на Земле. Держать животных в клетках противно воле господа, по его мнению. Если бы он мог, то запер бы в клетку меня. Хороший довод в споре, не правда ли?»

16 мая 1966 года Джеральд, Джеки и Дорин Эванс отправились в долгое и неспешное путешествие по Франции и Италии в Венецию, а оттуда с комфортом отплыли на Корфу. Джеральд преследовал сразу четыре цели. Он хотел снова увидеть свой обожаемый остров, продиктовать новую книгу, подыскать место для натурных съемок фильма о своем детстве, запускаемого на Би-би-си, и купить старинную виллу или участок земли для постройки дома. Они остановились в квартире Филиппы Сансон, сестры Тео Стефанидеса. Огромная квартира занимала почти весь верхний этаж старинного венецианского особняка. Из окон открывался вид на порт. Квартира была полностью обставлена, так что в ней можно было жить со всеми удобствами.

Распорядок дня Джеральда не изменился. Дорин вспоминала:

«Он поднимался на рассвете, где-то около пяти часов. Я заваривала ему чай с концентрированным молоком в большой зеленой чашке. Затем я одевалась, и он начинал диктовать, расхаживая по огромной гостиной, откуда открывался прекрасный вид на море и мелкие островки. Он диктовал до полудня, потом я все перепечатывала, пока Джеки ходила за продуктами к обеду. Она покупала цыплят, помидоры, свежий хлеб, сметану... А потом мы все отправлялись на море. Больше всего нам нравилось в Барбати. Длинный чистый пляж раскинулся к северу от города. В те дни там совершенно не было людей, только сторож оливковой плантации. Мы плавали, а потом устраивали пикник под оливами и миндальными деревьями. Джерри читал то, что я напечатала, что-то исправлял, а мы отдыхали. Когда солнце начинало клониться к закату, мы собирались домой. Порой мы останавливались в маленькой деревушке Луциола на Ипсосе, которая в те времена не была так застроена, как сегодня. Там был маленький ресторанчик, где подавали восхитительные пирожки с курицей. В кустах кричали древесные лягушки, мы сидели за столом, ужинали и пили местное вино. Ужин на Корфу — дело серьезное, требующее времени. Иногда мы устраивали пикники в южной части острова. Это было довольно далеко. Возвращаясь оттуда, мы обычно ужинали в любимом ресторане Джерри «Темис», возле центральной площади. Хозяином «Темиса» был приятель

Джеральда, Василий. Дома мы ели довольно редко. Готовил всегда Джерри. Его пирожки с рыбой были восхитительны, а креветки по-провансальски с пряностями невозможно забыть. Мы усаживались вокруг большого обеденного стола, пили вино, а Джеки ставила записи своих любимых классических произведений. Воздух был теплым, и за окнами поблескивало море».

Однажды они ходили на крикетный матч между командами острова и Британского флота (британцам было приказано проиграть!). В другой день отправились на ночную рыбалку. Море фосфоресцировало. Стоило опустить в воду руку, как на ней загорались тысячи бриллиантов. Так прошло лето.

В начале сентября они вернулись на Джерси. Лоуренс и Клод в конце сентября перебрались в дом побольше. Джеки и Джеральд решили арендовать их бывший дом на два года. Так началась связь Джеральда с Францией, которая не прекращалась до конца его жизни.

В сентябре была опубликована книга о шести месяцах, проведенных в Новой Зеландии, Австралии и Малайзии. Джеральд сменил издателя. После долгих и мучительных раздумий по настоянию Джеки он покинул издательство «Харт-Дэвис», с которым было связано начало его писательской карьеры, и согласился на более выгодные предложения Уильяма Коллинза, владевшего более крупным и доходным издательством. Рецензии на первую книгу Даррелла в издательстве «Коллинз» были весьма благоприятными. «Дейли мейл» назвала «Двоих в буше» «интересной для чтения и очень веселой книгой», а «Ивнинг стандарт» заявляла, что Даррелл «в очередной раз порадовал своих поклонников и натуралистов-любителей во всем мире». Морис Уиггин в «Санди таймс» писал, что книгу Даррелла «легко читать, трудно отложить в сторону, а экспедиция в ней описана удивительно интересно и захватывающе. Это увлекательное повествование раскрывает перед читателем те трудности, сложности, радости и чудеса организации, которые стоят за каждым из фильмов мистера Даррелла о природе».

В конце 1966 года Фонд охраны дикой природы организовал грандиозный благотворительный бал для своих членов и высшего света острова. Мероприятие прошло с огромным успехом. Среди присутствующих выделялся высокий темнокожий чисто выбритый мужчина, облаченный не в обычный смокинг, а в роскошное одеяние королевства Бафут. Сначала его приняли за самого Фона, но при ближайшем рассмотрении заметили веселые, голубые, чисто европейские глаза и бархатный голос, говоривший на исковерканном английском с неисправимым культурным акцентом. Загадка раскрылась очень скоро — Джерри прибыл на Бал в Черно-белом стиле в виде черного Фона. Ради этого он даже сбрил свою бороду — единственный раз в жизни.

Дело сбора средств для Фонда взяла в свои руки леди Саранна Калторп, молодая женщина, близко подружившаяся с Джеральдом и Джеки. Она появилась в их жизни примерно год назад. Джеральд случайно познакомился с ней в аэропорту, где она продавала флажки для местного благотворительного общества, и был поражен ее красотой, интеллигентностью и поистине ирландским шармом. Она родилась в Ирландии, работала стюардессой, затем вышла замуж за летчика, ирландского аристократа Питера Сомерсета, лорда Калторпа. По приглашению Джеральда и Джеки, Саранна Калторп вместе с леди Джерси организовала множество благотворительных мероприятий Фонда на острове — балы, концерты и тому подобное, — чтобы собрать пожертвования у богатых жителей Джерси.

Но средства, собранные подобным образом, были лишь каплей в море. Денег требовалось гораздо больше. Зимой 1966/67 года в жизни зоопарка разразился самый страшный кризис. Не было денег, чтобы платить жалованье сотрудникам, не на что было кормить зверей. Джеральд обратился к управляющему Национальным банком, Рею Ле Корню, с просьбой о встрече. Он лежал в постели с простудой, но Джеральд пришел к нему с бутылкой шампанского, что, по его мнению, было лучшим средством от всех болезней. Целый час он просидел на постели управляющего, прилагая все усилия, чтобы заставить банкира изменить свое решение. Наконец Ле Корню согласился дать зоопарку еще один шанс, отвернулся к стене и провалился в глубокий, целительный сон, а Джеральд на цыпочках вышел из комнаты. С этого момента все изменилось. Услышав новости, мэр Джерси предложил платить жалованье сотрудникам зоопарка, что помогло продержаться до весны.

Многие животные до сих пор жили в тех клетках, которые были сооружены еще при организации зоопарка. Основная задача — разведение животных в неволе — не решалась. Если зоопарк хотел развиваться, ему были нужны дополнительные средства.

«Мы разработали десятилетний план, — объявил Джеральд. — Нам нужно 200 тысяч фунтов (два миллиона на современные деньги). Из этих средств 100 тысяч пойдет на расширение зоопарка, постройку новых павильонов, а другие 100 тысяч предназначены на реализацию задач Фонда».

Джеральд писал, что за то время, которое он посвятил написанию своего плана, четыре вида животных навсегда исчезли с лица Земли, а судьба еще четырех — орангутан, окапи, один из видов журавлей и земляная белка — весьма неясна. Ситуация требует срочного вмешательства.

Джеральд не переставал думать о Корфу. В свое время он предложил своему приятелю с Би-би-си экранизировать «Мою семью и других зверей». Летом он показал сценарий Парсонсу Крису. Заинтересованный материалом и натурой, Парсонс предложил проект студии Би-би-си-2, под руководством Дэвида Эттенборо. Парсонс предлагал экранизировать «Мою семью», совместив этот материал с рассказом о путешествиях и естественной истории.

Дэвид Эттенборо возразил, что у отдела естественной истории нет опыта съемок художественных фильмов; тогда Даррелл предложил снять более документальный фильм «Сад богов», в котором он расскажет об острове своего детства. Джеральд собирался снимать путешествие по острову своего «крестника», роль которого должен был играть Андреас Дамаскинос (сын главы туристической службы Корфу), своего рода юный двойник рассказчика, придуманный специально для фильма. Андреас должен был воспринимать все чудеса острова как ребенок, каким когда-то был Джеральд, а сам Джеральд исполнял роль его наставника. И в то же самое время Джеральда сопровождал его собственный наставник, достопочтенный Тео Стефанидес.

Перспектива съемок фильма на Корфу очень вдохновляла Джеральда. Но печальные новости из Франции сильно его огорчили. 1 января 1967 года от рака легких в женевской клинике умерла Клод, единственная подлинная любовь Лоуренса. Лоуренс был безутешен, и Джеральд серьезно о нем беспокоился.

Немного отвлечься от семейных переживаний Джеральду помогла работа над новой книгой, юмористическим романом «Рози — моя родня». Следом за этим Крис Парсонс выступил с идеей съемок новой программы для Би-би-си, на этот раз в цвете. Программа называлась «Животные и люди» и была посвящена известным людям, тем или иным образом связанным с животными, — например, Питеру Скотту. Примерно две недели съемочная группа работала на Джерси, пытаясь запечатлеть типичный день работы Фонда от рассвета до заката. Завершаться фильм должен был семейной сценой в гостиной Джеральда. Крис Парсонс вспоминал:

«По собственному опыту я знал, что это — самая приятная часть дня. Я всегда ждал того момента, когда на полу расположатся животные — в буквальном смысле слова. Первым приходил Кипер, дружелюбный боксер, носившийся по квартире Даррелла большую часть дня. В клетке в углу гостиной резвились африканские белки. Несомненно, самыми очаровательными белками на свете были африканские земляные. По вечерам, когда суматоха в квартире Даррелла затихала, беличью клетку открывали, и начиналось представление, которому могли бы позавидовать самые известные кабаре мира. Африканские земляные белки — комики по натуре. Они носились по комнате, выделывали разные трюки, а мы, открыв рот, наблюдали за ними и то и дело разражались восторженными аплодисментами».

Камера, софиты, полная комната народа смущали Тимоти, главу семейства африканских белок. Прошло несколько дней, прежде чем он освоился в непривычной обстановке. Джеральд постоянно подшучивал над самим собой. Когда съемки закончились, он написал длинное письмо руководителю программы, Фрэнку Шеррету, в котором сообщат, что он является агентом двух животных, занятых в фильме, и хочет провести переговоры от лица своих клиентов.

«Тимоти Тестикл вынужден был терпеть вторжение в его личную комнату массы людей, нахальных и навязчивых, яркий свет и шум. И в такой обстановке от него требовали таких вещей, которые заставили бы задуматься даже жену Бертрама Миллза. Он должен был демонстрировать чудеса Большого балета на ковре, играть с крупным и потенциально опасным плотоядным зверем, развлекать собаку, стоять на задних лапках и морщить нос, а потом валяться на коленях моей жены, демонстрируя для всеобщего обозрения интимные детали своего тела, при этом истерически хихикая.

Полагаю, дорогой мистер Шеррет, вы согласитесь, что, поскольку все это он честно исполнил, не имея подписанного контракта, компания должна проявить по отношению к нему определенную щедрость. Я уполномочен потребовать от компании гонорар в размере:

1 пакета фундука;

300 экземпляров «Радио Таймс» (для устройства постели);

2 флаконов «Шанель» № 5; бесперебойной поставки картофельных чипсов;

1 самки белки, примерно трех лет от роду в хорошем состоянии».

Боксеру Киперу Джеральд потребовал аналогичного гонорара, разве что белку он заменил на суку боксера, добавил четыре тонны шоколадного печенья и ежегодное посещение «дамы из Тринга, чьим любимым занятием является ловля блох».

23 мая 1967 года Джеральд, Джеки и Дорин Эванс вернулись на Корфу и снова остановились в квартире сестры Тео. Джеральд отправил Спенсеру Кертису Брауну рукопись «Рози — моя родня» незадолго до отъезда с Джерси. На Корфу его ожидал довольно холодный ответ из издательства «Коллинз». Редактор предлагал изменить название, а также внести существенные изменения в текст. Джеральд был в ярости. «Вы знаете, что я не слишком высокого мнения о своих писательских способностях, — писал он Кертису Брауну, — и я всегда готов внести изменения, рекомендованные редактором, однако в отношении названия я буду совершенно непреклонен. Книга будет называться «Рози — моя родня» или вообще не выйдет в свет. Можете вернуть мне рукопись. Я приехал на Корфу, чтобы немного отдохнуть, поэтому у меня будет время, чтобы поработать над текстом, хотя претензии редактора кажутся мне смехотворными».

В июле Дарреллы встретились с Тео Стефанидесом. Тео поседел, но его осанка осталась такой же величавой. Более всего он напоминал натуралиста викторианской эпохи. Прилетев на Корфу для съемок «Сада богов», Крис Парсонс с непривычно большой съемочной группой разместился в отеле «Эгли», владельцем которого был Менелаос Кондос, друг детства Джеральда. Отель располагался на дороге, ведущей от белоснежно-белого к землянично-розовому дому. Из него было легко добраться к Шахматным полям, венецианским соляным копям, оливковым рощам, невысоким холмам, на пляж и на Мышиный остров. Съемки должны были продлиться не меньше месяца. По времени они совпали с фестивалем в честь святого Спиридиона, святого покровителя Корфу. Мощи святого проносились по улицам столицы в специальной серебряной раке. Праздник проходил очень торжественно.

«Снимать «Сад богов» было очень приятно, — вспоминал Крис Парсонс. — Особенно радовало огромное разнообразие тем. Мы слегка касались истории Корфу, народной музыки и танцев, показывали великолепные ландшафты острова, а потом переходили к сценам, связанным с жизнью живой природы, которые всегда уходили своими корнями в детские воспоминания Джеральда об уроках с Теодором».

Но не все было так безоблачно. «Настроение мне портили только постоянные ссоры с Джеки», — признавался Крис Парсонс. Джеки была твердо намерена свести физическую нагрузку Джеральда к минимуму, так как еще весной на Джерси у него случился сердечный приступ. Джерри страдал из-за того, что не может полностью отдаться слиянию со своим обожаемым островом, не может расслабиться. Повсюду его сопровождали операторы и режиссеры. Он мрачнел, чувствуя, как эмоциональный груз прошлого растворяется в суете и суматохе настоящего. Джеральд постоянно жаловался в камеру на валяющиеся повсюду пластиковые бутылки, стаканчики от мороженого и другой мусор, оставленный туристами, которых на Корфу становилось все больше. «В таком настроении, — вспоминал Парсонс, — Джерри не прислушивался к голосу разума, раздражался, становился ужасно упрямым, даже фанатичным. Но в другое время он был настолько обаятельным и милым, что вы могли простить ему все, что угодно». На экране Джеральд выглядит великолепно. Ему всего сорок два года, он плавает и энергично гребет веслами, он обаятелен, полон сил, необычно серьезен — настолько серьезен, что его приходилось уговаривать быть чуть-чуть повеселее.

«Сад богов» стал последним фильмом, снятым Крисом Парсонсом вместе с Джеральдом. Крис считал, что Джеральду так и не удалось полностью раскрыться перед камерой. «Перед камерой он становился невероятно вежлив и скромен, — вспоминал Парсонс. — Интереснее всего с ним было, когда он расслаблялся и был естественным. Тогда его обаяние делало его совершенно другим человеком — великолепным рассказчиком, порой грубым, порой веселым, но всегда свободным. Его шуточки были настолько солеными, что их нельзя было бы дать в эфир даже в самое позднее время».

Тем летом на Корфу отдыхал король Греции Константин со своей женой, королевой Анной-Марией, и матерью Фредерикой. Король оказался страстным любителем природы и животных. Узнав, что Джеральд снимает фильм об острове, он пригласил Дарреллов отобедать с ним во дворце. Среди других гостей были дядя короля, князь Георг Ганноверский, его жена София и будущая королева Испании. «Я не монархистка, — вспоминала Джеки, — и отнеслась к подобному приглашению с предубеждением. Но простота и естественность этих людей сразу же покорили меня. Они были обаятельны, вежливы и совершенно «нормальны». Обед прошел замечательно. Помню, как король передавал сестре хлеб через головы остальных гостей. Вино лилось рекой, а пища была великолепной (и не греческой!). Король совершенно искренне интересовался мнением Джерри по различным вопросам, а Джерри не стеснялся его высказывать. Когда речь зашла об охране окружающей среды и

о той ужасной роли, какую человечество сыграло в исчезновении многих видов животных, Джерри разгорячился, и король его прекрасно понял. Вообще они сошлись во мнениях по большинству из обсуждаемых вопросов. Королева Фредерика принимала активное участие в разговоре. Король предложил Джерри полететь на материк, чтобы своими глазами увидеть ситуацию с охраной окружающей среды в Греции. Но этот план так и не осуществился. Теперь Греция находится в руках «черных полковников», монархия упразднена, а королевская семья живет в изгнании».

Джеральд и Джеки вернулись на Джерси в середине сентября 1967 года. Вскоре после этого внимание Джеральда было привлечено к судьбе очередного вида животных. На этот раз он заинтересовался вулканическими кроликами, или тепоринго, обитавшими на склонах вулканов вокруг Мехико. Эти зверьки находились на грани исчезновения, так как скот вытаптывал траву, а охотники натаскивали на них собак. На бумаге вулканические кролики считались под охраной, но мексиканские власти считали совершенно излишним патрулировать район, где обитали эти зверьки. Несмотря на то, что мясо кроликов было невкусным, а мех не представлял никакой ценности, местные охотники практиковались на них в стрельбе. «Я подумал, что это замечательный повод проверить работу нашего Фонда в действии, — вспоминал Даррелл. — Мы вполне могли поработать с этим зверьком, так как он был довольно маленьким. Если нам удастся проявить достаточно терпения и настойчивости, мы вполне сможем спасти вулканического кролика от уничтожения». Оставался ряд чисто технических проблем — кролики питались исключительно местной разновидностью люцерны, которую на Джерси найти было невозможно. К тому же они привыкли жить довольно высоко, а Джерсийский зоопарк располагался практически на уровне моря, но Джеральд считал, что попытаться все равно стоит. Так родилась идея мексиканской экспедиции и началась работа по спасению конкретного вида животных. Джеральд намеревался создать жизнеспособную колонию вулканических кроликов в Джерсийском зоопарке и тем самым спасти этот вид от уничтожения.

15 января 1968 года Джеральд, Джеки, Дорин Эванс и Пегги Пил, сотрудница Би-би-си, отплыли из Антверпена в Мексику на борту немецкого торгового судна. Через три недели они прибыли в Веракрус, где к ним присоединился Шеп Маллет, куратор отдела птиц, и Дикс Бранч, американский студент, живущий в Мексике. Дикс стал переводчиком, водителем и главным организатором поездки.

В течение первой недели экспедиция двигалась на юг, по направлению к границе с Гватемалой, разыскивая редкие виды птиц — в частности толстоклювого попугая, которому также грозило уничтожение. Штаб-квартира экспедиции расположилась в Мехико, откуда было легко добираться до вулканов, на склонах которых обитали кролики. Перспективы экспедиции не были безоблачными. Никто из иностранцев ранее не проявлял интереса к вулканическим кроликам, в местном зоопарке их не было, а мексиканское министерство по делам фауны не собиралось помогать. Большинство из тех, кому Джеральд рассказывал о своих планах, лишь с сомнением качали головой и повторяли, что проект кажется им очень сложным.

Одна из проблем заключалась в незначительном количестве животных. Вторая — в том, что обитали они на обширной, заросшей травой закатон территории на склонах вулканов Попокатепетль и Икстачиуатль. Еще одна сложность сводилась к тому, что лесники Национального парка Попокатепетль, которые должны были охранять кроликов, часто ловили и ели их.

Первая охота на кроликов прошла как обычно. Джеральд хотел быть на месте еще до рассвета, надеясь застать кроликов выбирающимися из нор. Экспедиция выехала из Мехико в 4.30 утра. К рассвету они уже достигли склонов Попокатепетля, пересекли альпийские луга и не заметили никакой живности. Целый день они бродили по парку, с непривычки задыхаясь от разреженного чистого воздуха. Как-то раз им удалось заметить вулканического кролика, который перебежал дорогу и скрылся в густой траве. Между деревьев они обнаружили несколько кроличьих тропинок и первую нору, а за ней другую. Первая нора оказалась пустой, а во второй звероловы нашли всего лишь клочок кроличьего пуха. Целый день они бродили по черной вулканической породе и рылись в глубоких норах — норы вулканических кроликов достигают длины в сорок футов. Но ни один кролик им так и не попался.

Разочарование было невероятно сильным. Джеральд впал в черную депрессию. Вернувшись в Мехико, он молча рухнул в кресло и замер. Его лицо покраснело. Пегги Пил забеспокоилась, только ли он расстроен, не признак ли это клинической депрессии.

Вторую вылазку Джеральд осуществил в другую часть Национального парка. Они поднялись на пятнадцать тысяч футов, отправившись из маленькой деревушки Амекамека. На этот раз звероловы обратились за помощью к местным индейцам. После довольно сложной охоты им наконец

удалось поймать самку тепоринго. Джеральд был в восторге. Он был на пути к успеху — или, по крайней мере, ему так казалось. Тепоринго оказался симпатичным маленьким зверьком шоколадно-коричневого цвета. «Джерри показывал нам, насколько тепоринго отличается от обычных кроликов, — вспоминала Пегги Пил. — У зверька был совершенно иной череп, небольшие ушки, а хвост полностью прятался в густом мехе и был практически незаметен. Тепоринго не прыгают, как кролики, а очень быстро бегают. У них есть «голос». Вулканические кролики общаются, издавая высокие, резкие звуки. Но самым интересным в них оказались... блохи! Это были первобытные блохи, которых ранее находили только в окаменелостях. Оказалось, что они преспокойно продолжают существовать, паразитируя на тепоринго».

Крольчиха была с триумфом доставлена в Мехико, где сразу же согласилась кормиться яблоками, морковью и люцерной. Очень скоро она стала совершенно ручной. Но одного кролика для создания жизнеспособной колонии недостаточно. Джеральд отказался от идеи ловить кроликов самостоятельно — работать на такой высоте было очень сложно, а кролики оказались слишком шустрыми. Тогда он прибегнул к способу, которым прекрасно пользовался еще в Камеруне, — он стал платить местным жителям за пойманных зверьков. Три недели местные индейцы бродили по склонам вулканов в поисках тепоринго. Время шло, а животных не прибавлялось. Джеральд был в отчаянии, он не мог вернуться на Джерси с единственным кроликом — это означало бы, что дорогостоящая трехмесячная экспедиция пошла прахом. Это был полный провал. В середине марта индейцы доставили Джеральду четырех вулканических кроликов, но все они оказались самками. И на этом везение закончилось. Без самца создать жизнеспособную колонию тепоринго на Джерси было невозможно.

Через несколько дней Шеп Маллет улетел в Англию, увозя с собой пять самок тепоринго и несколько редких птиц, в том числе три пары толстоклювых попугаев, мексиканских черных древесных уток и изумрудных туканов. Через пять дней остальные участники экспедиции отплыли из Мехико в Антверпен. Путешествие должно было продлиться пять недель. По пути судно заходило в США. Дикс Бранч остался в Мексике. Он должен был любыми средствами раздобыть самца тепоринго...

По пути из Мехико Джеральд начал диктовать первую часть новой книги, долгожданного продолжения «Моей семьи». Путешествие было долгим. Он уже собирался приступить ко второй половине, но его мысли были полностью заняты вулканическими кроликами. В начале мая он вернулся на Джерси и с нетерпением стал ожидать сообщения от Дикса Бранча. За это время Бранчу удалось раздобыть еще шесть кроликов, причем два из них были самцами. Он отправил зверьков самолетом в Лондон. За время ожидания самолета до Джерси в Лондонском аэропорту один из самцов сдох. На Джерси умер и второй самец, а также две самки. Хотя в зоопарке и удалось получить четырех детенышей вулканического кролика, все они оказались самками. Три детеныша умерли. Колония оказалась совершенно нежизнеспособной. Она состояла из восьми самок. Вулканический кролик и сейчас находится на грани исчезновения.

Неудачу с вулканическими кроликами компенсировал успех в разведении белоухих фазанов. Это была первая серьезная удача Фонда в деле разведения редких видов животных в неволе. Белоухий фазан — красивая, грациозная птица, обитавшая некогда в Китае и Тибете. Из-за неумеренной охоты и вторжения человека в среду обитания этих птиц они оказались на грани исчезновения. В неволе содержалось всего восемнадцать фазанов, ни один из которых не был способен к размножению. Джерсийскому зоопарку посчастливилось обзавестись двумя парами белоухих фазанов и получить от них потомство. Джеральд писал: «Сегодня великий день в истории нашего зоопарка. Мы с Шепом Маллетом с гордостью смотрели на тринадцать крохотных пушистых птенцов, желтеньких с темными шоколадными пятнами, толпящихся вокруг своей приемной матери, курицы-бентамки. Они так суетились, что более всего походили на заводные игрушки». Если эти птицы действительно исчезнут в среде естественного обитания, Джерсийский зоопарк может восстановить поголовье с помощью собственной колонии.

К этому времени Джеральд уже закончил новую книгу, назвав ее «Птицы, звери и родственники». Она понравилась Кертису Брауну. Джеральд писал Алану Томасу: «Я сильно сомневаюсь, что после публикации моей книги кто-то из родственников продолжит общаться со мной».

Чтобы отвлечься от неприятных перемен, происходящих с островом его детства, Джеральд решил снова вернуться в годы своего детства. Корфу по-прежнему будит в нем прилив вдохновения, что прекрасно ощущалось в новой книге.

«Птицы, звери и родственники» вышли в свет в следующем году и были благожелательно встречены и критикой, и членами семьи. «Великолепная книга, рассказывающая о простых и вечных вещах, — писал Гэвин Максвелл в «Нью-Йорк таймс бук ревью». — Прекрасные воспоминания о детстве с высоты среднего возраста». «Санди таймс» подхватывала: «Даррелл с легкостью отправляет нас на залитые солнцем пляжи и в оливковые рощи Корфу. Читатели с увлечением следят за личной жизнью моллюсков, ухаживанием улиток и каракатиц. Взгляд опытного натуралиста в книгах Даррелла заменяется чистым и искренним интересом ребенка. Стилю Даррелла мог бы позавидовать сам Хадсон. Ему удалось создать кристальный волшебный мир, в который его читатель входит с благодарностью и восхищением».

В июне в семье Дарреллов произошла еще одна неприятность. Лесли со своей женой Дорис вернулись из Кении, имея при себе лишь 75 фунтов и личные вещи. Они остановились в доме Маргарет на Сент-Олбенс-авеню, чтобы разобраться в собственных отношениях.

Лесли не удалось преуспеть в Кении. Еще прошлой осенью до Джеральда доходили слухи о разразившемся в Африке скандале. 6 октября 1967 года мистер Вейлис написал Джеральду из Южного Девона. В письме говорилось: «У вашего брата Лесли возникли серьезные финансовые затруднения, что, к сожалению, сказалось на состоянии моей матери. Лесли сообщил моей матери, что написал вам о своем положении». Как оказалось, Лесли вытянул у пожилой женщины приличную сумму якобы на нужды школы, в которой он работал казначеем. Джеральд немедленно отправил брату раздраженное письмо. «Если ты считаешь, что я вечно буду разгребать твое дерьмо, — писал он, — то хочу сообщить тебе, что не собираюсь помогать тебе финансово. Я категорически возражаю против того, чтобы незнакомые люди обращались ко мне с письмами и считали, что единственная моя цель в жизни — это спасать тебя и их матерей». Джеральд не стал помогать брату. Он не хотел иметь ничего общего с братом-уголовником, который мог бросить тень на репутацию его Фонда, если бы о его поведении узнали журналисты. Поскольку больше обратиться Лесли было не к кому, он бросил работу и дом и вернулся в Англию. Африканизация Кении, получившей независимость, шла полным ходом, перспективы получения новой работы равнялись нулю, поэтому Лесли и Дорис сели на первый же самолет, бросив все свое имущество.

Естественно, журналисты обо всем узнали. Ли Лэнгли из «Гардиан» удалось выследить Лесли в Лондоне, где он с женой стал работать консьержем. «Лесли очень похож на Лоуренса, — писал Лэнгли. — Невысокий, плотный с одутловатым лицом и яркими синими глазами. Это вежливый мужчина пятидесяти трех лет в твидовом костюме. Более всего он напоминает создателя империи на покое. Ему нелегко живется, имея таких знаменитых братьев. «Я вел себя в Африке ужасно, — говорит он. — Когда люди узнавали, что я брат Джерри и Ларри, они начинали таращиться на меня, словно в зоопарке. Они просто приходили и смотрели на меня...» Работа консьержа приносит немного денег, но зато Лесли есть где жить и он уверен в своем будущем. Лесли пишет книгу для детей и порой выбирается на охоту. «Я часто охотился в Африке, — говорит он, — мы всегда могли рассчитывать на утку к обеду. Но со временем охота мне наскучила. Я утратил вкус к охоте».

Хотя Маргарет продолжала время от времени навещать Лесли и Дорис, ни Джеральд, ни Ларри не хотели иметь ничего общего со своим беспутным братцем. Но были и те, кто воспринимал Лесли иначе. Среди них был Питер Скотт (не имеющий ничего общего с сэром Питером Скоттом), друг и работодатель Лесли в Кении в течение первых трех лет его жизни в Африке. Скотт очень тепло относился к Лесли и к его жене Дорис. По словам Скотта, Лесли был замечательным рассказчиком, из которого мог бы выйти прекрасный писатель. «Но он оказался аутсайдером — средний брат, не имеющий полезных для общества талантов, испорченный безалаберным детством, — вспоминал Скотт. — Он практически не общался с Лоуренсом. Однажды он попытался навестить Лоуренса в Париже, но жена старшего брата отказалась принять его. Скорее всего, он хотел одолжить денег».

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

СРЫВ: 1968-1970

В конце июля 1968 года Джеральд, Джеки и Дорин Эванс снова отправились на Корфу, на этот раз с легковой машиной и полноприводным «Лендровером», чтобы иметь возможность путешествовать по самым отдаленным уголкам острова. Они провели в Греции два месяца. За это время Джеральд прошел путь из рая в личный ад.

Путешествие начиналось прекрасно. Права на фильм «Моя семья и другие звери» были приобретены лондонской кинокомпанией «Мемориал Энтерпрайз», которую возглавляли актер Альберт Финни и продюсер Сакл Медвин. Джеральд собирался на Корфу поработать над сценарием, а помочь ему в этом должен был его друг, актер Питер Булл, собиравшийся прилететь на Корфу на пару дней. Крупный, веселый, добрый, эллинофил Питер вошел в жизнь Даррелов довольно давно. Он познакомился с Ларри в Лондоне еще до войны, а его брат пытался жениться на Маргарет. Джеральд и Джеки встретили Питера на Корфу несколькими годами раньше. Именно Питер, давний и верный друг Даррелов, убедил Фннни а Медвина купить права на экранизацию «Моей семьи».

В начале августа Финни прилетел на Корфу, чтобы встретиться с Даррелом и обсудить вопросы, связанные с фильмом. Джеральд напряженно работал. Дорин Эванс приходилось подниматься в шесть утра, чтобы четыре часа стенографировать наметки сценария. К концу августа сценарий был вчерне готов, в начале сентября Дорин отпечатала его набело в трех экземплярах, чтобы предоставить его Финни. К сожалению, между Финни и Джеральдом возникла чисто человеческая неприязнь. Финни считал, что Джеральда испортило привилегированное детство в колониальной Индии (по крайней мере, так казалось Джеральду), а Джеральд с раздражением относился к чрезмерной страсти Финни подчеркивать свое пролетарское происхождение. Сценарий, созданный Джеральдом и Питером Буллом, получился замечательным, но Финни он почему-то не понравился, и он уступил права на него студии «И-Эм-Ай». Время шло, работа стояла. К сожалению, этот фильм так никогда и не вышел на экраны.

Тем летом на Корфу перебывали почти все члены и друзья семьи Даррелов. Почти все лето на острове прожила Маргарет, потом приехала замечательная тетя Пру, а за ней Ларри, все еще переживающий смерть Клод. Ларри был мрачен, грустил, почти ни с кем не разговаривал. («Так много друзей умерло, — писал он, — что я чувствую себя, как на кладбище... Черт бы побрал все вокруг!») Дикс Бранч прилетел из Мехико, приехали Алан и Ширли Томас, Май Цеттерлинг, Дэвид Хыоз, Ксан и Дафна Филдинг. Питер Булл привез из Штатов приятеля, красивого, молодого танцора. Для Дорин Эванс постоянные приезды и отъезды многочисленных гостей были сущим мучением.

«Вчера была великая ночь, — писала она домой 21 августа. — Фильм, который мы снимали на Корфу прошлым летом, «Сад богов», показывали в «Казино» всем тем, кто помогал нам в съемках. Мы пригласили всех — рыбаков, бравших нас на ночную рыбалку, архиепископа и даже полковника, управляющего Корфу при новом режиме. Присутствовала сестра принца Филиппа и ее семья, а также множество немецких принцесс! Фильм всем понравился. Это был настоящий успех!» 12 сентября Дорин написала новое письмо с отчетом о том, как они принимали принца Майкла Кентского — «симпатичного, спокойного, очень одинокого мальчика» — и возили его на экскурсию в Сидари, в северную часть острова.

Лето в Греции выдалось довольно дождливым и прохладным, но погода не мешала веселым экскурсиям по острову и ближайшим маленьким островкам. Однажды Даррелы добрались до Афры, просторной, но заброшенной венецианской виллы, принадлежавшей аристократической семье Куркумелли. «Мы доехали до горной деревушки на юге острова, — вспоминала Дорин. — Улочки были таким узкими, что нам пришлось оставить машину на дороге и пойти пешком. Нас сразу же окружила толпа местных мальчишек, которые с гордостью показали нам свою деревню. Это самая богатая деревня на острове — но и самая грязная. Все высыпали на улицу или стояли в дверях своих домов. Они трогали меня за лицо и волосы. Марго довольно нелегко было объяснить, что я не только «красивая», но и «хорошая»! Ее слова были встречены взрывом аплодисментов, но потом она испортила все впечатление, сказав, что единственное известное мне греческое слово — это «постель»! Очень типично для Мардж. Она всегда сначала говорит, а потом думает».

Афра — это самое известное и романтическое поместье Корфу. Дом построен на развалинах монастыря XIII века предком Куркумелли в XVIII веке. Крышу поддерживают колонны в римском стиле, а розовый фасад сразу же напоминает о средневековой Венеции. Дом окружает роскошный сад из магнолий и олив. Роскошная обстановка делает дом величественным и прекрасным. Мария Куркумелли, владелица поместья, элегантная старая дама, была давней подругой Джеральда. «Это сказочная женщина, — писал он Алану Томасу. — Она живет совершенно одна в огромном разрушающемся доме, пытаясь поддерживать его существование. Но победить в этой борьбе ей не удастся, так как она очень ограничена в средствах. Джеральд надеялся, что Алан приедет посмотреть на коллекцию старинных книг, которую хозяйка хотела продать, чтобы получить деньга на ремонт дома. «Полы в доме прогнили насквозь. Некоторые балки видели еще ее дедушку и даже прапрапрадедушку».

Поездки по острову угнетали Джеральда. Если в Мексике его мучило сознание бесполезности своего труда, то Корфу терзал его исчезновением того острова, который он запомнил еще в детстве. Вот что произошло с красивейшим местом острова — Палеокрастицей, восхитительным пляжем, над которым возвышался холм, где раскинулся древний монастырь. Вплоть до середины XX века Палеокрастица оставалась неприкосновенной — два дома, небольшой отель, тишина и покой. Но теперь все изменилось. «Они превратили Палеокрастицу в греческий Маргейт», — жаловался Джеральд другу. Очень скоро он увидел цементовозы, направляющиеся в Эдем его детства, в Соловьиную долину. Палеокрастица символизировала для Даррелла перемены, происходящие на Корфу, а в меняющемся Корфу он видел современный мир. «Мы подобны глупым детям, — протестовал он. — Нам посчастливилось жить в сложном и прекрасном саду, а мы пытаемся превратить его в бесплодную и истощенную пустыню».

Но как он мог возражать против желания бедных людей жить лучше? Почему ради удовлетворения прихотей нескольких привилегированных иностранцев этот остров должен был замереть в своем развитии навсегда? Разве можно остановить развитие человечества? Но Джеральд хотел не этого. Он говорил, что все перемены нужно производить с умом. Корфу не менялся, он просто исчезал. «Когда греческий крестьянин строит отель, он не может сделать этого со вкусом, — писал Джеральд. — Любой французский крестьянин даст ему сто очков вперед. Полное отсутствие контроля, абсолютная бесчувственность... Когда-то давно на остров каждые две недели прибывали — вы только подумайте! — пятьдесят туристов, и этому мизерному количеству иностранцев удавалось внести в жизнь Корфу полную сумятицу и панику. А теперь...»

Джеральд решительно возражал против разрушения Корфу. Он даже написал меморандум и направил его греческому премьер-министру. В этом документе он писал: «Полагаю, что власти Афин смогут найти способ помочь местному населению, которое так же, как и я, обеспокоено слишком быстрым и безвкусным развитием острова». Джеральд испытывал чувство вины за уничтожение Корфу. Его книги способствовали росту популярности греческих островов во всем мире. Он беспокоился, что «Сад богов» окажет на публику то же воздействие, что и «Моя семья и другие звери». «Боюсь, что, несмотря на все мои усилия, фильм будет способствовать развитию, а не сокращению туризма на Корфу», — писал он своей подруге Марии Аспиоти.

Однако развитие Корфу не касалось основных, самых важных моментов жизни острова. На Корфу по-прежнему было очень мало дорог, и ни одна из них не была заасфальтирована. Большая часть острова, особенно северо-восток, где до войны жили Дарреллы, оставалась нетронутой. Джеральд собирался купить участок земли с оливковыми рощами и садом на холме Кулура, неподалеку от Калами, где когда-то жил Ларри. Правда, владелец участка почему-то наотрез отказывался продавать землю.

Когда посетить Корфу высказали желание сэр Жиль Гатри с женой, Джеральд написал им о том, что следует посмотреть и с кем познакомиться. «Чтобы вы не побеспокоили и не оскорбили моих друзей, — писал он, — дам вам несколько полезных советов, которым, я надеюсь, вы последуете. Все греки на Корфу — сумасшедшие. Если вы хотите куда-нибудь поехать, обращайтесь к сыну Спиро. Если хотите что-нибудь попробовать, особенно осьминогов, идите к Василию («он похож на верблюда. Это самый стремительный, остроумный и вульгарный грек на Корфу»), владельцу ресторана «Темис». «Чтобы устроить себе познавательную поездку, обращайтесь к мисс Марии Аспиоти, — советовал Даррелл. — Она совершенно очаровательна, и ее познания в истории острова и любовь к нему безмерны». Стоило познакомиться и с известным бандитом, Христосом. Узнать его несложно — «голос у него, как у лягушки, больной ларингитом, а от его английского Шекспир перевернулся бы в гробу». Советовал Даррелл своим друзьям посетить и братьев Маниссов — некоронованных королей Корфу, живших на одной из самых красивых вилл острова. Братья могли оказать любую услугу: могли подарить корзину свежего картофеля, а могли устроить изнасилование с убийством. «Закончив оскорблять моих друзей, — продолжал Джеральд, — можете устроить для леди Гатри прогулку вокруг острова. Прилагаю адмиралтейскую карту прошлого века. Я пометил все места, которые могут представлять для вас интерес. Если вам не понравится, значит, мои подозрения оправдались — я всегда считал, что у вас невероятно плохой вкус!»

Во время поездки на Корфу Джеки стала замечать, что Джеральд ведет себя довольно странно. Он стал больше пить — еще до обеда он успевал выпить целую бутылку греческой водки узо. Жить с ним становилось все труднее. Джеки стала задумываться, долго ли она это выдержит. Точную природу состояния Джеральда установить было сложно. Казалось, его обуревает навязчивая идея. Он мог часами слушать одну и ту же музыку — Вивальди или Скотта Джоплина. Как-то раз он фотографировал свой любимый вид — на Мышиный остров в Пераме — и сделал двадцать совер-

шенно одинаковых снимков, словно пытаясь вернуться в волшебный мир своего детства, где он был счастлив, беззаботен — и любим...

Естественно, что определенную роль в состоянии Джеральда сыграл Корфу. «Стоило Джеральду ступить на берег, как он стал совершенно невыносим, — рассказывала Джеки. — Он понял, что не может вернуть прошлое. Вот за что я ненавижу Корфу — за то, что этот остров с ним делает!» Летом 1968 года Джеральд страдал, мучился тяжелыми предчувствиями и страхом, становился раздраженным, непримиримым, противоречивым, часто погружался в мрачное молчание или, напротив, поддавался вспышкам неконтролируемого гнева. Как-то раз он сказал Джеки: «Меня терзают тяжелые, депрессивные мысли. Я чувствую, что хочу совершить самоубийство».

Маргарет тоже осознавала, что с братом что-то происходит. «Я помню, как Джерри расплакался в машине, — вспоминала она. — Он плакал, буквально рыдал навзрыд. Я спросила у него: «Что случилось?» Он не смог ответить. Что-то было не так, и я понимала, что это связано с Джеки». Маргарет казалось, что Энн Питерс, давняя подруга Джеральда, с которой он познакомился на Корфу еще в начале шестидесятых годов, была влюблена в ее брата. «Было бы лучше, если бы он женился на ней, — вспоминала Маргарет. — Я могла влюбляться и разлюблять мужчин, но Джерри не мог — в этом-то и заключалась его проблема. Джерри любил Джеки гораздо дольше, чем она его. Он мог рыдать и напиваться до полусмерти. Не знаю, как он выдерживал такую обстановку».

Лучше всего было бы вернуться на Джерси и обратиться к врачу, но на обратном пути Джеральд решил заехать в зоопарк Басл, чтобы проконсультироваться с директором, Эрнстом Лангом, по ряду вопросов. Джеки и Джеральд вернулись на Джерси только в октябре. Доктор Хантер, семейный врач Даррелов, обследовал Джеральда и посоветовал ему лечь в больницу. Джеки чувствовала, что ухудшение здоровья мужа объясняется невероятной и беспрестанной нагрузкой, связанной с зоопарком. Конечно, это была одна из основных причин, но доктор Хантер считал, что Джеральду придется бороться и с алкоголизмом. Доктор полагал, что Даррелу следует самому принять решение относительно своего здоровья, но Джеки сказала: «Если мы будем ждать так долго, он успеет повеситься». Поэтому была достигнута договоренность, что Джеральд ляжет в дорогую частную клинику «Прайори» на северо-западе Лондона, куда помещали людей, страдающих депрессией, алкоголизмом и наркоманией. В начала 1969 года Джератьд лег в клинику, чтобы пройти трехнедельный курс лечения.

Почему же разразилась такая катастрофа? Джеки вспоминала, что в конце шестидесятых годов Джеральд непрерывно пил. А пил он по одной простой причине — ему нужно было как-то снять стресс, преодолеть свойственную ему застенчивость, обрести храбрость и настойчивость, забыть о своих печалях, убежать от сегодняшнего дня. Как правило, алкоголизм объясняется слабохарактерностью, но в случае с Джеральдом так говорить нельзя. К сожалению, у него была плохая наследственность — и он, и его братья унаследовали склонность к алкоголизму от матери. Иногда казалось, что Джеральда привлекает сама физиология пьянства. Ему нравился сам процесс питья — не важно, будет ли этот напиток чаем или простой водой. Он мог выпить огромное количество жидкости.

Излечиться от пагубной привычки он мог только одним способом — полностью отказавшись от алкоголя. Джеральд сделал такую попытку, но в обстановке постоянного стресса алкоголь не лишал его сил, а скорее помогал справляться с трудностями. Как и Лоуренс, Джеральд не мог работать без алкоголя — ну или, по крайней мере, не мог работать настолько хорошо. Жизнь была трудна. Сделать надо было очень много. Времени не хватало. Он работал постоянно, мозг отказывался справляться с такой нагрузкой, и тогда Джеральд начинал пить. Нужно же было как-то пережить день.

Лечил Джеральда в клинике «Прайори» доктор Флад. — Он просто алкоголик, — сказал доктор Флад Джеки во время их первой встречи.

— Вы полагаете, что я этого не знаю? — ответила Джеки.

— У него были связи на стороне? — поинтересовался доктор.

— Нет, — решительно ответила Джеки. — Никогда.

— Значит, такие связи были у вас?

— Нет. Я никогда не изменяла мужу.

Доктор замолчал и задумался.

— Тогда в чем же причина? — спросил он.

Джеки сказала, что, по ее мнению, основной причиной пьянства Джеральда стала смерть матери. Он был просто не способен свыкнуться с этой мыслью. Но хотя врач успел всего дважды поговорить с Джеральдом, он считал, что причина его пьянства не в этом. Срыв Даррелла объяснялся

сочетанием нескольких причин — стресса, огромной нагрузки, алкоголем, Корфу, зоопарком, смертью матери, кризисом среднего возраста, печальной судьбой животного мира, последствиями перенесенной малярии, гепатитом и тропическими болезнями, подавленностью и внутренними противоречиями души и тела. Джеральд просто не мог справиться с невыносимой тяжестью бытия.

Публикация книга Джеки «Звери в моей постели» издательством «Коллинз» в прошлом году также не способствовала улучшению настроения Джеральда. В своей книге Джеки делилась с читателями такими откровениями: «Я начинаю ненавидеть зоопарк и все, с ним связанное... Я начинала чувствовать, что вышла замуж за зоопарк, а не за человека». Читая книгу своей жены, Джеральд понимал, что если основной причиной его болезни и стала смерть матери, то доконала его собственная жена. Она не смогла поддержать его в трудный момент. Он осиротел дважды.

Словом, Джеральд лег в клинику и прошел стандартный курс лечения, состоящий из огромного количества транквилизаторов, к которым добавлялись приличные количества алкоголя, приносимого в его палату многочисленными доброжелателями (режим клиники не отличался строгостью). По совету доктора Флада, Джеки посещала мужа крайне редко, хотя Саранна Калторп по ее поручению приезжала в клинику ежедневно.

Публикация двух нехудожественных книг слегка облегчила состояние Джеральда. Но более всего он гордился своим юмористическим романом «Рози — моя родня», благодаря которому он почувствовал себя равным Лоуренсу. История Адриана Руквисла, странствующего по эдвардианской Англии с Рози, удивительной слонихой, страдающей печальной склонностью к алкоголю, показалась критикам (по крайней мере американским) «традиционным, неспешным британским романом, который мог бы написать сам Смоллетт». Художественная проза Джеральда была очень старомодна, она была такой же эдвардианской, как и сам Адриан Руквисл. Книга понравилась читателям, но такого успеха, как нехудожественные книги Даррелла, она не имела. Джеральд написал только один роман для взрослых, остальные его книги адресовались детям и подросткам. Почти одновременно с «Рози» в свет вышли «Ослокрады», очаровательная история о том, как двое маленьких англичан помогли своему греческому приятелю украсть и спрятать в укромном месте всех ослов деревни. Обе книги обратили на себя внимание кинопродюсеров. Кен Харпер, независимый британский продюсер, заплатил за «Рози» 25 тысяч фунтов. Фильм так и не был снят, но эта сумма помогла Дарреллу справиться с текущими финансовыми проблемами, в том числе вернуть заем, сделанный ради основания Джерсийского зоопарка.

Через три недели Джеральд вышел из клиники «Прайори» и остановился в лондонской квартире Джимми и Хоуп Платт в надежде хоть как-то приспособиться к нормальной жизни. Доктор Флад посоветовал Джеки некоторое время пожить отдельно. Встретились супруги только в феврале, когда Джеральд вернулся на Джерси. Встреча оказалась довольно сложной. «Хотя я делала все, что было в моих силах, чтобы поддержать его в этот трудный жизненный период, — вспоминала Джеки, — восстановить наши прежние отношения было невозможно». Накачанный лекарствами Джеральд вел себя, «как зомби». Джеки было больно смотреть, как он пытается вернуться к нормальной жизни.

6 февраля Джеральд писал Алану Томасу: «Я чувствую себя гораздо лучше, но все еще продолжаю принимать эти чертовы лекарства, поэтому не могу точно сказать, добился ли я какого-нибудь прогресса, потому что почти все время нахожусь в состоянии некоей заторможенности. Порой я просыпаюсь среди ночи, стоя посреди спальни и недоумевая, какого черта я тут делаю». Джеральд старался изо всех сил, но никак не мог войти в нормальный рабочий ритм. Он был вынужден взять отпуск по болезни и покинуть остров. 18 марта Джеки сообщала Лоуренсу, что Джеральду стало гораздо лучше, но он по-прежнему нуждается в отдыхе. В апреле Джеральд вместе с Джеки и Саранной Калторп отправился на Корфу.

Дарреллы отсутствовали более трех месяцев. Вернулись на Джерси они только в конце июля 1969 года, совершив перед возвращением в Англию короткую поездку по материковой части Греции. Пребывание дома оказалось недолгим. Во время посещения Австралии Джеральд и Джеки очень полюбили эту страну и ее людей. Джеральд мечтал снова вернуться туда — на этот раз не с экспедицией, не ради съемок фильма, а чтобы просто отдохнуть, развеяться, возможно, написать книгу о Большом Барьерном Рифе. Путешествие должно было привести расшатанную психику Джеральда в норму. Два долгих морских путешествия позволили бы ему как следует обдумать положение его зоопарка и самого Фонда.

Кроме Джеки, в этом путешествии Джеральда сопровождали еще две женщины — его помощница Энн Питерс и Саранна Калторп, которую Джеральд пригласил, чувствуя, что ее собственный брак переживает сложный момент. Джеральд любил флиртовать с женщинами. Посторонние могли принять его за прирожденного ловеласа и сердцееда, каким он, в сущности,

никогда не был. «Мне не хочется спать с другими женщинами, — заявлял он. — Я могу изменить только в том случае, если Джеки выведет меня из себя (что, впрочем, она довольно часто делает). Я встречаюсь с массой девушек, с которыми было бы приятно переспать, но это всего лишь безобидные фантазии». Одной из таких фантазий была прекрасная Саранна, в которую он, на взгляд всех окружающих, был страстно влюблен. Но Джеральд никогда не переступал границы дозволенного, не говорил о своей любви и не предпринимал никаких шагов.

22 августа 1969 года Джеральд и Джеки отправились в Лондон и целую неделю провели в Букингемском отеле. 26 августа они устроили прощальный ужин у Берторелли. 30 августа они уже были в Гетеборге, откуда на следующий день отплыли в Австралию.

Через шесть недель они ступили на австралийскую землю. Их встречали вездесущие журналисты. «Что вы чувствуете, будучи замужем за всемирно известным зоологом и писателем?» — спросил один из репортеров у Джеки. «Это чертовски здорово!» — ответила Джеки, но выражение ее глаз заставляло усомниться в искренности этих слов. Несомненно было только одно — брак с мистером Даррелом строился по принципу «любишь меня, люби и моих зверей». К счастью, миссис Даррелл любит животных. «Я замужем за ними уже девятнадцать лет, но я не ем, не пью и не сплю с ними». Миссис Даррелл считает, что ее брак — это равноправное и счастливое партнерство. «Я делаю все, что Джеральд делать не любит».

В Мельбурне Даррелов встретил Питер Гроуз, представитель агентства Кертиса Брауна в Австралии. «Джерри напомнил мне во время нашей первой встречи большого, неуклюжего, очаровательного медведя, — вспоминает Питер. — Бородатый, веселый экстраверт, располневший бонвиван, умеющий получать радость от этой жизни. Иногда он становился серьезен, но, по большей части, он представлялся весельчаком, шутником, душой любой компании. Мне показалось странным, что он путешествует по Австралии в сопровождении сразу трех женщин. Мне сразу же показалось, что он весьма увлечен леди Саранной».

Гроуз не заметил даже и следа недавней болезни Джеральда. Даррелл находился в наилучшей форме. Проблемы возникали у его окружения. Саранна и Энн Питерс не ладили. Они не выносили друг друга. Возможно, причиной этому была ревность. Энн Питерс была влюблена в Джеральда, Джеральд был влюблен в Саранну — довольно трагический треугольник сам по себе, даже не принимая во внимание Джеки. Когда Даррелы направились в Квинсленд через Канберру и Синие горы, атмосфера в небольшой группе путешественников накалилась до крайности, что нарушило гармонию поездки.

Из тропических лесов северного Квинсленда Джеральд отправил открытку Алану и Ширли Томас, в которой описывал уникальное дерево, растущее возле Кернса, — удивительное сплетение воздушных корней. «Мои женщины забрались на это дерево, — шутил он. — Сделать это было нелегко, и двое из них умерли — но шоу должно продолжаться. Открыли несколько новых городов и назвали их Сидней, Мельбурн и Дики-Прики Крик. Обнаружили загадочную тварь с клювом, как у утки, но оказалось, что это леди Калторп».

Рождество Джеральд и его женщины встречали неподалеку от Большого Барьерного Рифа, на борту небольшой рыбацкой лодки. Они взяли с собой припасы и решили отметить Рождество весьма нетрадиционно для тропиков — с замороженным шампанским, холодной индейкой и мороженым. Джеральду не раз доводилось праздновать Рождество в самых удивительных уголках планеты — в промокшей палатке в Западной Африке, заботясь о больном шимпанзе, лежа на скале в Патагонии за съемками колонии морских котиков, в болотах Гвианы за пирогом из маниоки и холодным хвостом аллигатора. Но ни один из этих праздников не мог сравниться с тем, что ожидал его на Большом Барьерном Рифе. Этот день воплотил в себе все шестимесячное путешествие по Австралии. Рождество с кораллами стало кульминацией странствия по этому Эдему.

Джеральд всегда интересовался Большим Барьерным Рифом. Огромный коралловый риф защищает северо-восточное побережье Австралии от волн Тихого океана. Риф состоит из ряда коралловых островов, образующих защитную стену. А подводный мир на рифе настолько богат, сложен и прекрасен, что это даже трудно себе представить. Большой Барьерный Риф — это уникальное место. Джеральду никогда не доводилось видеть ничего подобного — «краски здесь ярче, чем на картинах Матисса, узоры сложнее, чем на персидских коврах, а архитектура прекраснее, чем на Акрополе». Хотя Даррелл так и не написал книги о рифе, он искренне наслаждался временем, проведенным за исследованием этого незнакомого ему мира.

Первую остановку они сделали на небольших островках, где гнездились птицы, которых Джеральду давно хотелось увидеть, голуби пролива Торрес. Отдав якорь, он ступил на коралловый песок. Кораллы скрипели и крошились под их ногами. «Казалось, что мы идем по костям миллиона

динозавров», — писал Джеральд. Крупные молочно-белые голуби, с крупными черными глазами, совершенно не боялись человека, и это им дорого обошлось. Выжить удалось лишь немногим, и теперь этот вид находился под охраной государства.

На лодке Джеральд отправился к границе рифа. Там все надели акваланги и нырнули в теплую воду. Джеральд знал, что можно увидеть под водой, но действительность оказалась настолько прекрасной, что он не смог сдержать крика восхищения и наглотался морской воды.

«Передо мной раскинулись коралловые сады всевозможных цветов и оттенков. Казалось, что я плыву по многоцветному средневековому городу. Вот возвышается шпиль церкви, раскрашенный красным, золотым и желтым. А там рядком стоят маленькие домики под черепичными крышами, белые и искрящиеся, как сахар. Повсюду лежат золотистые и синие раковины каури. Деловитой походкой по дну спешат крабы, снуют черно-желтые угри, а над всем этим великолепием парят рыбы — рыбы огромные и маленькие настолько, что напоминают елочные блестки. Я запомнил удивительную золотисто-зеленую рыбу, напомнившую мне тигровый глаз, которая сновала над громадным коралловым плато. На рифе растет огромное множество анемонов, розовых, белых, кружевных, как викторианский чепец. И повсюду, насколько хватает глаз, видишь главных врагов Барьерного Рифа — крупных морских звезд размером с глубокую тарелку или даже еще больше. Разнообразие живой природы здесь поистине изумительно. Это настоящий биологический фейерверк!»

На рифе царило разнообразие не только красок, но и форм. Джеральд увидел рыб, ощетинившихся иглами, как ежи, у других были рога, как у коров, третьи напоминали коробки или ленты. Ему виделись арфы, топорики, бумеранги, птицы. «Мы были похожи на детей, попавших в огромный магазин игрушек, — писал Джеральд. — Мы плавали среди кораллов, постоянно указывая друг другу на нечто удивительное. Повсюду шныряли разноцветные рыбки, плавно огибая величественные, многоцветные коралловые скульптуры. Природа способна создавать чудеса, которым мог бы позавидовать Голливуд».

Они покинули эту подводную Аркадию, чтобы устроить рождественский обед. Насытившись индейкой и запив ее шампанским, все снова вернулись в подводный рай. Лишь поздно вечером они наконец-то решились покинуть этот сказочный островок. Вечернее небо было нежно-зеленым. Их тела обгорели на солнце, кожа задубела от выступившей на ней соли, головы кружились. И внезапно их глазам предстала удивительная картина. «На небе внезапно появились тысячи мерцающих звездочек, — писал Джеральд. — Когда мы подплыли ближе, оказалось, что это крылья голубей пролива Торреса, которые возвращались к своим гнездам. Белые птицы проносились по зеленому небу, мерцая, словно звезды».

Джеральд мечтал еще раз встретить Рождество на Большом Барьерном Рифе. И хотя это ему не удалось, он навсегда сохранил в своем сердце эту удивительную морскую страну чудес. Неудивительно, что он решительно выступил против планов добычи нефти на Рифе. Хотя австралийское правительство уделяет много внимания защите окружающей среды, местные политики (как, впрочем, и политики во всем мире) готовы были пойти на все ради выгоды. «Средний австралиец, — писал Джеральд в письме, направленном в мельбурнскую газету, — понимает, что он живет на самом удивительном и биологически неповторимом континенте мира. Он осознает необходимость сохранить то, что у него есть, пока не стало слишком поздно. К сожалению, местные политики проявляют удивительное невежество и готовы пожертвовать всем ради овец, опалов, полезных ископаемых и всего того, что сулит быструю прибыль... Охранять окружающую среду в таких условиях нелегко. Нужно просвещать политиков, чтобы они не вели себя, как неразумные дети».

Из Квинсленда Даррелы направились на север Австралии. В марте 1970 года, незадолго до отплытия, Джеральд писал на Джерси:

«Это письмо я пишу в Элис Спрингс. Температура достигает 104 градусов в тени, если эту тень удастся найти. Путешествуя на машине, мы смогли почувствовать красоту и безграничность этой страны. Я пребываю в твердой уверенности, что Австралия — самый удивительный и прекрасный континент на нашей планете. Нам посчастливилось познакомиться с природой Австралии. Мы видели карликовых белок-летяг не крупнее грецкого ореха и рыжих кенгуру ростом со взрослого мужчину, удивительного утконоса и почти столь же необычного зеленого горного опоссума, величественных клинохвостых орлов и огромных какаду, крохотных колибри и разноцветных попугаев».

Но восхищала Даррелла не только природа Австралии. Огромное впечатление на него произвели австралийцы, многие из которых стали членами его Фонда. «Эти люди готовы

способствовать сохранению не только удивительной фауны своего континента, но и прекрасных ландшафтов, среди которых они живут».

В начале мая 1970 года Джеральд, Джеки, Саранна Калторп и Энн Питерс вернулись на Джерси. Спустя некоторое время Джеральд обедал со своим лондонским издателем. Он собирался писать книгу об Австралии и даже придумал название: «Путешествие в страну Оз с тремя Шейлами».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

ПРЕОДОЛЕНИЕ: 1970-1971

В 1970 году жизнь Джеральда понемногу стала приходить в норму. Он сумел преодолеть последствия нервного срыва, хотя еще не смог полностью вернуться к работе. Он попытался сократить потребление виски и курение (теперь Джеральд пытался курить, не затягиваясь). Чтобы преодолеть стресс, он стал заниматься йогой. Джеральд рано поднимался, выпивал чашку чая, а затем усаживался на пол в позе Будды. Он был не просто похож на Будду, он действовал, как Будда, оставаясь неподвижным, а затем приступая к выполнению упражнений — принимая позы лотоса, кобры, стоя на голове. Если бы не йога, как признавался он сам, ему бы не справиться с нервным срывом. Йога спасла ему жизнь. Упражнения способствовали расслаблению, как физическому, так и эмоциональному, что было особенно важно. Йога, говорил Джеральд приятелю, это идеальная жена — «нужно просто попросить о том, что ты хочешь от нее получить». Если бы была его воля, он бы ввел обязательные занятия йогой в школах.

Джеральд редко занимался физическими упражнениями. Он не любил физическую активность. Когда этот путешественник и зверолов попадал домой, он мог сутками сидеть в своем кресле за письменным столом, делая в день не более пятидесяти шагов. Хотя в душе он был кочевником, более всего его привлекал сидячий образ жизни и небольшие домашние радости. «Я обожаю готовить, — повторял он снова и снова. — Это так успокаивает. Счастье для меня — собрать восемь человек за обеденным столом и приготовить для них восхитительное блюдо». Джеральд был настоящим гурманом. Его не терзали моральные угрызения из-за того, что он поедает мясо, рыбу и дичь. «Разумеется, я люблю лосося, — смело заявлял он, — если, конечно, это не последний лосось». «Нельзя быть сентиментальным и содержать зоопарк, — писал Даррелл. — Вам все равно придется кормить животных животными. Можете вы себе представить льва, питающегося собачьими галетами?»

В свое время Джеральду довелось попробовать множество экзотических созданий: игуану («отвратительно»), крокодила («невкусно»), гиппопотама («еще более невкусно»), питона («словно жуешь туалетную бумагу»), камышовых и мешотчатых крыс («очень нежное и вкусное мясо»), медвежью лапу («восхитительно»), бобра («испытание для органов чувств»), дикобраза («замечательное мясо для запекания или копчения»), гуанако («довольно вкусно, но во второй раз пробовать не хочется»), пака («очень нежное мясо»), лошадей («если правильно приготовить, очень вкусно»), чаек («больше никогда!»), фазанов («жирные и сочные»), пингвинов («ужас!»), черных лебедей («очень вкусно») и грачей («замечательно!»), не говоря уже об анакондах, яйцах страусов эму, морских угрях, термитах, саранче и многом, многом другом.

В зоопарке Джеральд обычно ограничивался разнообразными карри, поскольку повседневная суета не оставляла времени на изысканные кушанья. Во Франции же, где он мог немного расслабиться, Джеральд предпочитал роскошную, классическую французскую кухню — с кальвадосом и сливками, коньяком и кровью, калориями и холестерином: заяц в вине с оливками, перепела, тушенные с изюмом и орехами, маринованная оленина. Такую пищу Джеральд называл «сексуальной». «Путь в девичью спальню, — заметил он однажды, — лежит через желудок ее хозяйки».

Джеральд любил развлекаться, хотя лишь на собственных условиях. На вечеринках он чувствовал себя неловко, расслаблялся только у себя дома. В Лондоне он чаще всего посещал ресторан Берторелли, приглашая с собой Теодора Стефанидеса, Пегги Пил, Питера Булла и Алана Томаса с женой. Во Франции его гостями был Лоуренс со своим другом, Дэвид Хьюз и Май Цеттелинг, скульптор Элизабет Фринк с мужем, сосед-художник Тони Дэниелз. На Джерси его навещали только самые близкие друзья и коллеги по зоопарку. Частыми гостями были Сэм и Кэт Уэллер, Джереми Маллинсон, Джон Хартли, а позднее Саймон Хикс и Тони Оллчерч. Маллинсон, Хартли, Хикс и Оллчерч стали особенно близки Джеральду. Он называл их «мальчиками», чем повергал в смущение. «На Джерси, — писал Питер Гроуз, перешедший на работу в лондонский офис

агентства Кертиса Брауна и ставший постоянным агентом Джеральда, — Джерри никогда не приглашал к себе новых людей, предпочитая ограничиваться теми, кто был ему хорошо знаком. Если вы задерживались в поместье, то каждый день за обедом видели одних и тех же людей. Джеральд устраивал роскошные обеды с королевскими порциями мясных блюд. У него были близкие друзья, а во время путешествий этот круг менялся. Более всего он любил окружать себя женщинами. В окружении женщин он чувствовал себя как рыба в воде и ухитрялся одновременно флиртовать со всеми».

Джеральд был очень щедр, и щедрость его не знала границ. Он приглашал своих друзей в лучшие рестораны, заказывал самые дорогие блюда и вина, платил за все из своего кармана. Его щедрость не была показной. Так он проявлял свою любовь и дружбу. Когда его агент по вопросам кино и телевидения Дик Огдерс попал в больницу, Джеральд послал ему две бутылки шампанского, чтобы «поддержать старого пьяницу». Когда его бывшая секретарша Дорин Эванс, ставшая стюардессой, попала в катастрофу, Джеральд сделал ей необычный подарок — огромного скарабея, навозного жука, которому поклонялись в Древнем Египте, оправленного в золото. Он сам поймал этого жука на Корфу и заказал оправу специально для Дорин. Рождество и дни рождения в семье Даррелов отмечались очень торжественно. Джеральд обычно сам писал и рассылал приглашения, часто изображая на них животных или себя с Джеки.

Очень любил Джеральд чтение. «Помимо моих собственных книг, которые я читаю в постели вместо снотворного, — писал он, — я могу читать все, что угодно. Я совершенно всеяден в этом смысле и могу, к ужасу окружающих, одновременно читать пять или шесть книг, разбрасывая их по всему дому и читая по нескольку страниц, когда они попадутся мне на глаза. Дик Фрэнсис (замечательный писатель — я даже ревную!), книга стихов, энциклопедия по сексуальной жизни патагонских ласок, фразеологический словарь... Для меня дом без книг — все равно что пустая раковина. С любовью заполненный книжный шкаф дарит вам тысячи впечатлений, звуков, ароматов и блестящих идей. Книгами нужно восхищаться так же, как многие люди восхищаются драгоценностями, картинами или чудесами архитектуры. Огромная честь иметь возможность перелистывать страницы книги». Когда Джеральд находился в хорошем настроении и в кругу друзей, он начинал читать свои любимые стихи или цитировал отрывки из прозаических книг, как правило, юмористических. Он мог довести всех до слез, читая знаменитое стихотворение Льюиса Кэрролла «Морж и плотник». Если память подводила его, он на ходу сочинял собственные лимерики, по большей части непристойные.

Джеральд часто смотрел телевизор целыми вечерами. Чем более бессмысленной была передача, тем внимательнее он ее смотрел. Он безумно любил фильмы, но почти никогда не ходил в кино, ограничиваясь телевизором. Отвлечь Джеральда от фильма мог только визит друга. Он очень интересовался сверхъестественным и любил фильмы ужасов, особенно тщательно сделанные. Если бы он не стал зоологом, то наверняка выбрал бы карьеру кинорежиссера. Он всегда комфортно чувствовал себя в окружении актеров и режиссеров, в мире кино.

Джеральд очень любил музыку, оставаясь в этом абсолютным католиком. Он никогда не играл ни на каком музыкальном инструменте и редко пел. В классической музыке его вкусы отличались от вкусов Джеки. Она любила романтические оперы, он же предпочитал Моцарта и Вивальди. Джеки страстно любила джаз, Джеральд же увлекался кабаре и мюзиклами, хотя привлекала его и народная музыка разных стран и народов. 7 августа 1961 года он принимал участие в музыкальной программе Би-би-си. Тогда он выбрал для исполнения части из Восьмой симфонии Бетховена, увертюру к «Волшебной флейте» Моцарта, «Гимн Ему» из «Моей прекрасной леди», «Старомодного миллионера» Эрты Китт и «Песню гну» в исполнении Фландерса и Суонна, а также зулусскую музыку, андские мотивы и греческую народную песню, которую он впервые услышал еще в детстве на Корфу.

Джеральд часто рисовал. Обладая замечательным даром рассказчика и рисовальщика, он отлично справлялся с ролью лектора, оживляя свой рассказ набросками на доске. «Он мог увлечь огромную аудиторию Кембриджского университета на целых два часа, рассказывая о сохранении флоры и фауны, — вспоминал Джон Бартон, секретарь Общества охраны фауны и флоры. — И для этого ему нужно было всего несколько листов бумаги и фломастер. В конце вечера ему удавалось собрать сотни фунтов, продавая свои наброски... Он мог выступать еще более увлекательно, когда речь заходила о зоологах и экологах. Его шаржи были узнаваемыми, но не злыми. Сам же он предпочитал действовать, а не переезжать с конференции на конференцию».

К сожалению, не все творения Даррелла увидели свет, но он буквально бурлил от самых разнообразных идей. Он работал над пьесой «Дядюшка Эймос», действие которой разворачивалось на греческом острове, думал о мультфильме для детей, посвященном спасению животных, писал короткие рассказы, которые так и не были опубликованы, работал над поваренной книгой «Холестериновое питание», писал шпионский детектив под названием «Менгеле», автобиографический цикл для телевидения, мюзикл о Дракуле «Я хочу вонзить кол в свое сердце» (в нем были такие арии, как «Какой чудесный день, сегодня можно творить зло» и «Тебе есть что скрывать, доктор Джекил»).

Любимой формой поэзии для Даррелла всегда оставался лимерик. Он мог сочинять эти шутливые стихи в любое время дня и ночи, особенно после щедрых возлияний, и записывал их на всем, что было под рукой, — на подставке под пивной стакан, на меню, салфетках, клочках бумаги. Весной 1970 года после курса позитивной психотерапии, он снова вернулся к любимому занятию — к сочинению лимериков о животных. Джеральд создал грандиозный труд — иллюстрированный бестиарий, в котором были изображения двадцати одного животного и каждому из них был посвящен собственный лимерик. Свое творение Джеральд назвал «Бестиарием леди Саранны».

Эти нехитрые упражнения и занятия помогали Джеральду вернуться к нормальной жизни и спокойно взглянуть в лицо мира. Большую часть лета он провел в путешествиях по южной Франции, беззаботно пируя, пьянствуя и общаясь с друзьями. В конце июня он поселился в отеле города Арль вместе с огромным «гаремом», в который входили Джеки, Саранна Калторп, Пегги Пил и молодая американка Анна Валентайн. В Арле Джеральд встретился с Крисом Парсонсом, чтобы обсудить возможность создания телевизионной программы о своем любимом натуралисте, Анри Фабре. Но Джеральд не хотел медлить. Он признавался Парсонсу: «Я дошел до ручки, поэтому меня было бы лучше пристрелить». Вместе со всеми своими дамами Джеральд отправился навестить Лоуренса. «Мой брат приехал ко мне в сопровождении женщин, — писал Лоуренс Генри Миллеру. — Он путешествует с передвижным сералем, подобно турецкому паше. Или я что-то путаю? Это со мной часто случается». 7 июля вся компания собралась в квартире Одетты Маллинсон, жены Джереми, на Лазурном берегу, где им предстояло встретиться с Май Цеттерлинг и Дэвидом Хьюзом.

Они проводили дни в экскурсиях, походах по магазинам, купаниях, роскошных ленчах и сладком ничегонеделании. Джеральд часто оставался в одиночестве, чтобы поработать над новой книгой, пока все остальные развлекались на пляже. Он начал писать «Филе из палтуса» и 22 июля закончил работу. 4 августа за обедом у него случился сильный сердечный приступ. «У Джеральда впервые случился сердечный приступ, — вспоминала Джеки. — Приступ был очень сильным. За все время, что я прожила вместе с ним, это случилось всего один раз. Французский врач, а потом и невропатолог в Ницце сообщили мне, что приступ был вызван применением ужасного лекарства, прописанного в Англии, и алкоголем. Если он станет придерживаться режима, рекомендованного французскими врачами, его состояние нормализуется и стабилизируется». Французские врачи настаивали, чтобы он выпивал не больше полбутылки красного сухого вина, что казалось для Джеральда совершенно неприемлемым. Но он все же сумел справиться с собой и начал терять вес, набранный за время болезни. Джеральд стал выглядеть лучше и моложе.

В конце августа Джеральд и Джеки вернулись на Джерси. Они отсутствовали, если не считать коротких наездов, почта полтора года. Выздоровление Джеральда серьезно затянулось. В октябре Джеки писала Лоуренсу: «Тебе будет приятно узнать, что Джерри выглядит прекрасно и соблюдает рекомендованный врачами режим. То, что произошло с ним во Франции, было настоящим чудом. Все его жалобы и тоска остались в прошлом, и теперь он снова стал самим собой».

И это действительно было так. В ноябре на Джерси прилетел Крис Парсонс, чтобы снова поговорить о фильме об Анри Фабре. Джеральд хотел снять целый художественный фильм о жизни французского натуралиста, но Парсонс чувствовал, что такой проект не встретит финансовой поддержки на Би-би-си. После отъезда Парсонса Джеральд написан ему шутливое письмо, излагая собственный взгляд на предмет обсуждения.

«Дорогой Веллингтон!

Как всегда, ваш приезд был настоящим испытанием для всех нас, но по прошествии времени мы сумели от него оправиться. Поскольку девяносто процентов всего времени вы провели в постели с прекрасной блондинкой, хочу немного освежить вашу память. Я видел программу о Модильяни, которую вы мне рекомендовали, и теперь у меня появилось множество идей относительно того, как

следует делать фильм о Фабре. Прилагаю краткий черновик, который, несомненно, встретит ваше полное одобрение.

Всегда ваш,
Наполеон».

Черновик действительно оказался весьма кратким и не менее оригинальным.

«Фильм должен начинаться с простого, но эффектного кадра: крупного плана гениталий Фабра. Через весь экран должен проползти небольшой навозный жук, разворачивая за собой полотнище, на котором будет написано название фильма: «Мохнатый Фабр, Колючка Прованса». Когда жук достигнет противоположного края экрана, на него ставят бутылку, экран становится черным и остается таким примерно три с половиной минуты, В это время исполняется душевная провансальская мелодия, исполняемая на расческе, обернутой бумагой... Так я вижу сущность истории Фабра». Парсонс предложил менее раблезианский подход, но Джеральд полностью потерял интерес к проекту и отказался в нем участвовать.

Летом 1972 года Парсонс с женой и съемочной группой Би-би-си прилетел в Прованс. Не успел он разместиться в своем номере, как портье принес ему бутылку шампанского, оставленного, по его словам, мистером Джеральдом Дарреллом «в надежде на то, что этот напиток поможет мистеру Парсонсу преодолеть свою застенчивость». Парсонс спросил, что тот имеет в виду. Портье ответил, что мистер Даррелл сказал ему, что приедет пара молодоженов, которым нужно помочь преодолеть трудности медового месяца. Джеральд разыграл приятеля, но и сам стал жертвой розыгрыша. Парсонос отправил ему телеграмму: «ФИЛЬМ НАХОДИТСЯ ПОД УГРОЗОЙ ВАМ НЕОБХОДИМО НЕМЕДЛЕННО ВЫЛЕТЕТЬ В НЬЮ-ЙОРК». Джеральд не остался в долгу. Парсонс вспоминал:

«На следующий день мы должны были отправиться на север, на очаровательную провансальскую ферму скульптора Элизабет Финк. После обеда, когда все были в прекрасном настроении, муж Элизабет, Тед, принес загадочную посылку, адресованную мне. Тед сказал, что ее оставил известный зоолог, который узнал, что я должен здесь появиться. Я вскрыл коробку с подозрением. Внутри находились шесть предметов, напоминавших коконы императорской бабочки — одного из насекомых, которых мы собирались снимать. Решив посмотреть, как устроены коконы, я начал вскрывать один из них, в котором услышал какой-то странный звук. Внутри я обнаружил плотно скрученный листок бумаги. Развернув его, я прочел весьма грубое замечание относительно Би-би-си. Джеральд Даррелл и тут оставил последнее слово за собой».

Тем временем работа Фонда становилась все более и более серьезной. Дух Фонда прекрасно передан в его простой по формулировке, но очень сложной в исполнении программе. Джеральд Даррелл писал:

«Мы являемся не простым зоопарком в общепринятом смысле этого слова. Мы — убежище для тех видов животных, которые находятся под угрозой уничтожения. Это заповедник, где они могут спокойно жить и размножаться.

Нашей целью является обеспечить надежное убежище для этих животных и создать жизнеспособную колонию. В отличие от обычного зоопарка мы стремимся создать целую колонию одного вида. Как только она будет создана, мы сможем рассылать животных во все концы света, чтобы расселить их в хороших условиях. И когда виду больше ничто не будет угрожать, можно будет приступить к самой важной части проекта — к возвращению животных в естественную среду обитания».

К этому моменту Джерсийский зоопарк, первым в мире занявшийся созданием жизнеспособных колоний одного вида, начал приобретать всемирную известность. Здесь удалось создать колонии различных редких видов животных, многие из которых никогда не размножались в неволе. Несмотря на ограниченные средства, удалось добиться размножения тридцати видов млекопитающих, сорока девяти видов птиц и четырех видов рептилий.

Это было огромным достижением для человека, чье образование ограничивалось всего несколькими месяцами начальной школы. Но Фонд не мог чувствовать себя в безопасности и уверенно смотреть в будущее, пока строения и земли, на которых располагался зоопарк, ему не принадлежали. Срок аренды был рассчитан на пятнадцать лет, а по истечении этого времени майор Фрезер мог вернуться или продать имение другому владельцу. Было ясно, что необходимо собрать средства для выкупа земли в полную собственность, иначе рассчитывать на пожертвования не приходилось.

Сэр Жиль Гатри, финансовый консультант Фонда, начал переговоры. Майор Фрезер сообщил, что готов продать имение за 120 тысяч фунтов. Удалось собрать всего 25 тысяч. Сэр Гатри был встревожен появившимися слухами о том, что Даррелл беззастенчиво пользуется средствами Фонда и пожертвованиями частных лиц в личных целях. Он заявил местным журналистам: «Мистер Даррелл работает в Фонде совершенно бескорыстно. Он сам пожертвовал зоопарку 20 тысяч фунтов наличными. Его экспедиции оплачиваются из его собственных средств, полученных от издания его книг». Удовлетворенный этими объяснениями, Совет Джерси в марте 1971 года согласился пожертвовать 60 тысяч фунтов, чтобы приобрести поместье. 18 марта Джеральд радостно писал своему другу: «Жизнь у нас довольно бурная, но и весьма интересная. Мы наконец-то смогли собрать 120 тысяч фунтов, чтобы приобрести наше поместье. Мы станем его владельцами 2 апреля. Не могу передать словами, какое это облегчение! Теперь мы можем спокойно обращаться в различные организации и собирать средства даже в Северной Америке».

Агент Джеральда, Питер Гроуз, всегда считал Даррелла одним из трех великих людей, с которыми ему довелось встретиться в своей карьере. Двумя другими были Кристофер Ишервуд и нобелевский лауреат из Австралии Патрик Уайт. Но восхищали Гроуза не литературные достижения Даррелла. «Когда я познакомился с ним, — вспоминал Гроуз, — его лучшие книги уже были написаны и он добирал остатки». Теперь Джеральд превратился в довольно заурядного писателя. Хотя сэр Билли Коллинз, глава издательского дома «Коллинз», по-прежнему считал его ведущим автором, редакторам Адриану Хаузу и Филиппу Зиглеру приходилось все больше работать над его рукописями, чтобы сделать их пригодными для публикации. Снижение качества книг Даррелла сильно чувствуется в «Филе из палтуса» и особенно в так и оставшейся незаконченной книге о путешествии в Сьерра-Леоне «Поймайте мне колобуса». Эти книги продавались хуже своих знаменитых предшественниц «Моя семья и другие звери» и «Гончие Бафу-та», но все же были переведены на много языков. Особенно популярными они стали в странах коммунистического блока, и в частности в Советском Союзе. Мятежный взгляд на жизнь Джеральда Даррелла импонировал коммунистам. В то же время были проданы права на экранизацию трех книг Джеральда — «Ослокрады», «Рози — моя родня» и «Моя семья», хотя ни один из этих фильмов так и не был снят.

Питер Гроуз вспоминал:

«Джеральд никогда не относился к писательскому труду всерьез. Он писал, чтобы решить три проблемы. Во-первых, книги были для него источником средств. Во-вторых, в них он мог излагать свои идеи. И в-третьих, они делали его знаменитым. Он стал настоящей звездой благодаря своим книгам. Свою известность он мог использовать для исполнения цели жизни. Я был в его зоопарке и был потрясен. Животные жили здесь так, словно человека не существовало. Это впечатляло. Результаты, достигнутые Джеральдом Дарреллом, были уникальны для того времени. Я искренне восхищался его человеческими качествами. Теперь становится ясно, насколько он обогнал свое время. Удивительно, что такие идеи могли возникнуть и быть осуществлены в пятидесятые и шестидесятые годы. Даррелл испытывал чудовищное давление, его терзали сомнения и тревога. Зоопарк и Фонд требовали огромных денег, поэтому ему приходилось постоянно искать источники средств. Он выступал на благотворительных обедах, мелькал на телевидении, собирал средства везде, где только мог. Он испытывал такое же давление, как комик, который каждый вечер должен быть смешным. Неудивительно, что в таких условиях он начал пить. Алкоголь снимал боль повседневной жизни. Его пьянство усиливалось по мере усиления давления на него. В конце жизни он превратился в настоящего алкоголика. Помню, как во время одного из своих приездов на Джерси я застал Джеральда в восемь утра с огромной бутылкой бренди. Он отхлебнул бренди и запил молоком — таким был его завтрак. К одиннадцати бутылка была уже прикончена. Но я никогда не видел его пьяным, когда ему предстояло выступать с речью. Тогда он собирался и был при полном параде».

В апреле 1971 года Джеральд и Джеки снова отправились во Францию. Их сопровождали Пегги Пил и Анна Валентайн. Летом Джеральд работал над книгой «Поймайте мне колобуса». Работа шла тяжело. Экспедиция в Сьерра-Леоне была неудачной, и раздражение Джеральда вылилось на страницы книги. Он неудачно отобрал материал, и книга не удалась.

16 апреля Джеральд написал письмо лорду Джерси. В нем он излагал свои планы: зоопарку необходима новая клетка для горилл, необходимо удобнее разместить конголезских павлинов, следует подумать о правильном использовании заливных лугов («самого очаровательного места нашего зоопарка»). «Я закончил две главы новой книги, — добавлял он в конце письма, — и в полной мере насладился изысками французской кухни и мастерством местных виноделов. Я чувствую себя если не как помолодевший гигант, то, по крайней мере, как взбодрившийся пигмей». Джеральд жил неподалеку от имения Лоуренса. Братья часто встречались за обедом, на прогулках.

Они много разговаривали. Лоуренс и Джеральд всегда были близки, и теперь их близость смогла наконец проявиться. К сожалению, Джеральд не смог приобрести ферму брата, хотя очень на это рассчитывал. Ему не удалось собрать необходимую сумму. 11 июня он писал Лоуренсу: «Если даже все три фильма будут сняты, я смогу всего лишь арендовать ферму на пять лет».

Через несколько дней он получил письмо от сэра Жиля Гатри, в котором тот излагал последние новости Фонда: леди Саранна Калторп пожертвовала 20 тысяч фунтов, чтобы «отогнать волка от двери»; научный комитет разработал программу сохранения, «которая вселяет оптимизм во всех сотрудников зоопарка»; а «вы, мой дорогой мальчик, должны будете осенью отправиться в Штаты», чтобы к весне 1972 года завоевать Америку и, «подобно рыцарю в сверкающих латах, вернуться в поместье Огр на коне!». В конце месяца лорд Джерси написал Джеральду о том, что его поездка в Америку очень важна для Фонда. «Сбор средств в Соединенных Штатах целиком зависит от вас, — писал он и приводил высказывание одного из друзей сэра Гатри: «Если Даррелл хочет получить деньги, ему стоит приехать и собрать их самостоятельно. Посылать представителей совершенно бесполезно».

Но планы поездки были нарушены. Первой помехой оказалась очаровательная, но несчастная леди Саранна Калторп, с которой Джеральд и Джеки давно дружили. Некоторые друзья считали эту дружбу ненормальной и даже извращенной. Без тени усмешки Джеральд предложил сделать леди Калторп специалистом по сбору средств на Джерси, потому что она — «самая сексуальная шлюха на острове».

Пост Саранны требовал, чтобы она оставалась свободной, так как Джеральд считал подобную деятельность несовместимой с жизнью замужней женщины. Замужняя дама должна слишком много думать о различных условностях. Джеральд был глубоко разочарован тем, что после развода с лордом Калторпом Саранна приняла предложение Тони Лорт-Филипса, работавшего в зоопарке на заре его создания. Джеральд был вне себя. Из Франции он писал Саранне, что воспринимает ее решение как предательство.

«Не могу поверить, что ты совершила подобную глупость, — негодовал он. — Надеюсь, это всего лишь временное помрачение рассудка. Но твои Действия не оставляют мне выбора — теперь наша работа станет для тебя всего лишь хобби, развлечением, игрой... Счастье делает человека идиотом, как ты сама всегда говорила. Я буду рад, если ты немедленно отправишь письмо лорду Джерси с просьбой об отставке».

Джеральд никогда больше не встречался с Саранной. Ее второй брак закончился так же неудачно, как и первый, она вернулась на остров, несчастная и разбитая. Она стала пить все больше и больше. Несколько раз ее машина попадала в аварии на извилистых дорогах Джерси. В конце концов она умерла от алкоголизма в местной больнице.

На место Саранны Джеральд предложил Джона Хартли, молодого человека с выдающимися дипломатическими способностями. «Он искренне предан делу нашего Фонда, — писал Джеральд лорду Джерси. — Ему нравится нравиться людям. Он как нельзя лучше подходит для этой работы».

Второй помехой стал сам Джеральд. Осенью он вернулся на Джерси, но его врач сомневался, что ему по силам выдержать напряженную поездку в Соединенные Штаты. 19 ноября Джеральд писал Лоуренсу о том, что доктор запретил ему ехать в Америку в будущем году, «потому что нагрузка от такой поездки чрезмерна для моей психики». Позже он снова писал брату: «Я перестал принимать лекарства, но все еще очень быстро устаю. Порой на меня накатывают приступы хандры, которые длятся всего пять-шесть минут, но ужасают меня своей силой».

Джеральд решил не ехать в Америку. «Я не разделяю мнения некоторых членов Совета, — говорил он сэру Жилю Гатри, — о том, что в Америке мне придется всего лишь сойти с корабля, как со всех сторон посыплются чеки на миллионы долларов». В любом случае, он не мог в одиночку решать денежные проблемы зоопарка из года в год. «Кроме всего прочего, эта деятельность начинает сказываться на моем здоровье, — писал он. — Я чувствую, что настало время переложить финансовые заботы на плечи другого человека, чтобы я мог сосредоточиться на работе по сохранению животных и не отвлекаться от нее на бухгалтерию и банковские дела, в которых я совершенно не разбираюсь».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

ДВОРЦОВЫЙ ПЕРЕВОРОТ: 1971-1973

Среди членов Совета Фонда зрело мнение о том, что следует изменить направленность работы этой организации и зоопарка. В истории Фонда наметился второй серьезный кризис. Сначала Фонд боролся за выживание, теперь же в нем началась борьба за власть.

В сентябре 1971 года лорд Джерси разработал предварительный вариант меморандума относительно того, как следует работать Фонду в изменившихся условиях. В нем он утверждал, что главнейшей помехой на пути модернизации Фонда является сам Джеральд Даррелл.

«Необходимо срочно пересмотреть программу работы Фонда. Поместье Огр становится серьезным научным учреждением, а не просто коллекцией животных. Животные остаются и должны оставаться главной составляющей зоопарка. Но теперь собирание должно выполнять более важную функцию, и нам следует быть к этому готовыми. Мы не должны забывать, что зоопарк создавался вокруг Джеральда Даррелла, известного писателя. В глазах всего человечества наш зоопарк и Фонд связаны с именем этого человека и его книгами... Но по мере развития Фонда и зоопарка имеет смысл уменьшить централизацию, не разуверяя публику в том, что это частный зоопарк Джерри Даррелла, а все животные — его домашние любимцы».

Другими словами, роль Джеральда в работе зоопарка сводилась к чисто номинальной. Прошли те дни, когда он знал большую часть животных своего зоопарка в лицо, а некоторые из них были его настоящими друзьями, частью его прошлого. Зоопарк должен был стать научным учреждением, получающим животных из разных стран, проводящим систематическую работу по сохранению тех видов, которые находятся под угрозой уничтожения. Но при этом для широкой публики должно поддерживаться мнение, что все животные в нем являются просто домашними любимцами Джеральда.

Сначала Джеральд не почувствовал приближения опасности. Прочитав меморандум лорда Джерси, он направил ему свои замечания. Джеральд не считал свой Фонд умирающей организацией, не соглашался с тем, что следовало бы увеличить число комитетов. Он никак не мог понять, что его собственное положение в Фонде становится весьма шатким.

Рождество 1971 года прошло в атмосфере полного согласия и умиротворения. Год сложился для Фонда удачно, да и для Джеральда тоже он был неплохим. Только что опубликованная книга «Филе из палтуса» «произвела эффект разорвавшейся бомбы», как писал Джеральд Лоуренсу. Рецензии были весьма благоприятными. «Филе из палтуса» был сборником коротких рассказов о действительных событиях — о безумном обеде в Африке, пикнике на побережье Корфу, носовом кровотечении в лондонском такси, об эксцентричном английском санатории. Название было навеяно названием недавно вышедшей книги Лоуренса «Spirit of Place». По созвучию Джеральд назвал свою книгу «Fillet of Plaice». «Удивительные, невероятные и весьма вольные» — так оценил рассказы, вошедшие в «Филе из Палтуса», рецензент газеты «Ивнинг стандарт». «Все, что выходит из-под пера Даррелла, проникнуто духом того, что можно было бы назвать словом «прелесть», — писал Рональд Блит в «Обсервере». — В своих книгах он показывает жизнь щедрой, неприкрытой, подлинной. Его книги напоминают человечеству, что земля создана не только для того, чтобы люди насиловав ли и разрушали ее. Ее населяют мириады иных созданий, обладающих зоркими глазами, дышащих с нами одним воздухом и слушающих те же самые звуки, что и мы».

В начале года возобновились разговоры о съемках фильма «Моя семья и другие звери». Режиссером должен был стать Кристофер Майлс, Джеральду отводилась роль «технического советника», а на роль мамы пригласили Ингрид Бергман. Этот выбор удовлетворил далеко не всех. «Может быть, она действительно очень талантливая актриса и красивая женщина, — говорила Джеки, — но в ней нет чувства комедийного». Пробовались на роль мамы Мэгги Смит, Глинис Джонс, Джоан Гринвуд и Одри Хепберн. Но хотя Кристофер Майлс даже побывал на Корфу, чтобы выбрать места для натурных съемок, проект так и не был осуществлен. Британские профсоюзы наложили вето на съемки в Греции в виде протеста против существовавшего в те годы в стране военного режима.

Лоуренс по-прежнему оставался в Провансе, а Маргарет устроилась горничной на греческий круизный пароход. «К счастью, наш запойный братец, не дает о себе знать, — писал Джеральд Лоуренсу о Лесли. — Но все же я каждое утро открываю «Полицейскую газету» с душевным трепетом».

После новогодних праздников Джеральд занялся подготовкой к печати книги «Поймайте мне колобуса», сборника рассказов о приключениях, пережитых им во время экспедиции в Сьерра-Леоне семью годами ранее, а также о поездке в Мексику за вулканическими кроликами. В этой книге он рассказывал и о десяти годах существования Джерсийского зоопарка. Отклики на книгу были разнообразными. Некоторые критики восприняли ее как провал, несравнимый с блестящими ранними

книгами Джеральда, Но тем не менее книга прекрасно продавалась. Она более всех других книг Даррелла привлекла внимание широкой публики к деятельности Фонда. Вскоре после выхода «Поймайте мне колобуса» Королевское литературное общество в знак признания заслуг Даррелла в области литературы предложило Джеральду стать его членом. «ЧКЛО (FRLS)» стала второй аббревиатурой, которую он поместил на своих визитных карточках. Вскоре после этого ему предложили стать членом института биологии, и на визитке прибавилось второе сокращение — «ЧИБ (FIB)». Новости застали Джеральда во Франции, где он работал над новой книгой, посвященной годам, проведенным в Уипснейде, — «Только звери».

В зоопарке возникли новые проблемы. Две самки гориллы Н'Понго и Ненди переросли свои клетки. Им не хватало кавалера, поэтому они стали удовлетворять свои сексуальные потребности друг с другом. Первую проблему удалось решить довольно быстро. Брайан Парк, будущий председатель Совета Фонда, увидел телевизионное выступление Джеральда, в котором он говорил о недостатке средств для развития зоопарка. Парк пожертвовал десять тысяч фунтов на создание Комплекса разведения горилл имени Брайана Парка. В решении второй проблемы Джерсийскому зоопарку помог Эрнст Ланг, директор Базельского зоопарка, первый человек в мире, которому удалось получить в неволе потомство от горилл и заставить самку самостоятельно выкормить детеныша. Ланг подарил Джерсийскому зоопарку молодого самца Джамбо — первую гориллу, рожденную и выращенную в неволе. Джамбо оказался отличным производителем.

30 апреля 1972 года состоялось официальное открытие Комплекса разведения горилл. Торжественную церемонию проводил известный киноактер Дэвид Нивен. Джеральд давно познакомился с Нивеном. Когда-то давно он купил первый том его автобиографии, чтобы подарить Джеки. Книга Джеки понравилась. Когда встал вопрос, кого из звезд пригласить на открытие комплекса, она предложила выбрать Дэвида Нивена. Ему же предстояло исполнить роль шафера на горилльей свадьбе. К счастью, Дик Огдерс, телевизионный агент Даррелла в агентстве Кертиса Брауна, был знаком с сыном Нивена, Джейми. После недолгих переговоров Нивен согласился прилететь на Джерси.

«Он все сделал великолепно, — вспоминала Джеки. — Дэвид и Джерри сразу же нашли общий язык. Впоследствии Дэвид говорил, что встретил на Джерси брата-близнеца. Он сделал для Фонда все, что было в его силах, и всегда шел навстречу любым нашим просьбам». Торжественная церемония прошла не слишком гладко. Не успел Нивен, державший в руках подобающий случаю букет из сельдерея, порея, капусты, кудрявой петрушки и цветной капусты, закончить свою элегантную, проникнутую добрым юмором речь, как молодожены, Ненди и Джамбо, принялись совокупляться на глазах несколько ошарашенной публики и к всеобщему удовольствию сотрудников зоопарка. Нивен повернулся к Джеральду и довольно громко прошептал: «Куда бы я ни пошел, везде случается одно и то же. Я оказываю довольно странное воздействие на приматов».

На следующий день после открытия комплекса, 1 мая 1972 года, в Джерсийском зоопарке прошла Первая всемирная конференция по разведению в неволе животных, находящихся под угрозой уничтожения, на которую съехались более трехсот специалистов со всех концов света. Организаторами конференции выступали Фонд охраны дикой природы и Общество охраны природы Великобритании. Конференция длилась три дня и была посвящена вопросам разведения животных в неволе.

Открывали конференцию Джеральд Даррелл, директор Фонда охраны Дикой природы, и сэр Питер Скотт, председатель Общества охраны природы. Позднее Джеральд выступил с замечательной речью о разведении диких животных в неволе. Он всегда считал разведение животных, находящихся под угрозой уничтожения, основной задачей любого зоопарка. В момент проведения конференции под угрозой находилось свыше тысячи видов животных. Чтобы сохранить их, нужно было тщательно охранять места их естественного обитания и создавать в зоопарках жизнеспособные колонии на случай полного исчезновения животных в природе. А когда размеры подобных колоний окажутся достаточно большими, животных можно было бы вернуть в среду естественного обитания, если это, конечно, представлялось бы возможным.

Подобная концепция была не нова, но убедить специалистов в ее жизнеспособности оказалось на удивление нелегко. «Даже сейчас, — сказал Джеральд в своем выступлении на конференции, — стоит заговорить на эту тему со специалистами, они тут же набрасываются на вас, словно вы пропагандируете контроль рождаемости!» Даже на конференции были такие, кто считал, что животным было бы лучше полностью исчезнуть в природе, чем «прозябать» в зоопарках. Многие (и Джеральд в том числе) признавали, что большинство зоопарков устроены совершенно не так, как нужно было бы, что уровень смертности животных в этих заведениях чрезвычайно высок, а

размножение вообще не происходит, что такие зоопарки скорее снижают количество животных в мире, чем сохраняют их. Однако несколько высококлассных зоопарков, включая и Джерсийский, проделали чрезвычайно важную и ценную работу. На Джерси удалось получить потомство от западноафриканских обезьян колобусов и китайских белоухих фазанов. В Базеле разводили равнинных горилл и индийских носорогов. В Антверпене получили потомство от чрезвычайно редких конголезских павлинов, в Фениксе — от арабских сернобыков, а в Праге — от лошадей Пржевальского. Джеральд продолжал:

«Я хочу подчеркнуть очень важную вещь: наш Фонд никогда не утверждал — было бы смешно утверждать подобное! — что разведение животных в неволе должно подменить собой их охрану в среде естественного обитания. Мы всегда утверждали, что разведение в неволе должно производиться лишь совместно, а никак не вместо сохранения животных в природе.

Во-вторых, мы никогда не утверждали, что сможем спасти все виды животных от уничтожения. Из всего длинного, печального списка мы выбрали лишь несколько видов — как правило, самых мелких и не привлекающих внимания зоопарков и специалистов. Но даже эта работа заслуживает уважения и признания».

Джерсийский Фонд не являлся зоопарком в чистом смысле этого слова. Это был центр по разведению животных, а не просто увеселительное заведение. Однако и в качестве зрелищного предприятия он являлся весьма передовым учреждением. Фонд всеми силами стремился собрать деньги для сохранения видов животных, находящихся под угрозой исчезновения. Клетки и вольеры в зоопарке были устроены с максимальным удобством для их обитателей, а не для того, чтобы посетителям было удобно рассматривать животных. «Если нам повезет, — говорил Джеральд, — то в будущем по нашему подобию будут устроены все зоопарки мира».

«Боюсь, нам придется признать, что ряд видов все же исчезнет в природе, — продолжал Даррелл. — И лишь при огромном везении этим животным удастся сохраниться в ряде зоопарков. Давайте же всеми силами бороться за охрану природы и живущих на воле животных, но из осторожности начнем создавать центры по разведению диких животных в неволе».

Он признавал, что долгосрочные программы разведения столкнутся с рядом проблем, о которых специалисты и не подозревают. Например, не произойдут ли генетические изменения у животных, на протяжении нескольких поколений разводимых в неволе? Джеральд утверждал, что подобного не случится, приводя в пример золотистого хомячка, который считался исчезнувшим на протяжении сотни лет, а теперь в мире насчитываются миллионы представителей этого вида — и все они произошли от одной беременной самки, обнаруженной в Сирии в 1930 году. Существовала опасность и того, что седьмое или восьмое поколение, рожденное в искусственных условиях, утратит те врожденные навыки, которые позволяли этому виду благополучно избегать опасностей естественной среды. «Будущее животных, выведенных в неволе, — предостерегал Джеральд, — вызывает ряд вопросов. Но наличие проблем не делает эту работу менее значимой и важной». Несколько видов животных уже были успешно возвращены в среду естественного обитания, в том числе белый носорог, гавайский гусь и филин.

Свое выступление Джеральд закончил на трагической ноте. «Мы сознаем, — сказал он, имея в виду Фонд охраны дикой природы, — что в настоящий момент наша работа является всего лишь малой частью сложного процесса охраны природы, но мы считаем ее очень важной по трем причинам. Во-первых, никто в мире не занимается этим так серьезно, как мы; во-вторых, мы подходим к этой проблеме с практической точки зрения; и в-третьих, мы рассматриваем свою деятельность как спасательную операцию, которую, если позволят средства, следует провести именно сегодня и которая принесет свои плоды немедленно». С развитием Фонда он сможет функционировать как учебное заведение, готовящее специалистов по разведению животных в неволе для всего мира. Центры по разведению животных следует создавать повсюду, причем это не исключает работы по охране природы в целом.

Конференция прошла с огромным успехом. Она широко освещалась в прессе во всем мире. Ученые признали важность разведения животных в неволе, тем самым подтвердив статус и Фонда, и его основателя в глазах мирового научного сообщества. Три наиболее влиятельные организации в области охраны природы — Международный Союз охраны природы и природных ресурсов (IUCN), Всемирный Фонд дикой природы и Общество охраны природы — высказались за поддержку Фонда. Ведущие специалисты признали достижения зоопарка и Фонда. Директор Национального зоопарка Смитсоновского института в Вашингтоне писал Джеральду: «Посетив поместье Огр, я лично смог убедиться в том, что Ваш персонал полностью разделяет Вашу убежденность в важности охраны природы в целом и разведения животных в неволе. С такими людьми Ваши шансы на успех

чрезвычайно велики. Для многих мелких и малоизвестных видов животных Ваша деятельность представляет единственную надежду на спасение. Вы уже можете записать в свой актив ряд очень важных достижений».

Одним из организаторов конференции был доктор Роберт Д. Мартин, молодой и чрезвычайно способный специалист по приматам. Он готовил материалы конференции к публикации. Вскоре после этого доктор Мартин стал старшим исследователем лаборатории Веллкам в Лондоне. Это назначение позволило ему следить за осуществлением проектов по сохранению видов животных, находящихся под угрозой уничтожения, в ряде зоопарков. Ему очень скоро стало ясно, что Джерсийский зоопарк в этом роде представляет собой исключение. Работа, проводимая на Джерси, имела огромное значение, а полученные результаты могли применяться повсюду. Доктор Мартин писал:

«Я был потрясен той личной заинтересованностью, которую проявлял к этим проектам сам Джеральд Даррелл. Он оказался очень открытым человеком, весьма восприимчивым к мнению других специалистов. Его подход, его естественность, чувство юмора, даже сама внешность этого знаменитого человека поразили меня. Это был удивительный, очень легкий в общении человек, полностью сосредоточенный на вопросе разведения животных в неволе, несмотря на противодействие со стороны Лондонского зоопарка, руководство которого было настроено против Даррелла лично и против деятельности Джерсийского зоопарка».

Войдя в состав Совета Фонда, Боб Мартин был потрясен еще больше. Он почувствовал, что Фонд никогда не стоит на месте, никогда не бездействует. Джерсийский зоопарк всегда был на передовом крае в вопросах разведения животных в неволе. Продуктивность этого зоопарка была выше, чем у любого другого зоопарка мира. Но как бы ни велики были достигнутые успехи, Фонд всегда смотрел в будущее. Фонд был открыт для специалистов со всего мира, мнение которых не игнорировалось, а тщательно обдумывалось и применялось на практике. Постоянная готовность к переменам и открытость стали отличительными чертами Фонда Джеральда Даррелла, и эту точку зрения разделяли все члены Совета.

Именно Джеральд Даррелл цементировал эту организацию. «Я безмерно признателен Джеральду Даррeллу за его дружбу и работу, — вспоминал Боб Мартин. — Не будет преувеличением сказать, что его пример и его подход к жизни оказали огромное влияние на мою жизнь и работу. Он никогда не был теоретиком. Его можно было назвать «коммуникатором»: примером собственной жизни он выступал за сотрудничество между человечеством и животным миром. Он всегда стремился спасти жизнь, в любой ее форме, и призывал к этому окружающих. Его можно назвать Флоренс Найтингейл животного мира. Он полностью изменил отношение к охране природы. Его жизнь, его книги и его зоопарк оказали громадное влияние и на животных, и на человека».

Рост статуса Фонда подчеркнуло и то, что в мае Джерсийский зоопарк посетила принцесса Анна. Устроить этот визит было нелегко. Зоопарк не входил в расписание поездки принцессы. Когда Джеральд обратился к организаторам, те категорически возразили. Чтобы принцесса посетила зоопарк? Это немыслимо! У нее масса чрезвычайно важных дел, например, инспекция работы канализационной системы острова. Джеральд уехал во Францию. Ему позвонили и сообщили, что план поездки принцессы изменился. Она сама изъявила желание посетить зоопарк. Принцесса оказалась давней поклонницей литературного творчества Даррелла, хотя чтение его книг, по ее собственному признанию, было связано с определенными трудностями: путешествуя поездом, принцесса никак не могла удержаться от смеха, читая книги Джеральда.

Подобного визита в истории зоопарка еще не было. Джеральд оказался неподготовленным к нашествию детективов и службы безопасности, которые прочесали весь зоопарк в поисках бомб и взрывных устройств. Серьезные мужчины с рациями разрабатывали способ увидеть семьсот животных, расположившихся на двадцати акрах, за двадцать пять минут. Повсюду сновали журналисты) «трещавшие, как куча умственно отсталых сверчков».

«Королевское величие оказывало странное воздействие на людей, — писал Даррелл. — Что мне ей сказать? Все наши достижения и надежды казались мне скучными, как проповедь деревенского священника. Мне казалось, что я совершаю огромную ошибку. Мне хотелось вернуться во Францию». Но когда королевский автомобиль подъехал ко входу и принцесса вышла из него, все его страхи исчезли. «Я был сразу же покорен этой очаровательной, элегантной, в высшей мере разумной женщиной, — вспоминал Джеральд. — Она задавала неординарные вопросы, сразу же показавшие мне, что она искренне заинтересована в нашей работе». Сопровождали принцессу на экскурсии по зоопарку сам Джеральд и Джеки. Они хотели показать ей самых интересных животных.

А самым интересным был Фриски, молодой самец мандрила. В момент королевского визита Фриски находился в состоянии сексуального возбуждения. Джеральд вспоминал:

«Он находился в полном расцвете сил. Переносица, нос и губы Фриски были ярко-красными, словно он накрасил их губной помадой. По обе стороны от носа — ярко-васильковые пятна. Лицо Фриски, обрамленное имбирно-зеленой шерстью и белой бородой, напоминало жестокую маску божка какого-нибудь первобытного племени, более всего увлекавшегося приготовлением на обед своих соседей. Однако, как бы привлекателен ни был вид спереди, когда Фриски повернулся, он явил собой еще более впечатляющую картину. Казалось, что он сел на только что покрашенное каким-то сумасшедшим патриотом сиденье для унитаза. Его задница и гениталии были ярко-синего цвета, а в центре красовалось малиновое пятно. Когда мы подошли к клетке, Фриски заворчал и повернулся, чтобы продемонстрировать свой потрясающий зад.

«Замечательное животное, мэм, — сказал я принцессе. — Вам бы не хотелось иметь подобный зад?»

Всей спиной Джеральд почувствовал, как сопровождающие затаили дух, и понял, что сказал что-то не то.

Принцесса внимательно ознакомилась с анатомией Фриски, а затем произнесла: «Нет, не думаю, что мне бы этого хотелось».

Процессия двинулась дальше.

Когда принцесса Анна уехала, Джеральд крепко напился, чтобы успокоить расшалившиеся нервы. Он понял, что совершил серьезную ошибку. Ему нужно было просить принцессу стать покровительницей его Фонда, но мысль об этом пришла к нему слишком поздно. Несколько недель спустя, уступив просьбам Джеки, Джеральд все же написал принцессе и высказал ей свою просьбу. «К моему величайшему удивлению и радости, — вспоминал он, — принцесса ответила, что принимает мое предложение. Я не был уверен, какую роль во всем этом сыграл Фриски, но, на всякий случай, все же купил ему коробку печенья — в благодарность». С августа 1972 года принцесса Анна является покровительницей Фонда охраны дикой природа и относится к своим обязанностям чрезвычайно серьезно.

В этот момент некоторые представители руководства Фонда решили, что настало время изменить организацию Фона и использовать его возможности более широко, как это и предлагал год назад лорд Джерси. 1 сентября 1972 года, когда Джеральд снова уехал во Францию, комитет по управлению зоопарком рекомендовал создать специальный комитет при Совете, который бы занимался всей административной деятельностью, связанной с Фондом и зоопарком.

Это было вполне разумно. Ни одна организация не может столь длительное время существовать в одном и том же виде. Необходимы были меры по улучшению деятельности Фонда. Естественно, что основная задача Фонда должна была остаться неприкосновенной, но управление этим коммерческим предприятием следовало совершенствовать. Управление Фондом и зоопарком нужно было передать из рук энтузиастов-филантропов специалистам.

Из предложений комитета становилось ясно, что таким специалистом станет отнюдь не Джеральд Даррелл. Он должен был остаться отцом-основателем, творцом, провидцем, но у него не было финансового чутья, ему не хватало времени на заседания комитетов, он без должного уважения относился к почтенным жертвователям, он не справлялся с потоком бухгалтерской отчетности и администраторскими обязанностями. Ему предстояло придумывать новые цели и пытаться воплотить свои мечты в жизнь. Когда новости о происходящем достигли Лангедока, Джеральд потерял покой. Он немедленно вернулся на Джерси. Прочитав отчет о заседании комитета, Джеральд обиделся и расстроился еще сильнее. «Я думаю, что и лорд Джерси, и сэр Жиль Гатри искренне считали, что Джерри пренебрегает делами Фонда, — позднее вспоминала Джеки. — Они хотели решить возникшие проблемы. К сожалению, они не обратились ни ко мне, ни к Джереми Маллинсону, прежде чем вывалить все это на Джерри».

В начале сентября лорд Джерси рекомендовал Фонду принять типично английскую структуру системы комитетов в качестве лекарства от всех болезней. Джеральд вспылил. «В условиях постоянного недостатка средств, — писал он, — мне кажется страшным, что комитеты в нашем Фонде растут, как грибы. Я лично не готов работать в большем числе комитетов, чем имеется сейчас. ...Я постоянно слышу, что работа Фонда парализуется, когда я нахожусь в отъезде. Я расцениваю это замечание как оскорбительное и в отношении меня лично, и в отношении моих сотрудников. Поэтому я хотел бы иметь возможность выступить на заседании Совета».

Но руководство Фонда не отступило. Была создана комиссия по расследованию, которая занялась разбором конфликта. Джеральд более не мог исполнять обязанности руководителя Фонда,

так как он слишком часто отсутствовал. Фонду был нужен директор-администратор, который бы посвящал этой работе все свое время. Топор был занесен над самым тонким деревом. Джеральд более не сомневался, что основной задачей комиссии было отстранение основателя Фонда от работы. В своем письме в адрес комиссии Джеральд объяснял свое отсутствие. Он писал, что даже без него в Фонде и в зоопарке работа не прекращается. А он, находясь вне Джерси, работает — работает и для себя, и для Фонда. Только так он может писать свои книги. «Я хотел бы отметить, — писал он, — что написание моих книг имеет важное значение для Фонда. Во-первых, мои книга обеспечивают мне средства к существованию, что освобождает Фонд от обязанности выплачивать мне жалованье, соответствующее моему положению, — сумму, которую наша организация никак не может себе позволить. Во-вторых, мои книги существенно расширяют круг членов Фонда, жертвующих ему деньги. Не будет преувеличением сказать, что без моих книг круг членов Фонда был бы гораздо уже, да и сам Фонд вряд ли возник бы». Для работы над книгами Джеральду было нужно уединение. «Если бы члены Совета жили вместе со своими сотрудниками, посвящали бы работе все 24 часа в сутки, отвлекаясь только на то, чтобы выпить кофе в рабочем кабинете, они бы тоже почувствовали, что их способность сконцентрироваться заметно ухудшилась бы».

Если существующая структура Фонда будет изменена, писал Джеральд, и все вопросы будет решать один человек, как это предлагает комиссия, он попросту не справится со сложнейшей работой организации. Единственно возможный способ продолжать эффективно работать, — это разделение обязанностей. Джереми Маллинсон должен заниматься научной работой, а Кейт Уэллер — финансовой. «Пытаться изменить существующее положение вещей, — писал Джеральд в отчаянии, — это означает превратить наш Фонд в банк или подобную банку негуманную организацию. Если это будет сделано, Фонд погибнет. Я расцениваю подобное предложение лишь как стремление членов Совета отстранить меня от руководства Фондом».

Но члены Совета оставались непреклонными. Сэр Жиль Гатри продолжал гнуть свою линию. Он считал свое предложение в высшей степени разумным, рациональным, полезным и совершенно необходимым. Создатель фирмы «Бритиш Эйрвейз», он считал, что все делает правильно. Фонд охраны дикой природы был довольно мелкой по его масштабам организации ей, но он хотел решить все проблемы. Вполне вероятно, что он недооценивал и не понимал Джеральда Даррелла, который стал его главным оппонентом. Как и многие другие на Джерси и в Совете, сэр Жиль считал Джеральда добродушным, эксцентричным, бородатым писателем, любящим животных, шампанское и путешествия и совершенно не подходящим на роль администратора. Он не мог представить себе, что этот симпатяга и кутила может быть совершенно другим человеком, может сжать кулаки, выдыхать пламя и сыпать проклятиями.

Члены Совета на ряде неформальных встреч, проходивших в доме лорда Джерси, решили проводить в жизнь программу сэра Гатри, не принимая во внимание возражения Даррелла. 23 сентября 1972 года в поместье Огр состоялось заседание Совета Фонда, на котором было принято решение, что специально созданный подкомитет Совета проанализирует деятельность и организационную структуру Фонда и зоопарка. Был выработан долгосрочный план развития зоопарка, финансы должны были находиться под строжайшим контролем, всю ответственность за управление организацией возлагали на плечи назначенного директора-распорядителя. И затем был нанесен последний удар. «Мы считаем, что, если наши рекомендации будут приняты, Джеральд Малкольм Даррелл займет место основателя Фонда и зоопарка. Обязанности по управлению зоопарком и финансовыми средствами Фонда возлагать на него было бы неправильно». Совет заверял, что всегда будет с радостью принимать рекомендации и советы Джеральда Даррелла, но в настоящее время ему следует сосредоточить все свои усилия на писательской работе.

Джеральд правильно понял настрой Совета — или, по крайней мере, считал, что правильно. Произошел раздел территорий. Они хотели отстранить его от творения рук его, заставить его идти собственным путем. Совет был готов использовать его как знаменитость, умеющую собирать средства, в том числе и у богатых американцев. Хотя многие предложения Совета были вполне разумны и конструктивны, Джеральд расценил их как дворцовый переворот. Он собрал все документы в одну папку и написал на ней «Файл Иуды». «Я чувствую себя глубоко уязвленным, смущенным и разгневанным, — говорил он сэру Уильяму Хейли, бывшему генеральному директору Би-би-си, редактору «Таймс», недавно поселившемуся на Джерси. — Правила, регулирующие мое участие в работе Фонда, я нахожу совершенно неприемлемыми».

«Когда сэр Жиль Гатри предложил Джеральду стать номинальным генеральным директором Фонда, — много лет спустя вспоминала Джеки, — и решил полностью отстранить его от реального управления зоопарком, я подумала, что это очень хорошо. Пусть бы всеми делами занялся Джереми,

а у нас бы осталось время для самих себя. Но сделано это было совершенно неправильно — более всего это напоминало дворцовый переворот. Жиль оказался невероятно прямолинеен и обошелся с Джерри жестоко. Джерри, естественно, вспылил. Заставить его уйти подобным образом было невозможно. Он был готов смести все на своем пути. Нам удалось запереть его дома и уговорить не отвечать на звонки, пока Брайан Лефевр, местный журналист, благосклонно относившийся к нашему Фонду, занимался прессой. Жаль, что Ронда Гатри в то время находилась в отъезде, потому что мы с ней смогли бы провести все достаточно мягко».

13 ноября 1972 года Джеральд направил резкое письмо лорду Джерси, президенту Фонда. «Я никогда не смогу смириться с этой оскорбительной, невероятной глупостью, — писал он. — Я считаю пустой тратой времени даже говорить об этом, но так как вы все же хотите узнать мою точку зрения, я вам ее изложу». И он изложил. Отдельные положения плана Джеральд называл «немыслимо оскорбительными», другие «заслуживающими только смеха», третьи «безвкусными», а некоторые даже «аморальными». Он писал: «Как ни странно это покажется членам Комитета, повседневная деятельность зоопарка интересует меня чрезвычайно. Они будут удивлены, узнав, что я создал этот зоопарк, потому что он чрезвычайно интересует меня. Не могу не поддаться искушению и не сказать, что я знаю о повседневной жизни зоопарка куда больше, чем все члены Комитета, вместе взятые. Я никогда не соглашусь с отстранением меня от повседневной жизни зоопарка, чтобы высвободить время для выступлений по радио и телевидению и работы над книгами. Не интересует меня только пустая трата времени на сбор средств для работы бесчисленных комитетов Фонда и Совета». Если они считают, что он готов уступить без боя — «после девяти лет непрерывного роста от скромной, незаметной организации до всемирно признанного зоопарка», — им следует подумать и о другом. «Если Комитет серьезно считает, что я готов использовать свой авторитет подобным образом, — закончил Джеральд свое письмо, — то их коллективный разум еще слабее, чем я предполагал. Я заявляю совершенно ответственно, что не собираюсь принимать их предложения. Я не намерен смириться ни с одним из них. Если Совет Фонда обратится ко мне с подобными предложениями, я расценю это лишь как желание полностью отстранить меня от работы и буду вынужден просить об отставке».

Реакция Джеральда внесла некую сумятицу в ряды его противников, но они быстро перегруппировали силы и продолжили наступление. Лорд Джерси извинился. 8 декабря в поместье Огр прошло заседание Совета. Джеральд бился как лев, пленных он не брал. Он боролся за свою мечту, за свое дитя, за смысл своей жизни. Он не выбирал выражений. Зал заседаний никогда не слышал подобных выражений, а членам Совета никогда не доводилось выслушивать такого в свой адрес.

Основным оружием Совета, по мнению его членов, было массовое увольнение, которое оставило бы Джеральда без поддержки и без возможности продолжать деятельность. На частной встрече в доме лорда Джерси были заготовлены заявления об увольнении. Все члены Совета, кроме Брайана Парка, их подписали.

Джеральд счел этот кризис смертельным. Он инстинктивно перешел к иной тактике борьбы. Джеральд позвонил своему литературному агенту Питеру Гроузу. Питер вспоминает:

«Он позвонил мне в очень возбужденном состоянии и сообщил, что все члены Совета ополчились на него. «Я вылетаю», — сказал я и немедленно вылетел на Джерси. По приезде я застал Джерри в состоянии ярости. Он не выбирал выражений, а язык его всегда отличался сочностью. «Это ужасно, — сказал он. — Я написал письмо в местную газету». Он дал мне прочесть это письмо, в котором защищался от возведенных на него обвинений. «Ты с ума сошел! — сказал я. — Так ты только все испортишь». Публике неинтересно, что происходит между директорами, она хочет знать, как живется твоим животным. Мы должны перехватить инициативу, сделать заявление для прессы, пригласить телевизионщиков — поступить так, как это сделал Гарольд Макмиллан во время скандала с Профьюмо. Следует сообщить о временных трудностях, но заверить публику, что в зоопарке все в порядке. Я подготовил черновик заявления для прессы и пригласил журналистов с телевидения. Вечером к Джерри пришли Джереми Маллинсон с женой, Сэм и Кейт Уэллер. Мы сели смотреть телевизионные новости. Все животные выглядели счастливыми, как невинные овечки, публика осталась в полном неведении, что что-то происходит. Так нам удалось выиграть один день. Но идея вывести Джеральда из Фонда была совершенно безумной. Джерри был жизненно необходим этой организации».

На следующий день Джеральд написал письмо лорду Джерси, в котором извинялся (его попросили сделать это) за все резкие выражения, которые он позволил себе в письме от 13 ноября, но по-прежнему подчеркивал, что не может принять предложения Совета. Через два дня лорд Джерси,

очень воспитанный и добрый человек, поддерживавший зоопарк с первого дня его создания, прислал письмо, в котором подтверждал отставку членов Совета. «Хочу заверить Вас в том, что все мы продолжаем верить в ваши идеалы, — писал он, — и искренне желаем Фонду и зоопарку дальнейшего процветания. Мы приняли это решение с чувством глубокого сожаления и печали».

Но члены Совета не учли одного небольшого обстоятельства. Джерсийский адвокат, составлявший устав Совета, включил в него положение о необходимом кворуме. Джереми Маллинсон (научный директор), Джон Хартли (секретарь Фонда) и Кейт Уэллер (член совета управляющих) были законными членами Совета с правом голоса. Несколько членов Совета забрали свои заявления, таким образом был сформирован кворум. Джеральд со спокойным сердцем принял отставку остальных. Их он мог заменить. Он выиграл еще один день.

Оглядываясь назад, Джеральд обвинял во всем сэра Жиля Гатри. «Это была простая и незамысловатая борьба за власть, — писал он американскому коллеге 14 декабря. — На протяжении нескольких лет один из членов Совета ощущал, что я для него — шило в заднице. Он не платил мне, а следовательно, не мог мной управлять. Он надеялся загнать меня в угол и тем самым устранить со своего пути. То, что члены Совета решили уволиться почти в полном составе, огорчило меня, но зато теперь я знаю, кто мои истинные друзья».

Ситуация в Фонде была огорчительной для обеих сторон. Как и лорд Джерси, сэр Жиль Гатри был тем редким человеком, для которого охрана природы была не просто развлечением. В течение долгого времени он периодически жертвовал по пять тысяч фунтов, его жена ежегодно присылала по тысяче фунтов с личного счета. Семья Гатри внесла десять тысяч на покупку орангутана.

О положении в Фонде написали в «Таймс». Куратор отдела млекопитающих Лондонского зоопарка доктор Майкл Брамбелл прислал Джереми Маллинсону сочувственное письмо, в котором выражал свою поддержку Джерсийскому зоопарку и Фонду. «Я считаю Джерсийский зоопарк одним из передовых зоологических учреждений нашей страны и одним из четырех серьезнейших организаций на Британских островах, среди которых Фонд Питера Скотта и в меньшей степени организация Филиппа Уэйра (Фонд фазанов и выдр в Норфолке)».

Теперь стало ясно, что члены Совета были правы, когда предлагали повысить эффективность работы Фонда. Но сформулировали они свои предложения совершенно неправильно. Они своими руками спровоцировали враждебную реакцию Джеральда, почувствовавшего себя уязвленным. Почти через двадцать лет лорд Джерси писал вдове Жиля Гатри, Ронде, о том, что в свое время они совершили серьезную ошибку. «Рассматривая наши предложения сегодня, — признавал он, — я нахожу их весьма мягкими и разумными. Я до сих пор удивляюсь, что они вызвали такую реакцию. Ведь почти все наши предложения постепенно были реализованы».

Джерри и Джеки также не остались незатронутыми этим конфликтом. Джеки продолжала прежнюю жизнь, но число ее друзей заметно сократилось. Джерри остался на своем посту, но ему пришлось проститься с мечтами о рыцарстве.

Джерри не тратил время на пустые сожаления. У него были весьма амбициозные планы на 1973 год. В этом году Фонд должен был отметить десятилетие своей деятельности. Он в кратчайшие сроки сформировал новый Совет. В феврале он объявил о новых планах. Сэр Уильям Коллинз, издатель Джеральда, согласился войти в Совет. В числе знаменитостей были известный писатель Ноэль Кауард и актер Дэвид Нивен. Членами Совета стали лорд Крайтон, вице-президент Общества охраны природы и председатель Британского совета по охране окружающей среды, и Робин Рамболл, известный финансист и политик, заменивший сэра Жиля Гатри.

Новый год Джеральд встречал в прекрасном настроении. В его зоопарке содержалось более восьмисот животных. Программа по разведению животных в неволе осуществлялась полным ходом, научная ценность ее более не вызывала никаких сомнений. Ежегодный отчет Джерсийского зоопарка являлся одной из самых впечатляющих зоологических публикаций в мире. Образовательная программа, столь дорогая сердцу Джеральда, осуществлялась быстрыми темпами. За последние несколько лет зоопарк посетили свыше одиннадцати тысяч английских и тысяча французских школьников. В зоопарке был организован специальный класс и приглашен учитель. Огромное внимание уделялось уходу за территорией зоопарка. Ви Лорт-Филипс и леди Ронда Гатри, а также комитет садоводов постоянно работали над озеленением Джерсийского зоопарка, благодаря чему удалось собрать внушительную ботаническую коллекцию. В вольерах, где содержались животные, по возможности старались высадить растения, свойственные среде естественного обитания. Эта задача по своей значимости могла быть сравнима с зоологическими достижениями Фонда Даррелла. В течение первого месяца 1972 года число членов Фонда увеличилось на двести человек, а также было получено потомство от девяти млекопитающих и тринадцати видов птиц. Член Фонда из Канады

пожертвовал средства на создание центра по разведению рептилии. Британский член Фонда прислан пять тысяч фунтов на создание центра по разведению мармозеток и тамаринов.

«Мы надеемся, что год десятилетия нашего Фонда станет самым удачным в истории этой организации», — сказал Джеральд журналистам. Теперь он был готов к завоеванию богатейшей страны мира.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

ДЖЕРАЛЬД В АМЕРИКЕ: 1973-1974

Хотя Джеральд Даррелл, к этому времени уже приблизившийся к полувековому юбилею, по-прежнему оставался очень веселым человеком и продолжал писать очень смешные книги, он вел очень серьезную игру. То, каким он представал миру, более не было всего лишь набором генов и наследственных признаков. Пятнадцать невероятно жестоких и тяжелых лет, прошедших с момента его первого приезда на Джерси, с основания зоопарка и Фонда, сделали его более сложной, противоречивой и парадоксальной личностью, хотя и раньше он был весьма непростым человеком. Из обычного человека, ведущего спокойную, чисто личную жизнь, он превратился в политическое животное со всеми присущими этому виду характеристиками. Джеральд стал более ловким, более уклончивым, более отчаянным, не всегда таким добрым и приветливым, как можно было бы ожидать от человека, имеющего такую внешность. Он более не напоминал вакхического Санта-Клауса, каким его привыкли видеть его поклонники.

Джеральд по-прежнему любил шутить и разыгрывать, но теперь его розыгрыши могли быть жестокими и даже демоническими, в зависимости от его настроения. Дэвид Хьюз заметил эти перемены в личности своего друга.

«Я считаю, что ему было чрезвычайно трудно контролировать свою личность, в которой рядом уживались и доктор Джекил, и мистер Хайд. Часто он был изощренно жесток, старался нащупать слабое место человека и начинал давить на него. Выдержать это было нелегко. Произошло такое и со мной. Он так и не позволил мне сорваться с крючка. Случалось, что я чувствовал себя очень сильно уязвленным, хотя, уверен, он этого не хотел. Это была уже не игра, это был способ манипулирования людьми. Скорее всего, без подобных качеств ему не удалось бы управлять зоопарком и Фондом. Таким образом он утверждал себя, как утверждают себя в стае крупные самцы гориллы. Если по натуре вы анархист, если обычная организационная структура вам не по душе, в вас должно быть нечто большее, что заставило бы людей последовать за вами, что позволило бы вам сломить их сопротивление и подчинить своей воле. Вот почему круг его ближайших сотрудников был безраздельно предан не только самой идее, но и человеку, посеявшему зерна этой идеи в их души. Так Джеральд выражал свою застенчивость. Потому что он был застенчив. Его застенчивость была необычной, он не замыкался в себе, а, напротив, делал все, чтобы никто об этом не догадался».

Питер Олни, куратор отдела птиц в Лондонском зоопарке, старью приятель Джеральда, наблюдал за тем, как изменялся статус друга, как год за годом он превращался в пророка, слову которого внимает весь мир. Но несмотря на славу и авторитет, Джеральд, по ощущению Олни, по-прежнему оставался весьма неуверенным, застенчивым и скромным человеком.

«Он признавался, что не любит встречаться с незнакомцами. Ему приходилось делать над собой усилие, чтобы преодолеть это ощущение. Если речь шла о чем-то, что его страстно интересовало, он мог перебороть себя, но формальные мероприятия — банкеты и коктейли — он просто ненавидел. Джеральд не любил выступать публично, хотя стоило ему подняться на сцену, как он превращался в блестящего оратора. Он был не просто скромным и застенчивым, он был крайне не уверен в себе. Это ощущение шло со времен его юности и заметно усиливалось, когда он попадап в окружение профессиональных зоологов — он не мог говорить на одном с ними языке, не знал генетики и всего подобного. Он никогда не понимал, почему стал известным, хотя известность ему нравилась. Он удивлялся, почему люди воспринимают его так серьезно. Но ему нравилась слава и все с нею связанное. Познакомившись с ним, я стал видеть в нем не отца, а скорее старшего брата, которого мне всегда хотелось иметь, человека, идеи которого я с радостью разделял».

В мае 1973 года, готовясь к поездке в Соединенные Штаты, Джеральд заключил контракт с независимым режиссером-документалистом, Дэвидом Кобхэмом, чтобы тот снял короткий рекламный фильм о достижениях Джерсийского зоопарка и Фонда для демонстрации американской публике. Сценарий фильма написал сам Джеральд, он же читал закадровый текст. В домашней обстановке, без слепящих юпитеров и искусственной атмосферы телевизионной студии, он превращался в блестящего рассказчика, которого любила камера. «Джеральд Даррелл производил огромное впечатление на людей, — вспоминал Кобхэм. — Он мог часами выступать перед камерой и быть абсолютно убедительным, не допуская ни единого промаха».

Фильм начинался с кадра, в котором Джеральд сидел за своим столом, освещенный единственной свечой. На столе барахтались два пушистых птенца птицы, которой угрожало полное уничтожение, — американской совы. «Во всем мире, — произносил Джеральд в камеру, — животные находятся под утрозой вымирания, вызванной прямым или косвенным вторжением человека в среду их обитания. Свыше тысячи видов и подвидов животных могут исчезнуть с лица нашей планеты навсегда. Здесь, на острове Джерси, наш Фонд охраны дикой природы проводит уникальную спасательную операцию. Мы создали заповедник для животных, которым угрожает вымирание, со всех концов света — убежище, где они могут спокойно жить и размножаться».

Фильм был снят за два с половиной дня. Заканчивался он так же, как и начинался. Джеральд снова сидел за столом, освещенный единственной свечой. «Каждый год, — говорил он, — мы тратим миллионы фунтов на вещи, сделанные человеком. Мы возводим прекрасные здания, памятники, библиотеки и картинные галереи, чтобы хранить книги и предметы искусства. Но разве животный мир не является галереей самого бога? Разве животные — это не предметы искусства господа? Вы можете построить новую галерею, но вам не возродить вид животных, который исчез с лица земли. Уничтожить животное так же легко, как и загасить эту свечу». С этими словами Джеральд гасил свечу и маленькие совята исчезали в темноте.

Легкость и гибкость языка Джеральда не исчезли в фильме. «Порой он напоминал Питера Устинова, — вспоминала Джеки. — Если событие его увлекало, он мог увлечь за собой кого угодно. У него был уникальный дар увлекать за собой людей одной только силой слова».

Дэвид Кобхэм находился под сильным впечатлением той роли, какую в жизни Даррелла играла Джеки. «Джерри очень сильно зависел от нее, — вспоминал он. — Она руководила всем. Джеки была довольно резка с людьми, особенно если речь заходила об интересах Джерри. Если Джерри напоминал младшего офицера, которому доверили командование взводом, то Джеки более всего походила на опытного взводного, прекрасно умеющего управляться со своими подчиненными. Я никогда не замечал между ними никаких проявлений враждебности. Скорее наоборот. Как-то вечером мне пришлось вернуться к ним, потому что я что-то забыл. Я вошел без стука. Джерри и Джеки, обнявшись, сидели у камина, опираясь спинами на диван. Эта картина меня глубоко тронула».

Начало лета 1973 года Джеральд провел во Франции. К этому времени «Только звери» были уже опубликованы к вящему удовольствию критики и читателей. Эта веселая, но одновременно и очень серьезная книга была посвящена работе Джеральда в Уипснейдском зоопарке. Теперь же все его мысли были заняты предстоящей поездкой в Канаду и Соединенные Штаты. Это был очень важный шаг в истории Фонда. Во-первых, Джеральд хотел познакомить американцев с работой своего Фонда и собрать средства. Во-вторых, ему предстояло укрепить американскую ветвь Фонда — организацию «За спасение животных от уничтожения» (SAFE), которая могла бы продолжать собирать средства и в его отсутствие.

Предстоящая поездка очень беспокоила Джеральда. «Уезжаю завтра на рассвете, — писал он Лоуренсу 26 августа. — Американская поездка меня пугает, но все же, надеюсь, она пройдет успешно. Я вернусь на Джерси в середине декабря, так что приезжай познакомиться с детенышем гориллы». Этим детенышем был Ассумбо, сын Ненди и Джамбо, первая горилла, появившаяся на свет на Джерси. Зоопарк страшно гордился своим достижением. Ассумбо поместили в инкубатор. Его куратор, Джереми Ушер-Смит, лично кормил его каждые три часа.

Джеральд никогда не чувствовал себя в Америке комфортно. Он был типичным представителем Старого Света. Ему было хорошо на восточном базаре, в арабской касбе, в деревенской греческой таверне, в африканской хижине. Но несмотря на то, что американцы вроде бы говорили на одном с ним языке, все вместе они казались ему пришельцами с другой планеты. Ритм и образ жизни, блеск, шум, образ мыслей больших городов ужасал, но в то же время завораживал его. Америка была великой страной. В этой стране были деньги — и много денег. У него не было выбора. Его Фонд мог рассчитывать только на него. Кроме того, американцы очень серьезно относились к

охране природы. Именно американцы первыми осознали опасность, угрожающую окружающей среде, и создали на бескрайних просторах своей страны огромные национальные парки. Именно американцы несколько десятилетий назад начали работу по разведению диких животных в неволе, начав с американского бизона.

27 августа 1973 года Джеральд покинул Джерси с трепетом душевным. Он не любил летать, предпочитая видеть мир на суше или на море. Поэтому он пересек Атлантику на корабле. Джеки не сопровождала его. Она должна была присоединиться к мужу в Нью-Йорке на заключительном этапе его поездки. Вместе с Джеральдом путешествовали его друзья, с которыми он познакомился во время поездки на Корфу, — Питер Уэллер, на протяжении многих лет работавший помощником администратора Королевской оперы, и Стив Эккард, преподаватель, закончивший Принстон. Вместе с Уэллером Эккард открыл в Лондоне американскую школу. Уэллер и Эккард оказали Джеральду огромную поддержку во время поездки. Они все организовывали, заказывали отели и покупали билеты на поезда. Джеральд мог полностью сосредоточиться на своей задаче. Он читал лекции о работе Джерсийского Фонда и убеждал богатых американцев жертвовать деньги.

У Эккарда и Уэллера в Штатах было множество богатых и влиятельных друзей, которые очень помогли Джеральду в сборе средств. Эккард был очень близко знаком с Марго Рокфеллер, женой отпрыска богатейшей семьи Америки. В юности он учил ее верховой езде. Знаменитая удача Даррелла улыбнулась ему еще раз — Марго со своим мужем, Годфри, и двумя детьми путешествовала на одном с ним корабле. Они очень быстро познакомились и подружились. Годфри и Джеральд нашли общий язык и поглощали невероятное количество виски в каюте Рокфеллеров. К тому моменту как их корабль подплывал к величественной Статуе Свободы, Рокфеллеры стали лучшими и ближайшими друзьями Джеральда. Правда, это были бедные Рокфеллеры, как объяснили Джеральду. Тем не менее они сыграли значительную роль в будущей жизни и работе Даррелла.

5 сентября после веселого, хотя временами и бурного, морского путешествия Джеральд и его спутники прибыли в душный, укутанный облаком смога Нью-Йорк. В первые же дни пребывания в городе Большого Яблока Джеральду удалось познакомиться с теми, кто должен был сыграть важную роль в его американском вояже. Он отправился за покупками на Пятую авеню. Помогать ему вызвалась Марта Ривз, организовавшая эту поездку и работавшая в SAFE. «Посмотрите-ка, — дернула она его за рукав. — Это же Том Лавджой!»

Доктор Томас И. Лавджой закончил Йельский университет. Ему было слегка за тридцать. Этот ученый занимался охраной окружающей среды и биологией тропиков. В тот момент он работал в Академии естественных наук в Филадельфии. Как и многие зоологи и сторонники охраны окружающей среды его возраста, Томас находился под глубоким впечатлением книг Даррелла, прочитанных еще в школе. Вот как Джеральд вспоминал их первую встречу: «Я увидел стройного молодого человека, направлявшегося к нам по тротуару. У него были темные волосы, веселые карие глаза и симпатичное лицо, на котором играла открытая улыбка. Он сразу же мне понравился. Я почувствовал, что и он проникся ко мне симпатией». Том Лавджой тоже запомнил эту встречу: «Я, как истинный житель Нью-Йорка, несся по Пятой авеню, ничего не замечая, и буквально натолкнулся на Джерри. «Послушайте, вы ведь Джеральд Даррелл!» — сказал я, старательно избегая американского произношения его фамилии «Дуу-релл». Он повернулся, взглянул на меня своими голубыми глазами. И мы поняли, что между нами возникла любовь с первого взгляда. Я полностью разделял его взгляд на зоопарки и на охрану окружающей среды». Между Даррелом и Лавджоем возникла дружба, которая длилась до самой смерти Джеральда.

Хотя первая встреча произошла совершенно случайно, Даррелл и Лавджой были знакомы заочно. Джеральд писал ему о своих американских планах. «Мы с Томом зашли в ближайший ресторанчик, — вспоминал Джеральд, — и заказали пиво. Я рассказал ему, что собираюсь сделать в Америке. Он выслушал меня очень внимательно, дал несколько полезных советов и обещал встретиться со мной по возвращении из поездки, чтобы обсудить, как лучше организовать работу Фонда в Америке».

Джеральд не любил городов, но Нью-Йорк его очаровал. Перед началом первой лекции, которая должна была состояться в клубе «Эксплорерс», он получил телеграмму о том, что и Н'Понго, вторая самка гориллы из Джерсийского зоопарка, родила детеныша. Джеральд немедленно назвал новорожденного самца Мамфе. «Наверное, публика сочла меня слегка свихнувшимся, — вспоминал Джеральд. — Но ведь вам не каждый день сообщают о том, что обе ваши гориллы с интервалом в несколько недель благополучно рожают здоровых детенышей. Эта замечательная новость вдохновила меня и вселила уверенность в том, что поездка пройдет успешно».

В приподнятом настроении Джеральд отправился в поездку по стране. Филадельфия ему понравилась, но Чикаго не приглянулся. Он был совершенно очарован Сан-Франциско, а вот Лос-Анджелес показался ему отвратительным. Лекции были громадной нагрузкой для его нервной системы, хотя его привычка набрасывать портреты животных, о которых он рассказывал, ему очень помогала. «Если вы упоминаете о таком животном, как капибара, — вспоминал он, — то нельзя рассчитывать, что все ваши слушатели поймут, о чем вы говорите. Но если вы нарисуете его, пусть даже карикатурно, они тут же схватят самую суть вашего выступления. Рисунки очень нравились моим слушателям, и они даже устраивали небольшую драку за них после лекций». Американцам очень импонировало, когда Джеральд связывал вопросы охраны окружающей среды с патриотизмом. Он говорил о том, что символ американской нации, лысый орел, может исчезнуть в течение ближайших десяти лет. Как почувствуют себя американцы, если эта комично выглядящая птица, красующаяся на банкнотах, исчезнет с лица земли?

Последнее выступление Даррелла, завершающее его трехмесячный марафон по стране, состоялось в эксклюзивном загородном клубе. Его слушателями были американские нувориши, по большей части женщины, перешагнувшие за рубеж среднего возраста. «Они были увешаны драгоценностями, как рождественские елки, — вспоминал Джеральд. — Когда они перемещались по комнате, то эти висюльки звенели, как музыкальные шкатулки. Я подумал, что, если бы мне удалось заманить хотя бы одну из них в кусты и обобрать ее до нитки, мой Фонд не знал бы бед на протяжении нескольких лет».

Даже Джеральд был поражен тем, какое количество спиртного могли поглощать эти дамочки. «Обеду предшествовали два часа плотного пития. Алкоголь лился в таких количествах, что даже трудно себе представить. Если вы заказывали скотч, вам приносили нечто вроде небольшой вазы, в которой находилось полпинты виски, четыре кубика льда, каждый из которых вполне мог бы потопить «Титаник», и чайная ложка содовой, где с трудом можно было заметить три-четыре заблудившихся пузырька». К обеду публика еле держалась на ногах. К концу обеда она уже почти ничего не соображала.

«Я начал свою слезную мольбу от лица беззащитных животных, населяющих нашу планету, — вспоминал Джеральд, — перед лицом наиболее несимпатичных млекопитающих, каких мне только доводилось видеть за свою жизнь». Пытаясь перекрыть шум разговоров — публика не имела ни малейшего представления, о чем он говорил, — Джеральд понял, что обращается исключительно к женщине, сидящей прямо перед ним. Не выдержав веса королевских драгоценностей, красовавшихся на ее прическе, она уронила голову в тарелку с остатками клубничного суфле. «Когда она дышала, суфле пузырилось на тарелке. Розовые пузыри лопались со страшным шумом. Звук был такой, словно кто-то пытался втягивать густой молочный коктейль через тонкую соломинку». Закончилось последнее выступление полным провалом. На торжественном обеде, где присутствовали очень богатые люди, Джеральду удалось собрать всего сто долларов.

Джеральд с радостью вернулся в Нью-Йорк, где ему предстояло выступить на радио, телевидении и в прессе. Он готов был говорить все, что угодно, лишь бы собрать деньги для Фонда. «Когда американцы приезжают провести отпуск в Англию, — говорил он, — их дети хотят увидеть только две достопримечательности: Букингемский дворец и зоопарк Дар-релла». В Нью-Йорке Джеральд и Том Лавджой выработали формулу, которая позволила бы успешно функционировать SAFE (после переименования организации в Международный Фонд охраны дикой природы — WPTI). «Если быть более точным, — вспоминал Джеральд, — я рассказал, что нужно Джерсийскому Фонду, а Том разработал гениальный план, как это получить». Хотя впоследствии функции организации изменились, первоначально она должна была убедить американцев жертвовать средства на работу Джерсийского Фонда и других природоохранных организаций во всем мире. Зоологическое общество Филадельфии предоставило помещение для штаб-квартиры новой организации, Том Лавджой стал ее председателем, а Джоди Лонгнекер исполнительным администратором.

Первое турне по Америке завершилось с полным успехом. Джеки прилетела в Нью-Йорк и успела на празднование Дня Благодарения у Рокфеллеров. Затем они торжественно отпраздновали ее день рождения в «Уолдорфе». И после всех праздников чета Даррелов отплыла во Францию. Неспешное морское путешествие позволило Джеральду и Джеки немного передохнуть после напряженной работы.

«Порой просить денег бывает очень неприятно, — вспоминал Джералъд. — Но в Америке я встретил настолько замечательных и щедрых людей, что полностью примирился со своим занятием. На протяжении многих лет мы были более чем признательны своим американским друзьям за их

крупные пожертвования и стипендии, получаемые из-за океана. Без этой весьма ощутимой помощи наш прогресс существенно замедлился бы».

До этого момента карточки членов Фонда спокойно умещались в обувной коробке. Но теперь, благодаря усилиям Марго Рокфеллер, ряды членов Фонда начали стремительно расти. Том Лавджой очень быстро понял, что для того, чтобы произвести впечатление на американцев, Фонд должен возглавлять очень известный человек. Джеки предложила княгиню Монако Грейс, бывшую американскую актрису Грейс Келли. «Выбор был сделан идеально, — вспоминал Лавджой. — Княгиня и в то же время американка. К тому же князь Ренъе содержал зоопарк и очень любил горилл».

Обратиться к княгине Грейс поручили Дэвиду Нивену, близкому другу семьи князя Ренье. Была достигнута договоренность о том, что Джеральд и Том Лавджой приедут в Монако, чтобы встретиться с княгиней. Весной 1974 года Джеральд, Джеки, Энн Питерс и Пегги Пил отправились в Монако.

«Не каждый день вас приглашают во дворец Монако, — вспоминал Джеральд. — Я чувствовал, что мы должны вести себя соответственно. Я и сопровождающие меня дамы разместились в роскошном отеле возле большого казино. Восхитительный огуречный суп был съеден, и официанты, замершие в почтительном молчании позади нас, подали свежего лосося в шампанском и сливках. И в этот момент появился Томас Лавджой».

Более всего Лавджой, по воспоминаниям Джеральда, напоминал человека, только что пережившего землетрясение. Его костюм был так измят, словно он проспал в нем целые сутки. Рубашка из белой превратилась в серую, словно брюхо дохлой рыбы. Ботинки имели ужасающий вид.

«Привет, — как ни в чем не бывало заявил Том, с комфортом располагаясь в ближайшем кресле. — Простите, я немного задержался».

«Мои дамы уставились на него так, словно он был жабой, притаившейся в их тарелке, — вспоминал Джеральд. — «Надеемся, что хотя бы на встречу с княгиней ты в подобном виде не пойдешь», — заявили они все вместе абсолютно одинаковым зловещим тоном».

В конце концов Джеральд и Том отправились в роскошный розовый дворец, расположившийся на холме. Их провели в личный кабинет княгини. «Комната оказалась невероятно красивой и элегантной, — вспоминал Джеральд. — Княгиня Грейс поднялась из-за стола и подошла к нам, улыбаясь. К моему ужасу, я увидел, как Том приветливо машет ей рукой.

— Привет, Грейс, — заявил он.

— Ваша светлость, было очень любезно с вашей стороны уделить нам время, — пробормотал Джеральд, пытаясь загладить промах своего американского приятеля. — Это доктор Томас Лавджой, председатель американского отделения нашего Фонда, а моя фамилия Даррелл.

Княгиня усадила их на широкий диван, сама расположилась между ними. Джеральд подробно объяснил цель их визита. Казалось, княгиня Грейс отклонит их предложение. Она сказала, что и так очень загружена благотворительной деятельностью.

И тогда Джеральд выложил козырную карту. «Я положил ей на колени большую фотографию нашего новорожденного детеныша гориллы, лежащего на животике на белоснежном полотенце». Это бьш Ассумбо, гордость зоопарка и всеобщий любимец.

— Ваша светлость, — сказал Джеральд. — Вот животное, которому мы пытаемся помочь.

Княгиня мечтательно посмотрела на портрет крохотного горилленыша.

— Ой, он такой миленький, — заворковала она, и ее глаза затуманились. — Я никогда не видела такого крохотного малыша... Скажите же мне, как я могу помочь?

Княгиня Грейс согласилась сделать все, что будет в ее силах. Они договорились о сотрудничестве.

— Я знал, что фотография гориллы растрогает ее, — сказал Джеральд Тому, когда они выходили из дворца. — Все женщины, которым я показывал этот снимок, сразу же теряли самообладание. Фотография будит в них материнские инстинкты.

Но Том не согласился. Все дело было не в фотографии, объяснил он, а в пятне от яичного желтка на его галстуке.

Летом состоялась вторая встреча в Монако. На этот раз Джеральда и Тома сопровождали Джеки и Джереми Маллинсон. Их пригласили на неформальный обед в дворцовом саду возле бассейна. Когда они пришли, князь Ренье плавал в бассейне. Принцесса была в темных очках и очень

осторожно поворачивала голову. Прошлым вечером она была на благотворительном балу Красного Креста и немного перепила. Она спросила, что бы им хотелось выпить. Джереми Маллинсон попросил пиво и с удивлением увидел, как княгиня опускает руку в густой кустарник и вытаскивает запотевшую бутылку из маленького холодильника, притаившегося в кустах.

«Княгиня Грейс сначала сопротивлялась идее благотворительной деятельности в отношении животных, — вспоминала Джеки. — Куда больше ее интересовали проблемы человечества. Однако после того как Джерри рассказал ей о нашей деятельности, а потом его поддержали Джереми и Лавджой, к нашей просьбе присоединился и князь Ренье, большой любитель животных, содержавший собственный зоопарк. Княгиня Грейс чувствовала, что американский Фонд должен был бы поддерживать Ренье, а не она, но все мы, в том числе и ее муж, убедили ее в том, что для американцев важно именно ее имя».

Немного позже из дворца поступило сообщение, что ее светлость, княгиня Монако Грейс с благодарностью принимает предложение стать покровительницей американского отделения Фонда охраны дикой природы. Теперь оба Фонда по обе стороны Атлантики имели сиятельных покровительниц.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

«ДВА ОЧЕНЬ ОДИНОКИХ ЧЕЛОВЕКА»: 1975-1976

Новый 1975 год начался для Джеральда с катастрофы. В пригласительных открытках, которые он разослал своим друзьям, снабдив их собственными рисунками, говорилось:
«Приглашаю Вас на вечеринку, посвященную моему полувековому юбилею. 7 января 1975 года мне стукнет полвека. Так как это вряд ли случится еще раз, я решил отметить это событие в избранном кругу любимых друзей. Если Вы почтите нашу оргию своим присутствием, пожалуйста, дайте мне знать, чтобы мы заранее ублажили повара, заказали устриц, охладили шампанское и обновили ковры. Прилетайте вечером 6-го (на случай тумана) и планируйте отъезд на 8-е. Жду Вас».

Но вечеринка так и не состоялась. За пять дней до дня рождения здоровье Джеральда снова ухудшилось, и Джеки вынуждена была разослать всем приглашенным телеграммы о том, что прием отменяется. У Джеральда обнаружили воспаление легких. Поправился он только в марте. «Семь недель я оставался прикованным к постели, — жаловался он, — и кашлял, словно героиня викторианского романа — только чуть заросшая волосами и выражавшаяся довольно сочно».

В начале года в жизни Даррелла случились и два приятных события. Во-первых, увидела свет его книга для детей «Говорящий сверток». Во-вторых, в зоопарк приехал еще один известный актер. На этот раз это был Джеймс Стюарт, которым Джеральд всегда восхищался. Стюарт приехал на Джерси в мае, чтобы открыть павильон ночных животных, где собирались разводить лемуров и хутий. Средства на павильон были собраны в Америке. Стюарт искренне интересовался охраной окружающей среды и был рад познакомиться с Джеральдом. Стюарт приехал в Лондон на постановку «Харви». Флер Коулз, богатая американская меценатка, во время дворцового переворота принявшая сторону Джеральда, с легкостью убедила его прилететь на открытие.
«Стюарт был очень скромен, — вспоминал Джеральд. — Высокий, долговязый, с мягкой улыбкой и походкой ковбоя, он постоянно отпускал шуточки приятным, хрипловатым голосом». После обеда Стюарт открыл комплекс хутий, со свойственным ему шармом объяснив, что сразу же полюбил этих зверьков, стоило ему их лишь увидеть — а случилось это пять минут назад. Джеральд и Джеки повели гостей осматривать зоопарк. Стюарт с женой и дочерью (его дочь работала с Дайан Фосси в Руанде) особенно заинтересовались детенышами горилл, которых выпустили порезвиться на газон перед главным домом. Маленькие гориллы рвали цветы и играли с деревянной лошадкой, которая была их любимой игрушкой. Затем всех пригласили в дом соседей и друзей Даррелов, где был накрыт тожественный обед. В комнате стояло пианино, и Стюарт, еще не оправившийся после тяжелого, хотя и короткого перелета, сразу же направился к нему.

— Смотри-ка, это пианинка, — сказал он.

— Джимми, нет, — взмолилась его жена.

— Да, это пианинка, милая, маленькая пианинка, — твердил актер.

— Джимми, ты не должен этого делать, — настаивала Глория.

— Маленькая песенка... — задумчиво сказал Стюарт, и в его глазах загорелся фанатический огонь. — Одна маленькая песенка...

— Пожалуйста, Джимми, оставь пианино в покое, — безнадежно сказала Глория.

— А, знаю... «Рэгтайм ковбоя Джо»... Да, это то, что нужно... Джеральд вспоминал:

«Джимми уселся к пианино. Он поднял крышку, и инструмент оскалился на него, как крокодил. Мы немедленно поняли два факта. Джеймс Стюарт был напрочь лишен слуха и к тому же не умел играть на пианино. Кроме того, он забыл все слова кроме названия песни. Он нажимал на любые клавиши и что-то хрипло орал. Стюарт повторял и повторял название песни, возвращаясь к началу, когда ему казалось, что он приблизился к концу. Это было безумно смешно, но смеяться было нельзя, потому что пел он невероятно гордо. В конце концов он закончил «Рэгтайм ковбоя Джо» и повернулся к нам, бесконечно гордый своим исполнением.

— Кто-нибудь хочет услышать что-нибудь еще? — поинтересовался он.

— Джимми, нам пора идти, — потянула его за рукав Глория. И они ушли».

Еще одной кинозвездой, проявившей интерес к Фонду, была Кэтрин Хепберн, прилетевшая на Джерси к своему приятелю, сценаристу Биллу Роузу, жившему неподалеку от Даррелов. Хепберн часто приходила в зоопарк. Здесь она познакомилась с Шепом Маллетом, куратором отдела птиц. Когда Маллет рассказал об этом Джеральду, давнему поклоннику творчества Хепберн, тот попросил дать ему знать, когда актриса придет снова. «Через несколько дней, — вспоминала Джеки, — Джон привел ее и ее секретаршу к нам в поместье. Джерри был счастлив познакомиться с ней. Она была очаровательна и чувствовала себя совершенно свободно. Ее визит доставил Джерри большое удовольствие. Перед уходом Кэтрин согласилась расписаться в нашей книге для посетителей. Когда ее секретарша захотела последовать ее примеру, Хепберн сказала: «Что ж, попробуй, только подписывайся помельче».

Джеральд снова стал подумывать о кино и телевидении. Но в кино его постоянно преследовали неудачи. Дэвид Кобхэм собирался снимать для Би-би-си «Ослокрадов» с Дэвидом Нивеном и Питером Буллом, но в последнюю минуту этот проект был закрыт из-за отсутствия финансирования с греческой стороны. До начала съемок на Корфу оставалась всего неделя. Другой проект Кобхэма казался более перспективным. В 1974 году он обратился к Генри Уильямсоиу с просьбой написать сценарий по его книге «Выдра по имени Тарка». Престарелый Уильямсон не смог завершить работу и предложил отдать ее Джеральду Дарреллу. Когда Джеральд узнал об этом, он заявил Кобхэму: «Если ты не дашь мне написать этот сценарий, я тебя просто убью». В 1975 году Кобхэм прилетел на Джерси с Биллом Траверсом, жена которого, Вирджиния Маккенна, продюсировала и снималась в таких фильмах, как «Рожденная свободной» и «Круг чистой воды». Им предстояло обсудить с Джеральдом возможность адаптации «Тарки» для большого экрана.

«Хотя сам Траверс нам не нравился, — вспоминала Джеки, — потому что он был ярым противником создания зоопарков, Джерри согласился попробовать приспособить эту довольно невыигрышную книгу для кино. Это было нелегко — у него было очень много забот. Он не сразу нашел правильный подход, но потом к нему пришла идея, и сценарий был закончен». Джеральд написал сто страниц текста, из которых Дэвид Кобхэм соорудил окончательный сценарий. Фильм был благожелательно встречен критикой. Авторами сценария в нем были указаны Джеральд Даррелл и Дэвид Кобхэм. Закадровый текст читал Питер Устинов.

Еще более обещающим было сотрудничество Джеральда с молодым, динамичным канадским телевизионным режиссером В. Патерсоном Фернсом, директором кинокомпании «Нильсен-Фернс продакшенз». Жена Фернса, давняя поклонница творчества Даррелла, стала первым исполнительным директором канадского Фонда охраны дикой природы. В апреле 1973 года деловой партнер Фернса, Ричард Нильсен, приезжал во Францию, чтобы обсудить с Джеральдом планы создания документального телевизионного фильма. «Джерри ответил, что не хочет снимать документальный фильм, — вспоминал Фернс, — так как он уже и так сделал массу подобных фильмов для Би-би-си. Ему хотелось сделать телевизионный сериал». Вернувшись из Франции, Нильсен предложил Фернсу снять сериал с Джеральдом Дарреллом. «Мы сообщили о нашем плане Джерри, — вспоминал Пат Фернс. — Мы решили использовать его книгу «Ковчег на острове», которую он считал своей первой «серьезной» книгой. Сериал должен был сниматься в его зоопарке на Джерси. Актерские способности Джерри сомнения не вызывали. Он был прекрасным рассказчиком, а его умение вплетать в рассказ любопытные истории и анекдоты как нельзя лучше подходило для телевизионного фильма».

В октябре 1974 года Пат Фернс прилетел на Джерси, чтобы провести переговоры с телевизионным агентом Джеральда, Диком Оджерсом из агентства Кертиса Брауна. «Это был лучший агент из всех, с которыми мне доводилось работать, — вспоминал Фернс. — Он был джентльменом,

всегда был честен и защищал интересы Джерри просто блестяще». Сериал должен был начинаться с рассказа о маленьких гориллах. Съемки начались 8 мая 1975 года. «Это был довольно сложный период в отношениях Джеральда и Джеки, — вспоминал Фернс. — Во время съемок Джеки могла прийти прямо на площадку и начать упрекать Джеральда в чем-то, несмотря на работающую камеру».

Этим летом Джеральд, Джеки, Пегги Пил и Пенни Рош отправились на двух машинах путешествовать по югу Франции. Большую часть лета они собирались провести на ферме, арендованной Джеральдом. Почти все время Джеральд работал над сценарием и закадровым текстом к «Ковчегу на острове». Дэвид Кобхэм снял короткий рекламный фильм под тем же названием. Сериал подробно рассказывал о работе Джерсийского зоопарка и Фонда, уделяя особое внимание вопросам разведения диких животных в неволе.

В том же году давний друг Джеральда, Дэвид Хьюз, несколько раз приезжал к Даррелам на Джерси и во Францию, чтобы собрать материал для биографической книги, заказанной издательством «Коллинз». Хьюз заметил, что Джеральд и Джеки заметно охладели друг к другу. Они по-прежнему жили вместе, но теперь их общение ограничивалось только самыми необходимыми контактами. В их отношениях не чувствовалось скуки долгого брака. Это было простое сосуществование двух людей, абсолютно не разделявших интересы друг друга. «К сожалению, отношения между нами с годами ухудшились, — признавала Джеки, — Мы всеми силами старались скрывать это от посторонних. Мы терпеть не могли выставлять свои отношения напоказ и всегда изображали счастливую пару, так как это было полезно для Фонда». Но в середине семидесятых сотрудникам зоопарка стало ясно, что этот брак переживает тяжелые времена.

Хьюзу показалось странным, что Джеки общается с мужем, не выходя из комнаты, а просто задавая вопросы на повышенных тонах. «Какие у нас планы? Где мы будем обедать? Как я могу приготовить обед на десятерых за полдня?» Джеральд же реагировал на них простым кивком, невнятным ворчанием, а порой просто возводил глаза к потолку с тяжелым вздохом. Джеки всегда была хозяйкой дома. Во Франции именно она делала закупки, упаковывала вещи, водила машину, планировала поездки, проверяла бензин, масло и воду, выбирала рестораны, оплачивала счета, следила за выпивкой, одергивая Джеральда, когда тот, по ее мнению, ел и пил слишком много. На Джерси она исполняла роль его менеджера, руководила секретариатом, следила за финансами, подготавливала все его встречи и выступления. Хьюз отметил, что говорила Джеки всегда холодно и отчетливо, с легким странным акцентом. «Круглое лицо резко контрастировало с твердым подбородком, — писал Хьюз, — что свидетельствовало о целеустремленности и чувстве юмора. Я сразу же почувствовал, что эта женщина является хозяйкой дома. Ее резкость помогала ей справляться с тенденцией Джеральда во всем доминировать. Она была идеальной парой для Даррелла. Но для Джеральда Джеки была больше, чем просто жена. Она ненавидела ханжество. Она ценила остроумие. Она разделяла его юмор».

Но все остальное эти двое больше не разделяли. В своем дневнике Джеки записала, что с самого первого дня, когда они встретились в мрачном Манчестере, и на протяжении более чем двадцати пяти лет у них не было ничего общего, кроме любви к животным и к путешествиям. Напротив, многое еще сильнее разделяло их — особенно когда речь заходила о людях. Джеки была социалисткой, постоянно думавшей о потребностях рабочего класса. Джеральд же считал человечество глупой, бездумной и абсолютно деструктивной расой и писал на эту тему стихи, которые многие (и Джеки в том числе) считали унылыми и мизантропическими. Отправившись в Авиньон, столицу хиппи, с Дэвидом Хьюзом и Джеки, Джеральд с явным неудовольствием смотрел на оборванных, жизнерадостных подростков, расположившихся со своими гитарами на главной площади, и заметил: «Человек — самое некрасивое млекопитающее. И это люди, ради которых я работаю!»

Джеральд любил путешествовать с комфортом, как эдвардианский сатрап. Он вел раблезианский образ жизни, что часто смущало его скромную и экономную жену. Деньги ничего для него не значили. А когда они кончались, он садился и писал что-нибудь, чтобы заработать. Хотя удача в последние двадцать лет ему улыбалась, у него не было ни капитала, ни собственности. Квартира на Джерси принадлежала зоопарку, а французскую ферму он арендовал у брата. Большая часть денег уходила на удовольствия, путешествия, роскошные обеды для друзей, дорогие подарки — и, конечно, на зоопарк.

Детали повседневной жизни Даррелла не касались. Он редко носил с собой наличные и чековые книжки. Это раздражало его. В тех редких случаях, когда ему самому приходилось расплачиваться за поездку на такси, он вытаскивал из кармана все имеющиеся у него банкноты и

предлагал шоферу самому взять столько, сколько нужно, так как сам не мог разобраться в достоинстве купюр. Джеральд был заядлым путешественником, но почти никогда не садился за руль. Все заботы по поддержанию его эксцентричного образа жизни он перекладывал на плечи других. Ему нравилось готовить, но подготовительную работу и мытье посуды он препоручал помощникам.

Джеральд обожал устраивать шумные вечеринки, он любил жизнь и ее наслаждения. Но его настроение часто менялось, поэтому все заботы ложились на плечи Джеки. «Нам нужно как следует выпить!» — заявил Джеральд в конце долгого и шумного обеда на ферме. Джеки вспылила: «Господи, да заткнись же ты, Джерри! Всем уже давно достаточно, и тебе в том числе!» Любимой фразой Джеральда, которую он готов был произносить в любое время суток, была: «Настал момент выжать маленький стаканчик красного винца из левой почки». Если он быстро справлялся с этим делом, то переходил к более печальным вариантам: «Не могли бы мы где-нибудь остановиться и пропустить стаканчик?» Когда Джеки, стройная, энергичная и подтянутая, скрывалась в доме или в саду, Джеральд — «этакий бородатый Геркулес», по выражению Лоуренса — оставался в своем кресле и продолжал высказывать свои соображения о природе человека, о вселенной и о других проблемах, занимавших в тот момент его разум.

Малоизвестный древнегреческий поэт Архилох разделил людей на тех, кто похож на лису, и на тех, кто более всего напоминает ежа. Еж подчиняет свое существование вселенскому организационному принципу, а лиса поступает так, как ей заблагорассудится, не подчиняясь единому моральному принципу. Джеральд был ежом (как и Данте, например), а его брат Ларри был типичной лисой (как и Шекспир). Хьюз сразу же заметил, что братья очень похожи друг на друга. У них одинаковый темперамент, они оба любят розыгрыши и шутки, но Ларри всегда был чрезвычайно умным человеком, ничего не принимавшим на веру, а Джерри, напротив, доверял всем и всегда. Если сказать коротко, один из них был мыслителем, второй — верующим. Лоуренс не только ни во что не верил, он не верил даже в то, что что-то возможно сделать. Джеральд же не только верил во все, но и считал, что нужно что-то делать, даже если в конце концов битва будет проиграна.

Но ему приходилось платить высокую цену. «Его представление о будущем нашего мира, — писал Дэвид Хьюз, — полностью строилось на его собственных действиях, и это самым пагубным образом сказывалось на состоянии его банковского счета и лишало душевного покоя». Быть знаменитостью нелегко. Чем больше лести выслушивает человек, тем сильнее начинает он верить в то, что достоин всех этих слов. «Я шарлатан, — постоянно повторял Джеральд. — Сохранить трезвый рассудок мне помогает только постоянное самоосуждение. Да и то далеко не все считают меня психически здоровым. Я должен постоянно остерегаться лести. В случае, подобном моему, очень важно не переборщить, не перегнуть палку, суметь отделить истину от фальши. Иначе в один прекрасный момент вы начнете верить всему, что о вас говорят. Я ищу истину. Не считайте меня претенциозным. Мне нужна правда. Только этого я и ищу». В своей жизни ему удалось добиться очень немногого. По крайней мере, так считал он сам. «Мои достижения можно сравнить с попыткой срыть Эверест с помощью чайной ложки». Громадность и необъятность проблемы, которую он попытался решить, угнетала его. Сравнивая собственные достижения с достижениями пятидесятилетних Дарвина и Фабра, Джеральд впадал в уныние. «Где, черт побери, они находили на все это время? — спрашивал он. — На Джерси мне с трудом удается выкроить хотя бы полчаса, чтобы заняться чем-нибудь стоящим».

Темная сторона натуры Джеральда — его отчаяние, вспышки гнева, мизантропия, переедание, пьянство, постоянная тяга к путешествиям, стремление буквально часами жариться на солнце — уходила корнями в подсознательный страх того, что его жизнь проходит бесплодно. Он считал, что ничего не успел сделать — и не успеет в будущем. Скорость разрушения природы усилиями человека приводила его в ужас. Каждый час в его зоопарк приходили сообщения со всех концов света об эрозии почвы, об уничтожении животного и растительного мира. Миллионы случаев экологического вандализма стремительно вели наш мир к катастрофе. И Джеральд понимал это лучше других. Но даже в столь отчаянном положении у него еще сохранялась небольшая надежда. «Насколько мне известно — это единственный мир, и я в нем живу, и он живет во мне, как та утка, которую мы съели за обедом, и в нем живут все уличные хамы, и Джеки, а поголовье горных горилл уменьшается с каждым днем, в нем есть вино и мои ужасные кузены, и Ларри пишет свои нечитабельные книги, и белые ушастые фазаны успешно размножаются, и жизнь продолжается».

Даже сейчас, страдая от лишнего веса, лишившись всех иллюзий, наблюдая за тем, как рушится его брак, Джеральд Даррелл по-прежнему с почтением и глубочайшим уважением относился к жизни. Он никогда не переставал любить всех живых созданий, населяющих этот мир. Его удивляли и восхищали муравьи, осы, полет птиц, закат солнца и краски восхода. Только это казалось ему

заслуживающим внимания и изучения, все же остальное скользило сквозь пальцы, словно песок. Дэвида Хьюза всегда поражало то, с каким вниманием и сосредоточенностью Джеральд изучает жизнь крохотных созданий, снующих вокруг его кресла, стоящего во дворе французской фермы. «Его поведение, — писал Хьюз, — напоминало мне ребенка, который изо всех сил старается стать взрослым. Его желание немедленно определить вид пролетевшей мимо бабочки, проследить, куда муравьи тащат зернышко, было чисто мальчишеским. В течение всей жизни он сумел сохранить эту свежесть восприятия, интерес к природе и животным. Эти качества проявились в нем буквально с рождения и не исчезли до самой смерти».

Но не все было так хорошо. В марте пост секретаря Фонда заняла Джуди Макрелл, познакомившаяся с Даррелламы на Корфу за несколько лет до того. Летом она приехала во Францию. Джеки и Джеральд показались ей «очень одинокими людьми». «Их нельзя было назвать даже друзьями, — вспоминала она. — Между ними не было любви». Джеки показалась Джуди очень одинокой. «Джерри так никогда и не сумел повзрослеть в эмоциональном плане, — вспоминала Джуди. — Он по-прежнему оставался неопытным и напуганным мужчиной, несмотря на все его бесконечные интрижки. Он был прекрасным человеком, он делал удивительные вещи, но жить рядом с ним было очень трудно. Его нетерпение и огорчение из-за того, что человек делает с окружающей средой, делали его буквально невыносимым. Однажды Джеки сказала мне, что подумывает о продолжении своей книги «Звери в моей постели». Новую книгу она собиралась назвать «Моя жизнь со зверем». Но она по-прежнему разделяла любовь Джерри к животным и к природе, хотя и уже не в такой степени, как раньше. Прежде чем принять душ, Джеки выискивала в ванной всех пауков и аккуратно выгоняла их из комнаты. А когда она выходила из душа, все изгнанные пауки немедленно туда возвращались».

В конце лета во Франции изменились налоговые правила, и Лоуренс был вынужден попросить брата съехать с фермы. Джеки и Пегги Пил принялись искать новое жилье в этом районе. После долгих поисков они нашли виллу неподалеку от Граса в краю известняковых плато и восхитительных заросших оливами холмов. В конце ноября 1975 года, незадолго до дня рождения Джеки, Джеральд, его новая секретарша, Сью Бейтмен, Пегги Пил и Дэвид Хьюз упаковали все вещи Даррелловв и переехали в новый дом. Вилла напомнила Джеральду огромное орлиное гнездо, расположившееся над долиной.

Атмосфера в новом доме складывалась напряженно. Джеральд пил, был мрачен и раздражителен. Дэвид Хьюз тоже находился не в самом лучшем настроении, поскольку все еще переживал свой развод с Май Цеттерлинг. «Дом в метафорическом смысле слова отражал эмоциональное состояние тех, кто его населял, — вспоминал Хьюз. — Он был суровым, выкрашенным в белый цвет, почти пустым, кошмарно современным и чудовищно вывернутым наизнанку — спальни располагались на первом этаже, а есть и отдыхать предлагалось в подвале. Джерри и Джеки постоянно ссорились. Они оскорбляли друг друга, причем Джерри не стеснялся в выражениях. Джеки не отставала от него. «Я вышла замуж за человека, который женился на ком-то другом», — сказала она мне. Атмосфера в доме напоминала романы Скотта Фитцджеральда — подобное случается в дорогих ресторанах, где люди едят и пьют, но в глубине души они давно уже мертвы. Думаю, что Джеки возненавидела секс, что разозлило Джерри еще сильнее».

Хьюз завязал роман с секретаршей Джеральда, Сью Бейтмен. Это не понравилось Джеральду, но разбираться с влюбленными он поручил Джеки. «Меня в буквальном смысле отправили домой с первым же самолетом, — вспоминал Хьюз. — И за мой собственный счет, должен добавить, 80 фунтов в один конец». Больше Дэвид Хьюз с Джеки не встречался.

Вернувшись на Джерси, Джеральд стал готовиться к поездке в Ассам, чтобы на месте ознакомиться с ситуацией по охране окружающей среды в Индии. Особенный интерес у него вызывала карликовая свинья, один из видов, находящихся под угрозой уничтожения. В ходе этой экспедиции ему предстояло снять очередной документальный фильм для Би-би-си. Фильм «Животные — жизнь моя» должен был быть показан в рамках проекта «Мир вокруг нас». Режиссером фильма стал Дэвид Кобхэм. В сценарии рассказывалось не только об охране окружающей среды в Ассаме, но и о жизни Джеральда Даррелла, о его неустанной работе по сохранению вымирающих видов животных.

Джеки окончательно решила все свои проблемы. «Я заявила Джерри, что не намерена более терпеть его поведение, — рассказывала она, — и решила уйти от него». Джеральд давно ждал от нее такого поступка. Их брак давно пережил себя, но тем не менее это событие тяжело повлияло на Даррелла. Когда Джуди Макрелл сообщила ему, что оставляет пост секретаря Фонда — ей нравилась работа, но жизнь на Джерси стала для нее невыносимой, — Джеральд впал в такую ярость, что

запретил ей показываться ему на глаза и полностью прекратил всякое общение с ней. Его мир рушился.

Вот что вспоминает Джеки о мучительном периоде разрыва с Джеральдом.

«С ним стало очень трудно жить. Я говорю не только о пьянстве, хотя даже одной этой причины было бы более чем достаточно. Он стал очень обидчивым. С возрастом его юмор перестал быть спонтанным, стал слишком изощренным. Он стал более циничным, перестал радоваться жизни. Ситуация, складывающаяся в мире, скорость уничтожения животных и растений, тотальная глупость человечества угнетали его. На своем пятидесятилетии он заявил, что не намерен более терпеть идиотов. Так он относился к миру. И в то же самое время он становился все более раздражительным, взрывался по поводу и без повода. Чаще всего его ярость проявлялась в криках и скандалах, но даже это было очень трудно выносить. Тяжело жить с человеком, который настолько поглощен собственным проектом, что не хочет ни видеть, ни замечать ничего и никого вокруг. Я начала думать, а что вообще я делаю рядом с этим человеком? Мне сорок шесть — и я могу еще найти свое место в жизни. Я с горечью вспоминала о своей неудавшейся карьере оперной певицы.

Жизнь с Джерри была очень тяжелой. Никогда нельзя было догадаться, в каком настроении он поднимется утром. Его раздражали любые мелочи, и свое раздражение он вымещал на всех вокруг, в том числе и на мне. Я просто устала от всего этого. Когда я начинала возражать, он отвечал: «Ты — моя жена и должна все терпеть». Это возмущало меня до глубины души! Несмотря на его юмор — он по-прежнему мог быть очень веселым, когда ему этого хотелось, — наша жизнь была очень мрачной и безрадостной. Джеральд страдал от депрессии. В 1968 году у него случился нервный срыв, едва не приведший к самоубийству. После него Джерри больше никогда не был прежним.

Это был очень тяжелый период для нас обоих. Вот почему я решила уйти. Я чувствовала, что мне нужно бежать, если я хочу сохранить хотя бы остатки рассудка. Я год за годом тратила на спасение Фонда, спасение животных. Но теперь Фонд твердо стоял на ногах. В середине семидесятых я решила — сейчас или никогда. Я была замужем за Джерри больше двадцати пяти лет — пожизненное заключение!»

Но страдала не одна Джеки — в браке редко страдает только один из партнеров. Люди, близко наблюдавшие семейную жизнь Даррелов, замечали, что Джеральд получает больше, чем отдает. Ближе всех Даррелам был Джереми Маллинсон, научный руководитель Фонда, старинный друг Джеральда и Джеки. «Я наблюдал за тем, как рушится их брак, — вспоминал он. — Было бы несправедливо во всем винить одного Джерри. Они оба были виноваты в распаде своей семьи. Джеки слишком ревновала мужа к зоопарку и Фонду. Она была очень мстительна. В середине семидесятых годов отношения между ними резко ухудшились. Джеки буквально уничтожила его».

К Рождеству состояние Джеральда резко ухудшилось. Он глубоко любил Джеки — она никогда не понимала, за что, — но сохранить брак было уже невозможно. Джеки сбросила маску. Джеральд был потрясен. На ежегодном рождественском ужине в поместье это заметили все присутствующие, хотя лишь немногие догадывались об истинной причине его тревоги. «Джерри был очень странным, — вспоминали Сэм и Кейт Уэллер. — И вся атмосфера этого вечера была ненормальной. Джерри был напряжен и замкнут. Нам стало ясно, что между ним и Джеки что-то произошло. Эмоциональное напряжение буквально чувствовалось в воздухе». Это заметил и Майкл Армстронг: «Джеральд стал много пить, это не нравилось Джеки. В конце концов она выхватила у него бутылку со словами: «Без меня ты был бы полным ничтожеством!»

Экспедиция в Ассам откладывалась, брак рушился. Джеральд впал в глубокую депрессию. Он по-прежнему жил вместе с Джеки, но более не считал себя женатым на ней. И тогда Джеки пришла на ум идея. Джерри плохо себя чувствует, сказала она его личному помощнику Джону Хартли. Почему бы не отвезти его погреться на солнышке? В течение последних двух лет Фонд занимался вопросами охраны окружающей среды на Маврикии. Именно на этом острове был уничтожен дронт — нелетающая птица, которая стала эмблемой Фонда и Джерсийского зоопарка. По сравнению с Ассамом, эта поездка была неутомительной, а контакты с местными властями давно установлены. Шестинедельная поездка на Маврикий была быстро организована. Отъезд наметили на конец марта.

Джеки же решила отправиться в Австралию, чтобы собрать материал о работе австралийских женщин по охране окружающей среды. За время этой поездки она хотела как следует обдумать свою жизнь и будущее. Джеральд принял ее предложение, но не хотел, чтобы она ехала одна. В качестве секретарши он предложил ей Сью Бейтмен, которая перед Рождеством оставила работу в Фонде.

Джеральд отправился в Борнмут, поселился в отеле. Он хотел повидаться с Маргарет, а также показаться своему врачу Алану Огдену. Но сложившаяся ситуация и одиночество тяжело повлияли на него. Он беспробудно пил и мрачно изучал девять томов книги Хэвлока Эллиса «Психология секса», купленные в борнмутском книжном магазине. («Любой, кто занимается разведением редких животных, знает, насколько важен секс», — говорил он, объясняя свой интерес к столь нетривиальной проблеме.) Постепенно Джеральд опускался в бездну черной депрессии. Тревожась о состоянии мужа, Джеки позвонила Алану Огдену. Тот застал Джеральда пьяным, в ужасном состоянии и немедленно поместил его в частную клинику. Алан перезвонил Джеки и предупредил, что ей будет лучше отложить поездку в Австралию. Ее отъезд мог сказаться на психическом состояния Джеральда. К тому же она может понадобиться. Джеки согласилась остаться и отправилась во Францию. Там она провела три месяца — с января по март. За это время она осознала, что брак их полностью разрушен, что она спокойно может жить в одиночестве, заниматься чем угодно и обдумывать свою жизнь. «И тогда я сказала себе: «Сейчас или никогда!» — вспоминала она. — Я жалела только об одном — что не сделала этого раньше!»

В жизни Даррелла произошло и еще одно неприятное событие. Дэвид Хьюз приехал навестить Джеральда в Борнмут, когда Джеки бросила его. Биографическая книга о Даррелле, над которой он работал в течение предыдущего года, оказалась невостребованной. И крушение брака стало не единственной причиной. Джеральд считал, что в этой книге слишком много разговоров и чересчур мало внимания уделено вопросам охраны окружающей среды. Коллинз расторгнул контракт, не выплатив последнюю часть аванса. Хьюз предпочел спокойную и более доходную жизнь профессора в Америке.

Джеральд вернулся на Джерси полностью разбитым. Джон Хартли встретил его в аэропорту и сразу же понял, что оставлять его одного нельзя. «Он плакал, был угрюм и подавлен, — вспоминал Хартли. — Я очень любил его, и мне было больно видеть его в таком состоянии. По вечерам в зоопарке было очень одиноко, а навещали его лишь немногие. Я чувствовал, что мне нужно переехать в главный дом хотя бы на несколько самых критических дней». Джон вернулся домой, сказал жене о своих планах, собрал все необходимое и поселился в главном доме, намереваясь провести рядом с Джеральдом столько времени, сколько потребуется. «Мы много разговаривали, — вспоминал он, — слушали музыку, немного выпивали и пришли к согласию о том, что мир — ужасное место».

Джеральд попал в ад, его душа погрузилась во мрак. Вскоре приехала его сестра Маргарет, а следом за ней из Америки прилетел Том Лавджой. «Джерри был совершенно разбит, — вспоминала Маргарет. — Он не мог выносить одиночества. Ему нужна была женщина, пусть даже простая кухарка или горничная. Он нервничал, если в доме не было женщин. Но несмотря на свое состояние, он сказал мне: «Если Джеки все же решится постучать в мою дверь, надеюсь, ты ее впустишь». Время от времени Джеральда навещали друзья. «Он был очень, очень подавлен, — вспоминал Дэвид Кобхэм. — Его лодка разбилась о скалы. Это было очень печально. Я знал, что он много пьет и что с ним трудно жить, но он был замечательным человеком, делавшим важное и нужное дело. Было ужасно видеть его в таком состоянии».

Пусть даже разрыв казался Джеральду настоящим адом, но нужно признать, что он пошел на пользу и Джеки, и самому Джеральду. Их брак перестал быть полноценным давным-давно. Боль, испытываемая Джеральдом, объяснялась, с одной стороны, потерей любимого человека, а с другой — тем, что уход Джеки оставил его в одиночестве — а одиночества он перенести не мог. «Если бы я не приняла решения уйти, — вспоминала Джеки позднее, — мы бы вместе пришли к заключению, что нам лучше расстаться. Помните старинную поговорку о том, что вслед за уважением уходит и любовь? Джерри, конечно, был очень сердит и говорил мне, что сделает все, чтобы изгнать даже саму память обо мне и полностью исключить любой мой контакт с зоопарком. И он сдержал обещание. Думаю, он был так разгневан потому, что мой уход образовал пустоту в его жизни. Хотя Джерри говорил, что никогда не хотел, чтобы я уходила, я чувствую, что эти слова были продиктованы не любовью ко мне, а тем неудобством, с которым был связан мой уход. Он полностью зависел от меня и от моего мнения. Я делала для него все. Даже несмотря на то, что я больше не занималась делами зоопарка, я продолжала оставаться его менеджером, банковским управляющим, секретарем и так далее. Теперь же он остался один. Не эмоционально, а практически. Стоило мне уйти, как Джерри понял, сколько я делала для него. Мне говорили, что он был вынужден нанять трех сотрудников, чтобы выполнять те обязанности, которые выполняла я на протяжении нашей супружеской жизни».

Пытаясь излечиться от сердечной боли и снять нервное напряжение, Джерри занялся написанием стихов о животных. Это помогло ему еще в шестидесятые годы. 27 февраля 1976 года он

писал Ширли Томас из зоопарка: «В свободное время я по мере сил пытаюсь превзойти старшего брата в поэзии. Я написал цикл стихов о животных под названием «Антропоморфия» и надеюсь, что мне разрешат самому их проиллюстрировать. Естественно, мои стихи более мистичны и философичны, чем поэтические опусы Ларри, и Вы сразу же это поймете из прилагаемого примера. Я чувствую, что ничто так не помогает избавиться от страданий, как сочинение стихов».

Учитывая обстоятельства, «прилагаемый пример», посвященный судьбе одного из вымирающих животных, совершенно замечателен:

Высоко, на заснеженных вершинах Анд,
Можно встретить лишь одного зверя,
Который оказался достаточно умен, чтобы доказать
всем смотрителям,
Что им всем необходима ученая степень.

Очковый медведь — это чудо,
Очковый медведь — не дурак.
Очковый медведь с редкой мудростью
Не тратил даром времени в школе.

Очковый медведь выучил испанский,
Очковый медведь научился рисовать,
Очковый медведь совершенно спокойно
Мог умножить двадцать на четыре.

Очковый медведь был образцовым животным, продолжал Даррелл. Он научился писать, рисовать, вязать, ткать и петь. Он изучил историю, научился считать, не загибая пальцы. И лишь одно обстоятельство повергало его в глубокую депрессию — он не умел говорить и был вынужден подписываться, ставя крест.

Но однажды кто-то подарил ему попугая
(Чрезвычайно дурно воспитанную птицу),
Которая умела делать хорошо лишь одно — говорить,
И Очковый медведь был спасен.

Птица стала его постоянным компаньоном,
Медведь писал письма друзьям совершенно спокойно,
А в конце этих посланий они находили подпись:
«Ачковый мидведь, Б.Н.».

Если ваш учитель спросит вас,
Как пишутся слова «кларет» или «зефир»,
Я предлагаю, не тратя лишних сил,
Пойти и купить себе попугая.

25 марта 1976 года, незадолго до отплытия Джеральда на Маврикий, Пегги Пил встретила его в Лондоне и записала в своем дневнике: «Джеки уехала во Францию. Я ничего не спросила, но подозреваю, что она бросила Джерри. Он выглядел очень одиноким. С ним была Энн Питерс. Мне показалось, что она тоже собирается на Маврикий». Похоже, в качестве подружки. «Энн стала первой девушкой, с которой Джерри начал встречаться после разрыва с Джеки», — вспоминал Джон Хартли.

В апреле после отъезда Джеральда на Маврикий Джеки вернулась на Джерси, чтобы забрать вещи и привести в порядок счета Джеральда. Тогда она была в зоопарке в последний раз. Саймон Хикс, прибывший на Джерси, чтобы занять пост зоологического координатора Фонда, а впоследствии ставший секретарем Фонда, вспоминал: «В зоопарке царила полная неразбериха, и я с первого же дня включился в работу. Господи, сказал я себе, мне-то зачем это нужно? Джеральд Даррелл за границей, его жена упаковывает свои вещи и уезжает. Приехали телевизионщики. «Мистер Даррелл здесь?» — спросили они. «Нет, он за тысячи километров отсюда, — ответил я. — Я здесь новичок и не могу вам ничем помочь. Я совершенно растерян». Никто не посвятил меня в

тайну. Мне пришлось во всем разбираться самому. Я ничего не понимал, кроме того, что положение очень серьезное». Уезжая, Джеки оставила прощальную записку Джереми Маллинсону: «Прощайте, надеюсь больше никогда в жизни не увидеть это чертово место».

В этот момент Джеральд был далеко от Джерси — и морально, и физически. Он впервые оказался на Маврикии, втором по величине из Маскаренских островов, лежащем к востоку от Мадагаскара. Этому острову было суждено оказаться местом осуществления наиболее долгосрочного и успешного проекта Фонда охраны дикой природы.

В марте 1976 года совершенно разбитый Джеральд вместе с Джоном Хартли и Энн Питерс вылетел на Маврикий. Шестинедельная экспедиция была спланирована так, чтобы у него была возможность отдохнуть и немного понежиться на солнце. В те времена Маврикий был довольно неизвестной страной. Джеральд увидел его из иллюминатора самолета — «зеленый, рдеющий, с голубовато-пурпурными горами, окруженный белопенными рифами и глубокой синевой Индийского океана». В экологическом смысле на острове произошла настоящая катастрофа. Самолет приземлился на руинах острова, где когда-то гнездился легендарный дронт. Большая часть уникальной островной фауны была уничтожена человеком еще в прошлом веке. Не менее разрушительную роль сыграли и спутники человека — собаки, кошки, свиньи, крысы, обезьяны, мангусты. За удивительно короткое время печальную судьбу дронта разделили огромный бескрылый черный попугай, гигантская черепаха и дюгонь. «От уникальной и совершенно безвредной для человека фауны, — писал Джеральд, — остались всего несколько птиц и ящериц. Но даже и они, а также все, что осталось от девственного леса, испытывают невероятное давление». Маврикийская пустельга, розовый голубь и попугай-пересмешник — самые редкие виды в мире — подвергались истреблению со стороны орд яванских макак, которые поедали их яйца и уничтожали птенцов.

По мере того как Джеральд знакомился с обстановкой на острове, поездка, спланированная как увеселительная, предусматривающая знакомство с охраной окружающей среды, постепенно превращалась в серьезную экспедицию, во время которой оставалось немного времени и на отдых. Прибыв на Маврикий, участники экспедиции остановились в штаб-квартире хранителя лесов Вахаба Овадалли, с которым и Джеральд, и Джон Хартли немедленно подружились. Хранитель лесов оказался очень дружелюбным человеком, сторонником охраны окружающей среды. Он настаивал, чтобы после ознакомления с состоянием популяции пустельга, розовых голубей и попугаев экспедиция отправилась на Круглый остров, который по своей значимости можно сравнить только с Галапагосскими островами, но которому угрожала серьезная экологическая катастрофа.

Найти розовых голубей в природе было нелегко, так как их количество сильно сократилось. Чтобы их увидеть, экспедиция отправлялась в лес ночами и при свете факелов разыскивала гнезда птиц. Для Джеральда путешествие по зарослям криптомерий в долине Розовых Голубей в поисках редких птиц было увлекательным приключением. Он забывал о своем погибшем браке, о проблемах Фонда и Джерсийского зоопарка, он снова погружался в мир живой природы, вспоминал детство, проведенное на Корфу. Красота окружающей природы завораживала даже такого искушенного человека, как Джеральд. На закате он забирался на деревья и ждал, когда голуби вернутся на ночлег. Пролетавшие мимо птицы проявляли к нему не меньший интерес, чем он к ним. Позже он писал:

«Солнце опустилось очень низко, и небо из металлического, зимородкового стало нежным, бледно-голубым. Внезапно откуда-то появилась стая белоглазок, маленьких хрупких зеленых птичек с бледными кремовыми кругами вокруг глаз. Птички расположились на дереве надо мной. Они принялись переговариваться между собой, издавая резкие, высокие звуки, и в то же время демонстрировали мне чудеса акробатики, выискивая между сосновыми иголками крохотных насекомых. Я поджал губы и издал звук, напоминавший их крики. Эффект был поразительным. Все птички замерли, замолчали, забыли об ужине, собрались на ветке прямо над моей головой и уставились на меня черными глазками, обведенными белыми кругами. Я издал еще один крик. Какое-то время птички ошарашено молчали, а затем начали возбужденно переговариваться и приближаться ко мне. Если бы я протянул руку, то мог бы до них дотронуться. Я продолжал подражать их крикам. Белоглазки казались все более и более встревоженными. Они склоняли головки, приближались ко мне все ближе и ближе. Птички чуть было не садились на меня, продолжая обсуждать столь странное явление резкими, пронзительными голосками».

Только когда над деревом пролетели два розовых голубя и Джеральд поднял бинокль, чтобы как следует разглядеть их, эти любопытные крошки наконец-то взлетели. Первый голубь уселся на дерево рядом с Джеральдом, и тот смог его поймать при помощи специальной сети.

«Я осторожно держал птицу в ладонях. Голубь лежал спокойно, не двигаясь, часто моргая от удивления. Это была совершенно замечательная птица. Глядя на нее, ощущая под пальцами шелк ее перьев, ощущая частое сердцебиение, я испытывал глубокую печаль. В моих руках сидел один из тридцати трех уцелевших розовых голубей на Земле. От бесчисленных стай, затмевавших небо, остались лишь тридцать три голубя. Когда-то здесь оставалось и тридцать дронтов, безвредных нелетающих птиц, которые исчезли с лица земли из-за глупости и беззаботности человека, истребленные кошками, собаками и обезьянами. Эти птицы исчезли навсегда, потому что никто не позаботился о них и не предоставил им убежища, где они могли бы спокойно жить и размножаться. Но хотя бы розовым голубям мы могли еще помочь».

Правда, Джеральд заметил, что розовый голубь и сам не слишком-то много думает о продолжении рода. Удобно устроившись на конце ветки, он вполне может отложить яйцо в пустоту.

Следующим пунктом программы был Круглый остров, лежащий в четырнадцати милях к северо-востоку от Маврикия. Площадь его не более 375 акров, но на этой довольно скромной территории встречается огромное множество совершенно уникальных растений и животных, в том числе восемь видов местных рептилий, шесть из которых находятся под угрозой уничтожения (два вида гекконов, два вида сцинков и два вида змей); не менее десяти видов редчайших растений, причем шесть из них являются эндемиками. К тому же на Круглом острове гнездится редчайший вид буревестников. «На каждом акре этого вулканического острова, — писал Джеральд, — можно встретить больше уникальных, редчайших животных и растений, чем в любом другом уголке земного шара». Завезенные человеком козы и кролики нарушили равновесие природы, пожрали растительность и подрыли корни. Девственным лесам был нанесен непоправимый ущерб. Редкие пальмы и деревья твердых пород, в частности черное дерево, были уничтожены навсегда. Круглый остров напоминал безжизненную лунную поверхность. Следом за растительностью исчезли насекомые. Ящерицы и змеи лишились источника пищи и тоже вымерли. Правительство Маврикия осознало опасность и приняло меры по сокращению численности коз, отстрелу кроликов и восстановлению растительности на острове, хотя сделано было очень немного.

Но Джеральд был в восторге. «Теперь совершенно ясно, что через тридцать-сорок лет, — писал он, — Круглый остров станет самым замечательным примером охраны и восстановления окружающей среды на практике, хотя всего несколько лет назад он являл собой безжизненную пустыню». Экспедиции Даррелла дали разрешение вывезти в Джерсийский зоопарк редких животных. Через четыре дня Джеральд покинул Круглый остров, увозя с собой несколько пар гекконов и сцинков.

Поездка на Родригес заняла больше времени. Этот сухой, пыльный остров лежал в 350 милях к востоку от Маврикия. Родригес когда-то был местом обитания гигантских черепах и странной одинокой птицы пустынника, но оба вида были безжалостно истреблены французскими поселенцами еще в восемнадцатом веке. Джеральд с Джоном хотели ознакомиться с состоянием популяции золотых крыланов. Этих летучих мышей сохранилось всего 120—130 особей. Даррелл хотел отловить несколько пар, чтобы создать жизнеспособные колонии на Джерси и на Маврикии. Мышей ловили с помощью специальных сетей, дымовых костров и подгнивших фруктов.

Джунгли Родригеса ночью — не место для слабонервных. Москиты чуть ли не до костей обглодали Джеральда и его спутников, а внезапно пошедший тропический ливень не оставил на них сухой нитки. Местные жители соорудили им шляпы из банановых листьев, но на листья набросились крупные местные улитки и почти полностью их сожрали. Все же считать неудачной эту поездку было нельзя. Экспедиция вернулась на Маврикий с восемнадцатью крыланами.

На Маврикии Джеральда поселили в роскошном отеле, раскинувшемся под пальмами на белоснежном пляже. От открытого океана лагуну отделял небольшой коралловый риф. Этот риф стал для Джеральда настоящим открытием. Перед ним предстал совершенно иной мир. «Под водой ты превращаешься в коршуна, — писал он. — Ты паришь над лесами, горами и песчаными пустынями этой океанской вселенной. Ты чувствуешь себя Икаром». Маврикий показался Джеральду раем на Земле, он надеялся, что правительству достанет ума объявить эти рифы национальным морским парком, как это уже сделали Танзания и Сейшельские острова. Накануне отъезда Джеральд плавал на рифе. Его окружали огромные стаи рыб, под ним раскинулся настоящий подводный сад.

«Я плавал с рыбами примерно полчаса. Это было незабываемо: то мне казалось, что подо мной весенний лес, шелестящий листьями, а через мгновение я видел ярко-синее средиземноморское небо, каким-то чудом перенесенное в океан. Неподалеку я заметил небольшое коралловое деревце, на

котором не было ни морских ежей, ни рыб-скорпионов, и уселся на него. Я снял маску. На горизонте возвышались снежные горы Маврикия. Почти до самой вершины их укутывали зеленые леса, и лишь на макушке красовалась белоснежная шапка. Между мной и горами в небе дрожали пять радуг. Я решил, что Маврикий — это совершенно замечательное место».

Вернувшись на Джерси, Джеральд обнаружил, что Джеки собрала свои вещи и уехала. По взаимному согласию она забрала их «Мерседес». В мае состоялась их последняя встреча.

«Мы встретились в Борнмуте, — вспоминала Джеки. — Это была полунейтральная территория. К этому моменту мне удалось успокоиться и взять себя в руки. Я была поражена тем, что и Джерри отлично владел собой. Я сказала ему, что не собираюсь возвращаться, но он не захотел согласиться с моим решением. Он сказал, что сожалеет о своем поведении, и пообещал, если я вернусь, взять меня с собой в Россию или в любую другую страну, куда я захочу. Он настаивал, чтобы я еще пару дней подумала обо всем, что я и сделала. За это время я успела посоветоваться с адвокатом, потому что хотя Джеральд и говорил, что все имущество будет разделено между нами поровну, письменного подтверждения его слов у меня не было. Когда Джерри понял бы, что я действительно не собираюсь возвращаться, он мог оказаться не столь щедрым. Из офиса моего адвоката я позвонила ему и сообщила, что окончательно решила уйти от него. Джерри взорвался. На этот раз ему не удалось совладать с собой, и он дал волю языку».

Впереди были четыре года ссор и горечи. Разрыв был полным. Джеки больше никогда не встречалась с Джеральдом, им нечего было сказать друг другу. Хотя Джеральд продолжал активно работать в своем зоопарке, его жизнь стала совершенно иной, он был в ужасном состоянии. Джеки чувствовала себя как в ссылке. Ей тоже пришлось нелегко. «Я никогда не забуду это мучительное для меня время, — вспоминала она. — На меня обрушился такой стресс, Джерри оказался таким мстительным, что от нервного срыва меня уберегла только поддержка близких друзей».

19 июля 1976 года Джеральд написал Лоуренсу о разрыве с Джеки: «Джеки ушла. Ты был очень добр, когда пригласил меня пожить немного во Франции, но я предпочитаю зализывать свои раны в одиночестве. Я хочу поехать в Грас. Если нам удастся встретиться, когда я соберусь возвращаться, можно будет сходить на бой быков. Думаю, мне будет приятно увидеть, что терзают не меня одного».

Но этот план не был осуществлен. Джеральд, Джон Хартли и Дениз Лиддлоу, гибкая, смуглая уроженка Карибских островов, ставшая секретарем зоопарка и получившая от Джеральда прозвище Радуга, уехали на юг Франции и поселились на белоснежной, увитой бугенвиллеями вилле в Каннах, куда их пригласили Франсуа и Шейла Браш. Шейла принадлежала к богатой американской семье, владевшей фирмой «Джонсон и Джонсон». Она всегда поддерживала Фонд и жертвовала крупные суммы. «Джеральд развлекался тем, что писал книгу о Маврикии, — вспоминал Джон Хартли, — хотя большую часть времени он проводил в местных ресторанах. Он много ел, еще больше пил, потом возвращался домой и добавлял еще. Он часами мог сидеть на открытой веранде, греясь под лучами солнца. Порой он засиживался на веранде на всю ночь, отправляясь спать лишь в четыре-пять часов утра. Это была довольно спорная терапия — но ему она помогла». Канны очень понравились Джеральду. Он сумел справиться с сердечной болью при помощи бара «Негреско» (самого роскошного отеля Канн) и стройной чернокожей девушки. Постепенно он стал возвращаться к нормальной жизни.

Адвокат Джеки бомбардировал его письмами. «Джеральд выдвигал смехотворные обвинения, — вспоминала Джеки. — Его поведение страшно меня раздражало. Только когда я пригрозила, что подам в суд и расскажу о нервном срыве и о его пьянстве, он стал более сговорчив». Джеральд никак не мог успокоиться. В августе он вернулся из Канн и написал Лоуренсу: «Боюсь, Джеки ко мне не вернется. Она поступает со мной очень жестоко. Видимо, я причинял ей боль с завидной регулярностью. Я этого не замечал, но она абсолютно в этом убеждена».

Джерри сопротивлялся требованиям адвокатов изо всех сил. «Джеки разослала повестки всем, кому только смогла. Это была настоящая бракоразводная битва, — вспоминал Джереми Маллинсон. — Джерри, порой даже в ущерб собственным финансовым интересам, стремился защитить Фонд всеми силами». Наконец все вопросы были решены, и британский суд весной 1979 года развел супругов на основании «неразрешимых противоречий».

Так как Джеральд не был резидентом Соединенного Королевства, суд не присудил Джеки половину его состояния, на что она так рассчитывала, указывая на то, что без нее Джеральд ничего не добился бы. Суд постановил, что Джеральд должен выплачивать Джеки регулярно индексируемое

содержание в размере 7000 фунтов стерлингов в год. Джеральд считал, что налоги с этой суммы должна выплачивать сама Джеки. «Он не хотел мне ничего отдавать, — вспоминала Джеки. — Лишь суд вынудил его сделать это. Но чтобы получить от него хотя бы пении, я должна была отказаться от всех своих прав на то, что мы с ним имели на Джерси. К чести Джеральда надо сказать, что, хотя мне потребовалось немало времени на то, чтобы отсудить у него какие-то деньги, он всегда честно выплачивал оговоренную сумму, несмотря на собственные финансовые затруднения».

Однако ощущения у обоих были не из лучших. И Джеральд, и Джеки были разгневаны, чувствовали себя преданными и не хотели видеть друг друга. Джеральд всегда любил Джеки больше всех на свете. Он не представлял, что их жизнь может завершиться подобным образом, и всю вину за это возлагал на свою бывшую жену, обвиняя ее в том, что она самым подлым образом его бросила. Когда он узнал, что должен будет платить алименты, то просто вышел из себя. Эта сумма казалась ему несправедливо большой. «Я решил продать дом в Грасе, — писал он Лоуренсу, — так как содержать его мне не по средствам. Сейчас мне нужны наличные, так как придется выплачивать огромные алименты. Как несправедливо со стороны суда было заставить меня платить — ведь я абсолютно не виноват в распаде нашей семьи».

Джеки, разумеется, видела все по-другому. Она ушла, потому что Джеральд сделал их дальнейшую совместную жизнь невозможной. «То, что я выдержала так долго, до сих пор меня удивляет, — вспоминала она много лет спустя. — Я отказалась от всего, что было мне дорого, — бросила семью, забыла о карьере, пожертвовала своим здоровьем, отдала ему двадцать восемь лучших лет своей жизни. И за все это я получила жалкие гроши и сердечную боль. Меня лишили законного места в анналах зоопарка и Фонда, словно меня никогда и не существовало».

Взаимные обвинения — неотъемлемая часть любого болезненного развода, но даже в угаре судебной тяжбы Джеки не могла не признать: «Джеральд Даррелл был слабым человеком, как и большинство людей на нашей планете. Но он очень любил природу и отдавал все свои силы сохранению окружающей среды. Это великий человек нашего времени, и его вклад в дело охраны природы еще только начинает получать признание».

Джеральду пришлось нелегко. Его жизнь разбилась на две части. Зоопарк и созданный им Фонд процветали и становились все более известными. Уже насчитывалось более пятнадцати тысяч членов Фонда по всему миру, двести тысяч человек ежегодно посещали его зоопарк, в состав научных комитетов Фонда входили ученые с мировыми именами, Федерация зоопарков присудила Джеральду пять премий, ему удалось получить потомство от десятков животных, которым в естественных условиях грозило полное исчезновение. Но в личном плане Джеральд был несчастен, его литературная деятельность приостановилась. Новые книги более не встречали такого восторженного приема, как прежде, тиражи падали. В 1975—1976 годах его доход составил всего треть от дохода предыдущих лет. Удача отвернулась от Джеральда Даррелла и, казалось, больше никогда к нему не вернется.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

ИСТОРИЯ ЛЮБВИ: ПРЕЛЮДИЯ 1977-1978

Джеральд Даррелл всегда считал себя счастливчиком. Конечно, в его жизни случались и падения и трагедии. Особенно богатыми на них выдались последние несколько лет. Но он всегда поднимался, причем не всегда только благодаря собственным усилиям. Друзья и коллеги называли эти чудеса «удачей Даррелла». Эта удача никогда не проявлялась столь впечатляюще, как во время поездки Джеральда в Северную Америку весной 1977 года. Целая цепь событий полностью изменила его жизнь.

В конце апреля и начале мая Джеральд колесил по Америке, по его собственному выражению, «со шляпой в протянутой руке». Это занятие ему не нравилось, но только он мог собрать средства для Фонда. К тому же, он мог выступать перед публикой. «Вымирание животных — это самоубийство: Даррелл» — кричали газетные заголовки. «Вымирание животных имеет кумулятивный эффект — в конце концов вымрем и мы с вами. Мы совершаем самоубийство, это совершенно ясно... Человек — это мыслящее насекомое, возомнившее себя богом. Это очень опасно. Человек так относится к окружающему его миру, что очень скоро вокруг него вообще ничего не останется».

Из Айкена в Южной Каролине Джеральд направился в Университет Дьюка в Дурхеме, штат Северная Каролина. Этот университет славился богатейшей коллекцией мадагаскарских лемуров.

Университетским ученым удалось добиться больших успехов в разведении лемуров в неволе. Еще до отъезда в Америку Джеральд слышал, что у коллекции Дьюка возникли серьезные финансовые затруднения, и хотел предложить забрать пару видов в Джерсийский зоопарк. Он вылетел в Дарем, где его встречала Марго Рокфеллер. Дочь Марго, Кэролайн, работала в Университете Дьюка. Она встретила Джеральда и устроила ему экскурсию по лемурьей коллекции. «Целых три часа я провел в столь милой моему сердцу обстановке, — вспоминал Джеральд. — Я переходил от клетки к клетке и любовался великолепными животными». За обедом речь шла только о лемурах. Не прекратился разговор и вечером. К моменту возвращения в мотель Джеральд и Марго были совершенно обессилены. Но отдохнуть как следует им не удалось. Профессура университета устроила в их честь торжественный ужин. Снова говорили о лемурах. Снова твердили сложные, непонятные слова. Джеральд вспоминал:

«Вооружившись бутылкой виски, мы пытались проникнуться духом вечеринки. К счастью, все уже довольно прилично выпили. Профессора пришли со своими женами, и те не уступали им в сложности речи. Я в отчаянии озирался по сторонам, разыскивая уголок или трещину, куда можно было бы забиться. И тут мой взгляд упал на молодую женщину, сидевшую на каком-то странном сооружении, которое с большой натяжкой можно было бы назвать пуфом. В руке она держала бокал и была невероятно красива. Я сразу же заметил, что у нее нет обручального кольца. Тогда я огляделся в поисках мускулистого молодого человека, излучающего ощущение счастливого собственника, но никого не увидел. Больше всего в Америке мне нравится то, что можно представляться незнакомцам и не повергать их подобным поступком в ужас. Итак, я направился к девушке.

— Привет, — сказал я. — Я Джеральд Даррелл.

— Я знаю, — ответила она. — Меня зовут Ли Макджордж».

Очаровательную двадцатисемилетнюю девушку из Мемфиса, штат Теннесси, звали Ли Макджордж. Она закончила зоологический факультет и два года провела на Мадагаскаре, изучая экологию и социальное поведение лемуров, а также звуковое общение малагасийских млекопитающих и птиц. Вернувшись в университет, она стала работать на зоологическом факультете, а в свободное время обрабатывала полученные на Мадагаскаре результаты и писала докторскую диссертацию. На Мадагаскаре Ли жила в Форт-Дофине. В местной библиотеке она нашла несколько книг Джеральда Даррелла, в том числе и «Мою семью и других зверей». По ночам она читала эти книги при свете парафиновой лампы, а ее крохотный летучий мышонок, который еще не умел летать, ползал вокруг нее, скребя когтями по деревянному полу. Ли полюбила эти книги, но даже и думать не могла о том, что когда-нибудь сможет познакомиться с автором. Она была крайне изумлена, когда ее профессор позвонил ей и спросил, не хочет ли она прийти на ужин в честь Джеральда Даррелла.

Ли Макджордж никогда не встречалась с таким знаменитым человеком. «Он был совсем не похож на звезду, — вспоминала она. — Джеральд был одет довольно щеголевато. Он не надел строгий черный костюм, как большинство из присутствовавших. Он был весел и энергичен. Развевающиеся белоснежные волосы и борода делали его похожим на актера. Он обладал абсолютным обаянием. С первого же взгляда становилось ясно, что перед вами особенный человек. В комнате было множество важных профессоров, но он отличался от всех: в нем была свежесть восприятия, он интересовался всем вокруг. И сразу же чувствовалось, что он — англичанин. Мне довелось дважды побывать в Англии. Впервые отправившись за границу, я направилась в Лондон. Оттуда я поехала на конференцию в Кембридж. Кембридж меня совершенно очаровал. Я была просто счастлива встретиться со знаменитым англичанином, который каким-то чудом очутился в Дарме, Северная Каролина, и захотел поговорить со мной. Я была простой студенткой, которой посчастливилось заниматься чем-то, что пересекалось с его работой».

Когда Ли заговорила, Джеральд уставился на нее в изумлении. «Если бы она сказала, что ее отец был индейским вождем, а мать марсианкой, я и то не был бы так удивлен, — вспоминал он впоследствии. — Общение животных всегда занимало меня больше всего. Я уставился на нее. Да, она была удивительно красива, но красивая женщина, которая изучает поведение животных, для меня была почти что богиней!»

«То, что он уделил мне столько внимания, поразило меня, — вспоминала Ли. — Я была польщена. Никто еще не льстил мне таким образом. Я сразу же почувствовала, что Джерри считает меня привлекательной, и это мне льстило. Я хочу сказать, что внимание парней так не льстит. Но звездность Джеральда затмила мне глаза, чтобы отреагировать на его ухаживания. И к тому же в тот момент у меня был приятель, к которому я относилась очень серьезно».

Целых два часа пятидесятидвухлетний англичанин и двадцатисемилетняя американка обсуждали вопросы общения животных и пытались сами воспроизвести все звуки. Когда все собрались в ресторан. Джеральд и Ли продолжили беседу в ее автомобиле, засыпанном собачьей шерстью и желтыми листьями. Машина Ли возглавила процессию, а за ней, «как погребальный кортеж, следовали автомобили профессоров и профессорских Ли и Джеральд так увлеклись беседой, что утратили чувство времени. В результате в ресторан они попали только к десяти часам, а профессора кружили за ними по городу, «как вальсирующие японские мыши». Джеральд и Ли разговаривали до двух часов ночи. На рассвете Ли отвезла Даррелла в его мотель.

«На следующее утро, — вспоминал Джеральд, хотя сделать это было нелегко, — я проснулся и почувствовал, что малейшее движение отзывается в моей голове чудовищной болью. Я лежал, не шевелясь, и думал о Ли. Может быть, я слишком много выпил и она показалась мне такой умной только в алкогольном бреду? Красива — да, но интеллигентна ли? Я позвонил доктору Элисон Джолли, возглавлявшей мадагаскарский проект в Университете Дьюка.

— Элисон, расскажи мне о девушке по имени Ли Макджордж, — попросил я.

— Она закончила Университет Дьюка, — сказала Элисон.

— А что ты о ней думаешь? — спросил я и, затаив дыхание, стал ждать ответа.

— Это самая одаренная студентка, занимающаяся вопросами общения животных, какую мне только доводилось видеть, — честно призналась Элисон».

Не тратя времени на размышления, Джеральд тут же позвонил Ли. Он хотел просто поблагодарить ее за приятно проведенный вечер. Скоро он уезжает, так что увидеться им не удастся, но он обязательно вернется. Через несколько дней он написал Ли письмо — первое из очень многих.

«Дорогая Ли.

Хочу еще раз извиниться. Но когда Вам стукнет столько, сколько мне сейчас, вы тоже будете вынуждены спешить, чтобы не опоздать. Вы были столь обольстительны, свежи и интеллигентны, что совершенно меня очаровали. Поэтому не могу ли я задать вам один вопрос. Если случится так, чтоо ваша любовная жизнь расклеится, не захотите ли вы совершить небольшую поездку в Европу? Если подобная мысль не кажется вам отвратительной, напишите или позвоните мне. Вы — одна из самых красивых и умных девушек, каких я встречал в последнее время. Вы тот человек, который мне нужен. Даже если забыть о наиболее очевидной причине, у меня столько работы и мне нужно совершить столько поездок, что мне просто необходима помощница».

Джеральд хотел произвести впечатление. Он не был ни молод, ни красив, ни строен. Зато он вел экзотичную, романтическую жизнь и в полной мере наслаждался своей известностью. Джеральд написал Ли, что пробудет в Штатах еще несколько дней, а потом приедет снова в середине мая, когда ему будут присуждать почетную степень.

«Затем я вернусь в свой зоопарк на Джерси, а оттуда поеду на юг Франции, где и пробуду до сентября. В начале сентября княгиня Монако Грейс прилетит на Джерси, чтобы открыть наш новый ветеринарный комплекс. В конце сентября я улечу на Маврикий, чтобы набраться солнышка в преддверии английской зимы. Хотелось бы мне быть молодым и красивым, чтобы Вы захотели разделить все эти радости со мной. А впрочем, не обращайте внимания. После Маврикия я надеюсь посетить Ассам, а потом Перу и Мадагаскар. Теперь Вы видите, что я не кривил душой, когда говорил, что очень занят.

Хотел бы оставаться вашим покорнейшим слугой,
Джерри.

P.S. К черту хорошие манеры — я нахожу вас чрезвычайно обольстительной!»

Почетную степень Джеральду присудили в Йеле. Торжественная церемония состоялась 16 мая. Проснувшись в гостиничном номере в день церемонии, Джеральд первым делом написал письмо своему заместителю, Джереми Маллинсону.

«Мой дражайший Джереми!

Сейчас пять утра. Сегодня мне предстоит получить почетную степень, и я почувствовал, что просто обязан тебе написать... Я полностью осознаю, что та степень, которую присвоят мне сегодня, принадлежит нам обоим. Мне никогда не добиться бы такого успеха без твоей помощи, твоей напряженной работы и самоотверженности. Ты должен знать, что, когда я буду получать эту степень, я сделаю это и от твоего имени, потому что в этом есть и твоя немалая заслуга».

Перед церемонией все почетные доктора, в том числе бывший президент США Джеральд Форд и знаменитый исполнитель блюзов Би Би Кинг, прошли торжественной процессией через студенческий кампус. Играл оркестр, со всех сторон процессию приветствовали студенты, их родители и друзья. «Мне доводилось видеть много процессий, но я еще никогда не принимал участия ни в одной из них, — вспоминал Джеральд. — Я никогда не понимал, насколько горячей является эта церемония, особенно, когда на улице больше восьмидесяти градусов, а на тебе академическая шапочка и черная мантия». Когда настала очередь Джеральда принимать почетную степень, весь факультет лесоводства и экологических исследований поднялся, чтобы приветствовать его. Президент Йеля прочел приветственную речь:

«Одаренный писатель, чья остроумная и элегантная проза и развлекает нас, и позволяет совершить интереснейшую экскурсию в мир животных, вы открыли путь в мир природы миллионам своих читателей. Для серьезных ученых вы являетесь самоотверженным борцом за дело охраны окружающей среды и сохранение вымирающих видов животных. Вы проводите огромнейшую работу по разведению в неволе редких, находящихся под угрозой уничтожения животных. Ваши концепции одновременно и оригинальны, и впечатляющи. Отмечая ваш юмор, ваш острый ум и вашу готовность прийти на помощь нашему миру, Йельский университет с гордостью присуждает вам степень доктора гуманитарной литературы».

Во время этой поездки Джеральд больше не встречался с Ли. Но он не забыл ее. Перед ним встала неразрешимая проблема. Как толстому седому мужчине очаровать молодую, красивую девушку, которой он годится в отцы? Человеку, который так долго и успешно занимался ловлей млекопитающих, подобная задача казалась по меньшей мере неразрешимой.

Однако она была не такой неразрешимой, как казалось. О науке и практике сексуальной привлекательности среди млекопитающих Джеральд знал абсолютно все. Он просто обязан был знать. На этом знании основывалась его программа разведения диких животных в неволе. «Зоопарк — это сексуальный сумасшедший дом», — говорил он посетителям, показывая им свое детище. «Как мне удается заставить животных размножаться? — переспрашивал он журналиста. — Я брожу вокруг их клеток по ночам и читаю им «Камасутру». «Внезапно я понял, — писал Джеральд, — что у меня есть козырная карта — мой зоопарк. Я решил заманить ее на Джерси, чтобы показать свой одинокий дом. Но как это сделать, чтобы не вызвать у нее подозрений? Мне пришла в голову блестящая идея, и я тут же ей позвонил».

В телефонном разговоре Джеральд предложил Ли поработать в Джерсийском Фонде охраны дикой природы. У него были огромные планы, и ему нужна была ее помощь.

— Может быть, вы помните, — сказал он, — что я собираюсь заняться поведенческими исследованиями и звукозаписью?

Это было правдой. Все остальное нет.

— Пожилая женщина, член нашего Фонда, умерла, — продолжат Джеральд, — и по завещанию оставила нам крупную сумму. Этого, конечно, не хватит на постройку нового комплекса, но зато мы сможем начать исследования в этой области. Я был бы очень рад... Если бы вы могли приехать на Джерси и дать нам несколько советов... Эта мысль вас не очень пугает?

— Нет, — ответила Ли. — Мне бы очень хотелось приехать, но до конца семестра это вряд ли получится.

23 мая Джеральд отправил Ли Макджордж официальное приглашение.

«Как я уже говорил Вам в телефонном разговоре, у нас появились некоторые средства, которыми я могу распоряжаться по собственному усмотрению. Я был бы крайне признателен, если бы Вы позволили оплатить Ваш приезд на Джерси. Мне бы хотелось показать Вам наш зоопарк. Мы бы могли обсудить некоторые вопросы, в которых мы могли бы сотрудничать. Меня крайне заинтересовала Ваша теория общения животных. Если Вы решитесь приехать, я смогу познакомить Вас с чрезвычайно интересным материалом относительно китов, а также птиц».

Джеральд добавлял, что Ли сможет пробыть на Джерси столько, сколько захочет, но никак не меньше месяца. Он вышлет ей билет на самолет, а также возьмет на себя все ее расходы.

Ловушка была расставлена, но добыча попалась в нее еще очень не скоро.

Летом Джеральд был так занят, что у него не было времени писать Ли. Казалось, что она совсем исчезла с его горизонта. В конце концов, она была так далеко, а рядом находились очень привлекательные реальные женщины. Навестить Джеральда приехала его давняя аргентинская подруга, Мари Рене Родригес. Следом за ней появилась Вин Ноулз, с которой Джеральд познакомился в бытность ее продюсером радиопрограммы Би-би-си «Женский час». На Маврикии его сопровождала двадцатилетняя американка Триш, одна из организаторов исторического концерта в Вудстоке, «симпатичная девушка, напоминающая Джеки Кеннеди, большая хохотушка». На Маврикий прилетели Джон Хартли и Марго. Они же последовали за Джеральдом в Грас, а потом в Венецию. В Венеции к ним присоединилась подруга Марго, Вирджиния.

20 июня Джеральд написал Ли из Граса. В письме он описывал красоты южной Франции и выражал надежду, что когда-нибудь она сможет увидеть все это собственными глазами: «Я никогда не видел Францию столь прекрасной, как сейчас... Каждая живая изгородь — это цветочный гобелен... повсюду порхают бабочки самых разнообразных расцветок... Реки напоминают зеленый шелк... каждая деревушка, каждый домик утопают в розах... Вы уже поняли, что я люблю Францию. Мне бы хотелось, чтобы Вы могли увидеть это своими глазами».

Личная жизнь Джеральда летом 1977 года текла ни шатко ни валко. Ли была далеко, ее образ почти изгладился из его памяти. Триш отправили домой за курение и появление на торжественном обеде с губернатором Маврикия в брюках. Джеральд встречался со множеством очаровательных жительниц Джерси, но эти встречи были чисто случайными. В июле Джеральд отправился на старую ферму, которую он арендовал у Лоуренса, чтобы поговорить о ее приобретении. Сделка должна была быть заключена в октябре. И тогда в его жизнь вошла Александра.

Александра Мэйхью была дочерью англичанина и гречанки. На свет она появилась в Бомбее. Элегантная, стройная, темноволосая, независимая двадцатитрехлетняя студентка знала Джеральда с двенадцати лет. Ее мать каждый год навещала Даррелов на Корфу и брала девочку с собой. Летом 1977 года Александра начала работать в зоологическом журнале в Лондоне. Тогда она и обратилась к Джеральду с просьбой дать ей рекомендацию.

«Я несколько лет жила в Афинах, — писала Александра, — и работала в греческом обществе охраны животных. Но тем летом у меня обнаружили камень в почках, поэтому мне пришлось вернуться в Европу и обратиться к специалистам. Я поселилась у своей бабушки в Танбридж-Уэллс. Джеральд написал мне и пригласил на Джерси, чтобы обсудить все вопросы, связанные с приемом на работу. Я приехала со своим приятелем, потом заболела, и в конце концов осталась на Джерси на целую неделю. Джерри прозвал меня «паразиткой». Так он и обращался ко мне в письмах — «дорогая паразитка», а заканчивал словами «твой любящий хозяин». Ему не нравился парень, с которым я приехала, скорее всего, потому, что он сам хотел занять его место. Когда я болела, он приносил мне завтрак в постель. Однажды он сказал: «Послушай, ты должна избавиться от этого ужасного человека. С ним ты попусту тратишь время. Ты должна выйти замуж за меня». Он говорил вполне серьезно. Я была молода и красива, мы оба любили Грецию и занимались зоологией. В то время он всего лишь раз встречался с Ли. И хотя он по-прежнему думал о ней, но не считал, что из этого получится что-то серьезное. Позже он признавался, что испытывал сильное физическое влечение всего к трем женщинам — ко мне, Ли и Джеки. Но между нами ничего не могло произойти. Как бы я ни любила и ни уважала его — он был очень необычным человеком, прекрасным рассказчиком, замечательным спутником, щедрым, веселым, несдержанным на язык, — но стать его женой я не могла. В то время Джеральд переживал тяжелый момент, но я не могла ему помочь».

Александра вернулась в Афины, а Джеральд занялся подготовкой поездки в Ассам. Он собирался ознакомиться с положением редкой карликовой свиньи и при возможности поймать несколько пар, чтобы попытаться развести этих животных на Джерси. Карликовую свинью «открыли снова» в предгорьях Гималаев, хотя считалось, что она давно вымерла из-за сужения среды естественного обитания. Индийские крестьяне регулярно выжигали леса, чтобы иметь возможность растить злаковые.

Для Джерсийского Фонда проблема карликовой свиньи была не из легких. Нужно было решить ряд политических вопросов, провести переговоры с индийским правительством, причем на самом высоком уровне. В прошлом году сэр Питер Скотт по поручению Джеральда обратился к премьер-министру Индии, Индире Ганди, с просьбой выслать две-три пары карликовых свиней. Она

ответила: «Это животное находится на грани исчезновения, но благодаря предпринятым нашим правительством мерам мы в состоянии предоставить вам несколько пар для разведения. Надеюсь, на Джерси им будет хорошо».

Дело продвигалось неплохо. Джеральд собирался посетить Ассам весной 1977 года. Сопровождать его должен был Уильям Оливер, его научный помощник по Фонду. К сожалению, на Маврикии он подцепил какую-то странную болезнь, которая свалила его с ног. «Я чувствую себя так, словно мне 142 года, — говорил он. — А в туалете из меня выходит такое количество крови, какому позавидовал бы сам Дракула». Хотя Уильям Оливер все равно собирался ехать в Ассам, чтобы проводить собственные исследования карликовой свиньи, Джеральду пришлось отложить поездку до следующей весны. Теперь нужно было решить, кто будет сопровождать его.

В октябре он вернулся в Америку, чтобы снова собирать средства для Фонда. Получив мягкий, но непреклонный отказ Александры, он окончательно решил уговорить Ли. Но как это сделать? Во-первых, нужно с ней встретиться — предпочтительно в каком-нибудь престижном, впечатляющем месте. Ему предстояло читать лекцию в Вашингтоне. Джеральд решил пригласить Ли туда. Она приехала, хотя речи о том, чтобы оплатить ее перелет и проживание, уже не шло.

Ли никогда не слышала публичных выступлений Джеральда. Лекция в Вашингтоне совершенно очаровала ее. «Выступление было блестящим, — вспоминала она. — Он быстро набрасывал портреты животных, рассказывал о своих путешествиях, словно эти истории только что пришли ему в голову. Но это было не так. Он часто говорил: «Всегда нужно иметь наготове выигрышные истории». Он всегда читал стандартную лекцию, которая начиналась с его знакомства с миром животных. Затем он переходил к ловле зверей для зоопарков, потом к созданию собственного зоопарка и Фонда охраны дикой природы. Кульминацией лекции был рассказ о работе Джерсийского Фонда и реклама Фонда американского. Самой сильной стороной его выступления было умение рассказывать анекдоты и рисовать наброски, которые заставляли слушателей смеяться. Будь он предельно серьезен, ему бы никогда не собрать таких сумм. Цифры и факты всегда были его слабым местом. Он не умел просить у людей деньги. Он вырос в те времена, когда разговор о деньгах считался вульгарным, поэтому его очень угнетала необходимость собирать пожертвования. Все социальные мероприятия обычно подготавливались Томом Лавджоем, или Джоди Лонгнекер, или еще кем-нибудь из американского отделения Фонда. Многие из этих людей были очень богаты и дружили с богатыми людьми. Джерри говорил: «Направьте меня в нужном направлении, и я буду ужасно очарователен и мил, рассказывая о животных, о нашей работе и о наших ужасных проблемах. Вы станете моим последователем и неизбежно пожертвуете нам деньги». Но хотя он был основным сборщиком средств для Фонда, сам он редко жертвовал деньги».

За обедом в Вашингтоне Джеральд решил действовать очертя голову. В будущем году он собирается посетить Ассам. Может быть, Ли согласится сопровождать его? А до этого ей было бы полезно посмотреть его зоопарк на Джерси. Заронив семя в душу Ли, Джеральд вернулся на Джерси. Ли улетела в Дарем. Через несколько дней он написал ей.

«Дорогая обезьянка!

Было так приятно встретиться с тобой в Вашингтоне (но не поиметь тебя в Вашингтоне!) и увидеть, что ты так же прекрасна, какой я тебя запомнил.
Относительно Ассама. Я бы хотел отправиться в марте/апреле, если, конечно, ничто не помешает и ты присоединишься ко мне. Это будет очень официальная поездка, а Ассам — одно из самых красивых мест на Земле. Уверен, что поездка тебе понравится, даже если не понравлюсь я.
С любовью,

твой Дж.».

Хотя расстояние делало Джеральда смелее и откровеннее, то же самое расстояние заставляло Ли отнестись к его предложениям более серьезно. Теперь, когда его обаяние более на нее не действовало, она начала обдумывать свои поступки более основательно. 26 ноября она написала откровенное и весьма логичное письмо, которое должно было расставить все по своим местам.

«Дорогой Джерри.

Посылаю тебе этикетку магнитофона, который я просила тебя купить. Прекрасная машина, правда? Если говорить о прекрасных машинах, то я не такова. Ты не сможешь нажать пару кнопок и

получить от меня желаемый результат. С другой стороны, я не могу принять твои предложения относительно планов моего будущего. Я не могу не потому, что не представляю себе, чего хочу. Нет, речь идет о том, что я должна буду полностью изменить свою жизнь. Поэтому хочу откровенно поговорить о нас с тобой.

Я прекрасно понимаю, что ты мне предлагаешь. Ты замечательный человек, с которым мне всегда интересно. Мы с тобой очень похожи в хорошем, и совершенно разные в плохом — вот почему мы так подходим друг другу. А ты еще собираешься взять меня с собой в самые фантастические места нашей планеты, где мне всегда хотелось побывать. Поверь, твои предложения вскружили мне голову. Но все это происходит в самый подходящий момент в твоей жизни и в наиболее неподходящий момент в жизни моей.

Именно сейчас я нашла человека, за которого собираюсь выйти замуж. Я не могу ожидать от него, чтобы он безропотно ждал меня в течение тех нескольких лет, пока я буду твоей подругой и любовницей. Он — его зовут Линкольн — имеет свои недостатки, и наша жизнь с ним будет не из самых легких. Он безумно любит своего ребенка и до сих пор помнит свою бывшую жену. Но я люблю его, а он любит меня. Я не настолько глупа, чтобы считать, что эта любовь будет длиться вечно. Когда мы поживем вместе подольше, я пойму, стоит ли мне брать на себя такие обязательства.

Я пытаюсь объяснить тебе, что я не смогу поехать с тобой в Ассам по личным обстоятельствам. Но я по-прежнему обдумываю возможность быть твоей любовницей, подругой и интеллектуальным компаньоном в будущем.

Я глубоко уважаю тебя, Джерри. И с моей стороны было бы нечестно заставлять тебя ждать, пока я определюсь. Не жди. Делай то, что собирался. Если мое место в твоей жизни займет другая женщина, значит, так тому и быть. Я буду сожалеть об этом, но порадуюсь за тебя.

Скорее всего, корень всех проблем в моем епископальном прошлом. (Я рассказывала тебе, что стала атеисткой, после того как учитель в нашей воскресной школе заявил, что животные в рай не попадут?)
Люблю тебя,

Ли».

Итак, леди оказалась не только разумной, но и весьма независимой. Она разбиралась не только в общении между животными, но и в человеческих проблемах. Она не приняла предложения, но честно объяснила свое поведение. Игра еще только начиналась, но в ней уже были два игрока. Джеральд отнесся к отказу совершенно естественным для себя образом — он попросту не обратил на него внимания. В конце месяца он написал Ли новое письмо, словно между ними ничего не произошло.

«Дорогая обезьянка!

...Я сожалею, что тебе пришлось так долго приходить в себя после Вашингтона. Тебе придется еще дольше привыкать к Джерси в январе. Напоминаю тебе, что будет холодно, хотя снега, скорее всего, и не будет. Возьми с собой теплую одежду, плащ и шляпу. Не забудь взять бикини, потому что мне хочется смотреть, как ты будешь загорать под моей кварцевой лампой.
Очень тебя люблю,

твой навсегда, Джерри».

На следующий день Джеральд пишет еще одно письмо, потому что забыл одну важную вещь.

«Я еще раз подумал о том, как ты будешь загорать под моей кварцевой лампой в своем бикини. По здравом размышлении я решил, что тебе будет лучше загорать под ней вообще без бикини.
С любовью,

искренне твой, Джерри».

Наступил новый, 1978 год. Ли получила свой магнитофон и собиралась прилететь на Джерси, чтобы проверить его на практике. Погода была плохой по обе стороны Атлантики. Аэропорт Кеннеди в Нью-Йорке занесло снегом, самолеты не летали. Ли провела два дня в аэропорту, ночуя на скамейках и буквально голодая, потому что еда закончилась. Снег шел и по другую сторону Атлантики, но это не охладило пыла Джеральда. Джерси со всех сторон был окружен водой. Квартира Джеральда была в главном доме в зоопарке. Отсюда некуда бежать, и Ли не улететь.

Ли вспоминала:

«Джерри встретил меня в аэропорту с бутылкой шампанского в ведерке со льдом. Ехать до зоопарка было совсем недолго, но даже за это короткое время мы с ним успели почти прикончить бутылку. Я должна была провести на Джерси месяц или около того. Для меня это было очень непростое время. Днем я ходила по зоопарку со своим магнитофоном, а по вечерам Джерри готовил изысканные блюда и мы ужинали при свечах. Иногда мы усаживались у камина в гостиной, пили вино и разговаривали, разговаривали, разговаривали. Иногда приходили «ребята», и мы обсуждали вопросы охраны окружающей среды. Порой нас приглашали на ужин другие сотрудники зоопарка. Меня всячески развлекали. Возможно, я казалась этим людям будущей миссис Даррелл. Джерри тоже постоянно думал об этом. Еще до того как мы успели с ним что-то обсудить, он сказал уборщице: «Это девушка, на которой я собираюсь жениться». Его сексуальный интерес ко мне я почувствовала еще во время нашей первой встречи, но все же оставшийся в Штатах друг меня несколько сковывал. Он знал про Джерри, но не думаю, что относился к нему серьезно. Я была очарована ухаживанием Джерри, его юмором, щедростью — словом, всем. И я сдалась. Мне было очевидно, что Джерри хочет длительных отношений, физической любви, хочет, чтобы я разделила с ним его жизнь. Однажды вечером у камина он заговорил о моей работе в зоопарке на более постоянной основе.

— Ты хочешь, чтобы я здесь работала? — спросила я.

— Да, конечно.

— Ты полагаешь, что мой приятель тоже сможет найти здесь работу?

— Боюсь, что нет, — ответил он мрачно.

— Ты хочешь, чтобы я жила здесь с тобой?

— Я хотел бы и большего.

— Чего именно?

— Я хочу жениться на тебе.

— Ах так, — сказала я.

— Ты хочешь сказать, что ты подумаешь? — уточнил он.

— Да, я подумаю».

Это означало отказ, но Ли имела в виду именно то, что сказала. Она продолжала работать по-прежнему и постоянно думала над предложением Джеральда. С одобрения Даррелла она слетала в Париж, чтобы поговорить с доктором Элисон Джолли о приматах (в том числе и о Джерри). Потом Ли поехала в Кембридж, где встретилась с блестящим выпускником Университета Дьюка, Дэном Рубинштейном, впоследствии ставшим деканом в Принстоне. Она рассказала ему о Джерри. Реакция Рубинштейна была такой, что Ли вернулась на Джерси, приняв окончательное решение.

«Мне пришлось принять решение. Выйти замуж за Джерри означало отказаться от академической карьеры, о которой я всегда мечтала. Это было не трудно, совершенно не трудно. Я всю жизнь мечтала работать с животными и заниматься охраной окружающей среды. Выйдя замуж за Джерри, я смогу заняться именно тем, что меня всегда привлекало больше всего. В отличие от Джеки, зоопарк и все, что было с ним связано, означало для меня целый мир, в котором мне всегда хотелось жить. Я могла реализовать свою мечту и жить рядом с замечательным человеком. Я вернулась на Джерси, пришла к Джерри и сказала: «Я подумала и считаю, что это прекрасная идея». А он ответил: «Что ж, значит, договорились».

«По природе я скромный человек, — вспоминал Джеральд позднее, — но в своей жизни я совершил уникальный поступок, которым горжусь и по сей день. Я единственный мужчина в мире, который женился ради своего зоопарка».

«Это действительно было очень странно, — вспоминала Ли, — если принять во внимание двадцать пять лет, разделявшие нас, не говоря уж об Атлантическом океане. У нас было столько общего, мы интересовались абсолютно одним и тем же. Разница в возрасте никогда нас не беспокоила. Должна сказать, что Джеральд никогда не был закосневшим отставным адмиралом. Его ум был настолько гибким, а интересы так разнообразны, что казалось, он никогда не повзрослеет, не то чтобы состарится. Он всегда был весел, энергичен, полон жизни и открыт всему новому. Хотя он всегда прислушивался к чужому мнению, но у него были собственные твердые убеждения. Разница культур его никогда не смущала. Джерри часто говорил, что по своему происхождению и благодаря своим многочисленным путешествиям, он не считает себя принадлежащим какой-то одной культуре и одной национальности. Мне было легко войти в его мир».

Джеральд должен был вылетать в Калькутту 27 февраля, а оттуда отправиться в Ассам на поиски карликовых свиней. Ли вернулась в Америку — ей нужно было защитить докторскую диссертацию. Тогда Джеральд пригласил Александру Мэйхью, квалифицированного (и весьма

красивого!) зоолога, занять ее место. Джеральд заверил Ли, что никаких романтических намерений по отношению к Александре не имеет. Незадолго до отъезда Ли и Джеральд встретились с Александрой и ее матерью на прощальном ужине в Лондоне. Подавали карри. Джеральд и мать Александры готовы были с удовольствием съесть даже самые острые блюда.

Джеральд искренне верил, что, как только обязательства приняты, обет верности уже принят. Накануне отъезда в Ассам он сочинил своеобразную декларацию верности, назвав ее «Брачный обет».

Дражайшая, любимейшая Ли,
Посылаю тебе это послание.
Оно перелетит леса, моря и горы.
Чтобы рассказать тебе о моей любви.
Чтобы рассказать, что моя любовь не угасает,
Что я собираюсь вести тебя к алтарю,
Что любовь моя будет только крепнуть.
Нет другого человека, кого бы я хотел обиять,
С кем я хотел бы ночью спать,
С кем я хотел бы путешествовать,
С кем я хотел бы разгадать загадки
И хитрые тайны природы.
Надеюсь, в будущем мне повезет
И я смогу услышать твой голос, твой смех, подобный флейте,
Увижу твое очаровательное лицо
На подушке рядом со мной в постели.
Увижу эти карие глаза.
Увижу это совершенное лицо,
Увижу волосы, подобные грозовым облакам...

Страх утратить любимую, продолжал Джеральд, заставляет его сердце сжиматься. Он боится остаться совсем один в этом холодном мире, лишенном ароматов, цвета, звуков. Но он крепится и верит в то, что сумеет завоевать любовь Ли.

Она — это все для меня,
Она заставляет звезды сиять.
И теперь я могу сказать: «Господь, ты не завидуешь мне?
Ведь у меня теперь есть Ли!»
И откуда-то с высоты я услышу голос:
«Твой выбор я одобрил!»

Вместе со стихотворением в конверт была вложена записка: «УЕЗЖАЮ В АССАМ, СКОРО ВЕРНУСЬ». Записка была украшена сердечком, пронзенным стрелой, а внизу мелкими буквами Джеральд приписал: «Я люблю
тебя!»

Экспедиция в Ассам началась не самым благоприятным образом. После прощального ужина в Лондоне Джеральд и Ли расстались и разъехались в разные стороны. Практически сразу же Джеральд вспомнил, что оставил в ресторане свою сумку, где находились билеты на самолет, паспорт, медицинские сертификаты, кредитные карты, наличные и дорожные чеки — словом, все документы и средства экспедиции. Когда он вернулся в ресторан, сумка уже исчезла. Джеральд оказался на мели, а Александра с нетерпением ожидала его в аэропорту Хитроу. Отлет пришлось отложить на неделю.

Александра не вполне осознавала состояние духа своего спутника. Джеральд, к своему удивлению, безумно скучал по Ли. «Я был женат и развелся, — объяснял он впоследствии. — Когда жена оставила меня, я подумал: «Что ж, так тому и быть. Теперь я буду играть по своим правилам. Черт с ней! Больше у меня не будет ничего общего с женщинами, кроме постели». Я полагал, что подобное высокомерие меня спасет. Но в результате мне стало очень больно. И в конце концов я встретил другую женщину и снова совершил ту же фатальную ошибку — я в нее влюбился. Влюбился без памяти. Мужчина моих лет безумно влюбился в женщину, которая по возрасту годится ему в правнучки!»

Даже во время подготовки к отъезду в Индию Джеральд не переставал думать о Ли, часто даже в ущерб экспедиции. Вот письмо, которое он написал ей из отеля.

«Дражайшая и любимейшая Макджордж!

Решил написать тебе, чтобы сказать, что я бесконечно тебя люблю и не могу дождаться твоего возвращения. Ты — самое прекрасное событие, случившееся в моей жизни, не слишком богатой приятными событиями. Я до сих пор не могу поверить в то, что ты согласилась разделить мою жизнь. Мне кажется, я поймал радугу — меня переполняет священный трепет и радость.

Обещаю, что ты не пожалеешь о своем решении. Я изо всех сил буду стараться, чтобы в твоих восхитительных глазах не погас свет радости, а улыбка не сходила с твоих прелестных губок.
Твой преданный слуга,

Дж.».

Джеральд вернулся на Джерси и погрузился в привычный хаос. Он оказался один в своей квартире. Ли направлялась в Америку, он сам жил на чемоданах в ожидании отъезда. И в этот момент он ощутил бесконечное одиночество. Чтобы справиться со своими чувствами, он принялся писать письмо любимой. Все время, пока они были в разлуке, он постоянно писал ей — письма, стихи, рисунки, телеграммы, длинные рассказы, гимны ее красоте, любовные истории и комические зарисовки, непристойные лимерики и интимные признания. Джеральд всеми силами старался преодолеть боль расставания. Его письма — это самый удивительный документ в истории зоологии. Сначала они были случайными и в своем роде исследовательскими. Но потом его письма стали частыми и невероятно откровенными.

«Дорогая леди.

Я только что вернулся из аэропорта в пустую, темную комнату и сразу начал чертовски по тебе скучать. Здесь все напоминает о твоем присутствии — сигареты в пепельнице, прекрасные черные волосы в ванной, на кровати, в моем дневнике, дивный, тонкий аромат твоего тела (он похож на весенние нарциссы) исходит от подушки, от полотенец, витает в воздухе...

Нас ждет прекрасное будущее, и я не могу дождаться, когда же оно наступит. Я хочу, чтобы ты была счастлива и радостна. Я хочу сделать каждый день праздником для тебя, хочу, чтобы ты радовалась и светилась от счастья. Я хочу, чтобы ты смеялась — я так люблю твой смех, похожий на пение флейты. Я сочу согреть и защитить тебя своей любовью. Ты стала самым важным человеком в моей жизни. Важнее тебя для меня ничего нет. Я шел по жизни, как слепец, и только ты сумела вернуть мне утраченное зрение.
Я люблю тебя,

Дж.».

На следующий день он написал новое письмо. Написать его было очень трудно, но он должен быть честным, даже если эта правда будет ужасной. Он встретил другую женщину, и они безумно полюбили друг друга. Ее зовут Араминта Граббл, ей восемьдесят четыре года, но она все еще очень стройна. Она дает уроки вязания. Они решили пожениться и открыть ферму белых медведей на Баффиновой Земле, где будут фотографировать детей с медвежатами. «Если тебе доведется побывать на Баффиновой Земле, — заканчивал он свое послание, — заходи. Мы с радостью сфотографируем твоих детишек с самыми симпатичными медвежатами. Твой визит очень нас порадует».

3 марта 1978 года Джеральд и Александра наконец-то улетели в Калькутту. Джеральд впервые ступил на землю своей родины, которую покинул почти пятьдесят лет назад. Тогда ему было три года. «Мы испытали настоящий культурный шок, — вспоминала Александра. — Жара, влажность, запахи, нищета, полное безразличие к человеческой жизни, страдания детей. Нам хватило одной дороги от аэропорта до центра города. В центре нас поразило обилие нищих. Они жили под грязными навесами, между которыми не оставалось ни малейшего зазора». Путешественников принимала чайная компания «Макнил и Маджор». К ним относились так, словно они были представителями королевской семьи. Всю подготовку экспедиции взял на себя Ричард Маджор, директор компании. Ричард всегда делал щедрые пожертвования в Фонд и активно интересовался ситуацией с карликовой свиньей. Джеральда с Александрой поселили на великолепной вилле с кондиционерами, английским садом, вышколенными слугами в белых тюрбанах, готовыми исполнять

любое их желание. Но за стенами этого дворца царила все та же нищета. «Джерри сразу же почувствовал себя дома, — вспоминала Александра. — Но он был слишком занят собственными мыслями, чтобы замечать что-то вокруг себя. В Ассаме он был отстраненным и далеким. Он чувствовал, что должен находиться рядом с Ли а не гоняться за крохотной свиньей на другом конце света».

Во время своей индийской поездки Джеральд не переставал писать письма в Северную Каролину. Он безумно хотел получить письмо от Ли, а получив, сразу же бросался отвечать. Он хотел знать, разорвала ли она помолвку со своим американским женихом. В своем первом письме из Ассама 4 марта 1978 года он писал:

«Моя дорогая Макджордж,

ты должна знать, что я буквально умираю от тоски. Целых два дня я пытался дозвониться до тебя. В Калькутте мне сказали, что твой телефон не отвечает. Мы пытались весь день до часа ночи — но безрезультатно. Сегодня мы вылетели в Ассам, и я снова начал свои попытки. Теперь мне сообщили, что твой телефон отключен. Единственное, что мне осталось, это самоубийство. Сейчас пойду и брошусь под ноги слону!

Любимая моя Ли, я прилетел в Калькутту и сразу же получил твою милую телеграмму. Дорогая, я рад, что твои родители и друзья вполне благополучны, но еще более я рад, что с тобой все в порядке. А когда я прочел, что ты советуешь мне беречь себя, и увидел подпись «с любовью Ли», мое сердце замерло, я чуть не упал. С любовью?! С любовью?! Что случилось с моей хладнокровной зоологиней? Что произошло с твердокаменной Макджордж, с девушкой, которая постоянно повторяла, что не любит меня? Что случилось с холодной, расчетливой Макджордж, которая решила выйти за меня только из-за того, что я могу быть ей полезен? В следующий раз ты должна будешь написать мне, что скучаешь без меня. Ради всего святого, Макджордж, разберись в себе и не посылай больше таких телеграмм!

Если только ты действительно не имеешь в виду то, что пишешь...

Я заканчиваю свое письмо теми же словами, что и ты. Надеюсь, что сила твоих чувств не меньше, чем моих.

Береги себя, моя дорогая.

С любовью. Джерри».

Джеральд и Александра путешествовали по Ассаму на самых разнообразных видах транспорта — на джипе, самолете, слоне, надувной лодке. Первую остановку они сделали в Гаухати, тихом, спокойном городке, совершенно не похожем на безумную Калькутту. Они поселились в бунгало, расположенном на холме над Брахмапутрой, и сразу же отправились в местный зоопарк. «Нас встречали весьма торжественно, — записала Александра в своем дневнике. — Джеральда окружили смотрители, директора, ветеринары — словом, все сотрудники зоопарка. Наконец-то мне удалось увидеть знаменитую свинью. Это очаровательное создание — размером с небольшую собаку, мохнатая, с острыми зубками, а двигается, словно жирненькая молния!»

Из Гаухати они отправились в национальный парк Казиранга, где жили индийские носороги. Из Казиранга Джеральд написал Ли 6 марта. Он жаловался ей на то, как трудно было отправить ей телеграмму с местной почты.

«Они были очень любезны и нашли большую книгу, чтобы рассчитать, во что обойдется отправка любовной телеграммы в Северную Каролину. Вот тут-то и возникло непреодолимое препятствие. Все служащие столпились вокруг книги, как муравьи, и принялись спорить, отчаянно жестикулируя. В конце концов на шум вышел сам начальник почты. На нем был белоснежный тюрбан, он жевал бетель и выглядел, как Орсон Уэллс. Но даже этот замечательный человек не смог разрешить проблемы. Тогда они зазвали меня за стойку и провели во внутреннее помещение. И там они показали мне свой талмуд. На книге большими буквами было написано сакраментальное название «Северная-Южная Каролина». Удивленные почтальоны никак не могли взять в толк, почему я хочу отправить телеграмму только в Северную, когда нужно писать Северная-Южная? Я объяснил им, что есть Каролина Северная, и есть Каролина Южная, а в книге их объединили, потому что тарифы одни и те же. Почтальоны недоверчиво переглянулись. Как могла их почтовая Библия проявить такое коварство? Этого не может быть! К этому моменту вокруг меня собрались уже все служащие почты, весьма заинтересованные проблемой существования Северной и Южной Каролины. По другую сторону стойки собралась приличная толпа индийцев, которые хотели купить марки,

конверты, открытки, а также отправить телеграммы в приличные места, вроде Калькутты. Атмосфера накалялась с каждой минутой. Наконец-то прибыл генеральный начальник почты. На вид ему было около ста восьми лет, а в его бороде спокойно могли бы поселиться пятьдесят попугаев. При его появлении все начали громко кричать. Я испугался, что от такого шума почтенного старца прямо тут хватит кондратий. Но, когда они объяснили ему ситуацию несколько раз и когда он выслушал мои объяснения (на этот раз довольно невежливые, потому что мне никто не верил), он достал весьма пыльные очки, надел их и уставился в Библию. Воцарилась полная тишина. Было слышно, как одуванчики пробиваются из-под земли. Затем старец снял очки, прочистил горло и дрожащим пронзительным голосом заявил, что я был прав — есть Каролина Северная и есть Каролина Южная, а тарифы одни и те же. Несчастные почтальоны с облегчением вздохнули и с восхищением уставились на меня, умнейшего из белых людей. Они улыбались мне, хлопали меня по плечу, пожимали мне руку, даже принесли чашку бледного и безумно сладкого чая, чтобы я мог выпить, пока все присутствующие не прочтут мою телеграмму. Слава богу, они не стали читать ее вслух. Затем они выписали мне квитанцию, и я смог уйти, отказавшись от новой чашки чая. Маленький индус, затеявший всю эту кутерьму, постоянно извинялся, но тем не менее с гордостью заявлял, что они сделали все правильно. Похоже, это была самая дорогая телеграмма, отправленная из этого отделения за всю историю его существования».

Пять дней спустя Джеральд и Александра прибыли в Пертабхур и разбили лагерь на берегу реки Субансири, где намеревались поймать редкого пресноводного крокодила с длинными тонкими челюстями — гавиала. 11 марта Джеральд писал Ли:

«Дорогая Макджордж,

я только что прибыл в Пертабхур, где меня уже ждала твоя телеграмма. Дорогая, ты не должна посылать таких телеграмм, если так не думаешь. От них мое сердце замирает, а разум мутится. «Я люблю тебя» — ты действительно хочешь сказать именно это или просто думаешь, что я хочу это от тебя услышать, и пишешь так из чувства долга? Дорогая Макджордж, если это правда, то не могу передать тебе, как я счастлив и польщен. Но хочу еще раз повторить — я ни к чему тебя не обязываю. Я просил тебя выйти за меня замуж совершенно сознательно, не обманываясь на собственный счет. Пожалуйста, не принуждай себя любить меня против своей воли. Я не ОБИЖУСЬ на тебя!

Если же, по какому-то невероятному стечению обстоятельств, ты действительно сумела полюбить меня, то я безумно счастлив. Я смогу свернуть ради тебя горы, достать луну с неба, чтобы ты могла носить ее вместо сережек, вплести в твои волосы радугу. Я буду охранять тебя, как престарелый тигр! Пожалуйста, напиши мне, что в твоих словах правда, а что нет...

Думаю, тебе будет приятно узнать, что все женщины в Ассаме очень красивы. Если я сумел остаться тебе верен здесь, то смогу и в любом другом месте. Завтра мы уезжаем в лагерь, где ловят слонов, потом посмотрим петушиные бои, а потом отправимся на поиски карликовых свиней. На Пасху мы переберемся в холмы — это место называется Шиллонг, а оттуда вернемся в Калькутту, откуда я наконец-то смогу позвонить тебе и услышать твой сладкий голос...

Я не могу думать о будущем без тебя. Все мои планы связаны только с тобой. Я люблю тебя, Макджордж, и если ты относишься ко мне так же, как и я к тебе, я могу считать себя счастливейшим человеком на планете.

Твой сейчас и навеки,

Дж.».

К этому моменту Александра начала поближе узнавать своего спутника. Она заметила, что при разговоре он часто шмыгает носом, а засыпая, начинает страшно храпеть. Он почти всегда был очень весел, несмотря на то что сильно тосковал по Ли, но, когда речь заходила об охране окружающей среды, мог мгновенно впасть в ярость. «Он мог быть очень ядовитым, — вспоминала Александра. — За свою жизнь он видел ужасные примеры уничтожения живой природы. Иногда я думала, что он с радостью бы приветствовал уничтожение половины человечества. Он безумно любил все живые существа, особенно крохотные и незаметные. Любил он и людей — но по отдельности, а не человечество в целом, потому что действия человечества его ужасали. Он не был ханжой и любил есть мясо. Он признавал естественный ход вещей, когда одно животное пожирает другое. Но массового уничтожения он не признавал. Он мог говорить об этом бесконечно. В своих книгах он говорил об этом завуалировано, с улыбкой и юмором. Его речь была очень образной, он мог быть безумно смешным. Он говорил, что хотел бы иметь детей, но этого так и не случилось. Ему

хотелось иметь собаку, но это было невозможно при том образе жизни, который он вел. Он слишком много путешествовал».

Джеральд не отличался крепким здоровьем, но был невероятно энергичен. Иногда он выглядел весьма внушительно — особенно на спине трубящего слона. Очень забавно выглядел Джеральд, когда пытался поймать красивую бабочку на песчаной отмели. На этот раз он путешествовал с комфортом. Он пользовался гостеприимством богатой чайной компании. Его принимали как знаменитого и известного человека. Лагерь на берегу Субансири ничем не напоминал обычный бивак звероловной экспедиции, Это был роскошный павильон, вполне устроивший бы принца. А количество слуг превосходило все разумные пределы! В лагере был и роскошный туалет, правда, в нем жил гигантский черный паук, безумно пугавший Александру.

«Джерри был настоящим бонвиваном, — вспоминала Александра. — Он был большим человеком, он все делал с размахом. Он очень любил индийское пиво. Его привозили в двухлитровых бутылках. Когда мы уезжали из лагеря на Субансири, он взял с собой целых семьдесят два литра плюс еще несколько бутылок бренди. Такое количество алкоголя на него не повлияло, зато самым пагубным образом сказалось на плавучести нашей лодки. В несчастную лодку погрузили три ящика пива, весивших, наверное, целую тонну, сверху в позе лотоса взгромоздился Джерри, тоже не отличающийся субтильностью. И вот в таком состоянии мы вверили свою судьбу довольно бурной реке. Путешествие выдалось довольно пугающим. Бедный маленький индус, пытавшийся управлять лодкой и одновременно вычерпывавший из нее воду консервной банкой, начал буквально сходить с ума. Я заметила, что лодка наполняется водой, и безумно перепугалась. «Джерри! — завизжала я. — Нам надо избавиться от пива! Немедленно кидай его за борт!» Но он был непреклонен. «Выбросить пиво? — произнес он совершенно спокойно. — Ты что, с ума сошла?» Одному богу известно, как нам удалось добраться до места назначения. Мы чуть не утонули».

Хотя Джеральда повсюду встречали как знаменитость, но то, что он путешествовал в обществе красивой женщины вдвое себя моложе, не могло не вызывать некоторого неудовольствия. «Многие считали нас любовниками, — вспоминала Александра, — но Джерри не думал ни о ком, кроме Ли».

Во время индийской экспедиции Джеральд терзался сомнениями и страхами относительно Ли. Путешественники все дальше удалялись от цивилизованного мира. 18 марта они совершили удивительное путешествие в горное королевство Бутан. Александра с восторгом писала в своем дневнике: «Целый день ехали в джипе по джунглям. Ничего не видели. И вот мы в Бутане! Это фантастика! Настоящее волшебство! Совершенно невероятно. И совершенно незаконно!»

«Не беспокойся, — писала Александра матери о развитии любовной истории, — это всего лишь деловое соглашение. Она не золотоискательница. Она не притворяется, что любит его. У нее есть друг в Штатах, но Джеральду нужно, чтобы кто-то присматривал за зоопарком и Фондом во время его отсутствия. И он готов кое-что для нее сделать».

После поездки в Бутан Джеральд снова пишет Ли:

«Моя дорогая, любимая, прелестная, восхитительная, нежная, милая...
Я скучаю по тебе. Я скучаю по тебе так сильно, что порой перестаю верить в то, что ты существуешь. Я убежден, что ты — всего лишь плод моего воображения. Ты — мечта. Только мечта может быть столь совершенной...

Я только что вернулся из мгновенной и совершенно незаконной поездки в Бутан. Удивительная страна, похожая на Тибет. У бутанцев очень красивая медного отлива кожа и волосы черные, как вороново крыло. Мы обследовали место обитания карликовой свиньи и лично, и с воздуха. Полагаю, что поймать их будет проще, чем я думал раньше. Надеюсь...

Дорогая, томная, изысканная, распутная Ли — восхитительная, прекрасная, несравненная Макджордж! Как бы мне хотелось тебя обнять! Как бы я хотел поцеловать тебя и увидеть твои прекрасные ладони, и длинные ноги, и все остальные соблазнительные уголки твоего тела.

Дорогая, я тебя обожаю и не могу дождаться, когда же мы наконец будем жить вместе. Пожалуйста, напиши мне, когда мы поженимся. Что мне подарить твоим родителям, когда я приеду?»

19 марта Джеральд и Александра вернулись в Бутан и остановились в ярко-зеленом бунгало короля Бутана в заповеднике Манас. Оттуда они должны были продолжить свой путь на слонах и надувных лодках. В заповеднике водилось множество самых удивительных животных — буйволы,

мангусты, косули, птицы и бабочки всех цветов и размеров. Огромные стаи птиц-носорогов пролетали над рекой в сумерках. Но до сих пор экспедиция не нашла того зверька, ради которого и было затеяно все это предприятие. Карликовых свиней им не встретилось. Возможно, это произошло потому, что они приехали в такое время года, когда свиньи переселяются на холмы и увидеть их становится труднее, чем обычно. 23 марта Джеральд с Александрой вернулись в Шиллонг, столицу Ассама. Здесь время Джеральда было расписано по минутам — он постоянно с кем-то встречался, куда-то мчался, давал интервью и выступал на телевидении.

27 марта они вернулись в Калькутту. По мнению Александры, это было восхитительное путешествие, но судьба карликовой свиньи не прояснилась. Ситуация напоминала попытки поймать вулканических кроликов в Мексике. Это предприятие так и осталось незаконченным, а затем в Индии вспыхнуло восстание, полностью разрушившее планы Даррелла вернуться в Ассам. Прошло почти двадцать лет, прежде чем Джерсийский Фонд смог заняться разведением карликовой свиньи в неволе.

В Калькутте Джеральд не нашел ни одного письма от Ли. После обеда они с Александрой отправились в зоопарк, потом пошли за покупками. «Дж.М.Д. заказал для Ли кольцо и серьги по модели моего перстня с жемчугом и гранатами, — записала Александра в своем дневнике. — Вернулись домой. Обедала в одиночестве. Потом Дж.М.Д. звонил Ли. Он почувствовал, что она не одна».

На следующий день подозрения Джеральда подтвердились. Он получил письмо, написанное Ли еще 14 марта. «Джерри весьма встревожен», — записала в дневнике Александра.

«Мой дорогой Джерри!

Я все еще живу с Линкольном. Хирургическая операция по полному разрыву отношений оказалась слишком болезненной для нас обоих. Мы пытались несколько дней не видеться, но стоило нам встретиться — в университете или у меня в кабинете — как мы начинали плакать. Я знаю, что не смогу жить с ним (и он это знает), но сейчас я не могу отказаться от него. Днем у нас очень много работы, а по вечерам он занимается собственными делами. Но возможность встретиться хоть ненадолго — за ужином и в постели — немного успокаивает нас, дает нам ощущение покоя и умиротворенности ...

Я знаю, что ты сейчас испытываешь — тяжело слышать, что девушка, на которой ты собираешься жениться, живет с другим мужчиной. Господи, как я могла так с тобой поступить?! Но ты сделал это для меня.

Не могу дождаться конца мая, когда ты наконец приедешь. Этот этап моей жизни будет закончен, и начнется новая, прекрасная жизнь».

Вскоре Джеральд получил второе письмо от Ли, датированное 21 марта.

«Мой дорогой Джерри,

как бы я хотела сидеть на веранде рядом с тобой и любоваться Брахмапутрой или покачиваться на спине слона! А вместо этого я вынуждена целыми днями сражаться с идиотскими компьютерами, грызя гранит науки!»

Джеральд ответил не сразу. У него было множество дел в Калькутте, он выступал в Британском Совете, в школах и клубах. Но Александра замечала, что он очень встревожен и расстроен письмами Ли. В конце концов его тревога вылилась в жестокую и злую телеграмму, которую он отправил 30 марта.

«Оба письма получил. Твоя смелость в мыслях и поступках меня поражает. Не намерен поддерживать и терпеть твою детскую связь. Вспоминая, о чем мы договорились на Джерси, я считаю, что ты мне лгала. Удивлен, что ты считаешь меня настолько глупым и слабым человеком, чтобы я мог смириться с подобным положением вещей. Я не могу доверять тебе и не вижу оснований для продолжения наших отношений. Больше я не буду тебе писать. Твои слова не изменят моего отношения к твоей глупости. Хочу напомнить тебе старую пословицу о том, что один пирог два раза не съешь. Если ты хочешь быть честной, взрослой женщиной, я предлагаю тебе раз и навсегда определиться в своих намерениях. Я не намерен ждать, пока ты перестанешь быть глупой школьницей. Жаль, что ты оказалась столь недальновидной, чтобы разрушить блестящее будущее ради эфемерного настоящего. Но это твое собственное решение и только твоя ошибка.

Даррелл».

В далекой Северной Каролине Ли получила эту телеграмму и немедленно отправила Джеральду письмо, датированное 31 марта.

«Я хочу написать тебе о том, какое действие оказала на меня твоя телеграмма. Твоя холодность показала мне, что ты меня не понимаешь. Ты ничего не знаешь о моих страхах и мотивах, о моей способности любить, грустить и быть счастливой. И ты не хочешь ничего знать. Теперь мне стало ясно, что женщина, на которой ты хочешь жениться, должна быть твоей служанкой, твоей комнатной собачкой. А если она сделает что-то по собственному разумению, ты мгновенно вычеркнешь ее из жизни. У тебя нет ко мне ни уважения, ни любви. Ты даже не захотел узнать, почему я так поступила, потому что ты не способен понять и любить кого-нибудь, кроме себя. Жизнь с тобой на Джерси могла бы быть замечательной и интересной, полной смеха и радости, совместных планов и путешествий. Но теперь я поняла, что попаду в клетку, как очередное редкое животное. Это приемлемо для животных, потому что они не могут убежать от тех, кто их поймал. Но люди могут оставить друг друга...

Не беспокойся, дорогой, ты еще найдешь себе собачку и рабыню. Их кругом полным-полно, и тебе не потребуется много времени на поиски.

Получив твою телеграмму, сожалела только об одном. Я мечтала работать в Джерсийском Фонде. Как могла столь иллюзорная и недолговечная вещь, как любовь (моя к Линкольну и твоя ко мне), затмить мой разум и не дать мне понять все с самого начала? Но это так и произошло. Я плакала еще и потому, что ты оказался так жесток, что высказал мне все в телеграмме. Ты более не можешь доверять мне. Ты не можешь поверить в то, что это жестоко ранит меня. Я разбита. Почему — один бог знает, но это действительно так.

Вернусь к редким животным... Я — редкость, и мне очень жаль, что ты потерял меня. Не думаю, что ты понимаешь, как многого лишаешься. Но с другой стороны, ты — не менее редкий вид, и мне жаль себя. Я написала в своих телеграммах «с любовью», потому что я действительно начала любить тебя иначе, чем на Джерси, — я действительно скучала по тебе.

Ли».

Это письмо было написано сгоряча. И в конце концов Ли решила не отправлять его. Вместо этого она написала более сдержанное и взвешенное письмо и отправила его на Джерси в тот день, когда Джеральд и Александра вылетели из Калькутты.

«Дорогой Джерри,

я глубоко сожалею о том, что ты расценил мои поступки как предательство. Если взглянуть на ситуацию поверхностно, то это действительно предательство. Я удивлена твоей стандартной реакцией. Ты — самый нестандартный человек из всех, кого я знаю. Прошлым вечером я позвонила матери — она сказала, что всегда считала тебя очень наивным, но в подобной ситуации любой мужчина отреагировал бы точно так же, как ты...

Поэтому я хочу все расставить по своим местам. Мы встретились, и ты попросил меня выйти за тебя замуж. После болезненного осознания непрочности моего будущего с Линкольном, мужчиной, которого я люблю, и надежности моего будущего с тобой, с мужчиной, которым я восхищаюсь, но которого не люблю, я согласилась. Ты знал мои обстоятельства с самого первого дня, но все же вынудил меня согласиться выйти за тебя замуж. Я не могу простить себя за то, что дала согласие, не поговорив предварительно с Линкольном. Я жила с ним и любила его целый год. И хотя мы никогда не говорили о браке, я считаю, что он имел право знать о том, что я собираюсь замуж. Я вернулась в Дарем, ты улетел в Индию, а все остальное ты уже знаешь... Неважно, что произошло, но ты должен знать, что я люблю и уважаю тебя и искренне надеюсь, что ты относишься ко мне так же.

Ли».

Одинокий и всеми покинутый Джеральд был глубоко растроган письмом Ли. Ответил он не сразу, но его письмо проникнуто той же страстью, что и предыдущие.

«Авеню Пустой Постели, Одинокая квартира, Любовная неразбериха,
Меланхолия.

11 апреля 1978 года

Моя любимая и искренняя Макджордж,

твое письмо было нежным, трогательным и (если мне будет позволено процитировать твою мать) более чем наивным. Оно показалось мне крайне нелогичным.

На Джерси я безжалостно преследовал тебя, и ты в конце концов согласилась стать моей женой. Ты сказала, что мы никогда не говорили о том, что любим кого-то еще. Мы говорили об этом. Бесконечно. Ты пишешь, что должна была сказать Линкольну о том, что согласилась выйти за меня замуж. Но хочу напомнить тебе, что это я заставлял тебя позвонить ему, потому что мне казалось слишком жестоким вывалить на него подобные новости прямо в аэропорте. Более того, я сказал, и ты должна это помнить, что если ты вернешься в Дарем и будешь по-прежнему спать с Линкольном, это будет нечестно по отношению к нему и к тебе самой, потому что ты лишь подвергнешь себя дополнительной эмоциональной боли.

Ты согласилась выйти за меня замуж. Я расценил это как своего рода обязательство. В стандартном, традиционном смысле слова это была старомодная помолвка. С этого момента я, со своей стороны, был абсолютно верен тебе, потому что я не верю в помолвку или брак, если люди продолжают вести себя, как прежде. Если ты и не считаешь наше соглашение любовью с первого взгляда, то по крайней мере это был деловой договор. Я ожидал от тебя такого же поведения. Узнав о том, что ты не выполнила его условия, я был очень огорчен. Не думаю, что ты можешь хотя бы представить себе, как мне плохо и насколько преданным я себя чувствую. Но я тебе объясню.

На протяжении двадцати пяти лет я пытался сохранить свой брак, потому что я считаю, что если ты живешь в браке, то должен сделать для своей семьи все. Мне приходилось нелегко, потому что постоянно я сталкивался лишь с попреками и не находил любви — ни эмоциональной, ни физической. Эта тяжелая борьба привела к нервному срыву. Через несколько лет после этого наш брак пошатнулся, а потом распался окончательно. Не знаю, как объяснить, но после этого я чувствовал себя нечистым. У меня осталось ощущение, что я подцепил какую-то ужасную болезнь и никогда более не буду привлекательным для женщин. Уверяю тебя, это ощущение не из приятных. Чтобы заглушить его, я снова начал пить. В результате я решил, что никогда более не буду испытывать глубоких чувств к женщинам, да и не хочу этого. Я твердо решил, что женщинам нельзя доверять и что я не должен снова подвергать себя таким эмоциональным страданиям. А потом я встретил тебя.

Сначала, в соответствии с моей новой ролью подозрительного и недоверчивого мужчины, я подумал, что было бы славно переспать с тобой — не более того. Потом моя оборона ослабела, и я подумал, как было бы хорошо провести с тобой годик-другой. А потом — черт меня побери! — я влюбился в тебя так сильно, как никогда и никого не любил, да и не думал, что способен на такие глубокие чувства. Я не хотел, чтобы ты прошла через мою постель, не оставив следа, как все другие женщины, с которыми у меня были романы до встречи с тобой. Я не мог поверить своему счастью — ведь я не только нашел тебя, но ты еще и согласилась выйти за меня замуж. Я находился в состоянии эйфории. После долгих месяцев одинокой, серой, бесцветной жизни все вокруг меня вдруг обрело цвет и аромат, словно в солнечный весенний день после холодной зимы. Просыпаясь, я сразу же думал о тебе. И последняя моя мысль перед тем, как заснуть, тоже была о тебе. Я столько времени проводил, думая о том, что мы будем делать вместе, что почти забросил свою работе. Но в то же самое время я оставался очень подозрительным (не в отношении тебя, любовь моя, я беспокоился о своей удаче — я просто не мог в нее поверить). Я по-прежнему страдаю от сильного комплекса неполноценности и чувствую себя таким же непривлекательным, как труп, шесть месяцев пролежавший в земле.

А потом в Калькутту пришло твое письмо.

Сказать, что я был потрясен, значит не сказать ничего. Я почувствовал, что ты и эмоционально, и физически ткнула меня мордой об стол. Все самые худшие мысли, приходившие ко мне в голову после разрыва с Джеки, вернулись с удвоенной силой.

Дорогая моя, пожалуйста, забудь о том, что все это вызвано разницей в возрасте. Это слишком наивно, что понятно даже твоей матери. Разумеется, у нас есть возрастные проблемы, и то, что ты решила выйти замуж за почтенного старца, только твоя вина. Но, любимая моя дурочка, не могла же ты быть столь наивной и столь далекой от реальной жизни, чтобы не подумать о том, что ревность, боль, предательство, подавленность, уязвленное самолюбие терзают любого, будь ему хоть

пять лет, хоть пятьсот. Я очень тебя люблю и хочу, чтобы ты поняла: в подобных ситуациях я буду реагировать только так и никак не иначе.

Прежде чем закончить это письмо, я хочу сказать тебе еще одно. Похоже, ты превратно истолковала мои слова. Когда я говорил, что то, что ты не можешь любить меня так же сильно, как я люблю тебя, я совсем не хотел сказать, что любовь не имеет для меня значения. Я так сильно люблю тебя, что сила моей любви сможет укрепить и поддержать наши отношения. Я надеюсь, что совместная жизнь и работа сделает твои чувства ко мне более глубокими. Может быть, это будет не любовь в том смысле слова, какой вкладывают в него женские журналы, но верная и прочная дружба вместе с искренней привязанностью. Это и есть настоящая любовь в моем понимании. Когда ты ощутишь ее, то сразу же поймешь это и не захочешь ничего другого. В своем последнем письме ты написала мне очень важные слова, которые окончательно проясняют ситуацию. Ты написала «надежность моего будущего с тобой, с мужчиной, которым я восхищаюсь». Дорогая, если ты действительно так думаешь, ты уже встала на путь к тому состоянию, о котором я только что написал. Надеюсь, ты это понимаешь. Это очень важно для меня. Ты закончила свое письмо словами: «Неважно, что произошло, но ты должен знать, что я люблю и уважаю тебя и искрение надеюсь, что ты относишься ко мне так же». Понимаешь ли ты, что никогда раньше ты не использовала слов «восхищение» и «любовь» по отношению ко мне, ни в разговоре, ни в письмах? Эти слова вселили в меня надежду и слегка залечили мои раны. Я хочу сказать, что восхищаюсь тобой, уважаю и люблю тебя до безумия, и надеюсь, что ты уже получила веское доказательство этого.

Ну все! Я заканчиваю свое письмо, исполненное жалости к себе, почти такое же длинное, как Библия, хотя и не так хорошо написанное. Все кончено, но, моя дорогая, помни, что восхищение, любовь, уважение и доверие — очень хрупкие вещи, и стоит сделать лишь один неверный шаг, как они исчезнут, улетят, как дым. Поэтому на прощание хочу привести тебе одну цитату из Ницше: «Браки бывают несчастливыми не из-за отсутствия любви, а из-за того, что в них нет дружбы».

Ты всегда будешь моей любовью и верным другом. Если это действительно так и будет, я не буду более ничего желать в этой жизни, потому что у меня будет все. Я скучаю по тебе.

С любовью,

Джерри».

В конце концов после всех расставаний и разлук, после серьезных ссор и непонимания, эти двое предстали друг перед другом совершенно незащищенными и открытыми. Ли, пытаясь отстаивать свое право на личную независимость, твердо заявила, что любит и уважает Джеральда. Джеральд, смирив свое эго и укротив свою мужскую гордость, решительно сказал о своем восхищении, уважении и любви к Ли. Роман закончился, начался брак. Прелюдия осталась в прошлом. Приближался финал.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

ЛЮБОВНАЯ ИСТОРИЯ: ФИНАЛ 1978-1979

Джеральду было нелегко вернуться к одинокой жизни в поместье Огр. В течение дня он был по горло занят проблемами зоопарка и Фонда, но, когда его коллеги и работники зоопарка расходились по домам и на его детище, в котором из людей оставался лишь он один, опускалась весенняя ночь, он снова мысленно возвращался к единственной женщине, занимавшей в тот момент его мысли, — к далекой невесте, оставшейся на американском Юге. Единственным спасением от одиночества были письма и телефонные звонки. Количество написанных Джеральдом писем удвоилось, а потом удвоилось еще раз. Он не прекращал писать ей до тех пор, пока она не стала его женой. После этого Джеральд больше не писал ей, потому что она никогда не оставляла его даже на минуту.

А тем временем в Дареме, Северная Каролина, Ли предприняла решительные шаги. Она окончательно разорвала свои отношения с бывшим возлюбленным.

Прошлым летом Джеральду наконец-то удалось убедить Ларри продать ему ферму, которую они так долго арендовали. Ферма стояла пустой на протяжении последних трех лет. Джеральд перевез туда свои вещи и вступил в права собственности, хотя сделка все еще не была оформлена юридически. В апреле 1978 года Джеральд отправился в Лангедок со своим личным помощником, Джоном Хартли, чтобы закончить очередную книгу — сборник веселых историй под названием «Пикник и прочие безобразия».

Ферма называлась «Мазе», но чаще ее называли просто Мас. Это был каменный деревенский дом, покрытый белой штукатуркой, укрывшийся между лесистых холмов. Вокруг дома свободно росли дикие травы — шалфей, тимьян и дикая лаванда. Проселочная дорога приводила к каменной лестнице, которая заканчивалась на открытой террасе. Слева стоял скромный домик. Несколько лет спустя Джеральд перепланировал дом, но до этого он состоял из маленькой, с низкими потолками гостиной с камином. Слева находилась спальня, а справа крохотная столовая, откуда можно было попасть на удобную кухню. В задней стороне дома было еще три маленькие комнатки. Именно здесь Ларри написал лучшие страницы «Александрийского квартета». Здесь Джеральд и Джеки провели несколько замечательных лет, когда Джеральд работал над своими книгами и телевизионными сценариями, не отвлекаясь на повседневные заботы, связанные с зоопарком.

Джеральд очень любил это место. Ему, как и Ларри, жизнь в Лангедоке напоминала детство, проведенное на Корфу. Ларри вообще считал Лангедок Аттикой. Южная Франция имела два существенных преимущества — сюда было гораздо легче добраться, а местная кухня была еще лучше, чем греческая. Джеки никогда не любила эту ферму, к тому же они с Ларри были не стишком близки. Но Джеральд надеялся, что Ли не только полюбит этот дом, но сумеет здесь полюбить и его. Он писал ей:

«Мой бедный маленький домик пришел в полное запустение. Те, кто поселился в нем после меня, совершенно о нем не заботились. Сейчас он напоминает мне бедного сироту, которого никто не любит. Мы с Джоном и Арлетт (приходящая экономка, живущая в соседней деревушке) принялись за работу. С помощью полироли, щеток и швабр отмыли все до зеркального блеска. Сейчас в камине потрескивают сосновые поленья. Огонь отбрасывает теплые отблески на наши щеки и заставляет радостно загораться глаза. Как я тебе уже говорил, дому нужен, фигурально выражаясь, новый наряд. Я перекрасил нашу ванную и спальню, маленькую гостиную, кладовку и кухню. Потом я переделал винный погреб. Теперь у нас есть замечательное место, чтобы посидеть (летом мы и жили, и обедали именно там). Осталось его только перекрасить и устроить в нем бассейн. Слово «бассейн» звучит очень сильно, но здесь действительно есть бассейн, достаточно большой, чтобы нырнуть, сделать несколько гребков и охладиться от палящего солнца.

Сегодня я первый день на диете. Уже двенадцать часов, а я всего лишь выпил стакан апельсинового сока и две чашки кофе. Как я хочу быть стройным!

Теперь я с тобой прощаюсь. Я люблю тебя, я хочу тебя, я скучаю без тебя. Ты мне нужна. Единственная радость, которую я нахожу в пребывании здесь, в том, что я делаю все это для тебя.

Береги себя,

Дж.».

В Ниме, ближайшем к ферме городке, Джеральд заказал мебель и другие домашние принадлежности, в том числе и огромную двуспальную кровать. Он подробно описывал все свои действия Ли, приложив даже буклет мебельной фирмы.

«Пустой Мазе, Холодная улица, Надежда, округ Любви 27 апреля 1978

Дорогая Макджордж,

спешно отправляю тебе цветные фотографии того, чем можно заниматься на нашей новой кровати. Бог мой! Разум мутится. Пожалуйста, внимательно прочитай инструкции. Не хочу, чтобы в последний момент ты выглядела невеждой. Если кровать в течение года развалится (так мне без тени улыбки заявили в магазине), мы можем получить новую.

Я очень одинок и мечтаю только о том, чтобы ты и эта чертова кровать побыстрее прибыли сюда, чтобы ты лежала на ней, а я мог войти в комнату, скользнуть под одеяло и...

Я люблю тебя (и в постели и вне ее).

Дж.».

Брачное ложе было заказано и оплачено. Теперь Джеральд начал думать о свадьбе. Он уже познакомился с родителями Ли, Хэлом и Харриет Макджордж, и получил письмо от ее матери, в котором она приглашала его в Мемфис. Время отъезда приближалось. Джеральд очень надеялся на то, что будущий пятидесятитрехлетний зять понравится родителям Ли. Он собирался прибыть в

Штаты в середине мая. Ли одобрила его планы. В конце апреля она писала Джеральду из Университета Дьюка:

«Надеюсь, к твоему приезду погода улучшится и мы сможем посидеть на веранде и немного выпить на закате, когда птицы начинают свои любовные песни. Это совершенно замечательное место. Нам с тобой нужен отдых, потому что я серьезно подумываю о том, чтобы организовать небольшую вечеринку на всю ночь.

С любовью,

Ли».

2 мая Джеральд пишет Ли:

«Как бы я хотел быть там с тобой и всегда!

Любимая моя Макджордж, сегодня наконец-то вышло солнце после двух дней проливного дождя. Небо прояснилось, и все в мире прекрасно за исключением того, что тебя здесь нет. Утром ездил на рынок. Мне ужасно хочется тебе все это показать: здесь просто великолепно. Рынок настолько прекрасен, что ты прибавишь пару фунтов, просто прогулявшись по нему и усладившись зрелищем этих экзотических продуктов. Знаешь ли ты, что во Франции существует пятьсот сортов сыра? Подумать только, что я попробовал всего лишь тридцать пять! Ох, Макджордж, я собираюсь раскормить тебя, как страсбургскую гусыню, потому что я не хочу, чтобы ты опускала ноги на пол. Может быть, я просто прикую тебя к кровати. Или нас обоих. А может быть, мы с тобой и парочкой головок сыра заберемся в постель и запрем дверь. Надеюсь, ты внимательно ознакомилась с инструкцией к кровати. ВАЖНОЕ ЗАМЕЧАНИЕ: не вздумай практиковаться в этом с кем-нибудь, кроме меня. Я не буду возражать, если ты окажешься не слишком опытной».

К этому письму Джеральд приложил маленький конвертик с высушенными травами, на котором написал: «Вот так пахнет на холме за нашим домом, когда греет солнце». В отдельном конверте он отправил письмо на десяти страницах с рисунками, посвященное жизни и природе Франции. Это письмо более всего напоминало средневековый манускрипт, разрисованный Уолтом Диснеем. Это письмо стало настоящим гимном красоте природы. Начиналось оно с описания пчел:

«Патио, где мы летом и живем, и обедаем, затеняется виноградом, раскинувшимся на бамбуковых опорах. Полые стебли бамбука ужасно привлекают самых глупых, но и самых красивых насекомых — пчел-плотников. Они жужжат вокруг меня, исследуют бамбуковые опоры, спариваются в воздухе (довольно безвкусный способ!) и всячески готовятся к тому великому моменту, когда можно будет устроить гнездо в бамбуке.

Прилетели первые удоды. Они внимательно обследовали холм за нашим домом, где обычно гнездятся. Кукушки тоже прилетели, и теперь весьма соблазнительно кукуют в долине. Смешно, но все остальные птицы замолкают, как только заслышат кукушек. Даже соловей и тот умолкает на мгновение. Если бы ты слышала местных соловьев, то поняла бы, что они готовы весь день и всю ночь заливаться, как безумная поп-группа. Но должен признать, что обстановка здесь весьма романтичная. Вчера было такое полнолуние, что можно было читать при свете луны. А вокруг дома заливались не меньше четырех соловьев...

Дорогая Макджордж, мне пора заканчивать это письмо, которое и так уже по своим размерам приближается к Библии. Тебе это кажется глупым? Детским? Смешным? Да, я такой. Скоро я буду в Америке, и ты перестанешь быть для меня всего лишь голосом на другом конце телефонного провода. Пока я не прилетел, мучаясь от любви и морской болезни, хочу, чтобы ты подумала: если ты не дашь мне окончательного положительного ответа, я просто сойду с ума».

После 7 мая Джеральд вернулся на Джерси. Его уже ждала телеграмма: «Добро пожаловать домой Юпитер Встречу тебя через десять дней Твоя обезьянка». Через пару недель Джеральд вылетел в Штаты, встретился в Дареме с Ли и вместе с ней отправился в Мемфис к ее родителям. Родители Ли уже успели смириться со столь необычным выбором своей дочери. Они видели фотографию Джеральда и даже прочли его книги. Но все равно, по возрасту он был гораздо ближе к ним, чем к их дочери.

В Мемфисе Джеральд изо всех сил старался быть обаятельным — скромным, почтительным, вежливым, внимательным, добрым. Его английский акцент, ирландское обаяние, греческие манеры и космополитическая жизнь были способны очаровать кого угодно. Устоять перед ним было невозможно. Разница в возрасте его не беспокоит, заявил он родителям Ли, вот разве что разница

культур... Но он глубоко любит их дочь и, чтобы это доказать (с этими словами он полез в карман), он хочет подарить ей это обручальное кольцо с жемчугом и гранатами, специально для нее заказанное в Индии. Теперь Ли была обручена. Настало время поговорить о свадьбе. Они хотят устроить пышную свадьбу и небольшой прием или наоборот, шумную вечеринку и скромную свадьбу? Первый вариант обойдется дешевле, так как гостей можно будет принять дома. Второй потребует больших расходов, но зато связан с меньшими хлопотами. Все закрутилось. Все было очень торжественно и весело.

Ли и Джеральд планировали провести несколько недель во Франции, а в начале июня она прилетела на Джерси. На торжественном открытии ветеринарного комплекса ей предстояло впервые предстать перед общественностью в роли жены Почетного директора Фонда. Открывать комплекс должен был посол США в Великобритании, Кингмен Брюстер. Джеральд отправил родителям Ли подробный отчет о том, как их дочь справилась со сложным церемониалом.

«Дорогие родители,

ваша дочь совершенно замечательная девушка, и я серьезно думаю о том, чтобы никогда не отпускать ее от себя. Открытие нового ветеринарного комплекса на Джерси прошло великолепно. Ли была прекрасна в роли хозяйки поместья. В желтом платье и дурацкой белой шляпе она была ослепительно красива. Полагаю, мое мнение разделили и все присутствовавшие. Когда мы подошли к лемурам, она перехватила инициативу и прочитала бедному послу Брюстеру целую лекцию об этих странных созданиях. Боюсь, она сообщила ему гораздо больше, чем он хотел знать. Несколько раз мне казалось, что он вот-вот заснет, но его жена была начеку и каждый раз будила его безжалостными щипками. Но в целом день прошел замечательно, а ваша дочь отлично справилась с ролью хозяйки. Вечером был устроен торжественный ужин, произносились глупые речи (из всех стоило выслушать только мою), а потом, когда посол Брюстер и его жена уехали, мы с Макджордж устроили танцы. А вы и не знали, что ваш будущий зять обладает такими талантами? Правда, несколько раз я падал, но все же танцевал!»

В середине июня Джеральд и Ли уехали во Францию. «Мой брат Джерри наконец купил Мазе и очень занят обустройством, — писал Ларри Генри Миллеру. — Он собирается жениться на красивой американке. Они проводят лето во Франции. Он богат и знаменит, у него есть зоопарк и ему удалось ловко избавиться от первой жены».

Сладостное путешествие с Ли по южной Франции доставило удовольствие обоим, хотя и по-разному, как писал Джеральд в письме своей сестре Маргарет:

«Дорогая Мардж,

мы путешествуем очень не спеша. Погода стоит замечательная. Мы останавливаемся в шикарных старинных замках, превращенных в отели, и я не жалею денег на еду и вино. Мне бы хотелось, чтобы ты увидела, как это все нравится Ли. Она никогда не была во Франции, и ни один из ее приятелей никогда не относился к ней подобным образом. Так приятно видеть, как ей все нравится — от цветов и бабочек на окрестных холмах до новых блюд и вин (она такая же пьяница, как и я). Все это для нее настоящее приключение. Когда мы прибыли в Мазе и вошли в наш дворик, ее лицо засияло, она обняла и поцеловала меня. Мы переходили из комнаты в комнату. Арлетт повсюду расставила вазы с цветами. Ли пришла в полный восторг. Похоже, наш дом понравился ей по-настоящему. Она постоянно твердила: «Нам надо сделать то-то и то-то, но только мы должны постараться не испортить атмосферу этого дома». Хотя уже довольно тепло и можно загорать на террасе, но по вечерам еще прохладно, и мы зажигаем камин. Ей безумно нравится камин, и она хочет разжигать его самостоятельно. Мы пьем вино и распеваем песни, а потом отправляемся в постель и часами занимаемся любовью. Как жаль, что я не встретил ее раньше, но зато она есть у меня хотя бы сейчас. Я уже говорил тебе, что она не влюблена в меня и никогда об этом не говорит, но она очень тепло, внимательно и нежно ко мне относится. Скажу тебе по секрету, что замечаю безошибочные признаки того, что она начинает влюбляться в меня, поэтому будущее представляется мне в радужном свете. Сейчас я счастливее, чем когда-либо, Ли вернула мне утраченную молодость. Я чувствую, что мне снова восемнадцать. Мы с ней очень похожи, мы дюжем часами хохотать и распевать песни, а потом вести серьезные беседы о будущем нашего Фонда и зоопарка. Эти проблемы очень увлекают нас

обоих (Джеки часами могла пилить меня, чтобы я бросил это занятие). А порой мы несем несусветную чушь. То, что на протяжении многих лет я воспринимал как должное, теперь приобрело для меня новый смысл. Я все показываю ей и сам вижу это свежим взглядом. Это доставляет мне невероятное удовольствие. Всю эту чушь я написал тебе, чтобы ты поняла — я чертовски счастлив. Не хочу сглазить, но мы серьезно подумывали о ребенке. Правда, нам нужно так много сделать и успеть насладиться друг другом, что пока мы отложили эту мысль. Ребенок — это не домашнее животное, которое можно сдать на попечение зоопарка, как собаку или кошку. Пока мы решили это отложить».

Хотя Джеральд и Ли жили вместе в собственном доме, Джеральд не прекращал писать ей записки на каждом подворачивающемся под руки клочке бумаги, даже на кухонных салфетках. Повсюду — в кухне, в ванной, в спальне и в гостиной — красовались сакраментальные признания: «Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ!»

Джеральд и Ли провели в Мазе четыре недели. 12 июля Ли улетела в Штаты. Через несколько дней Джеральд вспомнил старую привычку и принялся строчить ей любовные письма.

«От Гения Даррелла,
основателя и президента
Фонда исследований сексуального поведения бельянок (белок и обезьянок)

Моя дорогая,

я без тебя вот уже два дня и чертовски скучаю. Было очень приятно вернуться на Джерси и увидеть всех, кто там родился. Но, дорогая, здесь так пусто без тебя... Я никогда не понимал, как много значит для меня не только твое присутствие, но даже звук твоего прекрасного голоса. Если бы я мог поговорить с Данте, я бы посоветовал ему добавить еще одну пытку в его «Ад» — обходиться без Макджордж. Меня словно лишили всех чувств, оставив одну только боль. Просыпаться утром и не видеть рядом с собой твоего восхитительного лица, не иметь возможности прижать тебя к себе — все это причиняет мне физическую боль и погружает меня в глубочайшую печаль... Не могу передать, какое удовольствие доставило мне наше пребывание во Франции, как сладко было изо дня в день видеть тебя, видеть твою радость, представлять себе, что мы уже женаты...

Ты стала для меня всем и останешься всем до последнего моего дня. Если бы я потерял тебя сейчас — не важно, по какой причине, — то жизнь потеряла бы для меня всякий смысл. Я говорю тебе все это, чтобы ты попыталась понять мое безумное поведение — ты ведь так добра и разумна. Знаю, жить со мной нелегко, порой даже очень тяжело, тебе будет на что жаловаться. Но надеюсь, моя глубокая любовь к тебе в сочетании с другими, более материальными преимуществами сможет перевесить мои недостатки. Должен предупредить тебя, что я не оставлю камня на камне, пытаясь исполнить безумную по своей сложности задачу и заставить тебя полюбить меня. Я преисполнен решимости!

А теперь расскажу тебе о зоопарке. Он просто великолепен. Клетка для розовых голубей получилась замечательной, и птицам она понравилась. Они очень красивы, особенно в лучах восходящего солнца, но так глупы, что не заслуживают выживания. А как приятно было войти в павильон рептилий и увидеть маленьких черепашек (и новые яйца!) и крохотных сцинков Телфэйра... Потом мы отправились посмотреть на летучих мышей. Дорогая, как прекрасно устроили мы павильон ночных животных! Я чувствовал себя настоящим триумфатором, когда видел всех этих детенышей, которые летали вокруг меня, пищали и резвились. Я словно увидел всех их на воле. Сейчас у нас достаточно гекконов Гюнтера и сцинков Телфэйра, чтобы мы могли расселить их повсюду (даже в Бронксе!). Очень скоро количество крыланов тоже будет достаточным. Хорошо размножаются и розовые голуби. Кто сказал, что разведение диких животных в неволе не имеет будущего???? Кто сказал, что Даррелл — идиот???? Кто сказал, что у него ничего не выйдет?????? Надо признаться, что так говорили многие. Хи-хи-хи!

А теперь самые приятные новости: мы собираемся возвратить первый вид в среду естественного обитания. Как ты знаешь, лысый ибис в Средние века был широко распространен в Европе. Теперь мы можем выпустить наших птиц на волю. Нас часто спрашивают, какой вид мы вернули в природу, и мы были вынуждены честно отвечать: «Никакой». Но теперь, я надеюсь, нас ждет триумфальный успех, и лысый ибис после пятисот лет отсутствия снова поселится в Европе».

Хотя Джеральд все еще не закончил бракоразводный процесс с Джеки. он активно строил планы свадьбы, о чем писал Маргарет в середине июля.

«Я думаю, что свадьба в Мемфисе будет очень забавной. Моим шафером будет Джереми (когда я попросил его об этом, он даже прослезился — он ведь такой сентиментальный). Джон, Саймон, Сэм и Кейт тоже приедут. Мамаша Макджордж (милая дама с отличным чувством юмора) купила книгу «Как правильно устроить свадьбу» и прислала один экземпляр мне. Похоже, свадьба влетит бедному папаше Макджорджу (да и мне тоже!) в копеечку. Но я заявил Макджордж (так я называю Ли, когда хочу быть суровым), что это последняя ее возможность выйти за меня замуж и я не намерен экономить на чем-либо. Конечно, я отношусь ко всему очень серьезно, потому что на Юге к этому вообще относятся очень серьезно. Ли — старшая дочь в семье, и они хотят, чтобы все прошло по первому разряду. Но в глубине души все это меня очень веселит. Ты же понимаешь, что в моем возрасте было бы смешно придавать этому такое значение. Но бедная Макджордж разрывается между попытками сохранять серьезность из чувства долга (это все ее суровое епископалианское прошлое) и желанием расхохотаться над особенно стандартными процедурами брака. После свадьбы мы уедем на Маврикий, остановимся в старой части острова. Я хочу быть поближе к морю, потому что Ли никогда не видела тропических рифов. Я заранее предвкушаю, какое удовольствие доставит ей наш медовый месяц. Еще одна смешная деталь: для того чтобы вступить в брак в Теннесси, я должен предоставить справку о том, что не страдаю венерическими заболеваниями! Каково?»

Джеральд начал сосредоточенно обдумывать свой брак. Ли должна была стать не только его женой, но и взять на себя серьезные обязанности в Фонде. Она как никто подходила для этой роли. Обо всем этом он написал ей в письме, датированном 21 толя:

«Дорогая, я хочу, чтобы ты стала частью нашего Фонда. Ты должна знать все об его истории, развитии и будущем. Я хочу, чтобы ты помогала мне в этой работе. Не хочу, чтобы ты думала, что я женился на тебе только чтобы любить тебя. Я хочу, чтобы ты принимала участие во всех сторонах моей жизни. Ты должна почувствовать, что это место является настолько же твоим, насколько и моим».

Через несколько дней Джеральд писал Ли, что после свадьбы будет выплачивать ей ежегодное содержание, которым она может распоряжаться по собственному усмотрению. «Это поможет нам избежать ужасной стороны брака, — объяснял он, — когда несчастная женщина должна выпрашивать у мужа каждый пенни. Это был бы уже не брак, а кандалы». Конечно, размеры этой суммы будут зависеть от его доходов и могут изменяться от года к году.

«Не беспокойся, разорение нам пока не грозит, но в прошлом году весь мой доход (56 тысяч фунтов) испарился, словно его и не было. Конечно, это глупо, но я был так одинок. Мы должны подумать и о том, что можем захотеть иметь ребенка или даже двух, что существенно изменит наше финансовое положение. А теперь хватит о скучной коммерции. Давай поговорим о более приятных вещах.

Ты знаешь, как я скучаю без тебя. Наша постель по размерам приближается к Сахаре, но холодно в ней, как в ледяных просторах Арктики. Мне нужен телескоп, чтобы увидеть другой ее край, но смотреть не имеет никакого смысла — ведь все равно тебя здесь нет. Я не смогу увидеть твое прекрасное лицо, твои голубые глаза, изгиб твоих восхитительных губ, твои темные волосы, твои ушки, похожие на маленькие съедобные розовые грибы. Это только поверх одеяла. А под ним я не вижу твоего прекрасного тела, твоих длинных ног и изящных ступней, твоих изумительных рук... Поскольку нет смысла продолжать разыскивать тебя в постели, я поворачиваюсь и смотрю на твое соблазнительное личико, улыбающееся мне с фотографии, которая стоит на столике у изголовья.

Я очень сильно люблю тебя. Без тебя я ужасно одинок. Днем еще ничего (довольно плохо, но не слишком плохо), потому что у меня масса дел и я постоянно занят. Но когда наступает вечер и я остаюсь один на один с дурацким телевизором, то начинаю вспоминать наши вечера в Мазе... Помнишь, как мы сидели у камина, пили вино, пели и болтали? При этих воспоминаниях меня пронзает боль. Я выключаю телевизор и включаю проигрыватель — слушаю нашу любимую музыку («Канон» Пахебеля и записи Хаджидакиса). Я включаю проигрыватель на полную громкость (наверное, служители считают, что я свихнулся), а потом отправляюсь спать. Я не могу уснуть. Я поднимаюсь, принимаю таблетку, но это чертово лекарство никак не начинает действовать. Я зажигаю свет и вижу

тебя, как ты улыбаешься мне со столика у изголовья кровати. Я принимаю еще одну таблетку и начинаю читать какую-нибудь идиотскую книгу, пока она не подействует. Иногда по ночам, когда мне не удается заснуть, я погружаюсь в черные мысли (к счастью, они длятся всего лишь мгновение). Тогда я думаю, что лучше было бы мне никогда тебя не встречать или хотя бы не влюбляться в тебя. Почему я не смог влюбиться в тебя чуть-чуть? Почему эта многоцветная волна радости и боли накрыла меня с головой? Я бесконечно люблю тебя!

Ну достаточно об этом».

31 июля Джеральд отправил Ли удивительное письмо. Начиналось оно с мучительного, безжалостного самобичевания, а заканчивалось трогательным признанием в любви к миру и к женщине, которой он восхищался.

«Моя дорогая Макджордж,

ты говоришь, что стоит лишь записать все на бумаге, как мысли проясняются. Что ж, тебя ждет довольно занудливое письмо, в котором я попытаюсь разобраться в себе. Ты можешь читать и перечитывать его в ужасе от того, что связалась с подобным человеком. Вдохни поглубже.

Начнем с того, что я люблю тебя так глубоко и страстно, как никогда не любил никого в своей жизни. Может быть, это тебя удивляет, но и меня удивляет не меньше. Но, спешу добавить, не потому, что ты не заслуживаешь любви. Совсем нет. Это оттого, что я поклялся себе больше не влюбляться ни в одну из женщин. Во-вторых, я никогда не испытывал прежде ничего подобного, и сила моих чувств меня пугает. В-третьих, я никогда не думал, что другой человек может полностью проникнуть в мои мысли и сны, затмив все вокруг. В-четвертых, я никогда не думал, что человек — даже влюбленный человек — может быть так глубоко поглощен другим человеком, что даже минута, проведенная в одиночестве, будет казаться ему целым веком. В-пятых, я никогда не надеялся и не мечтал, что смогу найти все мне необходимое в одном человеке. Я не идиот, чтобы верить в подобную чушь. Но в тебе я нашел все, о чем мечтал: ты красива, весела, щедра, добра, восхитительно женственна, сексуальна, очень разумна и соблазнительно глупа. Я не мечтаю ни о чем, кроме того, чтобы быть с тобой, слушать тебя и смотреть на тебя, спорить с тобой, смеяться с тобой, показывать тебе мир и делить его с тобой, наслаждаться сокровищами твоего восхитительного ума, ласкать твое прекрасное тело, помогать тебе, защищать тебя, служить тебе и давать тебе подзатыльники, когда мне будет казаться, что ты не права... Не будет преувеличением сказать, что я — единственный человек в истории, которому удалось найти клад на другом конце радуги.

Но, несмотря на все вышесказанное, давай поговорим о деталях. Не хочу тебя пугать, но... У меня есть пара недостатков. Незначительных, спешу добавить. Например, меня считают очень властным. Я поступаю так из самых лучших побуждений (все тираны так говорят!), но порой могу обидеть окружающих, не подумав. Ты должна будешь предупреждать меня, дорогая, потому что в браке подобное поведение нетерпимо.

Теперь о втором недостатке. Это не столько изъян моего характера, как порождение обстоятельств. Дорогая, я хочу, чтобы ты была независимой, и сделаю все для этого. Но ты должна согласиться с тем, что я тоже имею право на независимость... Я хочу сказать, что ты не должна обижаться, если порой к тебе будут относиться просто как к моей жене. Всегда помни, что ты теряешь одно, зато приобретаешь другое. Я сумел добиться определенной известности, поэтому иногда ты будешь жить в моей тени. Ничто так не огорчает меня, как это обстоятельство, но тебе придется с этим примириться.

Третий (и весьма существенный) недостаток: ревность. Не думаю (благодарение богу), что ты представляешь себе, что такое это чувство. Я знаю, что ты ревновала к жене и ребенку Линкольна, но такую ревность я называю нормальной. К глубокому сожалению, я ревнив совершенно иначе. Во мне живет настоящий монстр, который лишает меня чувства юмора и здравого смысла. Во мне пробуждается мистер Хайд, бесцеремонно отталкивающий доктора Джекила в сторону. Мой Хайд сильнее здравого смысла, и, как бы я ни пытался, мне с ним не справиться. Я отлично знаю, что во мне живет это чудовище, и умею его контролировать. Если его ничто не разбудит, все будет в порядке. Но тут я встретил тебя и почувствовал, что мой монстр пробуждается. А когда ты рассказала мне о Линкольне и прислала то ужасное письмо, он обрел силу. Я стал жестоким, злым, глупым, нелогичным. Тебе никогда не понять, как разрушительна ревность сама по себе. Это физическая боль, словно ты выпил кислоту или проглотил горя. чий уголь. Это самое ужасное из чувств. Ты не можешь помочь мне, и никто не может. Я не могу с этим справиться, как бы ни пытался. Я не хочу,

чтобы во время нашей свадьбы в церкви присутствовали твои бывшие приятели. В день нашей свадьбы мы с тобой должны быть счастливы, а я не смогу быть счастливым, если в церкви будет полно твоих бывших. Вступая с тобой в брак, я не думаю о прошлом — только о будущем. Я не хочу, чтобы мое прошлое омрачало наше будущее. Но и твое прошлое должно остаться позади. Помни, что я ревную тебя, потому что люблю. Нельзя ревновать к тому, к чему ты безразличен. Ладно, о ревности хватит. А теперь я расскажу тебе...»

И после этого идет замечательное стихотворение в прозе, восхитительная, торжественная картина мира, который Джеральд воспринимал всем своим существом.

«Я видел тысячи закатов и восходов: на земле, когда солнце заливало золотистым светом леса и горы; на море, когда кровавый апельсин погружался или выныривал из разноцветных облаков над бескрайним океаном. Я видел тысячи лун: осенние луны, напоминавшие золотые монеты, зимние луны, белоснежные, словно лед, молодые луны, похожие на перья лебедят.

Я видел моря — разноцветные, словно шелк, и ярко-голубые, как грудка зимородка, прозрачные, как стекло, и темные, мрачные, покрытые пеной, бушующие и непокорные.

Я ощущал на лице ветер, прилетевший с Южного полюса, тоскливый и рыдающий, как потерявшийся ребенок. Я чувствовал ветер, нежный и тёплый, как дыхание возлюбленной. Морской бриз приносил мне запах соли и гниющих водорослей. Ветер тропического леса был пронизан ароматами леса, запахом миллионов цветов. В моей жизни были и шторма, безжалостно терзающие океан, и нежные, тихие ветерки, ласкающие кожу, как лапка котенка.

Я знал тишину: холодную земную тишину на дне только что вырытого колодца; безжалостную, каменную тишину глубокой пещеры: горячую, одурманивающую полуденную тишину, когда все замерло и погрузилось в молчание под палящими лучами солнца; тишину, наступающую, когда заканчивается великая музыка.

Я слышал пронзительные крики летних цикад, которые буквально проникают в твои кости. Я слышал кваканье древесных лягушек, сложное, словно кантата Баха. Я видел миллионы изумрудных светлячков, перелетающих с ветки на ветку. Я слышал крики кеа над серыми ледниками. Они переругивались, спеша к морю, как старики. Я слышал хриплые крики сов. Я слышал, как морские котики соблазняют своих гладких, золотистых подруг, слышал сухое стаккато гремучих змей, пронзительный писк летучих мышей и властные грудные звуки, издаваемые горделивыми лесными оленями. Я слышал, как волки воют на луну зимой, как медведи заставляют лес содрогаться от своего рева. Я слышал писк, ворчание и мурлыканье тысяч разноцветных рыбок на коралловых рифах.

Я видел сверкающих колибри над малиновыми цветами. Они жужжали, как целый рой пчел. Я видел летучих рыб, стремительно проносящихся над синими волнами как серебристые стрелы. Входя в воду, они оставляли за собой дрожащую серебряную линию. Я видел, как колпицы летят домой, словно малиновые полотнища, проносящиеся в небе. Я видел китов, черных, как деготь, всплывающих среди васильково-синего моря и выпускающих версальские фонтаны с каждым выдохом. Я видел бабочек, порхающих между цветов под лучами жаркого солнца. Я видел тигров, яростно спаривающихся среди высокой травы. На меня набрасывался разъяренный ворон, черный и блестящий, словно копыто дьявола. Я лежал в теплой, словно парное молоко, и нежной, как шелк, воде, а вокруг меня резвились дельфины. Я видел тысячи животных и тысячи замечательных мест... но —

Все это я сделал без тебя. Это моя беда.

Все это я хочу сделать с тобой. Это моя радость.

Все это я с радостью бы отдал за одно мгновение рядом с тобой, за твою улыбку, твой голос, твои глаза, твои волосы, губы, тело, за твой удивительный, живой разум, открывать сокровища которого доставляет мне такую радость».

В этот момент Джеральда стала мучить ужасная мысль, которая не оставляла его в течение нескольких дней. Он глубоко любил Ли, но в то же время боялся, что со временем она изменится и станет другим человеком. Она любила поесть почти так же, как и он, но во что его превратило неумеренное обжорство? Хотя Ли по-прежнему оставалась такой же гибкой, как и в тот день, когда он впервые ее увидел, внутри каждой тоненькой девушки живет толстуха и поджидает момента, когда сможет выбраться наружу. Этого не должно было случиться. Джеральд изучил все возможные диеты. Наиболее жесткой была диета клиники Майо — только грейпфруты, морковь, отварной салат, вода, чай без молока, безалкогольные напитки. Тогда он отправил Ли длинное письмо, в котором описывал

все ужасы тучности. Вместе с письмом он отправил и собственное стихотворение, названное «Ода пище».

Ли Вильсон Макджордж
Сказала: «Я люблю поесть,
Я кругла, как шар,
У меня нет талии,
А мои груди
Имеют весьма впечатляющий вид:
Одна мысль о них ужасает —
Они похожи на кабачки,
А мои ноги
Похожи на винные бочонки,
И каждое мое колено
Говорит о моих грехах.
Я могу быть тучной,
Как дюжина страсбургских гусынь —
Но, скажу не тая,
По-прежнему я
Чертовски сексуальна.
Одно только угнетает меня:
Если я стану толще,
То с ужасом пойму,
Что нету места в постели для меня.

Теперь Джеральд мог заняться более сложной проблемой — самим собой. Как он должен выглядеть на предстоящей брачной церемонии? Что ему надеть? Какую роль играть? Во время последнего приезда в Штаты он сфотографировался в студии, реклама которой гласила: «Подождите — и получите исторический портрет». Фотограф запечатлел его в виде джентльмена с Миссисипи, в котелке, с тросточкой, в сюртуке, ярком жилете, с золотой цепочкой и в пышном галстуке. Джеральд счел подобный вид вполне подходящим для того, чтобы венчаться с молодой женой в чопорном Мемфисе. Он отправил фотографию терпеливым родителям Ли.

«Дорогие родители,

чтобы не напугать вас на людях, я решил отправить вам свою фотографию. В таком виде я намерен вступить в брак с вашей дочерью. Я знаю, что в Америке одеваются именно так, я видел много фильмов. Посылаю вам эту фотографию, чтобы вы не беспокоились, что в церкви я буду выглядеть неподобающим образом. Мой портной сказал, что никогда еще не видел меня таким ослепительным. Сообщите мне свое мнение».

Но Джеральд не перестал обдумывать свой внешний вид на свадьбе. Похоже, он немного переборщил с костюмом. 25 августа он пишет отцу Ли:

«Я рад, Хэл, что Вы оценили мое стремление выглядеть во время свадьбы самым приличным образом. Хочу успокоить вас: я приготовил костюм, сшитый в точности по Вашим указаниям с одним крохотным дополнением. На спине у меня будет пришито большое сердце, на котором блестками будет вышито «Я люблю Ли». Надеюсь, Вы одобрите эту идею».

По-прежнему не было никаких известий относительно развода.

«Моя жена подписала во Франции все необходимые бумаги, но не успела заверить один документ у нотариуса, поэтому ей отослали все обратно для нового оформления. Как только все будет сделано, бракоразводный процесс начнется. К сожалению, не могу сообщить вам точную дату. Поверьте, это мучает меня не меньше, чем вас обоих. Я понимаю, что вам нужно проделать большую подготовительную работу. Заверяю, что как только я узнаю дату, тут же сообщу вам».

В конце августа Ли снова прилетела на Джерси по пути на Мадагаскар, где она должна была принять участие в конференции по лемурам. Джеральд сопровождал ее. Он сочинил еще одно стихотворение и собственноручно нарисовал иллюстрации к нему.

Раньше Джеральд никогда не бывал на Мадагаскаре, но в будущем деятельность его Фонда будет тесно связана с этим островом. Они с Ли провели на Мадагаскаре десять дней, а затем вернулись на Джерси, откуда должны были лететь в Штаты. Джерри предстояла очередная поездка по делам Фонда, а Ли нужно было закончить диссертацию, защита которой была назначена на ноябрь.

Лекции Джеральда, как всегда, прошли с успехом. Билеты на них были распроданы задолго до его приезда. В прессе появились серьезные, большие статьи. Правда, Джеральд всегда умел удивить журналистов, что заметила шустрая репортерша из «Чикаго сан-тайме».

«Еще не пробило десяти, но Джеральд Даррелл встретил нас с бутылкой пива в руке. «Хотите? — дружелюбно предложил он. — У меня во рту после вчерашнего, словно в нечищеной клетке попугая».

Даррелл, писатель, зоолог, специалист по охране окружающей среды, напоминает очаровательного, дородного британского джентльмена. Его седые волосы и борода аккуратно подстрижены. На нем костюм безукоризненного покроя. Он вежлив и дружелюбен. Но в его мальчишеских голубых глазах то и дело загорается веселая искорка, а вокруг глаз собрались морщинки, говорящие о том, что этот человек любит посмеяться. Даррелл отличается независимостью мышления, живет в свое удовольствие и может позволить себе пиво в 9.45 утра, если ему этого хочется».

Джеральд рассказал журналистке о своих планах — о программе разведения диких животных в неволе, о мадагаскарском проекте, о подготовительном центре, об ужасающем состоянии мира. Затем он сообщил о том, что более всего занимало его этим утром. «Как только его развод будет окончательно оформлен, — сообщила своим читателям журналистка, — Даррелл женится на Ли Макджордж, восхитительной американке, которая заканчивает работу над диссертацией, посвященной вопросу общения животных, в Университете Дьюка. Это позволит его Фонду приобрести ценного специалиста, которому можно будет не платить жалованья».

Через несколько дней Джеральд был в Филадельфии. В полном одиночестве он сидел в ресторане «Сад» и грустил. После современного Чикаго старомодность культурной столицы Америки настроила его на классический лад.

К этому моменту бракоразводный процесс Джеральда заметно продвинулся. По иронии судьбы, именно он тормозил развод в течение первых двух лет после ухода Джеки, игнорируя все просьбы и требования и отказываясь приходить на судебные заседания. Теперь он страстно желал по-скорее завершить это дело и назначить дату свадьбы. 1 октября Ли написала Кейт Уэллер на Джерси:

«Джерри очень подавлен из-за всего этого. Он считает, что подобная ситуация наносит вред моей и его репутации — боится, что мне надоест целый год считаться его любовницей. Что ж... Мне бы не наскучило провести тысячу лет в его обществе. Зачем мне покидать его, если нам так хорошо вместе и нужно столько сделать, что на это не хватит даже двух жизней! Я говорила ему все это, но он по-прежнему подавлен и напуган. Очень прошу Вас, успокойте его на мой счет... Будьте предельно искренни...

Новые требования Джеки меня беспокоят. Кейт, я беспокоюсь не из-за отсрочки свадьбы, а из-за того, как это повлияет на состояние Джерри. Я бы очень хотела что-нибудь сделать, чтобы успокоить его».

Перед возвращением на Джерси Джеральд вместе с Ли на несколько дней отправились в Канаду, где она торжественно кормила касатку в ванкуверском аквариуме — во второй раз она предстала перед публикой как жена Джеральда. Из Ванкувера Джеральд и Ли поездом поехали в Калгари. Всю дорогу Ли работала над своей диссертацией.

Вернувшись на Джерси, Джеральд с головой погрузился в повседневные заботы, связанные с Фондом и зоопарком, а также в литературную работу. Когда работа над диссертацией начала угнетать Ли сверх всякой меры, он писал ей длинные письма на нескольких листах, иллюстрированные, как средневековый манускрипт, чтобы поднять ее дух и вдохновить на дальнейшие успехи.

Джеральд очень хотел показать Ли Маврикий — эти сказочные горы, зеленые поля сахарного тростника, прохладные горные леса, ущелья и водопады, падающие с тысяч футов, как шелковые

ленты. И, конечно, рифы — «посудную лавку», где кораллы напоминали тарелки и кубки, «оленье кладбище» и «цветник», спокойный, залитый солнцем, сверкающий.

Помимо подтверждения своей любви Джеральд сообщал невесте различные новости из своей жизни. Американцы собирались снимать телевизионный сериал, посвященный его жизни («оставив за рамками все мои сексуальные похождения»). В зоопарке полным ходом шло строительство подготовительного, обучающего центра. При некотором везении он мог бы открыться уже в следующем августе. Джеральд уже начал подумывать о том, кто бы мог открыть центр. «Может быть, президент Соединенных Штатов? — спрашивал он у Ли. — Полагаю, твоя диссертация произведет на него огромное впечатление». Но самые главные новости Джеральд приберег на конец.

«Мы добились впечатляющих результатов в разведении. Это превосходит мои самые смелые ожидания. Я только что вернулся из павильона рептилий: у нас появилось шестнадцать яиц гекконов Гюнтера и восемь яиц сцинков Телфэйра. Теперь мы можем быть почти что спокойны за судьбу обоих видов. Кроме того, нам удалось получить восемьдесят пять детенышей ямайского питона. С помощью нового способа Боба Мартина нам удалось скрестить боа с Круглого острова: у нас есть два самца и одна самка. В следующем году мы подберем для нее самого крупного самца и будем надеяться на лучшее. Ты же знаешь, как мало науке известно об этих чертовых тварях. Мы не знаем даже, откладывают ли они яйца или рождают живых детенышей. И никто не знает, на какое количество детенышей можно рассчитывать. Если они похожи на ямайских, то в течение пары лет мы сможем восстановить популяцию на Круглом острове. Сейчас у нас так много ямайских боа и хутий, что если бы нам удалось найти подходящее место, то мы могли бы попробовать возвратить эти виды в природу. Если бы найти богатого американца или европейца, располагающего собственным островом, мы могли бы начать работу. Как бы мне хотелось сделать это одновременно с возвращением в природу круглолицего ибиса! Тогда можно было бы говорить о настоящем успехе. У меня начинает кружиться голова, когда я думаю о потенциале в этой области. За два года у нас должно появиться достаточное количество золотых крыланов и розовых голубей, и можно будет подумать о том, чтобы выпустить кое-кого из них на волю...

Дорогая, так радостно видеть, когда мои мечты воплощаются в реальность. Ты даже не представляешь, какое это счастье. Но ничего, скоро мы будем работать вместе. Мы отловим зверей, привезем их сюда, скрестим, и ты поймешь, что я имею в виду. Это удивительное ощущение! Ради него можно вытерпеть годы тяжелой работы, без которой невозможно ни одно достижение. Но наша работа требует огромного терпения...»

В ноябре 1978 года Ли наконец-то закончила работу над своей диссертацией по общению животных — «Исследование роли шумов в канале общения на основании анализа звуков, издаваемых лесными животными». Она представила диссертацию на рассмотрение, и 22 ноября ей сообщили, что ей присуждена докторская степень. Защита проходила три часа, в комиссию входили восемь профессоров, а Джеральд маялся за дверями. После защиты Ли с Джеральдом вылетели на Джерси, чтобы отметить Рождество. Ли впервые праздновала Рождество вдали от дома. На праздники к Джеральду прилетел Лоуренс, который остался во Франции в полном одиночестве. «Я провожу Рождество на Джерси в зоопарке моего брата, — писал Лоуренс Генри Миллеру. — Здесь, как всегда, полно снега, но раздающиеся вокруг звуки напоминают мне тропический лес. Картина сюрреалистическая! По ночам рычат львы, на рассвете раздаются дикие птичьи вопли и уханье шимпанзе. Это очень странный остров. Порой он вызывает у меня приступы клаустрофобии».

Джеральд и Ли собирались встретить Новый год в испанском замке у Флер Коулз. Богатая и талантливая американка Флер Коулз была необычным человеком. Она писала, рисовала, редактировала, издавала книги, занималась благотворительностью, держала салон. Флер была знакома с огромным множеством знаменитостей. Флер и ее муж Том подружились с Джеральдом, когда она поддержала его во время дворцового переворота 1973 года. Накануне Нового года Флер позвонила Джеральду и предупредила: «Поскольку вы еще не женаты, я поселю вас в отдельных комнатах, чтобы слуги не болтали». На это Джеральд ответил: «Что ж, в таком случае мы не приедем».

Флер Коулз отступила, и 27 декабря Ли и Джеральд прилетели в Мадрид, а оттуда направились в восхитительный замок неподалеку от Трухильо, построенный римлянами, переделанный маврами, разрушенный наполеоновской армией и восстановленный Флер и Томом. Коулзы устроили у себя великолепный мавританский садик и галерею между двумя уцелевшими мавританскими башнями. Испанские замки, английское поместье на Джерси, поездки через

Скалистые горы — Джеральд сдержал свое обещание: жизнь Ли изменилась самым кардинальным образом. Но, помимо этого, в ней появилось и совершенно иное. Ли вспоминала:

«Той весной мы путешествовали по Центральной Америке и странам Карибского бассейна — Коста-Рике, Панаме, Антигуа, Монтсеррат. А потом нам сообщили, что Джерри наконец-то получил развод, и мы вернулись в Мемфис за десять дней до свадьбы. Моей матери пришлось взять на себя все заботы. Джерри пригласил уйму народу — свою сестру Маргарет, Джереми Маллинсона с женой, Джона Хартли с женой, Сэма и Кейт Уэллер, Дэвида Хьюза, Питера Гроуза с женой и всех руководителей нашего американского Фонда. Все эти люди провели в Мемфисе три-четыре дня, и мы все очень веселились. Родственники Марго Рокфеллер устроили большое барбекю у бассейна, пару вечеринок организована я, несколько — мои друзья и друзья моей матери, даже Джерри и то устроил собственную вечеринку. В Америке принято, чтобы жених проводил так называемый «репетиционный обед». Если свадьба проходит в церкви, то репетиционный обед устраивается после репетиции церемонии за день до настоящей свадьбы. Но в этом случае такое было невозможно, поскольку я принадлежу к епископальной церкви, американскому аналогу англиканской, и священник не позволил мне обвенчаться. Он сказал: «Мистер Даррелл разведен, поэтому мы не можем вас обвенчать». Меня это не беспокоило, потому что я уже давно перестала быть религиозным человеком, но моя мама ужасно рассердилась. Так или иначе, мы решили провести церемонию в нашем саду, а репетиционный обед Джерри провел на старинном пароходе. Он пригласил всех гостей, и мы спустились по Миссисипи. Я надела свое платье в стиле доброго старого Юга — пышные юбки на кринолине, облегающий корсет, а Джерри выбрал полосатый пиджак, соломенную шляпу, пышный галстук и лаковые ботинки, позаимствованные у моего отца. На корабле был оркестр, шампанское лилось рекой, а Джереми Маллинсон, шафер Джерри, произнес речь. Ему приходилось перекрикивать шум двигателей, к тому же из-за его английского акцента никто не понял, что он сказал. Но все остались в полном восторге, начали открывать новые бутылки, оркестр грянул... Тем вечером на Миссисипи был особенно красивый закат. Все прошло просто великолепно...

На следующее утро Джерри поднялся очень рано. Наша свадьба состоялась 24 мая 1979 года. С утра шел дождь, но затем небо прояснилось. В тот год в Мемфисе весна запоздала, и в нашем саду вовсю цвели кизил и азалии. Цветы были повсюду. Это была восхитительная церемония. Джерри, по обычаю, не позволяли подниматься наверх до самого последнего момента, поэтому мой брат прихватил с собой упаковку пива и спустился к нему, чтобы скрасить ожидание. В пять тридцать мы вышли из дома, чтобы совершить церемонию. Флейтист и арфистка заиграли «Канон» Пахебеля, а потом эстафету у них принял старый негр Мозес, отлично игравший на пианино. Мы поженились на газоне под цветущими кизиловыми деревьями. Совершал церемонию судья, старый друг моих родителей. Потом вынесли огромный торт, все стали читать приветственные телеграммы и танцевать. Вечером я переоделась, нас осыпали рисом, и мы уехали в отель возле аэропорта, потому что на следующее утро нам предстояло очень рано улетать в Англию. Мы обещали Питеру Буллу, что будем присутствовать на его благотворительном пикнике. Прямо из аэропорта мы кинулись на это мероприятие. Питер беседовал с маркизом Бата. Когда он нас увидел, то сказал: «О, о, о... Сейчас я заплачу...» Наконец-то мы с Джерри стали мужем и женой. И мы намеревались жить долго и счастливо».

Эта свадьба надолго осталась в памяти тех, кому довелось на ней побывать. Когда Джерри и Ли уехали, в Мемфисе стало пусто и печально. «Город с вами был совсем другим, — писала молодоженам сестра Ли Харриет. — Мама даже немного всплакнула после вашего отъезда. Папа зажег свечи, чтобы вам сопутствовала удача. Я тоже очень скучаю по вас, мисс Скарлетт, но знаю, что мистер Ретт позаботится о вас».

Брак означал для Ли начало новой удивительной жизни рядом с удивительным человеком. Для Джеральда эта свадьба стала возрождением, обновлением, возвращением к жизни и к работе в зоопарке и в Фонде.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

СНОВА В ПУТИ

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

РАЗВИТИЕ ЗООПАРКА: 1979-1980\

Жизнь Джеральда и Ли изменилась, хотя для каждого из них по-разному. Для Джеральда брак с Ли означал не просто перемены в жизни, это было настоящее спасение. Его близкий друг и коллега Джереми Маллинсон ни минуты в этом не сомневался: «Ли, вне всякого сомнения, стала спасительницей Джерри. Я думаю, что, если бы не она, он бы умер гораздо раньше. Он быстрым шагом шел к своей кончине. Если бы не этот брак, он бы совершал медленное самоубийство. Но теперь он мечтал только о жизни — о жизни с Ли». Как замечал Питер Олни: «Ли стала спасением для Джерри, а он был апофеозом ее жизни». По мнению Олни, Джеральду крупно повезло, что он нашел Ли: «Она оказала огромное и благотворное влияние на его жизнь. Благодаря ей он прожил на десять лет больше».

Семейная жизнь давалась Ли сложнее, чем Джеральду. Он уже был женат и прекрасно знал, чего можно ожидать. Ли же переехала с американского Юга на английский остров, сменила зоологический факультет на зоопарк, карьеру на реальную работу, безвестность на известность, спокойную, размеренную жизнь на кочевую. Треть года они с Джеральдом проводили в поездках по всему миру, собирая деньга для Фонда, читая лекции и собирая животных, вторую треть они проводили в Мазе на юге Франции, а последнюю — в Джерсийском зоопарке. Джеральд вел привычный для себя образ жизни. Он просыпался с банкой пива и засыпал с бокалом бренди. Никаких возражений он не принимал. «Мой доктор говорит, что я не заслужил такого замечательного сердца, печени и состояния здоровья», — постоянно повторял он. Ли приходилось с этим смиряться.

Джеральд очень гордился своей молодой женой и не переставал удивляться своему счастью. «Он был неотделим от нее, — вспоминал близкий Друг семьи Даррелов. — Но и она не покидала его ни на минуту. Несмотря на разницу в возрасте и различия культур, это был брак, заключенный на небесах». Хотя Джеральд редко оценивал людей по ученым степеням и премиям, Ли явилась исключением. Он очень высоко оценил ее диссертацию, так, словно это была его собственная работа. Он постоянно поддерживал ее и помогал ей в научной работе. Сестре Джеральда Маргарет иногда казалось, что он слишком опекает свою молодую жену. «Не возводи ее на пьедестал, — предостерегала она. — Не пытайся заставить ее стать такой, какой она быть не может. Она не редкое и нежное растение. Относись к ней как к нормальной, красивой, молодой жене. И не более того!» Сначала друзья Даррелла удивлялись, как молодая и красивая девушка может уживаться с этим грузным мужчиной, который уже перешагнул за пятьдесят. «Ли была серьезной девушкой с серьезными намерениями, — вспоминала Флер Коулз. — Ей повезло — она встретила нужного мужчину в нужный момент своей жизни. И наоборот».

В одном отношении Ли оказалась совершенством. Женившись на столь молодой женщине, Джеральд терзался сомнениями, насколько долго его хватит. Особенно они усиливались, когда он видел ее в обществе молодых мужчин. Несколько раз эти сомнения выливались во вспышки неконтролируемой ярости и ревности. Джеральд постоянно говорил о своей любви и преданности.

Квартира в поместье Огр претерпела серьезные изменения, после того как в нее въехала новая хозяйка. Джеральд сломал стену, разделявшую две небольшие комнаты, и получилась просторная, светлая гостиная. Очень украсил эту комнату белоснежный ковер, по которому были разбросаны желтые и оранжевые коврики. Вклад Джеральда в обстановку квартиры ограничивался его книгами, которые занимали две стены в гостиной (здесь разместились книги для чтения — зоологическая библиотека переехала в его кабинет на первый этаж). Здесь же Ли поместила его коллекцию скульптуры, посвященную животным. Эти статуэтки были привезены из самых разных стран и изготовлены практически изо всех известных человеку материалов — от глины и дерева до стекла и железа. На стенах красовались викторианские открытки с изображением пышных обнаженных красоток, обрамленные в позолоченные рамки. В комнате стало светло, просторно, но непосвященного она ставила в тупик. «Я помню, как вошел в эту комнату впервые, — вспоминает Саймон Хикс, секретарь Фонда. — Мне никогда не доводилось видеть ничего подобного. Я просто не понимал, где я нахожусь. Люди не знали, как себя здесь вести. Джерри мог расправляться с ними, как его душе было угодно».

В этой гостиной Джеральд принимал журналистов, зоологов, директоров зоопарков, биологов, специалистов по охране окружающей среды, архитекторов, издателей. Он никогда не упускал возможности упомянуть о своем зоопарке и Фонде. Когда он был на Джерси, то писал за кухонным столом, хотя большую часть своих книг Джеральд написал во Франции. На кухне он встречался с сотрудниками зоопарка за рюмкой-другой в конце рабочего дня.

«Джеральд Даррелл — страстный человек, — писал журналист из канадского журнала «Маклин». — Огромная гостиная его дома на Джерси украшена безделушками, но все в доме пронизано присутствием самого хозяина, удобно устроившегося в красном плюшевом кресле. Даррелл может свободно и страстно говорить на любую тему от поэзии до кулинарии. От политики до музыки. Но под этой свободой скрывается горечь человека, посвятившего свою жизнь спасению животных, гнев тучной Кассандры». Веселый, вспыльчивый, разговорчивый Даррелл был мечтой любого журналиста. Но было бы ошибкой считать, что это и есть его подлинное лицо. Джеральд был чувствительным, непредсказуемым человеком, чья любовь к миру носила отнюдь не биологический характер.

Джеральд много смеялся, но его настроение могло измениться в мгновение ока. Он приходил в бешенство, когда его спрашивали, какая польза человечеству от сохранения вымирающих животных. «Какое высокомерие, — возмущался он. — Разве нет у животных права существовать в этом мире, не будучи полезными человеку? С момента появления Библии мы пребываем в твердом убеждении, что все вокруг существует только для нас. Господь велел Адаму и Еве населять землю и с уважением относиться ко всем живым тварям. Эту заповедь человечество нарушает чересчур усердно».

Поражал визитеров не только вид самой гостиной, но и вид из окон. Джеральд и Ли жили над магазином, в самом центре работающего зоопарка. В гостиной Джеральд мог обратить внимание гостя, потягивающего джин, на то, как по газону во весь опор несется лошадь Пржевальского. Из столовой открывался вид на вольер с венценосными журавлями. «Скромность заставляет меня умолчать о том, что можно было увидеть из окна ванной, — писал он, — когда сервалы начинали свои любовные стоны, изнывая от любви и похоти. Однако самое ужасное ожидало вас в кухне. Стоило вам оторвать глаза от стола, и перед вами появлялась клетка целебесских обезьян, черных и блестящих, как антрацит, с ярко-красными задницами, напоминающими сердечки на открытках-валентинках. Эти обезьяны предавались таким оргиям, на которых покраснели бы даже самые распущенные римские императоры. Наблюдение за таким спектаклем могло привести в смущение любого, кто решился бы разделить с нами обед».

Ли приходилось не только привыкать к семейной жизни в столь необычной обстановке. Она должна была приспособиться к необычной натуре своего мужа. Веселый, энергичный, но весьма вспыльчивый гений, он не ценил свой талант. Он любил засиживаться с друзьями за столом далеко за полночь. Джеральд всегда больше интересовался другими людьми, чем самим собой.

Список любимых вещей, составленный им по просьбе одного из журналов, дает ключ не только к пониманию его собственной натуры, но и причин, по которым он стал именно таким человеком. Любимым животным (по своей женственности) Даррелла была самка жирафа: «Она так грациозна, у нее такие большие, блестящие глаза с длинными, густыми ресницами. Красивее самки жирафа животного не существует. Если в мире существует реинкарнация, то человеку не придется жаловаться, когда он вернется на эту землю в виде самца жирафа». Любимой его рептилией была летучая змея с Дальнего Востока, любимым ядовитым животным — ядовитая амазонская лягушка. Ни одно животное не может сравниться в любопытстве с нарвалом, ничье мясо не сравнится с мясом северного оленя, предпочтительно в копченом виде — «но об этом лучше не рассказывать чувствительным натурам, а также детям под Рождество».

Удивительным образом подлинная натура Джеральда Даррелла раскрылась в телевизионной передаче «Зодиак и К°». Астролог, графолог и хиромант должны были составить портрет гостя студии, имя которого они узнавали только в конце программы. Им сообщали только пол, дату рождения, предоставляли образец почерка и отпечаток ладони. Джеральд всегда интересовался паранормальными явлениями, поэтому он с удовольствием принял участие в шоу. Однако невероятная точность предсказателей поразила даже его.

Приняв во внимание, что гость родился в день, когда солнце находилось в знаке Козерога, а луна в Близнецах, астролог сообщил, что он очень честолюбив, готов к риску, устойчив к стрессам и напряженности, но подвержен срывам. Это очень веселый человек, гибкий, проницательный, хитрый и упрямый. Он очень поэтичен и романтичен, хороший рассказчик, обладающий высоким интеллектом. Если бы он родился вечером, то мог бы стать художником, поэтом или архитектором.

Если он рожден ночью, то должен был бы стать журналистом или репортером. Ему нравится опасность, связанная с его профессией, и он смог бы продать мороженое эскимосам — «даже если бы для этого ему пришлось встать на голову».

Графолог описал гостя не менее впечатляюще: «У пишущего очень сильная личность, хотя порой он подвержен перепадам настроения, вызванных ощущениями неполноценности и превосходства. Это чувствительный человек, его мучает суета повседневной жизни. Он нуждается в обществе других людей, только так он может стать самим собой. Он практичен и проницателен. Его проницательность вызвана к жизни его культурой, практичность заставляет его доминировать над людьми, чтобы не быть подавленным ими. Он обладает хорошей интуицией, наблюдательностью и созидательными способностями».

Заключение хироманта оказалось столь же точным, как и два других. Гость любит проводить время вне дома, он любит природу, жизнь, обладает задатками лидера и глубоким чувством справедливости. Он очень честолюбив, самодостаточен и эмоционален. Логика и прагматичность ему чужды. Он фаталист. Он обладает чувством юмора, порой грубоватым. Он обладает даром понимать язык животных и ход вещей в природе. «В настоящее время этот джентльмен начинает ощущать застой в своей карьере, — закончил хиромант. — Разрыв в линии судьбы говорит о том, что в течение ближайших нескольких лет он может изменить свою работу».

Возвращение Джеральда в мир, связанное с его браком с Ли, как в зеркале отразилось в его писательской деятельности. Фелисити Брайан стала его литературным агентом вскоре после свадьбы. В издательском мире говорили, что Даррелл «исписался» и переживает сложный момент в личной жизни. Его первая серьезная книга о животных «Ковчег на острове», основанная на телевизионном сериале под тем же названием и рассказывающая о современном зоопарке на Джерси, стала коммерческой катастрофой по меркам Даррелла, хотя рецензии на нее были весьма благоприятными. «Почитатели Даррелла, — писала газета «Йоркшир пост», — с облегчением узнают, что, несмотря на новый подход к литературному творчеству, поток забавных историй у автора не иссяк. Некоторые из них оказываются даже смешнее, чем раньше». «Дейли телеграф» писала о новой книге с не меньшим энтузиазмом: «Он по-прежнему остается веселым, энергичным, несентиментальным и сострадающим человеком. Его последняя книга только укрепляет его репутацию».

Проблема заключалась в том, что Джеральд писал «Ковчег на острове» в тот момент, когда рушился его первый брак. Книга вышла в 1976 году, когда Джеки его оставила. Может быть, из-за того, что она была написана в несчастливый период, может быть, потому, что в ней не рассказывалось о жизни животных легко и весело, как раньше, публика отнеслась к новой книге прохладно. Доходы от продажи были мизерными. В 1976 году Джеральд переживал самые тяжелые времена в своей писательской деятельности. Питер Гроуз назвал этот год «катастрофическим», хотя две следующие книги несколько поправили положение. «Золотые крыланы и розовые голуби», посвященная экспедиции на Маврикий, и «Сад богов», последняя часть трилогии о Корфу, были встречены с большим энтузиазмом.

Джеральд решил совместить свои поездки в Соединенные Штаты по поручению Фонда с рекламой своих книг. «Сад богов» пошел в Штатах на «ура», хотя сам автор относился к этой книге более чем скептически. «Это третья книга о нашей жизни, — писал он Ларри, — и, похоже, последняя. Я устал от твоих сравнений». В «Майами геральд» писали: «Книга просто замечательная — автор остроумен, весел, наблюдателен, счастлив». «Бостон глоуб» шла еще дальше: «Это лучшая часть трилогии, написанная гораздо лучше своих предшественниц. Все части идеальны по форме и содержанию, язык богат и образен. Читатель снова погружается в восхитительную атмосферу. Здесь столько замечательных историй, так много веселья, столько точных наблюдений природы и человека, что не устаешь поражаться мастерству автора». Но некоторые критики встретили «Сад богов» скептически. Как мог автор запомнить столько деталей и воспроизвести их спустя сорок лет после описываемых им событий? Как он мог написать три книги о пяти годах, проведенных на Корфу, и до сих пор не наскучить читателю и не повториться? «Должен признать, — писал критик из «Вашингтон пост», — что это первая из книг о Корфу, над которой я не смеялся вслух, хотя мне было очевидно, что от меня этого ждали».

Положение Джеральда в писательском мире оставалось шатким. Его последняя рукопись «Пикник и прочие безобразия» не вызвала восторга у редактора, Филиппа Зиглера. Он говорил Питеру Гроузу:

«Книга вполне в духе Джерри, она веселая и живая, но я слишком высоко ценю и его самого, и его писательский дар, чтобы утверждать, что считаю это произведение первоклассным. Разумеется, мы ее издадим, но должен признать, что рекламировать ее будет нелегко. Очень печально видеть, как

снижаются продажи книг Джерри. Я очень надеюсь, что следующая его книга позволит нам развернуть широкую рекламную кампанию. Это должен быть рассказ об экспедиции за каким-нибудь удивительным зверем, хотя мне самому ничего, кроме панды, на ум не приходит».

Это письмо подтверждает не только кризис в писательской деятельности Джеральда, но и осложнения в отношениях с издателями. Из чувства противоречия Джеральд называет замечания Зиглера «снисходительными» и пишет, что его мнение об издателях, которых он раньше знал и любил, сильно пошатнулось. На протяжение десяти лет Джеральд пытался проникнуть в Китай. Если издательство «Коллинз» предложит ему приличный аванс, он сможет отправиться за интересной добычей. Он пишет Питеру Гроузу: «Не пора ли мне подыскивать другого издателя?»

В свете сложившейся ситуации Фелисити Брайан летела на Джерси, не испытывая уверенности в будущем. Но с момента первой же встречи с прославленным автором в его квартире на Джерси она была очарована этим энергичным, обаятельным человеком, радующимся жизни и буквально фонтанирующим новыми идеями. В следующий визит в поместье Огр Фелисити взяла с собой своего четырехлетнего сына и была поражена тем, как ребенок и Джеральд быстро нашли общий язык. «Определение, которое Десмонд Моррис дал Дэвиду Эттенборо — «любопытный четырнадцатилетний мальчишка», — вполне применимо и к Джерри, — писала она. — В своих лучших книгах он просто неподражаем, а его язык великолепен». Фелисити предложила Джеральду новую идею — написать книгу, которая поправит его пошатнувшиеся дела. Она должна была называться «Натуралист-любитель», а возможности продаж открьшались самые широкие. Высока была вероятность того, что телевидение решит снять по ней сериал. Джеральд снова был на коне. По продажам книга «Натуралист-любитель» превзошла все, написанное им ранее, в том числе и «Мою семью и других зверей».

Тем временем Фонд рос и креп, несмотря на сильное противодействие официальных зоологических кругов. Разведение животных в неволе стало считаться самым эффективным способом спасения видов, которым угрожает уничтожение. Еще в 1965 году на конференции Зоологического общества Лондона доктор Эрнст Ланг из Базельского зоопарка заявил: «Чтобы спасти вымирающих животных, недостаточно только содержать и разводить их в зоопарках. Должна быть возможность вернуть их в среду естественного обитания, хотя бы в рамках заповедников и национальных парков. Мы считаем, что подобная схема вполне осуществима. Зоопарки готовы оказать помощь Международному союзу охраны природы в этой сложной задаче при условии, что к ним будут прислушиваться и с ними сотрудничать».

Но прошло более десяти лет, пока эта идея была воплощена в жизнь. На второй Всемирной конференции по разведению диких животных в неволе, проходившей в Лондонском зоопарке в июле 1976 года, председатель, лорд Цукерман, высказал серьезные сомнения по теме конференции в весьма откровенных выражениях. Это была последняя попытка старой гвардии остановить приход нового.

Речь лорда Цукермана на закрытии конференции была четкой и недвусмысленной. Ничто происходящее в мире зоопарков не могло поколебать его позицию. Ничто из сказанного на конференции ни на дюйм не сдвинуло его с собственной точки зрения. В душе он оставался все тем же довоенным «аппаратчиком». Целью зоологии, по его мнению, было удовлетворение интересов науки, а не животных. «Виды всегда исчезали, — заявил он. — Всегда будут существовать редкие животные». Если вы хотите сохранить оставшиеся виды в тех местах, где они обитают, вам придется уничтожить вид «человек разумный». И поскольку это невозможно, спасать животных от вымирания — абсолютно бессмысленная и никому не нужная задача.

Более того, продолжал лорд Цукерман, некоторые животные не заслуживают, чтобы их спасали. Некоторые из них являются вредными. Особенно обезьяны. А что уж говорить о москитах! «Человек может влиять на процесс биологического отбора, — признавал Цукерман, — но и помимо этого влияния всегда будет существовать отбор и эволюция». Биологи признавали справедливость такой позиции, но разве можно не возвысить голос против того, что следовало бы назвать настоящим холокостом живой природы? Сохранение вымирающих животных теоретически может быть социально полезным, продолжал лорд Цукерман, но практически эта цель совершенно недостижима. Невозможно остановить рост численности населения и затормозить прогресс. Цена этого шага будет слишком высокой. Откуда взять деньга? Люди могут выстраиваться в очереди, чтобы послушать, как цирковые котики играют на рожках Пятую симфонию Бетховена, но правительства не собираются тратить крупные суммы на помощь вымирающим животным, владельцы которых извлекают из них прибыль.

Аудитория буквально утратила дар речи. А лорд Цукерман продолжал свое выступление. Всемирный Фонд охраны природы полон сентиментальных сторонников охраны окружающей среды и экстремистов. Что будет, если тропические леса Суматры будут уничтожены? Это произойдет потому, что люди хотят улучшить свою жизнь, — и имеем ли мы право мешать им в этом? «В заключение позвольте мне сказать, — завершил свою речь человек, именовавший себя «ветераном природоохранного движения», — что мы пытаемся осуществить весьма дорогостоящий проект... С ним нужно тщательно разобраться. Прежде чем мы это сделаем, вряд ли нам удастся получить какие-то средства на разведение диких животных в неволе. Мы должны помнить, что в этой стране не существует законов, препятствующих кому угодно, даже любому невеже, заводить собственные зоопарки... Специалисты по охране окружающей среды не должны изображать из себя бога, идеализм должен быть заменен сугубым реализмом».

Многим делегатам показалось удивительным, что президент Общества охраны животных так мало заинтересован в охране животных, а секретарь Зоологического общества Лондона совершенно не верит в возможность сохранения исчезающих животных в зоопарках. Саймон Хикс сидел рядом с Джеральдом во время знаменитой речи лорда Цукермана. «Я был поражен услышанным, — вспоминал он. — Перед нами выступал директор национального зоопарка, принимавший у себя специалистов по охране животных, и он говорил о том, что зоопарки совершенно бессильны. Кровь бросилась Джерри в лицо от ярости и гнева. Я помню, как он сказал: «Ты видишь? Ты видишь, что они делают? Почему эти надутые идиоты не понимают?!» Питер Олни, куратор отдела птиц Лондонского зоопарка, сидел с другой стороны от Джеральда. «Это было ужасно, — вспоминал он. — Я заливался краской от стыда. Большинство присутствовавших были поражены. Лорд Цукерман всегда был очень высокомерным, сложным человеком. Его отношение к будущему зоопарков и их роли в спасении вымирающих животных было абсолютно неправильным. Через несколько дней я разговаривал с ним, и он спросил меня: «Вы считаете, я перегнул палку?» Я ответил: «Да. Вы зашли слишком далеко. Сейчас нельзя придерживаться такой точки зрения». Он сказал: «Я считал, что должен все высказать, а, кроме меня, на это никто не решился бы». Джерри, разумеется, был в ярости».

Сам Джеральд признавал, что вымирание животных — это естественный факт. Девяносто пять процентов животных, существовавших в момент зарождения жизни на Земле, уже не существуют. Но предыдущие волны вымирания были вызваны естественными причинами — астрофизическими катастрофами и эволюционными изменениями в течение длительных периодов времени. Сегодня же обстановка изменилась. Один животный вид (Homo sapiens) целенаправленно уничтожал другие виды, причем за короткий временной промежуток. «Вымирание является частью эволюции и происходит постоянно, — признавал Джеральд. — Но человечество вызывает искусственное вымирание, связанное с перенаселенностью. Человек представляет опасность для среды естествешюго обитания животных. Человечество продолжает вести себя так, словно ему предоставится новый мир, после того как он использует и разрушит этот. Но это не так». В отличие от естественного вымирания, искусственное можно замедлить и, теоретически, даже остановить. Преступно даже не пытаться возместить ущерб, причиненный природе человеком.

Лорд Цукерман был не единственным противником разведения диких животных, которым грозило вымирание, в неволе. Это было очень дорогостоящим делом. К тому же существовали сомнения в том, что животные, рожденные в неволе, смогут выжить в среде естественного обитания. Были и такие, кто считал, что животному лучше погибнуть в природе, чем быть спасенным от вымирания в неволе. Когда американские экологи попросили у японского правительства разрешения вывезти шесть последних хохлатых ибисов с острова Садо, чтобы размножить их в зарубежных зоопарках, местное население воспротивилось, заявляя, что они предпочитают, чтобы их птицы вымерли свободными.

Саймон Хикс, недавно пришедший на работу в Джерсийский Фонд, был поражен той ролью, которую взял на себя зоопарк.

«Я начал понимать, что Джерсийский зоопарк не является обыкновенным зоопарком. Я решил, что мне нужно лучше разобраться в идеях Джерри. Я задал ему два вопроса. Первый: если бы не было видов, которым грозило бы уничтожение, создал ли бы он свой зоопарк? Ответ был отрицательным. Второй вопрос: если бы не существовало необходимости допускать публику в ваш зоопарк, был ли бы он открыт для посещения? И снова ответ был отрицательным. Это самая удивительная позиция в зоологическом мире. Джеральд считал, что зоопарк не является зрелищным заведением,

это научное учреждение, призванное спасти животных от уничтожения и предоставить им безопасное убежище.

Разумеется, Джерри отличался нетривиальностью мышления. Столь же нетрадиционно организован он свой зоопарк. У него никогда не было плана. Он делал то, что приходило ему в голову. Он мог внезапно сказать: «А почему бы нам, трам-та-та-там, не сделать того-то и того-то?» Это был гений, обладающий детской ясностью мышления, понимающий, что нужно сделать, хотя и не всегда представляющий себе, как именно».

«Я с симпатией отношусь ко всяким мелким и уродливым, — как-то раз сказал Джеральд американскому журналисту. — Поскольку сам я велик и некрасив, то пытаюсь защитить маленьких». Джеральд считал, что даже змеи, извечно вызывавшие ужас и отвращение у людей, заслуживают любви и заботы, как любые другие живые существа. Флер Коулз не любила змей. Когда осенью 1976 года принцесса Анна прилетела на Джерси, чтобы открыть Центр по разведению рептилий, она обратилась к ней: «Простите, ваше высочество, но я не могу войти в павильон змей». Принцесса ответила: «Это вам просто так кажется», и подтолкнула Флер внутрь. Участие принцессы в работе Джерсийского Фонда было совсем не формальным. Анна с глубоким уважением относилась к работе Джеральда и на протяжении долгих лет поддерживала с ним дружеские отношения. «Когда принцесса приезжала на Джерси, — вспоминал член Совета Фонда Колин Джонс, — она долго беседовала с Джерри, забывая о тех, кто был рядом, что весьма необычно для члена королевской семьи».

Нужда и финансовые кризисы остались в прошлом. «Ситуация начала меняться с 1975 года, — вспоминал Робин Рамболл, почетный казначей Фонда. — С этого времени к нам стали поступать крупные пожертвования, в зоопарк приезжали известные люди. Мы смогли наконец забыть о постоянной нужде и сосредоточиться на создании эффективного Фонда. Зоопарк стал самой крупной достопримечательностью острова. За год мы зарабатывали более миллиона фунтов».

Джерсийский Фонд стал основателем Специальной группы по разведению диких животных в неволе. В 1980 году состоялось второе заседание этой организации, на которое были приглашены ведущие специалисты по охране окружающей среды и директора зоопарков изо всех стран мира. «Наша работа получила всемирное признание, — с гордостью заявлял Джеральд. — Теперь зоопарки проводят программу разведения животных в неволе, и многие природоохранные организации обращаются к нам за консультацией».

Зоопарк был штаб-квартирой и «витриной» Фонда, убежищем и заповедником для вымирающих животных. Здесь содержались животные, существование которых в природе находилось под угрозой, в том числе фазан Эдварда (почти исчезнувший в среде естественного обитания), ямайский боа и золотой крылан с острова Родригеса (в природе осталось всего 130 особей), золотой львиный тамарин из Бразилии (осталось 350 особей) и многие другие. Программа разведения животных в неволе успешно осуществлялась. Настало время переходить ко второму этапу операции: создавать жизнеспособные колонии этих животных в среде естественного обитания. Стало ясно, что, поскольку в других странах нет специалистов, способных справиться с такой сложной задачей, на Джерси нужно создать подготовительный центр — Джеральд называл его «мини-университетом», — где студенты из разных стран могли бы знакомиться с технологией разведения животных в неволе и содержания зоопарков. Джеральд хотел создать крупный, специально построенный для этой цели комплекс, но хотя средства поступали из Америки и из Англии, он все же не мог создать столь грандиозное строение на территории зоопарка.

И снова ему улыбнулась удача. Местная жительница, миссис Бойзард, дважды в неделю приходила убираться в квартире Даррелла. Ее дочь Бетти работала в Фонде с момента окончания школы. В тот момент она работала в бухгалтерии и часто приходила поболтать с матерью. Однажды миссис Бойзард случайно обмолвилась: «Я слышала, Леонард дю Фе выставил на продажу свой дом». «Бетти с трудом удалось сохранить самообладание, — вспоминал Джеральд. — Леонард дю Фе был нашим ближайшим соседом, посланным нам самой судьбой. Его собственность на Джерси принадлежала семье дю Фе вечно (примерно пятьсот лет). Его поля граничили с нашим зоопарком. Его дом находился в двух минутах ходьбы от поместья. Фактически, это были три дома, объединенные в один. Даже в самых смелых мечтах нам не приходило в голову, что Леонард решит расстаться с фамильным домом. Бетти ворвалась в офис и сообщила нам потрясающую новость».

Рядом с зоопарком был уже готовый подготовительный центр — древний гранитный дом. Джон Хартли немедленно позвонил Джеральду в Мемфис. Джеральд попросил, чтобы Джон связался с Леонардом. 30 ноября 1979 года, после долгих переговоров и утрясаний сделки и приведения ее в соответствие с законами Джерси, дом Леонарда дю Фе перешел к Фонду. «Сказать, что мы были

счастливы, значит ничего не сказать, — вспоминал Джеральд. — Вместо массивного кирпичного здания, где мы собирались разместить Подготовительный центр, у нас появился элегантный, красивый старинный джерсийский особняк с подсобными строениями и восемью акрами земли. Как только мы вступили в права собственности, мы тут же начали реконструкцию».

Постепенно имение семьи дю Фе превратилось во впечатляющий Международный подготовительный центр с квартирами для преподавателей и студентов, залами для лекций, небольшим музеем, выставкой картин и фотографий, кинозалом и элегантной мемориальной библиотекой сэра Уильяма Коллинза, который вплоть до своей смерти присылал Фонду экземпляры всех книг по зоологии и естественной истории, выходивших в его издательстве. Сэр Коллинз позаботился и о том, чтобы эта традиция не прервалась с его смертью.

Первым преподавателем Фонда стал доктор Дэвид Во, отобранный на эту должность не только благодаря своей степени по биологии, но и из-за своей способности общаться с людьми различных национальностей тактично и с симпатией. Сначала он должен был разработать программу подготовки в такой области, которой прежде никто не занимался. Первым студентом стал Юсуф Мантру, будущий директор первого национального парка на Маврикии. Он прибыл, когда Центр еще не был готов, и поселился в павильоне рептилий. Сегодня на Джерси проходят подготовку более тысячи студентов из ста стран мира. Эти мужчины и женщины с гордостью называют себя «армией Джеральда Даррелла». «Я никогда не думал, что успею увидеть при жизни этот мини-университет, — писал Джеральд, — но сейчас я играю в крокет со студентами из Бразилии, Мексики, Либерии, Индии и Китая, и они любезно позволяют мне выигрывать, чтобы мне было чем гордиться. Эти люди самых разных национальностей прекрасно находят общий язык. Их объединяет общая цель — спасение животных, которым грозит вымирание».

Создание Международного подготовительного центра по разведению животных в неволе и охране окружающей среды явилось величайшим жизненным достижением Джеральда Даррелла. Это уникальное учебное заведение, благодаря которому остров Джерси стал известен во всем мире. Десмонд Моррис замечал:

«Здесь собрались специалисты по охране окружающей среды, который спорят друг с другом и учатся. Джерри учит людей сохранять природу их родных стран. Без этого выживание человечества невозможно. Во многих нестабильных странах в моменты политических переворотов, когда все идет кувырком, животных убивают и поедают. Нужно воспитывать в людях уважительное отношение к природе, к животному миру. Создание этого учебного центра — величайшее достижение Джерри».

Каждый год свыше пятидесяти студентов начинают заниматься на курсах, которые длятся три месяца. Летом действует сокращенная трехнедельная программа. В ходе обучения студенты изучают теорию экологии, роль зоопарков в сохранении биологического разнообразия на нашей планете, биологические принципы ухода за животными в неволе, генетические и демографические особенности различных регионов, стратегию охраны среды естественного обитания и теорию возвращения выведенных в неволе животных в природу. Студенты имеют возможность применить полученные знания на практике в отделах Джерсийского зоопарка. В Центре ведется научно-исследовательская работа, в ходе которой студенты могут работать именно с теми животными, которых они будут спасать, вернувшись домой. Отлично подготовленные и целеустремленные выпускники Джерсийского центра являются основной силой по сохранению окружающей среды в мире. Их преданность Джеральду Дарреллу и его организации просто удивительна.

Так человек, не имеющий никакого формального образования, сумел создать Джерсийский зоопарк и Фонд охраны дикой природы, превратил свой зоопарк из обычного зверинца в Международный центр, на основе которого функционирует крупнейшее учебное заведение в области охраны природы. Но идеи Джеральда никогда не смогли бы воплотиться в реальность без помощи его друзей и коллег — в том числе обеих его жен и «ребят», как он называл сотрудников своего зоопарка. Они стали его преданными апостолами, беззаветно любящими свое дело и человека, создавшего этот удивительный мир. Джеральд полностью доверял этим людям, считал их талантливыми, целеустремленными и готовыми решить любую проблему. «Я доверяю им настолько, что даже их промахи кажутся мне достижениями, — говорил Джеральд Дэвиду Хьюзу. — Я верю им абсолютно. Если я завтра умру, то мое дело будет продолжаться. Конечно, они будут сожалеть об утрате такого талантливого сборщика пожертвований, но очень скоро поймут, что делать дальше». Джеральд играл в своем зоопарке роль почтенного патриарха, но всегда очень внимательно прислушивался к мнению своих сотрудников. Было принято, чтобы «ребята» около пяти часов вечера приходили к Джеральду пропустить по кружечке пива. «Они прекрасно умеют управиться с зоопарком в мое отсутствие, —

признавал Джеральд. — Но как только я возвращаюсь, они говорят себе: «Этот старикан, пожалуй, заскучает, если мы не позволим ему чем-нибудь заняться». Поэтому они приходят ко мне и рассказывают обо всех своих проблемах».

Джон Хартли — спокойный, веселый, прирожденный дипломат — в течение многих лет был секретарем Фонда, а затем стал личным помощником Джеральда. Это случилось в 1976 году. Он знал Даррелла лучше, чем кто бы то ни было другой. «Джерри был всегда полон новыми идеями, — вспоминал он. — У него была удивительная интуиция. Но он всегда нуждался в людях, которые могли бы сказать: «Черт побери, какая хорошая идея! Попробую-ка я воплотить ее в жизнь». Джерри не был исполнителем, он никогда не мог управлять чем бы то ни было. Он был мыслителем, за которым мы следовали. Он был таким замечательным и вдохновенным пророком, что мы могли бы пойти за ним на край света. Он был волшебником. По вечерам мы всегда расходились от него с улыбкой. Мы чувствовали, что общались с человеком, не похожим ни на кого другого. Это был живой, блестящий, невероятно веселый человек, свободный дух, которому было под силу все, что угодно. Он очень много думал. Джеральд проводил много времени за кухонным столом с блокнотом и ручкой, что-то обдумывая и записывая. Быть рядом с ним — это был подарок судьбы. Мы стали участниками великого дела».

Джереми Маллинсон — высокий, стройный, энергичный и веселый — провел в зоопарке столько же времени, сколько и сам Даррелл. Будучи зоологическим директором Фонда, он отвечал за повседневную деятельность зоопарка. Джеральд всегда считал, что Джереми ему послало само небо. Джереми же, со своей стороны, был бесконечно признателен мистеру Ди (так он называл своего наставника в первые годы работы на Джерси), который сформировал его как личность и придал его жизни смысл. «Джерри был отличным слушателем, — вспоминал он. — У него были такие красивые голубые глаза. Когда он смотрел на тебя, тебе становилось совершенно ясно, о чем он думает. Он всегда был готов поддержать тех, кому доверял, кем бы ни были эти люди. Даже если вы совершали ошибки, он считал, что на них вы научитесь на будущее. Он имел чутье на людей и отлично умел вербовать себе сторонников. Джеральд никогда не оценивал людей по формальным признакам. Он был очень скромным, застенчивым человеком, но рядом с друзьями, когда он мог позволить себе расслабиться, Джеральд становился очень добрым и приветливым. Он мог обнять и расцеловать человека, что очень не свойственно для англичанина. Он не придавал значения условностям. «Если ты любишь человека, — говорил он, — скажи ему об этом». Хотя мы с ним были совершенно разными, Джерри заражал меня своей философией и целеустремленностью. Я учился у него всему. Он был способен вдохновить людей в любом уголке земли».

Джеральд часто критиковал человечество и деструктивную роль человека в жизни нашей планеты, за что его считали мизантропом. На самом деле, Джеральд осуждал поведение человечества в целом, а не отдельных людей. «У нас есть эта ужасная, оскорбительная привычка, — говорил он Дэвиду Хьюзу, — рассматривать животных покровительственно, словно это низшая форма жизни с далекой планеты. Но мы все являемся представителями животного царства, мы все млекопитающие. Образовательная система, политика, социальные устои, даже наука воспитывают в человеке эту пугающую концепцию превосходства, равенства богу. Человеку следовало бы осознать, что в действительности он является Франкенштейном».

Саймон Хикс, новый секретарь Фонда, был ярким, энергичным и преданным делу человеком. Он рассматривал свою работу не только как честь и радость, но и как служение — «служение господу в сохранении творений его». В молодости Джерри представлялся ему героем, но окончательное просветление на него снизошло, когда, находясь в Африке, он провел два дня в Кении с Джорджем Адамсоном и его львами. После этого он не представлял себе жизни без животных. В Джерсийском зоопарке он начал работать начальником отряда добровольцев, которые рыли пруды, строили мостики, валили и сажали деревья. Энтузиазм и эффективность, с которой молодой человек руководил своими подчиненными, произвели на Джеральда глубокое впечатление. Он решил, что Саймона ему посылает само небо. Пригласив его на Джерси, чтобы оценить состояние зоопарка, Джеральд предложил ему работать в Фонде. «Я не смог устоять перед соблазном внести свой вклад в дело охраны окружающей среды», — вспоминал Саймон. Он приехал 1 апреля 1976 года — этот день стал началом его работы с выдающимся человеком.

«Для Джерри люди всегда были такими же представителями животного царства, как и звери, — считает Саймон. — Поэтому он искал хорошие образчики этого вида. В его книгах люди — животные, и животные — люди. Вот почему читатели так любят его книги, вот откуда это замечательное название «Моя семья и другие звери». Джерри относился к людям, как ребенок. Они казались ему персонажами огромной книги, большей, чем сама жизнь, обладающими уникальными

качествами и всегда очень смешными. Если вам посчастливилось достаточно долго пробыть рядом с Джерри, вы начинали относиться к людям точно так же. Те, кого вы видели всего лишь мельком, внезапно превращались в необычных и интересных людей.

Он не только любил людей, но и живо интересовался ими. Беседуя с Джерри, вы начинали ощущать себя столь же интересным, как и он сам. Он удивительно умел слушать и очень редко говорил о себе. Он превосходно владел речью, его сравнения всегда были точны и неожиданны. Однажды за обедом во Франции, когда нам подали фасоль, я сказал: «Мне очень нравится эта фасоль. Она замечательно скрипит на зубах». Джеральд мгновенно отреагировал: «Да, это напоминает мне скрип снега под сапогами». Действительно, эти звуки были очень похожи. Он всегда считал живую природу волшебством. Он стал охранять природу, потому что ему была противна сама мысль о том, что мир может утратить эту магию».

Тони Оллчерч работал в зоопарке ветеринаром с 1972 года. Впоследствии он стал администратором, не оставив своей медицинской практики. Хотя он и входил в круг «ребят», но никогда не был столь близок Джеральду, как остальные. Возможно, это происходило из-за предубеждения, которое Джеральд испытывал по отношению к ветеринарам зоопарков. «В зоопарке есть только два смертельно опасных животных, — писал он, — это архитектор и хирург-ветеринар». Но Оллчерча такое отношение не смущало: «С годами я стал понимать, что в нашем зоопарке мы делаем очень важное, интересное и нужное дело. Для ветеринара это было самое лучшее место, какое только можно было пожелать. Я работал в самом лучшем зоопарке мира. Я изо всех сил работал и получал за это гораздо меньше, чем если бы занялся частной практикой. Но все мои коллега-ветеринары мне завидовали». В Джерсийском зоопарке ветеринару приходилось сталкиваться с самыми разнообразными по размерам и темпераменту животными — от равнинных горилл до улиток с тихоокеанских островов. Единственным, что объединяло этих необычных пациентов, было то, что они не могли рассказать о своих симптомах и что оба вида находились под угрозой уничтожения.

Большая часть ветеринарной работы в зоопарке проводилась в небольшой больнице. Но для серьезных операций на крупных животных прибывала целая бригада хирургов из Джерсийской больницы со всем необходимым оборудованием и помощниками. В особо сложных случаях операционную охранял полицейский с пистолетом наготове. С самого начала существования зоопарка местный врач доктор Хантер частенько консультировал животных. Его подход заключался в следующем — предупредить болезнь гораздо легче, чем ее потом лечить. «Если животные содержатся надлежащим образом, — считал Тони Оллчерч, — если их правильно кормят, заботятся о них по-человечески, то болезни, несчастные случаи и травмы случаются крайне редко».

В этой работе были и свои трудности. В отличие от домашних животных, которые понимают, что ветеринар хочет им помочь, дикие животные рассматривают ветеринара как смертельного врага. Приходится их усыплять, связывать, надевать на них намордники. «Труднее всего было преодолеть неприятие ветеринара пациентом, — вспоминал Тони Оллчерч. — Очень тяжело было обследовать и лечить животных, которые норовили укусить меня или сбежать, которых приходилось связывать и даже усыплять. Когда Гамбар, наш орангутан, видел меня, он немедленно впадал в ярость, а наш горилла Джамбо бросался на стекло своей клетки и дубасил по нему, когда я проходил мимо. Мне хотелось считать себя ангелом милосердия, но, похоже, для своих пациентов я был ангелом смерти».

Зоопарк и Фонд открыли для Тони Оллчерча целый новый мир. «Я чувствовал, что сижу на вулкане, — вспоминал он. — Энергия Даррелла била во всех направлениях. У меня не было ни минутки свободного времени, постоянно возникали новые проблемы, ставились новые цели. И все это было творением рук Джеральда Даррелла. Я люблю очень немногих, но этот человек как никто другой заслуживал любви. У меня немного героев, но Джерри однозначно был героем. С годами я понял, насколько прав он был».

Джеральд подбирал персонал, руководствуясь интуицией, а не дипломами. И, как правило, он не ошибался. Промахи случались крайне редко. Как только он понимал, что новый человек настроен на другую волну, что у него нет той инициативы и независимости мышления, на которые он рассчитывал, он увольнял его. Среди оставшихся был Филипп Коффи. Он пришел в зоопарк в 1967 году, когда ему был двадцать один год. Это был первый дипломированный ученый, который находился под впечатлением идей Джеральда Даррелла и Боба Мартина. Впоследствии он возглавил образовательный отдел зоопарка. Коффи проработал в зоопарке около тридцати лет. «Так долго я сумел проработать на одном месте, — вспоминал он, — только благодаря Джеральду Даррелу, его идеям, его этике, его самоотверженности. Почему наш зоопарк так динамично развивался? Потому что он никогда не застаивался, потому что Джеральд Даррелл никогда не стоял на месте. Он с радостью

узнавал о ваших проблемах и о ваших идеях. Он умел слушать и был рад поговорить на любую тему, узнать ваше мнение и соображения по важным вопросам».

И только один аспект жизни Джеральда оставался неприятно постоянным. К 1980 году он так же много пил и уже на протяжении долгого времени. Алкоголь стал частью образа жизни этого веселого, щедрого, интересного человека. Однако в течение рабочего дня он был настолько сосредоточен и энергичен, что коллеги порой даже не замечали, что он пьян. Других же он не стеснялся и не пытался скрыть, что навеселе. Когда Филипп Коффи пришел на собеседование относительно приема на работу (а было это довольно рано), он с изумлением увидел, что его будущий работодатель завтракает полпинтой «Гиннесса». Джеральд очень легко относился к собственному пьянству. Люди должны принимать его таким, каков он есть. И большинство действительно принимало. Только самые близкие пытались убедить его бросить пить.

Постоянные поездки в Америку угнетали Джеральда. Иногда он не мог заставить себя добраться до Лондонского аэропорта, так велик был его ужас перед полетом. «Сама его физиология противилась одной только идее полета, — вспоминал Саймон Хикс. — Это заболевание носило, по моему мнению, чисто психосоматический характер. Физическая реакция был налицо — он по-настоящему заболевал». Когда он отправлялся в Америку через Атлантику, что он обычно и делал, то часто пропускал несколько бокалов перед тем, как выйти на сцену. К удивлению окружающих, стоило ему оказаться на сцене, как он становился спокойным, уверенным, обаятельным — и совершенно трезвым.

В течение первых двух лет брака Ли безуспешно пыталась отучить мужа от алкоголя, убеждая его в том, что это всего лишь вопрос силы воли. «Порой он бросал пить, — вспоминала она. — В первые годы нашего брака мне удавалось убедить его не пить по полгода. К тому же его призывали и медики. Они советовали ему сократить потребление алкоголя или вообще отказаться от этой вредной привычки. Но потом он снова начинал пить. Алкоголизм лишает человека способности общаться и исполнять социальные функции — но у Джерри все было не так. Он вырос в атмосфере пьянства. Его семья пила вино на Корфу, когда он был маленьким, а мама всегда любила пропустить рюмочку-другую — пьянство было ее образом жизни. Алкоголь возвращал Джерри радость жизни. Хорошее вино и хорошая пища были жизненными удовольствиями, от которых он не хотел отказываться. Но очень часто Джерри пил, чтобы избавиться от глубокого отчаяния и депрессии, а позднее и для того, чтобы заглушить физическую боль».

Джеральд и Ли с первых же дней совместной жизни с головой окунулись в съемки телевизионных фильмов и программ. Фильм «На грани исчезновения» был снят на Би-би-си в 1979 году. Это был документальный фильм, призывающий человечество позаботиться о мире, в котором оно живет, и о животных, живущих в этом мире рядом с людьми. Джеральд рассказал о той работе по разведению диких животных в неволе, которая проводилась в Джерсийском зоопарке и в Парке диких животных в Сан-Диего. Вместе с Ли он отправился в Мексику, чтобы снова попытаться поймать вулканических кроликов и привезти их на Джерси. Эта экспедиция оказалась более удачной, чем поездка 1968 года. Даже удалось получить потомство, но вскоре колония погибла. «На грани исчезновения» вышла в эфир на первом канале Би-би-си 6 июля 1980 года и была хорошо встречена критикой. «Даррелл только что перенес небольшой сердечный приступ, — писал Ричард Норт в «Радио тайме». — Это первый сигнал. Ему нужно больше заниматься физическими упражнениями. «Мне нужно похудеть», — говорит он. В его руке поблескивает массивный бокал с бренди. У него голубые, как Эгейское море, глаза. Это мужчина, которому предстоит еще много сделать, хотя ему уже пятьдесят пять. Но теперь Дарреллу придется немного притормозить. «Как ужасно, — переживает он. — Это случилось именно сейчас, когда я решил, что бессмертен».

Сердечный приступ случился с ним в такси, когда он ехал в Джерсийский аэропорт. Лучшим лекарством от всех болезней была, конечно, Франция. Через три дня после демонстрации программы Джеральд и Ли уехали в Мазе. На этот раз с ними поехали сестра Ли Харриет и ее родители. Вскоре к ним присоединились многочисленные соседи и друзья, в том числе известный скульптор Элизабет Фринк, скрипач Иегуди Менухин с женой, художник Тони Дэниелс и писатель Дэвид Хыоз. Солнце, ароматы французского Юга, вино и роскошная кухня, долгие неторопливые прогулки с друзьями сделали свое дело. Джеральд снова почувствовал себя здоровым, снова ощутил вкус к жизни.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

КОВЧЕГ В ПУТИ. С ОСТРОВА ДОДО НА ЗЕМАЮ ЛЕМУРОВ: 1980-1982

Со времени первого посещения Маврикия в 1976 году Джеральд оставался под впечатлением этого волшебного острова. Проблемы сохранения его уникального животного мира занимали его целиком. Джон Хартли вспоминал: «Однажды утром за завтраком мы с Джерри обсуждали вопрос о том, что большую часть работы по охране окружающей среды в любой стране выполняют иностранцы. Мы согласились, что Маврикию необходима помощь. А потом Джерри сказал:

— У меня есть идея. Этим утром мы встречаемся с министром. Я собираюсь предложить ему организовать специальный курс для жителей Маврикия, которые захотят принять участие в нашей программе подготовки специалистов».

Хартли буквально подавился своим кофе. Он никогда не слышал о подобной программе. Ее попросту не существовало.

— В какой программе? — переспросил он.

— Хартли, — жестко отрезал Джеральд, — знаешь, в чем твоя проблема? Ты всегда хочешь знать все детали!

«Мне стало ясно, — продолжает Хартли, — что Джеральду в очередной раз пришла в голову гениальная идея. Но в тот момент у нас не было программы, никто не мог прочитать этот курс, нам было негде разместить студентов, и так далее, и тому подобное...»

Но предложение было сделано, министр его принял, и весной 1977 года Джеральд вместе с Джоном Хартли, своей сестрой Маргарет и американской приятельницей Трип отправился на Маврикий. Выбор был сделан, и местный учитель по имени Юсуф Мангру стал первым студентом Подготовительного центра Джерси.

Во время поездки на Маврикий Джеральд собирался поймать на Круглом острове редких боа — довольно рискованное предприятие. Экспедиция разбила палаточный лагерь. И тут Джеральд стал свидетелем наиболее удивительного природного явления, какое ему когда-либо доводилось видеть.

«Как только зеленоватые сумерки сгустились, небо стало черным, как бархат, и на нем высыпали яркие звезды. Темнота послужила сигналом — и где-то в глубинах земли раздался ужасный рев. Он начался тихо, почти неслышно. Этот звук напоминал отдаленный вой стаи волков, которые печально завывают над заснеженной равниной. Затем к этому хору стали присоединяться новые и новые голоса. Наконец все это стало напоминать безумную мессу в гигантском соборе. Мы слышали лунатические выкрики жрецов и дикие отклики паствы. Это длилось примерно полчаса, шум нарастал и стихал, земля содрогалась под нашими ногами. А потом, внезапно, словно сама земля разверзлась и выпустила на волю проклятые души, заточенные в подземном аду Гюстава Доре, изо всех отверстий на берег хлынули, стеная и причитая, крохотные птички.

Их были сотни. Они порхали и чирикали над нашими палатками, производя такой шум, что мы с трудом слышали друг друга. Мало этого, птенцы, обладая весьма ограниченными умственными способностями, решили, что наша палатка — отличное место для гнезда, специально устроенное для них. Чирикая и вереща, они стали пытаться проникнуть под брезент, забивались под наши кровати, гадили повсюду с искренней непринужденностью, и распространяли вокруг себя ужасный рыбный запах».

Всю ночь творился истинный бедлам. Ближе в рассвету птенцы нашли себе новое занятие — они стали скатываться по палатке, как со снежной горки. Они повторяли это снова и снова, производя еще более страшный шум. «По здравом размышлении, — вспоминал Джеральд, — я решил, что это была самая ужасная ночь в моей жизни». Только перед рассветом путешественникам удалось избавиться от непрошеных гостей, криком и шумом загнав крохотных птичек обратно в их норки.

Рано утром экспедиция поднялась на самую высокую точку острова. Там Джеральд сумел в полной мере оценить катастрофическую деградацию Круглого острова. Там, где растительности не было, плодородная почва смывалась в море, оставляя вместо себя лишь скалы и валуны. Ночью прошел дождь и размыл твердый туф, который теперь напоминал коричневое болото. Остров умирал. Джеральд был в ужасе: «Глядя на эту кошмарную картину, я понимал, что на моих глазах погибает целый уникальный миниатюрный мир, чудо эволюции. Этот уникальный кусочек земли уменьшался с каждым днем. Я увидел в миниатюре то, что человек делает со своей планетой. Миллионы видов исчезают, не получая даже малейшей помощи».

Последний день на Круглом острове был омрачен паникой. Вертолет не смог прилететь вовремя, и путешественникам показалось, что они останутся на этом замечательном, но крайне негостеприимном кусочке суши навсегда. Более всего беспокоился местный житель, сопровождавший Дар-релла в этой поездке. Молодой представитель Министерства лесов, Зозо,

никогда не был на Маврикии раньше. Мрачный Зозо сидел под пальмой. Джеральд решил развеять его тоску.

— Зозо, — позвал он.

— Что, мистер Джерри? — откликнулся Зозо из-под широких полей своей шляпы, которая, по замечанию Джеральда, делала его похожим на огромный зеленый гриб.

— Похоже, вертолет не торопится спасать нас.

— Похоже на то, — согласился несчастный Зозо.

— Что ж, — дружелюбно произнес Джеральд. — Полагаю, ты должен знать, что после общего голосования мы решили съесть тебя, как только кончится пища.

Но все закончилось хорошо. Вертолет прилетел, Зозо был спасен, Джеральд, Джон и Маргарет вернулись на Маврикий со своими драгоценными гекконами и сцинками, спасенными за компанию. «Мы поднимались все выше и выше, — вспоминал Джеральд. — Остров исчезал в бирюзово-синем море. Я твердо решил сделать все, что в моих силах, чтобы спасти его». И это решение стало началом великого предприятия.

Пока Джеральд находился в Америке, занимаясь сбором средств для своего Фонда (в этот момент он и встретился с Ли), Джон Хартли стал фактическим координатором операции на Маврикии. Он немедленно вернулся на остров, чтобы поймать розовых голубей и начать программу по их разведению на Джерси. Через месяц он вернулся с восемью птицами. Три из них остались на Маврикии, а пять голубей Джои привез на Джерси. По рекомендации Джерсийского Фонда правительство Маврикия организовало заповедник, который теперь носит имя Джеральда Даррелла, где стало осуществлять собственную программу спасения птиц и разведения диких птиц в неволе. В 1983 году Международный Совет по сохранению птиц отправил в этот заповедник молодого биолога Карла Джонса. Именно Джерсийский Фонд финансировал эту поездку и осуществление всей программы в целом. «Этот проект стал решающим в судьбе Фонда, — вспоминал Джон Хартли. — Это был наш первый серьезный зарубежный проект, который должен был осуществляться в течение нескольких лет. На примере Маврикия мы очень многому научились. Несомненно, что это был наиболее успешный проект по охране окружающей среды в мире».

Карл Джонс находился под глубоким впечатлением личности Джеральда Даррелла. «Он воспринимал мир очень просто, — вспоминает Джонс. — Он знал, что разведение в неволе — единственный способ сохранить находящихся под угрозой вымирания животных. Но он шел дальше. Он считал, что мы должны иметь возможность возвратить разведенных в неволе животных в среду естественного обитания. Он был великим провидцем. Охрана окружающей среды включает в себя вопросы сознания животных и их право существовать в рамках определенной экосистемы. Джерри живо интересовался всем этим. Он знал, что мы должны шагать в ногу со временем. Он был великим мыслителем и великим человеком. И он всегда гулял сам по себе. Он не входил ни в какие комитеты и не участвовал в интригах и сварах, кипевших в среде природоохранных организаций. Его интересовали не крупные, находящиеся на виду животные, на которых можно заработать деньги. Он обучал местное население и осуществлял свои проекты в реальности».

Для Джеральда и Ли 80-е годы были связаны с рядом успешных международных телевизионных проектов, посвященных естественной истории и охране окружающей среды. В связи с этим они исколесили весь земной шар. Организатором и вдохновителем этого проекта был канадский продюсер В. Патерсон Фернс, с которым Джеральд уже работал над тринадцатисерийным фильмом «Ковчег на острове» еще в 1975 году. Теперь Фернс возглавлял кинокомпанию «Примедиа», располагавшуюся в Торонто. Джеральд и Пат Фернс сняли пять документальных фильмов (в четырех из них принимала участие Ли) и шестьдесят пять программ для телевидения а также создали шесть книг. Стоимость проекта росла по мере роста амбиций участников. Съемки проходили в самых экзотических уголках мира. В 1980 году на экраны вышел тринадцатисерийный фильм «Ковчег в пути». Каждая последующая серия становилась дороже предыдущих. Когда они заканчивали пятую серию, ее стоимость равнялась стоимости всех предыдущих.

В начале 1980 года Пат Фернс предложил Джеральду снять телевизионный сериал «Ковчег в пути». Руководитель нового канала британского телевидения Джереми Айзек заинтересовался сотрудничеством со столь заметной фигурой в области охраны окружающей среды. Помимо финансирования нового проекта Айзек приобрел права на предыдущий фильм —

«Ковчег на острове». «Ковчег в пути» должен был стать логическим продолжением «Ковчега на острове». В новом фильме Джеральд рассказывал о своих взглядах на охрану окружающей среды и о планах по разведению диких животных в неволе, а также о зарубежных проектах Джерсийского зоопарка. Основой для фильма стала экспедиция на Маврикий и спасение уникальных видов местной

фауны — то есть книга «Золотые крыланы и розовые голуби». Съемки предполагалось проводить на Маврикии, острове, очень богатом животными, но находящемся под угрозой экологической катастрофы.

Пат Фернс предложил Ли и Джеральду сниматься в новом фильме вместе, так как Джеральд знал Маврикий, а Ли была хорошо знакома с природой Мадагаскара, где планировалось снимать следующие серии фильма. Фернс почувствовал, что идея сняться в документальном фильме очень привлекла Ли. Джеральда предстоящие съемки совершенно не беспокоили. «Я работал с известнейшими телевизионными звездами нашего времени, — вспоминал Фернс, — но Джерри превосходил их всех. Он был нелегким человеком, но перед камерой держался совершенно естественно и уверенно. Он был прекрасным рассказчиком. Он любил увлекать аудиторию, держа в руке бокал с бренди или поглаживая лемура на плече. Его книги показывают, что он блестяще владел языком. Его сравнения и метафоры всегда были точны и образны. Он умел перевести их на язык телевидения. Его фильмы не менее увлекательны и веселы, чем его книги, но ничто и никогда не могло отвлечь его от основной темы».

До сотрудничества с Патом Фернсом телевизионная карьера Джеральда складывалась не слишком удачно. Долгая, напряженная работа над документальным фильмом, язвительность режиссеров, сложность съемок угнетали его, делали напряженным и неестественным, лишали обычного юмора и обаяния. Но с Патом Фернсом все было иначе. «Ковчег в пути» стал настоящим открытием. «Этот фильм настолько полон жизни и настолько душевен, — писал один из критиков, — что у зрителя создается впечатление личного присутствия». Поэтому Джеральд с энтузиазмом отнесся к перспективе дальнейшей работы с Фернсом.

«В новом фильме, — писал Джеральд, — мы собираемся показать не только наши успехи по разведению диких животных в неволе, но и спасательные операции во всех уголках мира. Мы также хотели рассказать о нашей работе с правительствами разных стран по спасению местных видов животных и о подготовке жителей этих стран на Джерси к сложной задаче спасения и разведения животных в неволе». Съемки должны были проходить на Маврикии, Родригесе и Круглом острове, где Джерсийский фонд уже успешно сотрудничал с правительством. Далее съемочная группа собиралась посетить Мадагаскар, чтобы на месте ознакомиться с ситуацией на этом острове.

В конце осени 1980 года Джеральд и Ли встретились с Патом Фернсом в Торонто, откуда отправились в поездку по Соединенным Штатам с целью сбора средств для Фонда. В конце января 1981 года Пат Фернс (исполнительный продюсер), Майкл Малтби (режиссер) и Паула Квигли (продюсер) на три дня прилетели на Джерси, чтобы провести окончательные переговоры. Примерно через неделю Джон Хартли и съемочная группа вылетели на Маврикий и приступили к съемкам. Ковчег тронулся в путь.

Естественно, длительные съемки не обходились без трений и стычек — талантливые и темпераментные люди попадали в самые непредсказуемые ситуации. Австралийская группа не смогла прибыть вовремя из-за забастовки летчиков, Джеральд и режиссер начали нервничать, но расписание съемок удалось соблюсти. Съемки были проведены во всех ключевых местах острова — в лесу розовых голубей, в заповеднике Черной реки, в ущельях. Десять дней группа провела на Родригесе.

В конце марта съемочная группа перебралась на Мадагаскар — странный, необычный остров со своими весьма серьезными проблемами. Расположенный у восточного побережья Африки, Мадагаскар в два с половиной раза превосходил по своим размерам Великобританию. Этот остров напоминает материк. Он обладает уникальной флорой и фауной. 90 процентов животных и растений не встречается нигде, кроме этого острова. Все мадагаскарские хамелеоны (две трети видов, встречающихся в мире) и почти половина птиц совершенно уникальны. Из примерно четырехсот видов рептилий и амфибий лишь двенадцать обитают в других местах. Восемьдесят процентов растений Мадагаскара не встречаются нигде больше. Здесь сохранились уникальные виды баобабов. На Мадагаскаре растет восемь видов баобабов, тогда как во всей Африке встречается только один. Двадцать четыре вида лемуров представляют собой совершенно уникальную ветвь эволюции. Некоторые из них по размерам сравнимы с пятилетним ребенком, а другие могут спокойно уместиться в кофейной чашке. Здесь можно увидеть мокриц размером с мяч для гольфа и бабочек больше испанского веера. Этот остров был настоящей сокровищницей природы — но восемьдесят процентов территории острова были совершенно бесплодными.

«Самая серьезная проблема, связанная с охраной окружающей среды, заключается в том, что Мадагаскар, это уникальное хранилище эволюционных знаний, постепенно превращается в бесплодную пустыню, — писал Даррелл. — Восемьдесят процентов лесов уже уничтожено.

Сохранение этого Эдема, этого заповедника естественной истории, должно являться основным приоритетом для любой природоохранной организации. Мадагаскар располагает наибольшим количеством редчайших животных, находящихся на грани вымирания». От красоты этого острова захватывало дух, здесь тесно переплелись настоящее и прошлое, и здесь же шла ожесточенная борьба между развивающейся культурой и хрупкой природой.

Вскоре после прилета на Мадагаскар съемочная группа отправилась в уникальный заповедник Беренти в южной части острова. Для натуралиста Беренти обладал магической притягательностью. На 450 акрах леса, состоящего из гигантских тамариндовых деревьев, жили многочисленные виды лемуров — кольцехвостые лемуры, мышиные лемуры, ночные лепи-лемуры и сифаки — примитивные приматы, которых во всем мире давно вытеснили обезьяны. На Мадагаскаре они сохранились благодаря отсутствию обезьян. С первыми лучами рассвета Джеральд, Ли и остальные члены съемочной группы отправились в лес. В конце дня Джеральд диктовал свои впечатления на диктофон.

«Первым увиденным нами животным была сифака. Это самые красивые и привлекательные лемуры. Они очень грациозны и нежны, у них симпатичные, доброжелательные мордочки. Это лемурьи балерины. Они красивы не только на деревьях, когда вы наблюдаете их издали. Но и на земле они не теряют присутствия духа. Они быстро бегают, воздев свои маленькие черные ручки, словно в ужасе, что им вот-вот сделают какое-нибудь замечание. На бегу они поворачиваются всем телом, чтобы иметь полный обзор. Если их что-то пугает, они ударяются в стремительный галоп, который выглядит очень комично. Их движения настолько красивы и легки, словно полет пушинки.

Кошачьи лемуры, напротив, очень напоминают павианов. Они носятся повсюду, словно собаки, или важно расхаживают, задрав свои полосатые хвосты. Когда стая из двадцати-тридцати таких лемуров шествует по лесной тропинке, кажется, что перед вами шагает средневековая процессия с хоругвями.

Местные животные настолько привыкли к постоянному присутствию человека, что воспринимают вас как часть пейзажа. Они не обращают на вас никакого внимания, спешат по своим делам буквально по вашим ногам. Мы видели много замечательных животных. Пока я диктовал, около тридцати кошачьих лемуров прошли перед домом, а сейчас передо мной появилась сифака, и я не могу удержаться от смеха, наблюдая за ее комичными передвижениями».

Из Беренти на рассыпающемся «Лендровере» они направились в государственный природный заповедник, располагавшийся в трех часах езды возле маленькой деревушки, которая называлась Хазофотси. Заповедник был создан, чтобы сохранить уникальные сосновые леса, где росли встречающиеся только на Мадагаскаре деревья вида Didereacae. Более всего эти деревья напоминали гигантские кактусы, усеянные устрашающего вида иглами. Здесь обитали самые красивые из всех мадагаскарских лемуров — сифаки Верро. Нежно-палевые зверьки с черными спинками, черными мордочками и огромными золотистыми глазами сновали по своему колючему миру совершенно спокойно. Они прыгали и приземлялись на ветках дидерей без малейшего труда. Джеральда и других членов съемочной группы эти зверьки совершенно очаровали. Вот что сохранила магнитная пленка: «Как только я увидел Колючий Лес, я сразу же подумал, что наши шансы снять здесь что-нибудь весьма невелики. Мы довольно далеко заехали в лес по дорогам, подобных которым я никогда не видел. Они напоминали русла высохших рек, погибших лет двадцать назад».

Этой ночью они спали под открытым небом. «Южный Крест горел в небе, как огромный канделябр». Разбудила их утренняя роса. «Я посмотрел на Ли, — вспоминал Джеральд. — Она лежала рядом со мной, похожая на картины прерафаэлитов. Ее волосы, словно паутинка, покрывали крохотные капельки росы».

Звукозаписывающая аппаратура и камера на треножнике весили, наверное, тонну. Тащить их через Колючий Лес было нелегко. Но в конце пути их ждало вознаграждение. Они увидели мадагаскарский закат. Сгустились странные сине-зеленые сумерки, и тут же словно по мановению волшебной палочки возникли удивительные животные. Пятифутовая полосатая змея, «похожая на оживший школьный галстук»; паук размером с кастрюлю, который плел внушительную паутину, способную удержать даже мелких птичек; мокрица или многоножка больше бильярдного шара; «шипящий» таракан цвета красного дерева размером с лимон, который издавал пронзительные звенящие звуки, когда его трогали палочкой.

Съемочная группа провела в Беренти и в Колючем Лесу в общей сложности две недели. Оттуда они двинулись в Анкарафантсику, крупнейший заповедник Мадагаскара. К сожалению, из-за огнево-подсечного

метода земледелия две трети этого заповедника были уничтожены. Затем последовали две недели съемок в лесном заповеднике Ампихороа, а потом экскурсия на маленький тропический островок Нози-Комба. Этот остров лежит к северо-западу от Мадагаскара и славится местными лемурами — черными или макао. Местные жители считают этих животных священными, благодаря чему им удалось сохраниться. Эти лемуры были на удивление ручными — ручными настолько, что порой они сидели прямо на камере, а их хвосты заслоняли объектив.

Последним пунктом путешествия был Перинет, лесной заповедник, созданный специально для крупнейших и самых впечатляющих малагасийских лемуров, индри. Размером с пятилетнего ребенка, эти напоминающие панд создания были раскрашены черным и белым. У них были огромные белые уши и крупные, блестящие, золотистые глаза. «Это аристократы среди лемуров, — писал Джеральд. — Они и ведут себя, как положено аристократам. Индри редко поднимаются раньше десяти часов и остаются в постели до четырех часов дня. Когда же они наконец поднимаются, то начинают оглашать окрестности пением». Джеральд, Ли и остальные члены съемочной группы отправились в лес, чтобы снять этих удивительных созданий и послушать их пение. Джеральд вспоминал:

«Итак, мы вошли в лес. И хотя мы хорошо слышали пение индри, но ни один зверек нам не попался. Я решил, что их замечательное пение очень напоминает подводные записи голосов китов. Это очень нежный, музыкальный и красивый плач. Наконец нам удалось поймать несколько индри и записать их голоса. Потом мы включили сделанную запись. Когда пение умолкло, мы подумали, что не хотим тишины. И в этот самый момент с ближайшего к нам дерева раздалось сильное пение, почти перекрывшее все звуки леса. Голос зверька был настолько силен и богат, что поразил нас до глубины души. Оказалось, что вокруг нас сидит целая стая индри, которых мы просто не заметили. Это замечательные животные, с огромными пушистыми ушами, напоминающие медведей коала. А довольно странные мандаринового цвета глаза следят за вами довольно внимательно. Этот маниакальный взгляд способен напугать. Но на самом деле это самые мирные и нежные животные, каких только можно себе представить. Более всего меня удивляло, что эти довольно грузные зверьки могут ловко прыгать с ветки на ветку. Они прыгают, как кенгуру, и при этом практически не производят шума. Целая стая индри может пройти совсем близко от вас, и в лучшем случае вы услышите легкий шорох. Они обладают способностью двигаться почти бесшумно».

Далее Джеральд писал: «Какое счастье делить мир с таким замечательным животным. Но как долго будем мы наслаждаться этим счастьем? Если леса исчезнут — а они исчезают, — то и индри исчезнут вместе с ними. Утром перед отъездом мы с Ли вышли на дорогу, ведущую к лесу, и стояли, слушая пение индри, а небо из зеленого становилось синим. Из леса доносилась трогательная, печальная, невероятно красивая и грустная песня индри. Это лучший голос леса, настоящий голос Мадагаскара».

В начале мая съемки на Мадагаскаре были закончены. Британский посол устроил прощальный ужин в честь Джеральда и Ли, на котором присутствовали видные малагасийские политики. За время пребывания на острове Джеральд и Ли успели встретиться с несколькими министрами, а также переговорить со своим мадагаскарским ангелом-хранителем, профессором Роланом Альбиньяком, французским зоологом, работавшим здесь по поручению французской исследовательской организации. Вместе им удалось убедить малагасийские власти допустить на остров иностранных специалистов по охране окружающей среды. В 1983 году на Джерси была подписана международная конвенция по спасению Мадагаскара.

В середине мая Джеральд, Ли и большая часть съемочной группы вернулись на Маврикий, чтобы снять то, что они не успели во время первого визита на остров. Режиссер Майкл Малтби покинул группу. На Нози-Комба он повздорил с Джеральдом, и его место занял Алистер Браун. После трех с половиной месяцев напряженной работы, связанной с постоянными переездами, эмоциональное состояние Джеральда ухудшилось. Он часто поддавался вспышкам неконтролируемого гнева.

В течение первых двух лет брака Джеральд постоянно опасался, что какой-нибудь молодой красавчик уведет у него Ли. Его ревность особенно обострилась в период съемок «Ковчега в пути». Вспоминает продюсер фильма Паула Квигли: «Съемочная группа по большей части состояла из молодых, красивых, мужественных парней. Когда мы отправлялись в лес, нас всегда сопровождали два-три красивых молодых человека». Ревность буквально лишала Джеральда рассудка. Его ссора с режиссером произошла именно из-за беспочвенных подозрений. На Маврикии случился настоящий кризис. Паула Квигли вспоминает:

«Мы снимали особое событие — танцы сега. Съемки проводились ночью. Мы взяли с собой фонари, еду и напитки, чтобы переночевать в лесу. Предстоящая ночь беспокоила Джерри. Он сидел, как огромный Будда, а все вокруг поклонялись ему. Внезапно Джону Хартли пришла в голову отличная идея. На Мадагаскаре его научили местному танцу — танцу крокодила. Почему бы Джону и Ли не станцевать танец крокодила у костра? Режиссеру эта мысль пришлась по душе. Джон и Ли вышли к костру, заиграла музыка, и они стали танцевать танец крокодила, подергиваясь почти у земли — имитируя движения крокодила. В их танце не было ничего сексуального, чистый фольклор, но Джерри почему-то вышел из себя. Он вскочил, принялся кричать, ругаться. Он был воплощение первобытной ревности. Естественно, музыка умолкла, наступила полная тишина. Джон отступил в тень, а Ли подошла в мужу и увела его в лес, подальше от костра. Все члены съемочной группы стояли молча, совершенно потрясенные».

На следующее утро съемочная группа собралась в отеле в назначенное время, но Джеральд не появился. Паула поднялась к нему в номер. Джеральд был глубоко расстроен тем, что повел себя так непрофессионально и сорвал съемку. В тот день он был особенно вежлив и внимателен к членам группы, но ни словом не обмолвился о странных событиях предыдущей ночи. Джон Хартли попросил, чтобы Паула купила ему билет в Англию. Паула рассказала об этом Джеральду, и он извинился перед Джоном самым сердечным и искренним образом.

Во время съемок «Ковчега в пути» у Паулы существовали серьезные сомнения в том, что брак Джеральда и Ли окажется долговечным. Но через год все стало проще. Впоследствии Джеральд стал спокойнее относиться к молодой жене. Паула научилась справляться со вспышками гнева и ревности. Она заботилась о том, чтобы у Джеральда и Ли всегда был один номер и старалась не оставлять Ли в обществе молодых мужчин.

Джеральд и Ли вернулись на Джерси. В течение трех недель снимались сцены в зоопарке, которые должны были предварять каждую серию фильма. А лето они смогли провести так, как им этого хотелось. На Джерси Джеральд изо всех сил пытался быть светским человеком. У него было несколько друзей вне зоопарка. По своей природе Джеральд был застенчивым человеком. Несмотря на то что его известность и мировая слава вынуждали его общаться с богатыми и знаменитыми, он предпочитал их общество в неформальной обстановке. Формальные ситуации он выдерживал только с помощью солидных возлияний. Порой Джеральд поддавался соблазну и устраивал пышные вечеринки. Примером такой вечеринки может служить его свадьба в Мемфисе. Лето 1981 года он собирался провести почти так же.

Все началось с посещения оперы в Глиндборне, самого лучшего маленького оперного театра в мире. Этот театр расположился в очаровательном деревенском доме посреди большого сада в Сассексе. Джеральд хотел, чтобы Ли выглядела как принцесса. Еще до свадьбы, путешествуя по Индии, он купил для нее несколько красивых сари. На Джерси он нашел портного, который сумел сотворить из этого материала совершенно сказочный наряд. «В этом платье с вечерней прической, — писал он родителям Ли, — она выглядела, как королева Голливуда. Мне завидовали все мужчины, собравшиеся в Глиндборне. Не было ни одной женщины, которая могла бы сравниться с Ли в красоте».

У Глиндборна была еще одна особенность, которая всегда восхищала Джеральда. Обладая удивительным даром видеть невообразимое, он был убежден, что этот театр — идеальная модель для его зоопарка. «Я был очарован этим местом, — писал он. — Мне всегда хотелось, чтобы наш зоопарк на Джерси был таким же маленьким, но совершенным, как Глиндборн. Рад, что мне удалось найти нечто подобное».

Следующим пунктом программы был прием в саду Букингемского дворца — «очень скромное мероприятие, на которое собирается всего три тысячи гостей». Затем они с Ли отправились на премьеру пьесы Ноэля Кауарда в Вест-Энде, где познакомились с актрисой, игравшей главную роль, Диной Шеридан. Эта встреча оказалась тем более приятной, что Джеральд и Дина оказались давними поклонниками друг друга. Через несколько дней Джеральд и Ли уехали во Францию, чтобы немного передохнуть. Они провели в Лангедоке три месяца. Обоим нужен был отдых, к тому же оба работали над своими книгами.

В конце 1981 года в Британии была опубликована новая книга Джеральда «Птица-пересмешник». Через несколько месяцев она увидела свет и в Соединенных Штатах. Эта книга была совершенно не похожа на своих предшественниц. Джеральд написал «политическую книгу», но история ее публикации оказалась не из легких. Он писал своим родственникам в Мемфис:

«Расскажу вам о том, что со мной случилось. Примерно десять дней назад я получил гранки моего нового романа (предварительной верстки я не видел). К своему ужасу, я обнаружил, что они отдали мою книгу какому-то неграмотному неопытному редактору, который практически ее пере-

писал. Я немедленно бросился к издателю, благо в тот момент я находился в Лондоне, и потребовал приостановления публикации. В результате руководитель фирмы вылетел на Джерси, чтобы мы могли просмотреть каждую страницу книги и привести ее в первоначальный вид — чудовищная задача, которой я сейчас и занимаюсь. Я не могу позволить, чтобы подобный бред выходил под моим именем».

Выход книги был задержан, но увидела свет она в том виде, в каком ее хотел видеть автор.

Это была моралистская, предостерегающая история на тему охраны окружающей среды, в которой Джеральд высмеял некоторых специалистов, кочующих с конференции на конференцию. Кое-кто узнал в этой книге себя. События разворачивались на вымышленном острове Зенкали (Маврикии), где обитает редкая, вымирающая птица-пересмешник и растет не менее редкое дерево омбу. Герой книги, прирожденный охранитель природы, Питер Фоксглоув обнаружил, что четыре сотни деревьев омбу и пятнадцать пар пересмешников сохранились в долине, которая в результате строительства гидроэлектростанции будет затоплена. Коварный план превратить Зенкали в военную базу с глубоководным портом и собственной электростанцией угрожает существованию редких птиц и растений. В конце концов всем становится ясно, что экономика острова зависит от птицы-пересмешника. Опираясь на помощь правителя острова, Кинги, и нескольких весьма эксцентричных жителей, Фоксглоув срывает коварные планы и спасает островной рай.

«Птица-пересмешник» была остроумной и, по меркам Джеральда, весьма амбициозной. Однако, хотя критика встретила его новое произведение довольно благожелательно, интерес публики к этой книге был гораздо слабее, чем к его предыдущим произведениям.

Джеральд развернул широкую рекламную кампанию в связи с выходом своей новой книги. 6 декабря он произнес речь после благотворительного обеда в галерее «Европа» в Саттоне. 9 декабря его пригласили на обед, устраиваемый лондонской газетой «Ивнинг стандарт» в центре Барбикен. Его имя по-прежнему собирало толпы, поэтому на всех мероприятиях с его участием никогда не было свободных мест.

Перед наступлением Нового, 1982 года Джеральд отправил отчет своим родственникам в Мемфис. Он получил очередную премию за охрану окружающей среды. Принц Нидерландов Бернхард удостоил его ордена Золотого Ковчега. Демонстрация «Ковчега в пути» проходила с успехом, «вероятно, благодаря тому факту, что у нас была настоящая секс-бомба — Ли, умеющая обращаться даже с животными, не говоря уж обо всем остальном». В следующем году в Соединенных Штатах должна была выйти книга по этому сериалу. 1981 год был для Джеральда очень напряженным, и он не мог дождаться, когда ему удастся расслабиться — «с помощью пары «Кровавых Мэри» или, еще лучше, целых шести».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

НАТУРАЛИСТ-ЛЮБИТЕЛЬ: 1982-1984

Джеральду Дарреллу более не удавалось постоянно общаться со своими любимыми животными. У него больше не было животных дома, а о зверях в зоопарке заботились сотрудники. Он стал другим. Теперь Джеральд вырабатывал стратегию и тактику работы Фонда, собирал средства, воплощал в жизнь новые идеи. Он стал проповедником, кампании в защиту животных отнимали все его время и силы. Он был абсолютно убежден в том, что любая жизнь священна и неприкосновенна, что все живые существа имеют право на жизнь, что священный дар жизни не может быть отнят по соображениям политики или религии.

Даже в среднем возрасте Джеральд сохранил свежесть восприятия и энтузиазм мальчишки, каким он был на Корфу. Во Франции, вдали от своего профессионального, супернаучного зоопарка, он снова превращался в натуралиста-любителя. «Даррелл любит всех животных, даже ос и москитов, — писала журналистка Линн Барбер после посещения дома Джеральда во Франции. — Как мальчишка, которым он остается, несмотря на седые волосы и бороду, он постоянно пополняет собственный зверинец». В эти дни Джеральд собрал небольшую коллекцию мелких животных, которых Ли любезно разместила на террасе дома. Здесь были черви, скорпионы, богомолы, крупный зеленый сверчок, палочник, осы, спасенные от утопления в бассейне. Но все эти создания обретали свободу, когда подходило время возвращения на Джерси.

Хотя Джеральд Даррелл был ведущим специалистом по охране окружающей среды, в душе он по-прежнему оставался натуралистом-любителем. Любителем, потому что он, как Дарвин и Фабр,

не имел специального образования — любой школьник, пришедший в Джерсийский зоопарк, формально был более образованным, чем директор этого заведения, а уж консультативный комитет Фонда рядом с ним казался настоящим сборищем Аристотелей. Даррелл оставался любителем, потому что в современном мире биология перешла на качественно иной уровень — возникла молекулярная биохимия и эволюционная биология. Новозеландская газета так написала о нем: «Любовь Даррелла к диким животным является движущей силой его жизни. Природа стала его профессией, но как натуралист он остается настоящим любителем — человеком, занимающимся своей работой из любви».

В это время был осуществлен специальный проект, над которым супруги работали совместно. Работа растянулась на два года. Книгу «Натуралист-любитель: классический практический путеводитель по миру природы» придумал молодой издатель Джосс Пирсон, сотрудник фирмы «Дорлинг Киндерсли». Идея заключалась в том, чтобы создать иллюстрированную книгу, которая могла бы послужить практическим руководством для натуралистов-любителей во всем мире. Из нее можно было почерпнуть сведения об обитателях садов, прудов и лесов, об их привычках и о том, как за ними наблюдать. С самого начала стало ясно, что эта книга станет настоящим бестселлером, но для этого нужно было известное имя, способное привлечь внимание читателей. Джосс Пирсон сразу же подумал о Джеральде Даррелле. Выбор был очевиден: Даррелл был не только знаменитым писателем, пишущим о природе, но и идеальным читателем подобной литературы — настоящим натуралистом-любителем.

С самого начала стало ясно, что Джеральд и Ли должны работать над книгой вместе. Проект очень понравился обоим. Во-первых, они являлись специалистами в этой области, а кроме того, Джеральд получал возможность обратиться к тем своим читателям, на которых он возлагал наибольшие надежды в будущем, — к молодежи. Его книга была призвана воспитывать молодежь во всех концах света в духе уважения к миру живой природы. Хотя предложенный аванс в 30 тысяч фунтов, по меркам Даррелла, был довольно скромным, его соблазнил предполагаемый минимальный тираж. Книга должна была выйти тиражом в 160 тысяч экземпляров (в конце концов тираж оказался в десять раз больше). Процент роялти Дарреллу предложили гораздо более высокий, чем это было принято в «Дорлинг Киндерсли». В ходе работы предполагалось создать телевизионный сериал по книге. Работать над ним должен был молодой английский режиссер Джонатан Харрис, близкий друг Джеральда и Ли.

Джосс Пирсон разработал формат и дизайн будущей книги, предложил структуру, с которой Джеральд сразу же согласился, однако Ли боролась, отстаивая собственное мнение до конца. Книга делилась на двенадцать основных экосистем от тропических лесов до морей и океанов, от лугов и живых изгородей до пустынь и тундры. Везде есть своя флора и фауна, достойная описания и изучения. Натуралисту-любителю, где бы он ни находился, скучать не приходится, он везде сможет найти интересные объекты для наблюдения.

Это была замечательная, вдохновенная книга, проникнутая чувством изумления и преклонения перед жизнью во всех ее формах. В предисловий «Как стать натуралистом» Джеральд писал:

«Всю свою жизнь я удивлялся, почему люди смотрят на животных и растения и говорят: «Ну разве это не отвратительно?» Я считаю, что истинный натуралист должен воспринимать природу объективно. Ни одно живое существо не может быть отвратительным. Может быть, вам и не захочется взять в постель гремучую змею или крапиву. Возможно, вы сочтете раздражающим (как это показалось и мне) набег гигантских улиток на вашу палатку. Но эти существа имеют такое же право на существование в этом мире, как и человек... Натуралисту повезло в двух отношениях. Во-первых, он наслаждается миром, раскинувшимся вокруг него. Во-вторых, он может заниматься своим хобби в любом уголке земли и в любое время... Его одинаково трогают огромные стада на африканских равнинах и скромные уховертки в собственном саду».

Работа предстояла огромная. Дарреллам крупно повезло, что они смогли разделить задачу между собой. Ли занималась исследованиями и писала черновики каждой главы. Джеральд занимался литературной обработкой. Их многочисленные обязанности не давали Джеральду и Ли полностью отдаться работе над книгой. Во-первых, шли съемки «Ковчега в пути». 28 января 1982 года Джеральд писал Алану Томасу: «Мы с Ли изо всех сил пытаемся закончить «Натуралиста-любителя». Думаю, у нас получится замечательная книга». Это было нелегко. Джоан Портер, личный секретарь Джеральда и бывший секретарь Фонда, вспоминала:

«Почерк у Джерри был ужасный — настоящие каракули, но я научилась его разбирать. Большую часть книги он диктовал. Так же поступала и Ли. Работая над «Натуралистом-любителем», я стенографировала их диктовку, а потом печатала текст. Затем они правили его, и я все перепечатывала. Работы было выше головы. Джеральд всегда диктовал свои книги, как правило, по наитию, не пользуясь записями. Диктуя, он говорил все быстрее и быстрее, словно ощущая прилив вдохновения. Как правило, он диктовал мне лично, но иногда присылал магнитофонные ленты, чтобы я перепечатала. Я часто начинала смеяться, не в силах сдержаться. Его прежняя секретарша говорила мне, что часто краснела, когда ей приходилось стенографировать и печатать книги Даррелла. Может быть, я была более взрослой, но меня никогда не шокировало то, что я печатала, хотя порой я думала: «Как же мне застенографировать это слово?» Джеральд никогда не был грубым или невежливым со мной, и я его очень любила. Он был замечательным человеком, ценившим работу других людей. Иногда я находила на своем столе цветы. А когда он улетел во Францию, то оставил мне на пишущей машинке записку, в которой крупными буквами было написано: «Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ!» Но Ли была для него настоящим кумиром; женившись на ней, он больше никогда не флиртовал с другими женщинами».

В феврале 1982 года Джеральд снова должен был лететь в Америку собирать средства для Фонда. По окончании поездки они с Ли собирались заехать в Мемфис, а уж оттуда направиться в свой обожаемый Лангедок. Но этим планам не было суждено осуществиться. В середине февраля огромная книга (150 тысяч слов) была закончена, но работа над ней отняла у Джеральда столько сил, что 13 февраля он внезапно почувствовал себя очень плохо. В этот момент Даррелы находились в отеле «Черчилль» в Лондоне, собираясь на следующий день улететь в Штаты. «Я не раз замечала у него приступы сильной депрессии, — вспоминала Ли, — но на этот раз случилось что-то более серьезное. На протяжении предыдущих недель он чувствовал себя неважно, но в Лондоне мы были уже несколько дней, и все было в порядке. Он лежал в постели и смотрел телевизор, как вдруг у него начались ужасные судороги и он потерял сознание. Я никогда не сталкивалась ни с чем подобным и совершенно не понимала, что происходит. Я подумала, что у него сердечный приступ, и попыталась сделать массаж сердца. Но оказалось, что это было самым худшим, что можно было сделать в такой ситуации. Я позвонила управляющему отелем, он поднялся посмотреть на Джерри. Состояние моего мужа его ужаснуло, и он тут же вызвал врача. Через двадцать минут Джерри пришел в себя. Увидев меня и постороннего мужчину на его постели, он очень рассердился и закричал: «Кто вы, черт побери, такой? Что вы тут делаете? Почему вы сидите на постели с моей женой?» Так Ли стала свидетельницей первой серьезной болезни мужа. Джерри поместили в Миддлсексскую больницу, чтобы сделать анализы, американскую поездку пришлось отложить. 25 февраля Джеральд и Ли по совету врачей вылетели на Вирджинские острова, чтобы как следует отдохнуть. Три недели они прожили на острове Гуана, наслаждаясь покоем и теплыми водами Карибского моря.

Мысль о предстоящей поездке в Соединенные Штаты приводила Джеральда в ужас. Во время подготовки к отъезду у него всегда возникали различные психосоматические заболевания. Перед другой поездкой он свалился с жестокой простудой, а потом впал в депрессию, так что Ли пришлось оставить его в Англии и вылететь в Штаты одной. «Это может показаться удивительным, но Джеральд был очень неуверенным человеком, — вспоминал Саймон Хикс. — Он был невероятно противоречив. Он мог казаться совершенно спокойным, расслабленным, совершенным космополитом. И в то же время он буквально заболевал от перспективы быть приглашенным к лейтенант -губернатору или к нашей сиятельной покровительнице. Он ненавидел экспромты и импровизации, он всегда хотел быть готовым. Джеральд никогда не произносил речей экспромтом, предварительно их не отрепетировав, даже если ему предстояло выступать перед детьми. Все на Джерси знали, что перспектива лететь в Америку полностью выбивает его из колеи».

2 апреля Джеральд и Ли вернулись на Джерси. Джеральд написал Алану Томасу, что он, «если и окончательно не исцелился, то по крайней мере весьма приблизился к выздоровлению». Он чувствовал себя достаточно хорошо, чтобы принять приглашение от королевы на торжественный обед в честь президента Камеруна в Виндзорском замке, который должен был состояться 23 апреля. Джеральда очень веселило то, что его с женой пригласили на столь важное мероприятие благодаря паре юмористических книг, которые он написал о своих приключениях в джунглях Камеруна в далекой молодости, когда ему даже не удавалось свести концы с концами. Но меню обеда его очень порадовало, причем не только изысканные блюда, но и не менее роскошные вина.

В конце апреля Пат Фернс и Паула Квигли прилетели из Торонто, чтобы обсудить планы создания телевизионного сериала по «Натуралисту-любителю». Этот проект заинтересовал

канадскую телевизионную компанию и четвертый канал британского телевидения. Четвертый канал рассматривал проект Даррелла как свой ответ на очень популярную программу Би-би-си с Дэвидом Эттенборо. Джеральд должен был показать мир природы совершенно иначе — доступным и открытым для изучения. Образ веселого, с мальчишеским задором в глазах Джеральда привлекал и трогал зрителей.

Планы Пата Фернса не ограничивались одним «Натуралистом-любителем». В начале июня он заговорил о грандиозном проекте «Даррелл в России». Джеральду и Ли предстояли годы напряженной работы. Съемки шли с середины 1982 года до середины 1984.

12 июля 1982 года, за несколько дней до начала показа «Ковчега в пути» по Би-би-си, Джеральд и Ли отправились па остров Анст, входящий в группу Шетландских островов. Здесь должны были начаться съемки «Натуралиста-любителя». Режиссером стал Джонатан Харрис, «мрачный и постоянно сердитый, красивый демонической красотой в духе Хитклифа из «Грозового перевала».

Первые кадры дались Джеральду довольно нелегко. Шестисотфутовые скалы Германеса дали приют огромной колонии морских птиц. Режиссер решил провести целый день, снимая птиц на скалах и каменистых берегах. Проблема заключалась в том, что всю свою жизнь Джеральд страдал от сильного головокружения — полет на самолете и то повергал его в панику. А теперь ему предстояло сниматься на Германесе. По сценарию он должен был пройти но горной тропе от берега до самой вершины. Позднее Джеральд вспоминал:

«Вскоре мы подошли к самому краю обрыва. В шестистах футах под нами огромные синие волны прокладывали себе путь между скалами в тучах брызг, напоминавших клумбы белых хризантем. Воздух был наполнен шумом прибоя и криками бесчисленных тысяч морских птиц, которые сновали между скалами подобно снежной буре. Их количество поражало. Сотни и сотни олуш, моевок, глупышей, длиннохвостых бакланов, гагарок, чаек, поморников и десятки тысяч тупиков!

— А теперь мы спустимся со скалы, — сказал Джонатан Харрис.

— Где? — спросил я.

— Да вот здесь, — ответил Джонатан, указывая на обрыв, по моему мнению, практически отвесно спускавшийся к берегу моря с шестисотфутовой высоты.

Мне не раз в самых различных уголках Земли доводилось испытывать страх, но спуск с этой скалы по силе ощущений значительно превосходил все мои прежние опыты. Остальные члены съемочной группы спускались по едва различимой тропе так, словно перед ними была широкая, ровная дорога. Я же сползал на животе, отчаянно цепляясь за пучки травы и мелких растений, крохотными шажками продвигаясь вперед и изо всех сил стараясь не смотреть вниз на почти отвесную скалу. Руки и ноги у меня дрожали, я обливался потом. Это было ужасное зрелище, я стыдился сам себя, но ничего не мог с собой поделать. Страх высоты излечить невозможно. Когда я добрался до берега, мои ноги дрожали так сильно, что мне пришлось десять минут посидеть, прежде чем я смог идти. Не сдерживаясь в выражениях, я высказал Джонатану все, что я думаю о нем и о его предках, а также предложил несколько — к сожалению, неисполнимых на практике — действий, которые он мог бы произвести над собой.

— Что ж, ты отлично спустился, — невозмутимо ответил он. — А теперь подумаем о том, как будем подниматься».

Впоследствии Джеральд говорил, что эта скача отнята у него десять лет жизни. «Когда Джерри впадал в ярость, это было совсем не смешно, — вспоминал Джонатан Харрис. — На Шетландских островах он буквально вышел из себя. Во второй раз это случилось, когда Ли сплавлялась на плоту по кипящей реке Вай. Я сделал несколько дублей. Джерри все это время был очень напряжен. Когда я предложил снять еще один дубль, у него прямо крыша поехала. В ярости он напоминал извергающийся Везувий».

Но Джонатан полюбил Джеральда с первого взгляда. «Он понравился мне сразу же, — вспоминал он. — Он не всегда был милым и приятным. Очень часто он впадал в ярость и тогда мог говорить ужасные вещи, но в нем было обаяние, которому невозможно было противиться. И хотя мой отец был жив, я часто видел в нем отца. Джеральд ужасно гордился Ли, своей очаровательной молодой женой. В телевидении он был не слишком силен, это была не его вотчина. Но это его не беспокоило. Многие считали, что Джерри снимается на телевидении только для того, чтобы заработать деньги на жизнь и любимую работу. Но это было не так. Джерри был творческим человеком, ему нужна была публика, он хотел показать себя. Ему очень нравилась возможность

донести свои мысли до миллионов телезрителей, многие из которых не читали его книг. Но телевизионные боссы никогда не считали его первоклассной звездой. Во-первых, он был очень слаб. Работать с ним можно было всего четыре часа в день. Он любил устраивать перерывы и долгую сиесту (к радости остальных членов съемочной группы), а потом съемки продолжались до вечера. Самым сложным в нашей работе было снимать животных, а потом монтировать эти кадры в сцены с участием людей. Когда я начинал ворчать по поводу того, что животные слишком непредсказуемы, Джеральд всегда отвечал: «Животные не подписывали контракт).

В конце июля Джеральд и Ли вернулись на Джерси вместе со всей съемочной группой, чтобы закончить фильм, съемки которого были начаты на Шетлендских островах. С 9 августа по 2 сентября они были в Замбии, выезжая на пару дней в Зимбабве. В Замбии Джеральд снова увидел гиппопотамов в естественных условиях. «У них восхитительные розовые задницы, как у епископов, — вспоминал Джеральд. — Гиппопотамы невероятно стыдливы и вечно отворачиваются от вас, выставляя напоказ свои огромные задницы. А потом они припускаются бежать на цыпочках, как упитанные дамы в обтягивающих юбках, пытающиеся догнать отправляющийся автобус. Я никогда не думал, что бегемоты так очаровательны».

13 августа, пока Джеральд был за границей, его непутевый брат Лесли, называвший себя гражданским инженером, но на самом деле работавший швейцаром в доме возле Марбл-Арч, умер от сердечного приступа в пабе неподалеку от дома в Ноттинг-Хилл. Ему было шестьдесят пять лет. Никто из семьи не присутствовал на похоронах. Джеральд находился в Замбии, Маргарет, иногда навещавшая Лесли и Дорис в Лондоне, приходила в себя после тяжелой операции. Оплакивали несчастного Лесли только его верная, многострадальная жена Дорис и ее сын, Майкл Холл, который по-прежнему жил в Кении. Мария Кондос, всегда любившая Лесли и родившая ему сына много лет назад, теперь жила в собственном мире — она страдала болезнью Альцгеймера.

Как только Дарреллы вернулись из Африки, они тут же занялись съемками «Натуралиста-любителя», которые продолжались до начала декабря. В середине сентября съемочная группа отправилась в Арль снимать болота Камарга. Конец октября был посвящен съемкам фильма о лесах, которые проходили в районе Нью-Форест. В начале ноября должна была сниматься программа о пустынях, но начало съемок пришлось отложить, так как Джеральду был нужен отдых. Дарреллы вернулись на Джерси. 1 ноября 1982 года Дэвид Нивен написал Джеральду из Швейцарии: «Умоляю тебя только об одном: не перегружайся. Могу заявить тебе с полной ответственностью, что если резинку слишком растянуть, она уже никогда не будет прежней! P.S. Как там мой волосатый крестник?»

К этому моменту книга, по которой снимался сериал, уже вышла в Британии в издательстве «Хэмиш Хэмилтон». Джеральд не мог представить себе лучшего критика, чем Тео Стефанидес, который и вдохновил его на написание этой книги. Он отправил своему старому наставнику подписанный экземпляр «Натуралиста-любителя». Тео, который теперь жил в доме своей бывшей жены в Килбурне, был глубоко тронут. «Замечательный день! — записал он в своем дневнике. — Как бы мне хотелось иметь такую книгу, когда я впервые очутился на Корфу в возрасте семи лет!»

Книга и в самом деле получилась замечательной. Она была переведена на множество языков. Ею можно было пользоваться и на Карибских островах, и в тундре. Критика встретила «Натуралиста-любителя» восторженно. «Прелесть этой книги в том, — писал тринидадский журналист, — что вам не нужно тащиться в Эль-Тукухе, или переходить вброд болота Карони, Наривы и Оропуче, или продираться через тропические леса, чтобы познакомиться с природой Тринидада и Тобаго... Читать эту книгу легко, написана она очень увлекательно... Мы все — молодежь, люди среднего возраста и старики — должны больше узнать о природе. Это особенно важно сейчас, когда лесные пожары, причиной которых становится человек, наносят огромный ущерб тростниковым зарослям и лесам, покрывающим холмы нашей страны». На другом конце Земли, в Южной Африке, «Натуралиста-любителя» назвали «книгой, которая должна быть в любой библиотеке». На севере «Айриш таймс» назвала эту книгу прекрасным средством, способным устранить постыдное пренебрежение естественной историей родной страны в ирландских школах. «Даррелл путешествует по всему миру. Он внимательно смотрит и слушает. В этой книге он раскрывается перед читателем как натуралист и как специалист по охране окружающей среды... «Натуралист-любитель» открывает читателю новый, удивительный мир, который завораживает и детей, и взрослых. Умение удивляться чудесам живой природы — величайший дар жизни!» Пятнадцать лет спустя, когда было продано полтора миллиона экземпляров этой книги, а число читателей, взявших ее в библиотеке, исчислялось несколькими миллионами, она по-прежнему оставалась «лучшим подарком» во всем мире.

20 ноября Джеральд и Ли отправились в Панаму снимать программу о рифах и тропических лесах. Этот фильм должен был стать последним в этом году. Даже перелет не смог омрачить радости Джеральда от новой встречи с тропиками. Он мечтал снова увидеть ярких колибри, огромных бабочек и вдохнуть «влажный, ароматный горячий воздух, подобный аромату сливового пирога, только что вынутого из печки, который сразу же говорит вам о том, что вы попали в самый богатый район Земли».

Режиссером этого фильма стал Алистер Браун, работавший с Джеральдом и Ли над «Ковчегом в пути». Съемки значительно осложнились, так как Алистер обладал весьма удивительной манерой общения. Он говорил в телеграфном стиле, бросая полуфразы, никак не связанные между собой.

— Долетели? — сказал он Джеральду при первой встрече. — Хорошо. Я думаю... вы знаете... Сначала Сан-Блас. Рифы... или нет... леса, рыбы похожи на птиц, только без крыльев. Вы так не думаете? Итак, острова... прелестно... вы не... посмотрим, когда доберемся. А потом мы отправимся на Барро-Колорадо, да?

Продюсеру фильма, Пауле Квигли, пришлось переводить. Как и во время съемок «Ковчега в пути», Паула оставалась движущей силой всего процесса. Джеральд называл ее «Квиггерс». Это была «стройная, маленькая женщина, с копной темных кудрявых волос, курносым носом, словно у пекинеса, любопытными глазами, которые могли быть сразу и голубыми и зелеными, длинными ресницами, подобные которым есть только у жирафов, приятным, женственным сопрано, способным достигать невероятной громкости, что очень выручало нас, поскольку в бюджете съемочной группы расходы на мегафон не были предусмотрены».

— Дорогой, Алистер говорит, — объяснила Паула, — что если мы попытаемся сравнить рифы с лесами, то он считает, что рифы снимать гораздо труднее, так как это подводные съемки. Поэтому он предлагает, чтобы мы сначала отправились на острова Сан-Блас. Хорошо?

Если Германес был концом света, то крохотные острова Сан-Блас представлялись Джеральду земным раем. Он вспоминал:

«Я никогда не смогу привыкнуть к тому удивительному моменту, когда входишь в воду и опускаешь лицо в глубины тропического моря. Маска — это волшебная дверь: благодаря ей ты без малейших усилий попадаешь в магическую страну невероятной красоты... Опускаясь под воду, тебе приходится выучить новый язык. Ты постоянно спрашиваешь себя, почему эта рыба лежит на боку? А почему вон та встала на голову? Что так отчаянно защищает эта маленькая рыбка, и почему другая, как уличная девка, бесстыдно пристает ко всем другим рыбам?»

С островов Сан-Блас съемочная группа отправилась на остров Барро-Колорадо в Панамском канале. Расстояние было невелико, но они попали в совершенно другой мир. Джеральд снова попал во влажный, сводчатый полумрак тропического леса. «Восхитительный, сладкий аромат тропического леса окутал нас, — писал он. — Слабое благоухание миллионов цветов, тысяч и тысяч грибов и плодов, аромат миллиардов гниющих листьев перемешивались в кипящем, то умирающем, то снова возрождающемся лесном котле». Джеральд вернулся в мир под пологом девственного леса, в мир туканов с ярко-желтыми клювами, мир колибри, порхающих вокруг ярких цветов, в мир огромных бабочек, в мир гигантских муравьев, в мир воздушных корней великанов-деревьев, напоминающих колонны величественного собора.

Съемки проходили с приключениями. Черные обезьяны-ревуны отчаянно защищали свою территорию. Как только съемочная группа приблизилась, обезьяны подняли страшный шум. «У нас было впечатление, словно мы стоим в пустом бассейне и слушаем хор Советской Армии, каждый участник которого поет собственную песню, причем на монгольском языке». Когда это не, сработало, обезьяны принялись обстреливать людей экскрементами и ветками. Муравьи-листорезы отреагировали на появление съемочной группы с не меньшей яростью. Когда режиссер и местный охотник попытались преградить им путь, муравьи вообразили, что их ноги — это деревья, поползли по ним и пытались вцепиться в самые нежные части тела, считая, что это плоды леса.

Джеральд выступил в этом фильме от лица всех обитателей волшебного мира тропиков. Сорок три тысячи квадратных миль тропического леса уничтожаются ежегодно. Животные и растения исчезают раньше, чем их удается определить. Через восемьдесят пять лет на Земле может вообще не остаться тропических лесов. Огромная, самовосстанавливающаяся сокровищница человечества будет утрачена навсегда. Климат и природные условия целой планеты претерпят катастрофические изменения. «Мы ведем себя, как жадные, злобные и самовлюбленные дети, — говорил Джеральд миллионам телезрителей. — Это касается всех, вне зависимости от цвета кожи,

вероисповедания или политических убеждений. Если мы будем продолжать вести себя подобным образом, то наши дети никогда не увидят этот самый удивительный и важный в биологическом смысле регион нашей планеты. Тропические леса исчезнут, и никто больше не воспользуется его благами».

Больше полугода Дарреллы непрерывно переезжали с места на место. 19 декабря они покинули Панаму и отправились в Филадельфию. Здесь им предстояло провести ряд деловых встреч в дочерней организации Джерсийского Фонда — в Американском Фонде охраны дикой природы. На Рождество Дарреллы приехали в Мемфис, к родителям Ли. Именно здесь Джеральд узнал, что его удостоили великой чести — он стал кавалером ордена Британской Империи за свои заслуги в области охраны окружающей среды.

Уже в середине января Джеральд и Ли снова участвовали в съемках. На этот раз снималась программа о хвойных лесах Манитобы. В феврале им удалось немного передохнуть, вернуться на Джерси и заняться делами зоопарка и Фонда. Здесь Джеральд подписал соглашение с правительством Мадагаскара относительно осуществления природоохранных мер на этом острове. А кроме этого, в Букингемском дворце ему был торжественно вручен орден.

1—2 февраля 1983 года на Джерси проходила конференция по вопросу Мадагаскара. На ней присутствовали видные биологи и экологи из Австрии, Англии, Франции, Мадагаскара, Швейцарии и Соединенных Штатов. Председательствовали на конференции Ли и мадам Берта Ракотосамиманана, директор института научных исследований Мадагаскара. Джеральд был очень горд тем, что его жене доверили такое ответственное дело. «Я никогда не думал, — писал он родителям Ли 7 февраля, — что женился на плоде любви Адольфа Гитлера и Боадицеи. С самого начала она управляла конференцией железной рукой, а все участники беспрекословно подчинялись ее диктату».

«Суть встречи заключалась в том, — объяснял Джеральд, — что Мадагаскар привлекает множество иностранных ученых. И все они бросились к столу мадам Берты с просьбой разрешить им поработать на острове. Она не в состоянии понять, чья работа будет полезна для острова, а чья нет. В результате в течение последних семи лет она отказывала практически всем, что очень беспокоило научный мир и не шло на пользу природе Мадагаскара. Мы решили устроить эту конференцию с тем, чтобы наконец добиться практических решений».

«Это был настоящий триумф нашего Фонда и лично Ли. Все эти ученые, а также ряд международных организаций в течение десяти лет безуспешно пытались добиться хотя бы незначительных сдвигов в этой области, а тут за двадцать четыре часа ситуация сдвинулась с мертвой точки. Это было настоящим чудом! Мадам Берта привезла с собой соглашение между Фондом и правительством Мадагаскара, которое мы подписали. Теперь у нас есть карт-бланш на то, чтобы ловить на Мадагаскаре животных и привозить их на Джерси с целью создания жизнеспособных колоний. По этому соглашению мы обязаны ежегодно готовить в нашем центре двух малагасийцев. Это огромный успех, который всех нас очень радует!»

15 февраля 1983 года Джеральд получил свой орден в Букингемском дворце. Он был бесконечно горд, хотя постоянно подшучивал над собой. «Орден Британской Империи представляет собой красивый маленький крест, сделанный из золота, — писал он родителям Ли. — Так что, когда наступит черный день, мы с Ли сможем его продать...»

После торжественного приема во дворце Джеральд с Ли отправились на ленч к лорду Крайтону, одному из руководителей Джерсийского Фонда. Джеральд был удивлен количеством гостей, собравшихся возле ресторана. Среди них был Эмон Эндрюс, популярный телеведущий, создатель программы «Это ваша жизнь». Джеральд писал родителям Ли о том, что на этом ленче собрались все, кого он не видел в течение девяноста лет. Вместо небольшого обеда его отвезли на студию Би-би-си, заперли в маленькой комнатке, накормили сандвичами и напоили шампанским.

А потом началось настоящее шоу. На сцене появились секретарша Джеральда Джоан Портер, Кейт Уэллер, Джереми Маллинсон, Саймон Хикс, Шеи Маллет и Бетти Бойзард. Из Новой Зеландии прилетел Брайан Белл, а с Маврикия — Вахаб Овадалли и Юсуф Мангру. Всем присутствующим показали интервью с Ларри, который не смог присутствовать, так как снимался в другом фильме. Приглашена была и воспитательница Джеральда в детском саду, мисс Сквайрс («ей было уже восемьдесят семь, но выглядела она так, словно переживет всех нас»), Май Цеттерлинг, Дина Шеридан, сэр Питер Скотт, Маргарет и ее сын. Показали даже небольшой фрагмент интервью с Теодором Стефанидесом, который тоже не смог присутствовать из-за нездоровья.

А может быть, это была простая уловка. Джеральд был потрясен, когда настоящий Тео вышел на сцену — хрупкий, старый, но по-прежнему изысканно одетый и остроумный. Это было настоящее воссоединение учителя и ученика. Джеральд и Тео обнялись, как два старых друга, дружба которых длилась более полувека. Они понимали, что эта встреча может оказаться последней — так и оказалось. Джеральд взял Тео под руку, подвел его к камере и отсалютовал ему в знак триумфа и любви.

Настало время возвращаться к «Натуралисту-любителю». Следующие полгода Джеральд и Ли провели в дороге, переезжая с одного континента на другой. В марте они снимались в заповеднике Умфолози в Южной Африке, в апреле — уже в пустыне Сонора в Аризоне, в мае съемки проходили в Нью-Йорке («самом грязном, отвратительном, замусоренном, прекрасном и замечательном городе мира»). В Нью-Йорке Джеральд показывал своим зрителям природу города, кладбища, пустыря, городской улицы, трущоб, поля для гольфа и обычной квартиры. В июне съемки переместились в Англию, где основное внимание было уделено прудам, рекам и живым изгородям. Оттуда Даррелы уехали на Корфу, чтобы снять программу о садах. Дальше их путь лежал в Канаду, где они провели июль, август и начало сентября. В Торонто шел монтаж отснятых серий, а съемочная группа отправилась в горы, снимать хвойные леса Канады.

«Съемки «Натуралиста-любителя» были очень сложными, — вспоминала Паула Квигли. — Но я думаю, что Джерри получил удовольствие от этих полутора лет (и я в этом убеждена, потому что именно я доставала для него виски!). У нас была великолепная, очень контактная съемочная группа. Джерри знал, что он хорошо получился, а съемки животных вообще были первоклассными. К Ли относились очень серьезно (в «Ковчеге в пути» ей отводилась лишь второстепенная роль). Мы все уважали ее знания и с почтением относились к миссис Даррелл. Думаю, он знал, что сможет написать об этих съемках чертовски увлекательную книгу».

Самым счастливым моментом съемок были дни, проведенные на Корфу. Джеральд впервые вернулся на остров своего детства после нервного срыва 1968 года. «На Корфу Джерри был совершенно замечательным. Он снова вернулся в свое детство», — вспоминала Паула Квигли. Многие сцены снимались поблизости от белоснежно-белого дома в Пераме. Дом стал не белым, он облез и потрескался. Но на террасе этого дома Джеральд вдохновенно рассказал о радостях, доступных любому натуралисту-любителю. Потом он показал расписных черепашек-террапинов в своем любимом пруду, поймал ящерицу в оливковой роще, плавал на лодке вдоль побережья, объяснял, как разводить мучных червей, показывал обитателей морских отмелей, рассматривал каплю воды под старинным медным микроскопом, которым он пользовался на Корфу в детстве, и всячески расхваливал запущенные сады, похожие на тот, что окружал белоснежно-белый дом.

Куда бы он ни отправился, везде его встречали, как вернувшегося после разлуки родственника. «Люди обнимали его, — вспоминала Паула. — Они знали его много лет назад и были счастливы, что он вернулся. Это было невероятно. Я не понимала, как много людей связывают свое благополучие с его книгами. Они верили, что только ему обязаны тем, что имеют. Однажды мы отправились в загородный ресторан на торжественный обед, устроенный в честь Джерри корфиотской семьей, с которой он был давно знаком. После обеда мы отправились на прогулку, как вдруг мужчина примерно того же возраста, что и Джерри, вышел из-за дома и целеустремленно направился к нему, полагая, что тот не узнает его. Но Джерри узнал его — они дружили в детстве. Мужчины обнялись и заговорили по-гречески. Грек был глубоко растроган тем, что Джерри его узнал. Это было очень трогательно!»

Снимая свой фильм, Джеральд и Ли исколесили полмира. Они проехали сорок девять тысяч миль и использовали при этом почти все виды транспорта, доступные человеку. Только в Англии они летали на воздушном шаре, плавали на весельной лодке, ездили на велосипеде и паровозе, и даже ходили по воде на специальных лыжах, «придуманных каким-то безумным изобретателем». («Если все закончится благополучно, — писал Джеральд, — мне придется изменить свое второе имя с «Малькольма» на «Оливера», чтобы мои инициалы более соответствовали моим способностям и моей деятельности (GOD — по-английски означает «бог»).

В Нью-Йорке съемочной группе пришлось столкнуться с весьма опасным человеком. Джеральд рассказал об этой встрече с присущим ему чувством юмора.

Чтобы показать, как быстро природа берет свое, съемочная группа отправилась на грязный, загаженный пустырь на углу 87-й улицы. С собой они привезли вишневые ветви с живыми гусеницами коконопрядов — основных вредителей в Соединенных Штатах, но, по мнению Джеральда, «не менее интересных созданий, чем сами люди». Помощники любовно разместили

гусениц на ветках вишневого деревца, отчаянно боровшегося за жизнь в центре города. Тут они заметили, что за их действиями внимательно следит местная жительница.

— Что это вы тут делаете? — спросила женщина, безжалостно втиснутая в тесный джинсовый костюм.

— Мы снимаем фильм о городской природе, — объяснила Паула. — Мы хотим показать, что даже в таком большом городе, как Нью-Йорк, можно найти уголок живой природы.

— Затем вы и притащили сюда этих клопов?

— Да, — приветливо ответила Паула. — Они называются коконопрядами.

— Здесь их раньше не было, — заметила женщина. — Вы их принесли.

— Да, — согласилась Паула. — Раньше их здесь не было, и нам пришлось принести их для съемок.

— Если их здесь не было, какого черта вы их притащили?

— Для фильма, — отрезал Алистер Браун, пытавшийся сосредоточиться на том, будет ли лучше, если заставить гусениц ползти справа налево, или все же предпочтительнее, чтобы они ползли слева направо.

— Это обман! — возмутилась женщина, выходя из апатии. — Вы притащили их, хотя они здесь не живут. Это обман! Вы притащили этих клопов специально!

— Конечно, мы сделали это специально, — раздраженно откликнулся Алистер. — Если бы мы их не притащили, нам нечего было бы здесь снимать.

— Это обман, — гнула свое женщина. — Это неправда!

— Понимаете, мадам, — решил взять на себя роль миротворца Джеральд, — 90% фильмов о живой природе, снятых на студии Диснея, это обман. Любые съемки — это мошенничество.

— Уолт Дисней — не мошенник, — убежденно возразила женщина. — Уолт Дисней американец. А вот вы мошенники, да еще пытаетесь обмануть американцев.

— У нас есть разрешение мэрии, — сказала Паула.

— А есть ли у вас разрешение ассоциации 87-й улицы? — Дама раздулась, словно индейка.

К этому времени вокруг съемочной группы уже собрались другие жители 87-й улицы. Они кричали, что не потерпят мошенничества. И не потерпят паршивых клопов на своей улице. Уже стемнело, и съемочной группе пришлось собрать оборудование и убрать коконопрядов в фургон. «Каким бы досадным и неприятным ни было это происшествие, — писал Джеральд, — оно доставило мне искреннее удовольствие. Было приятно осознавать, что в этом гигантском, нахальном и равнодушном городе живут люди, которые готовы защищать свой несчастный, загаженный собаками пустырь».

В разгар съемок пришла печальная новость. Тео Стефанидес, сыгравший в жизни Джеральда столь важную роль, умер во сне 13 апреля 1983 года в возрасте восьмидесяти трех лет. Джеральд написал об этом Ларри: «Теодор умер — исчез еще один динозавр. Он умер спокойно. Он оставил письмо главному врачу больницы, в котором завещал свои глаза и другие органы для медицинских целей, но в постскриптуме указал, что сделать это можно будет только после того, как они будут полностью убеждены в том, что он мертв. Тео ушел без слез и жалоб, с доброй викторианской шуткой на устах».

Алан Томас написал Джеральду 19 апреля. Он присутствовал на похоронах от лица всех Даррелов.

«Какая пустота образовалась в наших жизнях после его ухода. Я знал его в течение пятидесяти лет. Широта его интересов и его опыт были не сравнимы ни с одним из тех, кого я знаю. Когда мы приглашали гостей, именитые профессора интересовались его мнением об эзотерических аспектах классического образования, а простые рабочие слушали его бесконечные истории. Их интересовало не то, что он знал, а то, каким он был. Он повзрослел на Корфу еще до 1914 года. Он являл собой совершенное воплощение классической культуры, сформировавшейся в спокойном, ленивом, дружелюбном мире, какого нам уже никогда не увидеть. Нам повезло, что мы смогли соприкоснуться с этим миром через Тео. Именно оттуда шла его доброта, его чувство юмора, его скромность. Он был смиренным в том смысле этого слова, который доступен лишь великим людям. Не могу представить, Джерри, какую утрату ты понес. Успокой себя тем, что благодаря тебе Тео обрел бессмертие. Люди со всех концов Земли узнали и полюбили его по твоим книгам. Его полюбят даже те, кто еще не родился».

В память самого важного человека в своей жизни Джеральд создал специальный фонд на Джерси. Пожертвования в «Фонд Тео» использовались на посадку деревьев на территории Джерсийского Фонда, а также на образование. Джеральд, как и Тео, страстно хотел, чтобы дети интересовались живой природой. Свою последнюю книгу «Натуралист-любитель» Джеральд посвятил человеку, указавшему ему путь в жизни: «Своему наставнику и другу, без помощи которого я бы никогда ничего не достиг». Ли, со своей стороны, посвятила книгу своему деду, оказавшему не меньшее влияние на ее жизнь, «особенно за постройку роскошных клеток для моих животных».

9 сентября состоялся предварительный просмотр «Натуралиста-любителя» в Лондоне. Отзывы критиков были восторженными. «Думаю, вам удалось создать выдающийся сериал, — писал Джеральду и Ли дистрибьютор Ричард Прайс. — Вы отлично поработали, и мне кажется, у вас получился очень интересный и познавательный фильм. Убежден, что он встретит самый теплый прием по обе стороны Атлантики». Фильму была суждена еще более счастливая судьба. Он был показан в сорока странах мира, и его увидели 150 миллионов зрителей.

В Англии «Натуралист-любитель» был показан по 4-му каналу 23 сентября 1983 года. Как и книга, по которой он был создан, фильм получил самые восторженные отзывы критиков и журналистов. «Натуралист-любитель» буквально излучает самый удивительный свет — блеск глаз ребенка, открывающего для себя новый мир», — писала канадская газета «Торонто глоуб энд Мейл». «Этот сериал ненавязчиво, но твердо выступает против предубеждений — предубеждений в отношении змей, комаров, пауков, крыс — и женщин», — так отозвалась о фильме «Тайме эдьюкейшенл сапплмент». Джонатан Харрис снискал похвалы за режиссерскую работу и за прекрасное ощущение «атмосферы». «Даррелы — первоклассные актеры», — писала «Санди телеграф». «Джеральд Даррелл является признанным главой телевизионных натуралистов», — подхватывала «Гардиан».

Пат Фернс хотел, чтобы Джеральд и Ли согласились работать над новым международным проектом — тринадцатисерийным сериалом «Даррелл в России» — как можно быстрее. Основная концепция была незамысловатой. Джеральд и Ли могли реализовать свою давнюю мечту и ознакомиться с охраной и разведением в неволе диких животных на огромных просторах Советского Союза — от ледяных пустынь Арктики до пустынь Центральной Азии.

Но хотя концепция была простой, осуществить ее оказалось нелегко. Практические трудности съемок в Советском Союзе не позволяли придерживаться сценария и искать возможности наилучшим образом воплотить замысел в реальность. Им предстояло все решать на месте. «Я считаю, что это будет увлекательным приключением, — писал Пат Фернс Джеральду в январе 1984 года. — Это настоящее событие, и роль режиссера заключается в том, чтобы отразить это событие: все успехи, все провалы, все беспокойства и все радости. До съемок осталось очень немного времени, чтобы написать полноценный сценарий. Поэтому основная работа нам предстоит при монтаже. Особенное внимание придется уделить закадровому тексту. На этот раз мы будем снимать не фильм о естественной истории, но поводом для съемок будет живая природа и ваше отношение к охране природы во всем мире».

15 марта Джон Хартли и предполагаемый режиссер будущего сериала Джонатан Харрис (к тому времени женившийся на Пауле Квигли) отправились в СССР. Русские встретили их с энтузиазмом. Им стало ясно, что имя Даррелла откроет им все двери, даже наглухо закрытые в прошлом. Но просмотр документальных фильмов, снятых советскими операторами, в Москве показал, что советские документалисты значительно уступают своим британским коллегам — и по технике съемок, и в этическом отношении. Фильм, в котором волки раздирают в клочья связанного барана, ужаснул англичан. Качество советского материала было совершенно неудовлетворительным. Стало ясно, что придется приезжать с собственной съемочной группой.

Но Джонатан Харрис не смог принять участие в проекте. Он рассорился с Патом Фернсом, считая, что вмешательство советской бюрократии и недостаточное финансирование не позволят этому фильму даже приблизиться к «Натуралисту-любителю». «После весьма бурного выяснения отношений, — вспоминал Фернс, — я был вынужден попросить Харриса и Хартли уйти, чтобы мы с Джеральдом и Ли смогли обсудить идею фильма о России. К счастью, этот день оказался для меня удачным. В июле я вернулся в Москву для переговоров. Я считаю, что путешествие по Советскому Союзу было самым увлекательным приключением в жизни Джерри. Несмотря на проблемы со здоровьем, он смог увидеть ту часть света, куда и не мечтал попасть». Место Харриса занял другой канадский режиссер, Пол Ланг.

Недостаток финансирования не касался Джеральда и Ли. Фернс предложил им гонорар в размере 350 тысяч канадских долларов за сериал. Книги и телевизионные фильмы, вышедшие в

начале восьмидесятых годов, существенно поправили финансовое положение Джеральда. «В телевизионном мире Джерри долгое время недооценивали, — вспоминала Паула Квигли. — До Пата Фернса он почти не появлялся на телеэкране после древних черно-белых фильмов. Иногда его приглашали на ток-шоу с целью рекламы его книг. Но теперь каждый год он выпускал большой телевизионный сериал. Эти фильмы способствовали укреплению его собственной репутации и репутации его зоопарка и Фонда. Немаловажными эти фильмы были и для Ли. Ли была очень красива перед камерой, она умела использовать свою красоту. Они с Джеральдом составляли идеальную пару. Это укрепило их отношения и предоставило Ли независимость. Разумеется, Джерри заработал кучу денег на этих фильмах. Это было очень важно, потому что ему вечно не хватало средств. Деньги позволили ему отремонтировать его французскую ферму и повидать мир, не думая постоянно об оплате счетов. Теперь он мог писать новую книгу — в материале недостатка он не испытывал».

1984 год ознаменовался двойным празднованием — двадцать первой годовщиной создания Джерсийского Фонда и двадцатипятилетием зоопарка. Это было совершеннолетие и серебряный юбилей. Им было что отпраздновать. За последние годы Фонд добился существенного прогресса. Удалось осуществить такие программы, о которых Джеральд и не мечтал. Стало ясно, что зоопарки могут и должны быть основными частями программы сохранения исчезающих видов, особенно в части разведения диких животных в неволе. Помимо работы на Джерси, Фонд создал центры по разведению диких животных в разных странах, подготовил и продолжал готовить специалистов для работы в них. В конце 1984 года планировалось выпустить выращенных на Джерси розовых голубей на Маврикии. Впервые птица, находившаяся на грани исчезновения, возвращалась в среду естественного обитания.

Предстоящие празднества стали настоящим событием. Принцесса согласилась открыть Международный подготовительный центр, а кульминацией праздника должен был стать Фестиваль Животных. Утром торжественного дня состоялась церемония открытия центра, затем обед, прием и ужин в честь покровительницы Фонда принцессы Анны. А вечером прошел Фестиваль Животных. В зоопарке провели день молодняка, день матери (и бабушки), выставку картин. Местное телевидение подготовило специальную программу. Была изготовлена памятная марка, а местные пивовары сварили специальное пиво. Мероприятие носило благотворительный характер. Для ярмарки были специально сделаны гранитные додо, корзинки и скатерти с розовыми голубями, наборы рюмок и бокалов с соответствующей случаю символикой.

Никто из сотрудников Фонда и зоопарка ранее не принимал участия в столь масштабном мероприятии. Вся тяжесть подготовки легла на плечи секретаря Фонда, Саймона Хикса. Джеральд был занят подготовкой концепции праздника и уговаривал принцессу принять в нем участие. Все детали следовало продумать за несколько месяцев до мероприятия. Это было связано с рядом проблем, о чем Джеральд писал Хэлу и Харриет Макджордж:

«Когда мы отправили свои соображения во дворец, нам немедленно позвонил встревоженный секретарь, который сообщил, что никто из членов королевской семьи не может согласиться на мероприятие, о котором извещают менее чем за полгода. Секретарь сомневался, что принцесса Анна захочет остаться на вечер, но все же он предложил нам приехать во дворец и обсудить все с ее королевским высочеством лично. Мы начистили ботинки, вымыли шеи и отправились во дворец. Секретарь принцессы проводил нас в комнату, которую я принял за картинную галерею, но, к моей радости, в углу обнаружился письменный стол. Ее королевское высочество поздоровалась с нами, проводила к креслам и дивану и предложила располагаться. Кроме нас, на встрече никто не присутствовал. Мы беседовали больше часа, и, хотя я был знаком с ней и прежде, у меня сложилось самое прекрасное впечатление об этой женщине. Меня просто очаровали ее неподражаемое чувство юмора и ум, острый, словно бритва. Она не только согласилась со всеми нашими предложениями, но и сделала несколько полезных замечаний. К примеру, она указала нам на то, что поскольку мы, вероятно, хотели бы, чтобы она на открытии выглядела наилучшим образом, то ей будет разумно приехать за день до церемонии».

И вот торжественный день настал. 5 октября Даррелл писал:

«Принцесса Анна, ослепительно красивая и торжественная, открыла наш Подготовительный центр, а затем побеседовала с сотрудниками Центра, членами американского Фонда охраны дикой природы (многие из которых жертвовали деньги на постройку этого Центра), а также с первыми студентами. Затем принцесса на автомобиле доехала до зоопарка и появилась во внутреннем дворе, где ее прибытия уже ожидали сотни людей. Как только кортеж принцессы выехал из ворот

Подготовительного центра, мы с Ли немедленно бросились к машине Джереми и помчались в поместье кратчайшей дорогой. Поэтому, когда «Роллс-Ройс» принцессы подъехал к главному дому, мы с Ли уже стояли в дверях».

Принцесса захотела осмотреть павильон, где содержались гориллы, К счастью, ни Джеральд, ни принцесса не представляли, какая суматоха творилась в павильоне приматов в рамках подготовки к сиятельному визиту. За четыре минуты до прибытия принцессы детеныш гориллы Мотаба ухитрился просунуть свою головку между прутьями клетки, намертво застрял и принялся отчаянно кричать и визжать. Заметив бедственное положение своего отпрыска, его родители, Джамбо и Ненди, начали кричать еще сильнее. Джамбо решил освободить сыночка, с силой потянув его за ноги. Поняв, что таким образом может получить безголового сынка, Джамбо передумал дергать Мотабу за ноги и вместо этого подпер его снизу широченной ладонью. Смотритель павильона приматов Ричард Джонстон-Скотт с ужасом наблюдал за тем, как колонна зонтиков неуклонно приближается к павильону, пол которого представлял собой одну огромную навозную кучу, так как гориллы в состоянии возбуждения всегда обильно мочатся и испражняются. Когда Джеральд узнал о произошедшем, он подумал о том, что бы он мог сказать принцессе в подобной ситуации.

«О да, — сказал бы я, — мы всегда позволяем нашим гориллам ходить по колено в экскрементах. Им это страшно нравится. А почему вон тот малыш болтается на решетке, словно висельник? Да, гориллы часто так поступают... Это... это у них такая привычка... Да, да, очень любопытная привычка».

Но, к счастью, малыш, подпертый снизу отцовской дланью, сумел подняться повыше, нашел более широкий просвет между прутьями, вытащил головку и спустился как раз в тот момент, когда в павильон вошли Джеральд и принцесса. Правда, с навозом сделать так ничего и не удалось.

«Все прошло замечательно, принцессе очень понравился наш зоопарк, — вспоминал Джеральд. — Мы старались держаться как можно более непринужденно, и Анна оценила наши усилия по достоинству. Потом она отбыла в столицу острова на королевском «Роллсе», а у нас оказалось двадцать пять минут на то, чтобы переодеться, причесаться, помыть руки и примчаться на торжественный обед, который должен был состояться в «Отеле де Франс» в Сент-Хелльере. На обеде присутствовало 600 гостей (члены Фонда со всех концов света, местные жертвователи и т. д.). И снова мы попытались свести формальности к минимуму. В конце обеда я поднялся и произнес краткую благодарственную речь. После меня встала принцесса и, несмотря на то что я отчаянно заливался краской, произнесла весьма лестный отзыв о моей работе».

«Сегодня мы чествуем замечательного человека, — сказала принцесса, — и его уникальную организацию. Ему удалось воплотить свою мечту в жизнь здесь, на Джерси, и во всем мире. На протяжении всей жизни он сохранял огромную целеустремленность, чувство юмора и невероятное обаяние. Я хочу поздравить всех, кто своими усилиями способствовал воплощению этой мечты в жизнь, мечты, которая теперь стала неотъемлемой частью борьбы за сохранение редких животных во всем мире. В частности, я хочу поздравить человека, который создал зоопарк и Фонд и добился всеобщего уважения и всемирного признания. В знак нашей благодарности я хочу преподнести ему небольшой подарок от лица сотрудников зоопарка».

С этими словами принцесса протянула Джеральду небольшую бархатную коробочку. Внутри лежал серебряный спичечный коробок, а внутри коробка лежала позолоченная скорпиониха, на спине которой разместились крохотные скорпиончики. Это было напоминанием о самом известном случае, описанном в книге «Моя семья и другие звери». «Я был настолько изумлен и растроган этим жестом со стороны моих неграмотных, недостойных и жестокосердных сотрудников, — вспоминал Джеральд, — что, сев на свое место, я через голову принцессы Анны сказал нашему председателю, который сидел по другую сторону от высочайшей гостьи: «Какой несчастный идиот это придумал?» Тут я заметил, что принцесса смотрит на меня, мягко говоря, с изумлением, и понял, что эта идея принадлежит ей. «Прошу меня простить, ваше королевское высочество», — пробормотал я. «Все в порядке, — успокоила меня эта замечательная женщина. — Я не понимаю по-французски». Но позже она все же сказала губернатору: «Знаете что? Этот нахальный тип обругал меня».

Вечером в огромном зале Форт-Регента в Сент-Хелльере прошел Фестиваль Животных. Все утро участники концерта — знаменитые и неизвестные, профессионалы и любители, взрослые и дети — репетировали свои роли. Теперь все было готово. Джеральд вышел на сцену в сопровождении двух четырехлетних дочерей-близняшек Саймона Хикса, наряженных дронтами.

«Ваше королевское высочество, леди и джентльмены, — начал он. — Добро пожаловать на Фестиваль Животных. Как вы видите, я пришел в сопровождении двух вполне оперившихся дронтов.

К сожалению, получить потомство от этой пары вряд ли удастся. Но полагаю, вам будет интересно узнать, что когда дронт, символ нашего Фонда, был обнаружен на острове Мадагаскар, эти птицы были вывезены в Индию и в Европу. Если бы в то время существовали организации, подобные Джерсийскому Фонду охраны дикой природы, дронты до сих пор жили бы рядом с нами. Сегодня мы собираемся показать вам, как другие животные, живущие на этой планете рядом с человеком, воздействуют на него. Мы хотим отпраздновать то, что нам представилась возможность разделить этот мир со столь прекрасными, замечательными созданиями».

Концерт был рассчитан на два часа, но шел все три. Никто даже и не заметил — все были в восторге, и зрители, и сами участники. Открывали программу школьники младших классов из местных школ. Они пропели веселую песенку, посвященную Джерсийскому зоопарку, под весьма серьезным названием «Не позволяйте им сделать то, что они сделали с дронтом». Затем учащиеся Королевской балетной школы исполнили танец цыплят. Джерсийский детский музыкальный театр представил джазовую ораторию по мотивам произведений А. А. Милна. Джонни Моррис, Исла Сент-Клер, Майкл Одерн, Дина Шеридан, Дэвид Шеперд, Дэвид Беллами и Дэвид Эттенборо рассказали и спели о животных в меру своих сил. Затем была показана замечательная пантомима «Болотные твари», а Иегуди Менухин продирижировал молодежным оркестром Джерси.

Всех растрогала заключительная часть концерта, когда Элизабет Перри исполнила скрипичную пьесу «Полет жаворонка». Нежные звуки скрипки растаяли в полной тишине. А затем раздались бурные аплодисменты.

Задуманный Джеральдом и осуществленный Саймоном Хиксом праздник на маленьком острове сделал бы честь любым торжествам Вест-Энда. «Принцесса Анна несколько раз говорила мне, что наш праздник ей очень понравился», — с гордостью писал Джеральд родителям Ли в Америку. Сотни гостей прислали на Джерси благодарственные письма. «Теплота и любовь, которые я ощутил этим вечером, просто незабываемы, — писал Дэвид Шеперд. — Это чудесно, чудесно — и полностью заслуженно. Господь не смог бы помочь своим созданиям, если бы не было таких людей, как ты, старый хрыч. Благослови тебя бог!» Старинный приятель Джеральда Алан Томас писал: «Никто из людей, за исключением только твоих брата и сестры, не следил за твоей карьерой так внимательно и любовно, как я. Мне было очень удобно наблюдать за тобой и принцессой Анной во время обеда. Я видел, что вам очень хорошо вместе, что твои шутки ее веселят. Ты поймал мой взгляд и поднял бокал в знак дружбы и любви. Не боюсь показаться сентиментальным и скажу, что в эти два дня к моим глазам часто подступали слезы при виде твоего триумфа. Какое счастье видеть, что твои мечты наконец-то осуществились. И пусть теперь так будет всегда!»

Праздники завершились 11 октября торжественной мессой. Это было очень радостное и значительное событие. Несмотря на все веселье предыдущих дней, присутствующие сознавали, что празднование проходит в разгар холокоста животного мира. Джеральд прочел выдержку из послания вождя одного из племен американских индейцев к своим подданным относительно того, что индейцы уступают свои земли белым людям. Слова давно умершего индейского вождя глубоко тронули сердце. В 1854 году этот крик боли, это наставление из сердца пустыни осталось неуслышанным. Сейчас, 130 лет спустя, справедливость этих слов была просто поразительной. Это был настоящий гимн в честь тех, кто ведет неустанную борьбу во всем мире. Вождь из Сиэттла видел тысячи гниющих бизоньих туш в прерии. Их подстрелили белые люди, проезжая мимо стад на поезде.

«Может быть, это происходит от того, что я дик и не понимаю.

Что есть человек без зверей? Если все звери погибнут, люди умрут от духовного одиночества. То, что происходит со зверями, очень скоро произойдет и с людьми. Все в этом мире взаимосвязано.

Учите своих детей тому, чему мы учили своих детей. Земля — наша мать. То, что произойдет с землей, очень скоро случится и с сыновьями земли. Если человек плюет на землю, он плюет на самого себя.

Мы это знаем. Земля не принадлежит человеку — человек принадлежит земле. Мы это знаем. Все в этом мире взаимосвязано, как кровь связывает членов одной семьи. Все в мире взаимосвязано.

Что произойдет с землей, случится и с сыновьями земли. Человек не властен ткать паутину жизни. Он является лишь одной ее ниточкой. То, что он делает с паутиной, делает он и с самим собой.

Когда последний краснокожий исчезнет с лица земли и память о нем останется лишь тенью облака, скользнувшего над прерией, эти леса и степи сохранят дух моего народа. Мой народ любил эту землю, как новорожденный любит стук материнского сердца.

Если мы продадим вам нашу землю, любите ее так же, как любили ее мы. Заботьтесь о ней, как заботились о ней мы. Помните о ее прошлом, когда получите ее. Приложите все свои силы, весь разум и все сердце, чтобы сохранить ее для своих детей. И любите ее, как бог любит всех нас.
Мы знаем лишь одно. Наш бог един с вашим. Эта земля принадлежит ему. Даже белый человек не сможет избежать общей судьбы. Все мы братья. И все мы в руке божьей».

Голос Джеральда, низкий, проникнутый глубоким чувством, умолк под сводами собора. Он отвернулся и спустился с кафедры.

Через три дня он отправился на восток, в страну, занимающую шестую часть суши. Что происходит с природой в СССР? Захотят ли жители этой страны быть братьями всему миру?

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

В РОССИЮ С ЛИ: 1984-1985

Советский Союз для Джеральда Даррелла был *terra incognita.* На просторах этой страны обитало множество диких животных, практически неизвестных внешнему миру. Редчайшие виды животных охранялись довольно успешно. В этой стране осуществлялись природоохранные мероприятия, начавшиеся сразу же после революции.

Из-за громадных размеров Советского Союза путешественники с Запада почти не имели возможности увидеть наиболее отдаленные и неизвестные уголки страны. Советский Союз в 1984 году оставался супердержавой, монолитным, тоталитарным, полицейским государством. Но Джеральд понял, что за тонкой коммунистической перегородкой здесь жили дружелюбные, открытые, веселые, изголодавшиеся по свободе люди, — люди, которые были близки душе и сердцу Джеральда. Он сразу же ощутил инстинктивное братство с этими людьми — возможно, благодаря пристрастию матушки России к алкоголю.

22 октября 1984 года Джеральд и Ли вылетели в Москву в сопровождении Джона Хартли и съемочной группы, состоявшей из шести человек. План поездки был довольно напряженным. Хотя и фильм, и книга, написанная на его основе, производят впечатление единого путешествия, в ходе которого экспедиция проделала путь в 150 тысяч миль, на самом деле это было три поездки, длившиеся по полгода. Такое сложное расписание диктовалось полной нелогичностью плана съемок и объяснялось погодными условиями и выдумками советской бюрократии. Несмотря на столь длительное вступление, цель экспедиции осталась прежней — Джеральд хотел увидеть, что делается в Советском Союзе в целях зашиты и сохранения тех видов животных, которые находятся на грани исчезновения.

Первым пунктом программы была столица. «Москва — влажный, тоскливый, унылый город, где постоянно моросит дождь, — писал Джеральд своим родственникам в Мемфис. — Ничто здесь не способно нас развеселить. К своему удивлению, я узнал, что в России я — культовая фигура. Практически все, с кем я встречаюсь, читали мои книги». Это оказалось еще более поразительным, когда Даррелов пригласили в Кремль. Когда часовой узнал, кто перед ним, он просто подскочил от радости и непременно хотел пожать Джеральду руку, объясняя, что он является его преданным поклонником. Невероятно, но факт: Джеральд Даррелл являлся любимым писателем будущего российского военного вождя, генерала Лебедя.

Сначала Джеральд и Ли хотели ознакомиться с одной из наиболее успешных программ по разведению диких животных в неволе. История спасения европейского бизона (зубра) являлась прекрасным примером того, как можно спасти от вымирания целый вид путем разведения в неволе. Когда-то это замечательное животное населяло леса всей Европы и России, но охота и уничтожение среды естественного обитания привели к тому, что поголовье зубров катастрофически сократилось. К началу двадцатого века зубры остались только в Беловежской Пуще и в предгорьях Кавказа в Грузии. Во время Первой мировой войны и голодных лет, последовавших за ней, оставшиеся зубры были истреблены. Сохранилось всего несколько особей в зоопарках. В двадцатые годы зоологическое общество, располагавшееся во Франкфурте, занялось защитой и разведением этих замечательных животных. К началу пятидесятых годов их численность возросла настолько, что появилась возможность выпустить небольшое стадо в Бело

вежскую Пущу. В 1984 году в Подмосковье был создал специальный центр по возвращению зубра в леса европейского юга, где эти животные обитали прежде.

Первым делом Джеральд направился именно в этот центр — в Приокско-террасный заповедник. На огромной территории заповедника зубрам выделили довольно внушительную часть. Семьдесят зубров сохранялись как производители, а потомство, достигнув двухлетнего возраста, отправлялось на Кавказ или в Карпаты. Туда же направлялись зубры из других центров. В конце лета формировались небольшие стада. В результате напряженной работы в горах Советского Союза уже обитало более тысячи зубров. Джеральду очень понравилась сама станция, напомнившая ему его собственное детище на Джерси, но еще более приятно ему было бы увидеть стадо выращенных в неволе зубров в горах Кавказа. Через три дня они вылетели в заповедник, располагавшийся неподалеку от города Сочи на Черном море. А оттуда 28 октября они отправились в Кавказский заповедник на вертолете.

Это был великолепный полет. Вертолет шел очень низко, и можно было видеть прекрасные горы, заросшие густым лесом, и снежные шапки на вершинах. Стояла осень, и лес был особенно красив. Сначала казалось, что им не удастся увидеть зубров, но, когда вертолет подлетел к границе снежного покрова, путешественники увидели стадо. Тридцать крупных зубров резвым галопом неслись куда-то по склону горы. Пилот немедленно посадил вертолет. Джеральд и остальные члены съемочной группы высадились и попытались провести съемку. Но глубокий, по колено, снег не позволил этого сделать. К тому же воздух был слишком разрежен, а зубры за это время успели скрыться на другой стороне горы.

На следующее утро после плотного, с обильными возлияниями завтрака в каменной горной хижине они вновь отправились на поиски зубров, на это раз на джипе. По мере того как они поднимались все выше, становилось очень холодно. Листья на деревьях покрылись тонким слоем льда, пошел снег. В полной тишине было слышно, как с деревьев обрушиваются снежные шапки. Экспедиция продвигалась все выше к границе снежного покрова. Кончился пояс рододендронов. Теперь снег лежал на полянах в окружении суровых скал. Это было царство туров, серн и снежных куропаток. Путешественники видели сквозь снежную пелену туров. Затем тучи опустились ниже, и экспедиции пришлось вернуться, пробиваясь сквозь снег и туман.

Этот вечер Джеральд и Ли провели в доме местного лесника, что произвело на Джеральда огромное впечатление. Лесник и его жена оказались бывшими актерами, которые бросили жизнь в большом городе ради тишины и уединения. Казалось, что все невероятные реалии Советского государства совершенно не касаются этих людей. Они были абсолютно свободны и занимались любимым делом. «После обычного ужина у костра и бесконечных тостов, — писан Даррелл, — нас пригласили в дом Виктора и Наташи. Это было просто великолепно. В две маленькие комнатки втиснуто все имущество семьи: пучки засушенных трав, картины, нарисованные сыном Виктора, фотографии выращенных ими животных (серн, медведей и т. п.), множество книг и рукописей. Нас уложили спать. Атмосфера этого дома была потрясающей — во всем чувствовались любовь и комфорт». На следующее утро Наташа подала вкуснейший грузинский завтрак — свежее парное молоко только что из-под коровы, два вида своеобразного йогурта (один кислый, второй сладкий), овечий сыр, пироги, только что испеченные булочки, свежие грецкие орехи и крохотные дикие груши в сиропе. И, конечно, чай, чай, чай из огромного посеребренного прабабушкиного самовара.

«Кавказ — замечательное место, а грузины очень добры, открыты и гостеприимны, — писал Джеральд в Мемфис. — Они напомнили мне греков, особенно своими бесконечными тостами и готовностью целоваться. Думаю, за последние три недели я перецеловал больше мужчин, чем Оскар Уайльд за всю свою жизнь. Почему-то они все стремятся расцеловать и Ли, что убеждает меня в том, что за коммунистами нужен глаз да глаз».

Впечатления от Советского Союза у Джеральда остались смешанными. В середине ноября Джеральд и Ли вернулись на Джерси. «Все, что я могу сказать, — писал он в Мемфис родителям Ли, — что сейчас мы испытываем к этой стране своеобразную смесь любви и ненависти. Мы увидели очень многое, что нам понравилось и глубоко тронуло. Но увидели мы и то, чего видеть нам не хотелось бы. Особенно терзает нас мысль о том, что такое огромное количество замечательных людей вынуждены существовать в рамках такой системы, в которой мне самому жить не хотелось бы. Еще хуже то, что практически все они об этом знают, но ни за что не сознаются».

Весной 1985 года Дарреллы вновь вернулись в Советский Союз. 10 апреля Джеральд отправил в Мемфис очередное письмо из Москвы:

«Мы прибыли сюда все сразу (с девяносто двумя местами багажа) и провели в этом городе два дня. Скажу прямо, это не самое лучшее место на земле. Как только нас показали по национальному телевидению, нас узнают буквально все вокруг. Для нас устроили несколько отличных обедов (весьма странно для Москвы). В целом этот богом забытый город произвел на нас более благоприятное впечатление, чем в прошлый приезд. Ночным поездом мы отправились в Череповец, а оттуда в Дарвинский заповедник в 120 км от города. В Москве мы познакомились с Николаем Дроздовым, очень симпатичным и милым человеком, местной телезвездой. Он предусмотрительно принес с собой шесть небольших стаканчиков в филигранных подстаканниках и огромное количество бренди, чтобы их наполнить. В результате наше купе, где никогда не курили, наполнилось дымом, раздавалось громкое пение, звон стаканов, что весьма огорчило нашу проводницу. Проводница, чтобы вы поняли, — это женщина, которая сопровождает вагон поезда. Она обязана подавать вам чай в любое время дня и ночи, включать и выключать свет и радио (по которому хор Советской Армии исполнял песни о производстве тракторов), а также предупреждать пассажиров, чтобы те не курили в купе. После наших поездок большинство проводниц отправлялось прямиком в психушку. Можете себе представить: десять человек (преимущественно иностранцы), совершенно пьяные, что-то орущие и поющие, продолжающие пить и курить и, что особенно огорчительно, нарушающие все установленные правила. Наконец десять человек вывалилось из нашего купе, и поезд отъехал от перрона. Мы еще немного выпили (в чисто медицинских целях) и легли спать. Благословенная ночь! Утром появилась нервно улыбающаяся проводница с чаем. Мы чувствовали себя отвратительно.

Вскоре мы прибыли на станцию. На улице было двенадцать градусов мороза. Вокруг симпатичные домики, которые выглядят так, словно их построил Нэш в 1780 году. Дома выкрашены бледно-зеленой краской с белой отделкой. Очень симпатично и неожиданно. Не стоит и говорить, что остальная часть города, построенная после революции, уродлива до изумления. На станции нас встретил директор Дарвинского заповедника, восемь джипов, грузовик и милицейская машина. Наш эскорт двинулся из города. Впереди неслась милицейская машина с мигалкой и сиреной. Несчастные крестьяне шарахались прямо в грязь, когда мы проносились мимо, не обращая внимания на красный свет светофоров. Примерно семь часов мы ехали по дороге, которую нужно увидеть, чтобы поверить в то, что такое возможно, — была оттепель, снег растаял, и вся дорога представляла собой шоколадный пудинг с кочками и ухабами.

Вечером мы прибыли в заповедник. Здесь живет около пятидесяти человек. Нас встретила дама в красном вышитом платке с домашним хлебом (круглым), на вершине которого стояла маленькая солонка. По обычаю нужно отломить кусочек хлеба, окунуть его в соль, передать Ли и проделать то же самое самостоятельно. Затем нас провели в отведенный нам коттедж, состоящий из двух комнат и холла. Дом обогревается огромной печью, встроенной в разделяющую комнаты стенку. Туалет (с двумя дырками) расположен примерно в сотне ярдов от дома. Воду нам принесли из колодца в ведре. Чтобы вы поняли, как здесь холодно, скажу, что, пока я наливал воду из ведра в чайник и шел в спальню будить мадам, вода в ведре успевала замерзнуть».

Джеральд так и не закончил и не отправил это письмо. Дарвинский заповедник, расположенный в самом сердце лесной России, стал началом напряженной поездки, в ходе которой Дарреллы исколесили Советский Союз вдоль и поперек, используя самые различные средства передвижения (реактивные самолеты, лодки, лыжи, верблюдов, вертолеты, поезда, лошадей, телеги, джипы и северных оленей). Они перебирались из зимы в лето и обратно, переезжали из одного часового пояса в другой, полностью потеряв представление о времени.

Дарвинский заповедник расположен на берегах огромного искусственного озера. Основная его задача наблюдать за экологическими изменениями и разводить глухарей, чтобы возвратить их в леса, где эта птица почти что истреблена. Этот заповедник находится достаточно далеко к северу, чтобы вода в ведре успевала замерзнуть, но недостаточно далеко, чтобы с уверенностью утверждать, что находящийся в спячке медведь не проснется, когда вы решите его снять, и не оставит вместо себя только отпечатки лап возле берлоги. Джеральд писал: «Дарвинский заповедник — замечательное место, но снять здесь нам почти ничего не удалось».

8 апреля Дарреллы отправились в Приокский заповедник, расположенный в трехстах милях к юго-западу от Москвы. Это основной центр по разведению журавлей — семь из четырнадцати известных науке видов журавлей представлены в этом заповеднике, причем пять из них находятся на грани вымирания. Этот заповедник известен своей коллекцией хищных птиц, а

также огромной работой по спасению животных во время весеннего разлива. Ученые спасают зайцев, барсуков, енотовидных собак, лис, а также очень редких животных — крупных водяных кротов, полуземлероек, полуполевок. Промокших, озлобленных и неблагодарных животных вывозят на лодках и выпускают в безопасное место. 19 апреля экспедиция совершила гигантский скачок в Восточную Сибирь и посетила Баргузинский заповедник на берегах все еще замерзшего озера Байкал. Это самое большое пресное озеро в мире. Оно находится в семи часах лета от Москвы. Здесь разводят редчайшего баргузинского соболя. Путем разведения в неволе это животное было спасено от вымирания. Кроме того, здесь обитает уникальная пресноводная байкальская нерпа. Когда-то это животное было почти полностью истреблено, но теперь строго охраняется. Численность нерп достигла 75 тысяч[6].

2 мая экспедиция снова совершила дальний перелет. Из морозной Сибири путешественники перенеслись в Репетекский заповедник, в туркменскую пустыню Каракумы. Температура в тени достигала 114 градусов (по Фаренгейту), хотя еще была весна. Для путешествия по пустыне это время подходило как нельзя лучше, и экспедиция двинулась в путь на верблюдах. Путешественники смогли ознакомиться с огромным множеством обитателей этого неприветливого места.

Из Репетека было рукой подать (по советским меркам) до легендарного древнего узбекского города Бухара, рядом с которым расположился центр по разведению красивейшего животного с весьма неэстетичным названием зобастой газели. Спасение газели явилось еще одним примером замечательных успехов, достигнутых благодаря разведению диких животных в неволе. Когда газели почти что исчезли в природе, а в живых остались лишь те животные, которых содержали дома, в прессе и по телевидению была проведена кампания, призванная убедить владельцев газелей отдать их в новый центр разведения, чтобы можно было вернуть это животное в среду естественного обитания. В течение короткого времени было собрано около пятидесяти газелей. К моменту приезда Джеральда численность этих животных исчислялась шестьюстами голов. Этот и другие центры выпускали полученное потомство в пустыню, что позволило снова вернуть животных в природу. Джеральд был совершенно очарован маленькими оленятами, спасенными от полного вымирания: «Оленята оказались прелестными малышами, одетыми в светло-коричневые шубки, с огромными блестящими черными глазами и большими ушами, похожими на меховые лилии. Они совершенно не боялись человека и подходили к нам, сосали наши пальцы и резвились вокруг нас на своих тонких, стройных ножках».

К востоку от Бухары лежал Самарканд, город Александра Македонского и Чингисхана, место упокоения великого Тамерлана, в котором останавливался Марко Поло. Джеральд был потрясен этим городом, синими мечетями, многоцветием народных костюмов на улицах и гигантским рынком, торговым центром всего региона. По словам Джеральда, молодые женщины в Самарканде напоминали жительниц Тибета, у старух «груди и ягодицы походили на арбузы», а старики были «высушенными и коричневыми, как буйволиное мясо, их седые бороды приводили на память испанский мох».

Из Самарканда путешественники отправились в Шанские горы, на границу с Индией, Китаем и Афганистаном. Здесь, в небольшой горной долине, расположился заповедник Чаткал. Джеральд решил, что он попал в заповедную Шангри-Ла.

«Мы поднялись в предгорья Шанских гор, и перед нами открылась немыслимая по своей красоте картина. Повсюду возвышались острые, словно кинжалы, горы. Они изгибались, как змеи. Склоны гор были зелеными и желтыми. На этом фоне отчетливо выделялись белые языки ледников и снега. Мы стали спускаться все ниже и ниже, словно пытаясь догнать собственную тень, которая скользила по снежным полям. И вот мы очутились в узкой долине. Горы буквально сомкнулись над нами. Внизу мы увидели сосновые леса и рощи диких яблонь в цвету. Повсюду цвели какие-то желтые цветы. Было впечатление, что мы попали на горчичные поля. Наконец мы приземлились в небольшой долине — настоящем царстве цвета. Склоны гор были покрыты желтыми цветами, которые мы видели с воздуха. Между ними рос дикий ревень с широкими темно-зелеными листьями и ярко-розовыми стеблями. Повсюду были разбросаны красные и желтые тюльпаны. В долине росло множество яблоневых деревьев, покрытых бело-розовыми цветами. Солнце пригревало, небо было ослепительно синим, словно яйцо воробья. Воздух был

[6] К 1998 году байкальская нерпа снова оказалась под угрозой вымирания.

прохладным и свежим. Мы решили, что даже ради того, чтобы увидеть это прекрасное место, стоило приехать в Советский Союз и проделать столь долгий путь».

Скорее всего, никто из западных ученых никогда не бывал в этом отдаленном, уединенном уголке природы, где росли 1400 видов растений, многие из которых были очень редкими. В долине жили самые разнообразные бабочки, птицы и животные. Самыми редкими были гигантский гриф, сурок Мензбира и сибирский козерог. Экспедицию приветливо встретили директор заповедника и его помощники — «веселая группа растрепанных головорезов с темными монгольскими лицами и блестящими черными глазами».

«Они распаковали наши вещи, достали оборудование и повели нас через дикие яблоневые рощи. Вокруг нас порхали коричневые фритиллярии, черные адмиралы и бронзовые стрекозы. Все они стремились добраться до тюльпанов и одуряюще пахнувшего фенхеля.
Разместились мы в маленьком домике, уютно устроившемся среди яблоневых деревьев на берегу маленькой горной речки. Вода в речке была просто ледяной и абсолютно прозрачной. Сквозь нее мы видели янтарного цвета камни с серебристыми прожилками. Речка журчала днем и ночью, словно целый рой пчел.

Мы с Ли прогулялись по долине вдоль речки. Вокруг царила полная тишина, нарушаемая только журчанием воды и птичьим пением. Прохладный чистый воздух был напоен ароматом цветущих яблонь. Огромные бело-розовые цветы привлекали множество шмелей — темно-красных, мохнатых, как игрушечные медвежата, с блестящими крыльями. На деревьях обитало множество птиц — дятлы усердно стучали клювами, словно плотники, сойки порхали повсюду, сверкая своими синими и розовыми перышками, древесные воробьи щебетали как безумные.

На долину опустился вечер, вокруг нас легли глубокие тени, цвета стали приглушенными. Сразу стало очень холодно. Нам пришлось надеть все свои теплые вещи. Но тут нас пригласили в дом директора зоопарка. Мы уселись у огня и стали наслаждаться огненным грузинским коньяком. Когда директор ушел спать, его весельчаки-помощники отправились в долину и вернулись с полными шляпами грибов. Каждый такой гриб был размером с кукольный зонт. Грибы оказались очень вкусными и ароматными. Их положили в плов, готовящийся в огромном медном казане. Плов был таким вкусным, что мы не могли оторваться. Наконец мы все же заснули в своих спальных мешках из козлиных шкур».

22 мая Даррелы вернулись в Москву, а оттуда вылетели на Джерси. 5 июня они снова вернулись в Россию, чтобы снять заключительные кадры нового сериала. Теперь экспедиция должна была посетить два крупнейших заповедника, расположенных на берегах Каспийского и Черного морей. 7 июня путешественники вылетели в Астрахань, чтобы увидеть Астраханский заповедник, раскинувшийся в дельте Волги у места ее впадения в Каспийское море.

Астраханский заповедник был основан по приказу Ленина еще в 1918 году. Это первый и один из крупнейших российских заповедников, на территории которого восемьсот протоков прокладывают себе путь среди тростниковых зарослей, заливных лугов и ивовых чащ. Заповедник имеет огромное биологическое значение. Здесь гнездится огромное количество водных птиц. Они прилетают сюда, чтобы вывести потомство или перезимовать. Количество птиц в Астраханском заповеднике исчисляется миллионами. От пяти до семи миллионов гусей и уток обитают здесь только весной и осенью. Основная задача ученых, работающих в Астраханском заповеднике, — изучение и наблюдение за экологией дельты.

Джеральд убедился в наличии взаимосвязи между численностью большого баклана, ворон и сомов. Этот пример отлично иллюстрирует сложную экосистему дельты. Большой баклан, крупная и прожорливая птица, питающаяся рыбой. Казалось бы, она должна уменьшать численность рыбы в дельте, но, пролетая над водой, она обогащает реку микроскопическими растениями, которыми кормятся мальки рыб. Вороны истребляют птенцов баклана, когда родители покидают гнездо, чтобы добыть пищу. Но им удается сожрать не всего птенца целиком. Часть тушки падает в воду, где ее жадно пожирают крупные сомы. Некоторые сомы достигают семи футов в длину, а их головам позавидовал бы любой мастиф. Экскременты сомов удобряют донную почву, обогащая ее азотом и фосфором. Благодаря огромному количеству бакланов, обитающих в дельте, почва этого района чрезвычайно плодородна.

Даже на самой Волге очень много птиц, но, когда экспедиция на двух огромных, весьма комфортабельных баржах достигла дельты, количество пернатых поразило даже видавших виды

Дарреллов. «Птицы буквально кишели в воздухе, — писал он. — Проплыв несколько миль среди этого орнитологического рая, мы попали в штаб-квартиру заповедника — маленькую деревушку, где нам отвели небольшой домик. Домик наш стоял на заливном лугу, и вокруг во все горло квакали бесчисленные лягушки. Мы провели здесь три дня, и это было самое лучшее время в моей жизни. Заповедник был не только удивительно красив, но в нем обитало столько птиц и других форм жизни, что нам приходилось постоянно раздумывать, что же выбрать для съемки».

Чтобы осмотреть протоки, путешественники погрузились на моторные лодки. Добравшись до места назначения, они выключили моторы и в полной тишине стали дрейфовать по водному лабиринту. Вокруг летали чайки, крачки, ласточки, ястребы, ночные цапли и блестящие ибисы, пеликаны и маленькие белые цапли и бакланы. Повсюду цвели лотосы, над которыми порхали стрекозы и мошки. Лягушки отчаянно квакали. Порой из воды показывались огромные сомы. Воздух был наполнен какофонией звуков. Здесь мир был таким, каким его создал бог и каким он когда-нибудь станет вновь.

Но Астрахань была связана не только с Волгой. За дельтой лежала республика Калмыкия, иссушенная солнцем степь, место обитания странного парнокопытного. Здесь жили сайгаки — полуантилопы, полукозлы. Джеральд давно мечтал увидеть это животное, но устроить это оказалось нелегко. Сайгаки жили в сухой степи. Чтобы добраться до места их обитания, нужно было пять часов плыть по реке, а затем еще семь часов ехать по жаркой и пыльной дороге. «Небо над головой стало пурпурным и зеленым, — вспоминал Джеральд. — Солнце обжигало, словно пламя. И наконец мы увидели силуэты сайгаков. Огромное стадо спокойно паслось на равнине. Когда сайгаки двигались, их копыта выбивали небольшие вулканчики пыли. У этих животных странные, тяжелые головы, которые кажутся слишком большими для их тел. У них крупные носы картошкой, а рога тонкие и светло-желтые, как сало. Видеть, как они медленно перемещаются по степи навстречу заходящему солнцу, было очень приятно. Маленькие сайгаки пронзительными, резкими голосами звали матерей, и те отвечали им низко и хрипло».

История спасения сайгака — настоящее чудо нашего века. В начале XX века на сайгаков безжалостно охотились. Вскоре это животное очутилось на грани вымирания. Затем охота на сайгака была строго запрещена, и их численность стала восстанавливаться. К тому моменту, когда в калмыцкую степь приехала съемочная группа Даррелла, насчитывалось более миллиона сайгаков, причем 170 тысяч обитало в Калмыкии[7].

Экспедиция двигалась дальше. Впереди они увидели мерцающие огоньки. Местная телевизионная компания устроила для путешественников миниатюрную деревню в пустой степи. Здесь была отлично оборудованная кухня, огромная палатка для съемочной группы, две гигантские кибитки или юрты, накрытые шерстяными коврами. Одна из них служила столовой, в другой разместились Джеральд и Ли. Гостеприимные хозяева предусмотрели душ и туалет, провели электрическое освещение. За кухней разместился транспорт экспедиции — автобус, три грузовика, два джипа, машина «Скорой помощи» и огромный биплан. Вечером для путешественников устроили роскошный ужин, развлекали гостей две девушки в национальных костюмах, исполнявшие народные танцы. Неудивительно, что, когда настало время прощаться, Джеральд записал: «Нам не хотелось уезжать, не хотелось покидать эту романтичную и комфортабельную кибитку. Как счастлив сайгак, что обитает в этом восхитительном мире, может наслаждаться ароматами, равных которым не сможет создать ни один химик, а по ночам лежать на душистом цветочном покрове».

Но на этом путешествие не закончилось. Вечером 16 июня путешественники прибыли в Асканию-Нова, самый известный российский заповедник. Здесь сохранилась девственная степь и был создан центр по разведению животных, находящихся на грани вымирания, а также проводилась уникальная программа по акклиматизации экзотических животных, таких, как южноафриканская антилопа, лама и зебра. Через неделю экспедиция оказалась в довольно старом Березинском заповеднике, в Белоруссии. Основное внимание здесь уделялось бобрам (в заповеднике обитало шестьсот бобров и более тысячи были отправлены отсюда в другие заповедники). Березинский заповедник поразил путешественников своими лесами и цветущими лугами.

8 июля экспедиция вылетела в советскую Арктику. Они пересекли четыре часовых пояса и попали в край, где никогда не заходит солнце. Полуостров Таймыр расположен на 750 миль севернее Северного полярного круга, а его побережье всего на тысячу миль не достигает

---

[7] [1]К 1998 году сайгаки снова очутились на грани вымирания.

Северного полюса. Это мир тундры, плоский, бесцветный, пустой. Джеральд писал: «Мы чувствовали себя словно на поверхности Луны. Невозможно было определить, сколько времени, полдень или полночь на дворе». Здесь экспедиция собиралась посетить заповедники на реке Бикада и на озере Лагада. Из Хатанги вертолетом путешественники добрались до пункта назначения. Джеральд с удивлением наблюдал за тем, как изменяется ландшафт. Золотисто-зеленая равнина была испещрена голубыми пятнами озер всех размеров и форм. Кое-где из губчатой почвы выступал вечный лед. Казалось, что вертолет пролетает над древними полями, распаханными давно исчезнувшей расой полярных людей. Несмотря на то что лето было в полном разгаре, повсюду виднелись пятна нерастаявшего льда.

Вертолет приземлился среди крохотных домишек, разбросанных по берегам реки Бикада. Гостям отвели маленький трехкомнатный дом. В условиях полярного дня было очень трудно заснуть, но Ли разрешила эту проблему, обмотав вокруг головы носок. Все вокруг было миниатюрным. Чтобы разглядеть цветы, приходилось склоняться чуть ли не до земли, а деревья не достигали высоты колена. Повсюду сновали лемминги — основной корм местных хищников — ястребов, сов и песцов. Единственным исключением среди карликового мира тундры стало животное, ради которого путешественники сюда и прилетели, — огромный, лохматый, тяжело переваливающийся мускусный бык.

История возвращения мускусного быка на ледяные просторы советской Арктики очень необычна. Животное было истреблено еще до наступления XX века, а популяция его была восстановлена лишь в наши дни. Мускусные быки вымерли на просторах Сибири более десяти тысяч лет назад. На Таймыре последние быки погибли около трех тысяч лет назад. В тридцатые годы советские ученые попытались вернуть это животное на Таймыр, завезя несколько особей из Гренландии. Но осуществлению этого плана помешала война. В начале семидесятых правительства США и Канады прислали шестьдесят мускусных быков в Россию в качестве подарка. Половина животных была отправлена на остров Врангеля, а другая — выпущена на Таймыре. Быки прижились и благоденствовали. В момент визита Даррелла на Таймыре насчитывалось свыше сотни голов. Ученые хотели довести численность мускусных быков до десяти тысяч. Искать их легче всего было с вертолета.

«Внизу мы увидели стадо мускусных быков, — писал Джеральд. — Быки неслись перед нами, лохматые, словно старые ковры, со светлыми мордами и изогнутыми рогами, похожими на старые выцветшие палки, найденные на дальней полке во время генеральной уборки. Они бежали вперед, и их кремовые копыта глубоко уходили в мох, поднимая миниатюрный смерч пыли». Вертолет приземлился, и на охоту вышли сибирские лайки, предусмотрительно прихваченные с собой. Свора кинулась вперед, отчаянно лая. «И тогда мускусные быки осуществили классический маневр. Они встали кругом, укрыли детенышей в центре, а взрослые животные угрожающе выставили наружу грозные рога. Между собаками и детенышами возникло непреодолимое препятствие». Если собака подбегала слишком близко, старый бык покидал кольцо и бросался на нее, склонив голову почти что до земли. «Пригрозив собаке раздраженным ворчанием и угрожающими движениями рогов, бык вернулся в кольцо. Видеть этих мощных животных, стоящих плечом к плечу и готовых защитить свое потомство, доставляло нам подлинное удовольствие... Только безумно храбрый хищник мог бы попытаться прорвать это кольцо, чтобы добраться до слабых детенышей».

Съемки прошли великолепно, хотя трудностей хватало. Очень сложно было отснять качественный тринадцатисерийный фильм в столь огромной и необычной стране, как Советский Союз, особенно в период его умирания. Главная сложность заключалась в том, что редкие и исчезающие виды животных обычно обитали в самых отдаленных и труднодоступных районах. После долгой и утомительной, хотя порой совершенно сказочной, поездки из одного конца СССР в другой все устали, и нервы у всех были на пределе. Погода на Таймыре тоже не способствовала отдыху. В дневнике Ли сохранились тоскливые записи: «Погода по-прежнему плохая... Очень ветрено и пасмурно, снимать нельзя... Утро холодное и ветреное... Все раздражены... Снова плохая погода, так что сидим дома...» На озере Лагада река так обмелела, что лодки не смогли пройти. Пришлось вызывать вертолет. Животные оказались сердитыми и не хотели позировать, погода снова ухудшилась, спиртное кончилось. Джерри вышел из себя и отчаянно ругался. Но все страдания съемочной группы были вознаграждены. С вертолета им удалось увидеть огромное стадо северных оленей, целый лес рогов. Потом путешественникам попалась пара красногрудых гусей, одних из самых красивых представителей водных птиц. В дневнике Ли мы читаем:

«*19 июля.* Прилетел вертолет, и мы отправились в заповедник. На этот раз мы вернулись с двухметровым бивнем мамонта весом примерно в 60 килограммов. Сотрудники заповедника устроили для нас банкет — водка лилась рекой. Нам с Джерри подарили бивень маленького мамонта и мамонтовый зуб. Джерри лег спать, а я осталась — и получила великолепную кость мамонта. Я очень сильно напилась, и Джерри на меня сердился.

20 июля. Спали до одиннадцати, потом поднялись со страшным похмельем. Мы сняли Юрия за проверкой капканов, а потом Джерри снимал леммингов. Я все упаковала и заснула. В 16.00 улетаем. Вертолет запаздывает. Заканчиваю свой дневник!»

Самолетом Джеральд и Ли вернулись в Англию, будучи не в состоянии избавиться от вкуса водки и оленины. Они завершили самое удивительное путешествие в своей жизни. Им удалось увидеть двадцать заповедников на самой не исследованной западными учеными части суши. За это время они отсняли почти тридцать миль пленки. «То, как поставлена охрана природы в Советском Союзе, произвело на нас глубокое впечатление, — писал Джеральд буквально накануне развала СССР. — Здесь этому придают такое значение, как ни в одной стране мира. Хотя все эти действия далеки от совершенства, но ведутся они по самым высоким стандартам. В стране множество самых разнообразных заповедников, в каждом из которых нас встречали очень целеустремленные и обаятельные люди, искренне заинтересованные в результатах своей работы. Эта поездка была очень интересной и увлекательной».

13 августа, через три недели после возвращения из Советского Союза, Джеральд и Ли завершили работу над книгой о своем путешествии. Эта поездка изменила Джеральда. Он говорил Ли, что неплохо было бы написать продолжение книги «Натуралист на мушке» и назвать ее «Русские на мушке — по степи в правильном направлении».

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

ВЕЛИКИЙ СТАРИК: 1985-1991

Дарреллу исполнилось шестьдесят. Полвека прошло с момента его приезда на Корфу, полвека назад он исследовал чудеса этого удивительного мира под руководством своего друга и наставника Тео Стефанидеса. За это время он проделал большой путь. Хотя те, кто его знал, считали, что на самом деле ему где-то между четырнадцатью и двадцатью одним годом — настолько энергичен, любопытен, деятелен и весел он был, — для всего остального мира он превратился в великого старца, гения, пророка и гуру с летящими белыми волосами, пышной бородой и именем, перед которым преклонялись во всем мире.

Телевизионные фильмы принесли ему еще большую славу, чем его книги. В Британии число читателей его книг неуклонно росло. Он вошел в десятку писателей, чьи книги наиболее часто спрашивают в библиотеках. В большой мере это объяснялось невероятной популярностью «Моей семьи и других зверей». Эта книга по-прежнему оставалась настоящим бестселлером и была включена в школьную программу, хотя и в несколько урезанном варианте (к неудовольствию маленьких читателей, один из которых написал автору свой протест против «идиота, который вырезал из книги все грубые слова — «грудь», «бюст», «панталоны», «Вьюн» и «Пачкун», а также «чертов мальчишка»). В результате всего этого материальное положение Джеральда существенно улучшилось. Его годовой доход составлял сто тысяч фунтов. Теперь он был обеспечен до конца жизни. Перемена в его личной и профессиональной жизни, несомненно, была связана с Ли, его отрадой и его счастьем.

Удача в личной жизни, как в зеркале, отразилась и в сфере профессиональной. В созданном им зоопарке жило свыше 1200 животных. Здесь работало более сорока человек, причем все они были настоящими профессионалами. «Если вы спросите, какой зоопарк является лучшим в мире, — говорил директор Далласского зоопарка, бывший президент Американской ассоциации зоопарков, — кто-то назовет зоопарк Сан-Диего или Бронкса. Но если вы спросите у тех, кто работает в зоопарках, кто профессионально занимается содержанием зверей в неволе, директоров зоопарков, все назовут Джерсийский зоопарк».

Фонд, основанный Джеральдом, после долгих лет борьбы за признание и средства, получил мировую известность и стал признанным авторитетом в деле охраны окружающей среды. Долгое время Джерсийский Фонд был пионером в деле разведения диких животных в неволе. Теперь же он стал примером для подражания. В 1983 году более половины животных, в том числе и самые редкие, дали потомство — уникальный результат! Международный подготовительный

центр готовил специалистов для самых разных стран мира — Китая, Бразилии, Мексики, Нигерии. В 1983 году было заключено соглашение с правительством Мадагаскара, в 1985-м — с правительством Маврикия. За ними последовали соглашения с правительствами Индии, Бразилии, различных стран Карибского бассейна.

В это же время начал свою работу Канадский Фонд охраны дикой природы. Пожертвования жителей Канады значительно облегчили работу по сохранению редких животных. Аналогичная организация по другую сторону границы, Американский Фонд охраны дикой природы, действовал еще более активно. Американские налоговые правила значительно осложняли перевод средств из Штатов на Джерси, поэтому Фонд стал осуществлять собственные проекты. Хотя американцы проделали огромную работу в этой области, Джеральд хотел, чтобы его организация развивалась иначе. Отклонения от избранного им пути его огорчали.

Планам Джеральда не было конца, он не прекращал своей борьбы за спасение животных, которым грозило вымирание, ни на минуту. Но с течением времени его все сильнее угнетало состояние нашего мира. «Зоопарк добился огромных успехов, — говорил он журналистам в середине 80-х годов, — но этот успех недостаточен. Наш прогресс идет слишком медленно. Нам приходится выпрашивать деньги и убеждать правительства, а тем временем приходят все новые и новые ужасные известия о том, что творится вокруг нас. Природу уничтожают со сверхзвуковой скоростью, а мы по-прежнему тащимся на велосипедах. Я весь день пребываю в отчаянии от того, как человек относится к миру, в котором живет. Но стоит ли бороться? Я твердо верю в то, что я делаю, иначе я бы этим никогда не занимался». В 1987 году Джеральд присоединился к кампании, проводимой Дэвидом Эттенборо, по увеличению численности амбарных сов путем изменения агрикультуры. В 1989 году он выступил в поддержку нового фонда, Программа для Белиза, призванной спасти от уничтожения тропические леса. «Когда Даррелл присоединился к кампании, — вспоминал Джон Бар-тон, директор Фонда, — газета «Тудей» немедленно пожертвовала 25 тысяч фунтов. Во всем мире многие проекты без участия Даррелла так и остались бы всего лишь пунктом повестки дня очередной конференции».

Возглавляя биологический институт мирового значения, Джеральд Даррелл по рангу не уступал тем, кто возглавлял другие знаменитые зоологические организации — Нью-Йоркский зоопарк, зоопарк Сан-Диего, Национальный зоопарк в Вашингтоне и Зоологическое общество Лондона. Его принимали короли и королевы. В ноябре 1984 года, вскоре после возвращения из первой поездки по Советскому Союзу, он писал своим родственникам в Мемфис: «Король Олаф (Норвегия) приехал навестить нас, как только мы вернулись из России. С самого первого дня брака с вашей дочерью я все сильнее и сильнее запутываюсь в отношениях с королевскими особами. Этого короля я запомню надолго — он постоянно хихикал. Попробуйте провести три с половиной часа с хихикающим королем, и в конце этой встречи от вас останется всего лишь тень». В конце марта 1985 года Флер Коулз пригласила Джеральда в свою лондонскую квартиру на обед с королевой-матерью. Королева-мать была очарована его рассказами и рисунками.

Удивительно, что при таком довольно близком общении с королевскими особами заслуги Даррелла так и не были оценены по достоинству — он до сих пор не был посвящен в рыцари. Несколько попыток закончились неудачей. Объясняется это по-разному: лорд Цукерман всеми силами старался не допустить Джеральда в лондонские зоологические круги, Джеральд всегда был несдержан на язык и мог ненароком кого-то оскорбить, к тому же он не был резидентом Соединенного Королевства, что значительно уменьшало его шансы на получение рыцарства. Но в любом случае, Джеральд продолжал работать и не будучи рыцарем.

Все, кто в те дни близко общался с Дарреллом, находились под впечатлением его безграничной энергии: он занимался охраной окружающей среды, собственным зоопарком, выступал по радио и телевидению, снимался в документальных фильмах, посещал множество различных мероприятий, принимал гостей, удалял много времени друзьям. К нему шли все — от президентов и членов королевских семей до детей, инвалидов и просто одиноких людей. Джеральд находил для всех нужные слова. Благодаря его усилиям многие люди посвятили свои жизни его идеям. Для своих же сотрудников он всегда оставался хозяином, лидером, пророком, истинным светом.

Хотя основное внимание Джеральд всегда уделял бедственному положению животного мира, он не забывал и о тяжком существовании обездоленных людей. «Мы должны относиться к униженным и бедным с состраданием, — записал он в своем дневнике. — Если нам, обладающим привилегиями и преимуществами, становится тяжело справляться с жизненными трудностями, нужно подумать о том, сколько храбрости и выдержки требуется этим людям, для того чтобы

просто выжить». Люди писали Джеральду отовсюду — из Японии, стран Восточной Европы, Казахстана, Камеруна, Сомерсета, Техаса. Им хотелось пообщаться с великим человеком, задать ему вопросы, предложить интересные проекты, узнать о планах работы его организации, просто поблагодарить и высказать добрые пожелания. Писали ему юные и старые, знаменитости и простые люди. Среди его корреспондентов были Иегуди Менухин, Спайк Миллиган, леди Берд Джонсон, Сэм Пекинпа, Стэнли Кубрик, Десмонд Моррис, Джон Клиз, Дирк Богард, Эдвард Хит, Маргарет Тэтчер, князь Монако Репье, Фредерик Форсайт и многие, многие другие.

Достичь таких высот было нелегко — часто даже в физическом смысле слова: артрит, поразивший бедренный сустав Джеральда, постоянно давал о себе знать, и ему приходилось ходить с тростью. Артрит существенно осложнил жизнь Джеральда. Особенно тяжело ему пришлось во время поездки по Советскому Союзу. В феврале 1986 года он перенес операцию по замене сустава, о чем писал родителям Ли:

«Я лежу в довольно симпатичной палате. Из окна открывается прекрасный вид на церковь и церковный двор, но зато другое выходит на глухую, мрачного вида кирпичную трубу, откуда регулярно выбрасываются клубы черного, маслянистого дыма. После того как медсестра в одиннадцатый раз спросила меня, какое бедро я доверяю британской медицине, я полностью потерял доверие к врачам. Мое возмущение было столь сильным, что хирург пришел и пометил мое левое бедро специальным маркером. Потом мне устроили горячую ванну с йодом, после чего я стал благоухать, как первоклассный морг. И вот меня покатили в операционную. Я предусмотрительно заглянул под рубашку, чтобы убедиться, что важная отметка с левого бедра не смылась. Мы прибыли, анестезиолог вкатил мне целый шприц какого-то средства, и, благодарение богу, я отключился. Проснулся я буквально через пять секунд в полном сознании, не испытывая ни малейшей боли в бедре, а очаровательная медсестра с милыми ямочками пыталась заставить меня дышать кислородом через смешную пластиковую маску. Я решил узнать, что случилось и почему операцию отменили. И тут мне сообщили, что операция прошла успешно. Меня охватило ощущение эйфории — бедро не болело, я был свободен. Со слезами на глазах я возблагодарил медицину, врачей и медсестер. Я сказал, что как только будет опубликована новая книга моей жены, я пристрою к их больнице целое крыло. Я далее пытался поцеловать старшую медсестру. После непродолжительной борьбы мне вкололи снотворное...

И вот настал великий день — я впервые отправился на прогулку: сделал два шага до двери и два обратно. После этого подвига я рухнул в постель с ощущением, что только что покорил Эверест без кислорода. Но постепенно я стал чувствовать себя лучше и начал бродить по коридорам, как одуревшая летучая мышь. Скоро мне сообщили, что я могу вернуться домой. Ли приехала, чтобы забрать меня. Все сестры рыдали и целовали меня на прощанье, а я дарил им свои книги. Ночные сестры в этот момент не дежурили, поэтому на тех книгах, что предназначались им, я сделал любезную надпись: «В память о чудесных ночах, проведенных вместе».

Настроение Джеральда улучшалось с каждым днем. Особенно его порадовало сообщение о том, что парижская Ассоциация юмора в международных делах присудила ему почетную премию, ежегодно присуждаемую наиболее известным писателям-юмористам.

Через несколько недель по четвертому каналу британского телевидения начался показ фильма «Даррелл в России». Рецензии на фильм и на вышедшую одновременно с ним богато иллюстрированную книгу были самыми благоприятными. Книга вошла в десятку самых продаваемых книг в переплете в Британии. 19 апреля старинный друг и наставник Джеральда сэр Питер Скотт открыл очередной павильон Джерсийского зоопарка — Центр размножения птиц, что стало важным шагом в модернизации и улучшении структуры зоопарка. Ли начала работать над собственной книгой «Состояние ковчега: Атлас охраны природы в действий». В ней она писала об экологической ситуации, складывающейся в современном мире. 21 апреля Джеральд писал ее родителям:

«Ваша дочь серьезно занята писательской деятельностью. Она поднимается в семь утра, и вижу я ее только в обед. Я серьезно подумываю о разводе, но мой адвокат сообщил мне, что будет трудно доказать факт супружеской измены с компьютером. В такой ситуации мне приходится не только нести на своих плечах всю тяжесть раздумий о судьбах мира, но и взять на себя всю готовку, а также развлекать мою сестру, которая приехала погостить и, похоже, не имеет ни малейшего желания уезжать. Теперь вы понимаете, что судьба моя тяжела и безрадостна. Но зато я могу ходить без трости!»

Летом Джеральд, Ли, Маргарет, сестра Ли, Харриет, и Саймон Хикс с женой и тремя дочерьми отправились на Корфу. Хотя Джеральда угнетало то, что он видел на острове своего детства, он не мог удержаться, чтобы не вернуться туда. Бесконтрольное развитие туристического бизнеса уродовало остров, и Джеральд каждый раз давал клятву никогда не возвращаться на Корфу, «разве что в гробу». Но справиться с собой он не мог. «Самые счастливые моменты моей жизни, — говорил он Саймону Хиксу, — это пробуждения на Корфу, когда я был еще ребенком. Все вокруг было совершенно — солнце, насекомые, богатство цветов, словом, абсолютно все. Самые прекрасное и красивое в жизни — это простые вещи, о которых мы забываем». Джеральд снял старинный дом, переделанный из маслобойни, на побережье Барбати. В прежние годы семья Даррелов любила устраивать здесь пикники, возвращаясь домой на лодках. «Он не хотел видеть новые отели, которые рядами выстроились вдоль его любимого побережья, — вспоминал Саймон Хикс. — Мы предупреждали его, что впереди появился очередной отель, Джеральд отворачивался и смотрел в сторону Албании. Когда мы проплывали мимо, он снова поворачивался к Корфу, чтобы увидеть очаровательные холмы, заросшие оливами, и маленькие подковообразные заливчики, где прошло его детство. Однажды, когда все уже ушли спать, мы с ним сидели возле пресса и пили виски. Было полнолуние, яркая луна отражалась в море, вокруг царила полная тишина. Я спросил Джеральда: «Наверное, тяжело снова возвращаться сюда?» Он посмотрел на море, подумал немного, а потом ответил, глядя на луну: «Но ведь она не изменилась».

В декабре 1986 года Джеральд оказался прикованным к инвалидному креслу — его правое бедро устроило ему «Ад с большой буквы». Несколько последующих недель были просто мучительными. Большую часть времени он проводил в Лондоне, работая над комментарием к другому тринадцатисерийному фильму «Мы и другие звери». Этот проект был посвящен отношениям между человеком и животными. Его выход планировался на следующую весну. Как и предыдущие документальные фильмы Даррелла — «Ковчег на острове», «Ковчег в пути», «Натуралист-любитель» и «Даррелл в России», — новую картину делала студия Пата Фернса. Однако, в отличие от своих предшественников, этот фильм основывался на архивных съемках, хотя Джеральду и Ли все же пришлось сняться и на натуре (в том числе на Канарских островах). Кроме этого, они должны были появляться в начале и конце каждой серии и читать закадровый текст.

Этот фильм не был авторским произведением Даррелла, но все же его поклонники восприняли его очень тепло. Спайк Маллиган писал: «Самое замечательное в этом фильме то, что мы видим развитие человека на фоне изменения окружающей среды. Создатели программы буквально кричат нам, что в этом мире слишком много людей — и их постоянно становится все больше».

Пат Фернс рассчитывал снять следующий фильм с Джеральдом в Китае, но, к сожалению, этому плану не было суждено осуществиться. Все же им удалось снять еще одну программу вместе. Это была часовая передача для Би-би-си о работе Джеральда «Ковчег Даррелла». В этом фильме были использованы архивные съемки, фрагменты из предыдущих фильмов, а также ряд кадров, снятых на Джерси, и специальное интервью принцессы Анны. Новая программа была показана на благотворительном мероприятии в зоопарке Калгари в Валентинов день 1988 года во время зимних Олимпийских игр. Эта программа ознаменовала завершение долгого, чрезвычайно плодотворного сотрудничества между Патом Фернсом, Джеральдом и Ли. Теперь Джеральд более всего был занят борьбой с собственным телом. В середине января 1987 года он перенес вторую операцию по замене бедренного сустава. «Операция прошла успешно, — писал Джеральд родителям Ли 12 февраля. — Но она оказалась более болезненной, чем предыдущая, так как сустав был в очень плохом состоянии. Я быстро поправляюсь и очень скоро смогу щипать за зад самых симпатичных сестер».

Настроение Джеральду подняла телеграмма из Академии естественных наук Филадельфии. В ней сообщалось, что Джеральду Даррелу присуждена престижная медаль Ричарда Хупера «в знак признания его заслуг в деле исследований в области естественной истории и охраны окружающей среды». Джеральд выписался из больницы в прекрасном состоянии духа. Об этом он написал родителям Ли: «В инвалидном кресле меня вывезли из больницы имени короля Эдварда VII в окружении рыдающих сестер. Меня доставили в Саутгемптонский аэропорт. Мое инвалидное кресло закатили в холодный угол, и все внимание привлек к себе Паттерсон (домашний тарантул Ли). Таможенники внимательно изучили его паспорт, свидетельство о рождении и сняли с него отпечатки пальцев. Наконец нам позволили подняться на борт самолета.

Все так увлеклись Паттерсоном, что никто и не заметил, что мои бедра звенят так, словно через металлоискатель проходит ближневосточный террорист, увешанный оружием. Паттерсону напитков во время полета не подавали, а зато мне...»

Джеральд понимал, что его силы — как физические, так и общественные — весьма ограничены. Ему удалось чуть-чуть затормозить процесс исчезновения биологических видов с лица планеты, но остановить, не говоря уж о том, чтобы полностью прекратить, этот процесс было невозможно. С такой задачей не справился бы ни один человек. Но это не означало, что нужно опустить руки и смириться. Даже один спасенный вид — это уже триумф. И поскольку вымирание животных — дело рук единственного вида (человека), то, изменяя настроение и поведение этого вида, можно было спасти Землю. Однако реалистические цели организаций, занимающихся охраной окружающей среды, были весьма скромными. Победить вымирание и исчезновение было не в их силах. С чувством глубокой горечи Джеральд узнал о том, что 14 июля 1987 года было официально объявлено о том, что очередной вид — флоридский черный приморский воробей — исчез с лица земли. Это событие было трагичным само по себе, а кроме того, оно символизировало печальную судьбу животных, оказавшихся в полном распоряжении человека. «Как канарейка, предупреждающая шахтеров о том, что кислорода становится недостаточно, — писала флоридская газета, — исчезновение этой птицы является предостережением всем нам: «Мы все в опасности!»

В конце июля Джеральд и Ли вылетели на Корфу, чтобы принять участие в финальных съемках фильма «Моя семья и другие звери». Первый канал Би-би-си начал работу над этим десятисерийным фильмом еще в октябре. Бюджет фильма составил два миллиона фунтов. Этот проект осуществляли совместно отдел драмы и отдел естественной истории. Предполагалось, что каждую получасовую серию будет предварять трехминутный документальный фрагмент. На Корфу привезли двадцать скорпионов, десять богомолов, трех гигантских лягушек, множество змей, черепах, расписных черепашек-террапинов, сипух и специально обученных голубей. Помимо этого, было привезено шестьсот замороженных мышей, чтобы кормить змей. Маму играла Ханна Гордон, роль Спиро досталась Брайану Блесседу. Эксцентричную миссис Кралевски играла Эвелин Лэй, а светловолосый тринадцатилетний школьник из Кента, Даррен Редмейн, не имевший никакого актерского опыта, играл самого Джеральда Даррелла. Его задача осложнялась тем, что настоящий Джеральд Даррелл, теперь уже раз в пять старше, убеленный сединами, бородатый, опирающийся на трость, приехал на съемки. Джеральд дал съемочной группе множество бесценных советов, проанализировал сценарий и категорически потребовал права вето на выбор актрисы на роль мамы. Он чувствовал, что Ханна Гордон прекрасно справится с этой ролью: «Она совершенно великолепна. Ей удается воссоздать удивительную атмосферу нашей семьи, хотя она никогда никого из нас не видела».

Присутствие Джеральда на съемочной площадке очень вдохновляло кинематографистов и доставляло огромное удовольствие самому Даррелу. Ему нравилось смотреть, как перед ним снова разворачиваются события его детства. Спустя пятьдесят лет ни один из домов, где в действительности жила семья Даррелов, не подошел для проведения съемок. Сцены в землянично-розовом доме снимались на вилле Фундана возле Скриперо, интерьеры нарциссово-желтого дома снимались на вилле Куркумелли в Афре, а окрестности снимались вокруг виллы Богданос возле Пирги. Белоснежно-белый дом заменили домом Кириакиса в Пуладах. Основную трудность представляли не визуальные изменения окрестностей, а звуки восьмидесятых — шум машин, мопедов, моторных лодок и реактивных самолетов. «Несмотря на все трудности, — писал приятелю Джеральд, — (а когда они прилетели на остров, шел снег, потом у двух звукооператоров случились сердечные приступы, потом еще звукооператор-грек ухитрился попасть в ветродуйную машину) им удалось со всем справиться. Результаты весьма впечатляют».

Наконец-то волшебное детство Джеральда на магическом острове нашло свое воплощение в кино. Чтобы отметить это событие, Джеральд разослал специальные приглашения, разрисованные от руки, всем, кто принимат участие в этом проекте, на вечеринку и барбекю на огромной, прекрасной вилле Куркумелли в Афре:

«Настоящие Даррелы приглашают других Даррелов, Спиро, Тео, а также всех, кто принимал участие в съемках (в том числе и продюсера). Ради спасения репутации Би-би-си постарайтесь остаться трезвыми в течение хотя бы пятнадцати минут».

В конце лета Джеральд и Ли отправились во Францию, на свою ферму. Они решили отключиться ото всего, спокойно отдохнуть, почитать и поработать над книгами. Они оба поднимались рано — около половины седьмого. Джеральд приносил Ли чашку чая в постель, а

потом они занимались своими делами: Ли возилась в саду, а Джеральд что-то писал. Иногда они отправлялись на рынок в Ним, пили кофе в местном кафе, но Джеральду не хотелось уезжать далеко от дома. За долгие годы он привык проводить послеобеденную сиесту на открытой террасе. Здесь он сидел до чая, а потом продолжал писать. Вечером он принимался готовить ужин. Слово «готовить» ему не нравилось. Он всегда говорил, что «сконструировал» карри или «построил» суп. Иногда он слушал романтичные любовные песни Арлетты, его любимой греческой певицы. Но Джеральд категорически запрещал всем вокруг слушать или играть песню «Дэнни Бой», проникнутую меланхолией и предчувствием скорой смерти.

Близкий друг Даррелов еще со времен съемок «Натуралиста-любителя» Джонатан Харрис вспоминал: «Он постоянно что-то пил. Холодное пиво появлялось в его руке после завтрака и не исчезало в течение всего дня. Он был в хорошей форме, но, когда у него портилось настроение, он сразу же тянулся за виски, и вот это-то нас всех огорчало. Не думаю, что у него было много близких друзей — я имею в виду действительно близких, сердечных друзей. Я был одним из самых близких, но я не помню моментов по-настоящему сердечной близости между нами. У Джеральда было множество знакомых, но даже рядом с ними он оставался очень одиноким. Большую часть времени он проводил на людях. Его обществом были его жена, семья и «ребята». Он был очень близок со своим братом Ларри. Его очень тревожило, что Ларри, заметно отдалившийся от семьи в последние годы, может не приехать на Рождество. Ли вынуждена была звонить Ларри по нескольку раз». Связь Джеральда со старшим братом никогда не прерывалась. Они оба отдавали себе отчет в недостатках друг друга: Лоуренс считал, что Джеральд слишком много пьет, а Джеральд всегда полагал, что Лоуренсу стоило бы лучше относиться к своим женщинам. Но в трудные времена каждый из них мог рассчитывать на поддержку другого.

А тем временем вышла новая, прекрасно иллюстрированная детская книга Даррелла «Фантастическое путешествие на воздушном шаре», навеянная так поразившим Джеральда полетом на воздушном шаре во время съемок «Натуралиста-любителя» несколько лет назад. К Рождеству эта книга заняла третью строчку в списке бестселлеров в переплете для детей. Книга, которая впоследствии была экранизирована, рассказывала о воздушном путешествии вокруг света на волшебном воздушном шаре старого дядюшки Ланселота, его племянницы и двух племянников. Горючим для этого странного средства передвижения служил древесный сок, электричество давали электрические угри, а тепло путешественники получали при помощи солнечных батарей. Веселое семейство умело разговаривать с животными. Им открылись сокровища живой природы от Амазонки до Арктики — и эти сокровища человечество бездумно разбазаривало. В рамках рекламной кампании новой книги Джеральд не упустил возможности снова поговорить об охране окружающей среды: «Жизненно важно, чтобы молодежь осознавала свою ответственность за судьбу мира. Но я говорю об этом не назидательно, а весело. Движение за охрану окружающей среды совершило несколько ошибок. Их усилия сконцентрировались на нескольких милых животных, вроде панды, и все вокруг считают, что подобной работы достаточно. Но эти люди не объяснили человечеству, что от экологической катастрофы страдают не только животные, но и люди. Жадность — это первый смертный грех. Наш вид, Homo sapiens, относится к своей планете варварски и является самым опасным для Земли».

20 ноября Джеральд и Ли отправились в двенадцатидневный круиз но Индийскому океану. Их пригласили выступить на новом роскошном немецком лайнере «Астор», который совершал плавание из Момбасы через Сейшельские острова, Маврикий, Реюньон на Мадагаскар. Вниманию пассажиров предлагались демонстрация мод, лотерея, уроки танцев, утренние пробежки. Даррелы прочли на корабле несколько лекций о своих путешествиях — «Джеральд Даррелл на Корфу», «Даррелл в России» и «Мадагаскар — огромный красный остров». Хотя Джеральд жаловался, что на «Асторе» он стал обычным развлечением вроде кока-колы или кукурузных хлопьев, путешествие прошло замечательно, компания подобралась отличная, а Ли просто сияла.

Рождество 1987 года Даррелы провели в Мемфисе. Все было как прежде. Вернувшись на Джерси, Джеральд писал Хэлу и Харриет Макджордж: «Я бесконечно благодарен вам за самое счастливое Рождество в моей жизни с того момента, когда мы праздновали Рождество в кругу семьи». С Джерси Даррелл улетал в Лондон, где ему предстояла третья операция по поводу артрита — на этот раз небольшая, но весьма болезненная, на пальце ноги. Джеральд и Ли придерживались строгой диеты, он даже вдвое сократил потребление алкоголя — настоящий подвиг. В мае его состояние ухудшилось настолько, что Джеральд даже жаловался родителям Ли на «девять лет непрерывных страданий, прошедших с того момента, когда вы вынудили меня жениться на вашей дочери». Сама же Ли выглядела просто блестяще. Джеральд писал: «Не

понимаю, почему, когда я смотрю на себя в зеркале, то замечаю, что постарел и покрылся морщинами, а когда смотрю на лицо Ли на подушке, она кажется мне красивее, чем когда-либо раньше. Думаю, у меня катаракта». И действительно, в конце года Джеральду предстояла операция по поводу катаракты — ему вставили искусственный хрусталик.

8 июня Джеральду сообщили, что ему присуждена самая почетная премия в области охраны окружающей среды. Премия экологической программы ООН «Глобал 500» давала право на включение имени лауреата в Почетный список достижений в области охраны окружающей среды. «В течение последних тридцати лет, — гласило сообщение, — мистер Даррелл является одним из ведущих специалистов по охране окружающей среды. Его книги и телевизионные фильмы призывают к сохранению живой природы на нашей планете. Основанный им Джерсийский Фонд охраны дикой природы добился впечатляющих успехов в разведении диких животных, находящихся на грани уничтожения, в неволе».

6 июля отмечалось двадцатипятилетие Фонда. «Мы разбили на территории зоопарка огромный тент, — писал Джеральд в Мемфис, — и устроили себе пикник. Я только что закончил жарить индейку с диким рисом. К нам приехали лейтенант-губернатор сэр Вильям Пиллар с женой и актриса Ханна Гордон, которая играла в «Моей семье и других зверях» роль моей мамы. Они с губернатором произнесли речь, а оркестр играл «Карнавал животных» Сен-Санса. Мы все надеялись на милость божью — и дождь действительно не пошел. Не стоит и говорить, что холодильники буквально трещат по швам от шампанского. Единственное, что огорчает меня в этот прекрасный день, так это ваше отсутствие».

Джеральд имел полное право оглядываться на прошедшие двадцать пять лет с удовлетворением и гордостью. Долгая борьба начала наконец приносить свои плоды. Этим летом он писал о прошедшем годе: «Вы можете сказать, что 1987 год был для нашего Фонда вполне обычным: еще два правительственных соглашения, восемь новых программ, студенты из двадцати двух стран мира, спасенный остров, пятьсот детенышей, четыре спасенных от вымирания вида животных возвращены в среду естественного обитания, на телевидении прошел ряд программ, а число посетителей зоопарка существенно увеличилось!»

Но в этих словах нет и доли самолюбования. Хотя разведение диких животных в неволе получило всеобщее признание, хотя все больше и больше стран задумывалось над вопросами охраны окружающей среды, ситуация в мире по-прежнему оставалась весьма опасной. В декабре официальная покровительница Фонда, принцесса Анна, посетила Джерси и заложила капсулу в основание Королевского павильона. В капсуле содержалось письмо Джеральда Даррелла будущим поколениям. Простое, непосредственное письмо выражало веру в разум людей будущего. Это было завещание и заповедь.

«Всем, кого это может касаться.
Многие из нас, хотя и не все, признают следующие факты:

1. Все политические и религиозные различия, которые в настоящее время тормозят и сдерживают прогресс мира, должны быть разрешены цивилизованным образом.

2. Все формы жизни имеют такое же право на существование, как и люди, без них мы просто погибнем.

3. Перенаселение — это проблема, касающаяся всех стран мира. Если подобная ситуация будет сохраняться, нас ждет гибель.

4. Экосистемы очень сложны и хрупки. Если их эксплуатировать чрезмерно, с жадностью, неразумно, природа погибнет, а вместе с ней и человек. Используемая же разумно, природа является подлинной сокровищницей. Неразумное разграбление этих сокровищ приведет к голоду, страданиям и гибели человечества, а вместе с ним и бесчисленного количества других форм жизни.

5. Глупо уничтожать тропические леса. Они дают приют не только многочисленным формам жизни, но и помогают выжить самому человеку.

6. Для нас мир — то же самое, чем был Эдемский сад для Адама и Евы. Адам и Ева были изгнаны из Эдема, а мы изгоняем себя сами. Разница в том, что Адаму и Еве было куда пойти. Нам же идти некуда.

Мы надеемся, что к тому моменту, когда вы будете читать эти строки, вы хотя бы частично сумеете избавиться от нашей бесконечной жадности и глупости. Если нам это не удалось, то, по крайней мере, некоторые из нас попытались это сделать...

Мы надеемся, что вы благодарны за то, что родились в таком волшебном мире.

Джеральд Даррелл».

Через два дня после закладки памятной капсулы Джеральду была присвоена почетная ученая степень — его вторая степень. На этот раз он стал почетным профессором Университета Дарема. «Принимая во внимание совершенное этим человеком и его планы на будущее, — говорилось в сообщении, — мы признаем его величайшие заслуги и высочайшие человеческие качества. Все это вселяет в нас надежду».

В январе 1989 года Джеральд посетил маленькую центрально-американскую страну Белиз. Здесь надежда вспыхнула с новой силой. В Белизе сохранилось три четверти растительности (в основном тропических лесов) и большая часть коралловых рифов. Рифы Белиза по протяженности уступали только Большому Барьерному Рифу в Австралии. Все население, от правительственных чиновников до обитателей джунглей, поняло, что будущее страны лежит в разумном и мудром использовании природных ресурсов — богатых рыбой морей, плодородных земель, густых лесов. Были приняты законы, охраняющие рифы и мангровые прибрежные леса Белиза. Огромный участок джунглей был выделен под заповедник ягуаров. Экологическая Программа для Белиза должна была осуществляться на площади в четверть миллиона акров — частично в девственных лесах, частично на сельскохозяйственных землях. Идеи Даррелла оказались очень близки руководству зоопарка Белиза и Образовательному тропическому центру. Директор Центра, Шарон Матола, избрала свой путь именно благодаря книгам Джеральда, прочитанным ею еще в детстве. Животные в зоопарке содержались в превосходных условиях — и размножались. Сотрудники работали с энтузиазмом.

24 мая 1989 года была десятая годовщина свадьбы Джеральда и Ли. Чтобы ознаменовать эту юбилейную дату, Джеральд закатил невероятно пышную вечеринку. Он не скупился — ведь этот брак спас его жизнь. «Думаю, у нас все получится, — писал он Дэвиду Шеперду. — Я заказал оранжад и бутылку шампанского с особенно крупными пузырьками, чтобы его хватило на сорок с небольшим человек или около того». Праздник проходил в огромной викторианской оранжерее и окружающем ее саду в Тринити-Мэнор, одном из крупнейших поместий Джерси неподалеку от зоопарка. Гостям были сняты номера в лучшем отеле острова. В комнатах гостей ждали огромные букеты и шампанское. Стол был сервирован серебряными приборами из Дома правительства. Повсюду красовались растения в горшках и цветочные гирлянды. Гости попадали в настоящий тропический рай. Негромкие звуки фортепиано создавали романтическую атмосферу.

Джеральд осыпал Ли подарками, причем самыми разнообразными. Ли получила четырех живых тарантулов, старинное ожерелье из богемских гранатов, великолепный Ноев ковчег с сотней зверей, вырезанный немецкими резчиками по дереву в начале XIX века, двух металлических павианов в полный рост из Зимбабве. «Ли подарила мне, — писал Джеральд друзьям, — очаровательную картину своего дяди, очень талантливого художника, красивую вазу для меда в форме огромной пчелы и роскошное, удобное кресло, в котором я буду сидеть, когда мы отправимся во Францию».

24 ноября 1989 года в Кентском университете в Кентербери открылся Даррелловский институт по охране окружающей среды и экологии. Основателем и директором этой организации стал доктор Ян Свингленд. Это было первое академическое учреждение, целиком сосредоточившее свои усилия на охране окружающей среды и на экологической биологии. На следующий день Джеральд получил еще одну почетную ученую степень, на этот раз от Кентского университета.

На содержание Фонда и зоопарка в год уходило около двух миллионов фунтов. Но в конце восьмидесятых члены Фонда проявили такую щедрость, что Джерсийское государственное казначейство предположило, что настал наиболее подходящий момент для погашения полученного займа. В 1989 году финансовое состояние Фонда стало еще устойчивее благодаря беспрецедентному по своей щедрости жесту. Один миллион фунтов был пожертвован на поддержание функционирования Подготовительного центра Фондом защиты животных Уитли. Пожертвование сделал Эдвард Уитли, чей двоюродный дядюшка, Герберт, богатый и эксцентричный основатель Пейтонского зоопарка, в 1949 году финансировал вторую камерунскую экспедицию Джеральда (он согласился купить половину привезенных им животных, а также всех зверей, которых не возьмет Лондонский зоопарк).

Уитли был банкиром, но мечтал стать писателем. Вдохновленный рассказами эксцентричного дядюшки, Эдвард прилетел на Джерси, чтобы взять у Джеральда интервью. Естественно, что в детстве он читал все книги Даррелла, но все же сам легендарный основатель

Джерсийского зоопарка сумел его поразить. «Своей белой бородой, гривой седых волос и яркими голубыми глазами, — вспоминал Уитли, — он напоминал одновременно певца в стиле кантри и ветхозаветного пророка. Он оказался полнее и ниже, чем я ожидал. Ему было нелегко садиться. «Бедренные суставы меня подвели, — пожаловался он мне. — Пришлось заменить их искусственными». Уитли получил вполне предсказуемое интервью и забыл о нем. Впоследствии он прислал Джеральду любезное письмо с благодарностью за уделенное ему и его жене Араминте время.

Имя Араминта очаровало Джеральда, и он написал ответное письмо: «Как только ваша прелестная жена вошла в комнату, я был настолько очарован ее внешностью, что пропустил мимо ушей ее имя, которое, если я правильно разобрал ваш почерк, звучит как Араминта — великолепное старинное имя, весьма приятное на слух». Магия этого имени была настолько сильна, что еще во время поездки в Австралию в 1962 году Джеральд придумал себе воображаемую подружку Араминту Джонс. Впоследствии он назвал Араминтой свою машину. В письмах к Ли Джеральд называл Араминтой ее воображаемую соперницу, с которой он собирался отправиться на Баффинову Землю.

«С этого момента началась наша дружба, — вспоминал Эдвард Уитли. — Он взял меня под свое крыло... Через полгода я бросил свою работу и стал писателем. Джерри постоянно звонил и писал мне. Он стал для меня настоящим, верным другом».

В 1989 году Уитли вернулся на Джерси. Джеральд показал ему зоопарк и Подготовительный центр. Уитли был буквально потрясен увиденным, но его беспокоило то, что работа Подготовительного центра обходится Фонду в круглую сумму и это учебное заведение находится на грани закрытия. «Я же был банкиром, — писал Уитли. — Я разработал бизнес-план, который обеспечивал вполне приличные доходы». Миллион фунтов мог спасти Подготовительный центр. Новости поразили Джеральда, Ли и их коллег. Джеральд написал молодому человеку: «Мы все поражены вашим поступком. Я никогда не мечтал, что мне удастся создать Подготовительный центр, а теперь я уверен в его будущем. Вы действительно выдающийся человек — конечно, не столь привлекательный, как Ваша жена Араминта, но все же обладающий определенным обаянием. Я не могу выразить Вам свою благодарность и надеюсь, что Вы с Араминтой приедете, чтобы я смог отблагодарить вас, отравив блюдом собственного приготовления». Довольно скоро Уитли отправился в кругосветное путешествие, чтобы собственными глазами увидеть работу выпускников Центра в десяти странах. Результатом этого путешествия стала книга «Армия Джеральда Даррелла».

Джеральд и Ли всегда отмечали Рождество в Мемфисе, проводили лето во Франции. Финансовое состояние семьи улучшилось. Доходы от «Натуралиста-любителя» и «Даррелла в России» оказались довольно приличными. В Мазе удалось отремонтировать террасу, построить новый плавательный бассейн, оранжерею и студию, выходящую окнами на бассейн и окрестные холмы, которые Джеральд окрестил Дельфами. Джеральд избавился от кое-какой старой мебели, а сестра Ли, Хэт, убедила его перепланировать сад. «Мне кажется, что, с нормальной точки зрения, нас можно счесть законченными шизофрениками, — писал Джеральд родителям Ли. — Но мы очень счастливы. Мы можем приехать в ваш замечательный дом, полный любви, вкусной пищи и бесплатного виски. У нас есть Джерси, где ребята и девушки встречают нас радостно и приветливо. У нас есть Ма-Мишель, где мы можем расслабиться, поработать и немного погреться на солнышке. А кроме этого, нам нравится то, что мы делаем, несмотря на то, что мы постоянно воздеваем руки к небу и жалуемся на судьбу».

Греясь на солнышке рядом с Ли и Хэт, Джеральд наконец-то получил возможность создать давно обещанную оду Араминте Уитли. В шестьдесят пять лет он не утратил чувственного удовольствия, получаемого от представительниц женского пола. Даже на смертном одре он не переставал флиртовать.

В конце осени 1990 года Джеральд и Ли вернулись на Мадагаскар, чтобы поймать ай-ай и несколько других видов животных, которым грозило вымирание. Это было последнее путешествие Джеральда. Он в последний раз увидел джунгли.

Мадагаскар — не самое здоровое место даже в самые лучшие времена года. Несомненно, душой Джеральд радовался предстоящему путешествию, но его тело сопротивлялось, как могло. Боль в суставах, пораженных артритом, настолько усилилась, что порой ему приходилось оставаться в лагере, пока его спутники отправлялись в джунгли на поиски приключений.

Целью экспедиции было поймать несколько пар лемуров двух видов — ай-ай и кротких, гигантскую прыгающую крысу и плоскую черепаху (капидоло). В среде естественного обитания этих животных сложились условия, угрожающие дальнейшему существованию видов. Ай-ай, безвредное ночное животное, являлось основной целью экспедиции. Огнево-подсечное земледелие сужало среду естественного обитания этого зверька. Несчастный ай-ай приспособился к тем растениям, которыми человек вытеснил более привычные для него. Он стал поедать кокосы и сахарный тростник, тем самым нанося ущерб сельскому хозяйству. Но мало того, многие мала-гасийцы верят в то, что этот зверь с загадочными круглыми глазами, крупными зубами и длинными, похожими на антенны пальцами, обладает магической силой и является предвестником смерти. Поэтому вряд ли стоило ожидать теплого, дружеского отношения к подобному созданию.
Экспедиция должна была посетить три района острова. Сначала Джеральд, Ли, Джон Хартли и Квентин Блоксам со съемочной группой искали ай-ай в районе Мананара на восточном побережье Мадагаскара. Затем Хартли и Блоксам перебрались западнее, в Морондава. Здесь они устроили лагерь и принялись ловить крыс и черепах. А Джеральд и Ли отправились на озеро Алаотра, крупнейшее озеро Мадагаскара. Они хотели поймать кроткого лемура, а затем должны были присоединиться к остальным в Морондава.

Экспедиция выехала из Антананариву — столицы Мадагаскара, которую чаще называют просто Тана, — и направилась на север. Дороги мгновенно ухудшились. Джеральда мучили боли в пораженных артритом суставах. Добравшись до Мананары, он не смог ходить. Но когда Квентин Блоксам вернулся с ночной вылазки в состоянии радостного возбуждения, его настроение улучшилось. «Ай-ай повсюду, — радовался Квентин. — Они кругом! Они буквально кишат на каждом дереве... Это удивительно... Невероятно... Я хочу сказать... Ай-ай повсюду!»
Квентину удалось увидеть настоящую любовную оргию ай-ай. Экспедиция разбила лагерь неподалеку от Антанамбаобе. Первого ай-ай, Верити, им подарил старинный друг Джеральда, профессор Альбиньяк, основатель заповедника «Человек и биосфера», в окрестностях которого и работали путешественники. Вот что писал Джеральд об ай-ай:

«В сгущающихся сумерках он спустился ко мне по ветвям. Его круглые гипнотические глаза сверкали, похожие на ложки уши поворачивались во все стороны независимо друг от друга, словно радары, белые усы топорщились и шевелились, как сенсоры. Его черные руки с тонкими, изысканными пальцами — из которых третий был еще более длинным, — элегантно цеплялись за ветки, пока он спускался — ну точно пианист-виртуоз, играющий Шопена. Казалось, что перед вами ведъмин черный кот или инопланетный пришелец. Если бы поблизости оказалась летающая тарелка с Марса, вы бы сразу решили, что это существо только что спустилось с нее. Это был кэрролловский Бармаглот, оживший и каким-то чудом вылезший из густого леса.

Он спустился ко мне на плечо, заглянул в лицо своими огромными, гипнотическими глазами, пробежал пальцами по моей бороде и волосам с такой легкостью, словно профессиональный парикмахер. На его нижней челюсти я заметил огромные, похожие на резцы, зубы. Зубы становились все крупнее, и я решил сохранять спокойствие. Зверек издал короткое ворчание и спустился ко мне на колени. Особенно его заинтересовала моя трость. Его черные пальчики бегали по трости, словно она была флейтой. Потом он наклонился и с устрашающей аккуратностью чуть было не перекусил мою трость пополам своими громадными зубами. К его огорчению, в трости не оказалось никаких личинок, поэтому он решил вернуться на мое плечо. И снова ай-ай принялся перебирать мне бороду и волосы. Ощущение при этом было такое, словно волос моих касается легкий ветерок.

Но вот он, к моему беспокойству, обнаружил мое ухо. «Ага, — сказал он себе, — здесь наверняка скрывается самая крупная и вкусная личинка!» Он изучал мое ухо, как гурман наслаждается изучением меню, а потом очень осторожно запустил в него свой длинный палец. Я приготовился к глухоте: привет, Бетховен, сказал я себе, вот и я! К моему удивлению, я почти не чувствовал, как палец ай-ай исследует мое ухо в поисках таинственных деликатесов. Не обнаружив в ухе ничего вкусного и ароматного, зверек недовольно фыркнул и исчез в ветвях.
Так я впервые увидел ай-ай. Я понял, что это самое невероятное животное, с которым мне посчастливилось встретиться. Животное это нуждалось в помощи, и мы должны были ему помочь...»

Экспедиция обратилась за советом к местному предсказателю. Он сообщил путешественникам, что их ждет удача — «только в том случае, если ваши побудительные мотивы искренни». Началась охота на ай-ай. Видеозапись Верити была показана местным школьникам,

чтобы пробудить в них интерес. Но через пять недель съемочная группа должна была уезжать, звукооператор свалился со злокачественной малярией, заражением крови и гепатитом, бюджет был исчерпан, расписание съемок пошло ко всем чертям, а единственным ай-ай оставалась все та же Верити. По иронии судьбы, стоило лишь экспедиции покинуть лагерь, как на следующий же день местные фермеры принесли самку ай-ай с детенышем, а помощники поймали еще одного детеныша и взрослого самца. К тому моменту когда экспедиция Даррелла покидала Мадагаскар, у них было шесть ай-ай, как и планировалось. Зверьки были немедленно отправлены на Джерси самолетом. Здесь они быстро адаптировались к новым условиям и стали размножаться. Это были единственные ай-ай в мире, содержащиеся в неволе, за исключением пары в Центре приматов Университета Дьюка в Северной Каролине.

Вернувшись в столицу, Дарреллы встретились с Эдвардом и Араминтой Уитли. Эдвард работал над репортажем о заграничных проектах Джерсийского Фонда, который впоследствии вошел в книгу «Армия Джеральда Даррелла». Эдварду показалось, что Джеральд находится в хорошей форме. Даррелл с восторгом говорил о Мадагаскаре, где есть все, чем славится Франция (включая местное вино и виски), зато нет французов. Он с аппетитом поглотил огромную тарелку лягушачьих лапок, причем, как он утверждал, эти лапки принадлежали экологически опасному для острова виду лягушек, непредусмотрительно завезенных из Индии и безжалостно уничтожающих местные виды.

Прибыв на озеро Алаотра, Джеральд почувствовал себя плохо. Он где-то подцепил дизентерию и теперь страдал от мучительных болей в животе и диареи. «Мне казалось, что кто-то оперирует мои нижние регионы при помощи тупой пилы», — писал он. Джеральд чувствовал себя так плохо, что задумался о смысле жизни: «Почему, спрашивал я себя, ты так с собой поступаешь? В твоем возрасте ты должен быть умнее и не вести себя, словно тебе все еще двадцать один. Почему ты не уйдешь на покой и не займешься гольфом, кеглями или резьбой по мылу? Почем ты истязаешь себя? Зачем ты женился на молодой девушке, которая подталкивает тебя к этим безумным действиям? Почему бы тебе просто не совершить самоубийство?»

Состояние Джеральда усугублялось бедственным положением озера Алаотра. Окрестные леса давно были вырублены, в результате чего стали разрушаться холмы. Почва сползала в озеро, берега превращались в топкие болота. Когда-то этот район славился посадками риса. Теперь Мадагаскар импортировал рис из-за границы. Район озера Алаотра в метафорическом смысле демонстрировал судьбу всего острова — стремительное самоубийство человечества, холокост остальных форм жизни, в том числе и кроткого лемура, среда обитания которого ограничилась узкой полоской тростника вокруг озера. А тростниковые заросли регулярно выжигались, чтобы устроить посадки риса. Было ясно, что, если не предпринять экстренных мер, кроткий лемур — размером с небольшого котенка, с зеленовато-коричневым мехом, крупными золотистыми глазами и огромными руками и ногами — очень скоро разделит судьбу двух видов местных птиц, которые незадолго до приезда экспедиции полностью вымерли.

Незадолго до Рождества на Алаотру к Дарреллам приехали Уитли. Несмотря на состояние здоровья Джеральда, дела шли хорошо. Эдвард отметил, что способ охоты на кроткого лемура, предложенный Дарреллом, был очень простым. Они объезжали местные деревни и спрашивали, не хочет ли кто-нибудь из жителей продать им зверьков. Одного лемура удалось приобрести в первый же день, а через три дня были получены все требуемые десять особей, в том числе четыре детеныша, которых приходилось кормить молоком и протертыми бананами с помощью спринцовки. Животных отправили в Тану, где за ними присматривал Джозеф Рандрианаво-равелона, выпускник Джерсийского подготовительного центра. Затем самолетом лемуров отослали на Джерси.

Аминта вернулась в Англию, а Джеральд, Ли и Эдвард встретились с Джоном и Сильвией Хартли и Квентином Блоксамом в лагере, разбитом в тридцати милях от Морондавы. Окрестные леса находились под покровительством швейцарской природоохранной компании. Вокруг лагеря были расставлены ловушки, чтобы поймать гигантскую прыгающую крысу. Через несколько дней план поимки был выполнен. Удалось поймать не только прыгающих крыс — грузных животных, опирающихся на хвост, словно кенгуру, — но и плоских черепах.

В каждой бочке меда всегда найдется ложка дегтя. Такой ложкой дегтя в мадагаскарской экспедиции Даррелла стали мухи — комнатные мухи, слепни, оводы и множество других видов. Нашествие мух усугублялось непереносимой жарой — даже по утрам градусник показывал не меньше сорока градусов. «Мухи совершали самоубийство в вашем стакане с пивом по десятку за раз», — писал Джеральд. Полотнища палаток и столы были черны от полчищ мух. Мухи

облепляли лицо, руки, ноги. Они жалили так, писал Даррелл, «словно какой-то жестокосердный миллионер гасил о ваше тело толстые, дорогие гаванские сигары». Но природа даже в своих самых неприглядных проявлениях никогда не раздражала Даррелла. «Посмотрите на обычную комнатную муху или москита под микроскопом, — писал он, — и вы сразу же будете поражены архитектурной красотой их тел. Сложный глаз комнатной мухи — это чудо творения». Эдвард Уитли описывает лагерь экспедиции как сущий бедлам, сборище всевозможных ночных животных — лягушек, птиц и зверей, — «квакающая, пищащая, рычащая масса», над которой раздавался мощный храп, доносящийся из палатки Джеральда и Ли. «Джерри, — вспоминал Уитли, — обладал счастливой способностью засыпать где угодно».

Мадагаскарская экспедиция позволила Джеральду и Ли ознакомиться с развитием проекта по разведению мадагаскарской клювогрудой черепахи (ангоноки, как ее называли на острове). Это крупнейшая и наиболее впечатляющая черепаха из четырех видов, населяющих остров. Порой эти черепахи достигали двух футов в длину и весили до сорока фунтов. Клювогрудые черепахи являются редчайшими на земле, так как обитают только на северо-западе Мадагаскара и численность их неуклонно сокращается из-за выжигания кустарников, где они селятся, а также из-за завезенной на остров африканской дикой свиньи.

В 1985 году Специализированная группа по черепахам при Международном союзе охраны природы обратилась в Джерсийский Фонд с просьбой принять участие в спасении клювогрудой черепахи. Проект осуществлялся в лесничестве Ампидзуороа неподалеку от города Махадзанга. Руководил проектом Дон Рейд, помогал ему Жермен Ракотобеарисон, выпускник Джерсийского подготовительного центра. Ли и Эдвард Уитли с радостью убедились в том, что черепахи благополучно размножаются.

Джеральд не смог посетить Ампидзуороа, так как слег с лихорадкой и был вынужден оставаться в комфортабельном отеле «Кольбер» в Тане, наслаждаясь кондиционированным воздухом, холодным пивом, прохладным душем и горячими лягушачьими лапками. Но благополучие, наступившее в судьбе клювогрудых черепах, настраивало его на лирический лад. «Я держал в руках четырех детенышей клювогрудой черепахи, — писал он, — и был счастлив. В моих руках лежачи четыре крохотных, согретых солнцем камушка, гладко отшлифованных и изваянных ветром и волнами». Ли ворковала над черепашатами, восхищаясь их яркими глазками, цепкими коготками, крепкими лапками, напоминающими окаменевшие листочки крохотного дерева. «Ничто не сравнится с тем, когда ты видишь и держишь в руках плоды своего труда. Эти круглые комочки жизни в наших руках стоили всех тех усилий, всех просьб, всей борьбы с местной бюрократией, всех долгих месяцев планирования и кропотливой работы. В наших ладонях сидели крохотные, похожие на пирожки с румяной корочкой черепашата, символизирующие будущее своего вида. Мы знали, что, если защитить их от невзгод, эти необычные допотопные создания смогут размножаться и покажут новым поколениям, каким был мир раньше».

Джеральд и Ли заехали и на Маврикий, где Джерсийский Фонд вот уже пятнадцать лет осуществлял проект по охране окружающей среды. За это время был достигнут существенный прогресс. Когда Джеральд впервые посетил остров, численность маврикийской пустельга сократилась до четырех особей, розовых голубей оставалось всего двадцать. На острове Родригес жило сто двадцать уникальных золотых крыланов, обитающих только здесь, а на Круглом острове численность уникальных рептилий и растений сокращалась с пугающей скоростью — всему виной были кролики и козы, неосмотрительно завезенные еще в начале XIX века.

После того как все усилия местного правительства закончились ничем, на помощь пришел Джерсийский Фонд. С помощью Новозеландского общества охраны природы и австралийского военно-морского флота (предоставившего вертолет) начались работы на Круглом острове. В 1990 году проблемы Круглого острова остались в прошлом. На Джерси и на самом Маврикии были созданы жизнеспособные колонии маврикийской пустельги, розовых голубей и золотых крыланов. В Джерсийском зоопарке активно размножались гекконы, сцинки и боа с Маврикия. Благодаря активной работе Карла Джонса на Маврикии численность редчайшей птицы, маврикийской пустельги, существенно увеличилась. «Если кому-то и удалось вернуть редкий вид из бездны забвения, — писал Джеральд, — так это Карлу». К 1990 году Карлу удалось получать пятьдесят птенцов пустельги каждый год. Он уже выпустил 112 молодых птиц на волю — великолепное достижение. В одном из последних лесов, оставшихся на острове, он со своими помощниками занимается возвращением в природу выращенных в неволе розовых голубей. Джеральд писал:

«Пока мы сидели и болтали, произошло нечто удивительное. Раздался громкий шум крыльев, и розовый голубь уселся на дерево в двадцати футах от нас. К нашему удивлению, это

оказалась птица, выращенная на Джерси и присланная на Маврикий в рамках нашего проекта, — мы поняли это по кольцу на ее лапке. Голубь вспорхнул, а потом уселся перед нами во всей красе, словно великолепный образчик викторианской таксидермии. Разумеется, мы поделились с ним крошками с нашего стола. Угощение было благосклонно принято, а затем голубь улетел в лес. Было так приятно видеть птицу, выращенную на Джерси, которая теперь порхает между деревьев своего родного леса. Для этого и существуют зоопарки — конечно, хорошие зоопарки!»

Впоследствии Джеральду довелось стать свидетелем не менее удивительного события. Вместе с Ли и Карло Джонсом он отправился осмотреть те утолки леса, где были выпущены на свободу птенцы пустельги. Карл стал подманивать птиц, имитируя их крики, а Джеральд стоял подобно статуе Свободы, держа в вытянутой руке дохлую мышь в качестве приманки.

«Вот, вот они летят! — воскликнул Карл.

В воздухе послышался легкий шорох, словно пролетел ангел, а потом мелькнуло коричневое тело, блестящий глаз. К моим пальцам легко прикоснулись острые когти, и мышь исчезла, а пустельга унеслась, крепко держа добычу. Удивительно было видеть эту птицу, которой было суждено погибнуть — ведь в природе оставалось всего четыре особи. А теперь, благодаря разведению в неволе, я могу угостить эту замечательную птицу мышью».

Вернувшись на Джерси, Джеральд и Ли сразу же отправились в зоопарк проведать новых обитателей, которых им предстояло спасти: прекрасных капидоло с блестящими панцирями, восхитительных змей, гладких и теплых, как морские камушки, гигантских прыгающих крыс, пушистых кротких лемуров и самых удивительных животных, ради которых и была затеяна вся эта экспедиция, — «наше маленькое племя Зверей с Магическим Пальцем».

«В своей жизни я повидал почти всех животных — от китов-убийц до колибри размером с перышко, от жирафа до утконоса, — писал Джеральд. — А теперь, видя, как ай-ай деловито снуют по своим клеткам, пытаясь выяснить, что бы можно было найти и съесть, я испытал огромное облегчение. Я чувствовал, что завершил очень важное дело». Джеральд взял на руки ай-ай, которого он назвал Маленьким Принцем. «Огромные уши, великолепные, спокойные, но заинтересованные глаза красивейшего цвета, странные черные, мягкие ручки, магический палец, изгибающийся, как викторианская застежка» — таким предстал перед Джеральдом ай-ай. Джеральд вспоминал: «Я подумал о животных, спасенных нами на Маврикии. Если бы нам только удалось сделать то же самое для этих удивительных зверьков, привезенных нами с Мадагаскара! Если бы с нашей помощью и с помощью других людей можно было бы спасти обитателей чудесного острова Мадагаскар, если бы мы смогли вернуть потомство Маленького Принца на остров — может быть, это послужило бы извинением тому, что человек сделал с природой».

Маленький Принц смотрел на Джеральда блестящими глазами, его уши поворачивались в разные стороны, словно антенны. Зверек нежно перебирал бороду Джеральда. А потом он беззаботно запустил свой магический палец в ухо Джеральда. «Мы прошли полный круг, — закончил Джеральд рассказ об этом бесконечном путешествии. — Но, как всем нам известно, у круга нет конца».

Пока Джеральд путешествовал по Мадагаскару, в возрасте семидесяти восьми лет умер его старший брат Лоуренс. На протяжении последних лет он тяжело болел. Одно время он очень много курил, из-за чего возникла эмфизема легких. За три года до смерти он чувствовал себя так плохо, что с трудом мог передвигаться по дому. В последние дни своей жизни Лоуренс Даррелл являл собой печальное зрелище — больной, мрачный, скучающий, подавленный, вечно пьяный, запертый в своем доме. «Он слишком устал от жизни», — писал Джеральду близкий друг семьи, незадолго до смерти навестивший Ларри.

Последняя подруга Лоуренса Франсуаза Кестман рассказывала Джеральду о смерти брата. 7 ноября 1990 года она вышла из дома, чтобы отвести младшего сына в школу и купить чего-нибудь на завтрак. Когда она вернулась, Лоуренс был уже мертв. Он умер мгновенно от кровоизлияния в мозг. Через несколько дней его тело было кремировано в Оранже, а прах захоронен в маленькой церкви в Соммьере, где покоился прах Клод.

«Я всегда считал своего старшего брата невнимательным, — писал Джеральд. — И мое мнение подтверждает тот факт, что Ларри решил умереть именно в тот момент, когда я находился в очень важной экспедиции на Мадагаскаре, где нет ни самолетов, ни факсов, ни телефонов, ни даже приличных дорог. Я узнал о его смерти несколько дней спустя, когда было уже поздно

утешать двух его бывших жен, бесчисленных подружек и столь же бесчисленных друзей во всем мире». Ларри заменил Джеральду отца. Он всегда, был готов помочь младшему брату советом. Именно Ларри заставил его поверить в себя, именно он открыл ему красоту и загадочность английского языка, именно он сделал из Джеральда писателя. «И вот он ушел, — писал Джеральд. — Пронесся в нашей жизни, как комета, оставив за собой блестящий шлейф людей, которые любили его, восхищались им, а норой и смеялись над ним. В жизни всех этих людей после его ухода образуется пустота, которую ничем не заполнить. Они будут скучать по нему. Я тоже».

Свой дом в Соммьере Лоуренс завещал Франсуазе. Кроме дома, он оставил ей средства на организацию Центра Лоуренса Даррелла. «Институт Ларри Даррелла и мой Даррелловский институт по охране окружающей среды и экологии в Кентском университете — вот что мы, Дарреллы, оставим после себя», — с гордостью писал Джеральд Алану Томасу.

Известие о смерти брата подкосило Джеральда. Еще больше расстроила его статья в «Санди телеграф», в которой утверждалось, что Лоуренс вступил в кровосмесительную связь со своей дочерью Сафо, когда той было восемнадцать лет, через год после смерти его жены, Клод. Автор статьи опирался на выдержки из дневника самовлюбленной и эмоционально неустойчивой Сафо. В феврале 1985 года после нескольких неудачных попыток самоубийства она все же сумела повеситься. Ей было тридцать три года. Бездоказательные обвинения журналистов глубоко огорчили семью. Джеральд, Маргарет и Джеки объединили свои усилия по пресечению клеветы.

Джеральд ощущал свою смертность. Умер его старинный друг Питер Булл, у Алана Томаса обнаружили рак. Знаменитая тетя Пру умерла от сердечного приступа, метнув кирпич в соседского кота. Она оставила Джеральду 25 тысяч фунтов. Сам Джеральд неуклонно приближался к семидесятилетию. Настало время подвести итоги, обдумать будущее. Самым важным вопросом был вопрос о его преемнике. 22 января 1991 года он написал неформальное письмо лорду Крайтону, досточтимому патриарху Совета Фонда: «Недавняя смерть моего брата напомнила мне о том, что никто из нас не бессмертен. Если Вы не против, я считал бы разумным ввести Ли в состав Совета, чтобы она в случае моей смерти автоматически становилась Почетным директором Фонда без дополнительных церемоний и проволочек». Джеральд напомнил лорду Крайтону, что Ли обладает необходимым образованием — она более квалифицированна, чем ее муж да и многие другие члены Фонда. Более того, сотрудники знают и уважают Ли, предпочитая обсуждать свои проблемы с ней, а не с ним, поскольку доверяют ее суждению и полагаются на ее тактичность. «Ли глубоко предана делу Фонда. Она инициировала и руководила осуществлением проекта по спасению клювогрудых черепах на Мадагаскаре. Она будет председателем Даррелловского фонда экологической биологии. По моей просьбе она сохранит фамилию Даррелл, что будет способствовать успешной работе фонда. Я умру спокойным, если буду знать, что дело моей жизни останется в надежных руках Ли». Поскольку Джеральд сам не мог выступить с этим предложением перед членами Совета, он попросил сделать это лорда Край-тона. Крайтон немедленно ответил своим полным согласием.

Как обычно, летом Джеральд и Ли отправились в Мазе. «Оранжерея так заросла, — писал Джеральд родителям Ли в Мемфис, — что мне придется нанять трех арабов, чтобы те прорубили мне дорогу своими мачете». Ли увлеклась садоводством, вокруг дома кишат зловещие растения. «Это вьющееся растение с круглыми, как задница слона, листьями и длинными розовыми усиками. Каждый раз, когда я прихожу в оранжерею, эти усики (которые растут по ярду в минуту, стоит только отвернуться) тянутся ко мне и обвивают меня со всех сторон. Выпивая по вечерам, мне приходится постоянно быть начеку, чтобы они меня не придушили. У нас есть еще одно растение, напоминающее пораженные гангреной остатки зеленого пекинеса. Это чудовище норовит вылезти из своего горшка и устроиться на моих ногах, одному господу известно с какой целью...»

Хотя у Джеральда была новая студия, он редко там работал, поскольку это означало оставаться в одиночестве, а одиночества он никогда не переносил. Больше всего он любил работать за небольшим столиком в дальнем конце гостиной, откуда он видел террасу и кухню. Таким образом, в его поле зрения всегда находился кто-то из близких (предпочтительно его собственная жена), что не позволяло ему почувствовать себя одиноким.

В начале девяностых вдохновение покинуло Джеральда. Прошло десять лет с момента выхода в свет «Натуралиста-любителя», написанного в сотрудничестве с Ли. «Натуралист на мушке» был слабее, а «Даррелл в России» являлся почти буквальным изложением русских дневников, к которым тоже приложила руку Ли. За последующие пять лет он написал еще шесть книг. Пять из них были короткими художественными произведениями, и лишь одна адресовалась

взрослым любителям научно-популярной литературы. Теперь он писал, полагаясь на свое воображение, а не на события реальной жизни. Состояние его суставов и глаз с каждым годом ухудшалось, что не позволяло ему путешествовать.

Алтеа Мортон-Санер стала четвертым литературным агентом Джеральда в середине восьмидесятых. Она неоднократно встречалась с ним во Франции, бывала в Соммьере у Лоуренса, агентом которого являлась. «Лучшие книги Джеральда остались в прошлом, — признавала она. — Хотя он оставался очень знаменитым, он лишился свободы. Он не мог писать такие книги, как прежде. Он превзошел своих современников, за исключением Ларри. Оба брата обладали одинаковой притягательностью и влиянием на окружающих. Глубокий голос Джерри, его невероятная мягкость, его стремительное остроумие были способны успокоить всех вокруг. Он ни к чему не относился серьезно, кроме своей работы. Когда он видел, что люди жестоко обращаются с животными, он выходил из себя. С годами он становился все более раздражительным и нетерпеливым, но ожидал, что вы будете мириться с этим в знак дружбы».

Две детские книги — «Кипер» (1990), иллюстрированная книга о боксере Кипере, работшощем смотрителем в зоопарке, и «Тоби Черепаха» (1991) — продавались не слишком хорошо. Но «Фантастическое путешествие к динозаврам», продолжение «Фантастического путешествия на воздушном шаре», вышедшее в 1989 году и великолепно проиллюстрированное, пользовалось большим успехом. Сюжет этой книги заключался в следующем. Некий злодей украл машину времени и отправился во времена динозавров, чтобы охотиться на них ради прибыли. «Он собирается ловить детенышей динозавров, а для этого нужно сначала подстрелить их матерей», — в ужасе кричит один из героев книги. Здесь явно слышны отголоски неудачной охоты на гиппопотамов в Камеруне в годы молодости Джеральда. Книга была не только увлекательной, но еще и очень познавательной, и дети ее полюбили.

Новая книга для взрослых «Мама на выданье» (1991) была не менее увлекательной и очень веселой. Действие рассказов, вошедших в книгу, разворачиваюсь где угодно — от Парагвая до Перигора. Эксцентричные герои, среди которых были и члены семьи, запоминались надолго. История неудачного замужества мамы, рассказ о монахине, добывающей деньги на благотворительные цели в игорных домах, судьба уникальной свиньи Эсмеральды, разыскивающей трюфели, жизнь стареющей красотки из Мемфиса и алкоголика-палача из маленького города на Паране — вот что стало основой книги. «Все эти истории правдивы, — заявлял Джеральд с присущим ему апломбом, что не мешало ему тут же себя опровергать: — Чтобы быть более точным, скажу, что некоторые из них правдивы, а в других содержится зерно правды».

В 1990 году в Британии вышел «Юбилей ковчега». Это была довольно веселая книга, хотя посвящена она была серьезным проблемам. «Если вы можете заставить людей смеяться и в то же время расскажете им о важных вещах, — говорил Джеральд своему коллеге, секретарю Общества охраны природы, Джону Бартону, — вы уже на полпути к успеху». Книга рассказывала о борьбе и достижениях Джерсийского Фонда охраны дикой природы за двадцать пять лет его существования. Она была бесконечно правдива. Несмотря на то что в ней рассказывалось не только об успехах, но и о провалах, а порой даже о трагедиях, читатели приняли ее всем сердцем. «Мистер Даррелл рассказывает о своем взгляде на разведение диких животных в неволе с искренностью и чуткостью человека, который не может спокойно смотреть на страдания живых существ, как растении, так и животных, — писал критик «Нью-Йорк тайме». — И ему всегда удается рассказывать о серьезных вещах с изрядной долей юмора». «Сан-Франциско кроникл» замечала: «Джеральд Даррелл просто не способен написать книгу, которая не была бы эксцентричной, удивительной и экспансивной. «Юбилей ковчега» настолько же отрезвляет, насколько развлекает».

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ДОЛГОЕ ПРОЩАНИЕ

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

«ПРОЯВЛЕНИЯ МОЕЙ ИПОХОНДРИИ»: 1992-1994

Хотя Джеральд Даррелл излазил самые непроходимые джунгли и побывал в самых недоступных уголках нашей планеты, он никогда не был физически сильным человеком. В детстве он отличался довольно хрупким сложением. «Вечно больное создание, — писал его брат Лоуренс, — постоянно чем-то болеющее, слабое и похожее на сухую палку». В детстве Джеральд страдал от хронического катара. Ему было трудно спать по ночам, его даже не взяли в армию, придя в ужас от состояния его носовых пазух. «А теперь внешне он превратился в настоящего Геркулеса, этакого бородатого супермена, — вспоминал Лоуренс. — Но на самом деле Джерри по-прежнему остался физически слабым и довольно уязвимым. Болезненный, худой, долговязый, нервный, дерганый, застенчивый... У каждого из нас есть свои слабости, но Джерри страдал куда сильнее нас всех. Удивительно, что ему удалось казаться сильным, оставаясь по-прежнему столь же хрупким и нежным».

Став взрослым, особенно во время своих африканских путешествий, Джеральд страдал от множества заболеваний — у него была малярия, песчаная лихорадка, дизентерия и множество других болезней. Хотя Джеральд был очень целеустремленным человеком, осознающим свою высокую миссию, его чувствительность и деликатность делали его особенно уязвимым для стрессов и сложностей избранной им стези, что приводило к депрессиям и нервным срывам. С возрастом к этому прибавились физические болезни: два пораженных артритом сустава, катаракта на обоих глазах, больное сердце, рак мочевого пузыря, диабет, хроническая третичная малярия — скорбный список.

Хотя алкоголь помогал Джеральду прожить еще один день, год, всю жизнь, он постепенно разрушал его здоровье. В последние годы жизни он пил так много, что добром это закончиться не могло. Джеральд уже страдал от ряда весьма серьезных заболеваний, несомненно, связанных с алкоголем. Его брат Лоуренс — тоже алкоголик, как и Джеральд, — страдал теми же заболеваниями. Он падал, бился в судорогах, прикусывал язык, терял контроль над мочевым пузырем и кишечником. Порой братья утверждали, что их близость объясняется генетической предрасположенностью, связанной с алкоголем.

В начале 90-х годов Джеральд чувствовал себя особенно плохо. Он осознавал свое состояние. Зеркало безжалостно показывало ему, во что он превратился. В конце 1991 года Джеральд выглядел так плохо, что его подруга, известная телеведущая Сара Кеннеди, была убеждена, что долго ему не протянуть. Она познакомилась с Джеральдом и Ли в конце 80-х, когда прилетела на Джерси вместе с писателем и зоологом Десмондом Моррисом снимать телевизионную программу. В январе 1992 года, убежденная в том, что Джеральд умирает, Сара устроила в своей лондонской квартире обед, на который пригласила его, Дэвида Эттенборо и Десмонда Морриса.

«Сара сказала мне: «Джерри недолго останется в этом мире», — вспоминал Десмонд Моррис. — Это меня удивило — я считал, что с ним все в порядке. Но Сара отличалась повышенной чувствительностью, она видела, что он болен и жизнь его катится к закату. Я очень любил старого мошенника. Мы дружили, я чувствовал эмоциональную близость с этим человеком. Я относился к животным так же, как и он, но мы никогда не говорили об этом. Нам это было просто не нужно. Мы были убеждены, что каждый из нас придерживается той же точки зрения, что и другой».

Три ведущих зоолога Британии (сэр Питер Скотт — «человек, заложивший основы международного движения за охрану окружающей среды», как назвал его Джеральд, — умер за год до этого). «Я должна была сделать это, — вспоминала Сара Кеннеди, — потому что инстинктивно чувствовала, что эти трое собираются вместе в последний раз. Хотя они исследовали мир живой природы по-разному, они глубоко уважали друг друга».

Сюрприз был тщательно подготовлен. Джеральд и Ли приехали первыми. Джеральд устроился в кресле с бутылкой своего любимого виски «Джей энд Би», а Сара включила музыку.

Вскоре раздался звонок домофона. Сара подняла трубку и услышала, как Дэвид и Десмонд хихикают, как школьники. Решив хранить тайну как можно дольше, она сурово произнесла: «Довольно позднее время для доставки напитков. Но, полагаю, вам будет лучше подняться».

Прозвонил дверной звонок, и вошли удивленные столь странным приемом гости. «Глаза Джерри чуть не вылезли из орбит, вспоминала — Сара. — У него отвисла челюсть. А потом он широко улыбнулся. По отношению к людям, которых он искренне любил, Джерри мог быть довольно бесцеремонным. «Ты поганка!» — заявил он мне. И после этого разговор потек, словно шелковая лента. Они говорили о жизни — у них было столько общего. Дэвид вспоминал о том, как они с Джерри встретились в Буэнос-Айресе. Тогда им обоим приходилось заботиться о животных, собранных во время экспедиций в джунгли. Какие были времена! Вечер удался на славу. Но, к сожалению, я оказалась права. Это была их последняя встреча».

В этом году содержание писем Джеральда к Хэлу и Харриет Макджордж в Мемфис стало все теснее связанным с состоянием его здоровья. Хотя он храбрился и пытался описывать свои медицинские злоключения с юмором, одно то, что он писал о них, говорит о тщательно скрываемом беспокойстве. 5 февраля он написал с Джерси: «Я собираюсь на денек залечь в больницу, чтобы медики исследовали мой мочевой пузырь. Они никак не могут поверить, что в него вмещается столько виски». 17 марта он пишет о том, что ситуация ухудшилась:

«В течение многих лет моя моча была настолько бледной и светлой, что могла сравниться с самыми изысканными винами из долины Луары. Теперь же, к своему' ужасу, вместо этой благословенной жидкости я увидел нечто, напоминающее крепкое красное вино. Моя жена была на кухне. Думаете, она меня пожалела? Она стала обвинять меня в том, что я не думаю о себе, слишком много ем, слишком много пью, очень поздно ложусь. Поэтому я решил лечь в больницу. Джерсийская больница славится своими очаровательными медсестрами, а также тем фактом, что когда пациент ложится в нее для удаления аппендикса, он просыпается после наркоза без обеих ног от того, что прелестная медсестра только что уронила кипящий чайник на культю. Так что меня отвезли в мрачную темницу, где меня привязали к столу (я протестовал!) и начали мазать йодом».

И в таком духе целых четыре страницы. Тесть и теща узнали о хирурге — настоящем Джеке Потрошителе и маркизе де Саде в одном лице, о введении катетеров, о вливании плазмы и лекарств, о неудобстве, испытанном им, когда его внутренние органы «в полной наготе» предстали на огромном телевизионном экране, на который таращились три сестры. А затем следовало захватывающее описание диагноза («небольшая доброкачественная опухоль типа бородавки») и мук лечения: «Я должен, если хочу дожить до шестидесяти восьми лет, забыть о женщинах, курении, пище и алкоголе». Джеральд лег в больницу на обследование на двадцать часов, но провел там девять дней.

К маю состояние Джеральда немного нормализовалось. Он немедленно занялся подготовкой международной конференции по вопросам охраны животных — Шестой Международной конференции по разведению вымирающих видов. Первая такая конференция состоялась на Джерси еще в 1972 году. Тогда ведущие зоологи считали, что у разведения диких животных в неволе нет будущего. Двадцать лет спустя Всемирная организация по охране природы признала, что этот способ весьма эффективно помогает спасать животных от вымирания.

Открывая конференцию, принцесса Анна предложила тремстам делегатам из тридцати стран мира рассматривать свои зоопарки как средство спасения животных от вымирания, а не как развлекательные учреждения. Конференция должна была выработать программу действий по эффективному управлению численностью животных в естественных условиях и в неволе. Почти вымерший калифорнийский кондор был помещен в зоопарк после серьезных возражений. Теперь же в двух зоопарках насчитывалось более шестидесяти птиц. Первая пара кондоров уже была выпущена на волю. Черноногий хорек (один из первых любимцев Джеральда в его бытность помощником в зоомагазине) снова обитал в прериях американского Запада, после того как был скрещен со своим ближайшим родственником, сибирским хорьком. Жаба с Майорки, которая считалась вымершей, была впервые обнаружена в 1980 году. После разведения в неволе несколько таких жаб было выпущено на волю. Они дали жизнь новому поколению диких жаб. Выступая на конференции, доктор Джордж Рабб, председатель Комиссии по спасению вымирающих видов при Всемирной организации по охране окружающей среды, призвал международное зоологическое сообщество изменить отношение к зоопаркам и превратить их в настоящие центры сохранения видов.

Джеральду Дарреллу было чем гордиться. Из брошенного им (и несколькими его единомышленниками) зерна выросло раскидистое дерево. Его собственный зоопарк и Джерсийский Фонд являлись признанными лидерами природоохранного движения. В его зоопарке жили и благополучно размножались представители шестидесяти одного вида животных, находившихся на грани вымирания, — улитки, ящерицы, золотистые львиные тамарины, снежные леопарды, гориллы и очковые медведи. Все они нашли себе безопасное убежище, а впоследствии могли быть выпущены на волю. Структура Фонда усложнялась и совершенствовалась. Свыше девятисот выпускников Подготовительного центра трудились во всем мире. Даррелловский институт при Кентском университете продолжал исследования в области экологической биологии. Через несколько недель в Рио должна была открыться первая Встреча по вопросам Земли. Помимо прочих очень важных вопросов на ней должен был обсуждаться вопрос сохранения биологического разнообразия.

Колесо жизни зоологического мира совершило полный оборот. Влиятельное Зоологическое общество Лондона, с которым Джеральд неоднократно вел ожесточенные споры еще во времена Кэнсдейла, не говоря уже об империи Цукермана, склонило голову. Оно балансировано на грани закрытия, раздираемое внутренними склоками и противоречиями. Состояние Лондонского зоопарка было плачевным, напоминая катастрофу «Титаника». Даррелл утратил веру в Зоологический Совет давным-давно, но и после Цукермана жизнь продолжается. Джеральд написал письмо коллеге, в котором высказал свое мнение о том, что управлять Лондонским зоопарком должны профессионалы, которые смогут «вдохнуть жизнь в эту окаменелость»[8].

Всего несколько лет назад зоологический мир не волновало, что говорит о нем Джеральд Даррелл. Теперь же они с трепетом впитывали каждое его слово и были благодарны за поддержку. 13 мая торжествующий и энергичный Джеральд писал родителям Ли:

«Мы только что закончили крупную и очень успешную конференцию. К нашей радости, девочка Анна (наша покровительница) согласилась ее открыть. Она произнесла великолепную речь, в которой подчеркнула важность нашей работы и работы других зоопарков. Она замечательная женщина. Нам очень повезло, что она согласилась стать нашей покровительницей. И с погодой нам тоже повезло. За те три дня, что проходила конференция, на небе не было ни единой тучки. Зоопарк выглядел великолепно, он напоминал парк. А ведь многие делегаты прибыли из стран, где в зоопарках царят цементные и пластиковые деревья. Они были потрясены. Я никогда не видел наш зоопарк таким красивым. Мы составили небольшой список людей, кого хотели бы пригласить к себе, но в конце концов в нем оказалось пятьдесят человек. Поскольку я все еще двигаюсь с трудом (мои суставы дают о себе знать), то расположился в кресле, а мои гости подходили и устраивались на полу вокруг меня. Представить, что почтенные директора зоопарков со всех концов света будут сидеть у моих ног, я не мог даже в самых смелых мечтах. Вы ведь знаете, что по натуре я очень скромен».

Не стоит и говорить, что Ли выглядела блестяще: «Хочу сообщить вам, что на этой чрезвычайно важной всемирной конференции ваша дочь сияла, словно звезда. В будущем она займет видное положение в природоохранном движении. То, что вам удалось воспитать такую дочь, настоящее чудо. А то, что она согласилась выйти за меня замуж, вообще переходит все границы!»

В июне Джеральд получил аванс в 50 тысяч фунтов под написание новых книг — четырех маленьких детских книжек под общим названием «Щенячьи книжки» в рамках рекламной кампании туалетной бумаги «Андрекс». Он уже написал черновик первой книги «Приключения щенка на пляже», в которой знакомил детей с обитателями побережья. Следующие три книги должны были быть посвящены животным, обитающим за городом («Щенок в поле»), домашним животным («Друзья щенка») и животным в зоопарках («Щенок среди диких зверей»). Впервые Джеральд занялся таким жанром, как промышленная литература. Статистика его поразила. На рекламную кампанию был отпущен миллион фунтов. Книги о щенке планировалось издать общим тиражом в десять миллионов экземпляров — один из крупнейших тиражей в истории книгоиздания.

В июле Джеральд с Ли уехал во Францию, решив потратить полученные деньги на ремонт дома и благоустройство сада. Он писал в Мемфис: «Моя жена убеждена, что если потратить

---

[8] Следует заметить, что впоследствии Лондонский зоопарк возглавил человек, прошедший подготовку на Джерси.

пятьдесят тысяч фунтов, то можно превратить нашу собственность в нечто такое, чему позавидовали бы Адам и Ева. Но солнце светит, вода в бассейне по своей температуре напоминает суп, и поверите вы или нет, но ваша дочь оказалась на удивление беспринципной. Сейчас она плавает в обнаженном виде и проводит долгие сиесты в гамаке.

Какое упадочничество!»

В начале осени Джеральд получил печальное известие из зоопарка. 16 сентября умер патриарх Джерсийских горилл, Джамбо. За несколько месяцев до этого умерла его жена, Ненди, основательница колонии. Джамбо был с супругой до конца. Посмертное вскрытие в Джерсийской больнице показало, что Джамбо умер в буквальном смысле от разрыва сердца — у него разорвалась аорта, и он умер мгновенно и безболезненно. Для Джеральда, который в 1961 году привез Джамбо в зоопарк, смерть гориллы была равна потере близкого друга. Джамбо был отцом тринадцати горилл, родившихся в зоопарке, у него было пятнадцать внуков. Он внес самый большой вклад в разведение горилл в неволе. На протяжении многих лет он был настоящей достопримечательностью зоопарка — властный, благородный, достойный. Летом 1986 года его показывали все телекомпании мира. Огромная горилла спокойно стояла, охраняя пятилетнего мальчика, находившегося без сознания, упавшего в вольер горилл. Этот удивительный инцидент изменил отношение людей к гориллам. В зоопарк стали поступать многочисленные письма и пожертвования со всех концов света. Смотритель, ухаживавший за гориллой, Ричард Джонстон-Скотт написал о нем книгу «Джамбо: История гориллы».

В октябре 1992 года была опубликована тридцать седьмая (если не считать «Щенячьих книжек») и последняя книга Даррелла. «Ай-ай и я» рассказывала о путешествии на Мадагаскар, ознаменовавшем окончание его карьеры путешественника и писателя. Чувствовалось, что Даррелл слабеет, найти удачное словцо в книге так же сложно, как поймать пресловутого лемура. Но Дональд Дэйл Джексон тем не менее написал в своей рецензии: «Как приятно открыть книгу и с первого же абзаца на самой первой странице почувствовать, что она написана человеком, который любит писать. Самое главное в Даррелле — то, что он писатель. Вы всегда готовы его слушать и путешествовать с ним. Его юмор и литературное мастерство таковы, что, проведи он две недели в Окленде, он все равно сумел бы написать об этом замечательную книгу». Критик из «Санди таймс» назвал книгу Даррелла «замечательной и очень увлекательной».

В конце осени 1992 года Джеральд снова попал в больницу. Во время рекламной кампании книг о Паппи он потерял сознание из-за болей в животе. Анализ крови ничего не показан, и он собирался вернуться на Джерси. Но внезапно у него снова возникли сильные боли. Хотя боли были непродолжительными, они напугали Джеральда. Он решил, что ему никогда не уехать. По настоянию Ли он лег в больницу, но эндоскопическое обследование толстого кишечника ничего не показало.

В начале 1993 года Джеральд почувствовал себя хорошо настолько, что решился предпринять поездку в Южную Америку. Впоследствии он назовет это путешествие «дорогой в ад». Они с Ли рассчитывали, что пара месяцев на море окажется интересной и приятной, но их ждало глубокое разочарование, о чем Джеральд написал друзьям после возвращения на Джерси в апреле. «Никто не объяснил мне, что корабль более всего напоминает модель римской галеры». Каюта оказалась крохотной, пища отвратительной, сервис ненавязчивым, шум от двигателей оглушительным, а пассажиры «очень милыми, но болезненными и примерно 2000 лет от роду... Когда мы приплыли на Галапагос, мое кресло поместили на паланкин и понесли, словно римского императора. Когда мы вернулись на Джерси, ноги почти перестали меня слушаться. Я провел пять недель, претерпевая нечеловеческие муки от рук физиотерапевта, прошедшего подготовку в застенках испанской инквизиции». Беспокоили Джеральда не только ноги. Вернувшись из Южной Америки, он почувствовал себя совершенно разбитым и лег в частную лечебницу, где в курс лечения входил также валиум. В начале лета он уехал во Францию, чтобы немного прийти в себя.

Его любимая ферма стала его убежищем. Здесь он мог отдохнуть, расслабиться, одеваться как ему хотелось, делать то, что ему хотелось. Сюда он убегал, чтобы писать. Работать над книгами в зоопарке было просто невозможно. Сейчас его писательские планы были обширными, как никогда. Хотя он приближался к семидесятилетию, но клялся, что никогда не уйдет на покой. «Кому нужен покой? — говорил он. — Меня интересует так многое — искусство, поэзия, кулинария, философия. Мой разум не знает покоя. Есть столько вещей, которые мне хотелось бы испробовать». И в то же время он понимал, что приблизился к тому возрасту, когда наступает пора рассказать историю собственной жизни. Конечно, многие эпизоды вошли в его

автобиографические книги, но полная автобиография — это совсем другое дело. Джеральд собирался приступить к этой работе, но его терзали предчувствия. О них он написал в черновике предисловия, озаглавленного «Как родить автобиографию».

«Когда вы садитесь писать автобиографию, это оказывает самое неблаготворное воздействие на вашу самооценку. Я убедился в этом на собственном опыте. Полный энтузиазма вы усаживаетесь за стол, затачиваете гусиное перо, наполняете чернильницу чернилами, приготавливаете песок, чтобы высушивать написанное на пергаменте, но потом вас внезапно охватывают ужасные сомнения: с чего это вы вдруг решили, что являетесь самым интересным человеком во вселенной? Почему все вокруг должны разделять вашу точку зрения?

Автор очень одинок, подобно альбатросу. За его плечом вечно висит черная тень сомнения. Он может написать пятьдесят тысяч слов, но будет ли кто-нибудь читать их? А если и прочтет, то поймет ли, что он хотел сказать? Георг III получил в подарок книгу Гиббона «Упадок и падение Римской империи» и сказал: «Еще одни неподъемный том! Все калякаете, мистер Гиббон, а?» Надеюсь, мои каракули окажутся занимательными».

Новую книгу Джеральд собирался назвать «Я и другие звери: Опыт автобиографии». Как видно из заголовка, он не собирался придерживаться хронологического принципа, а хотел создать более впечатляющее и увлекательное творение. Неудивительно, что среди черновиков не встретишь ни одной даты. Он напоминал себе, что нужно помнить о времени, но не придавать ему слишком большого значения. Очень скоро он отказался от идеи рассказать обо всей своей жизни в одном томе и разбил книгу на три части.

В июле Джеральд писал, что у него собралось множество материалов для великой книги. Его здоровье немного поправилось. Он писал: «Единственное, с чем мне сложно справиться, это старость, но, к сожалению, этот процесс необратим». В августе он сообщил своему агенту, Антее Мортон-Санер, что работа над автобиографией идет успешно. Но боли в животе и спине возобновились с новой силой. В этот момент Джеральд решал вопрос, сделать ли свою книгу повествовательной или превратить ее в сборник рассказов. Его разум мутился, состояние здоровья ухудшалось с каждым днем. Он решил написать связное повествование, но вместо этого появились отдельные фразы, зарисовки и воспоминания. «Писать автобиографию так же страшно, как спать одному в заброшенном доме, — писал он. — Мои разум мутится, словно на цветочной выставке в Челси или в Кью — его переполняют картины, ароматы, звуки, следы лап, шелест крыльев. Я — больше не я, я — тысяча фрагментов сложной головоломки» .

Путеводной нитью в этом собрании зарисовок и воспоминаний стало то, что пронизывало всю жизнь Джеральда Даррелла — его любовь и преклонение перед красотой и магией мира, в котором он жил. Он писал о кристально-чистых водопадах тропических лесов, о цветах, лепестки которых настолько массивны, что напоминают потеки воска на свече, о ручейках, где вода сверкает, как первосортный херес, о мистрале, завывающем в трубе его дома и заставляющем огонь в камине мерцать и гаснуть, о красоте деревьев, облаков, языков пламени... Он писал о «магии, которая находится в каждом из нас — крыло обыкновенной мухи так же уникально, как луч света, падающий сквозь витражи Шартрского собора, в чашке воды столько форм жизни, сколько не найдешь в самом большом городе мира, — вот в чем магия!». Деревья зачаровывали Даррелла: «Деревья — это верные, неподвижные друзья, сопровождающие вас от рождения до смерти и готовые отдать вам саму свою жизнь. Деревья подобны женщинам, мы не можем без них жить. Деревья — служанки вселенной. Никто их не ценит, пока они живы, но стоит им умереть, как все вокруг радуются их теплу». Но на всем этом великолепии лежит мрачная тень человека: «В черный день для этой планеты человек вышел из своей пещеры и взял в руку камень. Разумеется, нас интересует собственное происхождение — от спермы к сперме, от яйцеклетки к яйцеклетке, от кости к кости, пока череп не наполнился безумными идеями относительно права других живых существ на жизнь. Как только другие животные стали пищей, они туг же превратились в создания второго сорта». Конечно, все это не имело отношения к истории его жизни, но Джеральд не представлял своей книги без подобных отступлений.

Усиливающиеся боли мешали Джеральду сосредоточиться. Мешал ему и шум бульдозеров, разравнивающих площадку для нового сада. В этот момент Ли должна была уехать на Мадагаскар. Она являлась директором мадагаскарского проекта по спасению черепах и должна была наблюдать за осуществлением программы по разведению редчайших черепах в мире.

Ли не хотелось оставлять Джеральда, но он убеждал ее, что все будет хорошо: винный погреб полон, а морозильник ломится от запасов. Ли все же тревожилась, и тогда Джеральд

предложил, чтобы в Мазе приехала Александра Мэйхью, красивая молодая женщина, сопровождавшая его в поездке по Ассаму. «Ли отнеслась к этому предложению с подозрительностью жены, которой муж заявляет о том, что задержится на работе с новой секретаршей-блондинкой, — писал Джеральд в Мемфис. — Я указал на то, что Александра была замужем, потом развелась, что у нее двухлетняя дочь, которая вполне может исполнять роль дуэньи. Я считал, что она с удовольствием приедет на юг Франции в дом с бассейном и хорошей кухней».
Итак, Александра с дочерью приехали во Францию. «Ребенок был хрупким, словно статуэтка (она родилась недоношенной), — писал Джеральд, — но активным, как белка, наглотавшаяся амфетаминов. Она поднималась еще до рассвета, отказывалась спать после обеда, и нам с трудом удавалось уложить ее около восьми вечера». Джеральд отлично ладил с девочкой. Александра вспоминала:

«Он был очень терпеливым, очень внимательным, интуитивно чувствовал, чего она хочет. Думаю, из него вышел бы прекрасный отец — с одной стороны, строгий, а с другой, совершенно без царя в голове. Он находился в ужасном состоянии. Он выглядел гораздо старше, чем был на самом деле, его ноги так сильно отекли, что, казалось, кожа вот-вот лопнет. И он постоянно пил. Прежде чем приехать во Францию, он проходил курс лечения от алкоголизма на Джерси. Но трезвость для него означала пиво на завтрак и неограниченное количество вина в течение дня — лишь бы обойтись без виски и коньяка. Когда Ли уехала, он начал прикладываться и к виски. Я постоянно говорила с ним на эту тему, но он объяснял свое пьянство тем, что хочет заглушить боль. Алкоголь оказывал обезболивающее воздействие на его суставы. Я чувствовала себя виноватой, потому что именно мне приходилось ездить на рынок в Ним и покупать виски. Пока Ли отсутствовала, он выпивал по бутылке в день помимо остальных алкогольных напитков. За те три недели, что я провела во Франции, он сильно изменился. Джеральд стал раздражительным, мрачным, агрессивным. Хотя он собирался писать новую книгу, но проводил все дни над чистым листом бумаги за маленьким столом возле двери, ведущей из гостиной на кухню, не написав ни единого слова. Это было очень печально. Казалось, он сознательно убивает себя. Это беспокоило меня. Я говорила ему: «Послушайте, ваш брат уже умер от этого, неужели вы тоже хотите последовать его примеру?» Но Джеральд был фаталистом. Он считал, что это его карма».

Маргарет тоже заметила перемены, произошедшие с братом за последние годы. Она считала, что все проблемы заключаются в печени, но иногда ей казалось, что у Джеральда есть и психические проблемы. «В доме царит атмосфера сгущающейся тьмы, — писала она другу из Мазе. — Иногда у Джеральда случаются приступы дикой ярости. Тогда он становится похож на огромного медведя, терзаемого внутренней болью». Джеральд однажды сказал ей, что знает о том, что его ждет, — он прочел об этом в медицинских книгах. «Я не могу сказать, что он устал бороться с жизнью, — вспоминала Александра Мэйхью. — Он по-прежнему оставался живым и энергичным. Он оставался фанатично преданным делу охраны природы. В минуты разговоров на эти темы он снова становился прежним. Просто он страдал от болезни, имя которой алкоголизм».
Врач, давно знавший Джеральда и восхищавшийся им, говорил: «Легко понять, почему он стал алкоголиком. Даже если бы у него не было генетической предрасположенности, он принадлежал к тому типу людей, которым нужно бежать, защититься от жестокой реальности. Жизнь для них слишком тяжела и непереносима. В его случае алкоголь не влиял на способность работать и существовать в этом мире как человеческое существо. Скомпенсированные алкоголики способны на это. Выпивка для них — это норма существования. Алкоголь необходим им, как пища и вода, он позволяет им работать. В противном случае, им не хватит сил и смелости жить в этом мире. Алкоголь может придавать силы и лишать их».

Ли вернулась 5 сентября. В аэропорте ее встречал друг Джеральда Тони Дэниелз. Он сообщил ей, что Джерри болен. Ли обнаружила мужа в кресле, скорчившимся от непереносимой боли. Он сказал, что вынужден был пить, чтобы заглушить боль.

Ли прилетела за два дня до своего дня рождения. Незадолго до нее прилетела ее сестра Хэт, чтобы помочь устроить праздник. «Мы пригласили двадцать человек, — писал Джеральд, — и мне пришлось на всех готовить. Попробуйте приготовить обед на двадцать персон, когда двухлетний ребенок в пятнадцатый раз просит вас рассказать сказку. Это воспоминание останется в моей памяти навсегда». У Джеральда случилось сильное носовое кровотечение, погода испортилась, пошел дождь, но праздник все равно прошел на славу.

Джеральд не сдавался, хотя его состояние неуклонно ухудшалось. Он продолжал работать над автобиографией, однако теперь его мысли больше занимали не события его жизни, а ее окончание.

«Смерть — величайшее неудобство, просто потому что нужно так много сделать и увидеть на этой невероятной планете. Разумеется, когда она приближается и стучит в вашу дверь, вы рассчитываете на то, что она будет скорой и безболезненной. То, что произойдет после, вообще представляет огромный интерес для меня. Погасну ли я, как шекспировская свеча? А может быть, меня окружат соблазнительные гурии? Может быть, я проснусь на каких-нибудь Элисейских[9] полях, где меня будут приветствовать — о, ужас! — мои родственники? Или я внезапно превращусь в мелкое существо — например, в лягушку во французском пруду? Идеальным решением проблемы, разумеется, был бы некий омлет из всех наиболее привлекательных фантазий, связанных с жизнью после смерти: место, где женщины безумно красивы, где вы можете — на короткое время — почувствовать себя деревом, уходящим своими корнями в глубь земли, или ощутить наслаждение дельфина, перелетающего из подводного мира в мир воздуха и солнца, или насладиться свистом ветра под своими крыльями, подобно альбатросу или кондору, увидеть мир с высоты, отдохнуть на воздушных потоках, полностью отдавшись их течению. Ничто, кроме, пожалуй, любви и смерти, не имеет значения, и даже значение смерти в своем роде эфемерно, так как никто еще не прислал нам достоверного отчета».

В ноябре Джеральд и Ли вернулись в Лондон, чтобы принять участие в рекламной кампании «Щенячьих книжек». Тогда Ли и поняла, что с мужем творится что-то неладное. Его болезнь совершенно не походила на то, что случалось с ним прежде. «Мы с Джерри догадывались, что игра кончена, — вспоминала Ли. — Он чувствовал себя отвратительно, большую часть дня у него были чудовищные боли в животе. И хотя они на время отпускали, но постоянно возвращались. Поэтому мы решили остаться в Лондоне, чтобы он мог сделать все анализы, необходимые для установления диагноза». Впоследствии Джеральд с юмором описывал второе эндоскопическое исследование толстого кишечника, которое ему пришлось перенести:

«Уверен, что вы оба с нетерпением ждете описания проявлений моей ипохондрии. Все вокруг уверяли меня, что я страдаю от спазмов кишечника, поэтому я дважды приезжал в Лондон, где врачи запихивали в меня своего рода гигантский телескоп, а потом демонстрировали мне мои внутренние органы на телевизионном экране. Я увидел странный, маленький, белый, похожий на кинжал орган, бессильно опущенный вниз. И тогда я подумал: «Вот каков, оказывается, мой пенис». Каким же разочарованием было узнать, что это всего-навсего аппендикс. Все же остальное было вполне розовым и симпатичным, поэтому врачи уверенно заявили: «Похоже, это действительно спазмы кишечника».

Несколько успокоившись, несмотря на продолжающиеся боли, Джеральд вместе с Ли в начале декабря вернулся в Мазе. Здесь он активно приступил к работе над автобиографией, стремясь использовать каждый день с наибольшей отдачей. «Начиная с Рождества и весь январь Джерри чувствовал себя ужасно, — вспоминала Ли. — Его терзали сильные боли. Боли были такими сильными, что он кричал. Разумеется, он пил все больше, чтобы заглушить боль. Это были действительно сильные боли, потому что практически каждый день я видела, что он плачет».

Джеральд писал родителям Ли в Мемфис: «Боль стала такой сильной, что я не могу ни работать, ни думать. Это сводит Ли с ума, потому что я — не самый терпеливый пациент. Она позвонила нашему местному врачу, и он сказал: «Посоветуйте мужу решительно бросить курить». Эти слова подорвали мое уважение к нему, потому что решительно бросил курить я еще тридцать лет назад. А потом меня положили в здешнюю больницу и пригласили специалиста по печени».

Джеральд провел в больнице Нима четыре дня. На третий день старший врач-консультант пригласил Ли в свой кабинет. Анализы показывают обширный цирроз печени, сказал он. А также опухоль. «У меня нет сомнений, — сказал доктор, — что у вашего мужа рак печени».

«Я решила пока ничего не сообщать Джерри, — вспоминала Ли. — Я сказала ему, что у него цирроз печени, потому что подобное сообщение его не удивило бы — подобный диагноз ему пытались поставить неоднократно. Но о наличии опухоли никто еще не говорил».

Из Франции Ли позвонила семейным врачам Даррелов на Джерси и в Лондон. И доктор Джереми Гайер, и Гай О'Киф посоветовали немедленно вернуться в Лондон, где Джеральд, по крайней мере, смог бы общаться с врачами на родном языке. Гай О'Киф подготовил для него палату в част-

---

[9] Элизиум (Райские поля).

ной клинике Кромвеля. Ли с Джеральдом вылетели в Лондон 18 февраля 1994 года. После месяца исследований первоначальный диагноз подтвердился.

«Ужасные новости сообщил Джерри врач, — вспоминала Ли. — Он рассказал ему все и попытался вселить в него некоторую надежду. Врач сказал, что подобные заболевания в настоящее время лечатся, а пока ему придется находиться на морфине, чтобы не страдать от боли. Врачи не стали сообщать Джерри, что он вряд ли доживет до Рождества, но в действительности они были в этом убеждены. Один из моих врачей сообщил мне, что муж вряд ли проживет дольше двух-трех месяцев, если ему не пересадить печень. Трансплантация была единственным выходом. Однако врачи сомневались, что он переживет такую тяжелую операцию. Да, это была единственная наша надежда, но она оставалась очень слабой».

Джеральд был неважным кандидатом на трансплантацию. Во-первых, он уже перешагнул за возрастную границу (65 лет), у него были серьезные проблемы с алкоголем. К тому же, опухоль оказалась очень большой. Единственное, что заставляло все же думать о трансплантации, это то, что его шансы на выживание без подобной операции практически равны нулю. Ему оставалось три-четыре месяца, не больше. Но речь шла о человеке, который всю жизнь работал на благо человечества и который, если повезет, сможет продолжить свою очень важную работу.

Решение было принято. Джеральда отпустили домой на Джерси, где он должен был ждать, пока не появится подходящий орган для пересадки. А тогда ему предстояло немедленно вернуться в Лондон. 18 марта 1994 года, на следующий день после возвращения на Джерси, он отправил родителям Ли удивительное по своей смелости и жизнерадостности письмо:

«Дорогие родители,

простите, что я так долго не писал вам, но, как Ли, вероятно, уже вам сообщила, я провел лето, как и подобает старому ипохондрику. Когда меня мучили боли, я просто не мог писать. Но теперь мне колют морфин, от чего глаза мои блестят, как у молодой венецианки на балу, а про боль я почти забыл. Сначала я чувствовал себя слегка окосевшим, но теперь привык, хотя остаюсь слабым, как котенок.

Сейчас я вернулся на Джерси, чтобы немного привести в порядок свои дела. Мне нужно решить, оставлять ли свою печень Ли или нет, а также несколько других проблем того же рода.

Надеюсь, мои объяснения и извинения вас удовлетворят. Разумеется, мы будем держать вас в курсе относительно безумной скачки Старого Ипохондрика прямо в ад».

Было неизвестно, сколько времени пройдет до звонка из больницы, но совершенно очевидно, что ждать этого долго не придется. Теперь Джеральда не мучили боли благодаря убийственному коктейлю из морфина и алкоголя. Они с Ли смогли немного побыть вместе. «Мы занялись нашими делами, — вспоминала Ли, — и убедились, что наши завещания в полном порядке. Потом Джерри устроил прощальный ужин для членов Совета и сотрудников зоопарка. К нам пришли Джефф Хамон, председатель Совета Фонда, Робин Рамболл, наш казначей, личный помощник Джерри Джон Хартли и секретарь Фонда Саймон Хикс». «Джерри был очень эмоционален, — вспоминал Робин Рамболл, — что вполне объяснимо в подобных обстоятельствах. Он считал, что прощается с нами. Ему стало очень тяжело, и он вышел из комнаты. Джеральд хотел, чтобы мы позаботились о Ли и о нашей организации, которая должна была продолжить его дело».

Саймон Хикс напомнил Джереми Маллинсону о том, чтобы он вошел в курс текущих дел и планов Фонда, чтобы работа не остановилась в случае смерти основателя этой организации. 20 февраля Джеральд прислал последнее письмо в Совет Фонда. В «Завещании основателя» он писал:

«Мы должны сосредоточить свои усилия на спасении животных, которым грозит вымирание. Разведение таких животных в неволе — единственное средство для их выживания. Мы должны сосредоточить свои усилия на тех животных, которых не разводят в других зоопарках, поскольку они не представляют интереса для публики.

Нашим основным приоритетом должна стать поддержка подобных программ как в нашей стране, так и за рубежом.

Второй, но не менее важной задачей нашего Фонда должна стать деятельность, направленная на возвращение этих животных в среду естественного обитания. Мы должны заниматься исследованиями, обучением и пропагандой, охраной мест естественного обитания этих животных и всеми силами стремиться вернуть их на свободу».

Главная стратегическая цель Джеральда Даррелла была гораздо более решительной. Он хотел закрыть зоопарк и распустить Фонд. «Это была одна из его метафор, — объяснял Саймон Хикс, — очень умная и вполне ясная. На самом деле, это больше, чем метафора, это скорее притча. Он хотел сказать, что, когда на нашей планете ни одному виду более не будет грозить вымирание, его Фонд придется распустить, потому что он исполнит свое предназначение. А зоопарк нужно закрыть, поскольку ему была глубоко противна мысль содержать животных в клетках только ради развлечения публики. Это была основная цель — невозможная мечта. Он часто говорил, что было бы так приятно думать, что когда-нибудь это может осуществиться».

Саймон Хикс приехал навестить Джеральда в больнице, чтобы обсудить с ним дела Фонда. Это произошло 27 марта. Хиксу стало ясно, что дни его наставника сочтены. Саймон решил привести все дела в порядок на случай худшего варианта развития событий. «В конце беседы я заметил, что он очень устал, — вспоминал Хикс. — Он плохо себя чувствовал, его мучили боли. Он повернулся ко мне и сказал: «Саймон, не бойся говорить о смерти. За порогом или ничего нет — или меня ждет новое приключение». Он поднял руку и сделал жест, очень характерный для него. Тогда я видел его в последний раз — в последний раз увидел Джеральда таким, каким мы все его знали и любили».

Этим вечером Джеральд и Ли смотрели телевизор. Около семи вечера зазвонил телефон. Звонили из лондонской больницы. У них появился донорский орган требуемой группы крови. Самолет вылетал на Джерси около девяти. «Скорая помощь» прибудет в зоопарк примерно в восемь тридцать. «Я вернулась в гостиную и сообщила Джерри новости, — вспоминала Ли. — Я сказала: «Они позвонили. Все в порядке. Если хочешь, я налью тебе еще. А пока мне нужно собраться». Джерри воспринял мои слова абсолютно спокойно. Он даже не пошевелился, только налил себе еще. «Я быстро соберусь», — сказала я. Я поднялась в спальню. Не прошло и двадцати минут, как я услышала страшный шум.

Я кинулась вниз. Джерри лежал у двери гостиной. Он ударился головой об угол книжной полки. Кровь осталась на полке и на небольшой деревянной черепахе. «Господи, — воскликнула я, — что ты сделал?» Я подложила подушку ему под голову, принесла из кухни полотенце, чтобы остановить кровь. Он сказал мне: «Не знаю, что случилось. Я думал, что хочу поставить пластинку на проигрыватель». Он не был пьян, просто потерял ориентацию и равновесие. Я немедленно позвонила Джереми Гайеру, нашему семейному врачу, но он оказался за городом, поэтому звонок перевели на его партнера. Я не знала, не придется ли отменять операцию из-за этой травмы. Тогда я позвонила специалистам по печени и рассказала о произошедшем. Они меня успокоили, сказав, что это роли не играет и все будет идти по плану».

Приехал Джон Хартли, следом за ним врач. Ли держала голову Джеральда, пока врач накладывал швы. «Внезапно мы все начали смеяться — и Джерри, и Джон, и я, — вспоминала Ли. — Джерри истекал кровью на полу, ему предстояло лететь в Лондон на тяжелейшую десятичасовую операцию, которая могла спасти его жизнь, а могла и привести к смерти — а мы бились в истерике. Мы хохотали так, что слезы текли у нас по щекам. Доктор был с нами незнаком, поэтому никак не мог понять, что же происходит. Он не знал, что в любой критической ситуации мы всегда пытались найти что-то светлое. В любом случае, Джерри пришел в себя, нам перезвонили из больницы, пришла «Скорая помощь», и мы поехали. От крови волосы Джерри приобрели розоватый оттенок, и мы начинали смеяться, стоило нам только посмотреть на его голову».

Как только «Скорая помощь» отъехала, Джереми Маллинсон написал первой жене Джеральда, Джеки, чтобы она была в курсе происходящего. Джеки немедленно ответила:

«Дорогой Джереми,

огромное спасибо, что Вы сообщили мне о состоянии Джерри. Какие ужасные новости! Я глубоко сочувствую Ли. Мне бы хотелось повидать Джерри. Я считаю, что настаю время забыть обо всех проблемах, существовавших в нашей жизни, и перейти на новый этап отношений. Я просто хотела бы сказать Джерри, что вспоминаю о том времени, что мы провели вместе с ним, с чувством благодарности и любви. Нам было хорошо вместе, особенно когда мы носились по джунглям, собирая животных для нашего зоопарка и Фонда. Печально, что мы так долго откладывали эту встречу. Я глубоко огорчена всем этим, Джереми. Невозможно прожить с человеком двадцать шесть лет и не сохранить теплых воспоминаний о нем и обо всем том, что мы делали вместе. Мы

вместе мечтали и вместе воплощали наши мечты в жизнь. Передайте ему, что я люблю его и благословляю.

Джеки».

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

«НОВОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ»: 1994-1995

Выезжая из поместья Огр, Ли прихватила с собой фляжку с виски, и Джерри прикладывался к ней по дороге в аэропорт. Когда они подъехали, он был уже спокоен, как приговоренный во время последнего ужина. Он даже пытался шутить. «Мы прибыли в Джерсийский аэропорт в 10.30, — вспоминала Ли. — В это время там практически не было людей, только полиция у входа и дежурные сотрудники. Пока мы катили коляску Джерри к выходу, он сообщал всем вокруг: «У меня будет новая албанская печень, ха-ха, я нашел албанца, который согласился уступить мне свою печень, ха-ха!» Во время полета он еще несколько раз прикладывался к фляжке. В Хитроу нас уже ждала «Скорая помощь», которая доставила нас в больницу в Кэмбервелл».

Персонал больницы с некоторым удивлением увидел совершенно пьяного пациента, которому предстояла пересадка печени. Но они ничего не могли сделать. Отсчет времени уже пошел, и Джеральд был полностью готов к операции. Подготовка длилась очень долго. Она закончилась около шести утра 28 марта 1994 года. В 6.30 Джеральда накачали лекарствами и перевезли в операционную, чтобы операция могла идти без перерыва в наиболее благоприятное время дня.

«Мне позволили остаться и немного вздремнуть в палате Джерри, — вспоминала Ли. — Утром в больницу пришел наш чудесный лондонский доктор, Гай О'Киф, со своими детьми, чтобы хоть немного меня поддержать». В палату постоянно заглядывали сотрудники больницы и сообщали Ли о том, как проходит операция. Около 15.30 Джеральда вывезли из операционной и поместили в блок интенсивной терапии. «Операция прошла успешно, но пока вы не можете его увидеть», — сказали Ли. Немного спустя пришел хирург и подтвердил, что операция действительно прошла успешно, но его беспокоит поджелудочная железа Джерри. Впрочем, об этом пришлось пока забыть.

Все следующее утро Джеральд провел в палате интенсивной терапии. Он был в сознании, но дышал с помощью аппарата, поэтому не мог говорить. Увидев входящую в палату Ли, он так возбудился, что пришлось давать ему успокоительные. Почти так же возбужден был и молодой доктор Кристофер Тиббс. Он был преданным поклонником Джеральда Даррелла с самого детства. Отец подарил ему «Мою семью и других зверей», когда Кристоферу было всего восемь. С тех пор Джеральд оставался для него настоящим героем. Именно под его влиянием юный Тиббс решил поступать на зоологический факультет Оксфордского университета. Правда, потом он изменил зоологии с медициной, поскольку понял, что современная зоология — сплошная статистика, математика, молекулярная биология и выпрашивание грантов — не имеет ничего общего с традициями натуралиста-любителя Джеральда Даррелла. Каково же было его удивление, когда он увидел знакомое лицо в палате интенсивной терапии. «Господи! — воскликнул Кристофер. — Это же Джеральд Даррелл!» — «Ну да, — ответили ему. — Разве ты не видел его имени в списках?» Все время, пока Джеральд оставался в больнице, Кристофер ухаживал за ним с невероятным усердием.

В среду Джеральда отключили от аппарата искусственной вентиляции легких и перевели из отделения интенсивной терапии. Все шло хорошо — печень функционировала, шов не гноился — «огромный, кровавый разрез, называемый разрезом Мерседес, — вспоминала Ли, — шедший через весь живот». Состояние Джеральда оставалось удовлетворительным. На шестой день после операции Джеральд уже мог садиться в постели и разговаривать. Он никак не мог поверить, что пережил операцию.

Вскоре его перевели в крыло для частных пациентов. Он почувствовал себя хорошо настолько, что попросил принести ему рукопись новой книги и диктофон, чтобы он мог продолжить работу над автобиографией. Когда его спросили, не хочет ли он чего-нибудь особенного, он тут же попросил бренди, а когда ему отказали, поскольку после пересадки печени алкоголь исключается, сказал: «Правда, ведь у меня теперь новая печень!» Он быстро приходил в

себя. Посетители видели прежнего веселого и жизнерадостного Джерри. Он даже пытался флиртовать с сестрами.

16 апреля Джеральда перевели в более комфортабельную больницу Кромвеля в Кенсингтоне. Трансплантант функционировал нормально, признаков отторжения не наблюдалось. Но Джеральд был еще слишком слаб, чтобы вернуться на Джерси и принять участие в церемонии открытия нового павильона суматранских орангутанов. Открывать павильон должен был сэр Дэвид Эттенборо (что он и сделал). Церемония состоялась 15 мая. Джеральд написал Дэвиду беспечное письмо, извиняясь за свое отсутствие. Это письмо оказалось последним в его жизни.

«Мне очень хотелось бы прогуляться с тобой по зоопарку и немного выпить. Если у тебя найдется минутка навестить меня после возвращения с Джерси, мне бы хотелось узнать твое мнение о нашей работе. Я буду очень признателен, если ты зайдешь. Помимо всего прочего, мне хотелось бы поговорить с кем-нибудь о чем угодно, кроме печени. Я не должен жаловаться, операция прошла успешно, а без нее мне оставалось жить не дольше полугода. Поэтому я должен быть бесконечно благодарен. Но все же, если ты зайдешь повидать меня, это будет мне очень приятно. А если ты будешь вести себя хорошо, я даже покажу тебе свой шрам».

Речь Эттенборо на открытии павильона была очень прочувствованной: «Столько воды утекло с того момента, когда я познакомился с Джеральдом Даррелом... Это произошло тридцать пять лет назад... Этот зоопарк, этот Фонд — все это детище Джеральда Даррелла. Ему удалось осуществить свою мечту с вашей помощью — и какие великолепные плоды приносит сейчас его дело! В мире есть люди, которые считают зоопарки вредными. Пусть они придут сюда! Есть и такие, кто считает, что зоопарки не смогут справиться с великой экологической катастрофой, угрожающей нашей планете. Как зоопарк может спасти животное от вымирания? Пусть они придут сюда!»

После операции Джеральд проходил курс химиотерапии, чтобы подавить оставшиеся в его организме раковые клетки. Курс был не интенсивным, но лекарства заметно ухудшили его состояние. «До химиотерапии Джерри чувствовал себя лучше, — вспоминала Ли. — Внезапно в середине мая у него резко подскочила температура. Врачи не стали переводить его в специальное отделение, но выписку отложили. Температура не падала, и его пришлось перевести в отделение интенсивной терапии».

Вряд ли причиной ухудшения состояния Джеральда стала химиотерапия. Чтобы предотвратить отторжение донорской печени, пациентам всегда прописывают сильнодействующие лекарства, подавляющие функционирование иммунной системы. Это делает пациентов очень уязвимыми для любых инфекций. У Джеральда началось заражение крови. Врачи пытались выяснить причину инфекции, но анализы ничего не показывали.

«Я думаю, что все произошедшее, — позднее замечал доктор Кристофер Тиббс, — было связано с совершенно другими медицинскими проблемами. У Джеральда начался панкреатит — его поджелудочная железа не могла работать нормально. Это означало, что послеоперационный период проходил совершенно ненормально. Пищеварительная система Джеральда функционировала неправильно, он не мог нормально усваивать пищу. Помимо заражения крови у него возникла диарея и проблемы с пищеварением. Эти проблемы привели к размножению бактерий в пищеварительном тракте — в тонком кишечнике. Время от времени эти бактерии проникали через стенки кишечника и попадали в кровоток, вызывая заражение крови и повышение температуры. Это продолжалось довольно долго. Возможно, те же самые бактерии поселились и в толстом кишечнике. В кровотоке мы могли воздействовать на них при помощи антибиотиков, но нам не удалось уничтожить бактерии там, откуда они в кровь попадали. Мы не могли ничего сделать с поджелудочной железой. Нам оставалось только свести прием иммуно-саппресантов к минимуму. Если бы мы полностью от них отказались, он бы потерял печень — и это убило бы его».

Пересаженная печень продолжала функционировать нормально. Но состояние Джеральда не улучшалось. Его мучила лихорадка и постоянная диарея. Он очень ослабел, у него начался больничный психоз. В качестве специального средства для поднятия настроения ему позволили распить с сестрами бутылку шампанского во время принятия ванны. В конце июня он попытался выйти из ванны самостоятельно. Но его ноги подкосились, он упал и сломал ключицу. Джеральд лежал на полу примерно полчаса, пока его не нашла дежурная медсестра. «Это происшествие

потрясло его, — вспоминала Ли. — Он впервые понял, насколько серьезно его состояние. И с этого момента он начал угасать».

Наихудшие подозрения подтвердил и Гай О'Киф. «Я сказал Ли, что Джерри может умереть, — вспоминал он. — Это могло случиться в любой момент. Любая инфекция могла развиться до такой степени, что его организм с ней не справился бы. За это время уже было два инцидента, которые должны были привести к смерти. Ли была потрясена моими словами».

Примерно в это время начало происходить нечто волшебное. Ухаживая за Ли, Джеральд часто называл ее «зоологиней» и шутил, что она вышла замуж за зоопарк. «Мне всегда хотелось стать частью жизнь Джерри и способствовать исполнению его мечты, — вспоминала Ли гораздо позднее. — Ведь я вышла замуж не по любви. Я не заслуживала глубокой любви Джерри, потому что не могла отплатить ему тем же — по крайней мере, сначала. Но я всегда была честна по отношению к нему. Когда же Джерри серьезно заболел, мне захотелось защитить его. Поняв, что я могу его потерять, я стала понимать, что я имела. И тогда я по-настоящему полюбила своего мужа. Я полюбила его и сказала ему об этом. Он был поражен, ведь я так долго не произносила этого слова. Ему было очень приятно, приятно, как ребенку. И он никогда не упрекнул меня за то, что я была так глупа и не понимала этого раньше».

В середине июля Джеральд начал принимать стероиды. Гормоны устранили лишь симптомы, но не причину недомогания. Но все же Джеральд немного окреп. В конце месяца он почувствовал себя настолько хорошо, что отпустил Ли в Мемфис повидать серьезно заболевшую мать. У Харриет Макджордж обнаружили рак. Через три дня после отъезда Ли позвонила Паула Харрис и сообщила, что Джеральда перевели в палату интенсивной терапии, у него сильно поднялась температура, и он вряд ли выживет. Ли немедленно вернулась в Лондон, но к моменту ее возвращения Джеральда уже перевели на искусственную вентиляцию легких, и он не мог говорить.

За окнами больницы царило лето, а Джеральд слабел, худел и грустил. Ли была неутомима. За больницей Кромвеля был разбит небольшой частный парк. Ли достала ключ и несколько раз вывозила Джеральда на свежий воздух, чтобы он мог увидеть деревья, небо, воробьев и голубей, бродячих кошек и собак. Этот маленький уголок живой природы радовал Джеральда. Он видел представителей того царства, за которое он сражался всю свою жизнь.

Ни Джеральд, ни Ли не сомневались в исходе. Джеральд продолжал живо интересоваться делами зоопарка и Фонда, пока его состояние это позволяло. Джонатан Харрис пришел навестить его в больнице и был поражен тем, как он исхудал. Но даже на пороге смерти Джеральд не терял присутствия духа. «Когда я рассказал ему, что собираюсь писать триллер, — вспоминал Харрис, — Джерри страстно захотел мне помочь и сообщил три золотых правила, которым следовал сам: всегда нужно решать проблемы до того, как отложить ручку в сторону, и никогда не оставлять их на утро. Никогда не нужно стремиться написать больше, чем это в твоих силах. И всегда следует заканчивать на подъеме, пока тебе самому нравится то, что ты написал. Он повторил мне одиннадцатую заповедь всем писателям, сформулированную его братом Ларри: «Никогда нельзя становиться скучным». Порой навестить Джеральда приходила Паула Харрис. Она рассказывала ему о том, сколько средств для его Фонда удалось ей собрать. «Он никогда не терял интереса к тому, что составляло весь смысл его жизни, — вспоминала она. — Даже во время болезни. Он всегда хотел знать, что происходит, кто и чем занимается». Но Джеральд очень быстро утомлялся. Вскоре он оставил мысль написать автобиографию. Ли забрала все бумаги и диктофон.

В августе, пока Ли была в Америке, в Джерсийском зоопарке случилось экстренное происшествие. Безумный экстремист, отстаивающий права животных, взорвал бомбу в зоопарке. Экстремист утверждал, что «Ноев ковчег для симпатичных, милых зверюшек» бессовестно эксплуатируется ради получения прибыли. Взрывом был уничтожен центр посетителей, хотя никто из персонала и животных не пострадал. Зоопарку был причинен ущерб в 330 тысяч фунтов. Джеральд и без того беспокоился о состоянии своих финансов, так как давно уже не работал. «Я разорен», — жаловался он своей сестре Маргарет, когда та пришла его навестить. «Ты с ума сошел, Джерри, — возразила она. — Ты такой же безумец, как мама».

В конце сентября страховая компания, оплачивающая лечение Джерри, внезапно прекратила платежи. Владельцы компании указывали на то, что они оплачивают только острые случаи, а мистер Даррелл является хроническим больным. Ему предстояло в течение недели выехать из частной клиники. 25 сентября «Скорая помощь» перевезла Джеральда в больницу, где ему делали пересадку. Его поместили в обычную палату вместе с пятью другими пациентами. Соседи по палате были в очень тяжелом состоянии. Несколько из них страдали от старческого

маразма, по ночам они бродили по палате, натыкались на кровати и стулья. Джеральд и Ли спустились в новый круг ада. После роскоши Кромвеля здесь плохо кормили, а медсестры были так загружены, что иногда к Джеральду часами никто не подходил. А ведь он уже не мог вставать! Впрочем, медицинское обслуживание в больнице отвечало самым высоким стандартам, так как эта больница являлась базовой для медицинского института и в ней работали самые лучшие специалисты.

В пребывании в общей палате Джеральд сумел найти и приятные стороны. В Кромвеле его палата была абсолютно звукоизолирована. Иногда он чувствовал себя таким одиноким, словно отправился в ракете на другую планету. Теперь же вокруг него царил шум и суета. Он понемногу начал общаться с соседями по палате. На больничной койке все становятся равны в глазах медсестры и самого всевышнего. Наблюдательность и любопытство не оставляли Джеральда и в больнице. Он не мог общаться с животными, но ведь человек — тоже животное, причем самое странное. Джеральд наблюдал за своими соседями и медсестрами. Он всегда любил пофлиртовать и не собирался отказываться от своей привычки даже сейчас.

«Джеральд был храбрым человеком, — вспоминал доктор О'Киф. — Он всегда старался показать, что ему лучше, чем было на самом деле. Не думаю, что болезнь понизила его самооценку — ведь он справлялся со всем. Он по-прежнему оставался весельчаком и постоянно шутил и заигрывал с сестрами. Он частенько заставлял их краснеть. Но все сестры любили его. Он всегда был привлекательным мужчиной и остался таким до конца. Он знал, что его любят. Джеральд всегда любил жизнь и любил женщин. Любовь к женщинам всегда была сильнейшим мотивационным фактором, стимулирующим выживание. Это смущало докторов. «Этого просто не может быть!» — поражались они».

Джеральд изо всех сил старался сохранить присутствие духа. «Даже в самом тяжелом состоянии, — вспоминал доктор О'Киф, — он никогда не проявлял слабости. Многие люди во время тяжелой болезни теряют самообладание. Естественно, Джерри был очень подавлен. «Мне никогда не станет лучше», — говорил он. Но он никогда не жаловался. Никогда не жаловалась и Ли. Она сохраняла необъяснимое спокойствие. Ли очень сильная женщина. Думаю, она очень сильно любила этого человека. Она была ему абсолютно предана и могла сделать для него все, что угодно, даже если в тот момент была совершенно измучена».

Когда Джеральда перевели в другую больницу, Ли поселилась в квартире Сары Кеннеди, чтобы быть поближе к мужу. Она приходила в больницу два раза в день: утром, а потом вечером. Утром она оставалась до обеда, а окончательно уходила не раньше десяти. Стало ясно, что Джерри умирает. Доктор Тиббс был поражен его состоянием, когда снова увидел Джеральда в больнице. «Я не видел его несколько месяцев, — вспоминал он, — но теперь передо мной был совершенно другой человек. Он сильно похудел, не мог есть и был очень слаб. Неудивительно, что жизнь его не радовала».

Бороться с температурой не удавалось. Джеральд пребывал на грани сознания, порой проваливаясь во мрак и никого не узнавая. Диарея усилилась, врачи не могли ее остановить. Джеральд был сильно обезвожен, пища совершенно не усваивалась. Помимо этих страданий у него стало отказывать сердце. В течение последних пяти лет Джеральд постоянно принимал сердечные лекарства, но в связи с операцией был вынужден от них отказаться. Теперь у него снова возникли сердечные приступы. После каждого такого приступа он терял сознание, порой на неделю. Никто не мог справиться с этой проблемой. Состояние Джеральда ухудшалось с каждым днем.

Телевизионного продюсера Криса Парсонса вызвали, чтобы он хоть немного поднял дух своему старому другу. Крис был поражен состоянием Джеральда. «Он напомнил мне высохшую обезьянку под одеялом, — рассказывал он друзьям. — Он уверен, что в таком состояние ему долго не протянуть». «Я была потрясена тем, что увидела в больнице, — вспоминает Маргарет. — Он был в ужасном состоянии. Когда я отвернулась, он спросил: «Ты пришла попрощаться?» — «Конечно, нет!» — ответила я. Но он выглядел так, словно стоит на пороге смерти. Джеральд был похож на привидение. Он умирал. Он сказал мне, что подумывал о самоубийстве. Если бы он мог, то покончил бы с собой».

Дни и ночи Джеральд проводил с капельницами. Ему вливали лекарства и питательные растворы. Трубка для питания была введена через нос. К середине ноября он пробыл в больнице уже восемь месяцев. Он впал в депрессию. «Джерри видел бесконечный поток пациентов, которые ложились в больницу, поправлялись и уходили домой, — вспоминал доктор Тиббс. — Он спрашивал меня: «Сколько мне еще валяться в этой чертовой постели?» За этот год мы в нашей

больнице провели 165 трансплантаций и потеряли всего двоих пациентов. Но, судя по всему, Джерри должен был стать третьим. Но не думаю, что он потерял волю к жизни. С некоторыми людьми такое происходит: они просто отворачиваются к стенке и умирают очень быстро».

В конце концов стало ясно, что врачи больше ничего не могут сделать для Джеральда. Он страдал системным заболеванием, лекарств от которого не существовало. Может быть, будет лучше, если он вернется на Джерси. Психологически зоопарк может его поддержать, особенно в Рождество. На Джерси хорошая больница, а если возникнут какие-то проблемы, лондонские врачи всегда придут на помощь. Ли вспоминала: «Я сказала об этом Джерри, и тот сразу же оживился. Мы уехали». «Возвращение на Джерси, — вспоминает доктор Тиббс. — было признанием того, что мы не способны вылечить Джерри. Он стоял на пороге смерти. Понимал он это или нет, я не знаю. Но, наверное, понимал».

14 ноября 1994 года Джеральд и Ли вылетели на Джерси на небольшом медицинском самолете, оплаченном службой здравоохранения острова. В больнице Сент-Хелльера Джеральда поместили в небольшую общую палату. Ли сообщила радостную новость вдове Лоуренса, Франсуазе: «Мы вернулись на Джерси — ВМЕСТЕ!»

Пару раз Ли вывозила Джеральда в зоопарк. Во время одной из прогулок три золотистых тамарина забрались в машину и уселись на коленях у Джеральда. Невозможно передать его радость — после целого года скитаний по больницам он снова был среди своих обожаемых зверей, которым принадлежал безраздельно. «За день до рождественского сочельника, — вспоминала Ли, — мне сообщили, что Джеральд хотел бы провести Рождество дома. Это было чудесно. Я подготовила для него гостевую комнату, потому что ему было не под силу подняться на второй этаж в нашу спальню. И вот он приехал домой. Джереми пришел поздороваться с ним, помог ему войти в дом и подняться в нашу квартиру. В гостиной он увидел рождественскую елку и множество поздравительных открыток. Я приготовила голубей, которых он очень любил. Мы поужинали вместе при свечах возле елки, как всегда. Джерри немного поел, хотя явно делал это через силу. Он несколько месяцев питался искусственно, и теперь ему было очень тяжело. Утром мы сели в гостиной и стали смотреть по телевизору «Мэри Поппинс». Джерри все нравилось, но он очень устал и попросил меня проводить его в постель.

С этого дня силы Джерри стали слабеть на глазах. Через несколько дней я вызвала нашего доктора, который установил, что у него анемия. Перед Новым годом мы позвонили в больницу и сообщили, что Джерри возвращается. Он вернулся в больницу — и больше из нее не вышел».

7 января 1995 года Джеральд Даррелл отметил свое семидесятилетие. Событие не прошло незамеченным прессой. «С днем рождения, Джеральд Даррелл! — гласил заголовок в «Гардиан». — Сегодня отмечает день рождения великий защитник живой природы, великолепный рассказчик, прекрасный писатель, энергичный властитель Джерсийского зоопарка, давшего приют животным, находящимся на грани вымирания. Его вклад в формирование общественного сознания трудно переоценить!» Ли организовала небольшой праздник в больнице. Навестить Джеральда пришли самые близкие его друзья. Несмотря ни на что, Джеральд прожил долгую и счастливую жизнь, сумел многого добиться. Он выиграл эту битву. Джеральд был очень рад, что ему удалось дожить до семидесяти — достойный возраст. Откупорили шампанское, и Джеральду налили половину бокала. Он сделал несколько глотков и отставил бокал в сторону. К полудню стало ясно, что он устал, и гости собрались расходиться. Их приход очень порадовал больного. Многих из них он видел в последний раз.

После дня рождения состояние Джеральда стало ухудшаться. Через неделю среди ночи Ли разбудил звонок из больницы. Джеральд в бреду, сообщили ей. У него резко подскочила температура. Он может не пережить эту ночь. Ли немедленно выехала в Сент-Хелльер. В больнице ей устроили постель в палате Джеральда. Молодые доктора пытались антибиотиками сбить температуру. В четыре часа ночи антибиотики ввели внутривенно вместе с большой дозой стероидов.

Через четыре часа Джеральд проснулся. Ли заметала, что взгляд у него вполне осмысленный, температура упала, он был весел и бодр, как жаворонок. Сара Кеннеди пришла навестить его и с удивлением увидела прежнего Джеральда: «Я увидела Джеральда таким, каким он, наверное, был в молодости. Он сбросил вес, исчезли мешки и отеки. Его кожа очистилась, а глаза сияли непередаваемым голубым светом, словно море на Корфу. Я подумала, каким же красивым он был в молодости! Перед смертью он выглядел удивительно хорошо». Джерри улыбнулся Саре, а когда она ушла, сел в постели.

Он сказал Ли, что чувствует себя хорошо и хочет позвонить сестре. «Мардж, — сказал он, когда их соединили. — Я чувствую себя прекрасно. Они нашли для меня лекарство. Я скоро встану на ноги». Маргарет вспоминала: «Мне показалось, что я слышу прежнего Джерри. У него был тот же голос, та же веселость, та же энергия. Я подумала, что он полностью поправился». Джереми Маллинсон, пришедший навестить Джеральда в тот же день, вспоминал, что друг показался ему совершенно таким же, как и раньше. «Когда ты начал работать у меня, Джереми?» — спросил он. «Тридцать пять лет назад», — ответил Маллинсон. «Благодарение богу, что ты у меня всего лишь временный работник!» — воскликнул Джеральд с улыбкой.

Джеральд по-прежнему отказывался есть. Ли часами уговаривала его выпить бульон через соломинку или сделать несколько глотков специального питательного, но страшно сладкого молочного коктейля, который он терпеть не мог. Джеральд был очень слаб. В пятницу 27 января у него слегка поднялась температура. Доктор Гайер спросил, как он себя чувствует. «Чертовски плохо», — ответил Джеральд, и это были его последние слова. Саймон Хикс пришел навестить его и вышел из больницы в слезах. «Я впервые остался наедине с этим столетним человеком, — вспоминал он. — Самое ужасное заключалось в том, что я не видел его, настоящего его. Даже когда я смотрел в его глаза, Джеральда уже не было с нами. Три четверти его духа исчезли. Я просто не мог находиться рядом с ним — я непрерывно плакал. Это был конец».

Больше Джеральд не разговаривал. Медсестра включала его любимую музыку — Моцарта, Вивальди, но он не слушал. Он отвернулся к стене. В воскресенье сестра спросила, не хочет ли Ли остаться в больнице на ночь, но она отказалась и отправилась в зоопарк. Двор поместья был темным, нигде не горел свет. Темные низкие тучи неелись по небу. Звезд не было. Вокруг царила мертвая тишина, столь непривычная для зоопарка. Ли немного выпила и легла спать. Она мгновенно заснула. В два ночи зазвонил телефон. Звонили из больницы. Ли должна немедленно приехать. Произошло непоправимое.

В шесть утра Джеральд потерял сознание. Приехала Ли. Врач сказал, что сделать ничего нельзя. Семейный врач Даррелов, Джереми Гайер, согласился. «Он просто уже больше не вынесет, — сказал он. — Джеральд смертельно болен, он исхудал до крайности. Настало время уйти. Уверен, что, вернувшись на Джерси, он понимал, что умирает, и сумел с этим смириться. Заражение крови убивает даже здоровых людей, человеку же в его состоянии вообще не под силу справиться с этим».

Ли позвонила Джереми Маллинсону. В двенадцать он приехал. «Они прекратили реанимацию, — вспоминала Ли. — Мы просто сидели возле него и ждали конца. Мы с Джереми все обсудили и решили дать ему уйти. На лице Джерри была кислородная маска, он дышал хрипло и прерывисто. Я слышала, как он борется за каждый вздох. Перерывы между вдохами становились все дольше. Я сидела у постели и держала его за руку. Джереми был рядом. Здесь же находилась медсестра. Дыхание Джерри замедлилось, ослабело, и вот он перестал дышать. Все было кончено».

Удача в конце концов отвернулась от Даррелла — как это всегда и случается. Сестра вызвала дежурного врача, и тот составил заключение о смерти: смерть от общего заражения крови.

Джеральд Даррелл умер около двух часов дня в понедельник 30 января 1995 года. Через несколько часов пресс-служба распространила заявление:

«Смерть Даррелла. Писатель и натуралист Джеральд Даррелл умер в больнице Джерси в возрасте семидесяти лет... Даррелл, которому в этом году была сделана пересадка печени, основал Джерсийский зоопарк. Его жена Ли и директор зоопарка Джереми Маллинсон до последней минуты находились у его постели. Конец».

На Джерси немедленно стали поступать телеграммы соболезнования. Во всех программах новостей показывали фрагменты из его фильмов. Это было печальное, но великое событие. Мир покинул удивительный человек.

«Думаю, неправильно считать смерть пациента недосмотром врача, — говорил позднее доктор Тиббс. — Не думаю, что мы потерпели крах. Я считаю, что мы дали Джеральду Даррелу возможность вернуться на Джерси, отметить Рождество и день рождения, еще раз увидеть свой зоопарк. Это очень важная часть процесса умирания. Я думаю, что мы дали ему возможность попрощаться и примириться со смертью, подвести итоги и достойно умереть».

Джеральд всегда говорил, что хочет, чтобы его кремировали, но Ли решила, что друзья и семья должны попрощаться с ним на кладбище, а не в крематории. В четверг все собрались в фирме ритуальных услуг в Сент-Хелльере. Маргарет, последняя оставшаяся в живых

представительница уникальной семьи Даррелов, прилетела из Борнмута с сыном Джерри и внучкой Трейси. Приехала дочь Лоуренса Пенни. Из Мемфиса прилетела сестра Ли Хэт. Присутствовали также Джереми и Одетт Маллинсон, Джон и Сильвия Хартли, Саймон и Сара Хикс, Тони и Мэгги Оллчерч, Сэм и Кейт Уэллер. Это было не отпевание. Священника не было, не было погребальной службы, не было музыки.

«Ли никогда не верила в то, что Джерри умрет, — вспоминал Джереми Маллинсон. — Поэтому она не знача, что делать. Но она знала, чего Джерри никогда не хотел бы, и знала, чего не хотела бы она сама. Поэтому она устроила очень простое, но печальное прощание». В маленьком зале Ли спросила у собравшихся, не хочет ли кто-нибудь выступить — рассказать о чем-либо, попрощаться с человеком, которого они все любили и уважали. Один за другим те, кто хотел что-нибудь сказать, выступали вперед и говорили теплые слова. «В зале невозможно было увидеть сухие глаза, — вспоминала Ли. — Женщины плакали, но даже мужчины не могли сдержать слез». Затем все поодиночке или парами входили в небольшую часовню, где был установлен гроб с телом Джеральда. Там они могли проститься со своим другом.

Соболезнования в прессе, по телевидению и радио шли сплошным потоком. Никто не сомневался в том, что мир потерял великого человека. Письма с соболезнованиями приходили со всех концов света — от премьер-министров и членов королевских семей, от знаменитостей и простых крестьян, от школьников, от простых людей, которых тронула жизнь и работа этого человека. Коллеги и друзья отдали должное гению Джеральда Даррелла. Они почтили память великого, уникального человека. Во многих письмах цитировались книга Даррелла. Люди помнили о его преклонении перед чудом живой природы, перед чудом самой жизни.

«Воробей интересен не меньше, чем райская птица, поведение мыши столь же увлекательно, как и поведение тигра. Наша планета прекрасна, сложна, полна загадок, которые нам предстоит решить.

Многие люди считают, что охрана окружающей среды сводится к спасению милых пушистиков — они не осознают, что мы пытаемся не дать человечеству совершить коллективное самоубийство... Человечество объявило войну биологическому миру, миру, в котором оно живет... Человечество находится в положении человека, с энтузиазмом отпиливающего ветку, на которой он сам сидит.

Посмотрите на это с другой стороны. Любой, кто ценит волшебный дар жизни, должен попытаться что-либо вернуть. Жизнь — это изысканное блюдо, а окружающий нас мир — это метрдотель. Моя деятельность — это попытка оставить после себя что-то ценное... Я рад, что после меня останется что-то существенное, потому что я был очень счастлив и находил в жизни наслаждение».

Но, что бы ни говорили, Джеральд Даррелл всегда предпочитал мир животных. «Животные прямолинейны и честны, — писал он. — У них нет претензий. Они не изображают из себя господа бога. Они не притворяются разумными, не изобретают нервно-паралитические газы и не шляются по вечеринкам».

Месяц спустя, 9 марта 1995 года, прах Джеральда Даррелла навеки упокоился под небольшой мраморной плитой в саду поместья Огр. Здесь он провел тридцать пять лет своей жизни, сначала вместе с Джеки, потом с Ли, здесь он боролся за осуществление своей мечты. День похорон выдался пасмурным, по небу неслись тучи, моросил дождь. Вокруг мраморной плиты, под которой покоился прах Джеральда Даррелла, собрались гости — члены семьи, друзья, коллеги, сотрудники зоопарка, студенты. Несмотря на плохую погоду, все были очень серьезны, торжественны и печальны. Сначала выступил Джефф Хамон, председатель Фонда. Следом за ним слово взял Квентин Блоксам. Во время его выступления раздались крики лемуров, бегающих по своему вольеру под весенним дождиком.

«Мы все в долгу перед этим выдающимся человеком, который намного опередил свое время и первым осознал важность разведения диких животных в неволе как основного средства спасения вымирающих животных. Нам будет недоставать его юмора и его поддержки, но мы преисполнены решимости продолжать его дело. Наш Фонд и зоопарк останутся образцом для подражания. Наша верность философии Джеральда Даррелла не подлежит сомнению...»

Собравшиеся возложили цветы на могилу, мраморная плита полностью исчезла под весенними цветами и вереском. На могиле были выбиты слова, написанные девяносто лет назад пионером охраны окружающей среды американцем Уильямом Бибом:

«Красоту и гениальность произведения искусства можно восстановить, даже если оно будет уничтожено; исчезнувшая гармония может много лет спустя вдохновить другого композитора; но когда последний представитель расы живых существ перестанет дышать, потребуется иной мир, чтобы эта раса вновь появилась на Земле».

Джеральд Даррелл был гражданином мира, человеком на все времена. В день его похорон было сказано и о еще одном его даре — об умении дружить и любить, о щедрости, доброте, о его открытости и чувстве юмора. В этом ему не было равных.

Жизнь Джеральда закончилась, он перешел в иной мир, оставив эту планету своим друзьям и коллегам. «Дайте-ка я вам кое-что скажу», — любил повторять он. Это было его кредо, его молитва, слова, которые он мог повторять бесконечно. Мир представлялся ему бесконечно прекрасным и достойным восхищения.

«Я видел тысячи закатов и восходов,

На земле, где растут тропические леса и вздымаются к небу горы. Залитые солнечным светом; Я видел тысячи лун...

Я чувствовал на своем лице нежный и мягкий, словно дыхание возлюбленной, ветер; чувствовал ветер, который нес в себе ароматы тропического леса, запахи миллионов цветов...

Я слышал тишину:

Горячую, трепещущую тишину, когда все замирает под палящими лучами солнца;

Тишину, которая повисает в зале, когда отзвучат последние аккорды великой музыки...»

Он ушел, но все это осталось с нами.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Мемориальная церемония состоялась в большом зале лондонского Музея естественной истории — этого собора мира растений и животных — жарким, душным вечером июня 1995 года. Более тысячи человек — членов Фонда, поклонников, друзей и коллег — пришли почтить память Джеральда Даррелла. Очередь выстроилась через всю улицу, публика толпилась вокруг скелета гигантского динозавра под готическими галереями музея.

Церемонию подготовил и провел один из ближайших друзей Джеральда. Здесь говорили о жизни и работе этого великого человека. Была подготовлена фотовыставка, демонстрировались фрагменты из его фильмов, зачитывались выдержки из его книг, звучала его любимая музыка. Сэр Дэвид Эттенборо говорил о магии Даррелла, которая повлияла на жизни очень многих людей. Он был крестоносцем. «Джеральд намного опередил свое время, — сказал Эттенборо. — Он сумел создать собственный зоопарк, основной целью которого стало спасение вымирающих животных». Принцесса Анна зачитала послание Джеральда Даррелла будущим поколениям, где он призывал людей ценить свою планету и заботиться о сохранении биологического разнообразия. Это послание принцесса собственноручно заложила в основание павильона Джерсийского зоопарка. Том Лавджой и Роберт Ратнер, почетный председатель и президент Международного Фонда охраны дикой природы, прислали из Америки тексты своих выступлений. Звуки музыки и голоса раздавались под сводами музея и умолкали. Многие хотели проститься с Джеральдом. И вот это прощание состоялось.

Или не состоялось? Однажды утром, когда Джеральда уже не было с нами, я прогуливался с Ли по зоопарку, основанному им много лет назад. Стояло дивное, очень ясное утро. Зоопарк мирно встречал рассвет. Глубокий покой нарушали только пронзительные крики птиц, ворчание лемуров, рычание хищников.

Я был новичком в этом мире. Я знал основные сведения, но не знал деталей. Для меня зоопарк, созданный Джеральдом Дарреллом, представлялся удивительной загадкой, головоломкой, которая с каждой минутой становилась все интереснее и интереснее. Вокруг себя я видел маленьких медвежат, кувыркающихся в своем вольере, орангутанов, карабкающихся по решеткам, лемуров, выглядывающих из-за дубовых ветвей, золотистых тамаринов, раскачивающихся на веревках среди кустов камелий, загадочных ай-ай, белых сов, розовых голубей, клювогрудых черепах. Везде животные играли, резвились, носились, спали — жили! Только самка снежного леопарда казалась

печальной. «На одну шубу нужно десять таких животных, — гласил плакат, размещенный возле ее клетки, — а носить ее будет только одно».

Я подошел к вольеру равнинных горилл. Самки и детеныши сбились в кучку, излучая ощущение удивительного покоя и единства. Надежда Джерсийского зоопарка, будущий производитель уставился на меня. Молодой самец сидел, откинувшись назад, как обычный человек. Ко мне подошел незнакомый мне человек.

— Я слышал, вы пишете биографию Джерри, — сказал он. — Я тоже пишу биографию.

Я удивился такому совпадению.

— Правда? — спросил я. — И чью же?

— Джамбо.

— Какого Джамбо? — не понял я.

— Джамбо, — повторил человек. — Нашей гориллы. Заместителя Джерри, так сказать. Патриарха нашего племени.

Биография гориллы — мне показалось, что я попал в кэрролловскую Страну Чудес. Мы подошли к другой клетке, и тут Ли окликнул один из смотрителей.

— Как дела? — поинтересовалась она.

— Отлично, — радостно ответил смотритель. — Она разродилась среди ночи. Без каких-либо проблем. Отличные роды. Просто майский день!

— Кого она принесла? — спросила Ли.

— Мальчика и девочку! — Смотритель не мог сдержать радости и гордости, а потом добавил загадочную фразу: — Отличной окраски!

Отличной окраски? Я был уверен, что смотритель говорит о том, что близнецов родила его собственная жена, но меня ужасно удивило то, в каком тоне он говорит о собственных детях.

— Это смотритель очковых медведей, — пояснила Ли, заметив мое недоумение. — Одна из медведиц только что принесла медвежат.

Рождение двух детенышей у животного, которому грозит вымирание, прекрасный повод для торжества. Именно для этого и были созданы Джерсийский зоопарк и Фонд охраны дикой природы.

Мы подошли к клетке, где сидела маленькая коричневая утка. Довольно скучное создание на мой взгляд, типичная «серая мышка». Иногда утка поджимала одну лапу, а порой вставала на обе. Больше она ничего не делала, даже не крякала. Но эта утка находилась здесь не для того, чтобы развлекать публику. Она прибыла сюда, чтобы спастись от уничтожения, а уж как она выглядела — это было дело десятое. Непривлекательное создание оказалось мадагаскарским чирком, редчайшей уткой в нашем мире. В мире такие утки насчитывались единицами. Никто не знал о том, как она размножается — в какое время года, где устраивает гнезда — на земле или на деревьях. Гнезд и яиц обнаружить не удалось. Утку это не волновало. Она была не на Мадагаскаре, но какое ей до этого дело. Здесь есть пруд с чистой водой. Никто не охотится на нее и не гоняет. Здесь нет людей с мачете и факелами, которые уничтожают зеленые кусты, где так приятно жить. Пища вкусная, а смотрители приветливы.

Я понял, что в Джерсийском зоопарке может найти приют любое создание. Животные здесь счастливы, активны и спасены от вымирания. Джеральда Даррелла больше не было в этом мире, но дело его продолжает жить. Он оставил после себя мощную организацию и людей, которые верят в свою миссию так же, как верил он сам. Ли стала почетным директором Фонда, а сам Фонд претерпел организационные изменения и встретил новое тысячелетие под новым именем — Даррелловский Фонд охраны дикой природы, в честь своего основателя и в знак признания его заслуг в деле охраны окружающей среды. Дело его продолжается и будет продолжаться в зависимости от требований времени.

Вскоре после посещения Джерсийского зоопарка и штаб-квартиры Фонда я побывал в Мазе, на старинной французской ферме, где Джеральд жил с Ли. В этом доме присутствие Даррелла ощущалось почти физически. Казалось, он просто вышел прогуляться и вот-вот вернется. Потом я отправился на Корфу, беседовал с друзьями Джеральда из маленькой деревушки Каминаки, неподалеку от Калами. Я увидел дома, где жила семья Даррелов, так живо описанные в «Моей семье и других зверях». В Каминаки со мной произошло странное событие.

Темной безлунной ночью я ужинал с друзьями в приморской таверне. Они ушли, а я засиделся, увлекшись разговором с незнакомцем. Когда я собрался уходить, темнота сгустилась настолько, что я не видел тропинки, ведущей к моему дому. Я бродил взад и вперед, не понимая, куда идти, как вдруг передо мной появился слабый, дрожащий неоновый огонек. Он появился на уровне моей груди,

примерно в трех футах от меня. Я сделал шаг вперед, огонек отступил, сохраняя то же расстояние. Потом огонек несколько раз моргнул.

Это был светлячок. Странно, что он появился в неурочное время года и в полном одиночестве. Еще более удивительно было его совершенно не свойственное этим насекомым поведение. Я сделал еще один шаг вперед, и снова светлячок отступил, сохраняя прежнее расстояние. Мы продолжали двигаться вперед, светлячок летел передо мной. Я понял, что направляюсь к тропинке, которую так долго не мог налети. Светлячок проводил меня до дорожки и помог найти путь в кромешной темноте.

На полпути к дому светлячок внезапно остановился и резко свернул в сторону. Доверясь этому необычному проводнику, я последовал за ним и обнаружил, что стою у калитки дома, в котором остановился. Светлячок перелетел через калитку, я вошел во двор. Где-то впереди была дверь на кухню, и светлячок летел прямо к ней. Когда я дошел до двери, светлячок погас и сел мне на ладонь. Я был дома.

Так не бывает! — твердил я себе. Разве светлячки могут помогать людям? Я поднес ладонь к глазам, чтобы рассмотреть крохотное создание. И в этот момент я услышал голос моего друга, который молча сидел в темноте и наблюдал за мной. Я осторожно дунул на светлячка, он взлетел, загорелся, описал круг и исчез в кроне оливкового дерева.

«Ты понимаешь, что случилось? — спросил мой друг, политический обозреватель, вполне разумный и здравомыслящий человек. — Джеральд Даррелл следит за тобой, протягивает тебе руку и помогает тебе вернуться домой! Ни слова больше — нам надо выпить!»

Каждый грек-корфиот, которому я рассказывал эту историю, ничуть не удивлялся, а лишь уверенно подтверждал: «Джеральд Даррелл!»

Джеральд верил в то, что, если жизнь после смерти существует, он превратится в какое-нибудь животное. Он надеялся стать веселым — парящим в высоте орлом или резвящимся в волнах дельфином — но, по-видимому, он стал светлячком.

Посещая все эти места, я убедился в том, что дух Джеральда Даррелла продолжает жить рядом с нами. Он жив в его книгах, в его зоопарке, в природе, которую он оставил после себя.